P. o. russ.
29 b
(2

Gogol

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

III. 17. 342.

Н. В. ГОГОЛЯ.

ИЗДАНІЕ ЕГО НАСЛѢДНИКОВЪ.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

АРАБЕСКИ. ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

МОСКВА.

1862.

Ѯ. п. 5176
40

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Москва, ноября 1 дня, 1861 года.

Цензоръ *И. Росковшенко.*

въ Типографіи П. Бахметева.

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Bayerische Staatsbibliothek München

Aus dem Tausch der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft *
NDW

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Собраніе это составляютъ піесы, писанныя мною въ разныя времена, въ разныя эпохи моей жизни. Онѣ высказывались отъ души, и предметомъ избиралъ я только то, что сильно меня поражало. Между ними читатели, безъ сомнѣнія, найдутъ много молодаго. Признаюсь, нѣкоторыхъ піесъ я бы, можетъ быть, не допустилъ вовсе въ это собраніе, если бы издавалъ его годомъ прежде, когда я былъ болѣе строгъ къ своимъ старымъ трудамъ. Но, вмѣсто того, чтобы строго судить свое прошедшее, *гораздо лучше быть неумолимымъ къ своимъ занятіямъ* настоящимъ. *Истреблять прежде написанное нами, кажется, такъ же несправедливо, какъ позабывать минувшіе дни своей юности. Притомъ, если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ-три еще несказанныя истины, то уже авторъ не въ-правѣ скрывать его отъ читателя, и за двѣ-три вѣрныя мысли можно простить несовершенство цѣлаго.*

Я долженъ сказать о самомъ изданіи. Когда я прочиталъ отпечатанные листы, меня самого испугали во многихъ мѣстахъ неисправности въ слогѣ, излишности и пропуски, происшедшіе отъ моей неосмотрительности. Но недосугъ и обстоятельства, иногда не очень пріятныя, не позволяли мнѣ пересматривать спокойно и внимательно свои рукописи, и потому смѣю надѣяться, что читатели великодушно извинятъ меня.

Bayerische Staatsbibliothek München

СКУЛЬПТУРА, ЖИВОПИСЬ И МУЗЫКА.

Благодарность Зиждителю миріадъ за благость и состраданіе къ людямъ! Три чудныя сестры посланы имъ украсить и усладить міръ: безъ нихъ онъ бы былъ пустыня и безъ пѣнія катился бы по своему пути. Дружнѣе, союзнѣе сдвинемъ наши желанія и первый кубокъ за здравіе скульптуры! Чувственная, прекрасная, она прежде всего посѣтила землю. Она—мгновенное явленіе. Она оставшійся слѣдъ того народа, который весь заключился въ ней, со всѣмъ своимъ духомъ и жизнію; она ясный призракъ того свѣтлаго, греческаго міра, который ушелъ отъ насъ въ глубокое удаленіе вѣковъ, скрылся уже туманомъ и до котораго достигаетъ одна только мысль поэта. Міръ, увитый виноградными гроздіями и масличными лозами, гармоническимъ вымысломъ и роскошнымъ язычествомъ; міръ, несущійся въ стройной пляскѣ, при звукѣ тимпановъ, въ порывѣ вакхическихъ движеній, гдѣ чувство красоты проникло всюду — въ хижину бѣдняка, подъ вѣтви платана, подъ мраморъ колонъ, на площадь, кипящую живымъ своенравнымъ народомъ, въ рельефъ, украшающій чашу пиршества, изображающій всю вьющуюся вереницу граціозной миѳологіи, гдѣ изъ пѣны волнъ стыдливо выходитъ богиня красоты, тритоны несутся, ударяя въ ладони, Посейдонъ выходитъ изъ глубины своей прекрасной стихіи серебряный и бѣлый; міръ, гдѣ вся религія заключалась въ красотѣ, въ красотѣ человѣческой, въ богоподобной красотѣ женщины,—этотъ міръ весь остался въ ней, въ этой нѣжной скульптурѣ; ничто кромѣ ея не могло такъ живо выразить его свѣтлое существованіе.

Бѣлая, млечная, дышущая въ прозрачномъ мраморѣ красотой, нѣгой и сладострастіемъ, она сохранила одну идею, одну мысль: красоту, гордую красоту человѣка. Въ какомъ бы ни было пылу страсти, въ какомъ бы ни было сильномъ порывѣ, но всегда въ ней человѣкъ является прекраснымъ, гордымъ, и вольно становится атлетическимъ, свободнымъ своимъ положеніемъ. Все въ ней слилось въ красоту и чувственность: съ ея страдающими группами не сливаешь страдающій вопль сердца, но, можно сказать, наслаждаешься самымъ ихъ страданіемъ,—такъ чувство красоты пластической, спокойной, пересиливаетъ въ ней стремленіе духа! Она никогда не выражала долгаго, глубокаго чувства, она создавала только быстрыя движенія: свирѣпый гнѣвъ, мгновенный вопль страданія, ужасъ, испугъ при внезапности, слезы, гордость и презрѣніе и, наконецъ, красоту, погруженную саму въ себя. Она обращаетъ всѣ чувства зрителя въ одно наслажденіе, въ наслажденіе спокойное, ведущее за собою нѣгу и самодовольство языческаго міра. Въ ней нѣтъ тѣхъ тайныхъ, бездѣльныхъ чувствъ, которыя влекутъ за собою безконечныя мечтанія. Въ ней не прочитаешь всей долгой, исполненной потрясеній и переворотовъ жизни. Она прекрасна, мгновенна, какъ красавица, глянувшая въ зеркало, усмѣхнувшаяся, видя свое изображеніе, и уже бѣгущая, влача съ торжествомъ за собою толпу гордыхъ юношей. Она очаровательна, какъ жизнь какъ міръ, какъ чувственная красота, которой она служитъ алтаремъ. Она родилась вмѣстѣ съ языческимъ, ясно образовавшимся міромъ, выразила его — и умерла вмѣстѣ съ нимъ. Напрасно хотѣли изобразить ею высокія явленія христіанства: она такъ же отдѣлялась отъ него, какъ самая языческая вѣра. Никогда возвышенныя, стремительныя мысли не могли улечься на ея мраморной сладострастной наружности. Онѣ поглощались въ ней чувственностью.

Не таковы двѣ сестры ея, живопись и музыка, которыхъ христіанство воздвигнуло изъ ничтожества и превратило въ исполинское. Его порывомъ онѣ развились и исторгнулись изъ границъ чувственнаго міра. Мнѣ жаль моей мраморно-облачной скульптуры! Но . . . свѣтлѣе сіяй покалъ мой въ моей смиренной кельѣ, и да здравствуетъ живопись! Возвышенная, прекрасная, какъ осень въ

богатомъ своемъ убранствѣ мелькающая сквозь переплетъ окна, увитаго виноградомъ, смиренная и обширная, какъ вселенная, яркая музыка очей—ты прекрасна! Никогда скульптура не смѣла выразить твоихъ небесныхъ откровеній. Никогда не были разлиты по ней тѣ тонкія, тѣ таинственно-земныя черты, вглядываясь въ которыя слышишь, какъ наполняетъ душу небо, и чувствуешь невыразимое. Вотъ мелькаютъ, какъ въ облачномъ туманѣ, длинныя галлереи, гдѣ изъ старинныхъ, позолоченныхъ рамъ выказываешь ты себя живую и темную отъ неумолимаго времени, и передъ тобою стоитъ, сложивши на крестъ руки, безмолвный зритель, и уже нѣтъ въ его лицѣ наслажденія, взоръ его дышетъ наслажденіемъ нездѣшнимъ. Ты не была выраженіемъ жизни какой-нибудь націи; нѣтъ, ты была выше: ты была выраженіемъ всего того, что́ имѣетъ таинственно-высокій міръ христіанскій. Взгляните на нее задумчивую, опустившую на руку прекрасную свою голову: какъ вдохновененъ и дологъ ясный взоръ ея! Она не схватываетъ одного только быстраго мгновенія, какое выражаетъ мраморъ: она длитъ это мгновеніе, она продолжаетъ жизнь за границы чувственнаго, она похищаетъ явленія изъ другаго безграничнаго міра, для названія которыхъ нѣтъ словъ. Все неопредѣленное, что́ не въ силахъ выразить мраморъ, разсѣкаемый могучимъ молотомъ скульптора, опредѣляется вдохновенною ея кистью. Она также выражаетъ страсти понятныя всякому, но чувственность уже не такъ властвуетъ въ нихъ: духовное невольно проникаетъ все. Страданіе выражается живѣе и вызываетъ состраданіе, и вся она требуетъ сочувствія, а не наслажденія. Она беретъ уже не одного человѣка, ея границы шире: она заключаетъ въ себѣ весь міръ; всѣ прекрасныя явленія, окружающія человѣка, въ ея власти; вся тайная гармонія и связь человѣка съ природою въ ней одной. Она соединяетъ чувственное съ духовнымъ.

Но сильнѣе шипи третій покалъ мой! ярче сверкай и брызгай по золотымъ краямъ его звонкая пѣна! ты сверкаешь въ честь музыки. Она восторженнѣе, она стремительнѣе обѣихъ сестеръ своихъ. Она вся порывъ; она вдругъ за однимъ разомъ отрываетъ человѣка отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могучихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ. Она властительно

ударяетъ, какъ по клавишамъ, по его нервамъ, по всему его существованію и обращаетъ его въ одинъ трепетъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не сострадаетъ, онъ самъ превращается въ страданіе; душа его не созерцаетъ непостижимаго явленія, но сама живетъ, живетъ своею жизнію, живетъ порывно, сокрушительно, мятежно. Невидимая, сладкогласная, она проникла весь міръ, развилась и дышетъ въ тысячѣ разныхъ образовъ. Она томительна и мятежна, но могущественнѣе и восторженнѣе подъ безконечными, темными сводами катедраля, гдѣ тысячи поверженныхъ на колѣни молельщиковъ стремитъ она въ одно согласное движеніе, обнажаетъ до глубины сердечныя ихъ помышленія, кружитъ и несется съ ними горѣ, оставляя послѣ себя долгое безмолвіе и долго исчезающій звукъ, трепещущій въ углубленіи остроконечной башни.

Какъ сравнить васъ между собою, три прекрасныя царицы міра? Чувственная, плѣнительная скульптура внушаетъ наслажденіе, живопись — тихій восторгъ и мечтаніе, музыка—страсть и смятеніе души. Разсматривая мраморное произведеніе скульптуры, духъ невольно погружается въ упоеніе; разсматривая произведеніе живописи, онъ превращается въ созерцаніе; слыша музыку, — въ болѣзненный вопль, какъ бы душею овладѣло только одно желаніе вырваться изъ тѣла. Она наша! она принадлежность новаго міра! она осталась намъ, когда оставили насъ и скульптура, и живопись, и зодчество. Никогда не жаждали мы такъ порывовъ, воздвигающихъ духъ, какъ въ нынѣшнее время, когда наступаетъ на насъ и давитъ вся дробь прихотей и наслажденій, надъ выдумками которыхъ ломаетъ голову нашъ XIX вѣкъ. Все составляетъ заговоръ противъ насъ; вся эта соблазнительная цѣпь утонченныхъ изобрѣтеній роскоши сильнѣе и сильнѣе порывается заглушить и усыпить наши чувства. Мы жаждемъ спасти нашу бѣдную душу, убѣжать отъ этихъ страшныхъ обольстителей и—бросились въ музыку. О, будь же нашимъ хранителемъ, спасителемъ, музыка! не оставляй насъ! буди чаще наши меркантильныя души! ударяй рѣзче своими звуками по дремлющимъ нашимъ чувствамъ! волнуй, разрывай ихъ, и гони, хотя на мгновеніе, этотъ холодно-ужасный эгоизмъ, силящійся овладѣть нашимъ міромъ. Пусть, при могущественномъ ударѣ смычка твоего, смятенная душа грабителя почув-

ствуетъ, хотя на мигъ, угрызеніе совѣсти, спекуляторъ растеряетъ свои разсчеты, безстыдство и наглость невольно выронятъ слезу предъ созданіемъ таланта. О, не оставляй насъ, божество наше! Великій Зиждитель міра повергъ насъ въ нѣмѣющее безмолвіе своею глубокою мудростью. Дикому, еще неразвернувшемуся человѣку, онъ уже вдвинулъ мысль о зодчествѣ. Простыми, безъ помощи механизма, силами, онъ ворочаетъ гранитную гору, высокимъ обрывомъ громоздитъ ее къ небу и повергается ницъ передъ безобразнымъ ея величіемъ. Древнему, ясному, чувственному міру послалъ онъ прекрасную скульптуру, принесшую чистую, стыдливую красоту—и весь древній міръ обратился въ ѳиміамъ красотѣ. Эстетическое чувство красоты слило его въ одну гармонію и удержало отъ грубыхъ наслажденій. Вѣкамъ неспокойнымъ и темнымъ, гдѣ часто сила и неправда торжествовали, гдѣ демонъ суевѣрія и нетерпимости изгонялъ все радужное въ жизни, онъ далъ вдохновенную живопись, показавшую міру неземныя явленія, небесныя наслажденія угодниковъ. Но въ нашъ юный и дряхлый вѣкъ ниспослалъ онъ могущественную музыку, стремительно обращать насъ къ нему. Но если и музыка насъ оставитъ, что̀ будетъ тогда съ нашимъ міромъ?

1831.

О СРЕДНИХЪ ВѢКАХЪ (1).

Никогда исторія міра не принимаетъ такой важности и значительности, никогда не показываетъ она такого множества индивидуальныхъ явленій, какъ въ средніе вѣка. Всѣ событія міра, приближаясь къ этимъ вѣкамъ, послѣ долгой неподвижности, текутъ съ усиленною быстротою какъ въ пучину, какъ въ мятежный водоворотъ, и, закружившись въ немъ, перемѣшавшись, переродившись, выходятъ свѣжими волнами. Въ нихъ совершилось великое преобразованіе всего міра: они составляютъ узелъ, связывающій міръ древній съ новымъ; имъ можно назначить то же самое мѣсто въ исторіи человѣчества, какое занимаетъ въ устроеніи человѣческаго тѣла сердце, къ которому текутъ и отъ котораго исходятъ всѣ жилы. Какъ совершилось это всемірное преобразованіе? какія удержались въ немъ старыя стихіи? что̀ прибавлено новаго? какимъ образомъ онѣ смѣшались? что̀ произошло отъ этого смѣшенія? какъ образовалось величественное, стройное зданіе вѣковъ новыхъ? — Это такіе вопросы, которымъ равные по важности едва ли найдутся во всей исторіи. Все, что̀ мы имѣемъ, чѣмъ пользуемся, чѣмъ можемъ похвалиться передъ другими вѣками, все устройство и искусное сложеніе нашихъ адми-

(1) Статья эта была первоначально помѣщена въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (Ч. 3-я, Сентябрь, 1834 г.). Извѣстно, что она составляла вступительную лекцію, читанную Н. В. Гоголемъ въ С. Петербургскомъ университетѣ, въ качествѣ адъюнктъ-профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи. *Прим. Н. Трушковскаго.*

нистративныхъ частей, всѣ отношенія разныхъ сословій между собою, самыя даже сословія, наша религія, наши права и привилегіи, нравы, обычаи, самыя знанія, совершившія такой быстрый, прогрессивный ходъ,—все это или получило начало и зародышъ, или даже развилось и образовалось въ темные, закрытые для насъ средніе вѣка. Въ нихъ первоначальныя стихіи и фундаментъ всего новаго; безъ глубокаго и внимательнаго изслѣдованія ихъ не ясна, не удовлетворительна, не полна новая исторія, и слушатели ея похожи на посѣтителей фабрики, которые изумляются быстрой отдѣлкѣ издѣлій, совершающейся почти передъ глазами ихъ, но позабываютъ заглянуть въ темное подземелье, гдѣ скрыты первыя всемогущія колеса, дающія толчокъ всему: такая исторія похожа на статую художника, неизучившаго анатоміи человѣка.

Отъ чего же, не смотря на всю важность этихъ необыкновенныхъ вѣковъ, всегда какъ-то неохотно ими занимались? Отъ чего, приближаясь къ нимъ, всегда спѣшили скорѣе пройти ихъ и отдѣлаться отъ нихъ? и рѣдкіе, очень рѣдкіе, пораженные величіемъ предмета, возлагали на себя трудъ разрѣшить нѣкоторые изъ приведенныхъ вопросовъ? Мнѣ кажется, это происходило отъ того, что средней исторіи назначали самое низшее мѣсто. Время ея дѣйствія считали слишкомъ варварскимъ, слишкомъ невѣжественнымъ, и отъ того-то оно и въ самомъ дѣлѣ сдѣлалось для насъ темнымъ, раскрытое не вполнѣ, оцѣненное не по справедливости, представленное не въ геніальномъ величіи. Невѣжественнымъ можно назвать развѣ только одно начало, но это невѣжественное время уже имѣетъ въ себѣ то, чтó должно родить въ насъ величайшее любопытство. Самый процессъ сліянія двухъ жизней, древняго міра и новаго, это рѣзкое противорѣчіе ихъ образовъ и свойствъ, эти дряхлыя, умирающія стихіи стараго міра, которыя тянутся по новому пространству, какъ рѣки, впавшія въ море, но долго еще несливающія своихъ прѣсныхъ водъ съ сильными волнами; эти дикія, мощныя стихіи новаго, упорно недопускающія къ себѣ чуждаго вліянія, но, наконецъ, невольно принимающія его; это стараніе, съ какимъ европейскіе дикари кроятъ по своему римское просвѣщеніе; эти отрывки или, лучше сказать, клочки римскихъ формъ, законовъ, среди новыхъ, еще неопредѣленныхъ, не получившихъ ни

образа, ни границъ, ни порядка; самый этотъ хаосъ, въ которомъ бродятъ разложенныя начала страшнаго величія нынѣшней Европы и тысячелѣтней силы ея—они всѣ для насъ занимательнѣе и болѣе возбуждаютъ любопытства, нежели неподвижное время всесвѣтной Римской имперіи подъ правленіемъ ея безсильныхъ императоровъ.

Другая причина, почему неохотно занимались исторіею среднихъ вѣковъ, это—мнимая сухость, которую привыкли сливать съ понятіемъ о ней. На нее глядѣли, какъ на кучу происшествій нестройныхъ, разнородныхъ, какъ на толпу раздробленныхъ и безсмысленныхъ движеній, неимѣющихъ главной нити, которая бы совокупляла ихъ въ одно цѣлое. Въ самомъ дѣлѣ, ея страшная, необыкновенная сложность съ перваго раза не можетъ не показаться чѣмъ-то хаоснымъ, но разсматривайте внимательнѣе и глубже, и вы найдете и связь, и цѣль, и направленіе. Я однакоже не отрицаю, что для самаго умѣнья найти все это, нужно быть одарену тѣмъ чутьемъ, которымъ обладаютъ немногіе историки. Этимъ немногимъ предоставленъ завидный даръ увидѣть и представить все въ изумительной ясности и стройности. Послѣ ихъ волшебнаго прикосновенія, происшествіе оживляется и пріобрѣтаетъ свою собственность, свою занимательность; безъ нихъ оно долго представляется для всякаго сухимъ и безсмысленнымъ. Все, что̀ было и происходило, все занимательно, если только о немъ сохранились вѣрныя лѣтописи, выключая развѣ совершенное безстрастіе народовъ; вездѣ есть нить (какъ во всякой ткани есть основа, хотя она иногда совершенно бываетъ заткана уткомъ; какъ въ лучистомъ камнѣ есть невидимый свѣтъ, который онъ отливаетъ, будучи обращенъ къ солнцу): она исчезаетъ только съ утратою извѣстій. Такъ и въ первоначальныхъ вѣкахъ средней исторіи, сквозь всю кучу происшествій, невидимою нитью тянется постепенное возрастаніе папской власти и развивается феодализмъ. Казалось, событія происходили совершенно отдѣльно, и блескомъ своимъ затемняли уединеннаго, еще скромнаго римскаго первосвященника; дѣйствовалъ сильный государь, или его вассалъ, и дѣйствовалъ лично для себя, а между тѣмъ существенныя выгоды незамѣтно текли въ Римъ. И все, что̀ ни происходило, казалось, нарочно происходило для папы.

Гильдебрандтъ только отдернулъ занавѣсъ и показалъ власть, уже давно пріобрѣтенную папами.

Исторія среднихъ вѣковъ менѣе всего можетъ назваться скучною. Нигдѣ нѣтъ такой пестроты, такого живаго дѣйствія, такихъ рѣзкихъ противоположностей, такой странной яркости, какъ въ ней: ее можно сравнить съ огромнымъ строеніемъ, въ фундаментѣ котораго улегся свѣжій, крѣпкій, какъ вѣчность, гранитъ, а толстыя стѣны выведены изъ различнаго, стараго и новаго, матеріала, такъ что на одномъ кирпичѣ видны готѳскія руны, на другомъ блеститъ римская позолота; арабская рѣзьба, греческій карнизъ, готическое окно—все слѣпилось въ немъ и составило самую пеструю башню. Но яркость, можно сказать, только внѣшній признакъ событій среднихъ вѣковъ; внутреннее же ихъ достоинство есть колоссальность исполинская, почти чудесная, отвага, свойственная одному только возрасту юноши, и оригинальность, дѣлающая ихъ единственными, невстрѣчающими себѣ подобія и повторенія ни въ древнія, ни въ новыя времена.

Бросимъ взглядъ на тѣ изъ событій, которыя произвели сильное вліяніе. Главный сюжетъ средней исторіи есть папа. Онъ—могущественный обладатель этихъ молодыхъ вѣковъ, онъ движетъ всѣми силами ихъ, и, какъ громовержецъ, однимъ мановеніемъ своимъ правитъ ихъ судьбою. Словомъ, вся средняя исторія есть исторія папы.—Его непреодолимое желаніе властвовать, его постоянныя средства, исполненныя проницательности и мудрости, слѣдствія старческаго возраста, его деспотизмъ и деспотизмъ безчисленныхъ легіоновъ его могущественнаго духовенства—ревностныхъ подданныхъ духовнаго монарха, наложивши свои желѣзныя оковы на всѣ углы міра, куда ни проникло знаменіе креста,—представляютъ явленіе единственное, колоссальное и неповторявшееся никогда. Не стану говорить о злоупотребленіи и о тяжести оковъ духовнаго деспота. Проникнувъ болѣе въ это великое событіе, увидимъ изумительную мудрость Провидѣнія: не схвати эта всемогущая власть всего въ свои руки, не двигай и не устремляй по своему желанію народы—и Европа разсыпалась бы, связи бы не было; нѣкоторыя государства поднялись бы, можетъ быть, вдругъ, и вдругъ бы развратились; другія сохранили бы дикость свою на

гибель сосѣдямъ; образованіе и духъ народный разлились бы неровно; въ одномъ уголку выказывалось бы образованіе, въ другомъ бы чернѣлъ мракъ варварства; Европа не устоялась бы, не сохранила того равновѣсія, которое такъ удивительно ее содержитъ, она бы болѣе была въ хаосѣ, она бы не слилась желѣзною силою энтузіазма въ одну стѣну, устранившую своею крѣпостью восточныхъ завоевателей и, можетъ быть, безъ этого великаго явленія, Европа уступила бы ихъ напору, и магометанская луна горделиво вознеслась бы надъ нею, вмѣсто креста. Невольно преклонишь колѣна, слѣдя чудные пути Провидѣнія: власть папамъ какъ будто нарочно дана была для того, чтобы въ продолженіе этого времени юныя государства окрѣпли и возмужали; чтобы они повиновались прежде, нежели достигнутъ возраста повелѣвать другими; чтобы сообщить имъ энергію, безъ которой жизнь народовъ безцвѣтна и безсильна. И какъ только народы достигли состоянія управлять собою, власть папы, какъ исполнившая уже свое предназначеніе, какъ болѣе уже ненужная, вдругъ поколебалась и стала разрушаться, не смотря на всѣ сильныя мѣры, на все желаніе удержать гибнущія силы свои. Власть ихъ въ этомъ отношеніи была то же, что̀ подмостки и лѣсъ для постройки зданія: вначалѣ они выше и кажутся значительнѣе самого строенія; но какъ только строеніе достигло настоящей высоты, они, какъ ненужные, принимаются прочь.

Съ мыслію о среднихъ вѣкахъ невольно сливается мысль о крестовыхъ походахъ—необыкновенномъ событіи, которое стоитъ какъ исполинъ въ срединѣ другихъ, тоже чудесныхъ и необыкновенныхъ. Гдѣ, въ какое время было когда-нибудь равное ему своею оригинальностію и величіемъ? Это не какая нибудь война за похищенную жену, не порожденіе ненависти двухъ непримиримыхъ націй, не кровопролитная битва между двумя алчными властителями за корону, или за клочокъ земли, даже не война за свободу и народную независимость, нѣтъ, ни одна изъ страстей, ни одно собственное желаніе, ни одна личная выгода не входятъ сюда; а всѣ проникнуты одною мыслію—освободить гробъ Божественнаго Спасителя! Народы текутъ съ крестами со всѣхъ сторонъ Европы; короли, графы въ простыхъ власяницахъ: монахи, препоясанные

оружіемъ, становятся въ ряды воиновъ; епископы, пустынники съ крестами въ рукахъ, предводятъ несмѣтными толпами—и всѣ текутъ освободить свою вѣру. Владычество одной мысли объемлетъ всѣ народы. Нѣтъ ли чего-то великаго въ этой мысли? И напрасно крестовые походы называются безразсуднымъ предпріятіемъ. Не странно ли было бы, если бы отрокъ заговорилъ словами разсудительнаго мужа? Они были порожденіе тогдашняго духа и времени. Предпріятіе это—дѣло юноши, но такого юноши, которому опредѣлено быть геніемъ. А какія безчисленныя, какія удивительныя и непредвидѣнныя слѣдствія крестовыхъ походовъ! Нужно было всю массу образовать и воспитать, дать ей увидѣть свѣтъ, который часто заслоняло духовенство, и вся масса для этого извергается въ другую часть свѣта, гдѣ потухающее аравійское просвѣщеніе силится передать ей свой пламень, и вся Европа вояжируетъ по Азіи. Не въ правѣ ли мы изумляться? Обыкновенно, какой-нибудь выходецъ изъ земли образованной одинъ приноситъ просвѣщеніе и первыя свѣдѣнія въ неизвѣстную страну и постепенно образуетъ дикарей; но образованіе это тянется медленно, неровно. Здѣсь же, напротивъ, народы сами всею своею массою приходятъ за образованіемъ и, не смотря на долгое пребываніе, не сливаются съ своими учителями, ничего не перенимаютъ у нихъ роскошнаго и развратнаго, удерживаютъ свою самобытность, при всемъ заимствованіи множества азіатскихъ обыкновеній, и возвращаются въ Европу Европейцами, а не Азіатцами. Я уже не говорю о тѣхъ слѣдствіяхъ, тѣхъ перемѣнахъ въ феодальномъ правленіи, для которыхъ нужно было временное удаленіе многихъ сильныхъ.

Но бросимъ взглядъ на другія происшествія, наполняющія среднюю исторію. Они хотя, въ сравненіи съ крестовыми походами, могутъ почесться второстепенными, но тѣмъ не менѣе всѣ исполнены чудесности, сообщающей среднимъ вѣкамъ какой-то фантастическій свѣтъ, всѣ—порожденіе юношества прекраснаго, исполненнаго самыхъ сильныхъ и великихъ надеждъ, часто безразсуднаго, но плѣнительнаго и въ самой безразсудности. Разсмотримъ ихъ по порядку времени.

Возьмемъ то блестящее время, когда появились Аравитяне, краса народовъ восточныхъ—и одному только человѣку и созданной

имъ религіи, роскошной какъ ночи и вечера востока, пламенной какъ природа, близкая къ Индійскому морю, важной и размышляющей, какую только могли внушить великія пустыни Азіи,—обязаны они всѣмъ своимъ блестящимъ, радужнымъ существованіемъ! Съ непостижимою быстротою они, эти смуглые чалмоносцы, воздвигаютъ свои калифаты съ трехъ сторонъ Средиземнаго моря. И воображеніе ихъ, умъ и всѣ способности, которыми природа такъ чудно одарила Араба, развиваются въ виду изумленнаго запада, отпечатываясь со всею роскошью на ихъ дворцахъ, мечетяхъ, садахъ, фонтанахъ, и такъ же внезапно, какъ въ ихъ сказкахъ, кипящихъ изумрудами и перлами восточной поэзіи. Вѣкъ впередъ—и уже онъ исчезъ, этотъ необыкновенный народъ, такъ что въ раздумьи спрашиваешь себя: точно ли онъ жилъ и существовалъ, или онъ—самое прекрасное созданіе нашего воображенія?

Какъ чудесно и какой сильной исполнено противоположности появленіе Норманновъ, народа, котораго гнѣвный сѣверъ свирѣпо выбросилъ изъ ледяныхъ нѣдръ своихъ. Горсть людей дерзкихъ, за которыми какъ будто гонятся по пятамъ мрачный ихъ Одинъ и снѣговыя горы Скандинавіи, наводитъ паническій страхъ на обширныя государства! По Сѣверному океану плывутъ ихъ движущіяся королевства подъ начальствомъ морскихъ своихъ королей—и все падаетъ ницъ предъ этими малолюдными пришлецами, воспитанными бурею, морями, страшною бѣдностію Скандинавіи и дикою религіею.

Колоссальныя завоеванія и распространеніе Монголовъ были также дѣломъ почти сверхъестественнымъ. Необъятная внутренность Азіи, которая была скрыта отъ глазъ всѣхъ народовъ, освѣтилась вдругъ въ самомъ страшномъ величіи. Эти степи, которымъ нѣтъ конца, озера и пустыни исполинскаго размѣра; гдѣ все раздалось въ ширину и безпредѣльную равнину, гдѣ человѣкъ встрѣчается какъ-будто для того, чтобы собою увеличить еще болѣе окружающее пространство; степи, шумящія хлѣбомъ, никѣмъ несѣяннымъ и несобираемымъ, травою, почти равняющеюся ростомъ съ деревьями; степи, гдѣ пасутся табуны и стада, которыхъ отъ вѣка никто не считалъ, и владѣльцы не знаютъ настоящаго количества,—эти степи увидѣли среди себя Чингисъ-Хана, давшаго обѣтъ предъ толпами своихъ узкоглазыхъ, плоско-

лицыхъ, широкоплечихъ, малорослыхъ Монголовъ завоевать міръ и — многолюдный Пекинъ горитъ цѣлый мѣсяцъ, милліонъ народа выстрѣливается монгольскими стрѣлами, государь тунгусскій гибнетъ съ сотнями тысячъ подданныхъ на замерзшемъ озерѣ, стада пригоняются къ границамъ Индіи, табуны кишатъ при Волгѣ. Словомъ, какъ-будто на завоеваніяхъ ихъ отразилась колоссальность Азіи. Такого быстраго распространенія тоже не видала ни древняя, ни новая исторія.

Я уже ничего не говорю о важной торговлѣ Венеціи, этого небольшаго лоскутка земли, которую всю занималъ одинъ городъ, и городъ безъ государства, выжималъ золото со всего міра, и коего царственные купцы, своими кораблями, горделиво обошедшими всѣ *моря*, и дворцами при Адріатическомъ морѣ, далеко превосходили многихъ монарховъ. Этого явленія я не считаю единственнымъ и необыкновеннымъ. Оно повторяется въ исторіи міра часто, хотя въ другихъ формахъ и съ разными измѣненіями. Несравненно оригинальнѣе жизнь Европы во время и послѣ крестовыхъ походовъ, когда въ ней все еще темны и неопредѣленны границы государствъ; когда еще государь звучитъ однимъ именемъ своимъ и вмѣсто того *милліоны* владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый—маленькій императоръ въ своей землѣ; когда вся Европа облекается въ неприступные замки съ башнями и зубцами, и твердыя крѣпости усѣеваютъ ея поверхность; когда воспитанная взаимнымъ страхомъ и битвами сила рыцарей дѣлается почти львиною и заковывается съ ногъ до головы въ желѣзо, тяжести котораго еще не выносилъ человѣкъ, и грубо, независимо развивается самостоятельная гордость души. Казалось, эта дикая храбрость должна бы совершенно закалить ихъ и сдѣлать такъ же безчувственными, какъ непроницаемыя ихъ латы. Но какъ удивительно они были укрощены, и такимъ явленіемъ, которое представляетъ совершенную противоположность съ ихъ *нравами*! это —всеобщее, безпредѣльное уваженіе къ женщинамъ. Женщина среднихъ вѣковъ является божествомъ: для нея турниры, для нея ломаются копья, ея розовая или голубая лента вьется на шлемахъ и латахъ и вливаетъ сверхъестественныя силы, для нея суровый рыцарь удерживаетъ свои страсти такъже мощно, какъ арабскаго бѣгуна своего, налагаетъ на себя обѣты изумительные и не-

подражаемые по своей строгости къ себѣ, и все для того, чтобы быть достойнымъ повергнуться къ ногамъ своего божества. Если эта возвышенная любовь изумительна, то вліяніе ея на нравы и того болѣе. Все благородство въ характерѣ Европейцевъ было ея слѣдствіемъ. А вся эта странническая жизнь, которая обратила Европу въ какую-то движущуюся столицу, доставившая тысячи опытовъ и приключеній каждому и произведшая въ послѣдствіи въ Европейцахъ жажду къ открытію новыхъ земель! Какъ самыя ихъ взаимныя брани и битвы, вѣчно неспокойное положеніе, вмѣсто того, чтобы ослабить всеобщій духъ и напряженіе, какъ то́ обыкновенно дѣлается въ періоды исторіи, когда роскошь разъѣдаетъ раны нравственной болѣзни народовъ и алчность выгодъ личныхъ выводитъ за собою низость, лесть и способность устремиться на всѣ утонченные пороки, — вмѣсто этого, они только укрѣпили и развили ихъ! Пороки народовъ образованныхъ не смѣли коснуться рыцарства Европы. Казалось, Провидѣніе бодрствовало надъ нимъ неусыпно и съ заботливостью преданнаго наставника берегло его. Едва только возникли улучшенія для жизни, которыя подносила Венеція и Ганза, и начали отдалять рыцарей отъ ихъ обѣтовъ и строгой жизни, подогрѣвать желаніе наслажденій и уменьшать энтузіазмъ религіозный, какъ появившіяся чудныя, небывалыя никогда дотолѣ общества, стали грозными соглядатаями, неумолимою совѣстью передъ народами Европы. Никогда исторія не представляла обществъ, связанныхъ такими неразрывными узами, какъ эти духовные ордена рыцарей. Ничего для своей пользы, или для своего существованія, что́ всегда составляло цѣль обществъ! Уничтожить все, что́ составляетъ желаніе человѣка, и жить для всего человѣчества; жить, чтобы быть грозными хранителями міра, чтобы носить въ себѣ одно—защиту вѣры Христовой; все принести ей въ жертву и отказаться отъ всего, что́ отзывается выгодою жизни—не чудесно ли это явленіе! Эта энергія и сила для него могла быть только вычерпнута изъ среднихъ вѣковъ. И какъ только ордена́ рыцарскіе стали уклоняться отъ своей цѣли и обращать глаза на другія, какъ только начали заражаться желаніемъ добычи и корысти, и роскошь заставляла ихъ живѣе привязываться къ собственной жизни, и они стали походить сами на тѣхъ, за которыми наложили не

себя сами же смотрѣніе,—какъ возникаютъ страшные тайные суды, неумолимые, неотразимые, какъ высшія предопредѣленія, являющіяся уже не совѣстью передъ вѣтренымъ міромъ, но страшнымъ изображеніемъ смерти и казни. Ни сила, ни обширныя земли, ни даже самая корона не спасаютъ и не отмѣняютъ произнесеннаго ими приговора. Незнаемые, невидимые какъ судьба, гдѣ-нибудь въ глуши лѣсовъ, подъ сырымъ сводомъ глубокаго подземелья, они взвѣшивали и разбирали всю жизнь и дѣла того, которому, посреди необъятныхъ своихъ земель и сотни покорныхъ вассаловъ, и въ мысль не приходило, есть ли гдѣ въ мірѣ власть выше его. И если эти подземные судьи разъ произносили обвиняющее слово—все кончено. Напрасно властитель грозою могущества своего затрудняетъ къ себѣ приближеніе, напрасно его золото залѣпляетъ уста и заставляетъ всѣхъ прославлять его — неумолимый кинжалъ настигаетъ его на концѣ міра, крадется мимо пышной толпы и разитъ его изъ-за плеча друга. Не составляетъ ли это чудесности почти сказачной? Только тамъ такъ неотразимо, такъ сверхъестественно, такъ неправильно дѣйствуетъ человѣкъ, оторванный отъ общества, лишенный покрова законной власти, незнающей, что такое слово: невозможность.

А самый образъ занятій, царствовавшій въ серединѣ и концѣ среднихъ вѣковъ — это всеобщее устремленіе всѣхъ къ чудесной наукѣ, это желаніе выпытать и узнать таинственную силу въ природѣ, эта алчность, съ какою всѣ ударились въ волшебство и чародѣйственныя науки, на которыхъ ясно кипитъ признакъ европейскаго любопытства, безъ котораго науки никогда бы не развились и не достигли нынѣшняго совершенства! Самая даже простодушная вѣра ихъ въ духовъ и обвиненія въ сообщеніи съ ними имѣютъ для насъ уже необыкновенную занимательность. А занятія алхиміею, считавшеюся ключемъ ко всѣмъ познаніямъ, вѣнцомъ учености среднихъ вѣковъ, въ которой заключилось дѣтское желаніе открыть совершеннѣйшій металлъ, который бы доставилъ человѣку все! Представьте себѣ какой-нибудь германскій городъ въ средніе вѣка, эти узенькія, неправильныя улицы, высокіе, пестрые готическіе домики, и среди ихъ какой-нибудь ветхій, почти валящійся, считаемый необитаемымъ, по растреснувшимся стѣнамъ ко-

тораго лѣпится мохъ и старость, окна глухо заколочены—это жилище алхимика. Ничто не говоритъ въ немъ о присутствіи живущаго, но въ глухую ночь голубоватый дымъ, вылетая изъ трубы, докладываетъ о неусыпномъ бодрствованіи старца, уже посѣдѣвшаго въ своихъ исканіяхъ, но все еще неразлучнаго съ надеждою,— и благочестивый ремесленникъ среднихъ вѣковъ со страхомъ бѣжитъ отъ жилища, гдѣ, по его мнѣнію, духи основали пріютъ свой, и гдѣ, вмѣсто духовъ, основало жилище неугасимое желаніе, непреоборимое любопытство, живущее только собою и разжигаемое собою же, возгорающееся даже отъ неудачи—первоначальная стихія всего европейскаго духа—которое напрасно преслѣдуетъ инквизиція, проникая во всѣ тайныя мышленія человѣка: оно вырывается мимо и, облеченное страхомъ, еще съ бо́льшимъ наслажденіемъ предается своимъ занятіямъ.

А самая инквизиція? Какое мрачное и ужасное явленіе! инквизиція свирѣпая, слѣпая, владѣвшая безчисленными сводами и подземельями монастырей, невѣрящая ничему, кромѣ своихъ ужасныхъ пытокъ, на которыхъ человѣкъ показалъ адскую изобрѣтательность; инквизиція, выпускавшая изъ-подъ монашескихъ мантій свои желѣзные когти, хватавшіе всѣхъ безъ различія, кто только ни предавался страннымъ и необыкновеннымъ занятіямъ; подтвердившая великую истину, что если можетъ физическая природа человѣка, доведенная муками, заглушить голосъ души, то въ общей массѣ всего человѣчества душа всегда торжествуетъ надъ тѣломъ.

Не единственныя ли всѣ эти явленія? Не даютъ ли они права назвать средніе вѣка вѣками чудесными? Чудесное прорывается при каждомъ шагѣ, и властвуетъ вездѣ во все теченіе этихъ юныхъ десяти вѣковъ, — юныхъ потому, что въ нихъ дѣйствуетъ все молодое, кипящее отвагою, порывы и мечты, недумавшія о слѣдствіяхъ, непризывавшія на помощь холоднаго соображенія, еще неимѣвшія прошедшаго, чтобы оглянуться. Все было въ нихъ — поэзія и безотчетность. Вы вдругъ почувствуете переломъ, когда вступите въ область исторіи новой. Перемѣна слишкомъ ощутительна и состояніе души вашей будетъ похоже на волны моря, прежде воздымавшіяся неправильными, высокими буграми, но послѣ улегшіяся и всею своею необозримою равниною мѣрно и стройно со-

вершающія правильное теченіе. Дѣйствія человѣка въ среднихъ вѣкахъ кажутся совершенно безотчетны; самыя великія происшествія представляютъ совершенные контрасты между собою и противорѣчатъ во всемъ другъ другу. Но совокупленіе ихъ всѣхъ вмѣстѣ въ цѣлое являетъ изумительную мудрость. Если можно сравнить жизнь одного человѣка съ жизнію цѣлаго человѣчества, то средніе вѣка будутъ то же, что́ время воспитанія человѣка въ школѣ: дни его текутъ незамѣтно для свѣта, дѣянія его не такъ крѣпки и зрѣлы, какъ нужно для міра, объ нихъ никто не знаетъ; но за то они всѣ—слѣдствіе порыва и обнажаютъ за однимъ разомъ всѣ внутреннія движенія человѣка, и безъ нихъ не состоялась бы будущая его дѣятельность въ кругу общества.

Теперь разсмотрите, между какими колоссальными событіями заключается время среднихъ вѣковъ! Великая имперія, повелѣвавшая міромъ, двѣнадцативѣковая нація, дряхлая, истощенная, падаетъ, съ нею валится полсвѣта, съ нею валится весь древній міръ съ полуязыческимъ образомъ мыслей, безвкусными писателями, гладіаторами, статуями, тяжестью роскоши и утонченностью разврата. Это ихъ начало. Оканчиваются средніе вѣка тоже самымъ огромнымъ событіемъ — всеобщимъ взрывомъ, подымающимъ на воздухъ все и обращающимъ въ ничто всѣ страшныя власти, такъ деспотически ихъ обнявшія. Власть папы подрывается и падаетъ, власть невѣжества подрывается, сокровища и всемірная торговля Венеціи подрываются, и когда всеобщій хаосъ переворота очищается и проясняется, предъ изумленными очами являются: монархи, держащіе мощною рукою свои скипетры; корабли, расширеннымъ взмахомъ несущіеся по волнамъ необъятнаго океана, мимо Средиземнаго моря; въ рукахъ у Европейцевъ, вмѣсто безсильнаго оружія, огонь; печатные листы разлетаются по всѣмъ концамъ міра,—и все это результаты среднихъ вѣковъ. Сильный напоръ и усиленный гнетъ властей, казалось, были для того только, чтобы сильнѣе произвесть всеобщій взрывъ. Умъ человѣка, задвинутый крѣпкою толщею, не могъ иначе прорваться, какъ собравши всѣ свои усилія, всего себя. И отъ того-то, можетъ быть, ни одинъ вѣкъ не представляетъ такихъ гигантскихъ открытій, какъ XV,—вѣкъ, которымъ такъ блистательно оканчиваются средніе

вѣка, величественные, какъ колоссальный готическій храмъ, темные, мрачные, какъ его пересѣкаемые одинъ другимъ своды, пестрые, какъ разноцвѣтныя его окна и куча изузоривающихъ его украшеній, возвышенные, исполненные порывовъ, какъ его летящіе къ небу столпы и стѣны, оканчивающіеся мелькающимъ въ облакахъ шпицемъ.

ГЛАВА ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА (1).

Между тѣмъ посланникъ нашъ переѣхалъ границу, отдѣляющую нынѣ Пирятинскій повѣтъ отъ Лубенскаго. Общихъ ѣзжалыхъ дорогъ тогда не было въ Малороссіи, но почти каждому извѣстна была какая-нибудь проселочная, по мнѣнію его, самая ближайшая. Часто такая дорога, уклоняясь отъ ровной поверхности, проскальзывала въ рытвины, царапалась по косогору, вѣшалась надъ провалами, и одинъ неровный, слегка протоптанный подковою коня слѣдъ означалъ ея уклоненія. Достаточно было только выѣхать въ дорогу, чтобы выучиться не разбирать ночлеговъ. Главное же неудобство для путешественника, неознакомленнаго съ мѣстами, было то, что онъ долженъ былъ, на разстояніи 25 или 30 ружейныхъ выстрѣловъ, вывѣдывать и выспрашивать пути у жителей, которыхъ показанія всегда почти разногласили.

Пустивъ повода и наклонивъ голову, всадникъ нашъ давно уже погруженъ былъ въ раздумье, и только изрѣдка попадавшіяся кочки и пни срубленныхъ деревъ, заставляя спотыкаться вѣрнаго его товарища, борзаго коня, перерѣзывали разомъ его думы, которыя

(1) Изъ романа подъ заглавіемъ: Гетьманъ. Первая часть его была написана и сожжена, потому что самъ авторъ не былъ ею доволенъ; двѣ главы, напечатанныя въ періодическихъ изданіяхъ, помѣщаются въ этомъ собраніи.

Прим. Гоголя.

Глава эта была сперва помѣщена въ альманахѣ „Сѣверные Цвѣты" на 1831 годъ; подъ нею выставлены буквы: оооо, потому, какъ полагаютъ, что буква *о* встрѣчается четыре раза въ имени и фамиліи сочинителя.

Прим. Н. Трушковскаго.

снова обычнымъ ожерельемъ низались въ головѣ его. Въ первый разъ еще случалось ему выполнять такое порученіе: ѣхать, Богъ знаетъ куда, въ незаселенныя степи Украины! И кто этотъ Глечикъ?.. Какая нужда Казимиру до начальника какой-то шайки, называвшаго себя полковникомъ Миргородскаго полку?.. Ему не объявлено было ничего удовлетворительнаго ни о характерѣ, ни о силѣ его, ни о томъ, какія онъ имѣетъ сношенія и съ кѣмъ... Къ чему же эта осторожность, какую нужно было имѣть въ рѣчахъ съ нимъ? Зачѣмъ перелетать такую даль, чтобы только доставить ему свѣдѣнія о событіяхъ, волновавшихъ Варшаву? И чѣмъ могъ быть полезенъ такой отдаленный союзникъ?... Мысленно досадовалъ онъ на себя, что не вывѣдалъ обстоятельно объ этомъ отъ Бригитты; ей, безъ сомнѣнія, сколько-нибудь были извѣстны причины такого страннаго посольства.

Солнце медленно прощалось съ землею. Живописныя облака, обхваченныя по краямъ огненными лучами, поминутно мѣняясь и разрываясь, летѣли по воздуху. Сумерки угрюмо надвигали сизую тѣнь свою и притворяли мало-помалу ставни окошекъ, освѣщавшихъ свѣтлый Божій міръ. Въ это время путникъ нашъ, послѣ долгаго степнаго странствованія, въѣхалъ въ лѣсъ. Раздѣтыя безжалостною осенью деревья сквозили какъ рѣшето, и, казалось, дрожали отъ вечерняго холода. Желтые листья, какъ объѣдки и битые ковши отъ недавняго пиршества, валялись неприбранные, и одинъ только шелестъ ихъ, ходя по лѣсу, давалъ знать о присутствіи въ немъ нашего всадника. Сквозь обнаженную вершину лѣса темнѣло небо; рѣзкій вѣтеръ подымался съ поля и мчалъ заунывные свои вопли въ гущу лѣса.

Путникъ по-неволѣ задумался и остановилъ коня своего въ нерѣшимости, что́ предпринять, потому что дорога совершенно исчезла, и передъ нимъ торчалъ одинъ только лѣсъ да неизвѣстность; какъ вдругъ громкій голосъ «цобъ, цобъ!», поразилъ слухъ его, тяжело нагруженный возъ заскрипѣлъ, и пара воловъ показалась изъ-за деревьевъ. Надобно вообразить себя на мѣстѣ путешественника, чтобы вполнѣ почувствовать радость такой встрѣчи. Луна въ это время вырѣзалась на небѣ. Серебряный свѣтъ, перепутанный тѣнью отъ деревъ, палъ рѣшеткою на землю, освѣтивъ далеко ок-

рестность, и Лапчинскій увидѣлъ передъ собою дюжаго пожилаго селянина. Сѣдые, закрученные внизъ усы его гордо покоились на смугломъ, означенномъ рѣзкими мускулами лицѣ, которое такъ простодушно оттѣняла какая-то азіятская безпечность. По чернымъ бровямъ серебрилась сѣдина, огонь вылеталъ изъ небольшихъ карихъ глазъ, и въ огнѣ томъ высвѣчивались попеременно то хитрость, то простодушіе. На головѣ у него была черная козацкая шапка съ синимъ верхомъ. Коротенькій нагольный тулупъ, затянутый яркоцвѣтнымъ поясомъ, служилъ непроницаемыми латами отъ холода; сверхъ этого одѣянія, въ добавку накинутъ былъ обыкновенный кобенякъ изъ толстаго смураго сукна, который и понынѣ носятъ малороссійскіе мужики. Изъ-за пояса торчала пищаль и изогнутая татарская сабля, оружіе, которое въ тогдашнія смутныя времена всякій козакъ, ратникъ и селянинъ почиталъ необходимостью всегда имѣть при себѣ.

«Помогай Боже!» сказалъ онъ, остановивъ воловъ и обнаживъ увѣнчанную только на верхушкѣ кистью волосъ голову, въ знакъ того уваженія, какое обыкновенно оказывали тогда простые поселяне ратнымъ людямъ. Надобно припомнить, что Лапчинскій, въ избѣжаніе непріятностей, какимъ бы онъ неминуемо подвергнулся отъ жителей, нетерпѣвшихъ всего, что́ только носило названіе Ляха, или принадлежало Ляхамъ, принужденъ былъ перемѣнить щегольской костюмъ свой на скромное одѣяніе козацкаго десятника.

Всадникъ нашъ отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы на сіе привѣтствіе.

«Не знаешь ли, землякъ», молвилъ онъ съ ласковымъ видомъ: «далеко ли отсюда до Ромодановскаго шляху?»

«Не съумѣю, добро́дію, сказать вдругъ; повремените немножко.» Тутъ принялся онъ высчитывать, что̀ выражали машинально сгибаемые имъ пальцы. «До Ромодановскаго шляху!... Какъ бы вамъ сказать?.. оно не такъ, чтобы близко. Надобно знать, что козаки наши немного было перетрусили: кто-то пронесъ слухъ, что все шляхетство собирается на Сулу въ гости. Спохватились съ дуру и разломали мосты; такъ вамъ, добро́дію, чтобъ не пришлось давать большихъ объѣздовъ. Впрочемъ, Богъ его знаетъ, я говорю это потому, что другіе говорятъ... такъ, можетъ быть, выберется

и короткій путь; только знаете, теперь время осеннее... то станется, что и далеко... Только опять же, какъ подумаешь, то кажется, что и близко. Вотъ другое дѣло, если бы были поставлены столбы по дорогѣ, какіе, безъ сомнѣнія, сами, добрȯдію если бывали въ Польшѣ, встрѣчали по тамошнимъ дорогамъ.»

Не должно удивляться противорѣчіямъ, испестрявшимъ монологъ нашего поселянина. Кромѣ дѣйствительной неизвѣстности, Малороссіяне любили поусомниться и въ самомъ знакомомъ имъ дѣлѣ. Малороссіянинъ и донынѣ ничего не скажетъ наобумъ, но разъ десять поправитъ себя, а иногда съ умысломъ запутаетъ своего слушателя такъ, что тотъ, къ изумленію своему, видитъ, что до такого-то мѣста и далеко, и близко.

«Куда же, по крайней мѣрѣ, мнѣ теперь держать путь?» спросилъ странникъ, вперивъ испытующій взоръ на своего наставника.

Тутъ селянинъ нашъ осмотрѣлъ его хорошенько съ головы до ногъ.

«А вы, добрóдію, хотите теперь ѣхать?»

«Почему же не теперь?»

«Богъ съ вами! теперь и нашъ братъ, здѣшній, уже сильно подумавши развѣ поѣдетъ. Знаешь, мосьпáне! вѣдь намъ стȯитъ только проѣхать такое время, въ какое добрый мужикъ успѣетъ вымолотить полкопны жита, чтобы заслышать собачій лай съ моего двора. Все бы лучше опочить въ теплой хатѣ, а завтра хоть и съ Богомъ!»

Отъ такого предложенія нельзя было отказаться путнику, который, кажется, того только и ожидалъ.

«А куда», спросилъ дорогою поселянинъ нашъ своего будущаго гостя, «лежитъ путь вамъ, мосьпáне?»

«Ѣду-то я далеко, на ту сторону Вȯрскла, къ Миргородскому полковнику Глечику. Что, землякъ, не знаешь ли и ты его?»

«Какъ не знать этой старой собаки! А изъ какихъ мѣстъ Богъ несетъ?»

«Изъ великой станицы, что подъ Лохвицею.»

«Какъ же это, добрȯдію, мы не слышали ничего про то, чтобы станица была подъ Лохвицею?» Тутъ вонзилъ онъ въ него острый

взоръ свой, который, казалось, хотѣлъ выпытать его душу. «И то сказать! гдѣ уже мужику знать все про войсковыя дѣла: до нашего захолустья еще и слухи не дошли объ этомъ.»

Посланникъ нашъ спохватился, что не нужно бросать осторожности въ розсказняхъ и съ простымъ селяниномъ, и потому, собравшись немного съ мыслями, продолжалъ: «То есть, вотъ видишь, землякъ, на-вѣрное я еще не могу сказать. Въ самой-то станицѣ я не былъ, а встрѣтившійся подъ Лохвицею Запорожскій сотникъ Шляйко, узнавъ, что я ѣду въ эти мѣста, далъ мнѣ грамотку къ миргородскому полковнику. Летѣлъ онъ, какъ угорѣлый; изъ разспросовъ его я ничего не могъ узнать на-вѣрное. Недавно *предъ* тѣмъ возвратился я изъ Варшавы... Видишь, онъ, можетъ быть, имѣлъ причины не довѣрять мнѣ... то есть... онъ... ты, думаю, понимаешь меня.»

«Что́ вы говорите, добро́дію! Развѣ мужикъ пойметъ то, что́ толкуютъ паны? Ей Богу, нѣтъ! гдѣ намъ понять! у насъ и голова не такъ сдѣлана, какъ у пановъ: чортъ знаетъ, что́ такое; больше на капусту похоже, чѣмъ на голову.»

«О, да ты штука!» подумалъ про себя Лапчинскій и положилъ *себѣ* быть какъ можно осторожнѣе въ словахъ.

Онъ во все это время ѣхалъ шагомъ, уравнивая легкую поступь своего гордаго коня съ лѣнивою выступкою тяжелыхъ воловъ, впереди которыхъ съ флегматическою важностью шелъ селянинъ, помахивая батогомъ и потягивая коротенькую люльку ([1]). Дымъ отъ нея обнималъ облаками смуглое лицо его, которое, освѣщаясь иногда вспыхивавшимъ огонькомъ, казалось лицомъ какого-нибудь упыря, выказывавшимся по временамъ изъ непробуднаго болотнаго тумана и сѣявшимъ искры чуднаго огня. Это заставляло Лапчинскаго чаще всматриваться ему въ глаза, чтобы удостовѣриться, точно ли то́ былъ его товарищъ.

Но селянинъ нашъ самъ отгонялъ всякое на счетъ его сомнѣніе, не давая минуты задуматься своему гостю. «Слыхали ль вы, добро́дію, про таковое диво?» говорилъ онъ, не выпуская изо рта своей трубки. «Видишь ли сосну, вонъ далеко, далеко чернѣетъ передъ нами?»

([1]) Трубку.

И путникъ, къ удивленію своему, точно увидѣлъ сосну. Какимъ образомъ зашла она сюда, когда во всей почти этой сторонѣ Малороссіи, на разстояніи, можетъ быть, по сту верстъ во всѣ стороны, взоръ не отыскивалъ этой суровой жилицы сѣвера! Невольно вперилъ онъ на нее глаза свои: она одна только посреди обнаженнаго лѣса сохранила, казалось, жизнь, но жизнь ли это? Это была мумія, которую съ изумленіемъ отыскиваютъ между голыми скелетами, одну несокрушенную тлѣніемъ. Въ ней видны тѣ же черты, та же прекрасная форма человѣка объемлетъ ее; но, Боже, въ какомъ видѣ! Неотразимое, непонятное чувство тоски и ужаса врывается въ душу при взглядѣ на жалкій обманъ, которымъ суетное искусство силится выхватить и удержать что-то похожее на жизнь.

«Это еще небольшое диво, что сосна, а вотъ что́ диво. Лѣтъ за пятьдесятъ передъ тѣмъ, какъ мы балагуримъ съ вами, жилъ чуть ли не на вотъ этомъ мѣстѣ, въ хоромахъ великій панъ. Воевода ли онъ былъ, сотникъ ли какой, или просто панъ, этого я не умѣю сказать; знаю только, что онъ былъ Ляхъ и не нашей вѣры. Жилъ онъ, какъ всѣ нечистые польскіе паны живутъ: домъ съ утра до вечера ходенемъ ходилъ отъ вина да отъ пѣсенъ, и далече прохватывала дрожь крещенаго человѣка, когда онъ слышалъ раздававшіеся изъ лѣсу крики. Хло́пцы изъ дворни его то и дѣло, что наѣздничали по хуторамъ да обирали бѣдныхъ жителей. Этого мало. Стали обворовывать да обдирать Божьи церкви, и такое дѣлали... врагъ съ ними! не хочу и говорить, что̀ такое. Побить бы ихъ всѣхъ, добро́дію — такъ нельзя, потому что дворни одной у нихъ было, можетъ, съ полторы сотни, да и на каждаго бердыши, самопалы и вся збруя ратная. Вотъ и вызвался одинъ дьяконъ— какъ уже его звали и изъ какого приходу онъ былъ, ей Богу, добро̀дію, не знаю —вызвался и пришелъ въ лѣсъ. Если бы теперь не ночь, и не засыпало листьемъ, то я, можетъ статься, показалъ бы вамъ останки этого дьявольскаго гнѣзда. На ту пору — такъ, видно, самъ Богъ уже хотѣлъ — былъ у нихъ какой-то окаянный праздникъ. Дьяконъ шелъ уже на-пропало, сказалъ: «Господи, благослови!» и, сколько доставало духу, толкнулся въ ворота, запертыя толпившимся народомъ. Цымбалы и бандуры бренчали и

гудѣли, словно на свадьбѣ, а пьяные паны и дворня изо всей силы отдирали краковякъ. Какъ только завидѣли дьякона, такъ, добро́дію, и закричали: «Зачѣмъ сюда принесло попа́?» А панъ говоритъ: «Гей, хлопцы! налейте-ка попу водки: пусть его танцуетъ съ нами, добрыми христіанами, краковякъ, да подгоняйте его хорошенько батожьемъ!» Дьяконъ, исполнившись, видно, Святаго Духа, началъ представлять нечестивымъ весь грѣхъ беззаконнаго житья ихъ, и какія на томъ свѣтѣ будутъ имъ муки, и какъ будутъ они плясать въ пѐклѣ (*), только не по своей волѣ, а подгоняемые горячими вилами чертей. «А, такъ ты еще и проповѣдь читаешь! Гей, хлопцы, поднимите попа на крылосъ, а чтобъ не застудилъ *горла,* накиньте ему галстукъ на шею!» И тутъ же челядь, съ нечеловѣчьимъ смѣхомъ и гиканьемъ, встащила несчастнаго дьякона на ту самую сосну, мимо которой лежитъ намъ путь. Позвольте, добро́дію, тутъ-то и исторія. Сосна эта какъ разъ стояла передъ хоромами и какъ нарочно еще передъ самыми окошками панской свѣтлицы. Вотъ, какъ ночь уже разогнала всѣхъ—кого на лавку, кого подъ лавку — пану нашему чудится, что на него каплетъ что-то холодное. «Что̀ за нечистый!» подумалъ панъ: «отъ чего *это кап*летъ?» Всталъ съ постели, глядитъ: колючія вѣтви сосны царапаются къ нему сквозь стѣну и, будто живыя, вытягиваются длиннѣе и какъ разъ достаютъ до него. Перекрестился, можетъ быть, въ первый разъ отъ роду нашъ панъ, когда увидѣлъ, что изъ нихъ каплетъ человѣчья кровь, сначала холодная какъ ледъ, а потомъ жжетъ да и только! Къ окну—такъ и ноги подкосились: сосна вся посинѣла, какъ мертвецъ, и страшно киваетъ ему черною, всклокоченною бородою. Сначала было думалъ панъ, не хмѣль ли бродитъ у него въ головѣ; такъ на слѣдующую ночь то же диво, и вся дворня въ одинъ голосъ, что по лѣсу то̀ и дѣло, что отпѣ*ваютъ* усопшаго такимъ страшнымъ голосомъ, что всякаго морозъ дралъ по кожѣ, и волосы щетиною поднимались на головѣ. Чего ужъ не дѣлали: и погребли съ честью тѣло дьякона, и принимались было рубить сосну, такъ сѣкира не беретъ: что ни ударятъ, то*поръ* вызубрится, а дерево стонетъ, будто дитя некрещеное. Рѣшились наконецъ бросить это окаянное мѣсто. Вотъ каждый день

(*) Въ адѣ.

и соберется вся челядь, осѣдлаютъ коней, заберутъ все съ собою и выѣдутъ, еще черти не бьются на кулачки; ѣдутъ, ѣдутъ, до самаго вечера — кажись, Богъ знаетъ куда заѣхали; остановятся ночевать—смотрятъ, знакомыя все мѣста: опять тотъ же дикій лѣсъ, тѣ же хоромы, а проклятая сосна, протягивая вѣтви, словно руки, хватаетъ пана и обдаетъ его кровавыми каплями, а черная, всклокоченная борода такъ же жутко киваетъ ему..»

Тутъ разскащикъ нашъ стремительно ударилъ въ слушателя огненными глазами своими, блиставшими еще ярче посреди ночи, и, казалось, не безъ удовольствія замѣтилъ въ немъ впечатлѣніе, произведенное его разсказомъ. Дѣйствительно, путникъ нашъ не могъ не ощутить какого-то тайно врывавшагося въ душу страха и съ безпокойствомъ посматривалъ вокругъ.

Въ это время поравнялись они съ сосной. Серебряный свѣтъ падалъ на печальныя вѣтви ея, и отбрасывавшіяся отъ нихъ тѣни, будто продолженіе ихъ, переламливаясь о встрѣчныя деревья, ложились безконечною лѣстницею на землю. Вѣтеръ слегка покачивалъ вершину, и когда путникъ, немного проѣхавъ, оглянулся назадъ, то ему показалось, что какой-нибудь непріязненный духъ, принявъ дикій, величественный образъ, медленно слѣдовалъ за нимъ, печально покачивая угрюмою бородою и раскидывая темнозеленыя объятія свои, въ намѣреніи схватить его.

«Что́ же далѣе случилось?» спросилъ онъ умолкшаго разскащика, стараясь подавить невольную робость.

«Что̀? круто пришлось пану: распустилъ всю свою дворню, сталъ схимникомъ и, какъ отправилъ пятьдесятъ двѣ панихиды за упокой души дьякона, тогда только стихнуло чудо. Куда же дѣлся послѣ того схимникъ, этого никто не скажетъ вамъ. Дня за три до Купала, каплетъ съ этого дерева день и ночь роса. Говорятъ еще, что и сгубленная чья-то душа таскается по лѣсу. Теща разсказывала года за четыре, когда была еще при памяти, что встрѣтила однажды въ лѣсу дьявола въ красномъ жупанѣ, въ какомъ ходилъ и покойный панъ. Цобъ, цобъ, цобе! гей! Вотъ мы, добро́дію, и пріѣхали.»

Лапчинскій увидѣлъ дѣйствительно передъ собою низенькія ворота, рѣдко убитыя впоперегъ положенными досками, какія и

теперь можно видѣть почти у каждаго малороссійскаго поселянина. Лай собакъ залился по лѣсу и старая женщина, въ накинутомъ на плеча тулупѣ, вышла отворить ворота. Глазамъ нашего путника представился небольшой дворикъ, обнесенный заборомъ изъ болотнаго тростника, нѣсколько сараевъ и хлѣвовъ, укрытыхъ такимъ же тростникомъ, и обыкновенная малороссійская хата. На дворѣ навалёнъ былъ ворохъ ульевъ, изъ которыхъ многіе развѣшены были на деревьяхъ, нагибавшихъ со всѣхъ сторонъ любопытныя вѣтви свои во дворъ, какъ будто низкая буколическая жизнь его могла доставить имъ, величественнымъ, занимательное зрѣлище. Позади двора тянулось еще какое-то строеніе, котораго за темнотою нельзя было распознать. По всему можно было заключить, что имѣніе сіе принадлежало слишкомъ зажиточному козаку: въ тогдашнія времена не у всякаго могло найтись подобное великолѣпіе.

Пока хозяинъ занимался выгрузкою своего вьюка, Лапчинскому было довольно времени разсмотрѣть внутренность этого обиталища. Все въ немъ было почти такъ же, какъ и нынѣ у простолюдиновъ Малороссіи: противъ дверей нѣсколько оконъ, передъ ними столъ, на которомъ замѣтилъ онъ ржаной хлѣбъ и соль, неснимавшіеся съ него никогда, въ знакъ того, что гость во всякое время можетъ найти радушный пріемъ себѣ. Всю комнату обходили липовыя широкія и узкія лавки; у дверей громоздилась печь, съ отверстіемъ внизу, заслоненнымъ частою рѣшеткою, изъ-за которой выглядывали куры, гуси, индѣйки и домашніе кролики. Каждый изъ сихъ безсловесныхъ жильцовъ суетился по-своему: пищалъ, кудахталъ, гоготалъ и давалъ знать, что онъ ни мало не послѣднее изъ твореній. На полу мальчишка лѣтъ четырехъ колотилъ огромнымъ подсолнечникомъ по опрокинутому горшку, между тѣмъ какъ другой, годомъ постарѣе, душилъ за горло кота, напѣвая какую-то пѣсню, которую, вѣрно, отъ частаго повторенія его матери, заучилъ навѣки. Передъ большимъ, окованнымъ сундукомъ, сидѣла дѣвочка лѣтъ одиннадцати, держа на рукахъ груднаго ребенка, плакавшаго изо всѣхъ силъ, не смотря на то, что она, желая забавить его, побрякивала огромнымъ замкомъ и стращала малютку вошедшимъ гостемъ. На стѣнѣ висѣли: серпъ, сабля,

ружье, котораго замокъ былъ развинченъ и лежалъ близъ него на полкѣ, вѣроятно, отложенный для починки, сѣкира, турецкій пистолетъ, еще ружье, неопущенная коса и коротенькая нагайка: —орудія, съ незапамятныхъ временъ вѣчно враждовавшія между собою и которыя непонятный человѣкъ заставляетъ мириться, не смотря на несходныя ихъ свойства.

«Прошу не погнѣваться, добро́дію, что заставилъ васъ ждать немного!» сказалъ вошедшій хозяинъ: «такъ проклятая ярмарка ошеломила меня, что до сихъ поръ въ головѣ базаръ ходитъ. Счастье еще, что старухи моей нѣтъ дома; а то бы она вымыла мнѣ голову. Дома только насъ: я да теща.»

При семъ словѣ вошла та самая старуха, которая отворяла ворота. Съ какимъ-то грустнымъ чувствомъ разсматривалъ ее путникъ. Казалось, передъ нимъ стояла жертва могилы, въ которой сильная природа нарочно удерживала жизнь, чтобы показать человѣку всю ничтожность долголѣтія, къ коему такъ жадно стремятся его желанія. Могильное равнодушіе разливалось на усѣянныхъ морщинами чертахъ ея. Ни искры какой-нибудь живости въ глазахъ! мутные, они устремлялись порой на него; но тотъ бы обманулся, кто прочиталъ бы въ нихъ что-нибудь похожее на любопытство. Они ни на что́ не глядѣли; имъ все казалось смутно, какъ не совсѣмъ проснувшемуся человѣку.

Покамѣстъ предавался онъ такимъ чувствамъ, старуха отправилась на печь, всегдашнее свое жилище, весь міръ свой, который такъ же казался ей просторенъ и люденъ, какъ и всякой другой; а хозяинъ обратился къ дѣтямъ своимъ. «Ай да Ѳедотъ!» говорилъ онъ, поднимая одною рукою подъ потолокъ мальчика съ подсолнечникомъ: «гдѣ ты взялъ такой страшный со́нечникъ (¹)? Да этимъ ты какъ нибудь человѣка убьешь! Ты что́ тамъ дѣлаешь Карпо́? кота душишь? Какой же я тебѣ гостинецъ привезъ! Ступай же, собачій сынъ! что́ жъ ты стоишь и ротъ разинулъ? Вотъ, какъ видите, добро́дію, сто разъ толкую, что я его батько: до сихъ поръ не вѣритъ, ледàча дитина (²)! А ты, плакса, долго будешч ревѣть! А подайте мнѣ батогъ, вотъ я его! Давай его сюда, Ма-

(¹) Подсолнечникъ, по малороссійскому произношенію.
(²) Негодный ребенокъ.

руся; я сейчасъ за окошко: пусть тамъ съѣдятъ его волки, либо Ляхи.....»

«Тебя таки, землякъ, Богъ надѣлилъ дѣтьми?» сказалъ гость нашъ своему хозяину.

«Да, не безъ того, мосьпане! всѣхъ-то ихъ у меня семеро. Два уже поженились на чужой сторонѣ, только чортъ знаетъ какое приданое взяли за невѣстами: по сажени земли, на которой ничего не родится, кромѣ полыни и бурьяну. Чтó жъ ты, Ѳедотъ, не скажешь спасибо? панъ даетъ пряникъ, а онъ и не поклонится. Не извольте цѣловать его! у него вся рожа выпачкана золою. Были мнѣ съ нимъ порядочныя хлопоты. Услышалъ, что ѣду на ярмарку: «Возьми и меня, тàту!»—«Да куда я тебя дѣну? тамъ тебя задавятъ!» — «Нѣтъ, не задавятъ, возьми, да и возьми!» — «Да тамъ теперь столько Цыгановъ, что еще украдутъ тебя, и тогда поминай какъ звали.» — «Возьми, да и только!» Чтó станешь дѣлать? плачу такого натворилъ, что Боже упаси. Насилу унялъ его обѣщаніемъ привезти медоваго коня съ золотой головою. Ну, Маруся, матери не за чѣмъ дожидаться: «давай-ка намъ вечерять; баба ужъ, вѣрно, спитъ! Такъ до кого, добрóдію», продолжалъ *онъ*, вдругъ оборотясь къ гостю и садясь за столъ, «говоришь ты, ѣдешь? у меня подъ старость голова, какъ дырявое ведро: сколько ни лей воды въ него, все пусто; сколько ни толкуй умныхъ рѣчей, все позабудетъ.»

«Какъ, землякъ! развѣ я не сказалъ тебѣ, что до Глечика?» отвѣчалъ гость, немного удивленный такою странною забывчивостью.

«До миргородскаго полковника? такъ нечего тебѣ и забираться такъ далеко: не кто другой, какъ онъ, сидитъ передъ тобою, мосьпане!»

Если бы въ это время пуля пролетѣла мимо ушей Лапчинскаго, онъ былъ бы менѣе удивленъ. Такъ внезапно, такъ неожиданно напасть на него въ расплохъ, когда всѣ мысли его разбрелись.... когда.... нѣтъ, не можетъ быть, онъ ослышался! И глаза его неподвижно устремились на хозяина, какъ-бы желая удостовѣриться въ лживости того, о чемъ донесъ ему слухъ его.

1830.

О ПРЕПОДАВАНІИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ (1).

I.

Всеобщая исторія, въ истинномъ ея значеніи, не есть собраніе частныхъ исторій всѣхъ народовъ и государствъ безъ общей связи, безъ общаго плана, безъ общей цѣли, куча происшествій безъ порядка, въ безжизненномъ и сухомъ видѣ, въ какомъ очень часто ее представляютъ. Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной картинѣ все человѣчество, какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и наконецъ достигло нынѣшней эпохи. Показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка кровавыми трудами, борясь отъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполинскими препятствіями— вотъ цѣль всеобщей исторіи! Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму. Происшествіе, непроизведшее вліянія на міръ, не имѣетъ права войти сюда. Всѣ событія міра должны быть такъ тѣсно связаны между собою и цѣпляться одно за

(1) Статья эта была сперва помѣщена въ „Журналѣ Мин. Нар. Просв." подъ названіемъ: „Планъ преподаванія Всеобщей Исторіи." (Ч. 1-я, 1831).

Прим. Н. Трушковскаго.

другое, какъ кольца въ цѣпи. Если одно кольцо будетъ вырвано, то цѣпь разрывается. Связь эту не должно принимать въ буквальномъ смыслѣ: она не есть та видимая, вещественная связь, которою часто насильно связываютъ происшествія, или система, создающаяся въ головѣ независимо отъ фактовъ, и къ которой послѣ своевольно притягиваютъ событія міра; связь эта должна заключаться въ одной общей мысли, въ одной неразрывной исторіи человѣчества, передъ которою и государства, и событія—временные формы и образы. Міръ долженъ быть представленъ въ томъ же колоссальномъ величіи, въ какомъ онъ является, проникнутый тѣми же таинственными путями Промысла, которые такъ непостижимо на немъ означались. Интересъ необходимо долженъ быть доведенъ до высочайшей степени, такъ, чтобы слушателя мучило желаніе узнать далѣе; чтобы онъ не въ состояніи былъ закрыть книгу, или не дослушать, но если бы и сдѣлалъ это, то развѣ съ тѣмъ только, чтобы начать съизнова чтеніе; чтобы очевидно было: какъ одно событіе рождаетъ другое, и какъ безъ первоначальнаго не было бы послѣдующаго. Только такимъ образомъ должна быть создана исторія!

II.

Все, что́ ни является въ исторіи — народы, событія — должно быть непремѣнно живо и какъ-бы находиться предъ глазами слушателей, или читателей, чтобъ каждый народъ, каждое государство сохраняли свой міръ, свои краски, чтобы народъ, со всѣми своими подвигами и вліяніемъ на міръ проносился ярко, въ такомъ же точно видѣ и костюмѣ, въ какомъ былъ онъ въ минувшія времена. Для того нужно собрать не многія черты, но такія, которыя бы высказывали много, черты самыя оригинальныя, самыя рѣзкія, какія только имѣлъ изображаемый народъ. Для того, чтобы извлечь эти черты, нуженъ умъ, сильный схватить всѣ незамѣтные для простаго глаза оттѣнки, нужно терпѣніе перерыть множество иногда самыхъ неинтересныхъ книгъ. Но что́ уже одинъ узналъ, то другимъ передается легко, и потому слушатели должны узнать это, не роясь въ архивахъ.

III.

Преподаватель долженъ призвать въ помощь географію, но не въ томъ жалкомъ видѣ, въ какомъ ее часто принимаютъ, т. е. для того только, чтобы показать мѣсто, гдѣ что̀ происходило. Нѣтъ, географія должна разгадать многое, безъ нея неизъяснимое въ исторіи. Она должна показать, какъ положеніе земли имѣло вліяніе на цѣлыя націи; какъ оно дало особенный характеръ имъ; какъ часто гора, вѣчная граница, взгроможденная природою, дала другое направленіе событіямъ, измѣнила видъ міра, преградивъ великое разлитіе опустошительнаго народа, или заключивши въ неприступной своей крѣпости народъ малочисленный; какъ это могучее положеніе земли дало одному народу всю дѣятельность жизни, между тѣмъ какъ другой осудило на неподвижность; какимъ образомъ оно имѣло вліяніе на нравы, обычаи, правленіе, законы. Здѣсь-то они должны увидѣть, какъ образуется правленіе; что его не люди совершенно установляютъ, но нечувствительно устанавливаетъ и развиваетъ самое положеніе земли; что формы его отъ того священны, и измѣненіе ихъ неминуемо должно навлечь несчастіе на народъ.

IV.

Событія и эпохи великія, всемірныя, должны быть означены ярко, сильно, должны выдвигаться на первомъ планѣ со всѣми своими слѣдствіями, измѣнившими міръ, не такъ, какъ дѣлаютъ иногда преподаватели, которые, сказавши, что такое-то происшествіе есть великое, тѣмъ и отдѣлываются, или приводятъ близорукія слѣдствія въ видѣ отрубленныхъ вѣтвей, тогда какъ должно развить его во всемъ пространствѣ, вывесть наружу всѣ тайныя причины его явленія и показать, какимъ образомъ слѣдствія отъ него, какъ широкія вѣтви, распростираются по грядущимъ вѣкамъ, болѣе и болѣе развѣтвляются на едва замѣтные отпрыски, слабѣютъ и наконецъ совершенно исчезаютъ, или глухо отдаются даже въ нынѣшнія времена, подобно сильному звуку въ горномъ ущельи, который

вдругъ умираетъ послѣ рожденія, но долго еще отзывается въ своемъ эхѣ. Эти событія должно показать въ такомъ видѣ, чтобы всѣ видѣли ясно, что они великіе маяки всеобщей исторіи, что на нихъ она держится, какъ земля держится на первозданныхъ гранитахъ, какъ животное на своемъ скелетѣ.

V.

Теперь объ образѣ преподаванія. Слогъ профессора долженъ быть увлекательный, огненный. Онъ долженъ въ высочайшей степени овладѣть вниманіемъ слушателей. Если хоть одинъ изъ нихъ можетъ предаться во время лекціи постороннимъ мыслямъ, то вся вина падаетъ на профессора: онъ не умѣлъ быть такъ занимателенъ, чтобы покорить своей волѣ даже мысли слушателей. Нельзя вообразить, не испытавши, какое вредное вліяніе происходитъ отъ того, если слогъ профессора вялъ, сухъ и не имѣетъ той живости, которая не даетъ мыслямъ ни на минуту разсыпаться. Тогда не спасетъ его самая ученость: его не будутъ слушать; тогда никакія истины не произведутъ на слушателей вліянія, потому что ихъ возрастъ есть возрастъ энтузіазма и сильныхъ потрясеній; тогда происходитъ то, что самыя ложныя мысли, слышимыя ими стороною, но выраженныя блестящимъ и привлекательнымъ языкомъ, мгновенно увлекутъ ихъ и дадутъ имъ совершенно ложное направленіе. Что̀ же тогда, когда профессоръ еще сверхъ того облеченъ школьною методою, схоластическими мертвыми правилами, и не имѣетъ даже умственныхъ силъ доказать ихъ; когда юный, развертывающійся умъ слушателей, начиная понимать уже выше его, пріучается презирать его? Тогда даже справедливыя замѣчанія возбуждаютъ внутренній смѣхъ и желаніе дѣйствовать и умствовать наперекоръ; тогда самыя священныя слова въ ушахъ его — какъ-то: преданность къ религіи и привязанность къ отечеству и государю — превращаются для нихъ въ мнѣнія ничтожныя. Какія изъ этого бываютъ ужасныя слѣдствія, это видимъ, къ сожалѣнію, не рѣдко. И потому-то не должно упускать изъ вниманія, что возрастъ слушателей есть возрастъ сильныхъ впечатлѣній; и потому нужно

имѣть всю силу, всю увлекательность, чтобы обратить этотъ энтузіазмъ ихъ на прекрасное и благородное, чтобы разсказъ профессора дышалъ самъ энтузіазмомъ. Его убѣжденія должны быть такъ сильны, такъ выведены изъ самой природы, такъ естественны. чтобы слушатели сами увидѣли истину еще прежде, нежели онъ совершенно укажетъ на нее. Разсказъ профессора долженъ дѣлаться по временамъ возвышенъ, долженъ сыпать и возбуждать высокія мысли, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть простъ и понятенъ для всякаго. Истинно высокое одѣто величественною простотою: гдѣ величіе, тамъ и простота. Онъ не долженъ довольствоваться тѣмъ, что его нѣкоторые понимаютъ: его должны понимать всѣ. Чтобы дѣлаться доступнѣе, онъ не долженъ быть скупъ на сравненія. Какъ часто понятное еще болѣе поясняется сравненіемъ! и потому эти сравненія онъ долженъ всегда брать изъ предметовъ самыхъ знакомыхъ слушателямъ: тогда и идеальное и отвлеченное становится понятнымъ. Онъ не долженъ говорить слишкомъ много, потому что этимъ утомляется вниманіе слушателей и потому что многосложность и большое обиліе предметовъ не дадутъ возможности удержать все въ мысляхъ. Каждая лекція профессора непремѣнно должна имѣть цѣлость и казаться оконченною, чтобъ въ умѣ слушателей она представлялась стройною поэмою, чтобы они видѣли въ началѣ, что̀ она должна заключать въ себѣ и что̀ заключаетъ: чрезъ это они сами въ своемъ разсказѣ всегда будутъ соблюдать цѣль и цѣлость. А это необходимѣе всего въ исторіи, гдѣ ни одно событіе не брошено безъ цѣли.

VI.

Планъ же для преподаванія, послѣ многихъ наблюденій, испытаній себя и слушателей, я полагаю лучшимъ слѣдующій:

Прежде всего почитаю необходимымъ представить слушателямъ эскизъ всей исторіи человѣчества, въ немногихъ, но сильныхъ словахъ и въ нераздѣльной связи, чтобы они вдругъ обняли все то, о чемъ будутъ слышать; иначе они не такъ скоро и не въ такой ясности постигнутъ весь механизмъ исторіи — все равно,

какъ нельзя узнать совершенно городъ, исходивши всѣ его улицы: для этого нужно взойти на возвышенное мѣсто, откуда бы онъ видѣнъ былъ весь, какъ на ладони. Я набрасываю здѣсь эскизъ для того, чтобы показать вмѣстѣ, въ какой связи должна быть исторія.

Прежде всего я долженъ представить, какимъ образомъ человѣчество началось востокомъ. Я долженъ изобразить востокъ съ его древними патріархальными царствами, съ религіями, облеченными въ глубокую таинственность, такъ непонятную для простого народа, кромѣ религіи Евреевъ, между коими сохранилось чистое, первобытное видѣніе истиннаго Бога; какъ эти древнія государства оградились другъ отъ друга, будто неприступною стѣною нетерпимостью и китайскою осторожностью; какъ одинъ только народъ финикійскій, первые мореплаватели древняго міра, приводилъ невольно своею промышленностью въ сообщеніе эти почти неподвижныя государства, и какимъ образомъ первый всемірный завоеватель, Киръ, съ свѣжимъ и сильнымъ народомъ, Персами, подвергъ весь востокъ своей власти и насильно соединилъ разнохарактерные народы,—но нравы, религія, формы правленія остались въ государствахъ тѣже, цари только обратились въ сатраповъ, и весь востокъ видѣлъ надъ собою одну верховную власть царя царей: персидскаго повелителя; какъ постепенно, отъ взаимнаго сообщенія, эти народы теряли свою особенность и національность и, вмѣстѣ съ своимъ царемъ царей, почти богомъ, невидимымъ для народа, повергдись въ азіатскую роскошь.—Здѣсь я останавливаюсь и обращаюсь къ другой части древняго міра, къ Европѣ. Я долженъ изобразить, какъ возникъ въ ней этотъ цвѣтъ его, народъ Греческій, съ живымъ, любопытнымъ умомъ, республиканскимъ духомъ, совершенно противоположными формами правленія, поэтической религіей, ясными, живыми идеями, такъ противоборствующими важной таинственности востока; какъ развернулось у нихъ просвѣщеніе въ такомъ необыкновенномъ блескѣ, и какъ, наконецъ, одинъ честолюбивый Грекъ подвергъ ихъ своей монархической власти; какъ этотъ великій Грекъ задумалъ гигантское дѣло: соединить востокъ съ Европою и разнесть вездѣ греческое просвѣщеніе. И вотъ, чтобы связать тѣснѣе три части свѣта, строится городъ Александрія; герой умираетъ, всесвѣтная мо-

нархія падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Но подвиги его живы, плоды зрѣютъ: настаетъ знаменитый Александрійскій вѣкъ, когда весь древній міръ толпится у гавани александрійской, когда греческіе ученые во всѣхъ городахъ, и національность опять исчезаетъ, народы опять смѣшиваются! А между тѣмъ въ Италіи, почти невидимо отъ всѣхъ, созрѣваетъ желѣзная сила Римлянъ.

Я долженъ изобразить, какъ этотъ суровый, воинственный народъ покоряетъ одно за другимъ государства, обогащается награбленными богатствами, поглощаетъ весь востокъ. Легіоны его проникаютъ въ тѣ земли Европы, гдѣ владѣніе уже не доставляетъ ничего нужнаго для человѣка. Уже Цезарь заноситъ ногу въ Британію, римскіе орлы на скалахъ Албіона.... между тѣмъ невѣдомыя степи средней Азіи извергаютъ толпу невѣдомыхъ народовъ, которые тѣснятъ и гонятъ предъ собою другихъ, вгоняютъ ихъ въ Европу, сами несутся по пятамъ ихъ и грозно останавливаются на сѣверѣ, какъ зловѣщая кара, ожидающая обреченной жертвы, скрытые отъ Римлянъ германскими лѣсами и непроходимыми болотами. А между тѣмъ, уже ни одного не остается независимаго царства. Весь міръ раздѣленъ на римскія провинціи. Римляне перенимаютъ все у побѣжденныхъ народовъ—сначала пороки, потомъ просвѣщеніе. Все мѣшается опять. Всѣ дѣлаются Римлянами, и ни одного настоящаго Римлянина! И когда развратные императоры, своевольное войско, отпущенники и содержатели зрѣлищъ тиранствуютъ надъ міромъ, въ нѣдрахъ его непримѣтно совершается великое событіе: въ ветхомъ мірѣ зарождается новый! воплощается неузнанный міромъ Божественный Спаситель его, и вѣчное Слово, непонятое властелинами, раздается въ темницахъ и пустыняхъ, таинственно выжидая новыхъ народовъ. Наконецъ на весь древній міръ непостижимо находитъ летаргическій сонъ, та страшная неподвижность, то ужасное онѣмѣніе жизни, когда просвѣщеніе не двигается ни впередъ, ни назадъ, сила и характеръ исчезаютъ, все обращается въ мелкій, ничтожный этикетъ, жалкую развратную безхарактерность. А въ Азіи, между тѣмъ, новый толчокъ, какъ электрическая искра, пробѣгаетъ по всей цѣпи: одинъ народъ тѣснитъ и гонитъ передъ собою другой, который въ свою очередь сгоняетъ третій, и самые крайніе появляются уже

на римскихъ границахъ, тогда какъ жалкіе побѣдители міра употребляютъ всѣ усилія спасти себя—сначала откупаются золотомъ, потомъ изъ нихъ же составляютъ себѣ войско защитникомъ, потомъ отдаютъ имъ одну за другою всѣ свои провинціи, наконецъ предаютъ имъ Римъ, и тѣ, которые сохраняли еще слабые остатки познаній, бѣгутъ на востокъ, прочіе, невѣжественные и слабые, исчезаютъ въ сильныхъ толпахъ новаго народа.

Я долженъ изобразить, какъ начинается новая жизнь въ Европѣ; какъ основываются и принимаютъ крещеніе дикія государства въ границахъ, назначенныхъ природою, съ феодальными правами, съ вассальными влядѣніями, и какъ могущественный папа, прежде *только* римскій первосвященникъ, дѣлается государемъ, незамѣтно присоединяетъ къ своей сильной религіозной власти свѣтскую. Между тѣмъ, на востокѣ остатки Римлянъ тѣснятся и покоряются новымъ сильнымъ народомъ, мгновенно, какъ-бы фантастически, возродившимся на своемъ каменномъ Аравійскомъ полуостровѣ, подвигнутымъ до изступленія религіей, совершенно восточной, основанной полупомѣшаннымъ энтузіастомъ, Магометомъ. Какъ этотъ народъ, съ азіятской саблей въ рукахъ, распространялъ магометанство на мѣсто прежнихъ остатковъ греческаго просвѣщенія, и какъ изумительно, быстро, этотъ чудесный народъ изъ завоевателей дѣлается просвѣтителемъ, развертывается во всемъ блескѣ, съ своей роскошной фантазіей, глубокими мыслями и поэзіей жизни, и какъ онъ вдругъ меркнетъ и затмѣвается выходцами изъ-за моря Каспійскаго, которымъ оставляетъ въ наслѣдство одно магометанство; какъ, почти въ то же время, въ Европѣ корсары сѣверныхъ морей, Норманны, съ неслыханною дерзостью, въ маломъ числѣ, грабятъ и овладѣваютъ цѣлыми государствами, наконецъ перемѣняютъ дикую религію свою на христіянство и прибавляютъ Европѣ свою силу и нравы; а между тѣмъ папа мало-по-малу дѣлается неограниченнымъ монархомъ всей Европы, и самый императоръ нѣмецкій, котораго уважали всѣ народы, не смѣетъ противустать ему, и какъ, по мановенію его, цѣлые народы, вассалы, короли, оставляютъ свои земли, богатства, кладутъ пламенный крестъ на рамена и спѣшатъ съ энтузіазмомъ въ Палестину. Какъ вся Европа, двинувшись съ мѣстъ

*

валится въ Азію, востокъ сшибается съ западомъ, и двѣ грозныя силы, христіянство съ магометанствомъ; какъ это великое событіе пораждаетъ рыцарство, обнявшее всю Европу; какъ возникли орденскія общества, осудившія себя на безбрачную, одинокую жизнь, чтобы быть вѣрными одной цѣли, и произошелъ самый сильно-религіозный Христіянской вѣкъ; какъ энтузіазмъ къ вѣрѣ перешелъ потомъ границы, начертанныя десницею Божественнаго Спасителя, и какъ въ то же время, невидимо отъ всей Европы, совершается великій эпизодъ всемірной исторіи—созидается безпримѣрная по величинѣ монархія Чингисханова, поглотившая всѣ азіятскія земли, неизвѣстныя Европейцамъ. Въ Европѣ одни только монастыри имѣютъ землю и осѣдлость; все обратилось въ рыцарство, все кочуетъ, все не спокойно: каждый вмѣстѣ и воинъ и полководецъ, и вассалъ и повелитель, и слушается и не слушается,— вѣкъ величайшаго разъединенія и вмѣстѣ единства! Каждый управляется своей волей, и между тѣмъ всѣ согласны въ одной цѣли и мысляхъ. Бѣдные поселяне, вытерпѣвъ чашу бѣдъ, наконецъ рѣшаются соединиться, независимо отъ своихъ повелителей, въ города. Возникаетъ среднее сословіе гражданъ, города начинаютъ богатѣтъ, и на сѣверѣ Европы, въ отпоръ рыцарямъ, образуется Ганзейскій союзъ, связывающій всю сѣверную Европу своей торговлей. Между тѣмъ на югѣ возникаетъ порожденіе крестовыхъ походовъ— страшная торговлею Венеція, эта царица морей, эта чудная республика, съ такимъ замысловатымъ и необыкновенно устроеннымъ правленіемъ. Всѣ богатства Европы и Азіи невидимо перешли въ ея руки, и какъ папа религіозною властью, такъ Венеція непомѣрнымъ богатствомъ повелѣвала Европою. Духовный деспотъ употреблялъ всѣ силы убить ея торговлю, но все было напрасно, пока наконецъ генуэзскій гражданинъ не убилъ ее открытіемъ новаго свѣта. Наконецъ, я долженъ представить, какъ вдругъ расширился кругъ дѣйствій; какъ пала торговля Средиземнаго моря. Европейцы съ жадностью спѣшатъ въ Америку и вывозятъ кучи золота; Атлантическій и Восточный океаны въ ихъ власти, и въ то же время папскія миссіи проникаютъ въ сѣверовосточную Азію и Африку, — и міръ открывается почти вдругъ во всей своей обширности. Между тѣмъ въ Европѣ по-немногу сомнѣваются въ

справедливости папской власти, и какъ прежде торговлю Венеціи убилъ бѣдный Генуэзецъ, такъ власть папы сокрушилъ Августинскій монахъ Лютеръ. Какъ образовалась эта мысль въ головѣ смиреннаго монаха; какъ сильно и упрямо защищалъ онъ свои положенія; какъ, при паденіи своемъ, папа становился грознѣе и изобрѣтательнѣе: ввелъ ужасную инквизицію и страшный невидимою силою орденъ Іезуитскій, который вдругъ разсыпался по всему свѣту, проникъ во все, прошелъ вездѣ и тайно сообщался между собою на двухъ розныхъ концахъ міра. Но чѣмъ грознѣе становился папа, тѣмъ сильнѣе противъ него работали типографскіе станки. Вся Европа раздѣлилась на двѣ партіи, и эти партіи наконецъ схватились за оружіе, и война жестокая, внутри и внѣ государствъ, долгая, обхватила вдругъ всю Европу. Но уже не копьями и не стрѣлами производилась она, нѣтъ! пушками, ядрами, громомъ и огнемъ, ужаснымъ и благодѣтельнымъ изобрѣтеніемъ монаха-алхимиста, разыгралась эта великая тяжба. Духовная власть пала. Государи становятся сильнѣе. Я долженъ изобразить, какъ измѣнилась Европа послѣ этихъ войнъ. Государства, народы, сливаются плотнѣе въ нераздѣльныя массы. Нѣтъ того разъединенія *власти*, какъ въ средніе вѣка. Она сосредоточивается болѣе въ *одномъ* лицѣ. И какъ отъ того сильные характеры становятся виднѣе, кругъ государей, министровъ, полководцевъ обширнѣе! Самъ собою, невольно завязывается въ Европѣ политическій союзъ, полагающій защищать оружіемъ неприкосновенность каждаго государства. А между тѣмъ неутомимые купцы — Голландцы, вырвавшіе свою землю у моря, овладѣваютъ островами Восточнаго океана, берутъ милліоны за разводимые на нихъ плантаціи драгоцѣнныхъ растеній юга и, какъ прежде Венеція, схватываютъ торговлю всего міра, пока одинъ необыкновенный государь не подрываетъ ее и не покушается на неприкосновенность государствъ. Я долженъ изобразить блестящій вѣкъ, произведенный этимъ государемъ (Людовикомъ XIV), когда Франція закипѣла издѣліями роскоши, фабриками, писателями, когда Парижъ сдѣлался всемірною столицею, куда съѣзжались со всей Европы, и французскій языкъ, французскіе нравы, французскій этикетъ и обычаи распространились по всей Европѣ. Но, нарушивши неприкосновенность чужихъ вла-

дѣній, этотъ честолюбивый король хотя и разстроиваетъ торговлю Голландцевъ, но вмѣстѣ раззоряетъ свое государство и самъ убиваетъ свое величіе. Какъ быстро пользуются этимъ островитяне британскіе, которые до того медленно, но вѣрно, близились къ своей цѣли, наконецъ очутились почти вдругъ обладателями торговли всего міра: ворочаютъ милліонами въ Индіи, собираютъ дань съ Америки, и, гдѣ только море, тамъ британскій флагъ. Имъ преграждаетъ путь исполинъ XIX вѣка, Наполеонъ, и уже дѣйствуетъ другимъ орудіемъ—совершенно военнымъ деспотизмомъ; своими быстрыми движеньями оглушаетъ Европу и налагаетъ на нее желѣзное свое протекторство. Напрасно гремитъ противъ него въ англійскомъ парламентѣ Питтъ и составляетъ страшные союзы. Ничто не имѣетъ духа ему противиться, пока онъ самъ не набѣгаетъ на гибель свою, вторгнувшись въ Россію, гдѣ невѣдомыя ему пространства, лютость климата и войска, образованныя суворовскою тактикою, погубляютъ его. И Россія, сокрушившая этого исполина о неприступныя твердыни свои, останавливается въ грозномъ величіи на своемъ огромномъ сѣверовостокѣ. Освобожденныя государства получаютъ прежній видъ и прежнія формы, утверждаютъ снова союзъ и неприкосновенность владѣній. Просвѣщеніе, неостанавливаемое ничѣмъ, начинаетъ разливаться даже между низшимъ классомъ народа; паровыя машины доводятъ мануфактурность до изумительнаго совершенства; будто невидимые духи помогаютъ во всемъ человѣку и дѣлаютъ силу его еще ужаснѣе и благодѣтельнѣе,—и онъ, въ священномъ трепетѣ, видитъ, какъ Слово изъ Назарета обтекло наконецъ весь міръ.

Когда исторія міра будетъ удержана въ такомъ краткомъ, но полномъ эскизѣ, и происшествія будутъ такъ связаны между собою, тогда ничто не улетитъ изъ головы слушателей, и въ умѣ ихъ невольно составится цѣлое. Наконецъ, этотъ эскизъ, развившись въ великомъ объемѣ, составитъ полную исторію человѣчества.

VII.

Послѣ изложенія полной исторіи человѣчества, я долженъ разобрать отдѣльно исторію всѣхъ государствъ и народовъ, соста-

вляющихъ великій механизмъ всеобщей исторіи. Натурально, та же полнота, та же цѣлость должна быть видна и здѣсь въ обозрѣніи каждаго порознь. Я долженъ обнять его вдругъ, съ начала до конца: какъ оно основалось, когда было въ силѣ и блескѣ, когда и отъ чего пало (если только пало), и какимъ образомъ достигло того вида, въ какомъ находится нынѣ; если же народъ стерся съ лица земли, то какимъ образомъ на мѣсто его образовался новый и что́ принялъ отъ прежняго.

VIII.

Чтобъ еще глубже все сказанное вошло въ память, по окончаніи курса необходимы повторительные обзоры. Но чтобы повтореніе было успѣшнѣе, нужно стараться давать ему интересъ и занимательность новизны. Послѣ исторіи всего міра и отдѣльно каждой земли и народа, не мѣшаетъ сдѣлать обзоръ каждой части свѣта и тутъ показать все отличіе, какъ ихъ, такъ и народовъ въ нихъ находящихся, чтобъ слушатели сами могли вывесть результатъ.

Во первыхъ, объ Азіи, этой обширной колыбели младенчествующаго человѣчества, землѣ великихъ переворотовъ, гдѣ вдругъ возрастаютъ въ страшномъ величіи народы и вдругъ стираются другими; гдѣ столько націй невозвратно пронеслись одна за другою, а между тѣмъ формы правленія, духъ народовъ, одни и тѣ же: все такъ же важенъ, такъ же гордъ Азіятецъ, такъ же быстро воспламеняется и кипитъ страстями, такъ же скоро предается лѣни и бездѣйственной роскоши. И вмѣстѣ съ симъ, эта часть свѣта есть земля разительныхъ противоположностей и какого-то великаго безпорядка: еще одинъ народъ кочуетъ беззаботно въ необозримомъ многолюдствѣ съ необозримыми табунами, а между тѣмъ на другомъ концѣ, гдѣ-нибудь въ пустынѣ, изступленный изувѣръ, изнуряя себя безконечнымъ постомъ, замышляетъ новую религію, которая въ послѣдствіи обхватитъ всю Азію, одѣнетъ народъ, какъ непроницаемой бронею, своимъ изступленнымъ вдохновеніемъ и поведетъ его на разрушеніе; и тутъ же,

можетъ быть, недалеко отъ него, находится народъ, уже перешедшій всѣ эти явленія и кризисы, уже погруженный въ роскошь, утомленный азіятскимъ пресыщеніемъ. Только здѣсь можетъ находиться та странная противоположность, которой дивимся въ деревѣ юга, гдѣ на одной вѣткѣ, въ одно время, одинъ плодъ цвѣтетъ, между тѣмъ какъ другой наливается, третій зрѣетъ, четвертый, переспѣлый, валится на землю.

Потомъ о Европѣ, исторія которой означена совершенно противоположною характерностью, гдѣ существованіе народовъ, напротивъ, долго и мощно; гдѣ все, напротивъ, порядокъ и стройность: народы разомъ подвигаются тактъ въ тактъ, какъ регулярныя европейскія войска; государства всѣ почти въ одно время растутъ и совершенствуются; при всѣхъ характерныхъ отличіяхъ націй, въ нихъ видно общее единство, и каждая изъ нихъ такъ чудно запутана съ другими, что становится совершенно понятною только въ соединеніи со всей Европою, и вся Европа кажется однимъ государствомъ. И въ этой небольшой части свѣта рѣшилась долгая тяжба: человѣкъ сталъ выше природы, а природа обратилась въ искусство; самая бѣдность и скупость ея вызвали наружу весь безграничный міръ, скрывавшійся въ человѣкѣ, дали ему почувствовать, во сколько онъ выше земнаго, и превратили всю страну въ вѣчную жизнь ума. Въ этой одной только части свѣта могущественно развился высокій геній христіянства, и необъятная мысль, осѣненная небеснымъ знаменіемъ креста, витаетъ надъ нею, какъ надъ отчизною.

Потомъ объ Африкѣ, представляющей, въ противоположность Европѣ смерть ума, гдѣ природа всегда деспотически властвовала надъ человѣкомъ; гдѣ она во всемъ своемъ царственномъ величіи, и всегда почти возвращала его въ первобытное состояніе, въ жизнь чувственную; гдѣ ни одинъ коренной туземный народъ не прожилъ мощною жизнью и не отбросилъ отъ себя яркихъ лучей на міръ; гдѣ даже переселенцы съ другихъ земель напрасно вступали въ борьбу съ палящею природою африканской: чѣмъ далѣе погружались они въ Африку, тѣмъ глубже повергались въ чувственность.

Наконецъ объ Америкѣ, этой всемірной колоніи, вавилонскомъ смѣшеніи націй, гдѣ столкнулись три противорѣчащія части свѣта,

смѣшались, но еще не слились въ одно и потому еще неимѣющей покамѣстъ никакого единства, даже единства религіи; не взирая на частную характерность неполучившей общаго характера; не смотря на огромную массу, все еще состоящей изъ первоначальныхъ стихій, разложенныхъ началъ; не смотря на независимыя государства, все еще похожей на колонію.

Быстрый обзоръ исторіи каждой части свѣта во всей ея рѣзкой характерности, не поверхностный, но глубокій результатъ вѣковъ и событій, потому необходимъ, что онъ наводитъ на мысли и заставляетъ слушателей думать. Умъ тогда быстрѣе развивается, когда самъ предлагаетъ себѣ великій и поэтическій вопросъ. Этотъ обзоръ каждой части тѣмъ болѣе еще необходимъ, что показываетъ часто съ новой стороны тѣ же предметы. А для полнаго уразумѣнія нужно, чтобы предметъ былъ освѣщенъ со всѣхъ сторонъ. Только тогда вы знаете хорошо исторію, говоритъ Шлецеръ, когда знаете ее и вдоль и поперегъ, и вкось и во всѣхъ направленіяхъ.

IX.

И для того, въ видѣ эпилога, послѣ окончанія курса хорошо разсмотрѣть за однимъ разомъ весь міръ по столѣтіямъ. Тогда всеобщая исторія представитъ у меня великую лѣстницу вѣковъ. Я долженъ непремѣнно показать, чѣмъ ознаменованы начало, средина и конецъ каждаго столѣтія, потомъ—духъ и отличительныя черты его. Чтобы лучше опредѣлить каждый вѣкъ и избѣгнуть монотонности числъ, я назову его именемъ того народа, или лица, который сталъ въ немъ выше другихъ и ярче дѣйствовалъ на поприщѣ міра. Эта лѣстница столѣтій есть лучшее средство къ утвержденію въ памяти слушателей современности событій, лицъ и явленій.

X.

Мнѣ кажется, что такой образъ преподаванія будетъ дѣйствительнѣе и ближе къ истинѣ. По крайней мѣрѣ глубоко понимаю-

щій величіе исторіи увидитъ, что онъ не произведеніе мгновенной фантазіи, но плодъ долгихъ соображеній и опыта; что ни одинъ эпитетъ, ни одно слово не брошено здѣсь для красоты и мишурнаго блеска, но ихъ породило долговременное чтеніе лѣтописей міра; что составить эскизъ общій, полный, исторіи всего человѣчества, хотя даже столь краткій, какъ здѣсь, можно не иначе, какъ когда узнаешь и постигнешь самыя тонкія и запутанныя нити исторіи, и что одна любовь къ наукѣ, составляющей для меня наслажденіе, понудила меня объявить мои мысли; что цѣль моя — образовать сердца юныхъ слушателей той основательной опытностью, которую развертываетъ исторія, понимаемая въ ея истинномъ величіи,— сдѣлать ихъ твердыми, мужественными въ своихъ правилахъ, чтобы никакой легкомысленный фанатикъ и никакое минутное волненіе не могло поколебать ихъ, — сдѣлать ихъ кроткими, покорными, благородными, необходимыми и нужными сподвижниками Великаго Государя, чтобы ни въ счастіи, ни въ несчастіи, не измѣнили они своему долгу, своей вѣрѣ, своей благородной чести и своей клятвѣ—быть вѣрными отечеству и государю.

ПОРТРЕТЪ.

ПОВѢСТЬ.

(Въ первоначальномъ видѣ).

§ 1.

Нигдѣ столько не останавливалось народа, какъ передъ картинною лавочкою на Щукиномъ дворѣ. Эта лавочка представляла точно самое разнородное собраніе диковинокъ: картины большею частью были писаны масляными красками, покрыты темнозеленымъ лакомъ, въ темножелтыхъ мишурныхъ рамахъ. Зима съ бѣлыми деревьями, совершенно красный вечеръ, похожій на зарево пожара, фламанскій мужикъ съ трубкою и выломанною рукою, похожій болѣе на индѣйскаго пѣтуха въ манжетахъ, нежели на человѣка — вотъ обыкновенные ихъ сюжеты. Къ этому нужно присовокупить нѣсколько гравированныхъ изображеній: портретъ Хозрева-Мирзы въ бараньей шапкѣ, портреты какихъ-то генераловъ въ треугольныхъ шляпахъ съ кривыми носами.—Двери такой лавочки обыкновенно бываютъ увѣшаны связками тѣхъ картинъ, которыя свидѣтельствуютъ самородное дарованіе русскаго человѣка. На одной изъ нихъ была царевна Миликтриса Кирбитьевна, на другой городъ Іерусалимъ, по домамъ и церквамъ котораго безъ церемоніи прокатилась красная краска, захватившая часть земли и двухъ молящихся русскихъ мужиковъ въ рукавицахъ. Покупателей этихъ произведеній обыкновенно не много,

но за то зрителей куча: какой-нибудь забулдыга-лакей уже, вѣрно, зѣваетъ передъ ними, держа въ рукѣ судки съ обѣдомъ изъ трактира для своего барина, который, безъ сомнѣнія, будетъ хлѣбать супъ не слишкомъ горячій. Передъ ними, вѣрно, уже стоитъ солдатъ, этотъ кавалеръ толкучаго рынка, продающій два перочинные ножика; торговка изъ Охты, съ коробкою, наполненною башмаками. Всякій восхищается по-своему: мужики обыкновенно тыкаютъ пальцами; кавалеры разсматриваютъ серьезно; лакеи-мальчишки и мальчишки-мастеровые смѣются и дразнятъ другъ друга нарисованными каррикатурами; старые лакеи въ фризовыхъ шинеляхъ смотрятъ потому только, чтобы гдѣ-нибудь позѣвать; а торговки, молодыя русскія бабы, спѣшатъ по инстинкту, чтобы послушать, о чемъ калякаетъ народъ, и посмотрѣть, на что онъ смотритъ.

Въ это время невольно остановился передъ лавкою проходившій мимо молодой художникъ, Чертковъ. Старая шинель и нещегольское платье показывали въ немъ того человѣка, который съ самоотверженіемъ преданъ былъ своему труду и не имѣлъ времени заботиться о своемъ нарядѣ, всегда имѣющемъ таинственную привлекательность для молодежи. Онъ остановился передъ лавкою и сперва внутренно смѣялся надъ этими уродливыми картинами; наконецъ невольно овладѣло имъ размышленіе: онъ сталъ думать о томъ, кому бы нужны были эти произведенія. Что русскій народъ заглядывается на *Еруслановъ Лазаричей*, на *объѣдалъ* и *опивалъ*, на *Ѳому* и *Ерему*—это ему не казалось удивительнымъ: изображенные предметы были очень доступны и понятны народу; но гдѣ покупатели этихъ пестрыхъ, грязныхъ, масляныхъ малеваній? кому нужны эти фламанскіе мужики, эти красные и голубые пейзажи, которые показываютъ какое-то притязаніе на нѣсколько уже высшій шагъ искусства, но въ которыхъ выразилось все глубокое его униженіе? Если бы это были труды ребенка, покоряющагося одному невольному желанію, если бы они совсѣмъ не имѣли никакой правильности, не сохраняли даже первыхъ условій механическаго рисованія, если бы въ нихъ было все въ каррикатурномъ видѣ,—но въ этомъ каррикатурномъ видѣ просвѣчивалось бы хотя какое-нибудь стараніе, какой-нибудь порывъ произвести подобное природѣ,—но ничего этого нельзя было оты-

скать въ нихъ. Какое-то тупоуміе старости, какая-то безсмысленная охота, или, лучше сказать, неволя водила рукою ихъ творцовъ. Кто трудился надъ ними? И трудился, безъ сомнѣнія, одинъ и тотъ же, потому что тѣ же краски, та же манера, та же набившаяся, пріобыкшая рука, принадлежавшая скорѣе грубо сдѣланному автомату, нежели человѣку.

Онъ все такъ же стоялъ передъ этими грязными картинами и глядѣлъ на нихъ, но уже совершенно не глядя, между тѣмъ какъ содержатель этого живописнаго магазина, сѣренькій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, во фризовой шинели, съ давно небритымъ подбородкомъ, разсказывалъ ему, что «картины *самой первой сортъ* и только-что получены съ биржи, еще и лакъ не высохъ и въ рамки не вставлены. Смотрите сами, честью увѣряю, что останетесь довольны.» Всѣ эти заманчивыя рѣчи летѣли мимо ушей Черткова. Наконецъ, чтобы немного ободрить хозяина, онъ поднялъ съ полу нѣсколько запылившихся картинъ. Это были старые фамильные портреты, которыхъ потомки врядъ ли бы отыскались. Почти машинально началъ онъ съ одного изъ нихъ стирать пыль. Легкая краска вспыхнула на лицѣ его, краска, которая означаетъ тайное удовольствіе при чемъ-нибудь неожиданномъ. Онъ сталъ нетерпѣливо тереть рукою и скоро увидѣлъ портретъ, на которомъ ясно была видна мастерская кисть, хотя краски казались нѣсколько мутными и почернѣвшими.

Это былъ старикъ съ какимъ-то безпокойнымъ и даже злобнымъ выраженіемъ лица; въ устахъ его была улыбка, рѣзкая, язвительная, и вмѣстѣ какой-то страхъ; румянецъ болѣзни былъ тонко разлитъ по лицу, исковерканному морщинами; глаза его были велики, черны, тусклы, но вмѣстѣ съ этимъ въ нихъ была замѣтна какая-то странная живость. Казалось, этотъ портретъ изображалъ какого-нибудь скрягу, проведшаго жизнь надъ сундукомъ, или одного изъ тѣхъ несчастныхъ, которыхъ всю жизнь мучитъ счастіе другихъ. Лицо вообще сохраняло яркій отпечатокъ южной физіогноміи. Смуглота, черные, какъ смоль, волосы, съ пробившеюся просѣдью—все это не попадается у жителей сѣверныхъ губерній. Во всемъ портретѣ была видна какая-то неокончательность; но если бы онъ приведенъ былъ въ совершенное исполненіе, то зна-

токъ потерялъ бы голову въ догадкахъ, какимъ образомъ совершеннѣйшее твореніе Вандика очутилось въ Россіи и зашло въ лавочку на Щукинъ дворъ!

Съ біющимся сердцемъ, молодой художникъ, отложивши его въ сторону, началъ перебирать другіе, не найдется ли еще чего подобнаго; но все прочее составляло совершенно другой міръ и показывало только, что этотъ гость глупымъ счастьемъ попалъ между нихъ. Наконецъ Чертковъ спросилъ о цѣнѣ.

Пронырливый купецъ, замѣтивъ по его вниманію, что портретъ чего-нибудь стоитъ, почесалъ за ухомъ и сказалъ: «Да что? вѣдь десять рублей будетъ за него маловато.»

Чертковъ протянулъ руку въ карманъ.

«Я даю одиннадцать!» раздалось позади его.

Онъ обратился и увидѣлъ, что народу собралась куча и что одинъ господинъ въ плащѣ долго, подобно ему, стоялъ передъ картиною. Сердце у него сильно забилось и губы тихо задрожали, какъ у человѣка, который чувствуетъ, что у него хотятъ отнять предметъ его исканій. Осмотрѣвши внимательно новаго покупщика, онъ нѣсколько утѣшился, замѣтивъ на немъ костюмъ, ни мало не уступавшій его собственному, и произнесъ дрожащимъ голосомъ: «Я дамъ тебѣ двѣнадцать рублей, картина моя.»

«Хозяинъ! картина за мною, вотъ тебѣ пятнадцать рублей!» произнесъ покупщикъ.

Лицо Черткова судорожно вздрогнуло, духъ захватился, и онъ невольно выговорилъ: «Двадцать рублей.»

Купецъ потиралъ руки отъ удовольствія, видя, что покупщики сами торгуются въ его пользу. Народъ гуще обступилъ покупающихъ, услышавъ носомъ, что обыкновенная продажа превратилась въ аукціонъ, всегда имѣющій сильный интересъ, даже для постороннихъ. Цѣну наконецъ набили до пятидесяти рублей. Почти отчаянно закричалъ Чертковъ: «пятьдесятъ», вспомнивши, что у него вся сумма въ пятидесяти рубляхъ, изъ которыхъ онъ долженъ, хотя часть, заплатить за квартиру и, кромѣ того, купить красокъ и еще кое-какихъ необходимыхъ вещей. Противникъ въ это время отступился: сумма, казалось, превосходила такъ же его состояніе, и картина осталась за Чертковымъ. Вынувши изъ кармана ассиг-

націю, онъ бросилъ ее въ лицо купцу и ухватился съ жадностью за картину, но вдругъ отскочилъ отъ нея, пораженный страхомъ.

Темные глаза нарисованнаго старика глядѣли такъ живо и вмѣстѣ мертвенно, что нельзя было не ощутить испуга. Казалось, въ нихъ неизъяснимо странною силою удержана была часть жизни. Это были не нарисованные, это были живые, это были человѣческіе глаза. Они были неподвижны, но, вѣрно, не были бы такъ ужасны, если бы двигались. Какое-то дикое чувство—не страхъ, но то неизъяснимое ощущеніе, которое мы чувствуемъ при появленіи странности, представляющей безпорядокъ природы, или, лучше сказать, какое-то сумасшествіе природы,—это самое чувство заставило вскрикнуть почти всѣхъ. Съ трепетомъ провелъ Чертковъ рукою по полотну, но полотно было гладко. Дѣйствіе, произведенное портретомъ, было всеобщее: народъ съ какимъ-то ужасомъ отхлынулъ отъ лавки, покупщикъ, вошедшій съ нимъ въ соперничество, боязливо удалился. Сумерки въ это время сгустились, казалось, для того, чтобы сдѣлать еще болѣе ужаснымъ это непостижимое явленіе. Чертковъ не въ силахъ былъ остановиться болѣе. Не смѣя и думать о томъ, чтобы взять его съ собою, онъ выбѣжалъ на улицу.

Свѣжій воздухъ, громъ мостовой, говоръ народа, казалось, на минуту освѣжилъ его, но душа была все еще сжата какимъ-то тягостнымъ чувствомъ. Сколько ни обращалъ онъ глазъ по сторонамъ на окружающіе предметы, но мысли его были заняты однимъ необыкновеннымъ явленіемъ. «Что это?» думалъ онъ самъ про себя: «искусство, или сверхъестественное какое волшебство, выглянувшее мимо законовъ природы? Какая странная, какая непостижимая задача! Или для человѣка есть такая черта, до которой доводитъ высшее познаніе, и чрезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка, онъ вырываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналъ. Отъ чего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? или за воображеніемъ, за порывомъ, слѣдуетъ наконецъ дѣйствительность, та ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ, та ужасная дѣйствительность, которая представляется

жаждущему ея тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка. Непостижимо такая изумительная, такая ужасная живость! или черезъ-чуръ близкое подражаніе природѣ такъ же приторно, какъ блюдо, имѣющее черезъ-чуръ сладкій вкусъ?»

Съ такими мыслями вошелъ онъ въ свою маленькую комнатку въ небольшомъ деревянномъ домѣ, на Васильевскомъ островѣ, въ 15 линіи, въ которой лежали разбросанные во всѣхъ углахъ ученическіе его начатки, копіи съ антиковъ, тщательныя, точныя, показывавшія въ художникѣ стараніе постигнуть фундаментальные законы и внутренній размѣръ природы. Долго разсматривалъ онъ ихъ, и наконецъ мысли его потянулись одна за другою и стали выражаться почти словами: такъ живо чувствовалъ онъ то, о чемъ размышлялъ!

«И вотъ годъ, какъ я тружусь надъ этимъ сухимъ, скелетнымъ трудомъ! стараюсь всѣми силами узнать то, что̀ такъ чудно дается великимъ творцамъ и кажется плодомъ минутнаго быстраго вдохновенія! Только тронутъ они кистью, и уже является у нихъ человѣкъ вольный, свободный, таковъ, какимъ онъ созданъ природою; движенія его живы, непринужденны. Имъ это дано вдругъ, а мнѣ должно трудиться всю жизнь, всю жизнь изслѣдывать скучныя начала и стихіи, всю жизнь отдать безцвѣтной, неотвѣчающей на чувства работѣ. Вотъ мои маранья! Они вѣрны, схожи съ оригиналами; но захоти я произвесть свое—и у меня выйдетъ совсѣмъ не то: нога не станетъ такъ вѣрно и непринужденно: рука не подымется такъ легко и свободно; поворотъ головы у меня вовѣки не будетъ такъ естественъ, какъ у нихъ, а мысль, а тѣ невыразимыя явленія... Нѣтъ, я не буду никогда великимъ художникомъ!»

Размышленія его прерваны были вошедшимъ его камердинеромъ, парнемъ лѣтъ осьмнадцати, въ русской рубашкѣ, съ розовымъ лицомъ и рыжими волосами. Онъ безъ церемоніи началъ стягивать съ Черткова сапоги, который былъ погруженъ въ свои размышленія. Этотъ парень, въ красной рубашкѣ, былъ его лакей, натурщикъ, чистилъ ему сапоги, зѣвалъ въ маленькой его перед-

ней, теръ краски и пачкалъ грязными ногами его полъ. Взявши сапоги, онъ бросилъ ему халатъ и выходилъ уже изъ комнаты, какъ вдругъ оборотилъ голову назадъ и произнесъ громко: «Баринъ, свѣчу зажигать, или нѣтъ?»

«Зажги», отвѣчалъ разсѣянно Чертковъ.

«Да еще хозяинъ приходилъ», примолвилъ кстати грязный камердинеръ, слѣдуя похвальному обычаю всѣхъ людей его званія, упоминать въ P. S. о томъ, что̀ поважнѣе, «хозяинъ приходилъ и сказалъ, что если не заплатите денегъ, то вышвырнетъ всѣ ваши картины за окошко вмѣстѣ съ кроватью.»

«Скажи хозяину, чтобы не безпокоился о деньгахъ», отвѣчалъ Чертковъ: «я досталъ деньги.»

При этомъ онъ обратился къ карману фрака, но вдругъ вспомнилъ, что всѣ деньги свои оставилъ за портретъ у лавочника. Мысленно началъ онъ укорять себя въ безразсудности, что выбѣжалъ безъ всякой причины изъ лавки, испугавшись ничтожнаго случая, и не взялъ съ собою ни денегъ, ни портрета. Завтра же рѣшился онъ идти къ купцу и взять деньги, почитая себя совершенно вправѣ отказаться отъ такой покупки, тѣмъ болѣе, что *его* домашнія обстоятельства не позволяли сдѣлать никакой лишней издержки.

Свѣтъ луны, яркимъ, бѣлымъ окномъ ложился на его полъ, захватывая часть кровати и оканчиваясь на стѣнѣ. Всѣ предметы и картины, висѣвшія въ его комнатѣ, какъ-то улыбались, захвативши иногда краями своими часть этого вѣчно-прекраснаго сіянія. Въ эту минуту какъ-то нечаянно онъ взглянулъ на стѣну и увидѣлъ на ней тотъ же самый странный портретъ, такъ поразившій его въ лавкѣ. Легкая дрожь невольно пробѣжала по его тѣлу. Первымъ дѣломъ его было позвать своего камердинера и натурщика и распросить, какимъ образомъ и кто принесъ къ нему портретъ; но камердинеръ-натурщикъ клялся, что никто не приходилъ, выключая хозяина, который былъ еще поутру и, кромѣ ключа, ничего не имѣлъ въ своихъ рукахъ. Чертковъ чувствовалъ, что волосы его зашевелились на головѣ. Сѣвши возлѣ окна, онъ силился себя увѣрить, что здѣсь не могло ничего быть сверхъестественнаго, что мальчикъ его могъ въ это время заснуть,

что хозяинъ портрета могъ его прислать, узнавши какимъ-нибудь особеннымъ случаемъ его квартиру... Короче, онъ началъ приводить всѣ тѣ плоскія изъясненія, которыя мы употребляемъ, когда хотимъ, чтобы случившееся случилось непремѣнно такъ, какъ мы думаемъ. Онъ положилъ себѣ не смотрѣть на портретъ, но голова его невольно къ нему обращалась, и взглядъ, казалось, прикипалъ къ странному изображенію. Неподвижный взглядъ старика былъ нестерпимъ; глаза совершенно свѣтились, вбирая въ себя лунный свѣтъ, и живость ихъ до такой степени была страшна, что Чертковъ невольно закрылъ свои глаза рукою. Казалось, слеза дрожала на рѣсницахъ старика; свѣтлыя сумерки, въ которыя владычица-луна превратила ночь, увеличивали дѣйствіе; полотно пропадало, и страшное лицо старика выдвинулось и глядѣло изъ рамъ, какъ-будто изъ окошка.

Приписывая это сверхъестественное дѣйствіе лунѣ, чудесный свѣтъ которой имѣетъ въ себѣ тайное свойство придавать предметамъ часть звуковъ и красокъ другаго міра, онъ приказалъ подать скорѣе свѣчу, около которой копался его лакей, но выраженіе портрета ничуть не уменьшилось: лунный свѣтъ, слившись съ сіяніемъ свѣчи, придалъ ему еще болѣе непостижимой и вмѣстѣ странной живости. Схвативши простыню, онъ началъ закрывать портретъ, свернулъ ее втрое, чтобы онъ не могъ сквозь нее просвѣчивать; но при всемъ томъ—или это было слѣдствіе сильно потревоженнаго воображенія, или собственные глаза его, утомленные сильнымъ напряженіемъ, получили какую-то бѣглую, движущуюся сноровку, только ему долго казалось, что взоръ старика сверкалъ сквозь полотно. Наконецъ онъ рѣшился погасить свѣчу и лечь въ постель, которая была заставлена ширмами, скрывавшими отъ него портретъ. Напрасно ожидалъ онъ сна: мысли самыя неутѣшительныя прогоняли то спокойное состояніе, которое ведетъ за собою сонъ: тоска, досада; хозяинъ требующій денегъ, недоконченныя картины — созданія безсильныхъ порывовъ, бѣдность,— все это двигалось передъ нимъ и смѣнялось одно другимъ. И, когда на минуту удавалось ему прогнать ихъ, то чудный портретъ властительно втѣснялся въ его воображеніе, и, казалось, сквозь щелку въ ширмахъ сверкали его убійственные глаза. Никогда не чувство-

валъ онъ на душѣ своей такого тяжелаго гнета. Свѣтъ луны, который содержитъ въ себѣ столько музыки, когда вторгается въ одинокую спальню поэта и приноситъ младенчески-очаровательные полусны надъ его изголовьемъ, этотъ свѣтъ луны не наводилъ на него музыкальныхъ мечтаній,—его мечтанія были болѣзненны. Наконецъ впалъ онъ—не въ сонъ, но въ какое-то полузабвеніе, въ то тягостное состояніе, когда однимъ глазомъ видимъ приступающія грезы сновидѣній, а другимъ въ неясномъ облакѣ окружающіе предметы.

Онъ видѣлъ, какъ поверхность старика отдѣлялась и сходила съ портрета, такъ же, какъ снимается съ кипящей жидкости верхняя пѣна, подымалась на воздухъ и неслась къ нему ближе и ближе, наконецъ приближалась къ самой его кровати. Чертковъ чувствовалъ занимавшееся дыханіе, силился приподняться; но руки его были неподвижны. Глаза старика мутно горѣли и вперились въ него всею магнитною своею силою.

«Не бойся», говорилъ странный старикъ, и Чертковъ замѣтилъ у него на губахъ улыбку, которая, казалось, жалила его своимъ осклабленіемъ и яркою живостью освѣтила тусклыя морщины его лица. «Не бойся меня», говорило странное явленіе: «мы съ тобою никогда не разлучимся. Ты задумалъ весьма глупое дѣло: что̀ тебѣ за охота цѣлые вѣки корпѣть за азбукою, когда ты давно можешь читать по верхамъ? Ты думаешь, что долгими усиліями можно постигнуть искусство, что ты выиграешь и получишь что-нибудь? Да, ты получишь» (при этомъ лицо его странно исковеркалось, и какой-то неподвижный смѣхъ выразился на всѣхъ его морщинахъ), «ты получишь завидное право кинуться съ Исакіевскаго моста въ Неву, или, завязавши шею платкомъ, повѣситься на первомъ попавшемся гвоздѣ; а труды твои первый маляръ, накупивши ихъ на рубль, замажетъ грунтомъ, чтобы нарисовать на немъ какую-нибудь красную рожу. Брось свою глупую мысль! Все дѣлается въ свѣтѣ для пользы. Бери же скорѣе кисть и рисуй портреты со всего города! бери все, что̀ ни закажутъ; но не влюбляйся въ свою работу, не сиди надъ нею дни и ночи; время летитъ скоро, и жизнь не останавливается. Чѣмъ болѣе смастеришь ты въ день своихъ картинъ, тѣмъ больше въ карманѣ будетъ у тебя денегъ и

славы. Брось этотъ чердакъ и найми богатую квартиру. Я тебя люблю и потому даю тебѣ такіе совѣты; я тебѣ и денегъ дамъ, только приходи ко мнѣ.»

При этомъ старикъ опять выразилъ на лицѣ своемъ тотъ же неподвижный, страшный смѣхъ.

Непостижимая дрожь проняла Черткова и выступила холоднымъ потомъ на его лицѣ. Собравши всѣ свои усилія, онъ приподнялъ руку и наконецъ привсталъ съ кровати. Но образъ старика сдѣлался тусклымъ, и онъ только замѣтилъ, какъ онъ ушелъ въ свои рамы. Чертковъ всталъ съ безпокойствомъ и началъ ходить по комнатѣ. Чтобы немного освѣжить себя, онъ приблизился къ окну. Лунное сіяніе лежало всё еще на крышахъ и бѣлыхъ стѣнахъ домовъ, хотя небольшія тучи стали чаще переходить по небу. Все было тихо; изрѣдка долетало до слуха отдаленное дребезжаніе дрожекъ извощика, который гдѣ-нибудь въ невидномъ переулкѣ спалъ, убаюкиваемый своею лѣнивою клячею, поджидая запоздалаго сѣдока. Чертковъ увѣрился наконецъ, что воображеніе его слишкомъ разстроено и представило ему во снѣ твореніе его же возмущенныхъ мыслей. Онъ подошелъ еще разъ къ портрету. Простыня его совершенно скрывала отъ взоровъ, и, казалось, только маленькая искра сквозила изрѣдка сквозь нее. Наконецъ онъ заснулъ и проспалъ до самаго утра.

Проснувшись, онъ долго чувствовалъ въ себѣ то непріятное состояніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ послѣ угара: голова его непріятно болѣла. Въ комнатѣ было тускло, непріятная мокрота сѣялась въ воздухѣ и проходила сквозь щели его оконъ, заставленныхъ картинами, или натянутымъ грунтомъ.

Скоро у дверей раздался стукъ, и вошелъ хозяинъ съ квартальнымъ надзирателемъ, котораго появленіе для людей мелкихъ такъ же непріятно, какъ для богатыхъ умильное лицо просителя. Хозяинъ небольшаго дома, въ которомъ жилъ Чертковъ, былъ одно изъ тѣхъ твореній, какими обыкновенно бываютъ владѣтели домовъ въ пятнадцатой линіи Васильевскаго острова, на Петербургской сторонѣ, или въ отдаленномъ углу Коломны, — твореніе, какихъ очень много на Руси, и которыхъ характеръ такъ же трудно опредѣлить, какъ цвѣтъ изношеннаго сюртука. Въ молодости сво-

ей онъ былъ и капитанъ, и крикунъ, употреблялся и по штатскимъ дѣламъ, мастеръ былъ хорошо высѣчь, былъ и расторопенъ, и щеголь, и глупъ; но въ старости своей онъ слилъ въ себѣ всѣ эти рѣзкія особенности въ какую-то тусклую неопредѣленность. Онъ былъ уже вдовъ, былъ уже въ отставкѣ; уже не щеголялъ, не хвасталъ, не задирался; любилъ только пить чай и болтать за нимъ всякой вздоръ, ходилъ по своей комнатѣ, поправлялъ сальный огарокъ, аккуратно, по истеченіи каждаго мѣсяца навѣдывался къ своимъ жильцамъ за деньгами; выходилъ на улицу съ ключомъ въ рукѣ, для того, чтобы посмотрѣть на крышу своего дома; выгонялъ нѣсколько разъ дворника изъ его кануры, куда онъ запрятывался спать—однимъ словомъ, былъ человѣкъ въ отставкѣ, которому, послѣ всей забубенной жизни и тряски на перекладной, остаются однѣ пошлыя привычки.

«Извольте сами глядѣть», сказалъ хозяинъ, обращаясь къ квартальному и разставляя руки, «извольте распорядиться и объявить ему.»

«Я долженъ вамъ объявить», сказалъ квартальный надзиратель, заложивши руку за петлю своего мундира, «что вы должны непремѣнно заплатить должныя вами уже за три мѣсяца квартирныя деньги.»

«Я бы радъ заплатить, но что́ же дѣлать, когда нечѣмъ?» сказалъ хладнокровно Чертковъ.

«Въ такомъ случаѣ, хозяинъ долженъ взять себѣ вашу движимость, равностоющую суммѣ квартирныхъ денегъ, а вамъ должно немедленно сегодня же выѣхать.»

«Берите все, что́ хотите», отвѣчалъ почти безчувственно Чертковъ.

«Картины многія не безъ искусства сдѣланы», продолжалъ квартальный, перебирая изъ нихъ нѣкоторыя. «Жаль только, что не кончены, и краски то не такъ живы.... Вѣрно, недостатокъ въ деньгахъ не позволялъ вамъ купить ихъ? А это что̀ за картина, завернутая въ холстину?»

При этомъ квартальный, безъ церемоніи подошедши къ картинѣ, сдернулъ съ нея простыню, потому что эти господа всегда позволяютъ себѣ маленькую вольность тамъ, гдѣ видятъ совер-

шенную беззащитность, или бѣдность. Портретъ, казалось, изумилъ его, потому что необыкновенная живость глазъ производила на всѣхъ равное дѣйствіе. Разсматривая картину, онъ нѣсколько крѣпко сжалъ ея рамы, и, такъ какъ руки у полицейскихъ служителей всегда нѣсколько отзываются топорной работою, то рамка вдругъ лопнула, небольшая дощечка упала на полъ вмѣстѣ съ брякнувшимъ на землю сверткомъ золота, и нѣсколько блестящихъ кружковъ покатилось во всѣ стороны. Чертковъ съ жадностью бросился подбирать и вырвалъ изъ полицейскихъ рукъ нѣсколько поднятыхъ имъ червонцевъ.

«Какъ же вы говорите, что не имѣете чѣмъ заплатить», замѣтилъ квартальный, пріятно улыбаясь, «а между тѣмъ у васъ столько золотой монеты!»

«Эти деньги для меня священны!» вскричалъ Чертковъ, опасаясь искусныхъ рукъ полицейскаго. «Я долженъ ихъ хранить, онѣ ввѣрены мнѣ покойнымъ отцомъ. Впрочемъ, чтобъ васъ удовлетворить, вотъ вамъ за квартиру!» При этомъ онъ бросилъ нѣсколько червонцевъ хозяину дома.

Физіогномія и пріемы въ одну минуту измѣнились у хозяина и достойнаго блюстителя за нравами пьяныхъ извощиковъ.

Полицейскій сталъ извиняться и увѣрять, что онъ только исполнялъ предписанную форму, а, впрочемъ, никакъ не имѣлъ права его принудить; а чтобы болѣе въ этомъ увѣрить Черткова, онъ предложилъ ему призъ табаку. Хозяинъ дома увѣрялъ, что онъ только пошутилъ, и увѣрялъ съ такою божбою и безсовѣстностію, съ какою, обыкновенно, увѣряетъ купецъ въ гостиномъ дворѣ.

Но Чертковъ выбѣжалъ вонъ и не рѣшился болѣе оставаться на прежней квартирѣ. Онъ не имѣлъ даже времени подумать о странности этого происшествія. Осмотрѣвши свертокъ, онъ увидѣлъ въ немъ болѣе сотни червонцевъ. Первымъ дѣломъ его было нанять щегольскую квартиру. Квартира, попавшаяся ему, была какъ-нарочно для него приготовлена: четыре въ рядъ высокія комнаты, большія окна, всѣ выгоды и удобства для художника! Лежа на турецкомъ диванѣ и глядя въ цѣльныя окна на растущія и мелькающія волны народа, онъ былъ погруженъ въ какое-то самодовольное забвеніе и дивился самъ своей судьбѣ, еще вчера пре-

смыкавшейся съ нимъ на чердакѣ. Недоконченныя и оконченныя картины развѣсились по стройнымъ колоссальнымъ стѣнамъ; между ними висѣлъ таинственный портретъ, который достался ему такимъ единственнымъ образомъ.

Онъ опять сталъ думать о причинѣ необыкновенной живости его глазъ. Мысли его обратились къ видимому имъ полусновидѣнію, наконецъ къ чудному кладу, скрывавшемуся въ его рамкахъ. Все привело его къ тому, что какая-нибудь исторія соединена съ существованіемъ портрета, и что даже, можетъ быть, его собственное бытіе связано съ этимъ портретомъ. Онъ вскочилъ съ своего дивана и началъ его внимательно разсматривать: въ рамѣ находился ящикъ, прикрытый тоненькой дощечкой, но такъ искусно задѣланной и заглаженной съ поверхностью, что никто бы не могъ узнать о его существованіи, если бы тяжелый палецъ квартальнаго не продавилъ дощечки. Онъ поставилъ его на мѣсто и еще разъ на него посмотрѣлъ. Живость глазъ уже не казалась ему такъ страшною среди яркаго свѣта, наполнявшаго его комнату сквозь огромныя окна, и многолюднаго шума улицы, громившаго его слухъ; но она заключала въ себѣ что-то непріятное, такъ что онъ постарался скорѣе отъ него отворотиться.

Въ это время зазвенѣлъ звонокъ у дверей, и вошла къ нему почтенная дама пожилыхъ лѣтъ, съ таліей въ рюмочку, въ сопровожденіи молоденькой, лѣтъ осьмнадцати; лакей въ богатой ливреѣ отворилъ имъ дверь и остановился въ передней.

«Я къ вамъ съ просьбою», произнесла дама ласковымъ тономъ, съ какимъ обыкновенно онѣ говорятъ съ художниками, французскими парикмахерами и прочими людьми, рожденными для удовольствія другихъ. «Я слышала о вашихъ дарованіяхъ... (Чертковъ удивился такой скорой своей славѣ.) Мнѣ хочется, чтобы вы сняли портретъ съ моей дочери.»

При этомъ блѣдное личико дочери обратилось къ художнику, который если бы былъ знатокъ сердца, то вдругъ бы прочелъ на немъ немноготомную исторію ея: ребяческая страсть къ баламъ, тоска и скука продолжительнаго времени до обѣда и послѣ обѣда, желаніе побѣгать въ платьѣ послѣдней моды на многолюдномъ гуляньи, нетерпѣливость увидѣть свою пріятельницу для того, чтобы

ей сказать: «Ахъ, милая, какъ я скучала», или объявить, какую мадамъ Сихлеръ сдѣлала уборку къ платью княгини Б . . . Вотъ все, что̀ выражало лицо молодой посѣтительницы, блѣдное, почти безъ выраженія, съ оттѣнкою какой-то болѣзненной желтизны.

«Я бы желала, чтобы вы теперь же принялись за работу», продолжала дама: «мы можемъ вамъ дать часъ.» Чертковъ бросился къ краскамъ и кистямъ, взялъ уже готовый натянутый грунтъ и устроился, какъ слѣдуетъ.

«Я васъ должна нѣсколько предувѣдомить», говорила дама, «на счетъ моей Анетъ, и этимъ облегчить нѣсколько вашъ трудъ. Въ глазахъ ея и даже во всѣхъ чертахъ лица всегда была замѣтна томность; моя Анетъ очень чувствительна, и, признаюсь, я никогда не даю ей читать новыхъ романовъ. (Художникъ смотрѣлъ въ оба и не замѣтилъ никакой томности.) Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы изобразили ее просто въ семейномъ кругу, или, еще лучше, одну на чистомъ воздухѣ, въ зеленой тѣни, чтобы ничто не показывало, будто она ѣдетъ на балъ. Наши балы, должно признаться, такъ скучны и такъ убиваютъ душу, что, право, я не понимаю удовольствія бывать на нихъ.»

Но на лицѣ дочери и даже самой почтенной дамы было написано рѣзкими чертами, что онѣ не пропускали ни одного бала.

Чертковъ былъ минуту въ размышленіи, какъ согласить эти небольшія противуположности, наконецъ рѣшился избрать благоразумную средину. Притомъ его прельщало желаніе побѣдить трудности и восторжествовать искусствомъ, согласивъ двусмысленное выраженіе портрета. Кисть бросила на полотно первый туманъ, художническій хаосъ; изъ него начали дѣлиться и выходить медленно образующіяся черты. Онъ приникъ весь къ своему оригиналу и уже началъ уловлять тѣ неуловимыя черты, которыя самому безцвѣтному оригиналу придаютъ, въ правдивой копіи, какой-то характеръ, составляющій высокое торжество истины. Какой-то сладкій трепетъ началъ имъ одолѣвать, когда онъ чувствовалъ, что наконецъ подмѣтилъ и, можетъ быть, выразитъ то, что̀ очень рѣдко удается выражать. Это наслажденіе, неизъяснимое и прогрессивно возвышающееся, извѣстно только таланту. Подъ кистью его лицо портрета какъ-будто невольно пріобрѣтало тотъ

колоритъ, который былъ для него самого внезапнымъ открытіемъ; но оригиналъ началъ такъ сильно вертѣться и зѣвать передъ нимъ, что художнику, еще неопытному, трудно было ловить урывками и мгновеньями постоянное его выраженіе.

«Мнѣ кажется, на первый разъ довольно», произнесла почтенная дама.

Боже, какъ это ужасно! А душа и силы разохотились и хотѣли разгуляться. Повѣсивши голову и бросивши палитру, стоялъ онъ передъ своею картиною.

«Мнѣ, однакожъ, сказали, что вы въ два сеанса оканчиваете совершенно портретъ», произнесла дама, подходя къ картинѣ; «а у васъ до сихъ поръ еще только почти одинъ абрисъ. Мы пріѣдемъ къ вамъ завтра въ это же время.»

Молчаливо выпроводилъ своихъ гостей художникъ и остался въ непріятномъ размышленіи: въ его тѣсномъ чердакѣ никто не перебивалъ ему, когда онъ сидѣлъ надъ своею незаказною работою. Съ досадою отодвинулъ онъ начатый портретъ и хотѣлъ заняться другими недоконченными работами. Но какъ-будто можно мысль и чувства, проникнувшія уже до души, замѣстить новыми, въ которыя еще не успѣло влюбиться наше воображеніе. Бросивши кисть, онъ вышелъ изъ дому.

Юность счастлива тѣмъ, что передъ нею бѣжитъ множество разныхъ дорогъ, что ея живая, свѣжая душа доступна тысячѣ разныхъ наслажденій; и потому Чертковъ разсѣялся почти въ одну минуту. Нѣсколько червонцевъ въ карманѣ — и что̀ не во власти исполненной силъ юности. Притомъ русскій человѣкъ, а особливо дворянинъ, или художникъ, имѣетъ странное свойство: какъ только завелся у него въ карманѣ грошъ — ему все трынь-трава и море по колѣна. У него оставалось еще отъ денегъ, заплаченныхъ впередъ за квартиру, около тридцати червонцевъ, и всѣ эти тридцать червонцевъ онъ спустилъ въ одинъ вечеръ. Прежде всего онъ приказалъ себѣ подать обѣдъ отличнѣйшій, выпилъ двѣ бутылки вина и не захотѣлъ взять сдачи, нанялъ щегольскую карету, чтобы только съѣздить въ театръ, находившійся въ двухъ шагахъ отъ его квартиры, угостилъ въ кондитерской трехъ своихъ пріятелей, зашелъ еще кое-куда и возвратился домой безъ копѣйки

въ карманѣ. Бросившись въ кровать, онъ уснулъ крѣпко, но сновидѣнія его были также несвязны и грудь, какъ и въ первую ночь, сжималась, какъ-будто чувствовала на себѣ что-то тяжелое. Онъ увидѣлъ сквозь щелку своихъ ширмъ, что изображеніе старика отдѣлилось отъ полотна и съ выраженіемъ безпокойства пересчитывало кучи денегъ; золото сыпалось изъ его рукъ... Глаза Черткова горѣли; казалось, его чувства узнали въ золотѣ ту неизъяснимую прелесть, которая дотолѣ ему не была понятна. Старикъ его манилъ пальцемъ и показывалъ ему цѣлую гору червонцевъ. Чертковъ судорожно протянулъ руку и проснулся. Проснувшись, онъ подошелъ къ портрету, трясъ его, изрѣзалъ ножомъ всѣ его рамы, но нигдѣ не находилъ запрятанныхъ денегъ; наконецъ махнулъ рукою и рѣшился работать, далъ себѣ слово не сидѣть долго и не увлекаться заманчивою кистью.

Въ это время пріѣхала вчерашняя дама съ своею блѣдною Анетою. Художникъ поставилъ на станокъ свой портретъ, и на этотъ разъ кисть его неслась быстрѣе. Солнечный день, ясное освѣщеніе, дали какое-то особенное выраженіе оригиналу, и открылось множество дотолѣ незамѣченныхъ тонкостей. Душа его загорѣлась опять напряженіемъ. Онъ силился схватить мелчайшую точку, или черту, даже самую желтизну и неровное измѣненіе колорита въ лицѣ зѣвавшей и изнуренной красавицы съ тою точностію, съ которою позволяютъ себѣ неопытные артисты, воображающіе, что истина можетъ нравиться такъ же и другимъ, какъ нравится имъ самимъ. Кисть его только что хотѣла схватить одно общее выраженіе всего цѣлаго, какъ досадное «довольно» раздалось надъ его ушами, и дама подошла къ его портрету.

«Ахъ, Боже мой! что̀ это вы нарисовали?» вскрикнула она съ досадою: «Анетъ у васъ желта; у ней подъ глазами какія-то темныя пятна; она какъ-будто приняла нѣсколько стклянокъ микстуры. Нѣтъ, ради Бога, исправьте вашъ портретъ: это совсѣмъ не ея лицо. Мы къ вамъ будемъ завтра въ это же время.»

Чертковъ съ досадою бросилъ кисть; онъ проклиналъ и себя, и палитру, и ласковую даму, и дочь ея, и весь міръ. Голодный, просидѣлъ онъ въ своей великолѣпной комнатѣ и не имѣлъ силъ приняться ни за одну картину. На другой день, вставши рано, онъ

схватилъ первую попавшуюся ему работу: это была давно начатая имъ Психея, поставилъ ее на станокъ, съ намѣреніемъ насильно продолжать; въ это время вошла вчерашняя дама.

«Ахъ, Анетъ, посмотри, посмотри сюда!» вскричала дама съ радостнымъ видомъ. «Ахъ, какъ похоже! прелесть, прелесть! и носъ, и ротъ, и брови! Чѣмъ васъ благодарить за этотъ прекрасной сюрпризъ? Какъ это мило! Какъ хорошо, что эта рука немного приподнята! Я вижу, что вы точно тотъ великій художникъ, о которомъ мнѣ говорили.»

Чертковъ стоялъ какъ оторопѣлый, увидивши, что дама приняла его Психею за портретъ своей дочери. Съ застѣнчивостью новичка онъ началъ увѣрять, что этимъ слабымъ эскизомъ хотѣлъ изобразить Психею; но дочь приняла это себѣ за комплементъ и довольно мило улыбнулась; улыбку раздѣлила мать. Адская мысль блеснула въ головѣ художника, чувство досады и злости подкрѣпили ее, и онъ рѣшился этимъ воспользоваться.

«Позвольте мнѣ попросить васъ сегодня посидѣть немного подолѣе,» произнесъ онъ, обратясь къ довольной на этотъ разъ блондинкѣ. «Вы видите, что платья я еще не дѣлалъ вовсе, потому что хотѣлъ все съ бо̀льшею точностію рисовать съ натуры.» Быстро онъ одѣлъ свою Психею въ костюмъ XIX вѣка; тронулъ слегка глаза, губы, просвѣтлилъ слегка волосы и отдалъ портретъ своимъ посѣтительницамъ. Пукъ ассигнацій и ласковая улыбка благодарности были ему наградою.

Но художникъ стоялъ, какъ прикованный къ одному мѣсту. Его грызла совѣсть; имъ овладѣла та разборчивая, мнительная боязнь за свое непорочное имя, которая чувствуется юношею, носящимъ въ душѣ благородство таланта, которая заставляетъ если не истреблять, то по крайней мѣрѣ скрывать отъ свѣта тѣ произведенія, въ которыхъ онъ самъ видитъ несовершенство, которая заставляетъ скорѣе вытерпѣть презрѣніе всей толпы, нежели презрѣніе истиннаго цѣнителя. Ему казалось, что уже стоитъ передъ его картиною грозный судія и, качая головою, укоряетъ его въ безстыдствѣ и бездарности. Чего бы онъ не далъ, чтобъ возвратить только ее назадъ! Уже онъ хотѣлъ бѣжать вслѣдъ за дамою, вырвать портретъ изъ рукъ ея, разорвать и растоптать его ногами,

но какъ это сдѣлать? Куда идти? Онъ не зналъ даже фамиліи его посѣтительницы.

Съ этого времени, однакожъ, произошла въ жизни его счастливая перемѣна. Онъ ожидалъ, что безславіе покроетъ его имя, но вышло совершено напротивъ. Дама, заказывавшая портретъ, разсказала съ восторгомъ о необыкновенномъ художникѣ, и мастерская нашего Черткова наполнилась посѣтителями, желавшими удвоить и, если можно, удесятерить свое изображеніе. Но свѣжій, еще невинный, чувствующій въ душѣ недостойнымъ себя къ принятію такого подвига, Чертковъ, чтобы сколько нибудь загладить и искупить свое преступленіе, рѣшился заняться со всевозможнымъ стараніемъ своею работою, рѣшился удвоить напряженіе своихъ силъ, которое одно производитъ чудеса.

Но намѣренія его встрѣтили непредвидѣнныя препятствія: посѣтители его, съ которыхъ онъ рисовалъ портреты, были большею частію народъ нетерпѣливый, занятый, торопящійся и потому, едва только кисть его начинала творить что-нибудь не совсѣмъ обыкновенное, какъ уже вваливался новый посѣтитель, преважно выставлялъ свою голову, горя желаніемъ увидѣть ее скорѣе на полотнѣ, и художникъ спѣшилъ скорѣе оканчивать свою работу. Время его, наконецъ, было такъ разобрано, что онъ ни на одну минуту не могъ предаться размышленію, и вдохновеніе, безпрестанно истребляемое при самомъ рожденіи своемъ, наконецъ отвыкло навѣщать его. Наконецъ, чтобы ускорять свою работу, онъ началъ заключаться въ извѣстныя, опредѣленныя, однообразныя, давно изношенныя формы. Скоро портреты его были похожи на тѣ фамильныя изображенія старыхъ художниковъ, которыя такъ часто можно встрѣтить во всѣхъ краяхъ Европы и даже во всѣхъ углахъ міра, гдѣ дамы изображены съ сложенными на груди руками и держащими цвѣтокъ въ рукѣ, а кавалеры въ мундирѣ, съ заложенною за пуговицу рукою. Иногда желалъ онъ дать новое, еще неизбитое положеніе, отличавшееся бы оргинальностью и непринужденностью, но увы! все непринужденное и легкое у поэта и художника достается слишкомъ принужденно и есть плодъ великихъ усилій. Для того, чтобы дать новое, смѣлое выраженіе, постигнуть новую тайну въ живописи, для этого нужно было ему

долго думать, отвративши глаза отъ всего окружающаго, унестись отъ всего мірскаго и жизни. Но на это у него не оставалось времени, и притомъ онъ слишкомъ былъ изнуренъ дневною работою, чтобы быть въ готовности принять вдохновеніе; міръ же, съ котораго онъ рисовалъ свои произведенія, былъ слишкомъ обыкновененъ и однообразенъ, чтобы вызвать и возмутить воображеніе. Глубокоразмышляющее и вмѣстѣ неподвижное лицо директора департамента, красивое, но вѣчно на одну мѣрку лицо уланскаго ротмистра, блѣдное, съ натянутою улыбкою петербургской красавицы и множество другихъ, уже чрезъ-чуръ обыкновенныхъ— вотъ все, что каждый день мѣнялось передъ нашимъ живописцемъ, Казалось, кисть его сама пріобрѣла наконецъ ту безцвѣтность и отсутствіе энергіи, которою означались его оригиналы.

Безпрестанно мелькавшія передъ нимъ ассигнаціи и золото наконецъ усыпили дѣвственныя движенія души его. Онъ безстыдно воспользовался слабостью людей, которые, за лишнюю черту красоты, прибавленную художникомъ къ ихъ изображеніямъ, готовы простить ему всѣ недостатки, хотя бы эта красота была во вредъ самому сходству.

Чертковъ, наконецъ, сдѣлался совершенно моднымъ живописцемъ. Вся столица обратилась къ нему; его портреты видны были во всѣхъ кабинетахъ, спальняхъ, гостинныхъ и будуарахъ. Истинные художники пожимали плечами, глядя на произведенія этого баловня могущественнаго случая. Напрасно силились они отыскать въ немъ хотя одну черту вѣрной истины, брошенную жаркимъ вдохновеніемъ: это были правильныя лица, почти всегда недурныя собою, потому что понятіе красоты удержалось еще въ художникѣ, но никакого знанія сердца, страстей, или хотя привычекъ человѣка, ничего такого, что бы отзывалось сильнымъ развитіемъ тонкаго вкуса. Нѣкоторые же, знавшіе Черткова, удивлялись этому странному событію, потому что видѣли въ первыхъ его началахъ присутствіе таланта и старались разрѣшить непостижимую загадку: какъ можетъ дарованіе угаснуть въ цвѣтѣ силъ, вмѣсто того, чтобы развиться въ полномъ блескѣ?

Но этихъ толковъ не слышалъ самодовольный художникъ и величался всеобщею славою, потряхивая червонцами своими и на-

чиная вѣрить, что все въ свѣтѣ обыкновенно и просто, что откровенія свыше въ мірѣ не существуетъ, и все необходимо должно быть подведено подъ строгій порядокъ аккуратности и однообразія. Уже жизнь его коснулась тѣхъ лѣтъ, когда все, дышащее порывомъ, сжимается въ человѣкѣ, когда могущественный смычокъ слабѣе доходитъ до души и не обвивается пронзительными звуками около сердца, когда прикосновеніе красоты уже не превращаетъ дѣвственныхъ силъ въ огонь и пламя, но всѣ отгорѣвшія чувства становятся доступнѣе къ звуку золота, вслушиваются внимательнѣе въ его заманчивую музыку и, мало по малу, нечувствительно позволяютъ ей совершенно усыпить себя. Слава не можетъ насытить и дать наслажденія тому, который укралъ ее, а не заслужилъ: она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея. И потому всѣ чувства и порывы его обратились къ золоту. Золото сдѣлалось его страстью, идеаломъ, страхомъ, наслажденіемъ, цѣлію. Пуки ассигнацій расли въ сундукахъ его, и, какъ всякій, которому достается этотъ страшный даръ, онъ началъ становиться скучнымъ, недоступнымъ ко всему и равнодушнымъ ко всему. Казалось, онъ готовъ былъ превратиться въ одно изъ тѣхъ странныхъ существъ, которыя иногда попадаются въ мірѣ, на которыхъ съ ужасомъ глядитъ исполненный энергіи и страсти человѣкъ и которому они кажутся живыми тѣлами, заключающими въ себѣ мертвеца. Но однакоже одно событіе сильно потрясло его и дало совершенно другое направленіе его жизни.

Въ одинъ день онъ увидѣлъ на столѣ своемъ записку, въ которой академія художествъ просила его, какъ достойнаго ея члена, пріѣхать дать сужденіе свое о новомъ, присланномъ изъ Италіи произведеніи усовершенствовавшагося тамъ русскаго художника. Этотъ художникъ былъ одинъ изъ прежнихъ его товарищей, который отъ раннихъ лѣтъ носилъ въ себѣ страсть къ искусству; съ пламенною силою труженика погрязъ въ немъ всею душою своею и для него, оторвавшись отъ друзей, отъ родныхъ, отъ милыхъ привычекъ, бросился безъ всякихъ пособій въ неизвѣстную землю, терпѣлъ бѣдность, униженіе, даже голодъ, но съ рѣдкимъ самоотверженіемъ; презрѣвши все, былъ безчувственъ ко всему, кромѣ своего милаго искусства.

Вошедши въ залу, нашелъ онъ толпу посѣтителей, собравшихся передъ картиною. Глубочайшее безмолвіе, какое рѣдко бываетъ между многолюдными цѣнителями, на этотъ разъ царствовало всюду. Чертковъ, принявши значительную физіогномію знатока, приблизился къ картинѣ; но Боже, что̀ онъ увидѣлъ!

Чистое, непорочное, прекрасное, какъ невѣста, стояло передъ нимъ произведеніе художника. И хоть бы какое-нибудь видно было въ немъ желаніе блеснуть, хотя бы даже извинительное тщеславіе, хотя бы мысль о томъ, чтобы показаться черни,—никакой, никакихъ! Оно возносилось скромно; оно было просто, невинно, божественно, какъ талантъ, какъ геній. Изумительно-прекрасныя фигуры группировались непринужденно, свободно, не касаясь полотна и, изумленныя столькими устремленными на нихъ взорами, казалось, стыдливо опустили прекрасныя рѣсницы. Въ чертахъ божественныхъ лицъ дышали тѣ тайныя явленія, которыхъ душа не умѣетъ, не знаетъ пересказать другому; невыразимо выразимое покоилось на нихъ,—и все это было наброшено такъ легко, такъ скромно-свободно, что, казалось, было плодомъ минутнаго вдохновенія художника, вдругъ осѣнившей его мысли. Вся картина *была* — мгновеніе, но то мгновеніе, къ которому вся жизнь человѣческая есть одно приготовленіе. Невольныя слезы готовы были покатиться по лицамъ посѣтителей, окружавшихъ картину. Казалось, всѣ вкусы, всѣ дерзкія, неправильныя уклоненія вкуса слились въ какой-то безмолвный гимнъ божественному произведенію.

Неподвижно, съ отверстымъ ртомъ стоялъ Чертковъ передъ картиною и, наконецъ, когда мало-по-малу посѣтители и знатоки зашумѣли и начали разсуждать о достоинствѣ произведенія и когда наконецъ обратились къ нему съ просьбою объявить свои мысли, онъ пришелъ въ себя, хотѣлъ принять равнодушный обыкновенный видъ, хотѣлъ сказать обыкновенное пошлое сужденіе зачерствѣлыхъ художниковъ,—что произведеніе хорошо, и въ художникѣ виденъ талантъ, но желательно, чтобы во многихъ мѣстахъ лучше была выполнена мысль и отдѣлка,—но рѣчь умерла на устахъ его, слезы и рыданія нестройно вырвались въ отвѣтъ, и онъ, какъ безумный, выбѣжалъ изъ залы.

Съ минуту, неподвижный и безчувственный, стоялъ онъ посреди своей великолѣпной мастерской. Весь составъ, вся жизнь его была разбужена въ одно мгновеніе, какъ-будто молодость возвратилась къ нему, какъ-будто потухшія искры таланта вспыхнули снова. Боже! и погубить такъ безжалостно всѣ лучшіе годы своей юности, истребить, погасить искру огня, можетъ быть, теплѣвшагося въ груди, можетъ быть, развившагося бы теперь въ величіи и красотѣ, можетъ быть, также исторгнувшаго бы слезы изумленія и благодарности! И погубить все это, погубить безъ всякой жалости! Казалось, какъ-будто въ эту минуту ожили въ душѣ его тѣ напряженія и порывы, которые нѣкогда были ему знакомы. Онъ схватилъ кисть и приблизился къ холсту. Потъ усилія проступилъ на его лицо, весь обратился онъ въ одно желаніе и, можно сказать, загорѣлся одною мыслію: ему хотѣлось изобразить отпадшаго ангела. Эта идея была болѣе всего согласна съ состояніемъ его души; но, увы! фигуры его, позы, группы, мысли, ложились принужденно и несвязно. Кисть его и воображеніе слишкомъ уже заключились въ одну мѣрку, и безсильный порывъ преступить границы и оковы, имъ самимъ на себя наброшенные, уже отзывался неправильностію и ошибкою. Онъ пренебрегъ утомительную, длинну лѣстницу постепенныхъ свѣдѣній и первыхъ основныхъ законовъ будущаго великаго. Въ досадѣ онъ принялъ прочь изъ своей комнаты всѣ труды свои, означенные мертвою блѣдностью поверхностной моды, заперъ дверь, не велѣлъ никого впускать къ себѣ и занялся, какъ жаркій юноша, своею работою. Но, увы! на каждомъ шагу онъ былъ останавливаемъ незнаніемъ самыхъ первоначальныхъ стихій; простой, незначащій механизмъ охлаждалъ весь порывъ и стоялъ неперескочимымъ порогомъ для воображенія. Иногда осѣнялъ его внезапный призракъ великой мысли, воображеніе видѣло въ темной перспективѣ что-то такое, что́, схвативши и бросивши на полотно, можно было сдѣлать необыкновеннымъ и вмѣстѣ доступнымъ для всякой души; какая-то звѣзда чудеснаго сверкала въ неясномъ туманѣ его мыслей, потому что онъ точно носилъ въ себѣ призракъ таланта; но, Боже! какое-нибудь незначащее условіе, знакомое ученику, анатомическое мертвое правило— и мысль замирала, порывъ безсильнаго воображенія цѣпенѣлъ не-

разсказанный, неизображенный; кисть его невольно обращалась къ затверженнымъ формамъ, руки складывались на одинъ заученный манеръ, голова не смѣла сдѣлать необыкновеннаго поворота, даже самыя складки платья отзывались вытверженнымъ и не хотѣли повиноваться и драпироваться на незнакомомъ положенiи тѣла. И онъ чувствовалъ, онъ чувствовалъ и видѣлъ это самъ! Потъ катился съ него градомъ, губы дрожали, и, послѣ долгой паузы, во время которой бунтовали внутри его всѣ чувства, онъ принимался снова; но въ тридцать слишкомъ лѣтъ труднѣе изучать скучную лѣстницу трудовъ, правилъ и анатомiи, еще труднѣе постигнуть то вдругъ, что́ развивается медленно и дается за долгiя усилiя, за великiя напряженiя, за глубокое самоотверженiе. Наконецъ онъ узналъ ту ужасную муку, которая какъ поразительное исключенiе является иногда въ природѣ, когда талантъ слабый силится выказаться въ превышающемъ его размѣрѣ и не можетъ выказаться, ту муку, которая въ юношѣ раждаетъ великое, но въ перешедшемъ за грань мечтанiй обращается въ безплодную жажду, ту страшную муку, которая дѣлаетъ человѣка способнымъ на ужасныя злодѣянiя.

Имъ овладѣла ужасная зависть, зависть до бѣшенства. Желчь проступала у него на лицѣ, когда онъ видѣлъ произведенiе, носившее печать таланта. Онъ скрежеталъ зубами и пожиралъ его взоромъ василиска. Наконецъ, въ душѣ его возродилось самое адское намѣренiе, какое когда-либо питалъ человѣкъ, и съ бѣшеною силою бросился онъ приводить его въ исполненiе. Онъ началъ скупать все лучшее, что́ только производило художество. Купивши картину дорогою цѣною, осторожно приносилъ въ свою комнату и съ бѣшенствомъ тигра на нее кидался, рвалъ, разрывалъ ее, изрѣзывалъ въ куски и топталъ ногами, сопровождая ужаснымъ смѣхомъ адскаго наслажденiя. Едва только появлялось гдѣ-нибудь свѣжее произведенiе, дышущее огнемъ новаго таланта, онъ употреблялъ всѣ усилiя купить его, во что бы то ни стало. Безчисленныя собранныя имъ богатства доставляли ему всѣ средства удовлетворять этому адскому желанiю. Онъ развязалъ всѣ свои золотые мѣшки и раскрылъ сундуки. Никогда ни одно чудовище невѣжества не истребило столько прекрасныхъ произведенiй, сколько истребилъ этотъ свирѣпый мститель. И люди, носившiе въ себѣ искру боже-

ственнаго познанія, жадные одного великаго, были безжалостно, безчеловѣчно лишены тѣхъ святыхъ прекрасныхъ произведеній, въ которыхъ великое искусство приподняло покровъ съ неба и показало человѣку часть исполненнаго звуковъ и священныхъ тайнъ его же внутренняго міра. Нигдѣ, ни въ какомъ уголкѣ не могли они сокрыться отъ его хищной страсти, незнавшей никакой пощады. Его зоркій, огненный глазъ проникалъ всюду и находилъ даже въ заброшенной пыли слѣдъ художественной кисти. На всѣхъ аукціонахъ, куда только показывался онъ, всякій заранѣе отчаявался въ пріобрѣтеніи художественнаго созданія. Казалось, какъ-будто разгнѣванное небо нарочно послало въ міръ этотъ ужасный бичъ, желая отнять у него всю его гармонію. Эта ужасная страсть набросила какой-то страшный колоритъ на его лицо: на немъ всегда почти была разлита желчь; глаза сверкали почти безумно; нависнувшія брови и вѣчно перерѣзанный морщинами лобъ придавали ему какое-то дикое выраженіе и отдѣляли его совершенно отъ спокойныхъ обитателей земли.

Къ счастію міра и искусствъ, такая напряженная и насильственная жизнь не могла долго продолжаться; размѣръ страстей былъ слишкомъ неправиленъ и колоссаленъ для слабыхъ силъ ея. Припадки бѣшенства и безумія начали оказываться чаще, и наконецъ, все это обратилось въ самую ужасную болѣзнь. Жестокая горячка, соединенная съ самою быстрою чахоткою, овладѣла имъ такъ свирѣпо, что въ три дня оставалась отъ него одна тѣнь только. Къ этому присоединились всѣ признаки безнадежнаго сумасшествія. Иногда нѣсколько человѣкъ не могли удержать его. Ему начали чудиться давно забытые, живые глаза необыкновеннаго портрета, и тогда бѣшенство его было ужасно. Всѣ люди, окружавшіе его постель, казались ему ужасными портретами. Портретъ этотъ двоился, четверился въ его глазахъ, и, наконецъ, ему чудилось, что всѣ стѣны были увѣшаны этими ужасными портретами, устремившими на него свои неподвижные, живые глаза. Страшные портреты глядѣли на него съ потолка, съ полу, и, въ добавокъ, онъ видѣлъ, какъ комната расширялась и продолжалась пространнѣе, чтобы болѣе вмѣстить этихъ неподвижныхъ глазъ. Докторъ, принявшій на себя обязанность его пользовать и уже нѣсколько наслышавшійся о стран-

ной его исторіи, старался всѣми силами отыскать тайное отношеніе между грезившимися ему привидѣніями и происшествіями его жизни, но ничего не могъ успѣть. Больной ничего не понималъ и не чувствовалъ, кромѣ своихъ терзаній, и пронзительнымъ невыразимо-раздирающимъ голосомъ кричалъ и молилъ, чтобы приняли отъ него неотразимый портретъ съ живыми глазами, котораго мѣсто онъ описывалъ съ странными для безумнаго подробностями. Напрасно употребляли всѣ старанія, чтобы отыскать этотъ чудный портретъ. Все было перерыто въ домѣ, но портретъ не отыскивался. Тогда больной приподнимался съ безпокойствомъ и опять начиналъ описывать его мѣсто съ такою точностью, которая показывала присутствіе яснаго и проницательнаго ума; но всѣ поиски были тщетны. Наконецъ докторъ заключилъ, что это было больше ничего, какъ особенное явленіе безумія. Скоро жизнь его прервалась въ послѣднемъ, уже безгласномъ порывѣ страданія. Трупъ его былъ страшенъ. Ничего тоже не могли найти отъ огромныхъ его богатствъ, но, увидѣвши изрѣзанные куски тѣхъ высокихъ произведеній искусства, которыхъ цѣна превышала милліоны, поняли ужасное ихъ употребленіе.

§ 2.

Множество каретъ, дрожекъ и колясокъ стояло передъ подъѣздомъ дома, въ которомъ производилась аукціонная продажа вещей одного изъ тѣхъ богатыхъ любителей искусствъ, которые сладко продремали всю жизнь свою, погруженные въ зефиры и амуры, которые невинно прослыли Меценатами и простодушно издержали для этого милліоны, накопленные ихъ основательными отцами, а часто даже собственными прежними трудами. Длинная зала была наполнена самою пестрою толпою посѣтителей, налетѣвшихъ, какъ хищныя птицы, на неприбранное тѣло. Тутъ была цѣлая флотилія русскихъ купцовъ изъ гостиннаго двора и даже толкучаго рынка въ синихъ нѣмецкихъ сюртукахъ. Видъ ихъ и физіогномія была здѣсь какъ-то тверже, вольнѣе и не означалась тою приторною услужливостію, которая такъ видна въ русскомъ

купцѣ. Они вовсе не чинились, не смотря на то, что въ этой же залѣ находилось множество тѣхъ значительныхъ аристократовъ, передъ которыми они въ другомъ мѣстѣ готовы были своими поклонами смести пыль, нанесенную своими же сапогами. Здѣсь они были совершенно развязны, щупали безъ церемоніи книги и картины, желая узнать доброту товара, и смѣло перебивали цѣну, набавляемую графами-знатоками. Здѣсь были многіе необходимые посѣтители аукціоновъ, постановившіе каждый день бывать въ немъ вмѣсто завтрака; аристократы-знатоки, почитающіе обязанностью не упустить случая умножить свою коллекцію и ненаходившіе другаго занятія отъ 12 до 1-го часа; наконецъ, тѣ благородные господа, которыхъ платья и карманы чрезвычайно худы, которые являются ежедневно безъ всякой корыстолюбивой цѣли, но единственно, чтобы посмотрѣть, чѣмъ что̀ кончится, кто будетъ давать больше, кто меньше, кто кого перебьетъ и за кѣмъ что̀ останется. Множество картинъ разбросано было совершенно безъ всякаго толку: съ ними были перемѣшаны и мебели, и книги съ вензелями прежняго владѣтеля, который, вѣрно, не имѣлъ похвальнаго любопытства въ нихъ заглядывать. Китайскія вазы, мраморныя доски для столовъ, новыя и старинныя мебели съ выгнутыми линіями, съ грифами, сфинксами и львиными лапами, вызолоченныя и безъ позолоты, люстры, кенкеты,—все было навалено и вовсе не въ такомъ порядкѣ, какъ въ магазинахъ. Все представляло какой-то хаосъ искусствъ. Вообще ощущаемое нами чувство при видѣ аукціона странно: въ немъ все отзывается чѣмъ-то похожимъ на погребальную процессію. Залъ, въ которомъ онъ производится, всегда какъ-то мраченъ; окна, загроможденныя мебелями и картинами, скупо изливаютъ свѣтъ; безмолвіе, разлитое на лицахъ всѣхъ, и голоса: «сто рублей, рубль и двадцать копѣекъ! четыреста рублей пятьдесятъ копѣекъ», протяжно вырывающіеся изъ устъ, какъ-то дики для слуха. Но еще болѣе производитъ впечатлѣнія погребальный голосъ аукціониста, постукивающаго молоткомъ и отпѣвающаго панихиду бѣднымъ, такъ странно встрѣтившимся здѣсь, исскуствамъ.

Однакоже аукціонъ еще не начинался, посѣтители разсматривали разныя вещи, набросанныя горою на полу. Между тѣмъ не-

большая толпа остановилась передъ однимъ портретомъ: на немъ былъ изображенъ старикъ съ такою странною живостью глазъ, что невольно приковалъ къ себѣ ихъ вниманіе. Въ художникѣ нельзя было не признать истиннаго таланта, произведеніе хотя было неокончено, но однакоже носило на себѣ рѣзкій признакъ могущественной кисти; но при всемъ томъ эта сверхъестественная живость глазъ возбуждала какой-то невольный упрекъ художнику. Они чувствовали, что это верьхъ истины, что изобразить ее въ такой степени можетъ только геній, но что этотъ геній уже слишкомъ дерзко перешагнулъ границы воли человѣка.

Вниманіе ихъ прервало внезапное восклицаніе одного, уже нѣсколько пожилыхъ лѣтъ посѣтителя. «Ахъ это онъ!» вскрикнулъ онъ въ сильномъ движеніи и неподвижно вперилъ глаза на портретъ. Такое восклицаніе натурально зажгло во всѣхъ любопытство, и нѣкоторые изъ разсматривавшихъ никакъ не утерпѣли, чтобы не сказать, оборотившись къ нему: «Вамъ, вѣрно, извѣстно что-нибудь объ этомъ портретѣ?»

«Вы не ошиблись», отвѣчалъ сдѣлавшій невольное восклицаніе. «Точно, мнѣ болѣе нежели кому другому извѣстна исторія этого портрета. Все увѣряетъ меня, что онъ долженъ быть тотъ самый, о которомъ я хочу говорить. Такъ какъ я замѣчаю, что васъ всѣхъ интересуетъ о немъ узнать, то я теперь же готовъ нѣсколько удовлетворить васъ.» Посѣтители наклоненіемъ головы изъявили свою благодарность и съ большою внимательностію приготовились слушать.

«Безъ сомнѣнія, не многимъ изъ васъ», такъ началъ онъ, «извѣстна хорошо та часть города, которую называютъ Коломной. Характеристика ея отличается рѣзкою особенностью отъ другихъ частей города. Нравы, занятія, состоянія, привычки жителей, совершенно отличны отъ прочихъ. Здѣсь ничто не похоже на столицу, но вмѣстѣ съ этимъ не похоже и на провинціальный городокъ, потому что раздробленность многосторонней и, если можно сказать, цивилизированной жизни проникла и сюда и оказалась въ такихъ тонкихъ мелочахъ, какія можетъ только родить многолюдная столица. Тутъ совершенно другой свѣтъ, и, въѣхавши въ уединенныя коломенскія улицы, вы, кажется, слышите, какъ оставляютъ васъ

молодыя желанія и порывы. Сюда не заглядываетъ живительное, радужное будущее. Здѣсь все тишина и отставка. Здѣсьвсе, что осѣло отъ движенія столицы. И въ самомъ дѣлѣ, сюда переѣзжаютъ отставные чиновники, которыхъ пансіонъ не превышаетъ пяти сотъ рублей въ годъ; вдовы, жившія прежде мужними трудами; небогатые люди, имѣющіе пріятное знакомство съ сенатомъ, и потому осудившіе себя здѣсь на цѣлую жизнь; выслужившіяся кухарки, толкающіяся цѣлый день на рынкахъ, болтающія вздоръ съ мужикомъ въ мелочной лавкѣ и забирающія каждый день на 5 копѣекъ кофею и на 4 копѣйки сахару; наконецъ, весь тотъ разрядъ людей, который я назову пепельнымъ, которые, съ своимъ платьемъ, лицомъ, волосами, имѣютъ какую-то тусклую пепельную наружность. Они похожи на сѣренькій день, когда солнце не слѣпитъ своимъ яркимъ блескомъ, когда тоже буря не свищетъ, сопровождаемая громомъ, дождемъ и градомъ, но просто когда на небѣ бываетъ ни се, ни то; сѣется туманъ и отнимаетъ всю рѣзкость у предметовъ. Лица этихъ людей бываютъ какъ-то изъ-красна-рыжеватыя, волосы тоже красноватые; глаза почти всегда безъ блеска; платье ихъ тоже совершенно матовое и представляетъ тотъ мутный цвѣтъ, который происходитъ, когда смѣшаешь всѣ краски вмѣстѣ, и, вообще, вся ихъ наружность совершенно матовая. Къ этому разряду можно причислить отставныхъ театральныхъ капельдинеровъ, уволенныхъ пятидесятилѣтнихъ титулярныхъ совѣтниковъ; отставныхъ питомцевъ Марса съ 200 рублевымъ пансіономъ, выколотымъ глазомъ и раздутою губою. Эти люди вовсе безстрастны: имъ все трынъ-трава; идутъ они, совершенно не обращая вниманія ни на какіе предметы, молчатъ, совершенно не думая ни о чемъ. Въ комнатѣ ихъ только кровать и штофъ чистой, русской водки, которую они однообразно сосутъ весь день безъ всякаго смѣлаго прилива въ головѣ, возбуждаемаго сильнымъ пріемомъ, какой обыкновенно любитъ задавать себѣ по воскреснымъ днямъ молодой нѣмецкій ремесленникъ, этотъ студентъ Мѣщанской улицы, одинъ владѣющій тротуаромъ за двѣнадцать часовъ ночи.

«Жизнь въ Коломнѣ всегда однообразна: рѣдко гремитъ въ мирныхъ улицахъ карета, кромѣ развѣ той, въ которой ѣздятъ актеры, и которая звономъ, громомъ и бряканьемъ своимъ сму-

щаетъ всеобщую тишину. Здѣсь всѣ почти пѣшеходы. Извощикъ рѣдко, лѣниво и почти всегда безъ сѣдока волочится, таща вмѣстѣ съ собою сѣно для своей скромной клячи. Цѣна квартиръ рѣдко достигаетъ тысячи рублей; ихъ больше отъ 15 до 20 и 30 руб. въ мѣсяцъ, не считая множества угловъ, которые отдаются съ отопленіемъ и кофіемъ за четыре съ полтиною въ мѣсяцъ. Вдовы-чиновницы, получающія пансіонъ, самыя солидныя обитательницы этой части. Онѣ ведутъ себя очень хорошо, метутъ довольно чисто свою комнату и говорятъ съ своими сосѣдками и пріятельницами о дороговизнѣ говядины, картофеля и капусты; при нихъ находится очень часто молоденькая дочь, молчаливое, безгласное существо, впрочемъ иногда довольно миловидное; при нихъ находится также довольно гадкая собачонка и старинные часы съ печально постукивающимъ маятникомъ. Эти-то чиновницы занимаютъ лучшія отдѣленія отъ двадцати до тридцати, а иногда и до сорока рублей. За ними слѣдуютъ актеры, которымъ жалованье не позволяетъ выѣхать изъ Коломны. Этотъ народъ свободный, какъ все артисты, живущіе для наслажденія. Они, сидя въ своихъ халатахъ, или вытачиваютъ изъ кости какія-нибудь бездѣлки, или починиваютъ пистолетъ, или клеятъ изъ картона какія-нибудь полезныя для дома вещи, или играютъ съ пришедшимъ пріятелемъ въ шашки, или карты, и такъ проводятъ утро; то же дѣлаютъ ввечеру, примѣшивая къ этому часто пуншъ. Послѣ этихъ тузовъ, этого аристократства Коломны, слѣдуетъ необыкновенная дробь и мелочь, и для наблюдателя такъ же трудно сдѣлать перечень всѣмъ лицамъ, занимающимъ разные углы и закоулки одной комнаты, какъ поименовать все то множество насѣкомыхъ, которое зарождается въ старомъ уксусѣ. Какого народа вы тамъ не встрѣтите! Старухи, которыя молятся; старухи, которыя пьянствуютъ; старухи, которыя пьянствуютъ и молятся вмѣстѣ; старухи, которыя перебиваются непостижимыми средствами, какъ муравьи таскаютъ съ собою старыя тряпья и бѣлье отъ Калинкина моста до толкучаго рынка съ тѣмъ, чтобы продать его тамъ за пятнадцать копѣекъ. Словомъ, весь жалкій и несчастный осадокъ человѣчества.

«Естественное дѣло, что этотъ народъ терпитъ иногда большой недостатокъ, недающій возможности вести ихъ обыкновен-

ную, бѣдную жизнь: они должны часто дѣлать экстренные займы, чтобы выпутаться изъ своихъ обстоятельствъ. Тогда находятся между ними такіе люди, которые носятъ громкое названіе капиталистовъ и могутъ снабжать за разные проценты, всегда почти непомѣрные, суммою отъ двадцати до ста рублей. Эти люди мало-помалу составляютъ состояніе, которое позволяетъ завестись иногда собственнымъ домикомъ. Но на этихъ ростовщиковъ вовсе не было похоже одно странное существо, носившее фамилію Петромихали. Былъ ли онъ Грекъ, или Армянинъ, или Молдаванъ—этого никто не зналъ, но по крайней мѣрѣ черты лица его были совершенно южныя. Ходилъ онъ всегда въ широкомъ азіятскомъ платьѣ, былъ высокаго роста, лицо его было темно-оливковаго цвѣта, нависнувшія черныя съ просѣдью брови и такіе же усы придавали ему нѣсколько страшный видъ. Никакого выраженія нельзя было замѣтить на его лицѣ: оно всегда почти было неподвижно и представляло странный контрастъ своею южною рѣзкою физіогноміей съ печальными обитателями Коломны. Петромихали вовсе не былъ похожъ на помянутыхъ ростовщиковъ этой уединенной части города. Онъ могъ выдать сумму, какую-бы только отъ него ни потребовали, натурально, что за то и проценты были тоже необыкновенны. Ветхій домъ его со множествомъ пристроекъ находился на Козьемъ болотѣ. Онъ былъ бы не такъ дряхлъ, если бы владѣлецъ его сколько-нибудь разорился на починку, но Петромихали не дѣлалъ рѣшительно никакихъ издержекъ. Всѣ комнаты его, выключая небольшой лачужки, которую онъ занималъ самъ, были холодныя кладовыя, въ которыхъ кучами были набросаны фарфоровыя, золотыя, яшмовыя вазы, всякій хламъ, даже мебели, которыя приносили ему въ залогъ разныхъ чиновъ и званій должники, потому что Петромихали не пренебрегалъ ничѣмъ и, не смотря на то, что давалъ по сотнѣ тысячъ, онъ также готовъ былъ служить суммою, непревышавшею рубля. Старое негодное бѣлье, изломанныя стулья, даже изодранные сапоги—все готовъ онъ былъ принять въ свои кладовыя, и нищій смѣло адресовался къ нему съ узелкомъ въ рукѣ. Дорогіе жемчуги, обвивавшіе, можетъ быть, прелестнѣйшую шею въ мірѣ, заключались въ его грязномъ сундукѣ, вмѣстѣ съ старинною табакеркою пятидесятилѣт

ней дамы, вмѣстѣ съ діадемою, возвышавшеюся надъ алебастровымъ лбомъ красавицы, и брилліантовымъ перстнемъ бѣднаго чиновника, получившаго его въ награду неутомимыхъ своихъ трудовъ. Но нужно замѣтить, что одна только слишкомъ крайняя нужда заставляла обращаться къ нему. Его условія были такъ тягостны, что отбивали всякое желаніе. Но страннѣе всего, что съ перваго разу проценты казались не очень велики. Онъ посредствомъ своихъ странныхъ и необыкновенныхъ выкладокъ расположилъ такимъ непонятнымъ образомъ, что они росли у него страшною прогрессіей, и даже контрольные чиновники не могли проникнуть этого непостижимаго правила, тѣмъ болѣе, что оно казалось основаннымъ на законахъ строгой математической истины; они видѣли явно преувеличеніе итога, но видѣли тоже, что въ этихъ вычетахъ нѣтъ никакой ошибки. Жалость, какъ и всѣ другія страсти чувствующаго человѣка, никогда не достигала къ нему, и никакія мольбы не могли преклонить его къ отсрочкѣ или къ уменьшенію платежа. Нѣсколько разъ находили у дверей его окостенѣвшихъ отъ холода несчастныхъ старухъ, которыхъ посинѣвшія лица, замерзнувшіе члены и мертвыя вытянутыя руки, казалось, и по смерти еще молили его о милости. Это возбуждало часто всеобщее негодованіе, и полиція нѣсколько разъ хотѣла разобрать внимательнѣе поступки этого страннаго человѣка, но квартальные надзиратели всегда умѣли подъ какими-нибудь предлогами уклонить и представить дѣло въ другомъ видѣ, не смотря на то, что они гроша не получали отъ него. Но богатство имѣетъ такую странную силу, что ему вѣрятъ, какъ государственной ассигнаціи. Оно, не показываясь, можетъ невидимо двигать всѣми, какъ раболѣпными слугами. Это странное существо сидѣло, поджавши подъ себя ноги, на почернѣвшемъ диванѣ, принимая недвижно просителей, слегка только мигнувши бровью въ знакъ поклона, и ничего не можно было отъ него услышать лишняго или посторонняго. Носились, однакожъ, слухи, что будто-бы онъ иногда давалъ деньги даромъ, не требуя возврата, но только такое предлагалъ условіе, что всѣ бѣжали отъ него съ ужасомъ, и даже самыя болтливыя хозяйки не имѣли силъ пошевелить губами, чтобы пересказать ихъ другимъ.

Тѣ же, которые имѣли духъ принять даваемыя имъ деньги, желтѣли, чахли и умирали не смѣя открыть тайны.

«Въ этой части города имѣлъ небольшой домикъ одинъ художникъ, славившійся въ тогдашнее время своими дѣйствительно прекрасными произведеніями. Этотъ художникъ былъ отецъ мой. Я могу вамъ показать нѣсколько работъ его, выказывающихъ рѣшительный талантъ. Жизнь его была самая безмятежная. Это былъ тотъ скромный набожный живописецъ, какіе только жили во времена религіозныхъ среднихъ вѣковъ. Онъ могъ бы имѣть большую извѣстность и нажить большое состояніе, если бы рѣшился заняться множествомъ работъ, которыя предлагали ему со всѣхъ сторонъ; но онъ любилъ болѣе заниматься предметами религіозными и за небольшую цѣну взялся росписать весь иконостасъ приходской церкви. Часто случалось ему нуждаться въ деньгахъ, но никогда не рѣшался онъ прибѣгнуть къ ужасному ростовщику, хотя имѣлъ всегда впереди возможность уплатить долгъ, потому что ему стоило только присѣсть и написать нѣсколько портретовъ—и деньги были бы въ его карманѣ. Но ему такъ жалко было оторваться отъ своихъ занятій, такъ грустно было разлучиться, хотя на время, съ любимою мыслью, что онъ лучше готовъ былъ нѣсколько дней просидѣть голоднымъ въ своей комнатѣ, и на что̀ бы онъ всегда рѣшился, если бы не имѣлъ страстно любимой имъ жены и двухъ дѣтей, изъ которыхъ одного вы видите теперь передъ собою. Однакоже разъ крайность его такъ увеличилась, что онъ готовъ уже былъ идти къ Греку, какъ вдругъ внезапно распространилась вѣсть, что ужасный ростовщикъ находился при смерти. Это происшествіе его поразило, и онъ уже готовъ былъ приписать его нарочно посланнымъ свыше для воспрепятствованія его намѣренію, какъ встрѣтилъ въ сѣняхъ своихъ запыхавшуюся старуху, исправлявшую при ростовщикѣ три разныя должности: кухарки, дворника и камердинера. Старуха, совершенно отвыкшая говорить, находясь при своемъ странномъ господинѣ, глухо пробормотала нѣсколько несвязныхъ, отрывистыхъ словъ, изъ которыхъ отецъ мой могъ только узнать, что господинъ ея имѣетъ въ немъ крайнюю нужду и просилъ его взять съ собою краски и кисти. Отецъ мой не могъ придумать, на что̀ бы онъ могъ быть ему нуженъ въ такое время и

при томъ еще съ красками и кистями, но, побуждаемый любопытствомъ, схватилъ свой ящикъ съ живописнымъ приборомъ и отправился за старухою.

«Онъ насилу могъ продраться сквозь толпу нищихъ, обступившихъ жилище умиравшаго ростовщика и питавшихъ себя надеждою, что авось-либо наконецъ, передъ смертiю, раскается этотъ грѣшникъ и раздастъ малую часть изъ безчисленнаго своего богатства. Онъ вошелъ въ небольшую комнату и увидѣлъ протянувшееся почти во всю длину ея тѣло Азiятца, которое онъ принялъ было за умершее,—такъ оно вытянулось и было неподвижно. Наконецъ высохшая голова его приподнялась, и глаза его такъ страшно устремились, что отецъ мой задрожалъ. Петромихали сдѣлалъ глухое восклицанiе и наконецъ произнесъ: «Нарисуй съ меня портретъ!» Отецъ мой изумился такому странному желанiю; онъ началъ представлять ему, что теперь уже не время объ этомъ думать, что онъ долженъ отвергнуть всякое земное желанiе, что уже немного минутъ осталось жить ему и потому пора помыслить о прежнихъ своихъ дѣлахъ и принести покаянiе Всевышнему. «Я не хочу ничего; нарисуй съ меня портретъ!» произнесъ твердымъ голосомъ Петромихали, при чемъ лицо его покрылось такими конвульсiями, что отецъ мой вѣрно бы ушелъ, если бы чувство, весьма извинительное въ художникѣ, пораженномъ необыкновеннымъ предметомъ для кисти, не остановило его. Лицо ростовщика именно было одно изъ тѣхъ, которыя составляютъ кладъ для артиста. Со страхомъ и вмѣстѣ съ какимъ-то тайнымъ желанiемъ поставилъ онъ холстъ за неимѣнiемъ станка къ себѣ на колѣни и началъ рисовать. Мысль употребить послѣ это лицо въ своей картинѣ, гдѣ хотѣлъ онъ изобразить одержимаго бѣсами, которыхъ изгоняетъ могущественное слово Спасителя, эта мысль заставила его усилить свое рвенiе. Съ поспѣшностiю набросалъ онъ абрисъ и первыя тѣни, опасаясь каждую минуму, что жизнь ростовщика вдругъ перервется, потмоу что смерть уже, казалось, носилась на устахъ его. Изрѣдка только онъ издавалъ хрипѣнiе и съ безпокойствомъ устремлялъ страшный взглядъ свой на картину; наконецъ что-то подобное радости мелкнуло въ его глазахъ, при видѣ, какъ черты его ложились на полотно. Опасаясь ежеминутно за жизнь его,

отецъ мой прежде всего рѣшился заняться окончательною отдѣлкою глазъ. Это былъ предметъ самый трудный, потому что чувство, въ нихъ изображавшееся, было совершенно необыкновенно и невыразимо. Около часу трудился онъ возлѣ нихъ и наконецъ совершенно схватилъ тотъ огонь, который уже потухалъ въ его оригиналѣ. Съ тайнымъ удовольствіемъ онъ отошелъ немного подалѣе отъ картины, чтобы лучше разсмотрѣть ее, и съ ужасомъ отскочилъ отъ нея, увидѣвъ живые глядящіе на него глаза. Непостижимый страхъ овладѣлъ имъ въ такой степени, что онъ, швырнувъ палитру и краски, бросился къ дверямъ; но страшное, почти полумертвое тѣло ростовщика приподнялось съ своей кровати и схватило его тощею рукою, приказывая продолжать работу. Отецъ мой клялся и крестился, что не станетъ продолжать. Тогда это ужасное существо повалилось съ своей кровати, такъ что его кости застучали, собрало всѣ свои силы, глаза его блеснули живостью, руки обхватили ноги моего отца, и онъ ползая цѣловалъ полы его платья и умолялъ дорисовать портретъ. Но отецъ былъ неумолимъ и дивился только силѣ его воли, перемогшей самое приближеніе смерти. Наконецъ, отчаянный Петромихали выдвинулъ съ необыкновенною силою изъ-подъ кровати сундукъ, и страшная куча золота грянула къ ногамъ моего отца. Видя и тутъ его непреклонность, онъ повалился ему въ ноги и цѣлой потокъ заклинаній полился изъ его молчаливыхъ дотолѣ устъ. Невозможно было не чувствовать какого-то ужаснаго, и даже, если можно сказать, отвратительнаго состраданія. «Добрый человѣкъ! Божій человѣкъ! Христовъ человѣкъ!» говорилъ съ выраженіемъ отчаянія этотъ живой скелетъ. «Заклинаю тебя маленькими дѣтьми твоими, прекрасною женою, гробомъ отца твоего, кончи портретъ съ меня! еще одинъ часъ только посиди за нимъ! Слушай, я тебѣ объявлю одну тайну.» При этомъ смертная блѣдность начала сильнѣе проступать на лицѣ его. «Но тайны этой никому не объявляй ни женѣ, ни дѣтямъ твоимъ, а не то̀, и ты умрешь, и они умрутъ, и всѣ вы будете несчастны. Слушай, если ты теперь не сжалишься, то уже больше не стану просить. Послѣ смерти я долженъ идти къ тому, къ которому бы я не хотѣлъ идти. Тамъ я долженъ вытерпѣть муки, о какихъ тебѣ и во снѣ не снилось, но я могу долго еще не идти къ нему, до тѣхъ поръ, покуда

стоитъ земля наша, если ты только докончишь портретъ мой. Я узналъ, что половина жизни моей перейдетъ въ мой портретъ, если только онъ будетъ сдѣланъ искуснымъ живописцемъ. Ты видишь, что уже въ глазахъ осталось часть жизни; она будетъ и во всѣхъ чертахъ, когда ты докончишь. И хотя тѣло мое сгибнетъ, но половина жизни моей останется на землѣ, и я убѣгу надолго еще отъ мукъ. Дорисуй! дорисуй! дорисуй!...» кричало раздирающимъ и умирающимъ голосомъ это странное существо. Ужасъ еще болѣе овладѣлъ моимъ отцомъ. Онъ слышалъ, какъ поднялись его волоса отъ этой ужасной тайны и выронилъ кисть, которую было уже поднялъ, тронутый его мольбами. «А такъ ты не хочешь дорисовать меня?» произнесъ хрипящимъ голосомъ Петромихали. «Такъ возьми же себѣ портретъ мой: я тебѣ его дарю.» При сихъ словахъ что-то въ родѣ страшнаго смѣха выразилось на устахъ его; жизнь, казалось, еще разъ блеснула въ его чертахъ, и чрезъ минуту предъ нимъ остался синій трупъ. Отецъ не хотѣлъ притронуться къ кистямъ и краскамъ, рисовавшимъ эти богоотступныя черты, и выбѣжалъ изъ комнаты.

Чтобы развлечь непріятныя мысли, нанесенныя этимъ происшествіемъ, онъ долго ходилъ по городу и ввечеру возвратился домой. Первый предметъ, попавшійся ему въ мастерской его, былъ писанный имъ портретъ ростовщика. Онъ обратился къ женѣ, къ женщинѣ прислуживавшей на кухнѣ, къ дворнику, но всѣ дали рѣшительный отвѣтъ, что никто не приносилъ портрета и даже не приходилъ во время его отсутствія. Это заставило его минуту задуматься. Онъ приблизился къ портрету и невольно отвратилъ глаза свои, проникнутый отвращеніемъ къ собственной работѣ. Онъ приказалъ его снять и вынесть на чердакъ, но при всемъ томъ чувствовалъ какую-то странную тягость, присутствіе такихъ мыслей, которыхъ самъ пугался. Но болѣе всего поразило его, когда ужъ онъ легъ въ постелю, слѣдующее, почти невѣроятное, происшествіе: онъ видѣлъ ясно, какъ вошелъ въ его комнату Петромихали и остановился передъ его кроватью. Долго глядѣлъ онъ на него своими живыми глазами, наконецъ началъ предлагать ему такія ужасныя предложенія, такое адское направленіе хотѣлъ дать его искусству, что отецъ мой съ болѣзненнымъ стономъ схватился

съ кровати, проникнутый холоднымъ потомъ, нестерпимою тяжестью на душѣ и вмѣстѣ самымъ пламеннымъ негодованіемъ. Онъ видѣлъ, какъ чудное изображеніе умершаго Петромихали ушло въ раму портрета, который висѣлъ снова передъ нимъ на стѣнѣ. Онъ рѣшился въ тотъ же день сжечь это проклятое произведеніе рукъ своихъ. Какъ только затопленъ былъ каминъ, онъ бросилъ его въ разгорѣвшійся огонь и съ тайнымъ наслажденіемъ видѣлъ, какъ лопались рамы, на которыхъ натянутъ былъ холстъ, какъ шипѣли еще невысохшія краски; наконецъ куча золы одна только осталась отъ его существованія. И когда начала она улетать легкою пылью въ трубу, казалось, какъ-будто неясный образъ Петромихали улетѣлъ вмѣстѣ съ нею. Онъ почувствовалъ на душѣ какое-то облегченіе. Съ чувствомъ выздоровѣвшаго отъ продолжительной болѣзни оборотился онъ къ углу комнаты, гдѣ висѣлъ писанный имъ образъ, чтобы принесть чистое покаяніе, и съ ужасомъ увидѣлъ, что передъ нимъ стоялъ тотъ же портретъ Петромихали, котораго глаза, казалось, еще болѣе получили живости, такъ что даже дѣти испустили крикъ, взглянувши на него. Это чрезвычайно поразило моего отца. Онъ рѣшился открыться во всемъ священнику нашего прихода и просить у него совѣта, какъ поступить въ этомъ необыкновенномъ дѣлѣ. Священникъ былъ разсудительный человѣкъ и кромѣ того преданный съ теплою любовію своей должности. Онъ немедленно явился по первому призыву къ моему отцу, котораго уважалъ, какъ достойнѣйшаго прихожанина. Отецъ не считалъ даже нужнымъ отводить его въ сторону и рѣшился тутъ же, при матери моей и дѣтяхъ, разсказать ему это непостижимое происшествіе. Но едва только произнесъ онъ первое слово, какъ мать моя вдругъ глухо вскрикнула и упала безъ чувствъ на полъ. Лицо ея покрылось страшною блѣдностію, уста остались неподвижны, открыты, и всѣ черты ея исковеркались судоргами. Отецъ и священникъ подбѣжали къ ней и съ ужасомъ увидѣли, что она нечаянно проглотила десятокъ иголокъ, которыя держала во рту. Пришедшій докторъ объявилъ, что это было неизлѣчимо: иголки остановились у нея въ горлѣ, другія прошли въ желудокъ и во внутренность и мать моя скончалась ужасною смертью.

Это происшествіе произвело сильное вліяніе на всю жизнь

моего отца. Съ этого времени какая-то мрачность овладѣла его душою. Рѣдко онъ чѣмъ-нибудь занимался, всегда почти оставался безмолвнымъ и убѣгалъ всякаго сообщества. Но между тѣмъ ужасный образъ Петромихали, съ его живыми глазами, сталъ преслѣдовать его неотлучнѣе, и часто отецъ мой чувствовалъ приливъ такихъ отчаянныхъ, свирѣпыхъ мыслей, которыхъ невольно содрогался самъ. Все то, что̀ улегается, какъ черный осадокъ во глубинѣ человѣка, истребляется и выгоняется воспитаніемъ, благородными подвигами и лицезрѣніемъ прекраснаго, все это онъ чувствовалъ возмущавшимся и безпрестанно силившимся выйти наружу и развиться во всемъ своемъ порочномъ совершенствѣ. Мрачное состояніе души его именно было таково, чтобы заставить его ухватиться за эту черную сторону человѣка. Но я долженъ замѣтить, что сила характера отца моего была безпримѣрна: власть, которую онъ бралъ надъ собою и надъ страстями, была непостижима; его убѣжденія были тверже гранита и, чѣмъ сильнѣе было искушеніе, тѣмъ онъ болѣе рвался противустановить ему несокрушимую силу души своей. Наконецъ, обезсилѣвъ отъ этой борьбы, онъ рѣшился излить и обнажить всего себя въ изображеніи всей повѣсти своихъ страданій тому же священнику, который всегда почти доставлялъ ему исцѣленіе размышляющими своими рѣчами. Это было въ началѣ осени; день былъ прекрасный; солнце сіяло какимъ-то свѣжимъ осеннимъ свѣтомъ; окна нашихъ комнатъ были отворены; отецъ мой сидѣлъ съ достойнымъ священникомъ въ мастерской; мы играли съ братомъ въ комнатѣ, которая была рядомъ съ нею. Обѣ эти комнаты были во второмъ этажѣ, составлявшемъ антресоли нашего маленькаго дома. Дверь въ мастерской была нѣсколько растворена; я какъ-то нечаянно заглянулъ въ отверстіе, видѣлъ, что̀ отецъ мой придвинулся ближе къ священнику и услышалъ даже, какъ онъ сказалъ ему: « Наконецъ я открою всю эту тайну....» Вдругъ мгновенный крикъ заставилъ меня оборотиться: брата моего не было. Я подошелъ къ окну и—Боже! я никогда не могу забыть этого происшествія: на мостовой лежалъ облитый кровью трупъ моего брата. Играя, онъ вѣрно какъ-нибудь неосторожно перегнулся чрезъ окошко и упалъ безъ сомнѣнія головою внизъ, потому что она вся была размозжена. Я никогда не

позабуду этого ужаснаго случая. Отецъ мой стоялъ неподвиженъ передъ окномъ, сложа на крестъ руки и поднявъ глаза къ небу. Священникъ былъ проникнутъ страхомъ, вспомнивъ объ ужасной смерти моей матери, и самъ требовалъ отъ отца моего, чтобы онъ хранилъ эту ужасную тайну.

«Послѣ этого отецъ мой отдалъ меня въ корпусъ, гдѣ я провелъ все время своего воспитанія, а самъ удалился въ монастырь одного уединеннаго городка, окруженнаго пустынею, гдѣ бѣдный сѣверъ уже представлялъ только дикую природу, и торжественно принялъ санъ монашескій. Всѣ тяжкія обязанности этого званія онъ несъ съ такою покорностью и смиреніемъ, всю труженическую жизнь свою онъ велъ съ такимъ смиреніемъ соединеннымъ съ энтузіазмомъ и пламенемъ вѣры, что, по видимому, преступное не имѣло воли коснуться къ нему. Но страшный, имъ же начертанный образъ съ живыми глазами преслѣдовалъ его и въ этомъ почти гробовомъ уединеніи. Игуменъ, узнавши о необыкновенномъ талантѣ отца моего въ живописи, поручилъ ему украсить церковь нѣкоторыми образами. Нужно было видѣть, съ какимъ высокимъ религіознымъ смиреніемъ трудился онъ надъ своею работою: въ строгомъ постѣ и молитвѣ, въ глубокомъ размышленіи и уединеніи души пріуготовлялся онъ къ своему подвигу. Неотлучно проводилъ ночи надъ своими священными изображеніями, и отъ того, можетъ быть, рѣдко найдете вы произведеній, даже значительныхъ художниковъ, которыя носили бы на себѣ печать такихъ истинно христіянскихъ чувствъ и мыслей. Въ его праведникахъ было такое небесное спокойствіе, въ его кающихся такое душевное сокрушеніе, какія я очень рѣдко встрѣчалъ даже въ картинахъ извѣстныхъ художниковъ. Наконецъ, всѣ мысли и желанія его устремились къ тому, чтобы изобразить Божественную Матерь, кротко простирающую руки надъ молящимся народомъ. Надъ этимъ произведеніемъ трудился онъ съ такимъ самоотверженіемъ и съ такимъ забвеніемъ себя и всего міра, что часть спокойствія, разлитаго его кистью въ чертахъ Божественной Покровительницы міра, казалось, перешла въ собственную его душу. По крайней мѣрѣ, страшный образъ ростовщика пересталъ навѣщать его, и портретъ пропалъ неизвѣстно куда.

«Между тѣмъ воспитаніе мое въ корпусѣ окончилось. Я былъ

выпущенъ офицеромъ, но, къ величайшему сожалѣнію, обстоятельства не позволили мнѣ видѣть моего отца. Насъ отправили тогда же въ дѣйствующую армію, которая, по поводу объявленной войны Турками, находилась на границѣ. Не буду надоѣдать вамъ разсказами о жизни, проведенной мною среди походовъ, бивакъ и жаркихъ схватокъ; довольно сказать, что труды, опасности и жаркій климатъ измѣнили меня совершенно, такъ что знавшіе меня прежде не узнавали вовсе. Загорѣвшее лицо, огромные усы и хриплый крикливый голосъ придали мнѣ совершенно другую физіогномію. Я былъ весельчакъ, не думалъ о завтрашнемъ, любилъ выпорожнить лишнюю бутылку съ товарищемъ, болтать вздоръ съ смазливенькими дѣвчонками, отпустить спроста глупость; словомъ, былъ военный безпечный человѣкъ. Однакожъ, какъ только окончилась кампанія, я почелъ первымъ долгомъ навѣстить отца.

«Когда подъѣхалъ я къ уединенному монастырю, мною овладѣло странное чувство, какого прежде я никогда не испытывалъ; я чувствовалъ, что я еще связанъ съ однимъ существомъ, что есть еще что-то неполное въ моемъ состояніи. Уединенный монастырь посреди природы блѣдной, обнаженной, навелъ на меня какое-то піитическое забвеніе и далъ странное, неопредѣленное направленіе моимъ мыслямъ, какое обыкновенно мы чувствуемъ въ глубокую осень, когда листья шумятъ подъ нашими ногами, надъ головами ни листа, черныя вѣтви сквозятъ рѣдкою сѣтью, вороны каркаютъ въ далекой вышинѣ, и мы невольно ускоряемъ свой шагъ, какъ-бы стараясь собрать разсѣявшіяся мысли. Множество деревянныхъ почернѣвшихъ пристроекъ окружали каменное строеніе. Я вступилъ подъ длинныя, мѣстами прогнившія, позеленѣвшія мохомъ галлереи, находившіяся вокругъ келій, и спросилъ монаха, отца Григорія. Это было имя, которое отецъ мой принялъ по вступленіи въ монашеское званіе. Мнѣ указали его келью.

«Никогда не позабуду произведеннаго имъ на меня впечатлѣнія. Я увидѣлъ старца, на блѣдномъ, изнуренномъ лицѣ котораго не присутствовало, казалось, ни одной черты, ни одной мысли о земномъ. Глаза его, привыкшіе быть устремленными къ небу, получили тотъ безстрастный, проникнутый нездѣшнимъ огнемъ видъ, который въ минуту только вдохновенія осѣняетъ художника. Онъ

сидѣлъ передо мною неподвижно, какъ святой, глядящій съ полотна, на которое перенесла его рука художника, на молящійся народъ; онъ, казалось, вовсе не замѣтилъ меня, хотя глаза его были обращены къ той сторонѣ, откуда я вошелъ къ нему. Я не хотѣлъ еще открыться и потому попросилъ у него просто благословенія, какъ путешествующій молельщикъ, но каково было мое удивленіе, когда онъ произнесъ: «Здравствуй, сынъ мой, Леонъ!» Меня это изумило: я десяти лѣтъ еще разстался съ нимъ; притомъ меня не узнавали даже тѣ, которые меня видѣли не такъ давно. «Я зналъ, что ты ко мнѣ прибудешь,» продолжалъ онъ. «Я просилъ объ этомъ Пречистую Дѣву и Св. Угодника и ожидалъ тебя съ часу на часъ, потому что чувствую близкую кончину и хочу тебѣ открыть важную тайну. Пойдемъ, сынъ мой, со мною, и прежде помолимся!» Мы вошли въ церковь и онъ подвелъ меня къ большой картинѣ, изображавшей Божію Матерь, благословляющую народъ. Я былъ пораженъ глубокимъ выраженіемъ божественности въ Ея лицѣ. Долго лежалъ онъ, повергшись передъ изображеніемъ, и наконецъ послѣ долгаго молчанія и размышленія вышелъ вмѣстѣ со мною.

«Послѣ того отецъ мой разсказалъ мнѣ все то, что вы сейчасъ отъ меня слышали. Въ истину его я вѣрилъ, потому что самъ былъ свидѣтелемъ многихъ печальныхъ случаевъ нашей жизни. «Теперь я разскажу тебѣ, сынъ мой,» прибавилъ онъ послѣ этой исторіи, «то, что̀ мнѣ открылъ видѣнный мною святой, неузнанный среди многолюднаго народа никѣмъ кромѣ меня, котораго милосердый Создатель сподобилъ такой неизглаголанной своей благости.» При этомъ отецъ мой сложилъ руки и устремилъ глаза къ небу, весь отданный ему всѣмъ своимъ бытіемъ. И я наконецъ услышалъ то, что̀ сейчасъ готовлюсь разсказать вамъ. Вы не должны удивляться странности его рѣчей: я увидѣлъ, что онъ находился въ томъ состояніи души, которое овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ испытываетъ сильныя, нестерпимыя несчастія; когда, желая собрать всю силу, всю желѣзную силу души и не находя ее довольно мощною, весь повергается въ религію; и чѣмъ сильнѣе гнетъ его несчастій, тѣмъ пламеннѣе его духовныя созерцанія и молитвы. Онъ уже не походитъ на того тихаго размышля-

ющаго отшельника, который, какъ къ желанной пристани, причалилъ къ своей пустынѣ, съ желаніемъ отдохнуть отъ жизни и съ христіянскимъ смиреніемъ молиться Тому, къ Которому онъ сталъ ближе и доступнѣе; напротивъ того, онъ становится чѣмъ-то исполинскимъ. Въ немъ не угаснулъ пылъ души, но напротивъ стремится и вырывается съ большею силою. Онъ тогда весь обратился въ религіозный пламень. Его голова вѣчно наполнена чудными снами. Онъ видитъ на каждомъ шагу видѣнія и слышитъ откровенія; мысли его раскалены; глазъ его уже не видитъ ничего принадлежащаго землѣ; всѣ движенія, слѣдствія вѣчнаго устремленія къ одному, исполнены энтузіазма. Я съ перваго раза замѣтилъ въ немъ это состояніе и упоминаю о немъ потому, чтобы вамъ не казались слишкомъ удивительными тѣ рѣчи, которыя я отъ него услышалъ. «Сынъ мой!» сказалъ онъ мнѣ послѣ долгаго, почти неподвижнаго устремленія глазъ своихъ къ небу. «Уже скоро, скоро приблизиться то время, когда искуситель рода человѣческаго, антихристъ, народится въ міръ. Ужасно будетъ это время: оно будетъ передъ концомъ міра. Онъ промчится на конѣ-гигантѣ, и великія потерпятъ муки тѣ, которые останутся вѣрными Христу. Слушай, сынъ мой: уже давно хочетъ народиться антихристъ, но не можетъ, потому что долженъ родиться сверхъестественнымъ образомъ; а въ мірѣ нашемъ все устроено Всемогущимъ такъ, что совершается все въ естественномъ порядкѣ, и потому ему никакія силы, сынъ мой, не помогутъ прорваться въ міръ. Но земля наша—прахъ предъ Создателемъ. Она по его законамъ должна разрушаться, и съ каждымъ днемъ законы природы будутъ становиться слабѣе, и отъ того границы, удерживающія сверхъестественное, приступнѣе. Онъ уже и теперь нарождается, но только нѣкоторая часть его порывается показаться въ міръ. Онъ избираетъ для себя жилищемъ самого человѣка и показывается въ тѣхъ людяхъ, отъ которыхъ, уже кажется при самомъ рожденіи, отшатнулся ангелъ, и они заклеймены страшною ненавистью къ людямъ и ко всему, что̀ есть созданіе Творца. Таковъ-то былъ тотъ дивный ростовщикъ, котораго дерзнулъ я, окаянный, изобразить преступною своею кистью. Это онъ, сынъ мой, это былъ самъ антихристъ. Если бы моя преступная рука

не дерзнула его изобразить, онъ бы удалился и исчезнулъ, потому что не могъ жить долѣе того тѣла, въ которомъ заключилъ себя. Въ этихъ отвратительныхъ живыхъ глазахъ удержалось бѣсовское чувство. Дивись, сынъ мой, ужасному могуществу бѣса. Онъ во все силится проникнуть: въ наши дѣла, въ наши мысли и даже въ самое вдохновеніе художника. Безчисленны будутъ жертвы этого адскаго духа, живущаго невидимо безъ образа на землѣ. Это тотъ черный духъ, который врывается къ намъ даже въ минуту самыхъ чистыхъ и святыхъ помышленій. О, если бы моя кисть не остановила своей адской работы, онъ бы еще болѣе надѣлалъ зла, и нѣтъ силъ человѣческихъ противустать ему; потому что онъ именно выбираетъ то время, когда величайшія несчастія постигаютъ насъ. Горе, сынъ мой, бѣдному человѣчеству! Но слушай, что́ мнѣ открыла въ часъ святого видѣнія сама Божія Матерь. Когда я трудился надъ изображеніемъ пречистаго лица Дѣвы Маріи, лилъ слезы покаянія о моей протекшей жизни и долго пребывалъ въ постѣ и молитвѣ, чтобы быть достойнѣе изобразить божественныя черты ея, я былъ посѣщенъ, сынъ мой, вдохновеніемъ, я чувствовалъ, что высшая сила осѣнила меня и ангелъ возносилъ мою грѣшную руку, я чувствовалъ, какъ шевелились на мнѣ волоса мои и душа вся трепетала. О сынъ мой! за эту минуту я бы тысячи взялъ мукъ на себя. И я самъ дивился тому, что́ изобразила кисть моя. Тогда же предсталъ мнѣ во снѣ пречистый ликъ Дѣвы—и я узналъ, что въ награду моихъ трудовъ и молитвъ сверхъестественное существованіе этого демона въ портретѣ будетъ невѣчно, что если кто торжественно объявитъ его исторію по истеченіи пятидесяти лѣтъ въ первое новолуніе, то сила его погаснетъ и разсѣется яко прахъ, и что я могу тебѣ передать это передъ моею смертію. Уже тридцать лѣтъ, какъ онъ съ того времени живетъ; двадцать впереди, помолимся сынъ мой!» При этомъ онъ повергнулся на колѣни и весь превратился въ молитву. Признаюсь, я внутренно всѣ эти слова приписывалъ распаленному его воображенію, воздвигнутому безпрестаннымъ постомъ и молитвами, и потому изъ уваженія не хотѣлъ дѣлать какого-нибудь замѣчанія или соображенія. Но когда я увидѣлъ, какъ онъ поднялъ къ небу изсохшія свои руки, съ ка-

кимъ глубокимъ сокрушеніемъ молчалъ онъ, уничтоженный въ себѣ самомъ, съ какимъ невыразимымъ умиленіемъ молимъ о тѣхъ, которые не въ силахъ были противиться адскому обольстителю и погубили все возвышенное души своей, съ какою пламенною скорбію простерся онъ, и по лицу его лились горячія слезы, и во всѣхъ чертахъ его выразилось одно безмолвное рыданіе,—о, тогда я не въ силахъ былъ предаться холодному размышленію и разбирать слова его! Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ его смерти. Я не вѣрилъ этой исторіи и даже мало думалъ о ней; но никогда не могъ ее никому пересказать. Я не знаю, отъ чего это было, но только я чувствовалъ всегда что-то удерживавшее меня отъ того. Сегодня безъ всякой цѣли зашелъ я на аукціонъ и въ первой разъ разсказалъ исторію этого необыкновеннаго портрета; такъ что я невольно начинаю думать, не сегодня ли то новолуніе, о которомъ говорилъ отецъ мой, потому что дѣйствительно съ того времени прошло уже 20 лѣтъ.»

Тутъ разсказывавшій остановился, и слушатели, внимавшіе ему съ неразвлекаемымъ участіемъ, невольно обратили глаза свои къ странному портрету и къ удивленію своему замѣтили, что глаза его вовсе не сохраняли той странной живости, которая такъ поразила ихъ сначала. Удивленіе еще болѣе увеличилось, когда черты страннаго изображенія почти нечувствительно начали исчезать, какъ исчезаетъ дыханіе съ чистой стали. Что-то мутное осталось на полотнѣ. И когда подошли къ нему ближе, то увидѣли какой-то незначущій пейзажъ; такъ что посѣтители, уже уходя, долго недоумѣвали, дѣйствительно ли они видѣли таинственный портретъ, или это была мечта и представилась мгновенно глазамъ, утружденнымъ долгимъ разсматриваніемъ старинныхъ картинъ.

ВЗГЛЯДЪ НА СОСТАВЛЕНІЕ МАЛОРОССІИ (*).

I. Какое ужасно-ничтожное время представляетъ для Россіи XIII вѣкъ! Сотни мелкихъ государствъ единовѣрныхъ, одноплеменныхъ, одноязычныхъ, означенныхъ однимъ общимъ характеромъ и которыхъ, казалось, противъ воли соединяло родство — эти мелкія государства такъ были между собою разъединены, какъ рѣдко случается съ разнохарактерными народами. Они были разъединены—не ненавистью (сильныя страсти не досягали сюда), ни постоянною политикою, слѣдствіемъ непреклоннаго ума и познанія жизни: это былъ хаосъ браней за временное, за минутное, браней разрушительныхъ, потому что онѣ мало-помалу извели народный характеръ, едва начинавшій принимать отличительную физіогномію при сильныхъ норманскихъ князьяхъ. Религія, которая болѣе всего связываетъ и образуетъ народы, мало на нихъ дѣйствовала. Религія не срослась тогда тѣсно съ законами, съ жизнью. Монахи, настоятели, даже митрополиты были схимники, удалившіеся въ свои кельи и закрывшіе глаза для міра; молившіеся за всѣхъ, но незнавшіе, какъ схватить съ помощью своего сильнаго оружья, вѣры, власть надъ народомъ и возжечь этой вѣрой пламень и ревность до энтузіазма, который одинъ властенъ соединить младенчествующіе народы и настроить ихъ къ великому. Здѣсь была совершенная противоположность западу, гдѣ самодержавный папа, какъ-буд-

(*) Эскизъ этотъ составлялъ введеніе къ Исторіи Малороссіи; но такъ какъ вся первая часть Исторіи Малороссіи передѣлана вовсе, то онъ остался заштатнымъ и помѣщается здѣсь какъ совершенно отдѣльная статья.

то невидимою паутиною опуталъ всю Европу своею религіозною властью, гдѣ его могущественное слово прекращало брань, или возжигало ее, гдѣ угроза страшнаго проклятія обуздывала страсти и полудикіе народы. Здѣсь монастыри были убѣжищемъ тѣхъ людей, которые кротостью и незлобіемъ составляли исключеніе изъ общаго характера и вѣка. Нерѣдко пастыри, изъ пещеръ и монастырей, увѣщали удѣльныхъ князей; но ихъ увѣщанія были напрасны: князья умѣли только поститься и строить церкви, думая, что исполняютъ этимъ всѣ обязанности христіянской религіи, а не умѣли считать ее закономъ и покоряться ея велѣніямъ. Самыя ничтожныя причины раждали между ими безконечныя войны. Это *были*—не споры королей съ вассалами, нѣтъ! это были брани между родственниками, между родными братьями, между отцомъ и дѣтьми. Не ненависть, не сильная страсть воздымала ихъ, нѣтъ! братъ брата рѣзалъ за клочокъ земли, или, просто, чтобы показать удальство. Примѣръ ужасный для народа! Родство рушилось, потому что жители двухъ сосѣднихъ удѣловъ, родственники между собою, готовы были каждую минуту возстать другъ противъ друга съ яростью волковъ. Ихъ не подвигала на это наслѣдственная вражда, потому что, кто былъ сегодня другъ, тотъ завтра дѣлался непріятелемъ. Народъ пріобрѣлъ хладнокровное звѣрство, потому что онъ рѣзалъ, самъ не зная за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство, ни фанатизмъ, ни суевѣріе, ни даже предразсудокъ. Отъ того, казалось, умерли въ немъ почти всѣ человѣческія сильныя благородныя страсти, и если бы явился какой-нибудь геній, который бы захотѣлъ тогда съ этимъ народомъ совершить великое, онъ бы не нашелъ въ немъ ни одной струны, за которую бы могъ ухватиться и потрясти безчувственный составъ его, выключая развѣ физической желѣзной силы. Тогда исторія, казалось, застыла и превратилась въ географію: однообразная жизнь, шевелившаяся въ частяхъ и неподвижная въ цѣломъ, могла почесться географическою принадлежностью страны.

II. Тогда случилось дивное происшествіе. Изъ Азіи, изъ средины ея, изъ степей выбросившихъ столько народовъ въ Европу, поднялся самый страшный, самый многочисленный, совершившій столько завоеваній, сколько до него не производилъ никто. Ужас-

ные Монголы, съ многочисленными, никогда дотолѣ невиданными Европою табунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россію, освѣтивши путь свой пламенемъ и пожарами, прямо азіятскимъ буйнымъ наслажденіемъ. Это нашествіе наложило на Россію двухъвѣковое рабство и скрыло ее отъ Европы. Было ли оно спасеніемъ для нея, сберегши ее для независимости, потому что удѣльные князья не сохранили бы ее отъ литовскихъ завоевателей, или оно было наказаніемъ за тѣ безпрерывныя брани,—какъ-бы то ни было, но это страшное событіе произвело великія слѣдствія: оно наложило иго на сѣверныя и среднія русскія княженія, но дало между тѣмъ происхожденіе новому славянскому поколѣнію въ южной Россіи, котораго вся жизнь была борьба и котораго исторію я взялся представить.

III. Южная Россія болѣе всего пострадала отъ Татаръ. Выжженные города и степи, обгорѣлые лѣса, древній, разрушенный Кіевъ, безлюдье и пустыня—вотъ что̀ представляла эта несчастная страна! Испуганные жители разбѣжались или въ Польшу, или въ Литву: множество бояръ и князей выѣхало въ сѣверную Россію. Еще прежде народонаселеніе начало замѣтно уменьшаться въ этой сторонѣ. Кіевъ давно уже не былъ столицею; значительныя владѣнія были гораздо сѣвернѣе. Народъ, какъ-бы понимая самъ свою ничтожность, оставлялъ тѣ мѣста, гдѣ разновидная природа начинаетъ становиться изобрѣтательницею, гдѣ она раскинула степи прекрасныя, вольныя, съ безчисленнымъ множествомъ травъ почти гигантскаго роста, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогоръ, убранный дикими вишнями, черешнями, или обрушила рытвину, всю въ цвѣтахъ, и по всѣмъ вьющимся лентамъ рѣкъ разбросала очаровательные виды, протянула во всю длину Днѣпръ съ ненасытными порогами, съ величественными гористыми берегами и неизмѣримыми лугами—и все это согрѣла умѣреннымъ дыханіемъ юга. Онъ оставлялъ эти мѣста и столплялся въ той части Россіи, гдѣ мѣстоположеніе, однообразно-гладкое и ровное, вездѣ почти болотистое, истыканное печальными елями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движенія, но какое-то прозябеніе, поражающее душу мыслящаго.— Какъ-будто бы этимъ подтвердилось правило, что только народъ

сильный жизнью и характеромъ ищетъ мощныхъ мѣстоположеній, или, что только смѣлыя и поразительныя мѣстоположенія образуютъ смѣлый, страстный, характерный народъ.

IV. Когда первый страхъ прошелъ, тогда мало-помалу выходцы изъ Польши, Литвы, Россіи начали селиться въ этой землѣ, настоящей отчизнѣ Славянъ, землѣ древнихъ Полянъ, Сѣверянъ, чистыхъ славянскихъ племенъ, которыя въ великой Россіи начинали уже смѣшиваться съ народами финскими, но здѣсь сохранялись въ прежней цѣльности, со всѣми языческими повѣрьями, дѣтскими предразсудками, пѣснями, сказками, славянской миѳологіей, такъ простодушно у нихъ смѣшавшейся съ христіанствомъ. Возвращавшіеся на свои мѣста прежніе жители привели по слѣдамъ своимъ и выходцевъ изъ другихъ земель, съ которыми отъ долговременнаго пребыванія составили связи. Это населеніе производилось боязненно и робко, потому что ужасный кочевой народъ былъ не за горами: ихъ раздѣляли или, лучше сказать, соединяли однѣ степи. Не смотря на пестроту населенія, здѣсь не было тѣхъ браней междоусобныхъ, которыя не переставали во глубинѣ Россіи: опасность со всѣхъ сторонъ не давала возможности заняться имъ. Кіевъ, древняя матерь городовъ Русскихъ, сильно разрушенный страшными обладателями табуновъ, долго оставался бѣденъ и едва ли могъ сравниться со многими, даже не слишкомъ значительными городами сѣверной Россіи. Всѣ оставили его, даже монахи-лѣтописцы, для которыхъ онъ всегда былъ священъ. Извѣстія о немъ разомъ прервались, и, не смотря на то, что тамъ оставалась еще отрасль князей русскихъ, ничто не спасло его отъ полувѣковаго забвенія. Изрѣдка только, какъ-будто сквозь сонъ, говорятъ лѣтописцы, что онъ былъ страшно разоренъ, что въ немъ были ханскіе баскаки,—и потомъ онъ отъ нихъ задернулся, какъ-бы непроницаемою завѣсою.

V. Между тѣмъ какъ Россія была повергнута Татарами въ бездѣйствіе и оцѣпенѣніе, великій язычникъ, Гедиминъ, вывелъ на сцену тогдашней исторіи новый народъ, народъ бѣдный и жизнью, и средствами для жизни, населявшій дикіе сосновые лѣса нынѣшней Бѣлоруссіи, еще носившій звѣриную кожу вмѣсто одежды, еще боготворившій Перуна и покланявшійся древнему огню въ

нетроганыхъ топоромъ рощахъ, платившій прежде дань русскимъ князьямъ, извѣстный подъ именемъ Литовцевъ. И этотъ народъ при своемъ князѣ Гедиминѣ сдѣлался самымъ виднымъ на огромномъ сѣверовостокѣ Европы! Тогда города, княжества и народы на западѣ Россіи были какіе-то отрывки, обрѣзки, оставшіеся за гранью татарскаго порабощенія. Они не составляли ничего цѣлаго, и потому литовскій завоеватель почти однимъ движеніемъ языческихъ войскъ своихъ, совершенно созданныхъ имъ, подвергъ своей власти весь промежутокъ между Польшей и татарской Россіей. Потомъ двинулъ онъ войска свои на югъ, во владѣнія волынскихъ князей. Весьма естественно, что успѣхъ сопровождалъ его вездѣ. Въ Луцкѣ однакожъ князь Левъ сильно сопротивлялся, но не въ силахъ былъ отстоять земель своихъ. Гедиминъ, назначивъ старостъ и начальниковъ, шелъ далѣе на югъ, къ самому сердцу южной Россіи, къ Кіеву. Убѣжавшій луцкій князь Левъ успѣлъ кое-какъ уговорить кіевскаго князя Станислава выйти съ своими немноголюдными дружинами на встрѣчу грозному побѣдителю; дружины были усилены союзниками-Татарами: но все бѣжало передъ мощнымъ Литовцемъ. Гедиминъ, сильно поразивъ ихъ при рѣкѣ Ирпети, вступилъ съ торжествомъ въ Кіевъ, носившій на себѣ свѣжую печать татарскаго посѣщенія, и постановилъ въ немъ правителемъ князя Миндова Ольшанскаго, принявшаго греческую вѣру. И такъ литовскій завоеватель у самихъ Татаръ вырвалъ почти передъ глазами ихъ находившуюся землю! Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедиминъ былъ человѣкъ ума крѣпкаго, былъ политикъ, не смотря на видимую свою дикость и свое невѣжественное время. Онъ умѣлъ сохранить дружбу съ Татарами, владѣя отнятыми у нихъ землями и не платя никакой дани. Этотъ дикій политикъ, незнавшій письма и поклонявшійся языческому богу, ни у одного изъ покоренныхъ имъ народовъ не измѣнилъ обычаевъ и древняго правленія; все оставилъ по прежнему, подтвердилъ всѣ привилегіи и старшинамъ строго приказалъ уважать народныя права: нигдѣ даже не означилъ пути своего опустошеніемъ. Совершенная ничтожность окружавшихъ его народовъ и прямо историческихъ лицъ придаютъ ему какой то исполинской размѣръ. Онъ

умеръ въ 1340 году; мертвый былъ посаженъ на коня съ своимъ оруженосцемъ, съ охотничьими собаками, соколами, и сожженъ по языческому обычаю Литовцевъ. Вслѣдъ за нимъ такіе же два сильные характера, Ольгердъ и Ягайло, вознесли Литву, употребляя ту же самую политику съ присоединенными народами.

VI. И вотъ Южная Россія, подъ могущественнымъ покровительствомъ литовскихъ князей, совершенно отдѣлилась отъ сѣверной. Всякая связь между ними разорвалась; составились два государства, называвшіяся одинакимъ именемъ, Русью, одно подъ татарскимъ игомъ, другое подъ однимъ скипетромъ съ Литовцами. Но уже сношеній между ними не было; другіе законы, другіе обычаи, другая цѣль, другія связи, другіе подвиги составили на время два совершенно различные характера. Какимъ образомъ это произошло, составляетъ цѣль нашей исторіи. Но прежде всего нужно бросить взглядъ на географическое положеніе этой страны, что непремѣнно должно предшествовать всему, ибо отъ вида земли зависитъ образъ жизни и даже характеръ народа. Многое въ исторіи разрѣшаетъ географія.

Эта земля, получившая послѣ названіе Украины, простирающаяся на сѣверъ не далѣе 50° широты, болѣе ровна, нежели гориста. Небольшія возвышенности встрѣчаются очень часто, но ни одной гористой цѣпи. Сѣверная ея часть перемежается лѣсами, содержавшими прежде въ себѣ цѣлыя шайки медвѣдей и дикихъ кабановъ; южная вся открыта, вся изъ степей, кипѣвшихъ плодородіемъ, но только изрѣдка засѣвавшихся хлѣбомъ. Дѣвственная и могучая почва ихъ своевольно произращала безчисленное множество травъ. Эти степи кипѣли стадами сайгъ, оленей и дикихъ лошадей, бродившихъ табунами. Съ сѣвера на югъ проходитъ великій Днѣпръ, опутанный вѣтвями впадающихъ въ него рѣкъ. Правый берегъ его гористъ и представляетъ плѣнительныя и вмѣстѣ дерзкія мѣстоположенія; лѣвый весь изъ луговъ, покрытыхъ рощами, потоплявшимися водою. Двѣнадцать пороговъ, выросшихъ изъ дна рѣки скалъ, недалеко отъ впаденія его въ море, преграждаютъ теченіе и дѣлаютъ плаваніе по немъ чрезвычайно опаснымъ. Около пороговъ водился родъ дикихъ козъ, *сугаки*, съ бѣлыми, лоснящимися рогами, съ мягкою, атласною шерстью.

Bayerische Staatsbibliothek München

Прежде воды въ Днѣпрѣ были выше, разливался онъ шире и далѣе потоплялъ луга свои. Когда воды начинаютъ опадать, тогда видъ поразителенъ: всѣ возвышенности выходятъ и кажутся безчисленными зелеными островами среди необозримаго океана воды. Въ Днѣпръ впадаетъ только одна судоходная рѣка, Десна, проходящая въ Сѣверной Украинѣ, съ лѣсистыми берегами, почти съ обѣихъ сторонъ потопляемыми водою; но и эта рѣка только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ судоходна. Кромѣ того, на сѣверѣ Остеръ и часть Сейма, на югѣ Сула, Пселъ, съ цѣпью видовъ, Хоролъ и другія; но ни одна изъ нихъ не судоходна. Сообщенія никакого нѣтъ; произведенія не могли взаимно размѣниваться—и потому здѣсь не могъ и возникнуть торговый народъ. Всѣ рѣки развѣтвляются по серединѣ; ни одна изъ нихъ не протекала на рубежѣ и не служила естественною гранью съ сосѣдственными народами. Къ сѣверу ли съ Россіей, къ востоку ли съ Кипчакскими Татарами, къ югу ли съ Крымскими, къ западу ли съ Польшей — вездѣ она граничила полемъ, вездѣ равнина, со всѣхъ сторонъ открытое мѣсто. Будь хотя съ одной стороны естественная граница изъ горъ или моря — и народъ, поселившійся здѣсь, удержалъ бы политическое бытіе свое, составилъ бы отдѣльное государство. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошеній и набѣговъ, мѣстомъ, гдѣ сшибались три враждующія націи, унавожена костями, утучнена кровью. Одинъ татарскій наѣздъ разрушалъ весь трудъ земледѣльца: луга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкія жилища сносимы до основанія, обитатели разгоняемы или угоняемы въ плѣнъ вмѣстѣ съ скотомъ. Это была земля страха; и потому въ ней могъ образоваться только народъ воинственный, сильный своимъ соединеніемъ, народъ отчаянный, котораго вся жизнь была бы повита и взлелѣяна войною. И вотъ выходцы вольные и невольные, бездомные, тѣ, которымъ нечего было терять, которымъ жизнь—копѣйка, которыхъ буйная воля не могла терпѣть законовъ и власти, которымъ вездѣ грозила висѣлица, расположились и выбрали самое опасное мѣсто въ виду азіатскихъ завоевателей, Татаръ и Турковъ. Эта толпа, разросшись и увеличившись, составила цѣлый народъ, набросившій свой характеръ и, можно сказать, колоритъ

Bayerische Staatsbibliothek München

на всю Украину, сдѣлавшій чудо—превратившій мирныя славянскія поколѣнія въ воинственныя, извѣстный подъ именемъ козаковъ, народъ, составляющій одно изъ замѣчательныхъ явленій европейской исторіи, которое, можетъ быть, одно сдержало это опустошительное разлитіе двухъ магометанскихъ народовъ, грозившихъ поглотить Европу.

VII. Если не къ концу XIII, то къ началу XIV вѣка можно отнести появленіе козачества, къ тѣмъ вѣкамъ, когда святая, сильная ревность къ религіи еще не остыла въ Европѣ, когда почти вдругъ во всѣхъ концахъ безпрестанно образовывались братства и ордена рыцарскіе, составлявшіе странную противоположность съ тогдашнимъ разъединеніемъ, съ изумительнымъ самоотверженіемъ *разру*шившіе и отвергнувшіе условія обыкновенной жизни, безбрачные, суровые, неотразимые, соглядатаи дѣлъ міра, желѣзные поборники вѣры Христовой. Чѣмъ слабѣе была связь тогдашнихъ государствъ, тѣмъ сильнѣе росла ужасная сила этихъ обществъ. Разлитіе магометанства и магометанскихъ новыхъ сильныхъ народовъ, уже врывавшихся въ Европу, увеличивало ихъ еще болѣе. Духъ этихъ братствъ распространился вездѣ и не между рыцарями и не для подобныхъ предназначеній. Въ это время явился близъ пороговъ городокъ или острогъ, Черкасы, построенный удалыми выходцами, имя котораго звучитъ обитателями Кавказа, котораго даже построеніе многіе приписываютъ имъ, и гдѣ было главное сборище и мѣстопребываніе козаковъ. Въ началѣ частыя нападенія Татаръ на сѣверную часть Украины заставляли жителей спасаться бѣгствомъ, приставать къ козакамъ и увеличивать ихъ общество. Это было пестрое сборище самыхъ отчаянныхъ людей пограничныхъ націй. Дикій горецъ, ограбленный Россіянинъ, убѣжавшій отъ деспотизма пановъ польскій холопъ, даже бѣглецъ исламизма Татаринъ, можетъ быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днѣпра, въ послѣдствіи поставившему цѣлью, подобно орденскимъ рыцарямъ, вѣчную войну съ невѣрными. Это скопище людей не имѣло никакихъ укрѣпленій, ни одного зàмка. Землянки, пещеры и тайники въ днѣпровскихъ утесахъ, часто подъ водою, на днѣпровскихъ островахъ, въ гущѣ степной травы, служили имъ укрытіемъ для себя и для награб-

ленныхъ богатствъ. Гнѣздо этихъ хищниковъ было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назадъ. Они поворотили противъ Татаръ ихъ же образъ войны, тѣ же азіятскіе набѣги. Какъ жизнь ихъ опредѣлена была на вѣчный страхъ, такъ точно съ своей стороны они рѣшились быть страхомъ для сосѣдей. Татары и Турки должны были всякій часъ ожидать этихъ неумолимыхъ обитателей пороговъ. Магометанскій сосѣдъ не зналъ, какъ назвать этотъ ненавистный народъ. Если кто хотѣлъ къ кому выразить величайшее презрѣніе, то называлъ его козакомъ.

VIII. Большая часть этого общества состояла однакожъ изъ первобытныхъ, коренныхъ обитателей Южной Россіи. Доказательство въ языкѣ, который, не смотря на принятіе множества татарскихъ и польскихъ словъ, имѣлъ всегда чисто славянскую южную физіогномію, приближавшую его къ тогдашнему русскому, и въ вѣрѣ, которая всегда была греческая. Всякій имѣлъ полную волю приставать къ этому обществу, но онъ долженъ былъ непремѣнно принять греческую религію. Это общество сохраняло всѣ тѣ черты, которыми рисуютъ шайку разбойниковъ, но, бросивши взглядъ глубже, можно было увидѣть въ немъ зародышъ политическаго тѣла, основаніе характернаго народа, уже въ началѣ имѣвшаго одну главную цѣль—воевать съ невѣрными и сохранять чистоту религіи своей. Это однакожъ не были строгіе рыцари католическіе: они не налагали на себя никакихъ обѣтовъ, никакихъ постовъ; не обуздывали себя воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти; были неукротимы, какъ ихъ днѣпровскіе пороги, и въ своихъ неистовыхъ пиршествахъ и бражничествѣ позабывали весь міръ. То же тѣсное братство, которое сохраняется въ разбойничьихъ шайкахъ, связывало ихъ между собою. Все было у нихъ общее—вино, цехины, жилища. Вѣчный страхъ, вѣчная опасность, внушали имъ какое-то презрѣніе къ жизни. Козакъ больше заботился о доброй мѣрѣ вина, нежели о своей участи. Но въ нападеніяхъ видна была вся гибкость, вся смѣтливость ума, все умѣнье пользоваться обстоятельствами. Нужно было видѣть этого обитателя пороговъ въ полу-татарскомъ, въ полу-польскомъ костюмѣ, на которомъ такъ рѣзко отпечаталась пограничность земли, азіятски мчавшагося на конѣ,

пропадавшаго въ густой травѣ, бросавшагося съ быстротою тигра изъ непримѣтныхъ тайниковъ своихъ, или вылѣзавшаго внезапно изъ рѣки или болота, обвѣшаннаго тиною и грязью, казавшагося страшилищемъ бѣгущему Татарину. Этотъ же самый козакъ, послѣ набѣга, когда гулялъ и бражничалъ съ своими товарищами, сорилъ и разбрасывалъ награбленныя сокровища, былъ безсмысленно пьянъ и безпеченъ до новаго набѣга, если только не предупреждали ихъ Татары, не разгоняли ихъ пьяныхъ и безпечныхъ и не разрывали до основанія городка ихъ, который, какъ-будто чудомъ, строился вновь, и опустошительный ужасный набѣгъ былъ отмщеніемъ. Послѣ чего снова та же безпечность, та же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существованіе этого народа было вѣчно. Онъ никогда не уменьшался: выбывшіе, убитые, потонувшіе, замѣнялись новыми. Такая разгульная жизнь приманивала всякаго. Тогда было то поэтическое время, когда все добывалось саблею, когда каждый въ свою очередь стремился быть дѣйствующимъ лицомъ, а не зрителемъ. Это скопленіе мало-по-малу получило совершенно одинъ общій характеръ и національность, и, чѣмъ ближе къ концу XV вѣка, тѣмъ болѣе увеличивалось приходившими вновь. Наконецъ цѣлыя деревни и села начали поселяться съ домами и семействами около этого грознаго оплота, чтобы пользоваться его защитою, съ условіемъ за то нѣкоторыхъ повинностей. И такимъ образомъ, мѣста около Кіева начали пустѣть, а между тѣмъ по ту сторону Днѣпра люднѣли. Семейные и женатые мало-по-малу отъ обращенія и сношенія съ ними получали тотъ же воинственный характеръ. Сабля и плугъ сдружились между собою и были у всякаго селянина. Между тѣмъ разгульные холостяки, вмѣстѣ съ червонцами, цехинами и лошадьми, стали похищать татарскихъ женъ и дочерей и жениться на нихъ. Отъ этого смѣшенія черты лица ихъ, въ началѣ разнохарактерныя, получили одну общую физіогномію, болѣе азіятскую. И вотъ составился народъ, по вѣрѣ и мѣсту жительства, принадлежавшій Европѣ, но между тѣмъ, по образу жизни, обычаямъ, костюму, совершенно азіятскій, народъ, въ которомъ такъ странно столкнулись двѣ противоположныя части свѣта, двѣ разнохарактерныя стихіи: европейская осторожность и азіатская безпечность, простодушіе и хитрость, сильная дѣятельность и

величайшая лѣнь и нѣга, стремленіе къ развитію и усовершенствованію—и между тѣмъ желаніе казаться пренебрегающимъ всякое совершенствованіе (*).

1832.

(*) Гоголь, собираясь написать исторію Малороссіи, въ 1834 году напечаталъ слѣдующее объявленіе: *Объ изданіи исторіи Малороссійскихъ козаковъ* (Сѣверная Пчела, 1834 г., № 34. Молва 1834 г., Московскій Телеграфъ 1834 г., № 3).

„До сихъ поръ еще нѣтъ у насъ полной, удовлетворительной исторіи Малороссіи и народа. Я не называю исторіями многихъ компиляцій (впрочемъ полезныхъ, какъ матеріалы), составленныхъ изъ разныхъ лѣтописей, безъ строгаго критическаго взгляда, безъ общаго плана и цѣли, большею частію неполныхъ и неуказавшихъ донынѣ этому народу мѣста въ исторіи міра. Я рѣшился принять на себя этотъ трудъ и представить сколько можно обстоятельнѣе: какимъ образомъ отдѣлилась эта часть Россіи; какое получила она политическое устройство, находясь подъ чуждымъ владѣніемъ; ка̀къ образовался въ ней воинственный народъ, означенный совершенною оригинальностью характера и подвиговъ; какимъ образомъ онъ три вѣка съ оружіемъ въ рукахъ добывалъ права свои и упорно отстоялъ свою религію; ка̀къ наконецъ навсегда присоединился къ Россіи; ка̀къ исчезало воинственное бытіе его и превращалось въ земледѣльческое; ка̀къ мало-по-малу вся страна получила новыя, въ замѣнъ прежнихъ, права, и наконецъ совершенно слилась въ одно съ Россіей. Около пяти лѣтъ собиралъ я съ большимъ стараніемъ матеріалы, относящіеся къ исторіи этого края. Половина моей исторіи уже почти готова, но я медлю выдавать въ свѣтъ первые томы, подозрѣвая существованіе многихъ источниковъ, можетъ быть, мнѣ неизвѣстныхъ, которые, безъ сомнѣнія, хранятся гдѣ-нибудь въ частныхъ рукахъ. И потому, обращаясь ко всѣмъ, усерднѣйше прошу (и нельзя, чтобы просвѣщенные соотечественники отказали въ моей просьбѣ), имѣющихъ какіе бы то ни было матеріалы, лѣтописи, записки пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги (особенно относящіяся до первобытной Малороссіи), прислать мнѣ ихъ, если нельзя въ оригиналахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ копіяхъ."

Но предпріятіе это ограничилось однимъ объявленіемъ (по крайней мѣрѣ въ бумагахъ, хранящихся у насъ, не находится никакихъ матеріаловъ для этого труда), да небольшимъ отрывкомъ, помѣщеннымъ здѣсь, который сперва былъ напечатанъ въ „Журналѣ Мин. Народн. Просв." (Ч. 2-я. № IV. 1834 г.) подъ заглавіемъ: „*Отрывокъ изъ исторіи Малороссіи. Томъ I, Книга I, Глава I.*" Гдѣ между прочимъ сдѣлана выноска: „Авторъ избралъ первую главу исторіи Малороссіи для помѣщенія въ журналъ, потому что она представляетъ нѣчто цѣлое и вмѣстѣ служитъ введеніемъ въ самую исторію. Приложенія и ссылки отлагаются за недостаткомъ мѣста. *Прим. Н. Трушковскаго.*

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПУШКИНѢ.

При имени Пушкина тотчасъ осѣняетъ мысль о русскомъ національномъ поэтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, никто изъ поэтовъ нашихъ не выше его и не можетъ болѣе назваться національнымъ; это право рѣшительно принадлежитъ ему. Въ немъ, какъ-будто въ лексиконѣ, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Онъ болѣе всѣхъ, онъ далѣе раздвинулъ ему границы и болѣе показалъ все его пространство. Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа: это русскій человѣкъ въ его развитіи, въ какомъ онъ можетъ быть явится чрезъ двѣсти лѣтъ. Въ немъ русская природа, русская душа, русскій языкъ, русскій характеръ, отразились въ такой же чистотѣ, въ такой очищенной красотѣ, въ какой отражается ландшафтъ на выпуклой поверхности оптическаго стекла.

Самая его жизнь совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому, иногда позабывшись, стремится Русскій и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. — Судьба, какъ нарочно, забросила его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью; гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи перерывается подъ облачными горами и обвѣвается югомъ. Исполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ среди знойныхъ долинъ поразилъ его; онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тяготѣли на свободныхъ мысляхъ. Его плѣнила вольная поэтическая жизнь дерзкихъ

горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые, неотразимые набѣги; и съ этихъ поръ кисть его пріобрѣла тотъ широкій размахъ, ту быстроту и смѣлость, которая такъ дивила и поражала только что начинавшую читать Россію. Рисуетъ ли онъ боевую схватку Чеченца съ козакомъ—слогъ его молнія; онъ также блещетъ, какъ сверкающія сабли, и летитъ быстрѣе самой битвы. Онъ одинъ только пѣвецъ Кавказа: онъ влюбленъ въ него всего душою и чувствами; онъ проникнутъ и напитанъ его чудными окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи и великолѣпными, крымскими ночами и садами. Можетъ быть, отъ того и въ своихъ твореніяхъ онъ жарче и пламеннѣе тамъ, гдѣ душа его коснулась юга. На нихъ онъ невольно означилъ всю силу свою, и отъ того произведенія его, напитанныя Кавказомъ, волею черкесской жизни и ночами Крыма, имѣли чудную магическую силу: имъ изумлялись даже тѣ, которые не имѣли столько вкуса и развитія душевныхъ способностей, чтобы быть въ силахъ понимать его. Смѣлое болѣе всего доступно, сильнѣе и просторнѣе раздвигаетъ душу, а особливо юности, которая вся еще жаждетъ одного необыкновеннаго. Ни одинъ поэтъ въ Россіи не имѣлъ такой завидной участи, какъ Пушкинъ. Ничья слава не распространялась такъ быстро. Всѣ кстати и некстати считали обязанностію проговорить, а иногда исковеркать какіе-нибудь ярко сверкающіе отрывки его поэмъ. Его имя уже имѣло въ себѣ что-то электрическое и стоило только кому-нибудь изъ досужихъ марателей выставить его на своемъ твореніи, уже оно расходилось повсюду (*).

Онъ при самомъ началѣ своемъ уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ

(*) Подъ именемъ Пушкина разсѣевалось множество самыхъ нелѣпыхъ стиховъ. Это обыкновенная участь таланта, пользующагося сильною извѣстностью. — Это въ началѣ смѣшитъ, но послѣ бываетъ досадно, когда наконецъ выходишь изъ молодости и видишь эти глупости непрекращающимися. Такимъ образомъ начали наконецъ Пушкину приписывать: Лѣкарство отъ холеры, Первую ночь и тому подобныя.

его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами. Если должно сказать о тѣхъ достоинствахъ, которыя составляютъ принадлежность Пушкина, отличающую его отъ другихъ поэтовъ, то они заключаются въ чрезвычайной быстротѣ описанія и въ необыкновенномъ искусствѣ немногими чертами означить весь предметъ. Его эпитетъ такъ отчетистъ и смѣлъ, что иногда одинъ замѣняетъ цѣлое описаніе; кисть его летаетъ. Его небольшая піеса всегда стоитъ цѣлой поэмы. Врядъ ли о комъ изъ поэтовъ можно сказать, чтобы у него въ коротенькой піесѣ вмѣщалось столько величія, простоты и силы, сколько у Пушкина.

Но послѣднія его поэмы, писанныя имъ въ то время, когда Кавказъ скрылся отъ него со всѣмъ своимъ грознымъ величіемъ и державно-возносящеюся изъ-за облакъ вершиною, и онъ погрузился въ сердце Россіи, въ ея обыкновенныя равнины, предался глубже изслѣдованію жизни и нравовъ своихъ соотечественниковъ и захотѣлъ быть вполнѣ національнымъ поэтомъ, — его поэмы уже не всѣхъ поразили тою яркостью и ослѣпительной смѣлостью, какими дышетъ у него все, гдѣ ни являются Эльбрусъ, горцы, Крымъ и Грузія.

Явленіе это, кажется, не такъ трудно разрѣшить. Будучи поражены смѣлостью его кисти и волшебствомъ картинъ, всѣ читатели его, образованные и необразованные, требовали на-перерывъ, чтобы отечественныя и историческія происшествія сдѣлались предметомъ его поэзіи, позабывая, что нельзя тѣми же красками, которыми рисуются горы Кавказа и его вольные обитатели, изобразить болѣе спокойный и гораздо менѣе исполненный страстей бытъ русскій. Масса публики, представляющая въ лицѣ своемъ націю, очень странна въ своихъ желаніяхъ; она кричитъ: «Изобрази насъ такъ, какъ мы есть, въ совершенной истинѣ, представь дѣла нашихъ предковъ въ такомъ видѣ, какъ они были.» Но попробуй поэтъ, послушный ея велѣнію, изобразить все въ совершенной истинѣ и такъ, какъ было, она тотчасъ заговоритъ: «это вяло, это слабо, это не хорошо, это ни мало не похоже на то, что̀ было.» Масса народа похожа въ этомъ случаѣ на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя портретъ совершенно похожій, но горе ему, если онъ не умѣлъ скрыть всѣхъ ея недостат-

ковъ! Русская исторія только со времени послѣдняго ея направленія при императорахъ пріобрѣтаетъ яркую живость; до того, характеръ народа большею частію былъ безцвѣтенъ, разнообразіе страстей ему мало было извѣстно. Поэтъ не виноватъ; но и въ народѣ тоже весьма извинительное чувство придать большій размѣръ дѣламъ своихъ предковъ. Поэту оставалось два средства: или натянуть, сколько можно выше, свой слогъ, дать силу безсильному, говорить съ жаромъ о томъ, что само въ себѣ не сохраняетъ сильнаго жара, тогда толпа почитателей, толпа народа, на его сторонѣ, а вмѣстѣ съ нимъ и деньги; или быть вѣрну одной истинѣ, быть высокимъ тамъ, гдѣ высокъ предметъ, быть рѣзкимъ и смѣлымъ, гдѣ истинно-рѣзкое и смѣлое, быть спокойнымъ и тихимъ, гдѣ не кипитъ происшествіе. Но въ этомъ случаѣ прощай толпа! ее не будетъ у него, развѣ когда самый предметъ, изображаемый имъ, уже такъ великъ и рѣзокъ, что не можетъ не произвесть всеобщаго энтузіазма. Перваго средства не избралъ поэтъ, потому что хотѣлъ остаться поэтомъ и потому что у всякаго, кто только чувствуетъ въ себѣ искру святаго призванія, есть тонкая разборчивость, непозволяющая ему выказывать свой талантъ такимъ средствомъ. Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный какъ воля, самъ себѣ и судія и господинъ, гораздо ярче какого-нибудь засѣдателя и, не смотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага притаясь въ ущельи, или выжегъ цѣлую деревню, однакоже онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья въ истертомъ фракѣ, запачканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ посредствомъ справокъ и выправокъ пустилъ по міру множество всякаго рода крѣпостныхъ и свободныхъ душъ. — Но тотъ и другой, они оба явленія, принадлежащія къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе, хотя по естественной причинѣ то, что мы рѣже видимъ, всегда сильнѣе поражаетъ наше воображеніе, и предпочесть необыкновенному обыкновенное есть больше ничего, кромѣ неразсчетъ поэта — неразсчетъ передъ его многочисленною публикою, а не передъ собою. Онъ ни чуть не теряетъ своего достоинства, даже, можетъ быть, еще болѣе пріобрѣтаетъ его, но только въ глазахъ немногихъ истин-

ныхъ цѣнителей. Мнѣ пришло на память одно происшествіе изъ моего дѣтства. Я всегда чувствовалъ маленькую страсть къ живописи. Меня много занималъ писанный мною пейзажъ, на первомъ планѣ котораго раскидывалось сухое дерево. Я жилъ тогда въ деревнѣ; знатоки и судьи мои были окружные сосѣди. Одинъ изъ нихъ, взглянувши на картину, покачалъ головою и сказалъ: «Хорошій живописецъ выбираетъ дерево рослое, хорошее, на которомъ бы и листья были свѣжіе, хорошо растущее, а не сухое.» Въ дѣтствѣ мнѣ казалось досадно слышать такой судъ, но послѣ я изъ него извлекъ мудрость: знать, что̀ нравится и что̀ не нравится толпѣ. Сочиненія Пушкина, гдѣ дышетъ у него русская природа, такъ же тихи и безпорывны, какъ русская природа. Ихъ только можетъ совершенно понимать тотъ, чья душа носитъ въ себѣ чисто русскіе элементы, кому Россія родина, чья душа такъ нѣжно организирована и развилась въ чувствахъ, что способна понять неблестящія съ виду русскія пѣсни и русскій духъ; потому что, чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше нужно быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочимъ совершенная истина. По справедливости ли оцѣнены послѣднія его поэмы? Опредѣлилъ ли, понялъ ли кто Бориса Годунова, это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней, неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа? По крайней мѣрѣ печатно нигдѣ не произнеслась имъ вѣрная оцѣнка, и они остались до нынѣ нетронуты.

Въ мелкихъ своихъ сочиненіяхъ, этой прелестной антологіи, Пушкинъ разносторонен необыкновенно и является еще обширнѣе, виднѣе, нежели въ поэмахъ. Нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ сочиненій такъ рѣзко-ослѣпительны, что ихъ способенъ понимать всякій, но за то большая часть изъ нихъ, и притомъ самыхъ лучшихъ, кажется обыкновенною для многочисленной толпы. Чтобы быть доступну понимать ихъ, нужно имѣть слишкомъ тонкое обоняніе, нуженъ вкусъ выше того, который можетъ понимать только однѣ слишкомъ рѣзкія и крупныя черты. Для этого нужно быть въ нѣкоторомъ отношеніи сибаритомъ, который уже давно присытился грубыми и тяжелыми яствами, который ѣстъ птичку не бо-

лѣе наперстка и услаждается такимъ блюдомъ, котораго вкусъ кажется совсѣмъ неопредѣленнымъ, страннымъ, безъ всякой пріятности, привыкшему глотать издѣлія крѣпостнаго повара. Это собраніе его мелкихъ стихотвореній — рядъ самыхъ ослѣпительныхъ картинъ. Это тотъ ясный міръ, который такъ дышетъ чертами знакомыми однимъ древнимъ, въ которомъ природа выражается такъ же живо, какъ въ струѣ какой-нибудь серебряной рѣки, въ которомъ быстро и ярко мелькаютъ ослѣпительныя плечи, или бѣлыя руки, или алебастровая шея, обсыпанная ночью темныхъ кудрей, или прозрачныя гроздія винограда, или мирты и древесная сѣнь, созданныя для жизни. Тутъ все: и наслажденіе, и простота, и мгновенная высокость мысли, вдругъ объемлющая священнымъ холодомъ вдохновенія читателя. Здѣсь нѣтъ этого каскада краснорѣчія, увлекающаго только многословіемъ, въ которомъ каждая фраза потому только сильна, что соединяется съ другими и оглушаетъ паденіемъ всей массы, но если отдѣлить ее, она становится слабою и безсильною. Здѣсь нѣтъ краснорѣчія, здѣсь одна поэзія; никакого наружнаго блеска, все просто, все прилично, все исполнено внутренняго блеска, который раскрывается не вдругъ; все лаконизмъ, какимъ всегда бываетъ чистая поэзія. Словъ не много, но они такъ точны, что обозначаютъ все. Въ каждомъ словѣ бездна пространства; каждое слово необъятно, какъ поэтъ. Отсюда происходитъ то, что эти мелкія сочиненія перечитываешь нѣсколько разъ, тогда какъ достоинства этого не имѣетъ сочиненіе, въ которомъ слишкомъ просвѣчиваетъ одна главная идея.

Мнѣ всегда было странно слышать сужденія объ нихъ многихъ, слывущихъ знатоками и литераторами, которымъ я болѣе довѣрялъ, покамѣсть еще не слышалъ ихъ толковъ объ этомъ предметѣ. Эти мелкія сочиненія можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ можно испытывать вкусъ и эстетическое чувство разбирающаго ихъ критика. Непостижимое дѣло! казалось, какъ бы имъ не быть доступными всѣмъ! Они такъ просто-возвышенны, такъ ярки, такъ пламенны, такъ сладострастны и вмѣстѣ такъ дѣтски чисты—какъ бы не понимать ихъ! Но, увы! это неотразимая истина: что чѣмъ болѣе поэтъ становится поэтомъ, чѣмъ бо-

лѣе изображаетъ онъ чувства, знакомыя поэтамъ, тѣмъ замѣтнѣе уменьшается кругъ обступившей его толпы и наконецъ такъ становится тѣсенъ, что онъ можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ своихъ истинныхъ цѣнителей.

1832.

ОБЪ АРХИТЕКТУРѢ НЫНѢШНЯГО ВРЕМЕНИ.

Мнѣ всегда становится грустно, когда я гляжу на новыя зданія, безпрерывно строющіяся, на которыя брошены милліоны, и изъ которыхъ рѣдкія останавливаютъ изумленный глазъ величествомъ рисунка, или своевольною дерзостью воображенія, или даже роскошью и ослѣпительною пестротою украшеній. Невольно втѣсняется мысль: неужели прошелъ невозвратимо вѣкъ архитектуры? неужели величіе и геніальность больше не посѣтятъ насъ, или онѣ принадлежность народовъ юныхъ, полныхъ одного энтузіазма и энергіи и чуждыхъ усыпляющей, безстрастной образованности? Отъ чего же тѣ народы, передъ которыми мы такъ самодовольно гордимся, которымъ едва даемъ мѣсто въ исторіи міра, отъ чего они такъ возвышаются передъ нами созданіями своего темнаго, неосвѣщеннаго дробью познаній, ума? Отъ чего же колоссальные памятники Индусовъ такъ величавы и неизмѣримы, отъ чего́ аравійскіе такъ роскошны и очаровательны? отъ чего у насъ въ Европѣ въ средніе вѣка такъ много воздвиглось ихъ въ изумительномъ величіи?

Не хотѣлось бы убѣдиться въ этой грустной мысли, но все говоритъ, что она истинна. Они прошли тѣ вѣка, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра, устремляла всѣ мысли, всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному, когда художникъ выше и выше стремился вознести созданіе свое къ небу, къ нему одному рвался и предъ нимъ, почти въ виду его, благоговѣйно подымалъ молящуюся свою руку. Зданіе его летѣло къ небу; узкія о̀кна, столпы, своды, тянулись

нескончаемо въ вышину; прозрачный, почти кружевной шпицъ какъ дымъ сквозилъ надъ ними, и величественный храмъ такъ бывалъ великъ, какъ велики требованія души нашей предъ требованіями тѣла.

Была архитектура необыкновенная, христіянская, національная для Европы—и мы ее оставили, забыли, какъ-будто чужую, пренебрегли, какъ неуклюжую и варварскую. Не удивительно ли, что три вѣка протекло, и Европа, которая жадно бросалась на все, алчно перенимала все чужое, удивлялась чудеснымъ древнимъ, римскимъ и византійскимъ, или уродовала ихъ по своимъ формамъ,—Европа не знала, что среди ея находятся чуда, передъ которыми было ничто все ею видѣнное, что въ нѣдрѣ ея находятся миланскій и кельнскій соборы, и еще донынѣ чернѣютъ кирпичи недоконченной башни страсбургскаго Мюнстера.

Готическая архитектура, та готическая архитектура, которая образовалась предъ окончаніемъ среднихъ вѣковъ, есть явленіе такое, какого еще никогда не производилъ вкусъ и воображеніе человѣка. Ее напрасно производятъ отъ арабской: идеи этихъ двухъ родовъ совершенно расходятся; изъ арабской она заимствовала только одно искусство сообщать тяжелой массѣ зданія роскошь украшеній и легкость, но самая эта роскошь украшеній вылилась у ней совершенно въ другую форму.—Она обширна и возвышенна, какъ христіянство. Въ ней все соединено вмѣстѣ: этотъ стройный и высоко возносящійся надъ головою лѣсъ сводовъ, окна огромныя, узкія, съ безчисленными измѣненіями и переплетами, присоединеніе къ этой ужасающей колоссальности массы самыхъ мелкихъ, пестрыхъ украшеній; эта легкая паутина рѣзьбы, опутывающая его своею сѣтью, обвивающая его отъ подножія до конца шпица и улетающая вмѣстѣ съ нимъ на небо; величіе и вмѣстѣ красота, роскошь и простота, тяжесть и легкость,—это такія достоинства, которыхъ никогда, кромѣ этого времени, не вмѣщала въ себѣ архитектура. Вступая въ священный мракъ этого храма, сквозь который фантастически глядитъ разноцвѣтный цвѣтъ оконъ, поднявши глаза къ верху, гдѣ теряются, пересѣкаясь, стрѣльчатые своды одинъ надъ другимъ, одинъ надъ другимъ, и имъ конца нѣтъ,—весьма естественно ощутить въ душѣ невольный ужасъ присут-

ствія святыни, которой не смѣетъ и коснуться дерзновенный умъ человѣка.

Но она исчезла, эта прекрасная архитектура! Какъ только энтузіазмъ среднихъ вѣковъ угасъ, и мысль человѣка раздробилась и устремилась на множество разныхъ цѣлей, какъ только единство и цѣлость одного исчезло—вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и величіе. Силы его, раздробившись, сдѣлались малыми; онъ произвелъ вдругъ во всѣхъ родахъ множество удивительныхъ вещей, но истинно великаго, исполинскаго, уже не было. Византійцы, убѣжавши изъ своей развратной столицы, занятой мусульманами, перепортили вкусъ Европейцевъ и колоссальную ихъ архитектуру. Византійцы давно уже не имѣли древняго аттическаго вкуса; они уже не имѣли и первоначальнаго византійскаго и принесли только испорченные остатки его. Они языческія, круглыя, плѣнительныя, сладострастныя формы куполовъ и колоннъ тщились примѣнить къ христіянству и примѣнили такъ же неудачно, какъ неудачно примѣнили христіянство къ своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свѣжести. Куполъ вытянулся вверхъ и сдѣлался почти угловатымъ, стройныя линіи, фронтоны, какъ-то странно изломались и произвели ничтожныя формы. Въ такомъ видѣ получили эту архитектуру Европейцы, которые съ своей стороны измѣнили ее еще болѣе, потому что въ душѣ своей еще носили первоначальный образъ готическій и мысль, совершенно противоположную разслабленной многосторонности Грековъ. Тогда произошли тяжелые дворцы съ колонами, полуколонами безъ всякой цѣли. Все это было робко, мелко. Это была не роскошь, но искаженность простоты. Множество миѳологическихъ головъ и украшеній безъ смысла, облѣпивъ тяжелую массу, не придали ей никакой легкости, не смягчили крѣпкихъ чертъ ея нѣжными и не выразили никакой идеи. Стремленіе въ высоту, сообщавшее величіе и легкость самымъ тяжелымъ массамъ, исчезло; вмѣсто того они разъѣхались въ ширину.

Но церкви, строенныя въ XVII и началѣ XVIII вѣка еще менѣе выражаютъ идею своего назначенія. Глядя на нихъ, кажется, чувствуешь то же, какъ если бы человѣкъ грубый началъ поддѣлываться подъ свѣтскую утонченность. Въ нихъ прямая линія безъ всякаго условія вкуса соединялась съ выгнутою и кривою; при

полу-готической формѣ всей массы, они ничего ни имѣютъ въ себѣ готическаго, окна мелкія, сбитыя въ кучу, или раскиданныя безъ всякой гармоніи, пилястры не тянувшіяся во всю длину зданія, но приклеенныя иногда вверху подъ куполомъ, иногда на серединѣ, коротенькія, неуклюжія, сверхъ которыхъ часто находился другой этажъ такихъ же колоннъ, маленькихъ, некрасивыхъ, крыша изъ ломанныхъ линій; при этомъ часто удерживался и готическій шпицъ, но уже не тотъ легкій и прозрачный, который подъ рукою художника среднихъ вѣковъ принималъ такую воздушность, но тяжелый, массивный, который уже вовсе не летѣлъ къ небу. Все, что только отзывалось высокими, устремленными къ верху готическими деталями, было оставлено, какъ безвкусное.

Хотя въ продолженіе XVIII вѣка вкусъ нѣсколько улучшился, но изъ этого не выиграли мы ровно ничего: онъ улучшился въ веригахъ чужихъ формъ. Тяжесть готическая была справедливо изгнана совершенно, потому что она въ греческой формѣ была уже до невозможности безобразна. Тогда еще съ бо̀льшимъ рвеніемъ стали изучать древнія формы, но изучали такъ, какъ робкіе ученики, копирующіе съ точностью мелочныя подробности оригинала и позабывающіе объ идеѣ цѣлаго. Брали части и съ необыкновеннымъ излишествомъ лѣпили въ огромную массу, показавшую еще никогда дотолѣ небывалое разъединеніе въ цѣломъ. Колонны и куполъ, больше всего прельстившіе насъ, начали приставлять къ зданію безъ всякой мысли и во всякомъ мѣстѣ; они уже не были главною идеею строенія, а только частями, или, лучше, украшеніями его. Размѣръ самаго строенія мы увеличили гораздо болѣе, а размѣръ купола въ отношеніи къ строенію уменьшили. Мы не посмотрѣли въ увеличительное стекло на строеніе, которое избрали моделью, не взглянули на него, отошедши на извѣстное разстояніе, но смотрѣли вблизи. Куполъ сдѣлался ничтожнымъ, малымъ. Видя его пустынность и одиночество на верху зданія, прибавили къ нему нѣсколько другихъ, возвысили для этого надъ ними башни—и куполы стали походить на грибы. И куполъ, это лучшее, прелестнѣйшее твореніе вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый, который долженъ былъ обнять все строеніе и роскошно отдыхать на всей его массѣ бѣлою, облачною своей поверх-

ностью, исчезъ совершенно. Я люблю куполъ, тотъ прекрасный огромный, легко - выпуклый, куполъ, который возродилъ роскошный вкусъ Грековъ въ александрійскій вѣкъ и позже, въ вѣкъ наслажденій и эгоизма, вѣкъ утонченнаго раздробленія жизни, вѣкъ антологіи, легкой, душистой, дышащей сладострастіемъ, лѣнью и роскошью, когда каждый принадлежалъ себѣ, жилъ для себя, а не для общества, когда на великолѣпныхъ роскошныхъ баняхъ, вездѣ былъ виденъ этотъ, смѣло-выпуклый, какъ небесный сводъ куполъ. Ничто не можетъ такъ сладострастно, такъ плѣнительно украсить массу домовъ, какъ такой куполъ. Но для этого онъ долженъ быть помѣщенъ только на томъ зданіи, которое неизмѣримо своею шириною и какъ можно болѣе захватываетъ пространства; онъ долженъ лечь на всей обширной его платформѣ; онъ долженъ быть свѣтлѣе самаго зданія и лучше, если онъ весь бѣлый. Ослѣпительная бѣлизна сообщаетъ неизъяснимую очаровательность и полноту его легко-выпуклой формѣ,—онъ тогда лучше, роскошнѣе и облачнѣе круглится на небѣ. И до нынѣ города сирійскіе и антіохійскіе имѣютъ необыкновенную прелесть черезъ то, что удержали нѣкоторое подобіе этихъ куполовъ; и до нынѣ на востокѣ можно встрѣтить ихъ въ величавомъ и огромномъ видѣ.

Портикъ съ колоннами, это ясное произведеніе аттическаго стройнаго вкуса, который не терпѣлъ надъ собою никакихъ надстроекъ, у насъ тоже пропалъ: ему не догадались дать колоссальнаго размѣра, раздвинуть во всю ширину зданія, возвысить во всю вышину его. Его не развили, не увеличили, но стали употреблять въ обыкновенномъ видѣ. Удивительно ли, что зданія, которыя требовались огромныя, казались пусты, потому что фронтоны съ колоннами лѣпилися только надъ крыльцами ихъ. Громоздимыя надъ ними въ церквахъ, дворцахъ, башни и массы, вовсе ему не отвѣчавшія, подавили и уничтожили его совершенно. Такимъ самымъ образомъ поэтъ, неимѣющій обширнаго генія, всегда недоволенъ однимъ простымъ сюжетомъ и, вмѣсто того, чтобы развить его и сдѣлать огромнымъ, онъ привязываетъ къ нему множество другихъ; его поэма обременяется пестротою разныхъ предметовъ, но не имѣетъ одной господствующей мысли и не выражаетъ одного цѣлаго.

Въ началѣ XIX столѣтія вдругъ распространилась мысль объ аттической простотѣ и такъ же, какъ обыкновенно бываетъ, обратилась въ моду и отразилась вдругъ на всемъ, начиная съ дамскихъ костюмовъ, преобразовавшихся въ небрежное, легкое одѣяніе гетеръ. Казалось, еще ближе присмотрѣлись къ древнимъ, еще глубже изучили ихъ духъ; но все, что̀ ни строили по ихъ образцу, все носило отпечатокъ мелкости и миніатюрности: узнали искусство болѣе связывать и гармонировать между собою части, но не узнали искусства давать величіе всему цѣлому и опредѣлить ему размѣръ, способный вызвать изумленіе. Это новое стремленіе рѣшительно было издержано на мелочныя бесѣдки, павильоны въ садахъ и подобныя, небольшія игрушки. Онѣ носили въ себѣ много аттическаго, но ихъ нужно было разсматривать въ микроскопъ. Въ огромныхъ же публичныхъ зданіяхъ не считали за нужное ими руководствоваться: они сдѣлались наконецъ просты до плоскости. Самое вредное направленіе архитектурѣ внушила мысль о соразмѣрности, не о той соразмѣрности, которая должна быть въ строеніи въ отношеніи къ нему самому, но просто о соразмѣрности въ отношеніи къ окружающимъ его зданіямъ. Это все равно, если бы геній сталъ удерживаться отъ оригинальнаго и необыкновеннаго, потому только, что передъ нимъ будутъ слишкомъ уже низки и ничтожны обыкновенные люди. Эта соразмѣрность состояла еще въ томъ, чтобы строеніе, какъ бы велико ни было въ своемъ объемѣ, но непремѣнно чтобы казалось малымъ. Его стали уединять и помѣщать на такой огромной и обширной площади, что оно казалось еще болѣе ничтожнымъ. Какъ-будто бы старались нарочно внушить мысль, что великое совсѣмъ невелико, какъ-будто бы насильно старались истребить въ душѣ благоговѣніе и сдѣлать человѣка равнодушнымъ ко всему.

Всѣмъ строеніямъ городскимъ стали давать совершенно плоскую, простую форму. Домы старались дѣлать какъ можно болѣе похожими одинъ на другаго; но они болѣе были похожи на сараи, или казармы, нежели на веселыя жилища людей. Совершенно гладкая ихъ форма ни чуть не принимала живости отъ маленькихъ правильныхъ оконъ, которыя въ отношеніи ко всему строенію были похожи на зажмуренные глаза. И этою архитектурою мы

еще недавно тщеславились, какъ совершенствомъ вкуса, и настроили цѣлые города въ ея духѣ! Осмѣлился бы кто-нибудь даже теперь, среди этой гладко-однообразной кучи, воздвигнуть зданіе, носившее бы на себѣ печать особенной, рѣзкой архитектуры, осмѣлился бы кто-нибудь возлѣ строенія въ аттическомъ вкусѣ непосредственно воздвигнуть готическое—его бы сочли едва ли не сумасшедшимъ! Отъ того новые города не имѣютъ никакого вида: они такъ правильны, такъ гладки, такъ монотонны, что, прошедши одну улицу, уже чувствуешь скуку и отказываешься отъ желанія заглянуть въ другую. Это рядъ стѣнъ и больше ничего. Напрасно ищетъ взглядъ, чтобы одна изъ этихъ безпрерывныхъ стѣнъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ вдругъ возрасла и выбросилась на воздухъ смѣлымъ переломленнымъ сводомъ, или извергласъ какою-нибудь башней-гигантомъ. Старинный германскій городокъ съ узенькими улицами, съ пестрыми домиками и высокими колокольнями имѣетъ видъ несравненно болѣе говорящій нашему воображенію. Даже видъ какого-нибудь восточнаго города, съ высокими тонкими минаретами, съ восточными пестрыми куполами, потонувшими въ садахъ, имѣетъ болѣе характера, болѣе дышетъ поэзіей и воображеніемъ, нежели наши европейскіе города позднѣйшей архитектуры.

Башни огромныя, колоссальныя, необходимы въ городѣ, не говоря уже о важности ихъ назначенія для христіянскихъ церквей. Кромѣ того, что онѣ составляютъ видъ и украшеніе, онѣ нужны для сообщенія городу рѣзкихъ примѣтъ, чтобы служить маякомъ, указывавшимъ бы путь всякому, не допуская сбиться съ пути. Онѣ еще болѣе нужны въ столицахъ для наблюденія надъ окрестностями. У насъ обыкновенно ограничиваются высотою, дающею возможность оглядѣть одинъ только городъ. Между тѣмъ какъ для столицы необходимо видѣть, по крайней мѣрѣ, на полтораста верстъ во всѣ стороны, и для этого, можетъ быть, одинъ только, или два этажа лишнихъ—и все измѣнится. Объемъ кругозора по мѣрѣ возвышенія распространяется необыкновенною прогрессіей. Столица получаетъ существенную выгоду, обозрѣвая провинціи и заранѣе предвидя все; зданіе, сдѣлавшись немного выше обыкновеннаго, уже пріобрѣтаетъ величіе; художникъ выигрываетъ, бу-

дучи болѣе настроенъ колоссальностію зданія къ вдохновенію и сильнѣе чувствуя въ себѣ напряженіе.

Это направленіе архитектуры старалось какъ-будто нарочно скрывать свое величіе, вмѣсто того, чтобы какъ можно болѣе выказывать его пространство. Нѣтъ, не таковъ законъ великаго: строеніе должно неизмѣримо возвышаться почти надъ головою зрителя, чтобы онъ сталъ пораженный внезаннымъ удивленіемъ, едва будучи въ состояніи окинуть глазами его вершину. И потому, строеніе всегда лучше, если стоитъ на тѣсной площади. Къ нему можетъ идти улица, показывающая его въ перспективѣ, издали, но оно должно имѣть поражающее величіе вблизи — чтобы дорога проходила мимо его! чтобы кареты гремѣли у самого его подножія! чтобы люди лѣпились подъ нимъ и своею малостью увеличивали его величіе! Дайте человѣку большое разстояніе — и онъ уже будетъ глядѣть выше, гордо, на находящіеся предъ нимъ предметы; ему покажется все малымъ. Мы такъ непостижимо устроены, наши нервы такъ странно связаны, что только внезапное, оглушающее съ перваго взгляда, производитъ на насъ потрясеніе. И потому, вышину строенія подымайте въ соразмѣрности съ площадью, на которой оно стоитъ. Если оно съ послѣдняго края площади кажется малымъ, и зритель не ощущаетъ изумленія, но долженъ для этого близко подходить къ нему, то зданіе пропало, а вмѣстѣ съ нимъ пропали труды и издержки, употребленные на сооруженіе его.

Но возвращаюсь къ простотѣ архитектуры, которая заразила нашъ XIX вѣкъ. Сами Греки чувствовали, что однѣ прямыя линіи и совершенная простота строеній будутъ казаться уже черезъ-чуръ плоскими, особливо если множество такого рода строеній соединятся вмѣстѣ. Они чувствовали, что строгая правильность и гладкость строенія должна непремѣнно имѣть возлѣ себя какую-нибудь противоположность, чтобы быть болѣе оригинальною и замѣтною; и потому простирали надъ ними навѣсъ древесный. Бѣлизна прямолинейной стѣны или стройнаго съ колоннами фронтона, выказываясь изъ-за темной гущи зелени, дѣйствительно хороша, потому что составляетъ контрастъ съ облачнымъ расположеніемъ дерева, почти всегда неправильно, но красиво раскиды-

вающаго свои вѣтви. Какъ только зданіе ихъ окружалось другими и находилось среди города, они чувствовали излишнюю простоту его и старались придать сколько можно болѣе игры. Мысль о деревѣ и о природѣ прежде всего приходила имъ въ голову. Но въ городѣ дерево драгоцѣнность; тогда они чаще начали употреблять, не гладкія дорическія колонны, но большею частію коринѳскія съ капителью изъ завитыхъ листьевъ. Вообще, убирать строенія листьями, віющимися гроздьями винограда, или украшеніями, носящими неясный образъ вѣтвей дерева, было инстинктомъ у всѣхъ народовъ. Они невольно, слѣпо, слѣдовали тайному внушенію своего вкуса. Въ готической архитектурѣ болѣе всего замѣтенъ отпечатокъ, хотя неясный, тѣсно сплетеннаго лѣса, мрачнаго, величественнаго, гдѣ топоръ не звучалъ отъ вѣка. Эти стремящіяся нескончаемыми линіями украшенія и сѣти сквозной рѣзьбы ничто другое, какъ темное воспоминаніе о стволѣ, вѣтвяхъ и листьяхъ древесныхъ. И потому, смѣло возлѣ готическаго строенія ставьте греческое, исполненное стройности и простоты: оно будетъ стоять между ними, какъ между величественными, прекрасными деревьями, и готическое и греческое получатъ отъ этого двойную прелесть. Истинный эффектъ заключенъ въ рѣзкой противоположности; красота никогда не бываетъ такъ ярка и видна, какъ въ контрастѣ. Контрастъ тогда только бываетъ дуренъ, когда располагается грубымъ вкусомъ, или, лучше сказать, совершеннымъ отсутствіемъ вкуса, но, находясь во власти тонкаго, высокаго вкуса, онъ первое условіе всего и дѣйствуетъ ровно на всѣхъ. Разныя части его гармонируютъ между собою по тѣмъ же законамъ, по которымъ цвѣтъ палевый гармонируетъ съ синимъ, бѣлый съ голубымъ, розовый съ зеленымъ, и такъ далѣе. — Все зависитъ отъ вкуса и отъ умѣнья расположить. Не мѣшайте только въ одномъ зданіи множество разныхъ вкусовъ и родовъ архитектуры. Пусть каждая носитъ въ себѣ что-то цѣлое и самобытное, но пусть противоположность между этими самобытными, въ отношеніи ихъ другъ къ другу, будетъ рѣзка и сильна. Чѣмъ болѣе въ городѣ памятниковъ разныхъ родовъ зодчества, тѣмъ онъ интереснѣе, тѣмъ чаще заставляетъ осматривать себя, останавливаться съ наслажденіемъ на каждомъ шагу. Неужели было бы хорошо, если бы

въ англійскомъ саду, вмѣсто безпрерывныхъ, неожиданныхъ видовъ, гуляющій находилъ ту же самую дорожку, или по крайней мѣрѣ такъ похожую своими окрестностями на видѣнную имъ прежде, что она кажется давно извѣстною?

Терпимость намъ нужна; безъ нея ничего не будетъ для художества. Всѣ роды хороши, когда они хороши въ своемъ родѣ. Какая бы ни была архитектура — гладкая массивная египетская, огромная ли пестрая Индусовъ, роскошная ли Мавровъ, вдохновенная ли и мрачная готическая, граціозная ли греческая — всѣ онѣ хороши, когда приспособлены къ назначенію строенія; всѣ они будутъ величественны, когда только истинно постигнуты.

Если бы однакожъ потребовалось отдать рѣшительное преимущество которой-нибудь изъ этихъ архитектуръ, то я всегда отдамъ его готической. Она чисто европейская, созданіе европейскаго духа и потому болѣе всего прилична намъ. Чудное ея величіе и красота превосходитъ всѣ другія. Но изъ милости, изъ состраданія, не ломайте, не коверкайте ея! Глядите чаще на знаменитый кельнскій соборъ—тамъ все ея совершенство и величіе. Лучшаго памятника никогда не производили ни древніе, ни новые вѣки. Я предпочитаю потому еще готическую архитектуру, что она болѣе даетъ разгула художнику. Воображеніе живѣе и пламеннѣе стремится въ высоту, нежели въ ширину; и потому готическую архитектуру нужно употреблять только въ церквахъ и строеніяхъ, высоко возносящихся. Линіи и безкарнизныя готическія пилястры, узко одна отъ другой, должны летѣть черезъ все строеніе. Горе, если онѣ отстоятъ далеко другъ отъ друга, если строеніе не перевысило по крайней мѣрѣ вдвое своей ширины, если не втрое! Оно тогда уничтожилось само въ себѣ. Возносите его такимъ, какимъ оно быть должно: чтобы выше, выше, сколько можно выше, поднимались его стѣны, чтобы гуще, какъ стрѣлы, какъ тополи, какъ сосны, окружали ихъ безчисленные, угольные столбы! никакого перерѣза или перелома, или карниза, давшаго бы другое направленіе, или уменьшившаго бы размѣръ строенія! чтобы они были ровны отъ основанія до самой вершины! Огромнѣе окна, разнообразнѣе ихъ форму, колоссальнѣе ихъ высоту! воздушнѣе,

легче шпицъ! чтобы все, чѣмъ болѣе подымалось къ верху, тѣмъ болѣе бы летѣло и сквозило. И помните самое главное: никакого сравненія высоты съ шириною. Слово ширина должна исчезнуть. Здѣсь одна законодательная идея—высота.

Я увѣренъ, что нѣкоторые будутъ утверждать, что постройка зданія, слишкомъ высокаго, безполезна, потому что намъ нужно больше мѣста, что высота ни къ чему не служитъ и даромъ истрачиваетъ матеріалы. Но я вовсе не совѣтую этотъ готическій образъ строеній употреблять на театры, на биржи, на какіе-нибудь комитеты и вообще на зданія, назначаемыя для собраній веселящагося, или торгующаго, или работающаго народа. Со мною согласится всякій, что нѣтъ величественнѣе, возвышеннѣе и приличнѣе архитектуры для зданія христіанскому Богу, какъ готическая. И что̀ же должны мы тогда уничтожить, чего лишиться? Величественнаго, колоссальнаго, при взглядѣ на которое мысли устремляются къ одному и отрываютъ молельщика отъ низкой его хижины. Весьма не мѣшаетъ вспомнить великую старую истину, что народъ не въ силахъ понять религіи въ такой же самой чистотѣ и безтѣлесности, какъ получившіе высшее образованіе, что на него болѣе всего производятъ впечатлѣніе видимые предметы; что чѣмъ меньше этотъ видимый предметъ на него дѣйствуетъ, тѣмъ слабѣе его энтузіазмъ и простая вѣра. Великолѣпіе повергаетъ простолюдина въ какое-то онѣмѣніе и оно-то единственная пружина, двигающая дикимъ человѣкомъ. Необыкновенное поражаетъ всякаго, но тогда только, когда оно смѣло, рѣзко и разомъ бросается въ глаза. Здѣсь уже прочь всякое скряжничество и разсчетъ! Въ противномъ случаѣ этотъ разсчетъ будетъ неразсчетъ, и выгода, возникшая изъ него, будетъ выгода одного человѣка передъ выгодою цѣлаго человѣчества.

Валтеръ-Скоттъ первый отряхнулъ пыль съ готической архитектуры и показалъ свѣту все ея достоинство. Съ того времени она быстро распространилась. Въ Англіи всѣ новыя церкви строятъ въ готическомъ вкусѣ. Онѣ очень милы, очень пріятны для глазъ, но, увы! истиннаго величія, дышущаго въ великихъ зданіяхъ старины, въ нихъ нѣтъ. Онѣ, не смотря на стрѣльчатыя окна и шпицы, не сохраняютъ въ цѣломъ истинно-готическаго вкуса и укло-

нились отъ образцовъ. Во первыхъ, онѣ сами по себѣ вовсе не огромны—великій недостатокъ готическаго строенія! во вторыхъ, весь этотъ лѣсъ четырехъ-гранныхъ тонкихъ столбовъ и линій, союзно стремящихся чрезъ все строеніе, позабыть или отвергнуть вовсе, оставшаяся чрезъ это гладкость нечувствительно даетъ имъ совершенно другое выраженіе.

Могущественнымъ словомъ Вальтера-Скотта вкусъ къ готическому распространился быстро вездѣ и проникнулъ во все. Еще не сдѣлавшись великимъ, онъ уже сдѣлался мелкимъ: сельскіе домики, шкафы, ширмы, столы, стулья, все обратилось въ готическое. И эти величественныя прекрасныя украшенія употреблены были на игрушки. Вѣкъ нашъ такъ мелокъ, желанія такъ разбросаны по всему, знанія наши такъ энциклопедически, что мы никакъ не можемъ усредоточить на одномъ какомъ-нибудь предметѣ нашихъ помысловъ и оттого по неволѣ раздробляемъ всѣ наши произведенія на мелочи и на прелестныя игрушки. Мы имѣемъ чудный даръ дѣлать все ничтожнымъ. Египетскую архитектуру, которой весь эффектъ въ колоссальности, мы издерживаемъ на небольшіе мостики, на ворота, вершину которыхъ проѣзжающій кучеръ можетъ достать рукою. Изъ готической мы дѣлаемъ серги, футляры для часовъ; греческую мы употребляемъ въ бесѣдкахъ. Въ публичныхъ же и огромныхъ зданіяхъ показываемъ такую архитектуру, которую врядъ ли можно признать особеннымъ родомъ. Въ ней столько безмыслія, такое негармоническое соединеніе частей, такое отсутствіе всякаго воображенія, что не достаетъ силъ назвать ее имѣющею свой характеръ архитектурою.

Есть рудникъ, о которомъ едва только знаютъ, что онъ существуетъ; есть міръ совершенно особенный, отдѣльный, изъ котораго менѣе всего черпала Европа. Это—архитектура восточная, архитектура, которая создана однимъ только воображеніемъ, воображеніемъ восточнымъ, горячимъ, чудеснымъ, облекшимся въ гиперболу и аллегорію, пролетѣвшимъ мимо жизни и прозаическихъ нуждъ ея. Жизнь Азіятцевъ никогда не имѣла такого многосторонняго развитія, какъ Европейцевъ: никогда потребности ихъ не были такъ разнообразны и безчисленны, какъ наши, и потому очень естественно, что обыкновенныя жилища ихъ лишены пе-

строты, ясности и стройности; они уединенны, однообразны, такъ же скучны отсутствіемъ всякой мысли, какъ самый Азіятецъ во время своего покоя. Но за то вездѣ, куда ни проникала только азіятская роскошь, огромная, великолѣпная,—та роскошь, которая блещетъ въ ихъ волшебныхъ сказкахъ; вездѣ, куда ни проникала эта увѣшенная ожерельями дочь восточнаго воображенія: тамъ стоятъ донынѣ дворцы, великолѣпіе которыхъ изумительно. Строеніе ихъ захватывало цѣлые вѣки; цѣлый народъ, цѣлая нація, надъ нимъ трудились, и предки вѣрили, какъ въ неотразимое предопредѣленіе, что зданіе будетъ окончено ихъ потомками. Вездѣ, куда ни проникала эта всемогущая массивная роскошь, или дикій энтузіазмъ первоначальной ихъ религіи, вездѣ громоздились памятники, ужасные своею огромностію, передъ которыми мысль нѣмѣетъ отъ изумленія, когда вспомнишь, какъ бѣдны были ихъ средства и познанія, какъ ничтожны ихъ машины для поднятія и укрѣпленія этихъ страшныхъ массъ. Еще болѣе изумленіе овладѣваетъ духомъ, когда видишь, какъ почти дикій, неразвившійся человѣкъ развился внезапно на этомъ гигантскомъ зданіи; какъ былъ онъ проникнутъ и восторженъ мыслью о божествѣ, что невольно показалъ разоблаченіе своего генія и упредилъ медленные годы вѣкового образованія.

Взгляните на этотъ массивный, величественный Триченгурскій храмъ у Индусовъ, едва-ли не одно изъ первыхъ зданій по величинѣ своей! Это пирамидальное склоненіе массы къ верху, постепенное уменьшеніе этажей, бездна индійскихъ портиковъ, облѣпливающихъ ихъ стѣны, пилястры, громоздящіяся надъ пилястрами, колоны надъ колонами, какъ-будто ступающія одна на другую, чтобы скорѣе достать вершины этой массы—все это явленіе совершенно оригинальнаго вкуса. Но если Триченгурскій храмъ слишкомъ уже тяжелъ и дышетъ язычествомъ, взгляните на стройный, прекрасный Кутубъ-Минаръ, которыми по справедливости славятся Дельфи. Я не знаю въ мірѣ башни, которая бы, при простотѣ почти аттической, столько дышала глубиною красоты, гдѣ бы воображеніе вылилось такъ чисто и величаво. Если этотъ родъ не можетъ быть совершенно усвоенъ нами, то Европейцы вообще могутъ заимствовать съ пользою это пирамидальное,

или конусообразное устремленіе къ верху—рѣзкое отличіе индійскаго стиля.

Восточная архитектура дворцовъ представляетъ совершенно противуположный родъ: здѣсь царство азіятской роскоши. Строеніе раздается пространнѣе въ ширину. Огромный восточный куполъ, или совершенно круглый, или выгибающійся какъ сладострастная ваза опрокинутая внизъ, или въ видѣ шара, или обремененный, облѣпленный рѣзьбою и украшеніями, какъ богатая митра, патріархально властвуетъ надъ всѣмъ зданіемъ; внизу, у самаго подножія строенія, небольшіе куполы цѣлою оградою обходятъ его пространныя стѣны, какъ покорные рабы; со всѣхъ сторонъ летятъ тонкіе минареты, представляющіе самый очаровательный контрастъ *своею* легкою веселою турнюрою съ важнымъ величественнымъ видомъ всего зданія. Такъ величественный магометанинъ въ широкомъ, убранномъ золотомъ и каменьями платьи возлежитъ среди гурій стройныхъ, обнаженныхъ, ослѣпительныхъ своею бѣлизною.

Нигдѣ зодчество не принимало столько разнообразныхъ формъ, какъ на востокѣ. Тамъ каждое зданіе выливалось, можно сказать, всегда мимо прежнихъ условій, или, лучше сказать, оно выливалось облеченное новыми условіями собственнаго предчувствія, сходствовавшими съ прежними развѣ только въ самомъ отдаленномъ началѣ религіозномъ, или національномъ. Вся Индія усѣяна прекрасными зданіями. Каждое изъ нихъ сохраняетъ свое рѣзкое отличіе, свой особый отпечатокъ, до такой степени, что ихъ совершенно нельзя подвесть подъ одну категорію. Множество разныхъ куполовъ всѣхъ возможныхъ формъ, вовсе непохожихъ одинъ на другого, украшеній и убранствъ, совсѣмъ отличныхъ и всегда новыхъ—все говоритъ о необыкновенномъ воображеніи ихъ, которое не стѣснялось никакими правилами. Впрочемъ, причиною этого разнообразія, можетъ быть, было безчисленное множество сектъ, наполняющихъ Индію, производившихъ вѣчную оппозицію, вѣчную раздражительность воображенія. Но болѣе исполнены роскоши очаровательной, которою говоритъ восточная природа, тѣ зданія, которыхъ коснулся вкусъ Аравитянъ. Въ Азіи, во время этихъ разрушительныхъ встрѣчъ новыхъ и старыхъ народовъ, особенно магометанъ, произошло необыкновенное смѣшеніе архитек-

туръ, произошли самыя дерзкія отступленія. Но никогда, нигдѣ не соединялось смѣлое съ такою прекрасною роскошью, какъ у Аравитянъ. Они заимствовали отъ природы все то, что́ есть въ ней верхъ прекраснѣйшаго. Ихъ архитектура не носитъ на себѣ печати дремучихъ лѣсовъ; она вся состоитъ изъ цвѣтовъ. Она убрана цвѣтами, она потоплена цѣлымъ моремъ цвѣтовъ, прекрасныхъ, роскошныхъ, какими убрана нѣжная долина Кашемира. Ихъ узорныя колоны увѣнчаны тюльпаномъ; ихъ рѣзьба въ видѣ незабудокъ и цвѣтовъ съ четырьмя лепестками, или развивающихся розъ; ихъ галлереи похожи на вѣтви пальмъ, вершинами своими образующихъ своды. Все отозвалось необыкновенной роскошью цвѣтистаго ихъ вкуса. Эта архитектура какъ-то именно создалась для жизни, отданной наслажденіямъ, для веселыхъ, свѣтлыхъ жилищъ человѣка. Она рѣшительно изгнала изъ себя все мрачное. Зданіе такъ прелестно, очаровательно, какъ восточная красавица съ черными, яркими какъ молнія глазами, въ пестромъ своемъ убранствѣ и драгоцѣнныхъ ожерельяхъ.

Восточная архитектура имѣетъ у себя то, чего никогда еще не употребляли Европейцы. Это колоны, не гладкія, но распещренныя украшеніями отъ піедестала до капители. Иногда эти колоны бываютъ совершенно сквозныя и прозрачныя: рѣзьба проникаетъ ихъ насквозь. Онѣ составляютъ плѣнительнѣйшее изобрѣтеніе восточнаго вкуса. Зданіе, какъ бы ни было громоздко, но съ такими колонами кажется воздушно. Почему бы, казалось, намъ не перенести ихъ на свою почву? Но умъ и вкусъ человѣка представляютъ странное явленіе: прежде нежели достигнетъ истины, онъ столько дастъ объѣздовъ, столько надѣлаетъ несообразностей, неправильностей, ложнаго, что послѣ самъ дивится своей недогадливости. Обо всѣхъ сихъ памятникахъ Европа и не заботилась. Одинъ только вкусъ Китайцевъ, который можно назвать самымъ мелкимъ, самымъ ничтожнымъ изъ всѣхъ восточныхъ народовъ, какимъ-то повѣтріемъ занесся къ намъ въ концѣ XVIII столѣтія. Хорошо, что Европейцы по обыкновенію своему тотчасъ обратили его на мостики, павильоны, вазы, камины, а не вздумали приспособить къ большимъ строеніямъ. Этотъ вкусъ точно былъ недуренъ въ бездѣлкахъ, потому что Европейцы его тотчасъ усовер-

шенствовали по-своему и дали ему прелесть, которой онъ самъ въ себѣ не имѣетъ, такъ же какъ и его народъ не имѣетъ энергіи, не смотря на всю свою образованность.

Есть еще особенный родъ архитектуры, совершенно отличный отъ всего, доселѣ показаннаго мною. Это архитектура катакомбъ индійскихъ и египетскихъ, гдѣ эти два народа такъ удивительно сошлись между собою и дали поводъ подозрѣвать древнее между ими родство. Главный характеръ ея тяжесть. Здѣсь все должно соединиться въ массу и толщу; зданіе тяжело ступаетъ, какъ на слоновыхъ пядяхъ, на короткихъ тяжелыхъ колонахъ, которыхъ ширина своимъ діаметромъ равняется почти съ высотою. Здѣсь уже совершенно все ширина и масса. На ней какъ-будто отпечаталась тяжесть земли, внутри которой она скрываетъ тяжелое свое величіе. То, что̀ порокъ въ другихъ родахъ ея, то здѣсь достоинство. Эта подземная архитектура имѣетъ что-то также величавое, хотя внушаетъ совершенно другія мысли. Здѣсь тяжесть не безобразна, а величественна, потому что составляетъ главную идею всего зданія. Если художникъ предположилъ создать тяжелое и массивное и выполнилъ это, его твореніе вѣрно будетъ хорошо; но когда начерталъ онъ планъ тяжелаго, а изъ него вышло вовсе нетяжелое, или, на оборотъ, когда онъ замыслилъ произвесть легкое, а вышло тяжелое, то это рѣшительно дурно. Зданіе это, когда съ него сбрасывали землю и оно выходило на свѣтъ, представляло всегда странный и вмѣстѣ страшный видъ, — какъ-будто бы земля выказывала свою глубокую внутренность, какъ-будто бы мракъ очутился вдругъ среди яркаго свѣта, мракъ, только освѣщаемый свѣтомъ, а не прогоняемый имъ, какъ египетская урна или мертвая голова среди пиршествъ. Мнѣ кажется, напрасно эту архитектуру вгоняютъ въ землю: показавшись вдругъ, нечаянно, среди свѣтлыхъ, легкихъ домиковъ, она должа непрѣменно поразить всякаго и произвести свой эффектъ. Одно такого рода строеніе среди многолюднаго города было бы прелесть, но только одно, не болѣе. Въ строеніяхъ такого рода всѣ части состоятъ изъ тяжестей, но при всемъ томъ отношенія ихъ между собою исполнены какой-то внутренней, нѣсколько страшной гармоніи, и создать въ этомъ родѣ совершенное весьма не легко.

Египетская архитектура надземная составляетъ совершенно другой родъ: она массивна тоже, но стройность и простота въ высшей степени съ нею неразлучны; главный же ея характеръ— колоссальность. Чѣмъ она глаже снизу до верху, безъ всякихъ раздѣленій и рѣзкихъ украшеній, тѣмъ лучше. Но не употребляйте ея на небольшіе мостики: безъ колоссальности эта архитектура менѣе нежели ничто. Еще разъ повторяю: всякая архитектура прекрасна, если соблюдены всѣ ея условія и если она выбрана совершенно согласно назначенію строенія. Безъ этой благонамѣренной, безпристрастной терпимости не будетъ ни истинныхъ талантовъ, ни истинно величественныхъ произведеній. Прочь этотъ схоластизмъ, предписывающій строенія ранжировать подъ одну мѣрку и строить по одному вкусу! Городъ долженъ состоять изъ разнообразныхъ массъ, если хотимъ, чтобы онъ доставлялъ удовольствіе взорамъ. Пусть въ немъ совокупится болѣе различныхъ вкусовъ. Пусть въ одной и той же улицѣ возвышается: и мрачное готическое, и обремененное роскошью украшеній восточное, и колоссальное египетское, и проникнутое стройнымъ размѣромъ греческое. Пусть въ немъ будутъ видны: и легко выпуклый млечный куполъ, и религіозный безконечный шпицъ, и восточная митра, и плоская крыша италіянская, и высокая фигурная фламанская, и четырехъгранная пирамида, и круглая колона, и угловатый обелискъ. Пусть какъ можно рѣже дома сливаются въ одну ровную, однообразную стѣну, но клонятся, то вверхъ, то внизъ. Пусть разныхъ родовъ башни какъ можно чаще разнообразятъ улицы. Неужели найдется такой смѣльчакъ, или, лучше сказать, несмѣльчакъ, который бы ровное мѣсто въ природѣ осмѣлился сравнить съ видомъ утесовъ, обрывовъ, холмовъ, выходящихъ одинъ изъ-за другого?

Архитекторъ-творецъ долженъ имѣть глубокое познаніе во всѣхъ родахъ зодчества. Онъ менѣе всего долженъ пренебрегать вкусомъ тѣхъ народовъ, которымъ мы въ отношеніи художествъ обыкновенно оказываемъ презрѣніе. Онъ долженъ быть всеобъемлющъ, изучить и вмѣстить въ себѣ всѣ безчисленныя измѣненія ихъ; но самое главное: долженъ изучить все въ идеалѣ, а не въ мелочной наружной формѣ и частяхъ. Но для того, чтобы изучить въ идеѣ, нужно быть ему геніемъ и поэтомъ.

Но обратимся къ архитектурѣ городовъ. Городъ нужно строить такимъ образомъ, чтобы каждая часть, каждая отдѣльно взятая масса домовъ, представляла живой пейзажъ. Нужно толпѣ домовъ придать игру, чтобы она, если можно такъ выразиться, заиграла рѣзкостями, чтобы она вдругъ врѣзалась въ память и преслѣдовала бы воображеніе. Есть такіе виды, которые вѣкъ помнишь, и есть такіе, которыхъ, при всѣхъ усиліяхъ, не можешъ замѣтить въ памяти. Зодчество грубѣе и вмѣстѣ колоссальнѣе другихъ искусствъ, какъ-то: живописи, скульптуры и музыки, и потому эффектъ его въ эффектѣ. Масса города имѣетъ уже тѣмъ выгоду, что ее вдругъ можно измѣнить, исправить по своему произволу. Иногда одно *только* строеніе среди ея—и она совершенно измѣняетъ видъ свой, принимаетъ другое выраженіе; такъ какъ всякій рисунокъ ученика вдругъ оживляется подъ кистью, или карандашомъ его учителя, который въ одномъ мѣстѣ подкрѣпитъ, въ другомъ отдѣлитъ, въ третьемъ только тронетъ,—и все уже не то. При томъ, самыя ошибки уже подаютъ идею о томъ, ка́къ избѣжать ихъ: безъхарактерное подаетъ мысль о характерномъ, мелкое и плоское вызываетъ въ противоположность дерзкое и необыкновенное, углубленіе внизъ подаетъ идею о возвышеніи вверхъ, и на оборотъ. Геній богачъ страшный, передъ которымъ ничто весь міръ и всѣ сокровища.

При построеніи городовъ нужно обращать вниманіе на положеніе земли. Города строятся или на возвышеніи и холмахъ, или на равнинахъ. Городъ на возвышеніи менѣе требуетъ искусства, потому что тамъ природа работаетъ уже сама, то подымаетъ домы на величественныхъ холмахъ своихъ и кажетъ ихъ великанами изъ-за другихъ домовъ, то опускаетъ ихъ внизъ, чтобы дать видъ другимъ. Въ такомъ городѣ можно менѣе употреблять разнообразія. Въ немъ можно болѣе употреблять гладкихъ и одинаковыхъ домовъ, потому что неровное положеніе земли уже даетъ имъ нѣкоторымъ образомъ разнообразіе, помѣщая ихъ въ разныхъ мѣстоположеніяхъ. Нужно наблюдать только, чтобы домы показывали свою вышину одинъ изъ-за другого, такъ чтобы стоящему у подошвы казалось, что на него глядитъ двадцатиэтажная масса. Тамъ мало нужно искусства, гдѣ природа одолѣваетъ искусство; тамъ

искусство только для того, чтобы украсить ее. Но гдѣ положеніе земли гладко совершенно, гдѣ природа спитъ, тамъ должно работать искусство во всей силѣ. Оно должно пропестрить, если можно сказать, изрыть, скрыть равнину, оживить мертвенность гладкой пустыни. Здѣсь однообразіе и простота домовъ будетъ большая погрѣшность. Здѣсь архитектура должна быть какъ можно своенравнѣе: принимать суровую наружность, показывать веселое выраженіе, дышать древностью, блестѣть новостью, обдавать ужасомъ, сверкать красотою, быть то мрачной, какъ день, обхваченный грозою съ громовыми облаками, то ясною, какъ утро въ солнечномъ сіяніи. Архитектура тоже лѣтопись міра: она говоритъ тогда, когда уже молчатъ и пѣсни и преданія и когда уже ничто не говоритъ о погибшемъ народѣ. Пусть же она, хоть отрывками, является среди нашихъ городовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ она была при отжившемъ уже народѣ, чтобы при взглядѣ на нее осѣнила насъ мысль о минувшей его жизни и погрузила бы насъ въ его бытъ, въ его привычки и степень пониманія, и вызвала бы у насъ благодарность за его существованіе, бывшее ступенью нашего собственнаго возвышенія (*).

Неужели, однакоже, не возможно созданіе (хотя для оригинальности) совершенно особенной и новой архитектуры, мимо прежнихъ условій! Когда дикій и малоразвившійся человѣкъ, которому одна

(*) Мнѣ прежде приходила очень странная мысль: я думалъ, что весьма не мѣшало бы имѣть въ городѣ одну такую улицу, которая бы вмѣщала въ себѣ архитектурную лѣтопись, чтобы начиналась она тяжелыми, мрачными воротами, прошедши которыя зритель видѣлъ бы съ двухъ сторонъ возвышающіяся величественныя зданія первобытнаго дикаго вкуса, общаго первоначальнымъ народамъ; потомъ постепенное измѣненіе ея въ разные виды: высокое преображеніе въ колоссальную исполненную простоты египетскую, потомъ въ красавицу греческую, потомъ въ сладострастную александрійскую и византійскую съ плоскими куполами, потомъ въ римскую съ арками въ нѣсколько рядовъ, далѣе вновь нисходящую къ дикимъ временамъ и вдругъ потомъ поднявшеюся до необыкновенной роскоши аравійскою, потомъ дикою готическою, потомъ готико-арабскою, потомъ чисто-готическою, вѣнцомъ искусства, дышащею въ кельнскомъ соборѣ, потомъ страшнымъ смѣшеніемъ архитектуръ, происшедшимъ отъ обращенія къ византійской, потомъ древнею греческою въ новомъ костюмѣ, и, наконецъ, чтобы вся улица оканчивалась воротами, заклю-

природа, еще грубо имъ понимаемая, служитъ руководствомъ и вдохновеніемъ, создаетъ твореніе, въ которомъ является и красота, и тайный инстинктъ вкуса,—отъ чего же мы, которыхъ всѣ способности такъ обширно развились, которые болѣе видимъ и понимаемъ природу во всѣхъ ея тайныхъ явленіяхъ, отъ чего же мы не производимъ ничего совершенно проникнутаго такимъ богатствомъ нашего познанія? Идея для зодчества вообще была черпана изъ природы, но тогда, когда человѣкъ сильно чувствовалъ на себѣ ея вліяніе; теперь же искусство поставилъ онъ выше самой природы,—развѣ не можетъ онъ черпать своихъ идей изъ самаго искусства или, лучше сказать, изъ гармоническаго слiянiя природы съ искусствомъ? Разсмотрите только, какую страшную изобрѣтательность показалъ онъ на мелкихъ издѣліяхъ утонченной роскоши; разсмотрите всѣ эти модныя бездѣлицы, которыя каждый день являются и гибнутъ, разсмотрите ихъ, хотя въ микроскопъ, если такъ онѣ не останавливаютъ вашего вниманія,—какого онѣ исполнены тонкаго вкуса! какія принимаютъ онѣ совершенно небывалыя прелестныя формы! Онѣ создаются въ такомъ особенномъ родѣ, который еще никогда не встрѣчался. Рѣзьба и тонкая отдѣлка ихъ такъ незаимствованы и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хороши, что мы иногда долго любуемся ими, и, увы! вовсе не ощущаемъ жалости при видѣ, какъ гибнетъ вкусъ человѣка въ ничтожномъ и временномъ, тогда какъ онъ былъ бы замѣтенъ въ неподвижномъ и вѣчномъ. Развѣ мы не можемъ эту раздробленную мелочь искусства превратить въ великое? Неужели все то, что̀ встрѣчается въ природѣ, должно быть непремѣнно только колона, куполъ и арка? Сколько другихъ еще образовъ нами вовсе не тронуто! Сколько прямая линія можетъ ломаться и измѣнять направленіе, сколько кривая выгибаться, сколько новыхъ можно ввести украшеній, которыхъ еще ни одинъ архитекторъ не вносилъ въ свой кодексъ!— Въ нашемъ вѣкѣ есть такія пріобрѣтенія и такія новыя, совершенно ему принадлежащія стихіи, изъ которыхъ бездну можно

чившими бы въ себѣ стихіи новаго вкуса. Эта улица сдѣлалась бы тогда въ нѣкоторомъ отношеніи исторіею развитія вкуса, и, кто лѣнивъ перевертывать толстые томы, тому бы стоило только пройти по ней, чтобы узнать все.

*

заимствовать никогда прежде невоздвигаемыхъ зданій.—Возьмемъ, напримѣръ, тѣ висящія украшенія, которыя начали появляться недавно. Покамѣсть висящая архитектура только показывается въ ложахъ, балконахъ и въ небольшихъ мостикахъ. Но если цѣлые этажи повиснутъ, если перекинутся смѣлыя арки, если цѣлыя массы вмѣсто тяжелыхъ колонъ очутятся на сквозныхъ чугунныхъ подпорахъ, если домъ обвѣсится съ низу до верху балконами съ узорными чугунными перилами, и отъ нихъ висящія чугунныя украшенія въ тысячахъ разнообразныхъ видовъ облекутъ его своею легкою сѣтью, и онъ будетъ глядѣть сквозь нихъ, какъ сквозь прозрачный вуаль, когда эти чугунныя сквозныя украшенія, обвитыя около круглой, прекрасной башни, полетятъ вмѣстѣ съ нею на небо — какую легкость, какую эстетическую воздушность пріобрѣтутъ тогда дома наши! Но какое множество есть разбросанныхъ на всемъ намековъ, могущихъ зародить совершенно необыкновенную живую идею въ головѣ архитектора, если только этотъ архитекторъ творецъ и поэтъ! (*)

1831.

(*) Статья эта писана давно. Въ послѣднее время вкусъ въ Европѣ улучшился и особенно въ нашей любезной Россіи. Многіе архитекторы уже ей дѣлаютъ честь; изъ нихъ должно упомянуть о Брюловѣ, котораго зданія исполнены истиннаго вкуса и оригинальности.

АЛ-МАМУНЪ,

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА.

Ни одинъ государь не принималъ правленія въ такую блестящую эпоху своего государства, какъ Ал-Мамунъ. Грозный калифатъ величественно возвышался на классической землѣ древняго міра. Онъ обнималъ на востокѣ всю цвѣтущую юго-западную Азію и замыкался Индіею, на западѣ онъ простирался по берегамъ Африки до Гибралтара. Сильный флотъ покрывалъ Средиземное море; Багдадъ, столица этого новаго чудеснаго міра, видѣлъ повелѣнія свои исполняющимися въ отдаленныхъ краяхъ провинцій; Бассора, Нигабуръ и Куфа зрѣли новообращенную Азію, стекающуюся въ свои блестящія школы; Дамаскъ могъ одѣть всѣхъ сластолюбцевъ дорогими тканями и снабдить всю Европу стальными мечами, и Арабъ уже думалъ, какъ бы осуществить на землѣ рай Магомета, создавалъ водопроводы, дворцы, цѣлые лѣса пальмъ, гдѣ сладострастно били фонтаны и дымились благовонія востока. И къ такому развитію роскоши еще не успѣла привиться ни одна нравственная болѣзнь политическаго общества. Всѣ части этой великой имперіи, этого магометанскаго міра, были связаны довольно сильно, и связь эта укрѣплена была волею необыкновеннаго Гаруна, который постигнулъ всѣ разнообразныя способности своего народа. Онъ не былъ исключительно государь-философъ, государь-политикъ, государь-воинъ, или государь-литераторъ. Онъ соединялъ въ себѣ все, умѣлъ равно разлить свои дѣйствія на все и

не доставить перевѣса ни одной отрасли надъ другою. Просвѣщеніе чужеземное онъ прививалъ къ своей націи въ такой только степени, чтобы помочь развитію ея собственнаго. Уже Арабы перешли эпоху своего фанатизма и завоеваній, но всё еще были исполнены энтузіазма, и огненныя страницы Корана перелистывались съ тѣмъ же благоговѣніемъ, исполнялись такъ же раболѣпно. Гарунъ умѣлъ ускорить весь административный государственный ходъ и исполненіе повелѣній страхомъ своей вездѣсущности. Намѣстники и эмиры, изъ которыхъ каждый обыкновенно стремится быть деспотомъ, опасались встрѣтить всезрящаго, переодѣтаго калифа — и правленіе безъ законовъ двигалось крѣпко и опредѣленно. Въ такомъ видѣ принялъ государство Ал-Мамунъ, государь, котораго Царьградъ назвалъ великодушнымъ покровителемъ наукъ, котораго имя исторія внесла въ число благодѣтелей человѣческаго рода и который замыслилъ государство политическое превратить въ государство музъ. Онъ былъ одаренъ всею живостію и способностію къ долгому изученію. Его характеръ исполненъ былъ благородства. Желаніе истины было его девизомъ. Онъ былъ влюбленъ въ науку и влюбленъ совершенно безкорыстно: онъ любилъ науку для нея же самой, не думая о ея цѣли и примѣненіи. Онъ предался ей съ исключительною страстью. Тогда Аравитяне только-что открыли Аристотеля. Многообъемлющій и точный философъ Греціи не могъ сойтись съ ихъ воображеніемъ, слишкомъ стремительнымъ, слишкомъ колоссальнымъ и восточнымъ, но аравійскіе ученые, занимаясь долгое время копотливою работою, уже нѣсколько привыкнули къ точности и формальности и отъ того принялись за него съ ученымъ энтузіазмомъ. Эти безконечные выводы, это облеченіе въ видимость и порядокъ того, что они прежде чувствовали въ душѣ пламенными отрывками, не могли не околдовать тогдашнихъ ученыхъ. Воспитанный подъ ихъ вліяніемъ, Ал-Мамунъ, исполненный истинной жажды просвѣщенія, употреблялъ всѣ старанія ввести въ свое государство этотъ чуждый дотолѣ греческій міръ. Багдадъ распростеръ дружелюбныя длани всему ученому тогдашнему свѣту. Милости калифа были открыты всякому, кто принадлежалъ къ какому бы то ни было званію, какой бы ни былъ онъ религіи, какихъ бы ни былъ испол-

ненъ противорѣчащихъ началъ. Естественно, что тогда болѣе всего приносили свои познанія въ Багдадъ тѣ, которые еще сохраняли въ душѣ своей образъ политеизма, облеченнаго христіянскими формами, которые готовы были стать грудью за Аммонія Саккаса, Плотина и других послѣдователей новоплатонизма, которые уже не находили поля для своихъ ученыхъ ристаній въ Царьградѣ, слишкомъ занятомъ спорами о догмахъ христіанства. Багдадъ превратился въ республику разнородныхъ отраслей познаній и мнѣній. Вѣнценосный Арабъ вслушивался внимательно въ усыпительную музыку ученыхъ толкованій и тонкостей. Правители государственныхъ мѣстъ не могли не увлечься примѣромъ государя, и тогда высшія ступени государства обняла какая-то литературная мономанія. Визири и эмиры старались окружить свой дворъ учеными пришельцами. Очевидно, что административная часть была какъ-будто чѣмъ-то второстепеннымъ, что правители должны были многое, относящееся къ управленію, повѣрять усмотрѣнію своихъ секретарей и любимцевъ, что эти любимцы были иногда вовсе невѣжды, часто получали пронырствами мѣста, что все это должно было отозваться въ народѣ и въ послѣдствіи времени обрушиться на самихъ правителей. Толпа теоретическихъ философовъ и поэтовъ, занявшихъ правительственныя мѣста, не можетъ доставить государству твердаго правленія. Ихъ сфера совершенно отдѣльна; они пользуются верховнымъ покровительствомъ и текутъ по своей дорогѣ. Отсюда исключаются тѣ великіе поэты, которые соединяютъ въ себѣ и философа, и поэта, и историка, которые выпытали природу и человѣка, проникли минувшее и прозрѣли будущее, которыхъ глаголъ слышится всѣмъ народомъ. Они великіе жрецы. Мудрые властители чествуютъ ихъ своею бесѣдою, берегутъ ихъ драгоцѣнную жизнь и опасаются подавить ее многосторонней дѣятельностью правителя. Ихъ призываютъ они только въ важныя государственныя совѣщанія, какъ вѣдателей глубины человѣческаго сердца.

Благородный Ал-Мамунъ истинно желалъ сдѣлать счастливыми своихъ подданныхъ. Онъ зналъ, что вѣрный путеводитель къ тому—науки, клонящіяся къ развитію человѣка. Онъ всѣми силами заставлялъ подданныхъ принимать вводимое имъ просвѣщеніе. Но

просвѣщеніе, вводимое Ал-Мамуномъ, менѣе всего отвѣчало природнымъ элементамъ и колоссальности воображенія Арабовъ. Лишенныя энергіи начала политеизма, обратившіяся въ кучу словъ, дерзко обезображенныя идеи христіанства, странно озарившія тогдашнія науки, не слившіяся съ ними, но, можно сказать, уничтожившія ихъ своимъ преобладаніемъ—представляли совершенный контрастъ пламенной природѣ Араба, у котораго воображеніе слишкомъ потопляло тощіе выводы холоднаго ума. Этотъ чудный народъ не шелъ, а летѣлъ къ своему развитію. Геній его вдругъ оказывался въ войнѣ, торговлѣ, искусствахъ, мануфактурахъ и роскошной поэзіи востока. Его доселѣ небывалыя въ исторіи человѣчества стихіи вспыхнули богато, ярко, странно и совершенно оригинально. Казалось, этотъ народъ обѣщалъ дотолѣ невиданное совершенство націи. Но Ал-Мамунъ не понялъ его. Онъ упустилъ изъ вида великую истину, что образованіе черпается изъ самого же народа, что просвѣщеніе наносное должно быть въ такой степени заимствовано, сколько можетъ оно помогать собственному развитію, но что развиваться народъ долженъ изъ своихъ же національныхъ стихій. Но для Араба поле подвиговъ было заграждено этимъ безплоднымъ чужестраннымъ просвѣщеніемъ. Самый космополитизмъ Ал-Мамуна, открывшаго входъ въ государство ученымъ всѣхъ партій, уже зашелъ нѣсколько далеко. Выгоды, которыя въ государствѣ получили христіане, не могли не возродить въ собственныхъ его подданныхъ ненависти, а вмѣстѣ и презрѣнія къ самымъ даже полезнымъ ихъ учрежденіямъ,—и народъ уже терялъ любовь къ своему калифу. Въ правленіи Ал-Мамунъ былъ уже больше философъ-теоретикъ, нежели философъ-практикъ, какимъ бы долженъ быть государь. Онъ зналъ жизнь своего народа изъ описаній, изъ разсказовъ другихъ, а не извѣдалъ самъ, какъ очевидецъ, какъ извѣдалъ его великій Гарунъ. Въ азіятскихъ образахъ правленія, неимѣющихъ опредѣленныхъ законовъ, вся административная часть падаетъ на самого монарха, и потому дѣятельность его должна быть необыкновенна, вниманіе его должно быть вѣчно напряжено; онъ не можетъ ввѣриться совершенно никому, и глазъ его долженъ имѣть многосторонность Аргуса: минуту засни онъ—и его полномочные намѣстники вдругъ

возрастаютъ, и государство наполняется милліонами деспотовъ. Но Ал-Мамунъ въ своемъ Багдадѣ жилъ, какъ въ государствѣ музъ, имъ же самимъ созданномъ и совершенно отдѣльномъ отъ міра политическаго. Христіане, которые стали наконецъ вмѣшиваться въ административныя должности, не могли узнать народнаго духа и обычаевъ земли. Притомъ, самое иновѣрство ихъ было независимо для Араба, еще сохранявшаго энтузіазмъ и нетерпимость. И когда имя Ал-Мамуна повторялось на устахъ ученыхъ тогдашняго вѣка, когда его гостепріимство привлекало пестрые флаги къ берегамъ сирійскимъ, власть его внутри государства становилась между тѣмъ слабѣе. Жители провинцій, никогда невидавшіе своего калифа, мало дорожили его именемъ. Военная сила ослабла. Просвѣщеніе обыкновенно стремилось изъ Багдада, какъ изъ центра, уменьшаясь и угасая по мѣрѣ приближенія къ отдаленнымъ границамъ. На границахъ Арабы еще сохраняли свой первый періодъ. На границахъ стояли войска, еще полныя фанатизма, еще стремившіяся огнемъ и мечомъ водружать вѣру Магомета. Сильные эмиры ихъ, почувствовавши слабость связи Багдада, думали о независимости, и Ал-Мамунъ уже при жизни своей видѣлъ отторженіе Персіи, Индіи и дальныхъ провинцій Африки. Но, можетъ быть, все это невѣрное направленіе администраціи было бы еще исправимое зло, если бы Ал-Мамунъ не простеръ уже слишкомъ далеко своей любви къ истинѣ. Онъ захотѣлъ быть религіознымъ реформаторомъ своей націи. Исполненный ума чисто теоретическаго, будучи выше суевѣрій и предразсудковъ, будучи ближе познакомленъ съ нѣкоторыми догмами христіянства нежели его предшественники, онъ не могъ не видѣть всѣхъ безчисленныхъ противорѣчій, пламенныхъ нелѣпостей, которыя вырывались всемѣстно въ постановленіяхъ изступленнаго творца Корана. Онъ рѣшился очистить и преобразовать священную книгу магометанъ и въ то самое время, когда еще всѣ низшія государственныя ступени, вся чернь была увѣрена, что она принесена съ неба, и когда усомниться въ маловажномъ постановленіи ея уже считалось величайшимъ преступленіемъ. Полу-греческій образъ мыслей Ал-Мамуна чуждался совершенно слѣпого энтузіазма его подданныхъ. Первымъ шагомъ къ образованію своего народа онъ почиталъ

истребленіе энтузіазма, того энтузіазма, который составилъ существованіе народа аравійскаго, того энтузіазма, которому онъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ развитіемъ и блестящею эпохою, подорвать который значило подорвать политическій составъ всего государства. Ему нелѣпѣе, несообразнѣе всего казался магометовъ рай, куда Арабъ переносилъ всю чувственную земную жизнь свою, жизнь, назначенную для наслажденія и сладострастія. Но Ал-Мамунъ не принялъ въ соображеніе того, что это постановленіе изверглось изъ огненнаго аравійскаго климата, изъ огненной природы Араба, что этотъ рай для магометанина есть великій оазъ среди пустыни его жизни, что надежда въ этотъ рай одна только заставляла чувственнаго Араба терпѣливо сносить бѣдность, притѣсненіе, подавлять въ душѣ своей зависть при видѣ утопающаго въ роскоши сибарита. Мысль, что и онъ будетъ наконецъ находиться среди гурій, среди роскоши, превышающей роскошь земныхъ владыкъ—одна могла быть доступна для такой чувственности и цвѣтистости воображенія, какими природа надѣлила Араба, и что, можетъ быть, съ дальнѣйшимъ только развитіемъ его могла нечувствительно очиститься его вѣра. Но Ал-Мамунъ не постигалъ азіятской природы своихъ подданныхъ.

Можно себѣ представить силу негодованія многочисленнаго класса народа, когда распространились вѣсти о преобразованіяхъ калифовыхъ. Какъ долженъ былъ принять это народъ, который уже за одно покровительство христіянамъ и привязанность къ иностранцамъ обвинялъ гласно калифа въ мотализмѣ, или ереси! Грубая толпа прежнихъ точныхъ исполнителей Корана жестокимъ упорствомъ своимъ наконецъ заставила калифа взяться за оружіе. И благородный, великодушный Ал-Мамунъ, проникнутый истинною любовію къ человѣчеству, явился гонителемъ своихъ подданныхъ. Гоненіемъ своимъ онъ воскресилъ опять въ Арабахъ дикій фанатизмъ, но уже не тотъ фанатизмъ, который сдвинулъ прежде кочевыхъ обитателей Аравіи въ одну массу—онъ произвелъ оппозиціонный фанатизмъ, который растерзалъ массу, который посѣялъ плевелы въ нѣдрахъ государства, который разбудилъ дикія страсти Араба, который далъ ножъ и ядъ ненависти въ руки изступленныхъ послѣдователей ислама, который произвелъ мно-

жество ослѣпленныхъ сектъ и ужаснѣе всего секту Карматіановъ, долго еще свирѣпствовавшую подъ именемъ сирійскихъ убійцъ, во время крестовыхъ походовъ. Среди волненій, оказавшихся въ разныхъ концахъ государства, среди смутъ и партій, разсыпая одною рукою благодѣянія и милости на школы, фабрики, искусства, поражая другою непокорныхъ, изступленныхъ подданныхъ, умеръ благородный Ал-Мамунъ—умеръ, не понявъ своего народа, непонятый своимъ народомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ далъ поучительный урокъ. Онъ показалъ собою государя, который при всемъ желаніи блага, при всей кротости сердца, при самоотверженіи и необыкновенной страсти къ наукамъ, былъ между прочимъ не*воль*но одною изъ главныхъ пружинъ, ускорившихъ паденіе государства.

АРАБЕСКИ.

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЖИЗНЬ.

—

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ:

Лежитъ и разстилается великое Средиземное море и съ трехъ разныхъ сторонъ глядитъ въ него: палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, сирійскія голыя пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ, берегъ Европы.

Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинксовъ; идутъ безчисленныя ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями. Стоитъ и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, несокрушимая тлѣніемъ.

Раскинула вольныя колоніи веселая Грекція. Кишатъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; кинамонъ, виноградныя лозы, смоковницы, помаваютъ облитыми медомъ вѣтвями; колоны, бѣлыя какъ перси дѣвы, круглятся въ роскошномъ мракѣ древесномъ; мраморъ страстный дышетъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ, и стыдливо любуется своею прекрасною наготою; увитая гроздіями, съ тирсами и чашами въ рукахъ, она остановилась въ шумной пляскѣ. Жрицы, молодыя и стройныя, съ разметанными кудрями, вдохновенно вонзили свои черныя очи. Тростникъ связанный въ цѣвницу, тимпаны, мусикійскія орудія, мелькаютъ перевитыя плющемъ. Корабли какъ мухи толпятся близъ Родоса и Корциры, подставляя сладострастно выгибающійся флагъ

дыханію вѣтра. И все стоитъ неподвижно, какъ-бы въ окаменѣломъ величіи.

Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувъ свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами.

Весь воздухъ небеснаго океана висѣлъ сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнетъ, какъ-будто бы царства предстали всѣ на страшный судъ передъ кончиною міра.

И говоритъ Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его равнинъ, и устремляя иглы своихъ обелисковъ. «Народы, слушайте! я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнь. Низки искусства, жалки наслажденія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти! Далеко-далеко до воскресенія! Да и будетъ ли когда воскресеніе! Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое бѣдное существованіе.»

И говоритъ ясный какъ небо, какъ утро, какъ юность, свѣтлый міръ Грековъ, и, казалось, вмѣсто словъ, слышалось дыханіе цѣвницы: «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденія. Все неси ему. Гляди, какъ выпукло и прекрасно все въ природѣ, какъ дышетъ все согласіемъ. Все въ мірѣ; все, чѣмъ ни владѣютъ боги, все въ немъ; умѣй находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! мчись на колесницѣ проворно, правя конями на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жадность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ—красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслажденія—умѣй быть достойнымъ наслажденія!»

И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій. «Я постигнулъ тайну жизни человѣка. Низко спокойствіе для человѣка; оно уничтожаетъ его съ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе въ ги-

гантскомъ желаніи. Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай, человѣкъ! Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомкнутыхъ щитахъ бранноносныхъ легіоновъ! Слышишъ ли, какъ у ногъ твоихъ собрался весь міръ и, потрясая копьями, слился въ одно восклицаніе? Слышишь ли, какъ твое имя замираетъ страхомъ па устахъ племенъ, живущихъ на краю міра? Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ. Стремись вѣчно: нѣтъ границъ міру—нѣтъ границъ и желанію. Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ—ты завоюешь наконецъ небо.»

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Греція свои влажныя отъ наслажденія прекрасныя очи; къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣненъ народъ; немноголюдная весь прислонилася къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула прекрасная Греція; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; нагнулся Араратъ, древній праправщуръ земли...

1831.

ШЛЕЦЕРЪ, МИЛЛЕРЪ И ГЕРДЕРЪ.

Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ были великіе зодчіе всеобщей исторіи. Мысль о ней была ихъ любимою мыслью и не оставляла ихъ во все время разнообразнаго ихъ поприща. Шлецеръ, можно сказать, первый почувствовалъ идею объ одномъ великомъ, цѣломъ, объ одной единицѣ, къ которой должны быть приведены и въ которую должны слиться всѣ времена и народы. Онъ хотѣлъ однимъ взглядомъ обнять весь міръ, все живущее. Казалось, какъ-будто бы онъ силился имѣть сто аргусовыхъ глазъ, для того чтобы разомъ видѣть сбывающееся во всѣхъ отдаленныхъ углахъ міра. Его слогъ—молнія, почти вдругъ блещущая то тамъ, то здѣсь, и освѣщающая предметы на одно мгновеніе, но за то въ ослѣпительной ясности. Я не знаю, исполнилъ ли бы онъ въ самомъ дѣлѣ то, что̀ рѣзко показывалъ другимъ, но по крайней мѣрѣ никто такъ сильно не пораженъ былъ самъ своимъ предметомъ, какъ онъ. Онъ имѣлъ достоинство въ высшей степени сжимать все въ малообъемный фокусъ и двумя, тремя яркими чертами, часто даже однимъ эпитетомъ, обозначать вдругъ событіе и народъ. Его эпитеты удивительно горячи, дерзки, кажутся плодомъ одной счастливой минуты, одного внезапнаго вдохновенія, и такъ исполнены рѣзкой, поражающей правды, что не скоро бы пришли на умъ опредѣлившему себя на долгое глубокое изслѣдованіе, выключая только, если этотъ изслѣдователь будетъ самъ Шлецеръ. Онъ не былъ историкъ, и я думаю даже, что онъ не могъ быть историкомъ

Его мысли слишкомъ отрывисты, слишкомъ горячи, чтобы улечься въ гармоническую, стройную текучесть повѣствованія. Онъ анализировалъ міръ и всѣ отжившіе и живущіе народы, и не описывалъ ихъ; онъ разсѣкалъ весь міръ анатомическимъ ножомъ, рѣзалъ и дѣлилъ на массивныя части, располагалъ и отдѣлялъ народы такимъ же образомъ, какъ ботаникъ распредѣляетъ растенія по извѣстнымъ ему признакамъ. И отъ того начертаніе его исторіи, казалось бы, должно быть слишкомъ скелетнымъ и сухимъ; но къ удивленію все у него сверкаетъ такими рѣзкими чертами, могущественный ударъ его глаза такъ вѣренъ, что, читая этотъ сжатый эскизъ міра, замѣчаешь съ изумленіемъ, что собственное воображеніе горитъ, расширяется и дополняетъ все по такому же самому закону, который опредѣлилъ Шлецеръ однимъ всемогущимъ словомъ, иногда оно стремится еще далѣе, потому что ему указана смѣлая дорога. Будучи однимъ изъ первыхъ тревожимыхъ мыслью о величіи и истинной цѣли всеобщей исторіи, онъ долженствовалъ быть непремѣнно геніемъ оппозиціоннымъ. Это положеніе сообщило ему сильную энергію, жаръ и даже досаду на близорукость предшественниковъ, прорывающіеся очень часто въ его сочиненіяхъ. Онъ уничтожаетъ ихъ однимъ громовымъ словомъ, и въ этомъ одномъ словѣ соединяется и наслажденіе, и сардоническая усмѣшка надъ пораженнымъ, и вмѣстѣ несокрушимая правда; его справедливѣе нежели Канта можно назвать все сокрушающимъ. Всегда дѣйствующіе въ оппозиціонномъ духѣ слишкомъ увлекаются своимъ положеніемъ и въ энтузіастическомъ порывѣ держатся только одного правила: противорѣчить всему прежнему. Въ этомъ случаѣ нельзя упрекнуть Шлецера: германскій духъ его сталъ неколебимъ на своемъ мѣстѣ. Онъ—какъ строгій всезрящій судія; его сужденія рѣзки, коротки и справедливы. Можетъ быть, нѣкоторымъ покажется страннымъ, что я говорю о Шлецерѣ, какъ о великомъ зодчемъ всеобщей исторіи, тогда какъ его мысли и труды по этой части улеглись въ небольшой книжкѣ, изданной имъ для студентовъ; но эта маленькая книжка принадлежитъ къ числу тѣхъ, читая которыя, кажется, читаешь цѣлые томы; ее можно сравнить съ небольшимъ окошкомъ, къ которому приставивши глазъ поближе, можно увидѣть весь міръ. Онъ вдругъ осѣняетъ свѣтомъ и пока-

зываетъ, какъ нужно понять, и тогда самъ собою наконецъ видишь все.

Миллеръ представляетъ собою историка совершенно въ другомъ родѣ. Спокойный, тихій, размышляющій, онъ представляетъ противоположность Шлецеру. Онъ съ какою-то очаровательною, особенною любовью предается своему предмету. Его слогъ не блеститъ тѣмъ рѣзкимъ отличіемъ, какимъ означенъ слогъ Шлецера; нѣтъ тѣхъ порывовъ, того мѣткаго лаконизма, какими исполненъ Шлецеръ. Онъ не схватываетъ вдругъ, за однимъ взглядомъ, всего и не сжимаетъ его мощною рукою, но онъ изслѣдываетъ все, находящееся въ мірѣ, спокойно, поочередно, не показывая той быстроты и поспѣшности, съ какою выражается авторъ, опасающійся, чтобы у него не перехватилъ кто-нибудь мысли и не предупредилъ его. Слово «изслѣдованіе» весьма идетъ къ его стилю; его повѣствованіе именно изслѣдовательное. Какъ человѣкъ государственный, онъ болѣе всего занимается изложеніемъ формъ правленія и законовъ существующихъ и минувшихъ государствъ; но онъ не предпочитаетъ эту сторону до такой степени, чтобы оставить совершенно въ тѣни всѣ другія, къ чему способенъ бываетъ историкъ односторонній и чего не могъ избѣжать и Геренъ, напротивъ того онъ обращаетъ вниманіе и на все сопредѣльное. Все, что̀ не ясно въ исторіи, что̀ менѣе разоблачено, все это болѣе другого подвергается его изслѣдованію. Замѣтно даже, что онъ охотнѣе занимается временами первобытными и вообще тѣми эпохами, когда народъ еще не былъ подверженъ образованности и порокамъ, сохранялъ свои простые нравы и независимость. Это время изображаетъ онъ съ ясною подробностію, съ тихимъ жаромъ, какъ-будто позабываясь и воображая видѣть себя среди своихъ добрыхъ Швейцарцевъ. Главный результатъ, царствующій въ его исторіи, есть тотъ, что народъ тогда только достигаетъ своего счастія, когда сохраняетъ свято обычаи своей старины, свои простые нравы и свою независимость. Вездѣ въ немъ видны старческая мудрость и младенческая ясность души. Благородство мыслей и любовь къ свободѣ проникаетъ все его твореніе. Мысль о единствѣ и нераздѣльной цѣлости не служитъ такою цѣлью, къ которой бы явно устремлялось его повѣствованіе; онъ даже никогда не гово-

ритъ о немъ, но единство чувствуется въ цѣломъ твореніи, не смотря на то, что онъ, кажется, забываетъ вовсе дѣла всего міра, занявшись однимъ народомъ. Исторія его не состоитъ изъ непрерывной движущейся цѣпи происшествій; драмматическаго искусства въ немъ нѣтъ; вездѣ виденъ размышляющій мудрецъ. Онъ не выказываетъ слишкомъ ярко своихъ мыслей; онѣ у него таятся такъ скромно, иногда въ такомъ незамѣтномъ уголкѣ, что неищущій не найдетъ ихъ никогда; но за то онѣ такъ высоки и глубоки, что открывшему ихъ открывается, по выраженію Вагнера въ Фаустѣ, на землѣ небо. Этотъ скромный, незамѣтный слогъ его и отсутствіе ослѣпляющей яркости производитъ въ душѣ невольное сожалѣніе: чрезъ него Миллеръ очень мало извѣстенъ, или, лучше сказать, не такъ извѣстенъ, какъ долженъ бы быть. Одни сильно проникнутые мыслью о исторіи и способные къ тонкому развитію могутъ только вполнѣ понимать его, другимъ же онъ кажется легкимъ и неглубокомысленнымъ.

Гердеръ представляетъ совершенно отличный образъ воззрѣнія. Онъ видитъ уже совершенно духовными глазами. У него владычество идеи вовсе поглощаетъ осязательныя формы. Вездѣ онъ видитъ одного человѣка, какъ представителя всего человѣчества. Онъ выпытываетъ глубоко, вдохновенно, какъ браминъ природы, — названіе, которое придаютъ ему Нѣмцы. У него крупнѣе группируются событія; его мысли всѣ высоки, глубоки и всеміpны. Онѣ у него являются мало соединенными съ видимою природою и какъ-будто извлеченными изъ одного только чистаго ея горнила. Отъ того онѣ у него не имѣютъ исторической осязательности и видимости. Если событіе колоссально и заключается въ идеѣ — оно у него развертывается все, со всѣми своими сокровенными явленіями; но если слишкомъ коснулось жизни и практическаго, оно у него не получаетъ опредѣленнаго колорита. Если онъ нисходитъ до частныхъ лицъ и дѣятелей исторіи, они у него не такъ ярки, какъ общія группы; они принимаютъ слишкомъ общую физіогномію; они у него или добрые, или злые; всѣ безчисленные оттѣнки характеровъ, все смѣшеніе и разнообразіе качествъ, познаніе которыхъ достается въ удѣлъ взирающему съ недовѣрчивостію на другихъ, всѣ эти оттѣнки у него исчезли. Онъ мудрецъ

въ познанiи идеальнаго человѣка и человѣчества, но младенецъ въ познанiи человѣка, по весьма естественному ходу вещей, какъ всегда мудрецъ бываетъ великъ въ своихъ мысляхъ и невѣжда въ мелочныхъ занятiяхъ жизни. Какъ поэтъ, онъ выше Шлецера и Миллера. Какъ поэтъ, онъ все создаетъ и перевариваетъ въ себѣ, въ своемъ уединенномъ кабинетѣ, полный высшаго откровенiя, избирая только одно прекрасное и высокое, потому что это уже принадлежность его возвышенной и чистой души. Но высокое и прекрасное вырываются часто изъ низкой и презрѣнной жизни, или же вызываются натискомъ тѣхъ безчисленныхъ и разнохарактерныхъ явленiй, которыя безпрестанно пестрятъ жизнь человѣческую, и которыхъ познанiе рѣдко дается отвлеченному отъ жизни мудрецу. Стиль его болѣе нежели у кого другаго исполненъ живописи и широкаго размѣра, потому что онъ поэтъ и этимъ рѣзко отличается отъ Миллера, философа-законодателя, всегда спокойнаго и размышляющаго, и Шлецера, философа-критика, всегда почти рѣзкаго и недовольнаго.

Мнѣ кажется, что если бы глубокость результатовъ Гердера, нисходящихъ до самаго начала человѣчества, соединить съ быстрымъ, огненнымъ взглядомъ Шлецера и изыскательною, расторопною мудростiю Миллера, тогда бы вышелъ такой историкъ, который бы могъ написать всеобщую исторiю. Но при всемъ томъ, ему бы еще много кое чего недоставало: ему бы не доставало высокаго драмматическаго искусства, котораго не видно ни у Шлецера, ни у Миллера, ни у Гердера. Я разумѣю, однакожъ, подъ словомъ драмматическаго искусства не то искусство, которое состоитъ въ умѣнiи вести разговоръ, но въ драмматическомъ интересѣ всего творенiя, который сообщилъ бы ему неодолимую увлекательность, тотъ интересъ, который иногда дышетъ въ историческихъ отрывкахъ Шиллера и особенно въ *Тридцатилѣтней войнѣ*, и которымъ отличается почти всякое немногосложное происшествiе. Я бы къ этому присоединилъ еще въ нѣкоторой степени занимательность разсказа Вальтера Скотта и его умѣнiе замѣчать самые тонкiе оттѣнки; къ этому присоединилъ бы шекспировское искусство развивать крупныя черты характеровъ въ тѣсныхъ границахъ, и тогда бы, мнѣ кажется, составился такой историкъ, какого

требуетъ всеобщая исторія. Но до того времени, Миллеръ, Шлецеръ и Гердеръ долго останутся великими путеводителями. Они много, очень много освѣтили всеобщую исторію, и если въ нынѣшнее время мы имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій, то этимъ обязаны имъ однимъ.

1832.

НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ.

ПОВѢСТЬ.

Нѣтъ ничего лучше Невскаго проспекта, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ: для него онъ составляетъ все. Чѣмъ не блеститъ эта улица-красавица нашей столицы? Я знаю, что ни одинъ изъ блѣдныхъ и чиновныхъ ея жителей не промѣняетъ на всѣ блага Невскаго проспекта. Не только, кто имѣетъ двадцать пять лѣтъ отъ роду, прекрасные усы и удивительно сшитый сюртукъ, но даже тотъ, у кого на подбородкѣ выскакиваютъ бѣлые волоса и голова гладка, какъ серебряное блюдо, и тотъ въ восторгѣ отъ Невскаго проспекта. А дамы! О, дамамъ еще больше пріятенъ Невскій проспектъ! Да и кому же онъ непріятенъ? Едва только взойдешь на Невскій проспектъ, какъ уже пахнетъ однимъ гуляньемъ. Хотя бы имѣлъ какое нибудь нужное, необходимое дѣло, но, взошедши на него, вѣрно позабудешь о всякомъ дѣлѣ. Здѣсь единственное мѣсто, гдѣ показываются люди не по необходимости, куда не загнала ихъ надобность и меркантильный интересъ, объемлющій весь Петербургъ. Кажется, человѣкъ, встрѣченный на Невскомъ проспектѣ, менѣе эгоистъ, нежели въ Морской, Гороховой, Литейкой, Мѣщанской и другихъ улицахъ, гдѣ жадность, и корысть, и надобность, выражаются на идущихъ и летящихъ въ каретахъ и на дрожкахъ. Невскій проспектъ есть всеобщая коммуникація Петербурга. Здѣсь житель петербургской, или выборгской части, нѣсколько лѣтъ небывавшій у своего пріятеля на Пескахъ, или у

московской заставы, можетъ быть увѣренъ, что встрѣтится съ нимъ непремѣнно. Никакой адресъ-календарь и справочное мѣсто не доставятъ такого вѣрнаго извѣстія, какъ Невскій проспектъ. Всемогущій Невскій проспектъ! Единственное развлеченіе бѣднаго на гулянье Петербурга! Какъ чисто подметены его тротуары, и, Боже, сколько ногъ оставило на немъ слѣды свои! И неуклюжій грязный сапогъ отставнаго солдата, подъ тяжестію котораго, кажется, трескается самый гранитъ, и миніатюрный, легкій какъ дымъ, башмачокъ молоденькой дамы, оборачивающей свою головку къ блестящимъ окнамъ магазина, какъ подсолнечникъ къ солнцу, и гремящая сабля исполненнаго надеждъ прапорщика, проводящая по *немъ* рѣзкую царапину — все вымѣщаетъ на немъ могущество силы или могущество слабости. Какая быстрая совершается на немъ фантасмагорія въ теченіе одного только дня! Сколько вытерпитъ онъ перемѣнъ въ теченіе однѣхъ сутокъ! Начнемъ съ самаго ранняго утра, когда весь Петербургъ пахнетъ горячими, только что выпеченными хлѣбами и наполненъ старухами въ изодранныхъ платьяхъ и солопахъ, совершающихъ свои наѣзды на церкви и на сострадательныхъ прохожихъ.

Тогда Невскій проспектъ пустъ: плотные содержатели магазиновъ и ихъ комми еще спятъ въ своихъ голландскихъ рубашкахъ, или мылятъ свою благородную щеку и пьютъ кофе; нищіе собираются у дверей кандитерскихъ, гдѣ сонный ганимедъ, летавшій вчера какъ муха съ шеколадомъ, вылѣзаетъ съ метлой въ рукѣ безъ галстуха и швыряетъ имъ черствые пироги и объѣдки. По улицамъ плетется нужный народъ; иногда переходятъ ее русскіе мужики, спѣшащіе на работу, въ сапогахъ, запачканныхъ известью, которыхъ и екатерининскій каналъ, извѣстный своею чистотою, не въ состояніи бы былъ обмыть. Въ это время обыкновенно не прилично ходить дамамъ, потому что русскій народъ любитъ изъясняться такими рѣзкими выраженіями, какихъ онѣ, вѣрно, не услышатъ даже въ театрѣ. Иногда сонный чиновникъ проплетется съ портфелемъ подъ мышкою, если черезъ Невскій проспектъ лежитъ ему дорога въ департаментъ. Можно сказать рѣшительно, что въ это время, т. е. до 12 часовъ, Невскій проспектъ не составляетъ ни для кого цѣли, онъ служитъ только средствомъ: онъ постепенно

наполняется лицами, имѣющими свои занятія, свои заботы, свои досады, но вовсе недумающими о немъ. Русскій мужикъ говоритъ о гривнѣ, или о семи грошахъ мѣди, старики и старухи размахиваютъ руками или говорятъ сами съ собою, иногда съ довольно разительными жестами, но никто ихъ не слушаетъ и не смѣется надъ ними, выключая только развѣ мальчишекъ въ пестрядевыхъ халатахъ, съ пустыми штофами, или готовыми сапогами въ рукахъ, бѣгущихъ молніями по Невскому проспекту. Въ это время, что̀ бы вы на себя ни надѣли, хотя бы даже вмѣсто шляпы картузъ былъ у васъ на головѣ, хотя бы воротнички слишкомъ далеко высунулись изъ вашего галстуха—никто этого не замѣтитъ.

Въ 12 часовъ на Невскій проспектъ дѣлаютъ набѣги гувернеры всѣхъ націй съ своими питомцами въ батистовыхъ воротничкахъ. Англійскіе джонсы и французскіе коки идутъ подъ руку съ ввѣренными ихъ родительскому попеченію питомцами и съ приличною солидностію изъясняютъ имъ, что вывѣски надъ магазинами дѣлаются для того, чтобы можно было посредствомъ ихъ узнать, что̀ находится въ самыхъ магазинахъ. Гувернантки, блѣдныя миссы и розовыя Славянки идутъ величаво позади своихъ легенькихъ, вертлявыхъ дѣвчонокъ, приказывая имъ поднимать нѣсколько выше плечо и держаться прямѣе; короче сказать, въ это время Невскій проспектъ—педагогическій Невскій проспектъ.

Но чѣмъ ближе къ двумъ часамъ, тѣмъ уменьшается число гувернеровъ-педагоговъ и дѣтей: они наконецъ вытѣсняются нѣжными ихъ родителями, идущими подъ руку съ своими пестрыми, разноцвѣтными, слабонервными подругами. Мало-по-малу присоединяются къ ихъ обществу всѣ, окончившіе довольно важныя домашнія занятія, какъ-то: поговорившіе съ своимъ докторомъ о погодѣ и о небольшомъ прыщикѣ, вскочившемъ на носу, узнавшіе о здоровьи лошадей и дѣтей своихъ, впрочемъ показывающихъ большія дарованія, прочитавшіе афишу и важную статью въ газетахъ о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, наконецъ выпившихъ чашку кофею и чаю; къ нимъ присоединяются и тѣ, которыхъ завидная судьба надѣлила благословеннымъ званіемъ чиновниковъ по особеннымъ порученіямъ; къ нимъ присоединяются и тѣ, которые служатъ въ иностранной коллегіи и отличаются благород-

ствомъ своихъ занятій и привычекъ. Боже, какія есть прекрасныя должности и службы! какъ онѣ возвышаютъ и услаждаютъ душу! Но, увы! я не служу и лишенъ удовольствія видѣть тонкое обращеніе съ собою начальниковъ. Все, что̀ вы ни встрѣтите на Невскомъ проспектѣ, все исполнено приличія: мущины въ длинныхъ сюртукахъ съ заложенными въ карманы руками, дамы въ розовыхъ, бѣлыхъ и блѣдно-голубыхъ атласныхъ рединготахъ и шляпкахъ. Вы здѣсь встрѣтите баккенбарды единственныя, пропущенныя съ необыкновеннымъ и изумительнымъ искусствомъ подъ галстухъ, баккенбарды бархатныя, атласныя, черныя какъ соболь или уголь, но, увы! принадлежащія только одной иностранной коллегіи. Служащимъ въ другихъ департаментахъ Провидѣніе отказало въ черныхъ баккенбардахъ, они должны, къ величайшей непріятности своей, носить рыжія. Здѣсь вы встрѣтите усы чудные, никакимъ перомъ, никакою кистью неизобразимые; усы, которымъ посвящена лучшая половина жизни, предметъ долгихъ бдѣній во время дня и ночи; усы, на которые излились восхитительнѣйшіе духи и ароматы и которыхъ умастили всѣ драгоцѣннѣйшіе и рѣдчайшіе сорты помадъ; усы, которые заворачиваются на ночь тонкою веленевою бумагою; усы, къ которымъ дышетъ самая трогательная привязанность ихъ поссессоровъ, и которымъ завидуютъ проходящіе. Тысячи сортовъ шляпокъ, платьевъ, платковъ, пестрыхъ, легкихъ, къ которымъ иногда въ теченіе цѣлыхъ двухъ дней сохраняется привязанность ихъ владѣтельницъ, ослѣпятъ хоть кого на Невскомъ проспектѣ. Кажется, какъ-будто цѣлое море мотыльковъ поднялось вдругъ со стеблей и волнуется блестящею тучею надъ черными жуками мужескаго пола. Здѣсь вы встрѣтите такія таліи, какія даже вамъ не снились никогда: тоненькія, узенькія, таліи никакъ нетолще бутылочной шейки, встрѣтясь съ которыми вы почтительно отойдете къ сторонкѣ, чтобы какъ-нибудь неосторожно не толкнуть невѣжливымъ локтемъ; сердцемъ вашимъ овладѣетъ робость и страхъ, чтобы какъ нибудь отъ неосторожнаго даже дыханія вашего не переломилось прелестнѣйшее произведеніе природы и искусства. А какіе встрѣтите вы дамскіе рукава на Невскомъ проспектѣ! Ахъ, какая прелесть! Они нѣсколько похожи на два воздухоплавательные шара, такъ что дама вдругъ бы

поднялась на воздухъ, если бы не поддерживалъ ее мущина; потому что даму также легко и пріятно поднять на воздухъ, какъ подносимый ко рту бокалъ, наполненный шампанскимъ. Нигдѣ при взаимной встрѣчѣ не раскланиваются такъ благородно и непринужденно, какъ на Невскомъ проспектѣ. Здѣсь вы встрѣтите улыбку единственную, улыбку верхъ искусства, иногда такую, что можно растаять отъ удовольствія, иногда такую, что увидите себя вдругъ ниже травы и потупите голову, иногда такую, что почувствуете себя выше адмиралтейскаго шпица и поднимите ее вверхъ. Здѣсь вы встрѣтите разговаривающихъ о концертѣ, или о погодѣ, съ необыкновеннымъ благородствомъ и чувствомъ собственнаго достоинства. Тутъ вы встрѣтите тысячу непостижимыхъ характеровъ и явленій. Создатель! какіе странные характеры встрѣчаются на Невскомъ проспектѣ! Есть множество такихъ людей, которые, встрѣтившись съ вами, непремѣнно посмотрятъ на сапоги ваши и, если вы пройдете, они оборотятся назадъ, чтобы посмотрѣть на ваши фалды. Я до сихъ поръ не могу понять, отчего это бываетъ. Сначала я думалъ, что они сапожники, но однакоже ничуть не бывало: они большею частію служатъ въ разныхъ департаментахъ; многіе изъ нихъ превосходнымъ образомъ могутъ написать отношеніе изъ одного казеннаго мѣста въ другое, или же люди, занимающіеся прогулками, чтеніемъ газетъ по кандитерскимъ,—словомъ, большею частію всё порядочные люди. Въ это благословенное время отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ по полудни, которое можетъ назваться движущеюся столицею Невскаго проспекта, происходитъ главная выставка всѣхъ лучшихъ произведеній человѣка. Одинъ показываетъ щегольской сюртукъ съ лучшимъ бобромъ, другой греческій прекрасный носъ, третій несетъ превосходныя баккенбарды, четвертая пару хорошенькихъ глазокъ и удивительную шляпку, пятый перстень съ талисманомъ на щегольскомъ мизинцѣ, шестая ножку въ очаровательномъ башмачкѣ, седьмой—галстухъ возбуждающій удивленіе, осьмой усы повергающіе въ изумленіе. Но бьетъ три часа, и выставка оканчивается, толпа рѣдѣетъ.

Въ три часа новая перемѣна. На Невскомъ проспектѣ вдругъ настаетъ весна: онъ покрывается весь чиновниками въ зеленыхъ вицъ-мундирахъ. Голодные титулярные, надворные и прочіе со-

вѣтники стараются всѣми силами ускорить свой ходъ. Молодые коллежскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари спѣшатъ еще воспользоваться временемъ и пройтися по Невскому проспекту съ осанкою, показывающею, что они вовсѣ не сидѣли 6 часовъ въ присутствіи. Но старые коллежскіе секретари, титулярные и надворные совѣтники идутъ скоро, потупивши голову: имъ не до того, чтобы заниматься разсматриваніемъ прохожихъ; они еще не вполнѣ оторвались отъ заботъ своихъ; въ ихъ головѣ ералашъ и цѣлый архивъ начатыхъ и неоконченныхъ дѣлъ; имъ долго вмѣсто вывѣски показывается картонка съ бумагами, или полное лицо правителя канцеляріи.

Съ четырехъ часовъ Невскій проспектъ пустъ, и врядъ ли вы встрѣтите на немъ хотя одного чиновника. Какая-нибудь швея изъ магазина перебѣжитъ чрезъ Невскій проспектъ съ коробкою въ рукахъ; какая-нибудь жалкая добыча человѣколюбиваго повытчика, пущенная по міру во фризовой шинели; какой-нибудь заѣзжій чудакъ, которому всѣ часы равны; какая-нибудь длинная, высокая Англичанка съ ридикюлемъ и книжкою въ рукахъ; какой-нибудь артельщикъ, русскій человѣкъ, въ демикотоновомъ сюртукѣ съ таліей на спинѣ, съ узенькою бородою, живущій всю жизнь на живую нитку, въ которомъ все шевелится: спина, и руки, и ноги, и голова, когда онъ учтиво проходитъ по тротуару; иногда низкій ремесленникъ,—больше никого не встрѣтите вы на Невскомъ проспектѣ.

Но какъ только сумерки упадутъ на домы и улицы, и будочникъ, накрывшись рогожею, вскарабкается на лѣстницу зажигать фонарь, а изъ низенькихъ окошекъ магазиновъ выглянутъ тѣ эстампы, которые не смѣютъ показаться среди дня, тогда Невскій проспектъ опять оживаетъ и начинаетъ шевелиться. Тогда настаетъ то таинственное время, когда лампы даютъ всему какой то заманчивый, чудесный свѣтъ. Вы встрѣтите очень много молодыхъ людей, большею частію холостыхъ, въ теплыхъ сюртукахъ и шинеляхъ. Въ это время чувствуется какая-то цѣль, или, лучше, что-то похожее на цѣль, что-то чрезвычайно безотчетное; шаги всѣхъ ускоряются и становятся вообще очень неровны. Длинныя тѣни мелькаютъ по стѣнамъ и мостовой и чуть не достигаютъ го-

ловами Полицейскаго моста. Молодые губернскіе регистраторы, губернскіе и коллежскіе секретари, очень долго прохаживаются; но старые коллежскіе регистраторы, титулярные и надворные совѣтники, большею частію сидятъ дома, или потому что этотъ народъ женатый, или потому что имъ очень хорошо готовятъ кушанье живущія у нихъ въ домахъ кухарки Нѣмки. Здѣсь вы встрѣтите почтенныхъ стариковъ, которые съ такою важностью и съ такимъ удивительнымъ благородствомъ прогуливались въ два часа по Невскому проспекту. Вы ихъ увидите бѣгущими такъ же, какъ молодые коллежскіе регистраторы, съ тѣмъ чтобы заглянуть подъ шляпку издали-завидѣнной дамы, которой толстыя губы и щеки, нащекатуренныя румянами, такъ нравятся многимъ гуляющимъ, а болѣе всего сидѣльцамъ, артельщикамъ, купцамъ всегда въ нѣмецкихъ сюртукахъ, гуляющимъ цѣлою толпою и обыкновенно подъ руку.

«Стой!» закричалъ въ это время поручикъ Пироговъ, дернувъ шедшаго съ нимъ молодаго человѣка во фракѣ и плащѣ. «Видѣлъ?»

«Видѣлъ, чудная, совершенно перуджинова Біанка.»

«Да ты о комъ говоришь?»

«Объ ней, о той, что̀ съ темными волосами, и какіе глаза, Боже, какіе глаза! все положеніе и контура, и окладъ лица— чудеса!»

«Я говорю тебѣ о блондинкѣ, что̀ прошла за ней въ ту сторону. Что жъ ты не идешь за брюнеткою, когда она такъ тебѣ понравилась?»

«О, какъ можно!» воскликнулъ закраснѣвшись молодой человѣкъ во фракѣ. «Какъ-будто она изъ тѣхъ, которыя ходятъ ввечеру по Невскому проспекту; это должна быть очень знатная дама», продолжалъ онъ, вздохнувши: «одинъ плащъ на ней стоитъ рублей восемьдесятъ!»

«Простакъ!» закричалъ Пироговъ, насильно толкнувши его въ ту сторону, гдѣ развѣвался яркій плащъ ея: «ступай, простофиля, прозѣваешь! а я пойду за блондинкою.» Оба пріятеля разошлись.

«Знамъ мы васъ всѣхъ», думалъ про-себя съ самодовольною и самонадѣянною улыбкою Пироговъ, увѣренный, что нѣтъ красоты, могшей бы ему противиться.

Молодой человѣкъ во фракѣ и плащѣ робкимъ и трепетнымъ шагомъ пошелъ въ ту сторону, гдѣ развѣвался вдали пестрый плащъ, то окидывавшійся яркимъ блескомъ по мѣрѣ приближенія къ свѣту фонаря, то мгновенно покрывавшійся тьмою по удаленіи отъ него. Сердце его билось, и онъ невольно ускорялъ шагъ свой. Онъ не смѣлъ и думать о томъ, чтобы получить какое-нибудь право на вниманіе улетавшей вдали красавицы, тѣмъ болѣе допустить такую черную мысль, о какой намекалъ ему поручикъ Пироговъ; но ему хотѣлось только видѣть домъ, замѣтить, гдѣ имѣетъ жилище это прелестное существо, которое, казалось, слетѣло съ неба прямо на Невскій проспектъ и, вѣрно, улетитъ неизвѣстно *куда*. Онъ летѣлъ такъ скоро, что сталкивалъ безпрестанно съ тротуара солидныхъ господъ съ сѣдыми баккенбардами.

Этотъ молодой человѣкъ принадлежалъ къ тому классу, который составляетъ у насъ довольно странное явленіе и столько же принадлежитъ къ гражданамъ Петербурга, сколько лицо, являющееся намъ въ сновидѣніи, принадлежитъ къ существенному міру. Это исключительное сословіе очень необыкновенно въ томъ городѣ, гдѣ все или чиновники, или купцы, или мастеровые Нѣмцы. Это былъ художникъ. Не правда ли, странное явленіе? Художникъ петербургскій! художникъ въ землѣ снѣговъ, художникъ въ странѣ Финновъ, гдѣ все мокро, гладко, ровно, блѣдно, сѣро, туманно! Эти художники вовсе не похожи на художниковъ италіянскихъ: гордыхъ, горячихъ, какъ Италія и ея небо; напротивъ того, это большею частію добрый, кроткій народъ, застѣнчивый, безпечный, любящій тихо свое искусство, пьющій чай съ двумя пріятелями своими въ маленькой комнатѣ, скромно толкующій о любимомъ предметѣ и вовсе небрегущій объ излишнемъ. Онъ вѣчно зазоветъ къ себѣ какую-нибудь нищую старуху и заставитъ ее просидѣть битыхъ часовъ шесть съ тѣмъ, чтобы перевести на полотно ея жалкую, безчувственную мину. Онъ рисуетъ перспективу своей комнаты, въ которой является всякій художественный вздоръ: гипсовыя руки и ноги, сдѣлавшіяся кофейными отъ времени и пыли, изломанные живописные станки, опрокинутая палитра, пріятель играющій на гитарѣ, стѣны, запачканныя красками съ растворённымъ окномъ, сквозь которое мелькаетъ блѣдная Нева

и бѣдные рыбаки въ красныхъ рубашкахъ. У нихъ всегда почти на всемъ сѣренькій мутный колоритъ — неизгладимая печать сѣвера. При всемъ томъ, они съ истиннымъ наслажденіемъ трудятся надъ своею работою. Они часто питаютъ въ себѣ истинный талантъ, и, если бы только дунулъ на нихъ свѣжій воздухъ Италіи, онъ бы вѣрно развился такъ же вольно, широко и ярко, какъ растеніе, которое выносятъ наконецъ изъ комнаты на чистый воздухъ. Они вообще очень робки; звѣзда и толстый эполетъ приводятъ ихъ въ такое замѣшательство, что они невольно понижаютъ цѣну своихъ произведеній. Они любятъ иногда пощеголять, но щегольство это всегда кажется на нихъ слишкомъ рѣзкимъ и нѣсколько походитъ на заплату. На нихъ встрѣтите вы иногда отличный фракъ и запачканный плащъ, дорогой бархатный жилетъ и сюртукъ весь въ краскахъ. Такимъ же самымъ образомъ, какъ на неоконченномъ ихъ пейзажѣ, увидите вы иногда нарисованную внизъ головою нимфу, которую онъ, не найдя другаго мѣста, набросалъ на запачканномъ грунтѣ прежняго своего произведенія, когда-то писаннаго имъ съ наслажденіемъ. Онъ никогда не глядитъ вамъ прямо въ глаза; если же глядитъ, то какъ-то мутно, неопредѣленно; онъ не вонзаетъ въ васъ ястребинаго взора наблюдателя, или соколинаго взгляда кавалерійскаго офицера. Это происходитъ отъ того, что онъ въ одно и то же время видитъ и ваши черты, и черты какого-нибудь гипсоваго Геркулеса, стоящаго въ его комнатѣ, или ему представляется его же собственная картина, которую онъ еще думаетъ произвесть. Отъ этого онъ отвѣчаетъ часто несвязно, иногда невпопадъ, и мѣшающіеся въ его головѣ предметы еще болѣе увеличиваютъ его робость.

Къ такому роду принадлежалъ описанный нами молодой человѣкъ, художникъ Пискаревъ, застѣнчивый, робкій, но въ душѣ своей носившій искры чувства, готовыя при удобномъ случаѣ превратиться въ пламя. Съ тайнымъ трепетомъ спѣшилъ онъ за своимъ предметомъ, такъ сильно его поразившимъ, и, казалось, дивился самъ своей дерзости. Незнакомое существо, къ которому такъ прильнули его глаза, мысли и чувства, вдругъ поворотило голову и взглянуло на него. Боже, какія божественныя черты! Ослѣпительной бѣлизны прелестнѣйшій лобъ осѣненъ былъ пре-

красными какъ агатъ волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть ихъ, падая изъ-подъ шляпки, касалась щеки, тронутой тонкимъ свѣжимъ румянцемъ, проступившимъ отъ вечерняго холода. Уста были замкнуты цѣлымъ роемъ прелестнѣйшихъ грезъ. Все, что̀ остается отъ воспоминанія о дѣтствѣ, что̀ даетъ мечтаніе и тихое вдохновеніе при свѣтящейся лампадѣ,—все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось въ ея гармоническихъ устахъ. Она взглянула на Пискарева, и при этомъ взглядѣ затрепетало его сердце; она взглянула сурово, чувство негодованія проступило у ней на лицѣ при видѣ такого наглаго преслѣдованія; но на этомъ прекрасномъ лицѣ и самый гнѣвъ былъ обворожителенъ. Постигнутый стыдомъ и робостью, онъ остановился, потупивъ глаза; но какъ утерять это божество и не узнать даже той святыни, гдѣ оно опустилось гостить! Такія мысли пришли въ голову молодому мечтателю, и онъ рѣшился преслѣдовать. Но, чтобы не дать этого замѣтить, онъ отдалился на дальнее разстояніе, безпечно глядѣлъ по сторонамъ и разсматривалъ вывѣски, а между-тѣмъ не упускалъ изъ виду ни одного шага незнакомки. Проходящіе рѣже начали мелькать, улица становилась тише; красавица оглянулась, и ему показалось, какъ будто легкая улыбка сверкнула на губахъ ея. Онъ весь задрожалъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Нѣтъ, это фонарь обманчивымъ свѣтомъ своимъ выразилъ на лицѣ ея подобіе улыбки; нѣтъ, это собственныя мечты смѣются надъ нимъ! Но дыханіе занялось въ его груди, все въ немъ обратилось въ неопредѣленный трепетъ, всѣ чувства его горѣли и все передъ нимъ окинулось какимъ-то туманомъ. Тротуаръ несся подъ нимъ, кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы, мостъ растягивался и ломался на своей аркѣ, домъ стоялъ крышею внизъ, будка валилась къ нему на встрѣчу и алебарда часоваго, вмѣстѣ съ золотыми словами вывѣски и нарисованными ножницами, блестѣла, казалось, на самой рѣсницѣ его глазъ. И все это произвелъ одинъ взглядъ, одинъ поворотъ хорошенькой головки. Не слыша, не видя, не внимая, онъ несся по легкимъ слѣдамъ прекрасныхъ ножекъ, стараясь самъ умѣрить быстроту своего шага, летѣвшаго подъ тактъ сердца. Иногда овладѣвало имъ сомнѣніе, точно ли выраженіе лица ея было такъ благосклонно, и тогда онъ на минуту останавли-

вался, но сердечное біеніе, непреодолимая сила и тревога всѣхъ чувствъ стремила его впередъ. Онъ даже не замѣтилъ, какъ вдругъ возвысился передъ нимъ четырехъ-этажный домъ, всѣ четыре ряда оконъ, свѣтившіеся огнемъ, глянули на него разомъ и перилы у подъѣзда противупоставили ему желѣзный толчокъ свой. Онъ видѣлъ, какъ незнакомка летѣла по лѣстницѣ, оглянулась, положила на губы палецъ и дала знакъ слѣдовать за собою. Колѣни его дрожали; чувства, мысли горѣли; молнія радости нестерпимымъ остріемъ вонзилась въ его сердце. Нѣтъ, это уже не мечта! Боже! столько счастія въ одинъ мигъ! такая чудесная жизнь въ двухъ минутахъ!

Но не во снѣ ли это все? уже-ли та, за одинъ небесный взглядъ которой онъ готовъ бы былъ отдать всю жизнь, приблизиться къ жилищу которой уже онъ почиталъ за неизъяснимое блаженство, уже-ли та была сейчасъ такъ благосклонна и внимательна къ нему! Онъ взлетѣлъ на лѣстницу. Онъ не чувствовалъ никакой земной мысли; онъ не былъ разогрѣтъ пламенемъ земной страсти,— нѣтъ, онъ былъ въ эту минуту чистъ и непороченъ, какъ дѣвственный юноша, еще дышущій неопредѣленною духовною потребностью любви. И то, что̀ возбудило бы въ развратномъ человѣкѣ дерзкія помышленія, то самое напротивъ еще болѣе освятило ихъ. Это довѣріе, которое оказало ему слабое прекрасное существо, это довѣріе наложило на него обѣтъ строгости рыцарской, обѣтъ, рабски исполнять всѣ повелѣнія ея. Онъ только желалъ, чтобъ эти велѣнія были какъ можно болѣе трудны и неудобоисполняемы, чтобы съ бо̀льшимъ напряженіемъ силъ летѣть преодолѣвать ихъ. Онъ не сомнѣвался, что какое-нибудь тайное и вмѣстѣ важное происшествіе заставило незнакомку ему ввѣриться; что отъ него, вѣрно, будутъ требоваться значительныя услуги, и онъ чувствовалъ уже въ себѣ силу и рѣшимость на все.

Лѣстница вилась, и вмѣстѣ съ нею вились его быстрыя мечты. «Идите осторожнѣе!» зазвучалъ, какъ арфа, голосъ и наполнилъ всѣ жилы его новымъ трепетомъ. Въ темной вышинѣ четвертаго этажа незнакомка постучала въ дверь; она отворилась, и они вошли вмѣстѣ. Женщина довольно недурной наружности встрѣтила ихъ со свѣчою въ рукѣ, но такъ странно и нагло посмо-

трѣла на Пискарева, что онъ опустилъ невольно свои глаза. Они вошли въ комнату. Три женскія фигуры въ разныхъ углахъ представились его глазамъ. Одна раскладывала карты; другая сидѣла за фортепіаномъ и играла двумя пальцами какое-то жалкое подобіе стариннаго полонеза; третья сидѣла передъ зеркаломъ, расчесывая гребнемъ свои длинные волосы, и вовсе не думала оставить туалета своего при входѣ незнакомаго лица. Какой-то непріятный безпорядокъ, который можно встрѣтить только въ безпечной комнатѣ холостяка, царствовалъ во всемъ. Мебели, довольно хорошія, были покрыты пылью; паукъ застилалъ своею паутиною лѣпной карнизъ; сквозь непритворенную дверь другой комнаты блестѣлъ сапогъ со шпорой и краснѣла выпушка мундира; громкій мужской голосъ и женскій смѣхъ раздавались безъ всякаго принужденія.

Боже, куда зашелъ онъ! Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить и началъ пристальнѣе всматриваться въ предметы, наполнявшіе комнату; но голыя стѣны и окна безъ занавѣсъ не показывали никакого присутствія заботливой хозяйки; изношенныя лица этихъ жалкихъ созданій, изъ которыхъ одна сѣла почти передъ его носомъ и такъ же спокойно его разсматривала, какъ пятно на чужомъ платьѣ, все это увѣрило его, что онъ зашелъ въ тотъ отвратительный пріютъ, гдѣ основалъ свое жилище жалкій развратъ, порожденный мишурною образованностію и страшнымъ многолюдствомъ столицы, — тотъ пріютъ, гдѣ человѣкъ святотатственно подавилъ и посмѣялся надъ всѣмъ чистымъ и святымъ, украшающимъ жизнь, гдѣ женщина, эта красавица міра, вѣнецъ творенія, обратилась въ какое то странное, двусмысленное существо, гдѣ она вмѣстѣ съ чистотою души лишилась всего женскаго и отвратительно присвоила себѣ ухватки и наглости мущины и уже перестала быть тѣмъ слабымъ, тѣмъ прекраснымъ и такъ отличнымъ отъ насъ существомъ. Пискаревъ мѣрялъ ее съ ногъ до головы изумленными глазами, какъ-бы еще желая увѣриться, та ли это, которая такъ околдовала и унесла его на Невскомъ проспектѣ. Но она стояла передъ нимъ такъ же хороша; волосы ея были такъ же прекрасны; глаза ея казались все еще небесными. Она была свѣжа; ей было только 17 лѣтъ; видно было, что еще недавно на-

стигнулъ ее ужасный развратъ. Онъ еще не смѣлъ коснуться къ ея щекамъ, онѣ были свѣжи и легко оттѣнены тонкимъ румянцемъ—она была прекрасна.

Онъ неподвижно стоялъ передъ нею и уже готовъ былъ такъ же простодушно позабыться, какъ позабылся прежде. Но красавица наскучила такимъ долгимъ молчаніемъ и значительно улыбнулась, глядя ему прямо въ глаза. Но эта улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости: она такъ была странна и такъ же шла къ ея лицу, какъ идетъ выраженіе набожности рожѣ взяточника, или бухгалтерская книга поэту. Онъ содрогнулся. Она раскрыла свои хорошенькія уста и стала говорить что-то, но все это было такъ глупо, такъ пошло... Какъ-будто вмѣстѣ съ непорочностію оставляетъ и умъ человѣка. Онъ уже ничего не хотѣлъ слышать. Онъ былъ чрезвычайно смѣшонъ и простъ, какъ дитя. Вмѣсто того, чтобы воспользоваться такою благосклонностью, вмѣсто того, чтобы обрадоваться такому случаю, какому, безъ сомнѣнія, обрадовался бы на его мѣстѣ всякій другой, онъ бросился со всѣхъ ногъ, какъ дикая коза, и выбѣжалъ на улицу.

Повѣсивши голову и опустивши руки, сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ, какъ бѣднякъ, нашедшій безцѣнную жемчужину и тутъ же выронившій ее въ море. «Такая красавица, такія божественныя черты и гдѣ же? въ какомъ мѣстѣ?....» Вотъ все, что онъ могъ выговорить.

Въ самомъ дѣлѣ, никогда жалость такъ сильно не овладѣваетъ нами, какъ при видѣ красоты, тронутой тлетворнымъ дыханіемъ разврата. Пусть бы еще безобразіе дружилось съ нимъ, но красота, красота нѣжная... она только съ одной непорочностью и чистотой сливается въ нашихъ мысляхъ. Красавица, такъ околдовавшая бѣднаго Пискарева, была дѣйствительно чудесное, необыкновенное явленіе. Ея пребываніе въ этомъ презрѣнномъ кругу еще болѣе казалось необыкновеннымъ. Всѣ черты ея были такъ чисто образованы, все выраженіе прекраснаго лица ея было означено такимъ благородствомъ, что никакъ бы нельзя было думать, чтобы развратъ распустилъ надъ нею страшныя свои когти. Она бы составила неоцѣненный перлъ, весь міръ, весь рай, все богатство страстнаго супруга; она была бы прекрасной, тихой звѣздой въ

незамѣтномъ семейномъ кругу, и однимъ движеніемъ прекрасныхъ устъ своихъ давала бы сладкія приказанія. Она бы составила божество въ многолюдномъ залѣ, на свѣтломъ паркетѣ, при блескѣ свѣчей, при безмолвномъ благоговѣніи толпы поверженныхъ у ногъ ея поклонниковъ; но увы! она была какою-то ужасною волею адскаго духа, жаждущаго разрушить гармонію жизни, брошена съ хохотомъ въ свою пучину.

Проникнутый разрывающею жалостью, сидѣлъ онъ передъ нагорѣвшею свѣчою. Уже и полночь давно минула, колоколъ башни билъ половину перваго, а онъ сидѣлъ, неподвижный, безъ сна, безъ дѣятельнаго бдѣнія. Дремота, воспользовавшись его неподвижностью, уже было начала тихонько одолѣвать его, уже комната начала исчезать, одинъ только огонь свѣчи просвѣчивалъ сквозь одолѣвавшія его грезы, какъ вдругъ стукъ у дверей заставилъ его вздрогнуть и очнуться. Дверь отворилась, и вошелъ лакей въ богатой ливреѣ. Въ его уединенную комнату никогда не заглядывала богатая ливрея, при томъ въ такое необыкновенное время... Онъ недоумѣвалъ и съ нетерпѣливымъ любопытствомъ смотрѣлъ на пришедшаго лакея.

«Та барыня,» произнесъ съ учтивымъ поклономъ лакей, «у которой вы изволили за нѣсколько часовъ предъ симъ быть, приказала просить васъ къ себѣ и прислала за вами карету.»

Пискаревъ стоялъ въ безмолвномъ удивленіи: карету, лакей въ ливреѣ!.. Нѣтъ, здѣсь, вѣрно, есть какая-нибудь ошибка... «Послушайте, любезный,» произнесъ онъ съ робостью. «Вы, вѣрно, не туда изволили зайти. Васъ барыня безъ сомнѣнія прислала за кѣмъ-нибудь другимъ, а не за мною.»

«Нѣтъ, сударь, я не ошибся. Вѣдь вы изволили проводить барыню пѣшкомъ къ дому, что̀ въ Литейной, въ комнату четвертаго этажа?»

«Я.»

«Ну, такъ пожалуйте поскорѣе, барыня непремѣнно желаетъ видѣть васъ и проситъ васъ уже пожаловать прямо къ нимъ на домъ.»

Пискаревъ сбѣжалъ съ лѣстницы. На дворѣ точно стояла карета. Онъ сѣлъ въ нее, дверцы хлопнули, камни мостовой загре-

мѣли подъ колесами и копытами — и освѣщенная перспектива домовъ съ яркими вывѣсками понеслась мимо каретныхъ оконъ. Пискаревъ думалъ во всю дорогу и не зналъ, какъ разрѣшить это приключеніе. Собственный домъ, карета, лакей въ богатой ливреѣ... все это онъ никакъ не могъ согласить съ комнатою въ четвертомъ этажѣ, пыльными окнами и разстроеннымъ фортепіаномъ. Карета остановилась передъ ярко-освѣщеннымъ подъѣздомъ, и его разомъ поразили: рядъ экипажей, говоръ кучеровъ, ярко освѣщенныя окна и звуки музыки. Лакей въ богатой ливреѣ высадилъ его изъ кареты и почтительно проводилъ въ сѣни съ мраморными колонами, съ облитымъ золотомъ швейцаромъ, съ разбросанными плащами и шубами, съ яркою лампою. Воздушная лѣстница съ блестящими перилами, надушенная ароматами, неслась вверхъ. Онъ уже былъ на ней, уже взошелъ въ первую залу, испугавшись и попятившись съ первымъ шагомъ отъ ужаснаго многолюдства.

Необыкновенная пестрота лицъ привела его въ совершенное замѣшальство; ему казалось, что какой-то демонъ искрошилъ весь міръ на множество разныхъ кусковъ, и всѣ эти куски безъ смысла, безъ толку, смѣшалъ вмѣстѣ. Сверкающія дамскія плеча и черные фраки, люстры, лампы, воздушные летящіе газы, эфирныя ленты и толстый контра-басъ, выглядывавшій изъ-за перилъ великолѣпныхъ хоръ, все было для него блистательно. Онъ увидѣлъ за однимъ разомъ столько почтенныхъ стариковъ и полустариковъ съ звѣздами на фракахъ, дамъ, такъ легко, гордо и граціозно выступавшихъ по паркету, или сидѣвшихъ рядами, онъ услышалъ столько словъ французскихъ и англійскихъ, къ тому же молодые люди въ черныхъ фракахъ были исполнены такого благородства, съ такимъ достоинствомъ говорили и молчали, такъ не умѣли сказать ничего лишняго, такъ величаво шутили, такъ почтительно улыбались, такія превосходныя носили баккенбарды, такъ искусно умѣли показывать отличныя руки, поправляя галстухъ, дамы такъ были воздушны, такъ погружены въ совершенное самодовольство и упоеніе, такъ очаровательно потупляли глаза,—что... Но одинъ уже смиренный видъ Пискарева, прислонившагося съ боязнію къ колонѣ, показывалъ, что онъ растерялся вовсе.

Въ это время толпа обступила танцующую группу. Онѣ неслись, увитыя прозрачнымъ созданіемъ Парижа, въ платьяхъ, сотканныхъ изъ самаго воздуха; небрежно касались онѣ блестящими ножками паркета и были болѣе эфирны, нежели если бы вовсе его не касались. Но одна между ними всѣхъ лучше, всѣхъ роскошнѣе и блистательнѣе одѣта. Невыразимое, самое тонкое сочетаніе вкуса разлилось во всемъ ея уборѣ, и при всемъ томъ она, казалось, вовсе о немъ не заботилась, и оно вылилось невольно само собою. Она и глядѣла, и не глядѣла на обступившую толпу зрителей, прекрасныя длинныя рѣсницы опустились равнодушно, и сверкающая бѣлизна лица ея еще ослѣпительнѣе бросилась въ глаза, когда легкая тѣнь, осѣнила при наклонѣ головы, очаровательный лобъ ея.

*П*искаревъ употребилъ всѣ усилія, чтобы раздвинуть толпу и разсмотрѣть ее; но къ величайшей досадѣ какая-то огромная голова, съ тёмными курчавыми волосами, заслоняла ее безпрестанно; притомъ толпа его притиснула такъ, что онъ не смѣлъ податься впередъ, не смѣлъ попятиться назадъ, опасаясь толкнуть какимъ-нибудь образомъ какого-нибудь тайнаго совѣтника. Но вотъ онъ продрался таки впередъ и взглянулъ на свое платье, желая прилично оправиться. Творецъ Небесный, что̀ это! на немъ былъ сюртукъ и весь запачканный красками! спѣша ѣхать, онъ позабылъ даже переодѣться въ пристойное платье. Онъ покраснѣлъ до ушей и, потупивъ голову, хотѣлъ провалиться, но провалиться рѣшительно было некуда: камеръ-юнкера въ блестящемъ костюмѣ сдвинулись позади его совершенною стѣною. Онъ уже желалъ быть какъ можно подалѣе отъ красавицы съ прекраснымъ лбомъ и рѣсницами. Со страхомъ поднялъ глаза посмотрѣть, не глядитъ ли она на него. Боже! она стоитъ передъ нимъ... Но что̀ это? что̀ это? «Это она!» вскрикнулъ онъ почти во весь голосъ. Въ самомъ дѣлѣ, это была она, та самая, которую встрѣтилъ онъ на Невскомъ и которую проводилъ къ ея жилищу.

Она подняла между тѣмъ свои рѣсницы и глянула на всѣхъ своимъ яснымъ взглядомъ. «Ай, ай, ай, какъ хороша!..» могъ только выговорить онъ съ захватившимся дыханіемъ. Она обвела своими глазами весь кругъ, наперерывъ жаждавшій остановить ея вниманіе, но съ какимъ-то утомленіемъ и невниманіемъ она скоро

отвратила ихъ и встрѣтилась съ глазами Пискарева. О, какое небо! какой рай! дай силы, Создатель, перенести это! жизнь не вмѣститъ его, онъ разрушитъ и унесетъ душу! Она подала знакъ, но не рукою, не наклоненіемъ головы, нѣтъ, въ ея сокрушительныхъ глазахъ выразился этотъ знакъ такимъ тонкимъ незамѣтнымъ выраженіемъ, что никто не могъ его видѣть, но онъ видѣлъ, онъ понялъ его. Танецъ длился долго; утомленная музыка, казалось, вовсе погасала и замирала и опять вырывалась, визжала и гремѣла; наконецъ — конецъ! Она сѣла, грудь ея воздымалась подъ тонкимъ дымомъ газа; рука ея (Создатель, какая чудесная рука!) упала на колѣни, сжала подъ собою ея воздушное платье, и платье подъ нею, казалось, стало дышать музыкою, и тонкій сиреневый цвѣтъ его еще виднѣе означилъ яркую бѣлизну этой прекрасной руки. Коснуться бы только ея — и ничего больше! никакихъ другихъ желаній, они всѣ дерзки... Онъ стоялъ у нея за стуломъ, не смѣя говорить, не смѣя дышать. «Вамъ было скучно?» произнесла она: «я такъ же скучала. Я замѣчаю, что вы меня ненавидите...» прибавила она, потупивъ свои длинныя рѣсницы.

«Васъ ненавидѣть? мнѣ? я...» хотѣлъ было произнесть совершенно потерявшійся Пискаревъ и наговорилъ бы вѣрно кучу самыхъ несвязныхъ словъ, но въ это время подошелъ камергеръ съ острыми и пріятными замѣчаніями, съ прекраснымъ завитымъ на головѣ хохломъ. Онъ довольно пріятно показывалъ рядъ довольно недурныхъ зубовъ и каждою остротою своею вбивалъ острый гвоздь въ его сердце. Наконецъ кто-то изъ постороннихъ къ счастію обратился къ камергеру съ какимъ-то вопросомъ.

«Какъ это несносно!» сказала она, поднявъ на него свои небесные глаза. «Я сяду на другомъ концѣ зала; будьте тамъ!» Она проскользнула между толпою и исчезла. Онъ, какъ помѣшанный, растолкалъ толпу и былъ уже тамъ.

Такъ, это она! она сидѣла какъ царица, всѣхъ лучше, всѣхъ прекраснѣе, и искала его глазами.

«Вы здѣсь,» произнесла она тихо. «Я буду откровенна передъ вами: вамъ, вѣрно, странными показались обстоятельства нашей встрѣчи. Неужели вы думаете, что я могу принадлежать къ тому

презрѣнному классу твореній, въ которомъ вы встрѣтили меня? Вамъ кажутся странными мои поступки, но я вамъ открою тайну. Будете ли вы въ состояніи», произнесла она, устремивъ пристально на него глаза свои, «никогда не измѣнить ей?»

«О, буду! буду! буду!...»

Но въ это время подошелъ довольно пожилой человѣкъ, заговорилъ съ ней на какомъ-то непонятномъ для Пискарева языкѣ и подалъ ей руку. Она умоляющимъ взглядомъ посмотрѣла на Пискарева и дала знакъ остаться на своемъ мѣстѣ и ожидать ея прихода, но въ припадкѣ нетерпѣнія онъ не въ силахъ былъ слушать никакихъ приказаній, даже изъ ея устъ. Онъ отправился *вслѣдъ* за нею; но толпа раздѣлила ихъ. Онъ уже не видѣлъ сиреневаго платья; съ безпокойствомъ проходилъ онъ изъ комнаты въ комнату и толкалъ безъ милосердія всѣхъ встрѣчныхъ, но во всѣхъ комнатахъ всё сидѣли тузы за вистомъ, погруженные въ мертвое молчаніе. Въ углу комнаты спорило нѣсколько пожилыхъ людей о преимуществѣ военной службы передъ статскою; въ другомъ люди въ превосходныхъ фракахъ бросали легкія замѣчанія о многотомныхъ трудахъ поэта-труженика. Пискаревъ чувствовалъ, что одинъ пожилой человѣкъ, съ почтенною наружностью, схватилъ за пуговицу его фрака и представлялъ на его сужденіе одно весьма справедливое его замѣчаніе, но онъ грубо оттолкнулъ его, даже не замѣтивши, что у него на шеѣ былъ довольно значительный орденъ. Онъ перебѣжалъ въ другую комнату—и тамъ нѣтъ ея. Въ третью—тоже нѣтъ. «Гдѣ же она? дайте ее мнѣ! о, я не могу жить, не взглянувши на нее! мнѣ хочется выслушать, что она хотѣла сказать!» но всѣ поиски его оставались тщетными. Безпокойный, утомленный, онъ прижался къ углу и смотрѣлъ на толпу; но напряженные глаза его начали ему представлять все въ какомъ-то неясномъ видѣ. Наконецъ ему начали явственно показываться стѣны его комнаты. Онъ поднялъ глаза; передъ нимъ стоялъ подсвѣчникъ съ огнемъ, почти потухавшимъ въ глубинѣ его; вся свѣча истаяла; сало было налито на столѣ его.

Такъ это онъ спалъ! Боже, какой сонъ! и за чѣмъ было просыпаться! за чѣмъ было одной минуты не подождать: она бы вѣрно опять явилась! Досадный свѣтъ непріятнымъ своимъ тусклымъ

сіяніемъ глядѣлъ въ его окна. Комната въ такомъ сѣромъ, такомъ мутномъ безпорядкѣ.... О, какъ отвратительна дѣйствительность! Чтó она противъ мечты! Онъ раздѣлся наскоро и легъ въ постель, закутавшись одѣяломъ, желая на мигъ призвать улетѣвшее сновидѣніе. Сонъ точно не замедлилъ къ нему явиться, но представлялъ ему вовсе не то, чтó бы желалъ онъ видѣть: то поручикъ Пироговъ являлся съ трубкою, то академическій сторожъ, то дѣйствительный статскій совѣтникъ, то голова Чухонки, съ которой онъ когда-то рисовалъ портретъ, и тому подобная чепуха.

До самаго полудня пролежалъ онъ въ постелѣ, желая заснуть; но она не являлась. Хотя бы на минуту показала прекрасныя черты свои, хотя бы на минуту зашумѣла ея легкая походка, хотя бы ея обнаженная, яркая, какъ заоблачный снѣгъ, рука мелькнула передъ нимъ.

Все откинувши, все позабывши, сидѣлъ онъ съ сокрушеннымъ, съ безнадежнымъ видомъ, полный только одного сновидѣнія. Ни къ чему не думалъ онъ притронуться; глаза его безъ всякаго участія, безъ всякой жизни, глядѣли въ окно, обращенное въ дворъ, гдѣ грязный водовозъ лилъ воду, мерзнувшую на воздухѣ, и козлиный голосъ разнощика дребезжалъ: *стараго платья продать*. Вседневное и дѣйствительное странно поражало его слухъ. Такъ просидѣлъ онъ до самаго вечера и съ жадностію бросился въ постель. Долго боролся онъ съ безсонницею, наконецъ пересилилъ ее. Опять какой-то сонъ, какой-то пошлый, гадкій сонъ. Боже, умилосердись, хотя на минуту, хотя на одну минуту покажи ее! Онъ опять ожидалъ вечера, опять заснулъ, опять снился какой-то чиновникъ, который былъ вмѣстѣ и чиновникъ, и фаготъ. О, это нестерпимо! Наконецъ она явилась! ея головка и локоны.... она глядитъ.... О, какъ не надолго! опять туманъ, опять какое то глупое сновидѣніе.

Наконецъ сновидѣнія сдѣлались его жизнію, и съ этого времени вся жизнь его приняла странный оборотъ: онъ, можно сказать, спалъ на яву и бодрствовалъ во снѣ. Если бы его кто-нибудь видѣлъ сидящимъ безмолвно передъ пустымъ столомъ, или шедшимъ по улицѣ, то, вѣрно бы, принялъ его за лунатика, или разрушеннаго крѣпкими напитками: взглядъ его былъ вовсе безъ вся-

каго значенія, природная разсѣянность наконецъ развилась и властительно изгоняла на лицѣ его всѣ чувства, всѣ движенія. Онъ оживлялся только при наступленіи ночи.

Такое состояніе разстроило его силы, и самымъ ужаснымъ мученіемъ было для него то, что наконецъ сонъ началъ его оставлять вовсе. Желая спасти это единственное свое богатство, онъ употреблялъ всѣ средства возстановить его. Онъ слышалъ, что есть средство возстановить сонъ—для этого нужно принять только опіумъ. Но гдѣ достать этого опіума? Онъ вспомнилъ про одного Персіянина, содержавшаго магазинъ шалей, который всегда почти, когда ни встрѣчалъ его, просилъ нарисовать ему красавицу. Онъ рѣшился отправиться къ нему, предполагая, что у него безъ сомнѣнія есть этотъ опіумъ.

Персіянинъ принялъ его, сидя на диванѣ и поджавши подъ себя ноги. «На что̀ тебѣ опіумъ?» спросилъ онъ его.

Пискаревъ разсказалъ ему про свою безсонницу.

«Хорошо, я дамъ тебѣ опіуму, только нарисуй мнѣ красавицу. Чтобъ хорошая была красавица! чтобы брови были черныя и очи большія, какъ маслины; а я сама, чтобы лежала возлѣ нея и курила трубку! слышишь, чтобы хорошая была! чтобы была красавица!»

Пискаревъ обѣщалъ все. Персіянинъ на минуту вышелъ и возвратился съ баночкою, наполненною темною жидкостью, бережно отлилъ часть ея въ другую баночку и далъ Пискареву съ наставленіемъ употреблять не больше, какъ по семи капель въ водѣ. Съ жадностію схватилъ онъ эту драгоцѣнную баночку, которую не отдалъ бы за груду золота, и опрометью побѣжалъ домой.

Пришедши домой, онъ отлилъ нѣсколько капель въ стаканъ съ водою и, проглотивъ, завалился спать.

Боже, какая радость! Она! опять она, но уже совершенно въ другомъ видѣ! О, какъ хорошо сидитъ она у окна деревенскаго свѣтлаго домика! нарядъ ея дышетъ такою простотою, въ какую только облекается мысль поэта. Прическа на головѣ... Создатель, какъ проста эта прическа и какъ она идетъ къ ней! Коротенькая косынка была слегка накинута на стройной ея шейкѣ; все въ ней скромно, все въ ней тайное неизъяснимое чувство вкуса. Какъ

мила ея граціозная походка! какъ музыкаленъ шумъ ея шаговъ и простенькаго платья! какъ хороша рука ея, стиснутая волосянымъ браслетомъ. Она говоритъ ему со слезою на глазахъ: «Не презирайте меня: я вовсе не та, за которую вы принимаете меня. Взгляните на меня, взгляните пристальнѣе и скажите: развѣ я способна къ тому, что̀ вы думаете?» «О, нѣтъ, нѣтъ! пусть тотъ, кто осмѣлится подумать, пусть тотъ....»

Но онъ проснулся, растроганный, растерзанный, съ слезами на глазахъ. «Лучше бы ты вовсе не существовала! не жила въ мірѣ, а была бы созданіе вдохновеннаго художника! Я бы не отходилъ отъ холста, я бы вѣчно глядѣлъ на тебя и цѣловалъ бы тебя. Я бы жилъ и дышалъ тобою, какъ прекраснѣйшею мечтою, и я бы былъ тогда счастливъ. Никакихъ бы желаній не простиралъ далѣе. Я бы призывалъ тебя какъ ангела-хранителя предъ сномъ и бдѣніемъ и тебя ждалъ я, когда бы случилось изобразить божественное и святое. Но теперь.... какая ужасная жизнь! что̀ пользы въ томъ, что она живетъ? Развѣ жизнь сумасшедшаго пріятна его родственникамъ и друзьямъ, нѣкогда его любившимъ? Боже, что̀ за жизнь наша! вѣчный раздоръ мечты съ существенностью!» Почти такія мысли занимали его безпрестанно. Ни о чемъ онъ не думалъ, даже почти ничего не ѣлъ и съ нетерпѣніемъ, со страстію любовника, ожидалъ вечера и желаннаго видѣнія. Безпрестанное устремленіе мыслей къ одному наконецъ взяло такую власть надъ всѣмъ бытіемъ его и воображеніемъ, что желанный образъ являлся ему почти каждый день, всегда въ положеніи противоположномъ дѣйствительности, потому что мысли его были совершенно чисты, какъ мысли ребенка. Чрезъ эти сновидѣнія самый предметъ какъ-то болѣе дѣлался чистымъ и вовсе преображался.

Пріемы опіума еще болѣе разскалили его мысли и, если былъ когда нибудь влюбленный до послѣдняго градуса безумія, стремительно, ужасно, разрушительно, мятежно, то этотъ несчастный былъ онъ.

Изъ всѣхъ сновидѣній одинъ былъ радостнѣе для него всѣхъ. Ему представилась его мастерская! Онъ такъ былъ веселъ, съ такимъ наслажденіемъ сидѣлъ съ палитрою въ рукахъ. И она тутъ же. Она была уже его женою. Она сидѣла возлѣ него, облокотив-

шись прелестнымъ локоткомъ своимъ на спинку его стула, и смотрѣла на его работу. Въ ея глазахъ, томныхъ, усталыхъ, написано было бремя блаженства: все въ комнатѣ его дышало раемъ; было такъ свѣтло, такъ убрано. Создатель! она склонила къ нему на грудь прелестную свою головку.... Лучшаго сна онъ еще никогда не видывалъ. Онъ всталъ послѣ него какъ-то свѣжѣе и менѣе разсѣянный, нежели прежде. Въ головѣ его родились странныя мысли: «Можетъ быть», думалъ онъ, «она вовлечена какимъ нибудь невольнымъ ужаснымъ случаемъ въ развратъ; можетъ быть, движенія души ея склонны къ раскаянію; можетъ быть, она желала бы сама вырваться изъ ужаснаго состоянія своего. И неужели равнодушно допустить ея гибель и притомъ тогда, когда только стоитъ подать руку, чтобы спасти ее отъ потопленія.» Мысли его простирались еще далѣе. «Меня никто не знаетъ», говорилъ онъ самъ себѣ, «да и кому какое до меня дѣло, да и мнѣ тоже нѣтъ до нихъ дѣла. Если она изъявитъ чистое раскаяніе и перемѣнитъ жизнь свою, я женюсь тогда на ней. Я долженъ на ней жениться и, вѣрно, сдѣлаю гораздо лучше, нежели многіе, которые женятся на своихъ ключницахъ и даже часто на самыхъ презрѣнныхъ тваряхъ. Но мой подвигъ будетъ безкорыстенъ и можетъ быть даже великимъ. Я возвращу міру прекраснѣйшее его украшеніе!»

Составивши такой легкомысленный планъ, онъ почувствовалъ краску, вспыхнувшую на его лицѣ; онъ подошелъ къ зеркалу и испугался самъ впалыхъ щекъ и блѣдности своего лица. Тщательно началъ онъ принаряжаться; пріумылся, пригладилъ волосы, надѣлъ новый фракъ, щегольской жилетъ, набросилъ плащъ и вышелъ на улицу. Онъ дохнулъ свѣжимъ воздухомъ и почувствовалъ свѣжесть на сердцѣ, какъ выздоравливающій, рѣшившійся выйти въ первый разъ послѣ продолжительной болѣзни. Сердце его билось, когда онъ подходилъ къ той улицѣ, на которой нога его не была со времени роковой встрѣчи.

Долго онъ искалъ дома; казалось, память ему измѣнила. Онъ два раза прошелъ улицу и не зналъ, передъ которымъ остановиться. Наконецъ, одинъ показался ему похожимъ. Онъ быстро вбѣжалъ на лѣстницу, постучалъ въ дверь: дверь отворилась, и кто же вышелъ къ нему на встрѣчу? Его идеалъ, его таинственный образъ,

оригиналъ мечтательныхъ картинъ, та, которою онъ жилъ такъ ужасно, такъ страдательно, такъ сладко жилъ,—она сама стояла передъ нимъ. Онъ затрепеталъ, онъ едва могъ удержаться на ногахъ отъ слабости, обхваченный порывомъ радости. Она стояла передъ нимъ такъ же прекрасна, хотя глаза ея были заспаны, хотя блѣдность кралась на лицѣ ея, уже не такъ свѣжемъ, но она все была прекрасна.

«А!» вскрикнула она, увидѣвши Пискарева и протирая глаза свои. Тогда было уже два часа. «За чѣмъ вы убѣжали тогда отъ насъ?»

Онъ въ изнеможеніи сѣлъ на стулъ и глядѣлъ на нее.

«А я только что теперь проснулась; меня привезли въ семь часовъ утра. Я была совсѣмъ пьяна», прибавила она съ улыбкою.

О, лучше бы ты была нѣма и лишена вовсе языка, чѣмъ произносить такія рѣчи! Она вдругъ показала ему какъ въ панорамѣ всю жизнь ея. Однакожъ, не смотря на это, скрѣпившись сердцемъ, рѣшился попробовать онъ, не будутъ ли имѣть надъ нею дѣйствія его увѣщанія. Собравшись съ духомъ, онъ дрожащимъ и вмѣстѣ пламеннымъ голосомъ началъ представлять ей ужасное ея положеніе. Она слушала его со внимательнымъ видомъ и съ тѣмъ чувствомъ удивленія, которое мы изъявляемъ при видѣ чего-нибудь неожиданнаго и страннаго. Она взглянула, легко улыбнувшись на сидѣвшую въ углу свою пріятельницу, которая, оставивши вычищать гребешокъ, тоже слушала со вниманіемъ новаго проповѣдника.

«Правда, я бѣденъ», сказалъ наконецъ послѣ долгаго и поучительнаго увѣщанія Пискаревъ, «но мы станемъ трудиться; мы постараемся наперерывъ одинъ передъ другимъ улучшить нашу жизнь. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ быть обязану во всемъ самому себѣ. Я буду сидѣть за картинами, ты будешь, сидя возлѣ меня, одушевлять мои труды, вышивать, или заниматься другимъ рукодѣліемъ, и мы ни въ чемъ не будемъ имѣть недостатка.»

«Какъ можно!» прервала она рѣчь съ выраженіемъ какого-то презрѣнія. «Я не прачка и не швея, чтобы стала заниматься работою.»

Боже! въ этихъ словахъ выразилась вся низкая, вся презрѣнная жизнь, жизнь, исполненная пустоты и праздности, вѣрныхъ спутниковъ разврата.

«Женитесь на мнѣ!» подхватила съ наглымъ видомъ молчавшая дотолѣ въ углу ея пріятельница. «Если я буду женою, я буду сидѣть вотъ какъ!» При этомъ она сдѣлала какую-то глупую мину на жалкомъ лицѣ своемъ, которою чрезвычайно разсмѣшила красавицу.

О, это уже слишкомъ! этого нѣтъ силъ перенести! Онъ бросился вонъ, потерявши и чувства и мысли. Умъ его помутился: глупо, безъ цѣли, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродилъ *онъ* весь день. Никто не могъ знать, ночевалъ онъ гдѣ-нибудь, или нѣтъ, на другой только день какимъ-то глупымъ инстинктомъ зашелъ онъ на свою квартиру, блѣдный, съ ужаснымъ видомъ, съ разстрепанными волосами, съ признаками безумія на лицѣ. Онъ заперся въ свою комнату и никого не впускалъ, ничего не требовалъ. Протекли четыре дня, и его запертая комната ни разу не отворялась; наконецъ прошла недѣля, и комната всё также была заперта. Бросились къ дверямъ, начали звать его, но никакого не было отвѣта; наконецъ выломали дверь и нашли бездыханный трупъ его съ перерѣзаннымъ горломъ. Окровавленная бритва валялась на полу. По судорожно раскинутымъ рукамъ и по страшно искаженному виду, можно было заключить, что рука его была невѣрна, и что онъ долго еще мучился, прежде нежели грѣшная душа его оставила тѣло.

Такъ погибъ, жертва безумной страсти, бѣдный Пискаревъ, тихій, робкій, скромный, дѣтски-простодушный, носившій въ себѣ искру таланта, быть можетъ, со временемъ бы вспыхнувшаго широко и ярко! Никто не поплакалъ надъ нимъ; никого не видно было возлѣ его бездушнаго трупа, кромѣ обыкновенной фигуры квартальнаго надзирателя и равнодушной мины городового лекаря. Гробъ его тихо, даже безъ обрядовъ религіи повезли на Охту; за нимъ идучи плакалъ одинъ только солдатъ-сторожъ и то потому, что выпилъ лишній штофъ водки. Даже поручикъ Пироговъ не пришелъ посмотрѣть на трупъ несчастнаго бѣдняка, которому онъ при жизни оказывалъ свое высокое покровительство. Впрочемъ,

ему было вовсе не до того: онъ былъ занятъ чрезвычайнымъ происшествіемъ. Но обратимся къ нему. Я не люблю труповъ и покойниковъ, и мнѣ всегда непріятно, когда переходитъ мою дорогу длинная погребальная процессія и инвалидный солдатъ, одѣтый какимъ-то капуциномъ, нюхаетъ лѣвою рукою табакъ, потому что правая занята факеломъ. Я всегда чувствую на душѣ досаду при видѣ богатаго катафалка и бархатнаго гроба; но досада моя смѣшивается съ грустью, когда я вижу, какъ ломовой извощикъ тащитъ красный, ничѣмъ не покрытый гробъ бѣдняка, и только одна какая-нибудь нищая, встрѣтившись на перекресткѣ, плетется за нимъ, не имѣя другого дѣла.

Мы, кажется, оставили поручика Пирогова на томъ, какъ онъ разстался съ бѣднымъ Пискаревымъ и устремился за блондинкою. Эта блондинка была легенькое, довольно интересное созданьице. Она останавливалась передъ каждымъ магазиномъ и заглядывалась на выставленные въ окнахъ кушаки, косынки, серги, перчатки и другія бездѣлушки, безпрестанно вертѣлась, глазѣла во всѣ стороны и оглядывалась назадъ. «Ты голубушка моя!» говорилъ съ самоувѣренностію Пироговъ, продолжая свое преслѣдованіе и закутавши лицо свое воротникомъ шинели, чтобы не встрѣтить кого-нибудь изъ знакомыхъ. Но не мѣшаетъ извѣстить читателей, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ.

Но прежде нежели мы скажемъ, кто таковъ былъ поручикъ Пироговъ, не мѣшаетъ кое-что разсказать о томъ обществѣ, къ которому принадлежалъ Пироговъ. Есть офицеры, составляющіе въ Петербургѣ какой-то средній классъ общества. На вечерѣ, на обѣдѣ у статскаго совѣтника, или у дѣйствительнаго статскаго, который выслужилъ этотъ чинъ сороколѣтними трудами, вы всегда найдете одного изъ нихъ. Нѣсколько блѣдныхъ, совершенно безцвѣтныхъ, какъ Петербургъ, дочерей, изъ которыхъ иныя перезрѣли, чайный столикъ, фортепіанъ, домашніе танцы — все это бываетъ нераздѣльно съ свѣтлымъ эполетомъ, который блещетъ при лампѣ между благонравной блондинкой и чернымъ фракомъ братца, или домашняго знакомаго. Этихъ хладнокровныхъ дѣвицъ чрезвычайно трудно расшевелить и заставить смѣяться; для этого нужно большое искусство, или, лучше сказать, совсѣмъ

не имѣть никакого искусства. Нужно говорить такъ, чтобы не было ни слишкомъ умно, ни слишкомъ смѣшно, чтобы во всемъ была та мелочь, которую любятъ женщины. Въ этомъ надобно отдать справедливость означеннымъ господамъ. Они имѣютъ особенный даръ заставлять смѣяться и слушать этихъ безцвѣтныхъ красавицъ. Восклицанія, задушаемыя смѣхомъ: «Ахъ, перестаньте! не стыдно ли вамъ такъ смѣшить!» бываютъ имъ часто лучшею наградою. Въ высшемъ классѣ они попадаются рѣдко, или, лучше, никогда. Оттуда они совершенно вытѣснены тѣмъ, что называютъ въ этомъ обществѣ аристократами; впрочемъ, они считаются учеными и воспитанными людьми. Они любятъ потолковать объ литературѣ; хвалятъ Булгарина, Пушкина и Греча и говорятъ съ презрѣніемъ и остроумными колкостями объ А. А. Орловѣ. Они не пропускаютъ ни одной публичной лекціи, будь она о бухгалтеріи, или даже о лѣсоводствѣ. Въ театрѣ, какая бы ни была піеса, вы всегда найдете одного изъ нихъ, выключая развѣ, если уже играются какіе нибудь филатки, которыми очень оскорбляется ихъ разборчивый вкусъ. Въ театрѣ они безсмѣнно. Это самые выгодные люди для театральной дирекціи. Они особенно любятъ въ піесѣ хорошіе стихи, также очень любятъ громко вызывать актеровъ, многіе изъ нихъ, преподавая въ казенныхъ заведеніяхъ, или приготовляя къ казеннымъ заведеніямъ, заводятся наконецъ кабріолетомъ и парою лошадей. Тогда кругъ ихъ становится обширнѣе; они достигаютъ наконецъ до того, что женятся на купеческой дочери, умѣющей играть на фортепіано, съ сотнею тысячъ, или около того, наличныхъ и кучею брадатой родни. Однакожъ этой чести они не прежде могутъ достигнуть, какъ выслуживши по крайней мѣрѣ до полковничьяго чина; потому что русскія бородки, не смотря на то, что отъ нихъ еще нѣсколько отзывается капустою, никакимъ образомъ не хотятъ видѣть дочерей св... ни за кѣмъ, кромѣ генераловъ или по крайней мѣрѣ полковниковъ.

Таковы главныя черты этого сорта молодыхъ людей. Но поручикъ Пироговъ имѣлъ множество талантовъ, собственно ему принадлежавшихъ. Онъ превосходно декламировалъ стихи изъ Димитрія Донскаго и Горе отъ ума, имѣлъ особенное искусство пускать изъ трубки дымъ кольцами, такъ удачно, что вдругъ могъ нани-

зать ихъ около десяти одно на другое. Умѣлъ очень пріятно разсказывать анекдотъ о томъ, что пушка сама по себѣ, а единорогъ самъ по себѣ. Впрочемъ, оно нѣсколько трудно перечесть всѣ таланты, которыми судьба наградила Пирогова. Онъ любилъ поговорить объ актрисѣ и танцовщицѣ, но уже не такъ рѣзко, какъ обыкновенно изъясняется объ этомъ предметѣ молодой прапорщикъ. Онъ былъ очень доволенъ своимъ чиномъ, въ который былъ произведенъ недавно, и хотя иногда, ложась на диванъ, онъ говорилъ: «Охъ, охъ! суета, все суета! что̀ изъ этого, что я поручикъ?» но въ тайнѣ его очень льстило это новое достоинство: онъ въ разговорѣ часто старался намекнуть о немъ обинякомъ и одинъ разъ, когда попался ему на улицѣ какой-то писарь, показавшійся ему невѣжливымъ, онъ немедленно остановилъ его и въ немногихъ, но рѣзкихъ словахъ далъ замѣтить ему, что передъ нимъ стоялъ поручикъ, а не другой какой офицеръ—тѣмъ болѣе старался онъ изложить это краснорѣчивѣе, что тогда проходили мимо его двѣ весьма недурныя дамы. Пироговъ вообще показывалъ страсть ко всему изящному и поощрялъ художника Пискарева; впрочемъ, это происходило, можетъ быть, отъ того, что ему весьма желалось видѣть мужественную физіогномію свою на портретѣ. Но довольно о качествахъ Пирогова. Человѣкъ такое дивное существо, что никогда не можно исчислить вдругъ всѣхъ его достоинствъ, и чѣмъ болѣе въ него всматриваешься, тѣмъ болѣе является новыхъ особенностей, и описаніе ихъ было бы безконечно.

И такъ Пироговъ не переставалъ преслѣдовать незнакомку, отъ времени до времени занимая ее вопросами, на которые она отвѣчала рѣзко, отрывисто и какими-то неясными звуками. Они вошли темными Казанскими воротами въ Мѣщанскую улицу, улицу табачныхъ и мелочныхъ лавокъ, Нѣмцевъ-ремесленниковъ и чухонскихъ нимфъ. Блондинка бѣжала скорѣе и впорхнула въ ворота одного довольно запачканнаго дома. Пироговъ за нею. Она взбѣжала по узенькой темной лѣстницѣ и вошла въ дверь, въ которую тоже смѣло пробрался Пироговъ. Онъ увидѣлъ себя въ большой комнатѣ съ черными стѣнами, съ закопченымъ потолкомъ. Куча желѣзныхъ винтовъ, слесарныхъ инструментовъ, блестящихъ кофейниковъ и подсвѣчниковъ, была на столѣ; полъ былъ засоренъ

мѣдными и желѣзными опилками. Пироговъ тотчасъ смекнулъ, что это была квартира мастероваго. Незнакомка порхнула далѣе въ боковую дверь. Онъ было на минуту задумался, но, слѣдуя русскому правилу, рѣшился идти впередъ. Онъ вошелъ въ комнату, вовсе непохожую на первую, убранную очень опрятно, показывавшую, что хозяинъ былъ Нѣмецъ. Онъ былъ пораженъ необыкновенно страннымъ видомъ.

Передъ нимъ сидѣлъ Шиллеръ, не тотъ Шиллеръ, который написалъ Вильгельма Теля и исторію тридцати-лѣтней войны, но извѣстный Шиллеръ, жестяныхъ дѣлъ мастеръ въ Мѣщанской улицѣ. Возлѣ Шиллера стоялъ Гофманъ, не писатель Гофманъ, но *довольно* хорошій сапожникъ съ офицерской улицы, большой пріятель Шиллера. Шиллеръ былъ пьянъ и сидѣлъ на стулѣ, топая ногою и говоря что-то съ жаромъ. Все это еще бы не удивило Пирогова, но удивило его чрезвычайно странное положеніе фигуръ. Шиллеръ сидѣлъ, выставивъ свой довольно толстый носъ и поднявши вверхъ голову; а Гофманъ держалъ его за этотъ носъ двумя пальцами и вертѣлъ лезвеемъ своего сапожническаго ножа на самой его поверхности. Обѣ особы говорили на нѣмецкомъ языкѣ и потому поручикъ Пироговъ, который зналъ по-нѣмецки только гутъ-моргенъ, ничего не понялъ изъ всей этой исторіи. Впрочемъ слова Шиллера заключались вотъ въ чемъ.

«Я не хочу, мнѣ не нуженъ носъ!» говорилъ онъ, размахивая руками. «У меня на одинъ носъ выходитъ три фунта табаку въ мѣсяцъ. И я плачу въ русскій скверный магазинъ, потому что нѣмецкій магазинъ не держитъ русскаго табаку, я плачу въ русскій скверный магазинъ за каждый фунтъ по 40 копѣекъ; это будетъ рубль двадцат копѣекъ—это будетъ четырнадцать рублей сорокъ копѣекъ. Слышишь, другъ мой Гофманъ? на одинъ носъ четырнадцать рублей сорокъ копѣекъ! Да по праздникамъ я нюхаю Рапè, потому что я не хочу нюхать по праздникамъ русскій скверный табакъ. Въ годъ я нюхаю два фунта Рапе, по два рубли фунтъ. Шесть да четырнадцать — двадцат рублей сорокъ копѣекъ на одинъ табакъ! Это разбой! я спрашиваю тебя, мой другъ Гофманъ, не такъ ли?» Гофманъ, который самъ былъ пьянъ, отвѣчалъ утвердительно. «Двадцат рублей сорокъ копѣекъ! Я шваб-

скій Нѣмецъ; у меня есть король въ Германіи. Я не хочу носа! рѣжь мнѣ носъ! вотъ мой носъ!»

И если бы не внезапное появленіе поручика Пирогова, то безъ всякаго сомнѣнія Гофманъ отрѣзалъ бы ни за что̀ ни про что̀ Шиллеру носъ, потому что онъ уже привелъ ножъ свой въ такое положеніе, какъ бы хотѣлъ кроить подошву.

Шиллеру показалось очень досадно, что вдругъ незнакомое, непрошенное лицо такъ некстати ему помѣшало. Онъ, не смотря на то, что былъ въ упоительномъ чаду пива и вина, чувствовалъ, что нѣсколько не прилично въ такомъ видѣ и при такомъ дѣйствіи находиться въ присутствіи посторонняго свидѣтеля. Между тѣмъ Пироговъ слегка наклонился и съ свойственною ему пріятностію сказалъ: «Вы извините меня..»

«Пошелъ вонъ!» отвѣчалъ протяжно Шиллеръ.

Это озадачило поручика Пирогова. Такое обращеніе ему было совершенно ново. Улыбка, слегка было показавшаяся на его лицѣ, вдругъ пропала. Съ чувствомъ огорченнаго достоинства онъ сказалъ: «Мнѣ странно, милостивый государь... вы, вѣрно, не замѣтили... я офицеръ...»

«Что̀ такое офицеръ! Я швабскій Нѣмецъ. Мой самъ (при этомъ Шиллеръ ударилъ кулакомъ по столу) будетъ офицеръ: полтора года юнкеръ, два года поручикъ, и я завтра сейчасъ офицеръ. Но я не хочу служить. Я съ офицеромъ сдѣлаетъ этакъ: фу!»

При этомъ Шиллеръ подставилъ ладонь и фукнулъ на нее.

Поручикъ Пироговъ увидѣлъ, что ему больше ничего не оставалось, какъ только удалиться; однакожъ такое обхожденіе, вовсе неприличное его званію, ему было непріятно. Онъ нѣсколько разъ останавливался на лѣстницѣ, какъ-бы желая собраться съ духомъ и подумать о томъ, какимъ бы образомъ дать почувствовать Шиллеру его дерзость. Наконецъ разсудилъ, что Шиллера можно извинить, потому что голова его была наполнена пивомъ; къ тому же представилась ему хорошенькая блондинка, и онъ рѣшился предать это забвенію. На другой день поручикъ Пироговъ рано по утру явился въ мастерской жестяныхъ дѣлъ мастера. Въ передней комнатѣ встрѣтила его хорошенькая блондинка и довольно суровымъ

голосомъ, которой очено шелъ къ ея личику, спросила: «Что вамъ угодно?»

«А, здравствуйте, моя миленькая! вы меня не узнали? плутовочка, какіе хорошенькіе глазки!»

При этомъ поручикъ Пироговъ хотѣлъ очень мило поднять пальцемъ ея подбородокъ; но блондинка произнесла пугливое восклицаніе и съ тою же суровостію спросила: «Что вамъ угодно?»

«Васъ видѣть, больше ничего мнѣ не угодно», произнесъ поручикъ Пироговъ, довольно пріятно улыбаясь и подступая ближе, но, замѣтивъ, что пугливая блондинка хотѣла проскользнуть въ дверь, прибавилъ: «Мнѣ нужно, моя миленькая, заказать шпоры. Вы можете мнѣ сдѣлать шпоры? хотя для того, чтобы любить васъ, вовсе не нужно шпоръ, а скорѣе бы уздечку. Какія миленькія ручки!»

Поручикъ Пироговъ всегда бывалъ очень любезенъ въ изъясненіяхъ подобнаго рода,

«Я сейчасъ позову моего мужа», вскрикнула Нѣмка и ушла, и чрезъ нѣсколько минутъ Пироговъ увидѣлъ Шиллера, выходившаго съ заспанными глазами, едва очнувшагося отъ вчерашняго похмѣлья. Взглянувши на офицера, онъ припомнилъ, какъ въ смутномъ снѣ, происшествіе вчерашняго дня. Онъ ничего не помнилъ въ такомъ видѣ, въ какомъ было, но чувствовалъ, что сдѣлалъ какую-то глупость, и потому принялъ офицера съ очень суровымъ видомъ. «Я за шпоры не могу взять меньше пятнадцати рублей», произнесъ онъ, желая отдѣлаться отъ Пирогова; потому что ему, какъ честному Нѣмцу, очень совѣстно было смотрѣть на того, кто видѣлъ его въ неприличномъ положеніи. Шиллеръ любилъ пить совершенно безъ свидѣтелей, съ двумя, тремя пріятелями, и запирался на это время даже отъ своихъ работниковъ.

«За чѣмъ же такъ дорого?» ласково сказалъ Пироговъ.

«Нѣмецкая работа», хладнокровно произнесъ Шиллеръ, поглаживая подбородокъ. «Русской возмется сдѣлать за два рубля.»

«Извольте, чтобы доказать, что я васъ люблю и желаю съ вами познакомиться, я плачу пятнадцать рублей!»

Шиллеръ минуту оставался въ размышленіи: ему, какъ честному Нѣмцу, сдѣлалось немного совѣстно. Желая самъ отклонить

его отъ заказыванія, онъ объявилъ, что раньше двухъ недѣль не можетъ сдѣлать. Но Пироговъ безъ всякого прекословія изъявилъ совершенное согласіе.

Нѣмецъ задумался и сталъ размышлять о томъ, какъ-бы лучше сдѣлать свою работу, чтобы она дѣйствительно стоила пятнадцати рублей.

Въ это время блондинка вошла въ мастерскую и начала рыться на столѣ, уставленномъ кофейниками. Поручикъ воспользовался задумчивостію Шиллера, подступилъ къ ней и пожалъ ручку, обнаженную до самаго плеча.

Это Шиллеру очень не понравилось. «Мейнъ фрау!» закричалъ онъ.

«Васъ волензи дохъ?» отвѣчала блондинка.

«Гензи на кухня!» Блондинка удалилась.

«Такъ черезъ двѣ недѣли?» сказалъ Пироговъ.

«Да, черезъ двѣ недѣли», отвѣчалъ въ размышленіи Шиллеръ: «у меня теперь очень много работы.»

«До свиданія! я къ вамъ зайду!»

«До свиданія», отвѣчалъ Шиллеръ, запирая за нимъ дверь.

Поручикъ Пироговъ рѣшился не оставлять своихъ исканій, не смотря на то, что Нѣмка оказала явный отпоръ. Онъ не могъ понять, чтобы можно было ему противиться, тѣмъ болѣе, что любезность его и блестящій чинъ давали полное право на вниманіе. Надобно однакоже сказать и то, что жена Шиллера, при всей миловидности своей, была очень глупа. Впрочемъ, глупость составляетъ особенную прелесть въ хорошенькой женѣ. По крайней мѣрѣ я зналъ много мужей, которые въ восторгѣ отъ глупости своихъ женъ и видятъ въ ней всѣ признаки младенческой невинности. Красота производитъ совершенныя чудеса. Всѣ душевные недостатки въ красавицѣ, вмѣсто того, чтобы произвести отвращеніе, становятся какъ-то необыкновенно привлекательны; самый порокъ дышетъ въ нихъ миловидностью: но исчезни она — и женщинѣ нужно быть въ двадцать разъ умнѣе мущины, чтобы внушить къ себѣ, если не любовь, то по крайнѣй мѣрѣ уваженіе. Впрочемъ, жена Шиллера, при всей глупости, была всегда вѣрна своей обязанности, и потому Пирогову довольно трудно было успѣть въ смѣломъ

своемъ предпріятіи; но съ побѣдою препятствій всегда соединяется наслажденіе, и блондинка становилась для него интереснѣе день ото дня. Онъ началъ довольно часто освѣдомляться о шпорахъ, такъ что Шиллеру это наконецъ наскучило. Онъ употреблялъ усилія, чтобы окончить скорѣе начатыя шпоры; наконецъ шпоры были готовы.

«Ахъ, какая отличная работа!» закричалъ поручикъ Пироговъ, увидѣвши шпоры. «Господи, какъ это хорошо сдѣлано! У нашего генерала нѣтъ эдакихъ шпоръ.»

Чувство самодовольствія распустилось по душѣ Шиллера. Глаза его начали глядѣть довольно весело и онъ совершенно примирился съ Пироговымъ. «Русскій офицеръ умный человѣкъ», думалъ онъ самъ про-себя.

«Такъ вы, стало быть, можете сдѣлать и оправу, напримѣръ, къ кинжалу, или другимъ вещамъ?«

«О, очень могу!» сказалъ Шиллеръ съ улыбкою.

«Такъ сдѣлайте мнѣ оправу къ кинжалу. Я вамъ принесу; у меня очень хорошій турецкій кинжалъ. но мнѣ бы хотѣлось оправу къ нему сдѣлать другую.»

Шиллера это какъ бомбою хватило. Лобъ его вдругъ наморщился. «Вотъ тебѣ на!» подумалъ онъ про-себя, внутренно ругая себя за то, что накликалъ самъ работу. Отказаться онъ почиталъ уже безчестнымъ; притомъ же русскій офицеръ похвалилъ его работу.—Онъ, нѣсколько покачавши головою, изъявилъ свое согласіе; но поцѣлуй, который уходя Пироговъ влѣпилъ нахально въ въ самыя губки хорошенькой блондинки, повергъ его въ совершенное недоумѣніе.

Я почитаю неизлишнимъ познакомить читателя нѣсколько покороче съ Шиллеромъ. Шиллеръ былъ совершенный Нѣмецъ, въ полномъ смыслѣ всего этого слова. Еще съ двадцати-лѣтняго возраста, съ того счастливаго времени, которое Русскій живетъ на фуфу, уже Шиллеръ размѣрилъ всю свою жизнь и никакого ни въ какомъ случаѣ не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вставать въ семь часовъ, обѣдать въ два, быть точнымъ во всемъ и быть пьянымъ каждое воскресенье. Онъ положилъ себѣ, въ теченіе 10 лѣтъ составить капиталъ изъ пятидесяти тысячъ, и уже это

было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ зaглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели Нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово. Ни въ какомъ случаѣ не увеличивалъ онъ своихъ издержекъ, и если цѣна на картофель слишкомъ поднималась противъ обыкновеннаго, онъ не прибавлялъ ни одной копѣйки, но уменьшалъ только количество и хотя оставался иногда нѣсколько голоднымъ, но однакоже привыкалъ къ этому. Аккуратность его простиралась до того, что онъ положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, а чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, онъ никогда не клалъ перцу болѣе одной ложечки въ свой супъ; впрочемъ, въ воскресный день это правило не такъ строго исполнялось, потому что Шиллеръ выпивалъ тогда двѣ бутылки пива и одну бутылку тминной водки, которую однакоже онъ всегда бранилъ. Пилъ онъ вовсе не такъ, какъ Англичанинъ, который тотчасъ послѣ обѣда запираетъ дверь на крючокъ и нарѣзывается одинъ. Напротивъ, онъ, какъ Нѣмецъ, пилъ всегда вдохновенно, или съ сапожникомъ Гофманомъ, или со столяромъ Кунцомъ, тоже Нѣмцомъ и большимъ пьяницею. Таковъ былъ характеръ благороднаго Шиллера, который наконецъ былъ приведенъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Хотя онъ былъ флегматикъ и Нѣмецъ, однакожъ поступки Пирогова возбудили въ немъ что-то похожее на ревность. Онъ ломалъ голову и не могъ придумать, какимъ образомъ ему избавиться отъ этого русского офицера. Между-тѣмъ, Пироговъ, куря трубку въ кругу своихъ товарищей, потому что ужъ такъ провидѣніе устроило, что, гдѣ офицеры, тамъ и трубки, куря трубку въ кругу своихъ товарищей, намекалъ значительно и съ пріятною улыбкою объ интрижкѣ съ хорошенькою Нѣмкою, съ которою, по словамъ его, онъ уже совершенно былъ накороткѣ и которую онъ на самомъ дѣлѣ едва ли не терялъ уже надежды преклонить на свою сторону.

Въ одинъ день прохаживался онъ по Мѣщанской, поглядывая на домъ, на которомъ красовалась вывѣска Шиллера съ кофейниками и самоварами; къ величайшей радости своей увидѣлъ онъ головку блондинки, свѣсившуюся въ окошко и разглядывавшую

прохожихъ. Онъ остановился, сдѣлалъ ей ручкою и сказалъ: *гутъ моргенъ.* Блондинка поклонилась ему какъ знакомому.

«Чтó, вашъ мужъ дома?»

«Дома», отвѣчала блондинка.

«А когда онъ не бываетъ дома?»

«Онъ по воскресеньямъ не бываетъ дома», сказала глупенькая блондинка.

«Это недурно», подумалъ про себя Пироговъ; «этимъ нужно воспользоваться»—и въ слѣдующее воскресенье, какъ снѣгъ на голову, явился предъ блондинкою. Шиллера дѣйствительно не было дома. Хорошенькая хозяйка испугалась; но Пироговъ поступилъ на этотъ разъ довольно осторожно, обошелся очень почтительно и, раскланявшись, показалъ всю красоту своего гибкаго перетянутаго стана. Онъ очень пріятно и учтиво шутилъ, но глупенькая Нѣмка отвѣчала на все односложными словами. Наконецъ, заходивши со всѣхъ сторонъ и видя что ничто не можетъ занять ее, онъ предложилъ ей танцовать. Нѣмка согласилась въ одну минуту, потому что Нѣмки всегда охотницы до танцевъ. На этомъ Пироговъ очень много основывалъ свою надежду: во первыхъ, это уже доставляло ей удовольствіе, во вторыхъ, это могло показать его турнюру и ловкость, въ третьихъ, въ танцахъ ближе всего можно сойтись, обнять хорошенькую Нѣмку и проложить начало всему; короче, онъ выводилъ изъ этого совершенный успѣхъ. Онъ началъ какой-то гавотъ, зная, что Нѣмкамъ нужна постепенность. Хорошенькая Нѣмка выступила на средину комнаты и подняла прекрасную ножку. Это положеніе такъ восхитило Пирогова, что онъ бросился ее цѣловать. Нѣмка начала кричать и этимъ еще болѣе увеличила свою прелесть въ глазахъ Пирогова. Онъ ее засыпалъ поцѣлуями. Какъ вдругъ дверь отворилась и вошелъ Шиллеръ съ Гофманомъ и столяромъ Кунцомъ. Всѣ эти достойные ремесленники были пьяны, какъ сапожники.

Но я предоставляю самимъ читателямъ судить о гнѣвѣ и негодованіи Шиллера.

«Грубіянъ!» закричалъ онъ въ величайшемъ негодованіи; «какъ ты смѣешь цѣловать мою жену! Ты подлецъ, а не русскій офицеръ. Чортъ побери, мой другъ Гофманъ, я Нѣмецъ, а не русская

свинья (Гофманъ отвѣчалъ утвердительно). О, я не хочу имѣть роги! бери его, мой другъ Гофманъ, за воротникъ, я не хочу», продолжалъ онъ, сильно размахивая руками, при чемъ лицо его было похоже на красное сукно его жилета. «Я восемь лѣтъ живу въ Петербургѣ, у меня въ Швабіи мать моя, и дядя мой въ Нюренбергѣ, я Нѣмецъ, а не рогатая говядина! Прочь съ него все, мой другъ Гофманъ! держи его за рука и нога, комратъ мой Кунцъ!»

И Нѣмцы схватили за руки и ноги Пирогова.

Напрасно силился онъ отбиваться. эти три ремесленника были самый дюжій народъ изъ всѣхъ петербургскихъ Нѣмцевъ и поступили съ нимъ такъ грубо и невѣжливо, что, признаюсь, я никакъ не нахожу словъ къ изображенію этого печальнаго событія.

Я увѣренъ, что Шиллеръ на другой день былъ въ сильной лихорадкѣ, что онъ дрожалъ какъ листъ, ожидая съ минуты на минуту прихода полиціи, что онъ Богъ знаетъ чего бы не далъ, чтобы все происходившее вчера было во снѣ. Но что̀ уже было, того нельзя перемѣнить. Ничто не могло сравниться съ гнѣвомъ и негодованіемъ Пирогова. Одна мысль объ такомъ ужасномъ оскорбленіи приводила его въ бѣшенство. Сибирь и плети онъ почиталъ самымъ малымъ наказаніемъ для Шиллера. Онъ летѣлъ домой, чтобы, одѣвшись, оттуда идти прямо къ генералу, описать ему самыми разительными красками буйство нѣмецкихъ ремесленниковъ. Онъ разомъ хотѣлъ подать и письменную просьбу въ Главный Штабъ; если же назначеніе наказанія будетъ неудовлетворительно, тогда идти дальше и дальше.

Но все это какъ-то странно кончилось: по дорогѣ онъ зашелъ въ кандитерскую, съѣлъ два слоеныхъ пирожка, прочиталъ коечто изъ Сѣверной Пчелы и вышелъ уже не въ столь гнѣвномъ положеніи. Притомъ, довольно пріятный прохладный вечеръ заставилъ его нѣсколько пройтись по Невскому проспекту; къ 9 часамъ онъ успокоился и нашелъ, что въ воскресенье не хорошо безпокоить генерала; притомъ онъ безъ сомнѣнія куда-нибудь отозванъ, и потому онъ отправился на вечеръ къ одному правителю Контрольной Коллегіи, гдѣ было очень пріятное собраніе чиновниковъ и офицеровъ. Тамъ съ удовольствіемъ провелъ вечеръ и такъ отличился

въ мазуркѣ, что привелъ въ восторгъ не только дамъ, но даже и кавалеровъ.

«Дивно устроенъ свѣтъ нашъ!» думалъ я, идя третьяго дня по Невскому проспекту и приводя на память эти два происшествія. «Какъ странно, какъ непостижимо играетъ нами судьба наша! получаемъ ли мы когда-нибудь то, чего желаемъ? Достигаемъ ли мы того, къ чему, кажется, нарочно приготовлены наши силы? Все происходитъ на оборотъ. Тому судьба дала прекраснѣйшихъ лошадей, и онъ равнодушно катается на нихъ, вовсе не замѣчая ихъ красоты, тогда какъ другой, котораго сердце горитъ лошадиною страстью, идетъ пѣшкомъ и довольствуется только тѣмъ, что пощелкаетъ языкомъ, когда мимо его проводятъ рысака. Тотъ имѣетъ отличнаго повара, но къ сожалѣнію такой маленькій ротъ, что больше двухъ кусочковъ никакъ не можетъ пропустить, другой имѣетъ ротъ величиною въ арку Главнаго Штаба, но, увы! долженъ довольствоваться какимъ-нибудь нѣмецкимъ обѣдомъ изъ картофеля. Какъ странно играетъ нами судьба наша!

Но страннѣе всего происшествія, случающіяся на Невскомъ проспектѣ. О, не вѣрьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрѣпче плащомъ своимъ, когда иду по немъ, и стараюсь вовсе не глядѣть на встрѣчающіеся предметы. Все обманъ, все мечта, все не то, чѣмъ кажется. Вы думаете, что этотъ господинъ, который гуляетъ въ отлично сшитомъ сюртучкѣ, очень богатъ, — ничуть не бывало: онъ весь состоитъ изъ своего сюртучка. Вы воображаете, что эти два толстяка, остановившіеся передъ строющеюся церковью, судятъ объ архитектурѣ ея,—совсѣмъ нѣтъ: они говорятъ о томъ, какъ странно сѣли двѣ вороны одна противъ другой. Вы думаете, что этотъ энтузіастъ, размахивающій руками, говоритъ о томъ, какъ жена его бросила изъ окна шарикомъ въ незнакомаго ему вовсе офицера,—совсѣмъ нѣтъ: онъ говоритъ о Лафаэтѣ. Вы думаете, что эти дамы... но дамамъ меньше всего вѣрьте. Менѣе заглядывайте въ окна магазиновъ: бездѣлушки, въ нихъ выставленныя, прекрасны, но пахнутъ страшнымъ количествомъ ассигнацій. Но Боже васъ сохрани заглядывать дамамъ подъ шляпки. Какъ ни развивайся вдали плащъ красавицы, я ни за что не пойду за нею любопытствовать. Далѣе,

ради Бога, далѣе отъ фонаря! и скорѣе, сколько можно скорѣе проходите мимо! Это счастіе еще, если отдѣлаетесь тѣмъ, что онъ зальетъ щегольской сюртукъ вашъ вонючимъ своимъ масломъ. Но и кромѣ фонаря все дышетъ обманомъ. Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него и отдѣлитъ бѣлыя и палевыя стѣны домовъ, когда весь городъ превратится въ громъ и блескъ, миріады каретъ валятся съ мостовъ, форейторы кричатъ и прыгаютъ на лошадяхъ, и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ.

О МАЛОРОССІЙСКИХЪ ПѢСНЯХЪ (*).

Только въ послѣдніе годы, въ эти времена стремленія къ самобытности и собственной народной поэзіи, обратили на себя вниманіе малороссійскія пѣсни, бывшія до того скрытыми отъ образованнаго общества и державшіяся въ одномъ народѣ. До того времени одна только очаровательная музыка ихъ изрѣдка заносилась въ высшій кругъ; слова же оставались безъ вниманія и почти ни въ комъ не возбуждали любопытства. Даже музыка ихъ не появлялась никогда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ ее и клеилъ въ свое безчувственное, деревянное созданіе(**). Но лучшія пѣсни и голоса слышали только однѣ украинскія степи. Только тамъ, подъ сѣнью низенькихъ глиняныхъ хатъ, увѣнчанныхъ шелковицами и черешнями, при блескѣ утра, полудня и вечера, при лимонной желтизнѣ падающихъ колосьевъ пшеницы, онѣ раздаются, прерываемыя однѣми степными чайками, вереницами жаворонковъ и стенящими иволгами.

Я не распространяюсь о важности народныхъ пѣсенъ. Это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтическаго, и онъ при всей многосторонности ея не получилъ высшей цивилизаціи,

(*) Статья эта была первоначально помѣщена въ „Журналѣ Мин. Народ. Просв.“ (ч. 1-я 1831 г.) *Прим. Трушковскаго.*

(**) Впрочемъ любители музыки и поэзіи могутъ нѣсколько утѣшиться: недавно издано прекрасное собраніе пѣсенъ Максимовичемъ, и при немъ голоса, переложенные Алябьевымъ. *Прим. Гоголя.*

то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Онѣ — надгробный памятникъ былого, болѣе нежели надгробный паматникъ: камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ этой живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи, пѣсни для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила. Кто не проникнулъ въ нихъ глубоко, тотъ ничего не узнаетъ о прошедшемъ бытѣ этой цвѣтущей части Россіи. Историкъ не долженъ искать въ нихъ показанія дня и числа битвы, или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи; въ этомъ отношеніи немногія пѣсни помогутъ ему. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихіи характера, всѣ изгибы и оттѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа, когда захочетъ выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ вполнѣ: исторія народа разоблачится предъ нимъ въ ясномъ величіи.

Пѣсни малороссійскія могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что онѣ не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ и тогдашнему состоянію чувствъ. Вездѣ проникаетъ ихъ, вездѣ въ нихъ дышетъ эта широкая воля козацкой жизни. Вездѣ видна та сила, радость, могущество, съ какою козакъ бросаетъ тишину и безпечность жизни домовитой, чтобы вдаться во всю поэзію битвъ, опасностей и разгульнаго пиршества съ товарищами. Ни чернобровая подруга, пылающая свѣжестью, съ карыми очами, съ ослѣпительнымъ блескомъ зубовъ, вся преданная любви, удерживающая за стремя коня его, ни престарѣлая мать, разливающаяся какъ ручей слезами, которой всѣмъ существованіемъ завладѣло одно материнское чувство — ничто не въ силахъ удержать его. Упрямый, непреклонный, онъ спѣшитъ въ степи, въ вольницу товарищей. Его жену, мать, сестру, братьевъ,—все замѣняетъ ватага гульливыхъ рыцарей набѣговъ. Узы этого братства для него выше всего, сильнѣе любви. Сверкаетъ Черное море; вся чудесная, неизмѣримая степь отъ Тамана до Дуная — дикій океанъ цвѣтовъ, колышется однимъ налетомъ вѣтра; въ безпредѣльной глубинѣ неба тонутъ лебеди и журавли; умирающій козакъ лежитъ среди этой свѣжести дѣвствен-

ной природы и собиряетъ всѣ силы, чтобъ не умереть, не взглянувъ еще разъ на своихъ товарищей.

То ще до́бре каза́цька голова́ зна́ла,
Що безъ війска коза́цького не вмира́ла.

Увидѣвши ихъ, онъ насыщается и умираетъ. Выступаетъ ли козацкое войско въ походъ съ тишиною и повиновеніемъ, извергаетъ ли изъ самопаловъ потопъ дыма и пуль, кружаетъ ли вольно медъ, вино, описывается ли ужасная казнь гетьмана, отъ которой дыбомъ подымается волосъ, мщеніе ли козаковъ, видъ ли убитаго козака, съ широко раскинутыми руками на травѣ, съ разметаннымъ чубомъ, клекты ли орловъ въ небѣ, спорящихъ о томъ, кому изъ нихъ выдирать козацкія очи,—все это живетъ въ пѣсняхъ и *окин*уто смѣлыми красками. Остальная половина пѣсней изображаетъ другую половину жизни народа: въ нихъ разбросаны черты быта домашняго; здѣсь во всемъ совершенная противоположность. Тамъ одни козаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здѣсь, напротивъ, одинъ женскій міръ, нѣжный, тоскливый, дышащій любовію. Эти два пола видѣлись между собою самое короткое время и потомъ разлучались на цѣлые годы. Годы эти были проводимы женщинами въ тоскѣ, въ ожиданіи своихъ мужей, любовниковъ, мелькнувшихъ передъ ними въ своемъ пышномъ военномъ убранствѣ, какъ сновидѣніе, какъ мечта. Отъ того любовь ихъ дѣлается чрезвычайно поэтическою. Свѣжая, невинная, какъ голубка, молодая супруга вдругъ узнала все блаженство, весь рай женщины, которая вся создана для любви. Все начало весны ея, проведенное съ этимъ мощнымъ, вольнымъ питомцемъ войны, столпило для нея радость всей жизни въ одно быстро мелькнувшее мгновеніе. Противъ него ничто вся остальная жизнь; она живетъ однимъ этимъ мгновеніемъ. Тоскуя, ждетъ она съ утра до вечера возврата своего черноброваго супруга.

Ой чо́рныи бровеня́та!
Ли́хо мині зъ ва́ми:
Не хо́чете ночова́ти
Ні ні́ченьки са́ми!

Она вся живетъ воспоминаніемъ. Все, на чтò они глядѣли вмѣстѣ, куда они вмѣстѣ ходили, чтò вмѣстѣ говорили, все это припоминаетъ она, не упуская ни одной мелкой черты. Она обра-

щается ко всему, что̀ ни видитъ въ природѣ, дышащей жизнью, и даже къ безчувственнымъ предметамъ, и всѣмъ имъ говоритъ и жалуется. И какъ просты, какъ поэтически-просты ея исполненныя души рѣчи! Ко всему примѣняетъ она состоянiе свое и не можетъ наговориться; потому что человѣкъ многорѣчивъ всегда, когда въ его грусти заключается тайная сладость. Накопецъ, съ тихимъ, но безнадежнымъ отчаянiемъ говоритъ она:

Да вже жъ мині не ходѝти,
Куды я ходѝла!!
Да вже жъ мині не любѝти,
Кого̀ я любѝла!
Да вже жъ мині не ходѝти
Ра̀нкомъ по-підъ са̀мкомъ!
Да вже жъ мині не стоя̀ти
Изъ моімъ коха̀нкомъ!
Да вже жъ мині не ходити
Въ ліски по орішки!
Да вже жъ мині мину̀лися
Диво̀цькиі смішки!

Чтобы сколько - нибудь сдѣлать доступною для незнающихъ малороссiйскаго языка глубину чувствъ, разсыпанныхъ въ этихъ пѣсняхъ, привожу одну изъ нихъ въ переводѣ.

Разсердился, разгнѣвался на меня мой милый! Вотъ онъ сѣдлаетъ своего вороного коня и ѣдетъ далеко-далеко отъ меня.

Куда же ты, мой милый, голубчикъ мой сизый, куда ты уѣзжаешь? Кому ты меня беззащитную, молодую, кому оставляешь?

„Оставляю тебя, моя милая, одному Богу. Жди меня, пока не возвращусь изъ дальней дороги.“

О если бъ я знала, если бы видѣла, откуда будетъ ѣхать мой милой: я бы ему по всей дорогѣ мостила мосты изъ зеленаго тростника и всё бы ждала его въгости.

Боже Всесильный! выровняй всѣ долины и горы, чтобы вездѣ было ровно, чтобы оттолѣ ему до самаго дому было хорошо ѣхать.

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, по дорогѣ зеленѣетъ трава — это онъ! это мой милый ѣдетъ!

Чу! луга шумятъ, берега звенятъ, разцвѣтаетъ калина—вѣрно, гдѣ-нибудь мой милый, голубчикъ мой сизый, съ другомъ разговариваетъ.

За чѣмъ же ты не прiѣхалъ, за чѣмъ не прилетѣлъ, какъ я тебѣ говорила? Коня ли не имѣлъ, дороги ли не зналъ, или мать не велѣла тебѣ?

„Я коня имѣю; я и дорогу знаю, и мать еще вчера съ вечера велѣла мнѣ сѣдлать коня —

„Но только лишь сяду на коня, только лишь выѣду за ворота, какъ уже бѣжитъ за мною другая и такъ жалко стонетъ, такъ плачетъ, что тоска ея хватаетъ за самое сердце.“

Можно привесть до тысячи подобныхъ пѣсень, можетъ быть, даже гораздо лучшихъ. Всѣ онѣ благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Вездѣ новыя краски, вездѣ простота и невыразимая нѣжность чувствъ. Гдѣ же мысли въ нихъ коснулись религіознаго, тамъ онѣ необыкновенно поэтически. Онѣ неизумляются колоссальнымъ созданіямъ вѣчнаго Творца: это изумленіе принадлежитъ уже ступившему на высшую ступень самопознанія; но ихъ вѣра такъ невинна, такъ трогательна, такъ непорочна, какъ непорочна душа младенца. Онѣ обращаются къ Богу, какъ дѣти къ отцу; онѣ вводятъ Его часто въ бытъ своей жизни съ такою невинною простотою, что безъискусственное Его изображеніе становится у нихъ величественнымъ въ самой простотѣ своей. Отъ этого самые обыкновенные предметы въ пѣсняхъ ихъ облекаются невыразимою поэзіей, чему еще болѣе помогаютъ остатки обрядовъ древней славянской миѳологіи, которые онѣ покорили Христіянству. Часто тоскующая дѣва умоляетъ Бога, чтобы Онъ засвѣтилъ на небѣ восковую свѣчку, пока ея милый перебредетъ черезъ рѣку Дунай. На всемъ печать чистаго, первоначальнаго младенчества, стало быть—и высокой поэзіи. Изложеніе пѣсней ихъ, какъ женскихъ, такъ и козацкихъ, почти всегда драмматическое—признакъ развитія народнаго духа и дѣятельной, безпокойной жизни, долго обнимавшей народъ. Пѣсни ихъ почти никогда не обращаются въ описательныя и не занимаются долго изображеніемъ природы. Природа у нихъ едва только скользитъ въ куплетѣ; но тѣмъ не менѣе черты ея такъ новы, тонки, рѣзки, что представляютъ весь предметъ. Впрочемъ, къ нимъ прибѣгаютъ для того только, чтобы сильнѣе выразить чувства души, и потому явленія природы послушно влекутся у нихъ за явленіями чувства. То же самое у нихъ представляется разомъ и во внѣшнемъ, и во внутреннемъ мірѣ. Часто, вмѣсто цѣлаго внѣшняго, находится только одна рѣзкая черта, одна часть его. Въ нихъ нигдѣ нельзя найти подобной фразы: *былъ вечеръ;* но вмѣсто этого говорится то, что бываетъ вечеромъ; напр.

Йшли коро́вы изъ дубро́вы, а ове́чки съ по́ля,
Выплакала ка́рі о́чи, край ми́лого сто́я.

Отъ того весьма многіе, не понявъ, считали подобные обороты безсмыслицей. Чувство у нихъ выражается вдругъ, сильно, рѣзко, и никогда не охлаждается длиннымъ періодомъ. Во многихъ пѣсняхъ нѣтъ одной мысли, такъ что онѣ походятъ на рядъ куплетовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ отдѣльную мысль. Иногда онѣ кажутся совершенно безпорядочными, потому что сочиняются мгновенно, и такъ какъ взглядъ народа живъ, то обыкновенно тѣ предметы, которые первые бросаются на глаза, первые помѣщаются и въ пѣсни. Но за то, изъ этой пестрой кучи вышибаются такіе куплеты, которые поражаютъ самою очаровательною безотчетностію поэзіи. Самая яркая и вѣрная живопись и самая звонкая звучность словъ разомъ соединяются въ нихъ. Пѣсня сочиняется не съ перомъ въ рукѣ, не на бумагѣ, не съ строгимъ разсчетомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ и всѣ члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положеніе, становятся свободнѣе, руки вольно вскидываются на воздухъ и дикія волны веселья уносятъ его отъ всего. Это примѣчается даже въ самыхъ заунывныхъ пѣсняхъ, которыхъ раздирающіе звуки съ болью касаются сердца. Онѣ никогда не могли излиться изъ души человѣка въ обыкновенномъ состояніи, при настоящемъ возрѣніи на предметъ. Только тогда, когда вино перемѣшаетъ и разрушитъ весь прозаическій порядокъ мыслей, когда мысли непостижимо-странно въ разногласіи звучатъ внутреннимъ согласіемъ,— въ такомъ-то разгулѣ, торжественномъ, больше нежели веселомъ, душа, въ непостижимой загадкѣ, изливается нестерпимо-уныльми звуками. Тогда прочь дума и бдѣніе! Весь таинственный составъ его требуетъ звуковъ. Отъ того поэзія въ пѣсняхъ неуловима, очаровательна, граціозна, какъ музыка. Поэзія мыслей болѣе доступна каждому, нежели поэзія звуковъ, или, лучше сказать, поэзія поэзіи. Ее одинъ только избранный, одинъ истинный въ душѣ поэтъ понимаетъ; и потому-то часто самая лучшая пѣсня остается незамѣченною, тогда какъ незавидная выигрываетъ своимъ содержаніемъ.

Стихосложеніе малороссійское самое выгодное для пѣсень: въ немъ соединяются вмѣстѣ и размѣръ, и тоника, и риѳма. Паденіе звуковъ въ нихъ скоро, быстро; отъ того строка никогда почти

не бываетъ слишкомъ длинна,—если же это и случается, то цезура по серединѣ съ звонкою риѳмою перерѣзываетъ ее. Чистые, протяжные ямбы рѣдко попадаются. Большею частію быстрые хореи, дактили, амфибрахіи, летятъ шибко, одинъ за другимъ, прихотливо и вольно мѣшаются между собою, производятъ новые размѣры и разнообразятъ ихъ до чрезвычайности. Риѳмы звучатъ и сшибаются одна съ другою, какъ серебряныя подковы танцующихъ. Вѣрность и музыкальность уха—общая принадлежность ихъ. Часто вся строка созвукивается съ другою, не смотря, что иногда у обѣихъ даже риѳмы нѣтъ. Близость риѳмъ изумительна. Часто строка два раза терпитъ цезуру и два раза риѳмуется до замыкающей риѳмы, которой сверхъ того даетъ отвѣтъ вторая *строка*, тоже два раза созвукнувшись на серединѣ. Иногда встрѣчается такая риѳма, которую по видимому нельзя назвать риѳмою, но она такъ вѣрна своимъ отголоскомъ звуковъ, что нравится иногда болѣе, нежели риѳма, и никогда бы не пришла въ голову поэту съ перомъ въ рукѣ.

Характеръ музыки нельзя опредѣлить однимъ словомъ: она необыкновенно разнообразна. Во многихъ пѣсняхъ она легка, граціозна, едва только касается земли и, кажется, шалитъ, рѣзвится звуками. Иногда звуки ея принимаютъ мужественную физіогномію; становятся сильны, могучи, крѣпки; стопы тяжело ударяютъ въ землю, и, кажется, какъ-будто бы подъ нихъ можно плясать одного только гопака́. Иногда же звуки ея становятся чрезвычайно вольны, широки, взмахи гигантскіе, силящіеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь въ которые танцующій чувствуетъ себя исполиномъ: душа его и все существованіе раздвигается, расширяется до безпредѣльности. Онъ отдѣляется вдругъ отъ земли, чтобы ударить въ нее блестящими подковами и взнестись опять на воздухъ. Что же касается до музыки грусти, то она ни гдѣ не слышна такъ, какъ у нихъ. Тоска ли это о прерванной юности, которой не дали довеселиться; жалобы ли это на безпріютное положеніе тогдашней Малороссіи.... но звуки ея живутъ, жгутъ, раздираютъ душу. Русская заунывная музыка выражаетъ, какъ справедливо замѣтилъ М. Максимовичъ, забвеніе жизни: она стремится уйти отъ нея и заглушить вседневныя нужды и заботы; но въ

малороссійскихъ пѣсняхъ она слилась съ жизнью—звуки ея такъ живы, что кажется не звучатъ, а говорятъ, говорятъ словами, выговариваютъ рѣчи, и каждое слово этой яркой рѣчи проходитъ душу. Взвизги ея иногда такъ похожи на крикъ сердца, что оно вдругъ и внезапно вздрагиваетъ, какъ-будто бы коснулось къ нему острое желѣзо. Безотрадное, равнодушное отчаяніе иногда слышится въ ней такъ сильно, что заслушавшійся забывается и чувствуетъ, что надежда давно улетѣла изъ міра. Въ другомъ мѣстѣ отрывистыя стенанія, вопли, такіе яркіе, живые, что съ трепетомъ спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль матери, у которой свирѣпое насиліе вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень. Ничто не можетъ быть сильнѣе народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣятельность жизни; если натиски насилій и неопреодолимыхъ, вѣчныхъ препятствій не давали ему ни на минуту уснуть и вынуждали изъ него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и нигдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ. Такова была беззащитная Малороссія въ ту годину, когда хищно ворвалась въ нее Унія. По нимъ, по этимъ звукамъ, можно догадываться о ея минувшихъ страданіяхъ, такъ точно, какъ о бывшей бурѣ съ градомъ и проливнымъ дождемъ можно узнать по бриллiантовымъ слезамъ, унизывающимъ снизу до вершины освѣженныя деревья, когда солнце мечетъ вечерній лучъ, разрѣженный воздухъ чистъ, вдали звонко дребезжитъ мычаніе стадъ, голубоватый дымъ, вѣстникъ деревенскаго ужина и довольства, несется свѣтлыми кольцами къ небу, и вечеръ тихій, ясный вечеръ обнимаетъ успокоенную землю.

1833.

МЫСЛИ О ГЕОГРАФІИ.

ДЛЯ ДѢТСКАГО ВОЗРАСТА (*).

Велика и поразительна область географіи! Край, гдѣ кипитъ югъ, и каждое твореніе бьется двойною жизнью, и край, гдѣ въ искаженныхъ чертахъ природы прочитывается ужасъ, и земля превращается въ оледенѣлый трупъ; исполины—горы, парящія въ небо, наброшенный дышущій всею роскошью растительной силы и разнообразія, видъ, и раскаленныя пустыни и степи, оторванный кусокъ земли посреди безграничнаго моря, люди и искусство, и предѣлъ всего живущаго—гдѣ найдутся предметы, сильнѣе говорящіе юному воображенію! какая другая наука можетъ быстрѣе возвысить поэзію младенческой души ихъ! И не больно ли, если показываютъ имъ, вмѣсто всего этого, какой-то безжизненный, сухой скелетъ, холодно говоря: «Вотъ земля, на которой живемъ мы, вотъ тотъ прекрасный міръ, подаренный намъ непостижимымъ его Зодчимъ!» Этого мало: его совершенно скрываютъ отъ нихъ и даютъ имъ вмѣсто того грызть политическое тѣло, превышающее міръ ихъ понятій и несвязное даже для ума, облада-

(*) Статья эта была сперва помѣщена въ Литературной газетѣ за 1831 г., подъ заглавіемъ: „*Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи.*" Въ концѣ статьи выноска: „Просимъ читателей смотрѣть на предложенную здѣсь статью, какъ на одно только начало. Автору, который совершенно посвятилъ себя юнымъ питомцамъ своимъ, болѣе всего желательно знать о семъ предметѣ мнѣніе ученыхъ нашихъ преподавателей. Въ послѣдующихъ за симъ мысляхъ, читатели встрѣтятъ, можетъ быть, болѣе новаго, болѣе относящагося къ облегченію науки и приведенію оной въ ясность для дѣтей.
Подписано. Г. Яновъ. *Прим. Н. Трушковскаго.*

ющаго высшими идеями.—Невольно при этомъ приходитъ на мысль: неужели великій Гумбольдтъ и тѣ отважные изслѣдователи, принесшіе такъ много свѣдѣній въ область науки, истолковавшіе дивные іероглифы, коими покрытъ міръ нашъ,—должны быть доступны немногому числу ученыхъ, а возрастъ, болѣе другихъ нуждающійся въ ясности и опредѣлительности, долженъ видѣть передъ собою одни непонятныя изображенія?

Дѣтскій возрастъ есть еще одна жажда, одно безотчетное стремленіе къ познанію. Онъ всего требуетъ, все хочетъ узнать. Его болѣе всего интересуютъ отдаленныя земли: какъ тамъ? что тамъ такое? какіе тамъ люди? какъ живутъ? Эти вопросы стремятся у него толпою и всѣ они относятся прямо къ физической географіи, и потому міръ, въ его физическомъ состояніи, величественный, роскошный, грозный, плѣнительный,—долженъ болѣе и обширнѣе занять его.

Во многихъ заведеніяхъ нашихъ, по невозможности воспитанниковъ узнать въ одинъ годъ всей географіи, читаютъ ее въ двухъ и даже въ трехъ классахъ. Это хорошо, и географія стóитъ, чтобъ ее проходили не въ одномъ классѣ; но преподаватели впадаютъ въ большую ошибку: размежевываютъ земной шаръ на двѣ или, смотря по классамъ, на три части и самому начальному классу достается Европа, разсматриваемая обыкновенно въ политическомъ отношеніи съ подробнѣйшими подробностями, тогда какъ высшіе классы блуждаютъ по степямъ и пескамъ африканскимъ и бесѣдуютъ съ дикарями. Не говоря уже о безразсудности и странной формѣ такого преподаванія, нужно имѣть необыкновенную память, чтобы удержать въ ней всю эту нестройную массу. Если же и допустить такой феноменъ въ природѣ, то въ головѣ этого феномена никогда не удержится одно прекрасное цѣлое.—Это будутъ тщательно отдѣланныя, разрозненныя части, которыми не управляетъ одна мощная жизнь, бьющая ровнымъ пульсомъ по всѣмъ жиламъ. Это народъ, созданный для монархическаго правленія и утратившій его въ бурѣ политическихъ потрясеній.

Гораздо лучше, если воспитанникъ будетъ проходить географію въ два разные періоды своего возраста. Въ первомъ онъ долженъ узнать одинъ только великій очеркъ всего міра, но очеркъ

такой, который бы пробудилъ всю внимательность, который бы показалъ всю обширность и колоссальностъ географическаго міра. Въ этотъ курсъ должны ниспослать отъ себя дань и естественная исторія, и физика, и статистика, и все, что́ только соприкасается къ міру, чтобы міръ составилъ одну яркую, живописную поэму, чтобы сколько возможно открыть ему всѣ концы его. Ничего въ подробности; но только однѣ рѣзкія черты, но только, чтобы онъ чувствовалъ, гдѣ стужа, гдѣ болѣе растительность, гдѣ выше мануфактурность, гдѣ глубже невѣжество, гдѣ ниже земля, гдѣ стремительнѣе горы. Во второмъ періодѣ его возраста этотъ міръ долженъ быть предъ нимъ раздвинутъ. Онъ долженъ разсмотрѣть въ микроскопъ тѣ предметы, которые доселѣ видѣлъ простымъ глазомъ. Тогда уже онъ узна́етъ всѣ исключенія и переходы, менѣе рѣзкіе и болѣе исполненные тонкаго отличія.

Воспитанникъ не долженъ имѣть вовсе у себя книги. Она, какая бы ни была, будетъ сжимать его и умерщвлять воображеніе: передъ нимъ должна быть одна только карта. Ни одного географическаго явленія не нужно объяснять, не укрѣпивши на мѣстѣ, хотя бы это было только яркое, живописное описаніе, чтобы воспитанникъ, внимая ему, глядѣлъ на мѣсто въ своей картѣ, и чтобы эта маленькая точка какъ-бы раздвигалась передъ нимъ и вмѣстила бы въ себѣ всѣ эти картины, которыя онъ видитъ въ рѣчахъ преподавателя. Тогда можно быть увѣреннымъ, что онѣ останутся въ памяти его вѣчно, и, взглянувши на скелетный очеркъ земли, онъ его вмигъ наполнитъ красками.

Фигура земли прежде всего должна удержаться въ его памяти. Черченіе картъ, надъ которымъ заставляютъ воспитанниковъ трудиться, мало приноситъ пользы. Множество мелкихъ подробностей, множество отдѣльныхъ государствъ можетъ только въ головѣ ихъ уничтожиться одно другимъ. Гораздо лучше дать имъ прежде сильную, рѣзкую идею о видѣ земли: для этого я бы совѣтывалъ сдѣлать всю воду бѣлою и всю землю черною, чтобы онѣ совершенно отдѣлились, рѣзкостью своею невольно вторгнулись въ мысли ихъ и преслѣдовали бы ихъ неотступно неправильною своею фигурою. Послѣ этого будетъ имъ гораздо легче начертить видъ земли, но никакъ не допускать до подробностей, т. е. озна-

чать всѣ мелкіе мысы и искривленія береговъ. Пусть лучше они въ началѣ совсѣмъ не знаютъ ихъ, но за то удержать общій видъ земли.

Гораздо лучше проходить въ началѣ разомъ весь міръ, глядѣть разомъ на всѣ части свѣта: чрезъ это очевиднѣе будутъ ихъ взаимныя противоположности. Замѣтивши ихъ въ общей массѣ, они могутъ тогда погрузиться глубже въ каждую часть свѣта. Но въ порядкѣ частей свѣта, я бы совѣтывалъ лучше слѣдовать за постепеннымъ развитіемъ человѣка, стало быть, вмѣстѣ и за постепеннымъ открытіемъ земли: начать съ Азіи, съ его колыбели, съ его младенчества, перейти въ Африку, въ его пламенное и вмѣстѣ грубое юношество, обратиться къ Европѣ, къ его быстрому разоблаченію и зрѣлости ума, шагнуть вмѣстѣ съ нимъ въ Америку, гдѣ, развитый и властительный, встрѣтился онъ съ первообразнымъ и чувственнымъ, и окончить разрозненными по необозримому океану островами.

Такое раздѣленіе, мнѣ кажется, будетъ гораздо естественнѣе. Прежде всего воспитанникъ долженъ составить себѣ общее характеристическое понятіе о каждой изъ нихъ. Во первыхъ объ Азіи, гдѣ люди такъ важны, такъ холодны съ вида, и вдругъ кипятъ неукротимыми страстями; при дѣтскомъ умѣ своемъ думаютъ, что они умнѣе всѣхъ; гдѣ все гордость и рабство; гдѣ все одѣвается и вооружается легко и свободно, все наѣздничаетъ; гдѣ Турокъ радъ просидѣть цѣлый вѣкъ, поджавъ ноги и куря кальянъ свой, и гдѣ Бедуинъ какъ вихорь мчится по пустынѣ; гдѣ вѣра переходить въ фанатизмъ и вся страна—страна вѣроисповѣданій, разлившихся отсюда по всему міру. Объ Африкѣ, гдѣ солнце жжетъ, и океаны песчаныхъ степей растягиваются на неизмѣримое пространство, львы, тигры, кокосы, пальмы и человѣкъ, мало чѣмъ разнящійся наружностію и своими чувственными наклонностями отъ обезьянъ, кочующихъ по ней ордами, и т. далѣе.

Начертивъ видъ части свѣта, воспитанникъ указываетъ всѣ высочайшія и низменныя мѣста на ней, разсказываетъ, какъ развѣтвляются по ней горы и протягиваютъ свои длинныя, безобразныя цѣпи. Въ этомъ смыслѣ можно съ пользою употреблять риттерево барельефное изображеніе Европы, хотя оно не совсѣмъ еще

удобно для дѣтей, по причинѣ неяснаго отдѣленія свѣта отъ тѣней. Всего бы лучше на этотъ случай отлить изъ крѣпкой глины, или изъ металла, настоящій барельефъ. Тогда воспитаннику стоило бы только взглянуть на него, чтобы сохранить навсегда въ памяти всѣ высокія и неизменныя мѣста.

Такъ какъ горы сообщили форму всей землѣ, то познаніе ихъ должно составить, такъ сказать, начало всей географіи. Показавъ развѣтвленіе ихъ по лицу земли, должно показать видъ ихъ, форму, составъ, образованіе и наконецъ характеръ и отличіе каждой цѣпи,— все это не сухо, не съ подробною ученостью, но такъ, чтобы онъ зналъ, что такая-то цѣпь изъ темныхъ и твердыхъ гранитовъ, что внутренность другой бѣлая, извѣстковая, или глинистая: рыхлая, желтая, темная, красная или наконецъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ земель и камней. Можно даже расказать, какъ въ нихъ лежатъ металлы и руды и въ какомъ видѣ — и можно расказать занимательно. Что же касается до поверхности ихъ, то само собою разумѣется, что нужно показать высочайшія точки, примѣчательныя явленія на нихъ, и высоту, до которой подымался человѣкъ.

Не мѣшало бы коснуться слегка подземной географіи. Мнѣ кажется, нѣтъ предмета болѣе поэтическаго, какъ она, хотя совершенно понять ее можетъ только возрастъ высшій. Тутъ всѣ явленія и факты дышутъ исполинскою колоссальностью. Здѣсь встрѣчаются цѣлыя массы. Тутъ на всемъ отпечатокъ величественныхъ потрясеній земли; душа сильнѣе чувствуетъ великія дѣла Творца. Тутъ лежатъ погребенными цѣлыя цѣпи подземныхъ лѣсовъ. Тутъ лежитъ въ глубокомъ уединеніи и раковина и уже превращается въ мраморъ. Тутъ дышутъ вѣчные огни, и отъ взрыва ихъ измѣняется поверхность земли. Часть этихъ явленій, будучи слегка открыта юному воспитаннику, нельза чтобъ не тронула его воображенія.

Процессъ и разселеніе растительной силы по землѣ должно показать на картѣ лѣстницею градусовъ: гдѣ растеніе юга—хозяинъ, куда перешло оно какъ гость, подъ какимъ градусомъ умираетъ, гдѣ начинается растеніе сѣвера, гдѣ и оно наконецъ гибнетъ, прозябеніе прекращается, природа обмираетъ въ объятіяхъ студенаго океана, и чудный полюсъ закутывается недоступ-

ными для человѣка льдами. Такимъ же образомъ и разселеніе животныхъ. Но почва требуетъ другого раздѣленія земли по полосамъ, изъ которыхъ каждая должна заключать въ себѣ особенный видъ ея.

Произведенія искусства вообще являются доселѣ у географовъ отрывисто. Перехода нѣтъ никакого отъ природы къ произведеніямъ человѣка. Они отрублены какъ топоромъ отъ своего источника. Я уже не говорю о томъ, что у нихъ не представленъ вовсе этотъ брачный союзъ человѣка съ природою, отъ котораго раждается мануфактурность. И такъ, прежде нежели воспитанникъ приступитъ къ обозрѣнію мануфактуръ и произведеній рукъ человѣка, нужно, чтобы онъ былъ пріуготовленъ къ тому произведеніями земли, чтобы онъ самъ собою могъ вывесть, какія мануфактуры должны быть въ такомъ-то государствѣ; если же встрѣтится исключеніе, тогда необходимо показать, отъ чего оно произошло: можетъ быть, безпечный характеръ народа, можетъ, стороннія обстоятельства — или излишнее богатство сосѣдей, или невозможность дальнѣйшихъ сообщеній, или другія подобныя имъ— воспрепятствовали. Пріуготовивши себя мануфактурностью, онъ можетъ уже переходить къ торговлѣ, которая безъ того будетъ тоже незанимательна и непонятна.

При исчисленіи народовъ, преподаватель необходимо обязанъ показать каждаго физіогномію и тѣ отпечатки, которые принялъ его характеръ, такъ сказать, отъ географическихъ причинъ. Всѣ народы міра онъ долженъ сгруппировать въ большія семейства и представить прежде общія черты каждой группы, потомъ уже развѣтвленіе ихъ. И потомъ физическую ихъ исторію, т. е. исторію измѣненія ихъ характера, чтобъ объяснилось, отъ чего, напримѣръ, Тевтонское племя среди своей Германіи означено твердостью флегматическаго характера и отъ чего оно, перейдя Альпы, напротивъ принимаетъ всю игривость характера легкаго.

Весьма полезны для дѣтей карты, изображающія разселеніе просвѣщенія по земному шару. Эта польза превращается въ необходимость, когда проходятъ они Европу. Но какъ у насъ нѣтъ такихъ картъ, то преподавателю небольшого труда стоитъ сдѣлать оныя самому. Мѣста, гдѣ просвѣщеніе достигло высочайшей сте-

пени, означать свѣтомъ, и бросать легкія тѣни, гдѣ оно ниже. Тѣни сіи становятся, чѣмъ далѣе, тѣмъ крѣпче, и наконецъ превращаются въ мракъ, по мѣрѣ того какъ природа дичаетъ, и человѣкъ оканчивается бездушнымъ Эскимосомъ.

Величину земель, государствъ, никогда нельзя заучивать исчисленіемъ квадратныхъ миль. Нужно только смотрѣть на карту — вотъ одно средство узнать ее. Не мѣшало бы вырѣзать каждое государство особенно, такъ чтобы оно составляло отдѣльный кусокъ и, будучи сложено съ другими, составило бы часть міра. Тогда будетъ видима и величина ихъ, и форма.

При изображеніи каждаго города непремѣнно должно означить *рѣзко* его мѣстоположеніе: подымается ли онъ на горѣ, опрокинуть ли внизъ; его жизнь, его значительность, его средства — и вообще, сильными и немногими чертами обозначить характеръ его. Преподаватель обязанъ исторгнуть изъ обширнаго матеріала все, что̀ бросаетъ на городъ отличіе и отмѣняетъ его отъ множества другихъ. Пусть воспитанникъ знаетъ, что̀ такое Римъ, и Парижъ, что̀ Петербургъ. Пусть не мѣряетъ своимъ масштабомъ, составившимся въ его понятіяхъ при видѣ Петербурга, другихъ городовъ Европы. Все общее городамъ должно быть исключено въ опредѣленіи отдѣльно каждаго города. Во многихъ нашихъ географіяхъ и до сихъ поръ еще въ опредѣленіяхъ губернскаго города расказывается, въ немъ есть гимназія, соборная церковъ; уѣзднаго,—что въ немъ есть уѣздное училище и т. п. Къ чему? Воспитаннику довольно сказать сначала, что у насъ гимназіи во всѣхъ губернскихъ городахъ, церкви также. Но Кремля, Ватикана, Палерояля, Фалькенетова Петра, Кіевопечерской лавры Кингъ-Бенча, нѣтъ другихъ въ мірѣ. Объ нихъ дитя, вѣрно, потребуетъ подробнаго свѣденія. Не нужно заниматься ничтожнымъ и скучнымъ для воспитанника вычисленіемъ числа домовъ, церквей; развѣ только въ такомъ случаѣ, когда оно, по своей величинѣ или отрицательно, выходитъ изъ категоріи обыкновеннаго. Вмѣсто этого, можно занять его архитектурой города, — въ какомъ вкусѣ онъ выстроенъ, колоссальны ли, прекрасны ли его строенія. Если онъ древній, то ка̀къ величественна даже въ самой странности своей его старинная, повитая столѣтіями и на чудо взлелѣянная

самими потрясеніями архитектура, и какъ напротивъ того легка и изящна архитектура другого города, созданнаго однимъ столѣтіемъ. При мысли о какомъ-нибудь германскомъ городкѣ, ученикъ тотчасъ долженъ представить себѣ тѣсныя улицы, небольшіе, узенькіе и высокіе домики, гдѣ все такъ просто, мило, такъ буколически, и рядомъ съ ними угловатые, просѣкающіе остріемъ воздухъ, шпицы церквей. При мысли о Римѣ, гдѣ глухо отозвался весь канувшій въ пучину столѣтій древній міръ, у него должна быть неразлучна съ тѣмъ мысль о зданіяхъ исполинахъ, которыя свободно поднявшись отъ земли и оперšись на стройные портики и гигантскія колоны, дряхлѣютъ, какъ-бы размышляя объ утекшихъ событіяхъ великой своей юности. Для этого не мѣшаетъ чаще показывать фасады примѣчательнѣйшихъ зданій: тогда необыкновенный видъ ихъ врѣжется въ памяти; притомъ это послужитъ невольно и нечувствительно къ образованію юнаго вкуса.

Исторія изрѣдка должна только озарять воспоминаніями географическій міръ ихъ. Протекшее должно быть слишкомъ разительно, и развѣ уже происходитъ изъ чисто географическихъ причинъ, чтобы заставить вызывать его. Но если воспитанникъ проходитъ въ это время и исторію, тогда ему необходимо показать область ея дѣйствія: тогда географія сливается и составляетъ одно тѣло съ исторіей.

Слогъ преподавателя долженъ быть увлекающій, живописный; всѣ поразительныя мѣстоположенія, великія явленія природы, должны быть окинуты яркими красками. Что̀ дѣйствуетъ сильно на воображеніе, то нескоро выбьется изъ головы. Слогъ его долженъ болѣе подходить къ слогу путешественника. Строгая аналитическая систематика не можетъ удержаться въ головѣ отрока, особливо, если она распространена въ мелочахъ. Дитя тогда только удерживаетъ систему, когда не видитъ ея глазами, когда она искусно скрыта отъ него. Его система — интересъ, нить происшествій, или нить описаній. Все, что̀ истинно-нужно, что̀ болѣе относится къ нашей жизни, что̀ болѣе можемъ мы въ послѣдствіи приспособить къ себѣ, все это уже интересно. Да впрочемъ, что̀ не интересно въ географіи. Она такое глубокое море, такъ раздвигаетъ наши самыя дѣйствія, и, не смотря на то, что показы-

ваетъ границы каждой земли, такъ скрываетъ свои собственныя, что даже для взрослаго представляетъ философически-увлекательный предметъ. Короче, нужно стараться познакомить сколько можно болѣе съ міромъ, со всѣмъ безчисленнымъ разнообразіемъ его, но чтобы это никакъ не обременило памяти, а представлялось бы свѣтло нарисованною картиною. Богатый для сего запасъ заключается въ описаніяхъ путешественниковъ, которыхъ множество, и изъ которыхъ, кажется, донынѣ, въ этомъ отношеніи, мало умѣли извлекать пользы.

Лѣность и непонятливость воспитанника обращаются въ вину педагога и суть только вывѣски его собственнаго нерадѣнія; онъ *не* умѣлъ, онъ не хотѣлъ овладѣть вниманіемъ своихъ юныхъ слушателей; онъ заставилъ ихъ съ отвращеніемъ принимать горькія свои пилюли. Совершенной неспособности не возможно предполагать въ дитяти. Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ ребенокъ, признанный за неспособнаго ни къ чему, обиженнаго природою, слушалъ съ неразвлекаемымъ вниманіемъ страшную сказку, и на лицѣ его, почти бездушномъ, неоживляемомъ до того никакимъ чувствомъ участія, поперемѣнно прорывались черты безпокойства и боязни. Неужели нельзя задобрить такого вниманія въ пользу науки?

1829.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ.

КАРТИНА БРЮЛОВА.

Картина Брюлова одно изъ яркихъ явленій XIX вѣка. Это свѣтлое воскресеніе живописи, пребывавшей долгое время въ какомъ-то полулетаргическомъ состояніи. Не стану говорить о причинѣ этого необыкновеннаго застоя, хотя оно представляетъ занимательный предметъ для изслѣдованія; замѣчу только, что если конецъ XVIII столѣтія и начало XIX ничего не произвели полнаго и колоссальнаго въ живописи, то за то они много разработали ея части. Она распалась на безчисленные атомы и части. Каждый изъ этихъ атомовъ развитъ и постигнутъ несравненно глубже, нежели въ прежнія времена. Замѣтили такія тайныя явленія, какихъ прежде никто не подозрѣвалъ. Вся та природа, которую чаще видитъ человѣкъ, которая его окружаетъ и живетъ съ нимъ, вся эта видимая природа, вся эта мелочь, которою пренебрегали великіе художники, — достигли изумительной истины и совершенства. Всѣ наперерывъ старались замѣтить тотъ живой колоритъ, которымъ дышетъ природа. Все тайное въ ея лонѣ, весь этотъ нѣмой языкъ пейзажа, подмѣчены, или, лучше сказать, украдены, вырваны изъ самой природы, хотя все это украдено отрывками, хотя всѣ произведенія этого вѣка похожи болѣе на опыты, или, лучше сказать, записки, матеріалы, свѣжія мысли, которыя наскоро вноситъ путешественникъ въ свою книгу съ тѣмъ, чтобы не позабыть ихъ и чтобы составить изъ нихъ послѣ нѣчто цѣлое. Живо-

пись раздробилась на низшія ограниченныя ступени: гравировка, литографія и многія мелкія явленія были съ жадностію разрабатываемы въ частяхъ. Этимъ обязаны мы XIX вѣку. Колоритъ, употребляемый XIX вѣкомъ, показываетъ великій шагъ въ знаніи природы. Взгляните на эти безпрестанно появляющіеся отрывки, перспективы, пейзажи, которые рѣшительно въ XIX вѣкѣ опредѣлили сліяніе человѣка съ окружающею природою—ка́къ въ нихъ дѣлится и выходитъ окинутая мракомъ и освѣщенная свѣтомъ перспектива строеній! какъ сквозитъ освѣщенная вода, какъ дышетъ она въ сумракѣ вѣтвей! какъ ярко и знойно уходитъ прекрасное небо и оставляетъ предметы передъ самыми глазами зрителя! какое смѣлое, какое дерзкое употребленіе тѣней тамъ, гдѣ прежде вовсе ихъ не подозрѣвали! и вмѣстѣ, при всей этой рѣзкости, какая роскошная нѣжность, какая подмѣчена тайная музыка въ предметахъ обыкновенныхъ, безчувственныхъ! Но что̀ сильнѣе постигнуто въ наше время, такъ это освѣщеніе. Освѣщеніе придаетъ такую силу и, можно сказать, единство всѣмъ нашимъ твореніямъ, что они, не имѣя слишкомъ глубокаго достоинства, показывающаго геній, необыкновенно пріятны для глазъ. Они общимъ выраженіемъ своимъ не могутъ не поразить, хотя, внимательно разсматривая, иногда увидишь въ творцѣ ихъ необширное познаніе искусства.

Возьмите всѣ безпрестанно являющіяся гравюры, эти отпрыски яркаго таланта, въ которыхъ дышетъ и вѣетъ природа такъ, что они кажутся какъ-будто оцвѣчены колоритомъ: въ нихъ заря такъ тонко свѣтлѣетъ на небѣ, что всматриваясь, кажется, видишь алый отблескъ вечера; деревья, облитыя сіяніемъ солнца, какъ-будто покрыты тонкою пылью; въ нихъ яркая бѣлизна сладострастно сверкаетъ въ самомъ глубокомъ мракѣ тѣни. Разсматривая ихъ, кажется, боишься дохнуть на нихъ. Весь этотъ эффектъ, который разлитъ въ природѣ, который происходитъ отъ сраженія свѣта съ тѣнью, весь этотъ эффектъ сдѣлался цѣлію и стремленіемъ всѣхъ нашихъ артистовъ. Можно сказать, что XIX вѣкъ есть вѣкъ эффектовъ. Всякій отъ перваго до послѣдняго торопится произвесть эффектъ, начиная отъ поэта до кандитера, такъ что эти эффекты, право, уже надоѣдаютъ и, можетъ быть, XIX вѣкъ по странной причудѣ своей наконецъ обратится ко всему безъэффектному.

Впрочемъ можно сказать, что эффекты болѣе всего выгодны въ живописи и вообще во всемъ томъ, что̀ видимъ нашими глазами. Тамъ, если они будутъ ложны и неумѣстны, то ихъ ложность и неумѣстность тотчасъ видна всякому. Но въ произведеніяхъ, подверженныхъ духовному оку, совершенно другое дѣло. Тамъ они, если ложны, то вредны тѣмъ, что распространяютъ ложь, потому что простодушная толпа безъ разсужденія кидается на блестящее. Въ рукахъ истиннаго таланта они вѣрны и превращаютъ человѣка въ исполина; но, когда они въ рукахъ поддѣльнаго таланта, то для истиннаго понимателя они отвратительны, какъ отвратителенъ карло, одѣтый въ платье великана, какъ отвратителенъ подлый человѣкъ, пользующійся незаслуженнымъ знакомъ отличія. Но все это, однакожъ, не относится къ нынѣшнему дѣлу. Должно признаться, что въ общей массѣ стремленіе къ эффектамъ болѣе полезно, нежели вредно: оно болѣе двигаетъ впередъ, нежели назадъ, и даже въ послѣднее время подвинуло все къ усовершенствованію. Желая произвести эффектъ, многіе болѣе стали разсматривать предметъ свой, сильнѣе напрягать умственныя способности. И если вѣрный эффектъ оказывался большею частію только въ мелкомъ, то этому виною безлюдіе крупныхъ геніевъ, а не огромное раздробленіе жизни и познаній, которымъ обыкновенное приписываютъ. Притомъ, стремленіе къ эффектамъ обдѣлало многія части чрезвычайно удовлетворительно и рѣзкою своею очевидностію сдѣлало ихъ доступными для всѣхъ. Не помню, кто-то сказалъ, что въ XIX вѣкѣ невозможно появленіе генія всемірнаго, обнявшаго бы въ себѣ всю жизнь XIX вѣка. Это совершенно несправедливо, и такая мысль исполнена безнадежности и отзывается какимъ-то малодушіемъ. Напротивъ: никогда полетъ генія не будетъ такъ ярокъ, какъ въ нынѣшнія времена; никогда не были для него такъ хорошо приготовлены матеріалы, какъ въ XIX вѣкѣ, и его шаги уже, вѣрно, будутъ исполински и видимы всѣми отъ мала до велика.

Картина Брюлова можетъ назваться полнымъ, всемірнымъ созданіемъ. Въ ней все заключилось. По крайней мѣрѣ она захватила въ область свою столько разнороднаго, сколько до него никто не захватывалъ. Мысль ея принадлежитъ совершенно вкусу нашего вѣка, который вообще, какъ-бы самъ чувствуя свое страшное раз-

дробленіе, стремится совокуплять всѣ явленія въ общія группы и выбираетъ сильные кризисы, чувствуемые цѣлою массою. Всякому извѣстны прекрасныя созданія, къ которымъ принадлежатъ: Видѣніе Валтазара, Разрушеніе Ниневіи и нѣсколько другихъ, гдѣ въ страшномъ величіи представлены великія катастрофы, которыя составляютъ совершенство освѣщенія; гдѣ молнія въ грозномъ величіи озаряетъ ужасный мракъ и скользитъ по верхушкамъ головъ молящагося народа. Общее выраженіе этихъ картинъ поразительно и исполнено необыкновеннаго единства. Но въ нихъ вообще только одна идея этой мысли. Онѣ похожи на отдаленные виды; въ нихъ только общее выраженіе. Мы чувствуемъ только страшное положеніе всей толпы, но не видимъ человѣка, въ лицѣ котораго былъ бы весь ужасъ имъ самимъ зримаго разрушенія. Ту мысль, которая видѣлась намъ въ такой отдаленной перспективѣ, Брюловъ вдругъ поставилъ передъ самыми нашими глазами. Эта мысль у него разрослась огромно и какъ-будто насъ самихъ захватила въ свой міръ. Созданіе и обстановку своей мысли произвелъ онъ необыкновеннымъ и дерзкимъ образомъ: онъ схватилъ молнію и бросилъ ее цѣлымъ потопомъ на свою картину. Молнія у него залила и потопила все, какъ-будто бы съ тѣмъ, чтобы все выказать, чтобы ни одинъ предметъ не укрылся отъ зрителя. Отъ того на всемъ у него разлита необыкновенная яркость. Фигуры онъ кинулъ сильно такою рукою, какою мечетъ только могущественный геній: эта вся группа, остановившаяся въ минуту удара и выразившая тысячи разныхъ чувствъ; этотъ гордый атлетъ, издавшій крикъ ужаса, силы, гордости и безсилія, закрывшійся плащомъ отъ летящаго вихря каменьевъ; эта грянувшая на мостовую женщина, кинувшая свою чудесную, еще никогда неявлявшуюся въ такой красотѣ руку; этотъ ребенокъ, вонзившій въ зрителя взоръ свой; этотъ несомый дѣтьми старикъ, въ страшномъ тѣлѣ котораго дышетъ уже могила, оглушенный ударомъ, котораго рука окаменѣла въ воздухѣ съ распростертыми пальцами; мать, уже нежелающая бѣжать и непреклонная на моленія сына, котораго просьбы, кажется, слышитъ зритель; толпа, съ ужасомъ отступающая отъ строеній и со страхомъ, съ дикимъ забвеніемъ страха взирающая на страшное явленіе, наконецъ знаменующее конецъ міра; жрецъ

въ бѣломъ саванѣ, съ безнадежною яростью, мечущій взглядъ свой на весь міръ;—все это у него такъ мощно, такъ смѣло, такъ гармонически сведено въ одно, какъ только могло это возникнуть въ головѣ генія всеобщаго.

Я не стану изъяснять содержанія картины и приводить толкованія и поясненія на изображенныя событія. Для этого у всякаго есть глазъ и мѣрило чувства; притомъ же это слишкомъ очевидно, слишкомъ касается жизни человѣка и той природы, которую онъ видитъ и понимаетъ, потому-то они доступны всѣмъ отъ мала до велика: я замѣчу только тѣ достоинства, тѣ рѣзкія отличія, которыя имѣетъ въ себѣ стиль Брюлова, тѣмъ болѣе, что эти замѣчанія, вѣроятно, сдѣлали не многіе. Брюловъ первый изъ живописцевъ, у котораго пластика достигла верховнаго совершенства. Его фигуры, не смотря на ужасъ всеобщаго событія и своего положенія, не вмѣщаютъ въ себѣ того дикаго ужаса, наводящаго содроганіе, какимъ дышутъ суровыя созданія Микеля Анжело. У него нѣтъ также того высокаго преобладанія небесно-непостижимыхъ и тонкихъ чувствъ, которыми весь исполненъ Рафаэль. Его фигуры прекрасны при всемъ ужасѣ своего положенія. Онѣ заглушаютъ его своею красотою. У него не такъ, какъ у Микеля Анжело, у котораго тѣло только служило для того, чтобы показать одну силу душевнаго страданія, ея вопль, ея грозныя явленія; у котораго пластика погибала, контура человѣка пріобрѣтала исполинскій размѣръ, потому-что служила только одеждою мысли, эмблемою; у котораго являлся не человѣкъ, но только его страсти. Напротивъ того, у Брюлова является человѣкъ для того, чтобы показать всю красоту свою, все верховное изящество своей природы. Страсти, чувства, вѣрныя, огненныя, выражаются на такомъ прекрасномъ обликѣ, въ такомъ прекрасномъ человѣкѣ, что наслаждаешься до упоенія. Когда я глядѣлъ въ третій, въ четвертый разъ, мнѣ казалось, что скульптура, которая была постигнута въ такомъ пластическомъ совершенствѣ древними, что скульптура эта перешла наконецъ въ живопись и сверхъ того проникнулась какой-то тайной музыкой. Его человѣкъ исполненъ прекрасногордыхъ движеній, женщина его блещетъ, но она не женщина Рафаэля, съ тонкими, незамѣтными, ангельскими чертами, — она

женщина страстная, сверкающая, южная, италіянская, во всей красѣ полудня, мощная, крѣпкая, пылающая всею роскошью страсти, всѣмъ могуществомъ красоты,—прекрасная, какъ женщина. Нѣтъ ни одной фигуры у него, которая бы не дышала красотою, гдѣ бы человѣкъ не былъ прекрасенъ. Всѣ общія движенія группъ его дышутъ мощнымъ размѣромъ и въ своемъ общемъ движеніи уже составляютъ красоту. Въ созданіи ихъ онъ такъ же крѣпко и сильно правитъ своимъ воображеніемъ, какъ житель пустыни арабскимъ бѣгуномъ своимъ. Отъ того вся картина упруга и роскошна.

Вообще, во всей картинѣ выказывается отсутствіе идеальности, т. е. идеальности отвлеченной, и въ этомъ-то состоитъ ея первое достоинство. Явись идеальность, явись перевѣсъ мысли, и она бы имѣла совершенно другое выраженіе, она бы не произвела того впечатлѣнія; чувство жалости и страстнаго трепета не наполнило бы души зрителя, и мысль прекрасная, полная любви, художества и вѣрной истины, утратилась бы вовсе. Намъ не разрушеніе, не смерть страшны; напротивъ: въ этой минутѣ есть что-то поэтическое, стремящее вихремъ душевное наслажденіе, намъ жалка наша милая чувственность, намъ жалка прекрасная земля наша. Онъ постигнулъ во всей силѣ эту мысль. Онъ представилъ человѣка какъ можно прекраснѣе; его женщина дышетъ всѣмъ, что̀ есть лучшаго въ мірѣ. Ея глаза свѣтлые какъ звѣзды, ея дышащая нѣгою и силою грудь, обѣщаютъ роскошь блаженства. И эта прекрасная, этотъ вѣнецъ творенія, идеалъ земли, должна погибнуть въ общей гибели, на ряду съ послѣднимъ презрѣннымъ твореніемъ, которое недостойно было и ползать у ногъ ея. Слезы, испугъ, рыданіе,—все въ ней прекрасно.

Видимое отличіе, или манера Брюлова уже представляетъ тоже совершенно оригинальный, совершенно особенный шагъ. Въ его картинахъ цѣлое море блеска. Это его характеръ. Тѣни его рѣзки, сильны, но въ общей массѣ тонутъ и исчезаютъ въ свѣтѣ. Онѣ у него, такъ же какъ въ природѣ, не замѣтны. Кисть его можно назвать сверкающею, прозрачною. Выпуклость прекраснаго тѣла у него какъ-будто просвѣчиваетъ и кажется фарфоровою; свѣтъ, обливая его сіяніемъ, вмѣстѣ проникаетъ его. Свѣтъ у него такъ

нѣженъ, что кажется фосфорическимъ. Самая тѣнь кажется у него какъ-будто прозрачною, и, при всей крѣпости, дышетъ какою-то чистою, тонкою нѣжностію и поэзіей.

Его кисть остается на вѣки въ памяти. Я прежде видѣлъ одну только его картину — семейство Витгенштейна. Она съ перваго раза, вдругъ, врѣзалась въ мое воображеніе и осталась въ немъ вѣчно въ своемъ яркомъ блескѣ. Когда я шелъ смотрѣть картину — разрушеніе Помпеи, у меня прежняя вовсе вышла изъ головы. Я приближался вмѣстѣ съ толпою къ той комнатѣ, гдѣ она стояла, и на минуту, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, я позабылъ вовсе о томъ, что иду смотрѣть картину Брюлова, я даже позабылъ о томъ, есть ли на свѣтѣ Брюловъ. Но когда я взглянулъ на нее, когда она блеснула передо мною, въ мысляхъ моихъ какъ молнія пролетѣло слово: «Брюловъ!» я узналъ его! Кисть его вмѣщаетъ въ себѣ ту поэзію, которую чувства наши всегда знаютъ и видятъ даже отличительные признаки, но слова ихъ никогда не разскажутъ. Колоритъ его такъярокъ, какимъ никогда почти не являлся прежде, его краски горятъ и мечутся въ глаза. Они были бы нестерпимы, если-бы явились у художника градусомъ ниже Брюлова, но у него они облечены въ ту гармонію и дышутъ тою внутреннею музыкою, которой исполнены живые предметы природы.

Но главный признакъ и что̀ выше всего въ Брюловѣ, такъ это необыкновенная многосторонность и обширность генія. Онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ: все у него, начиная отъ общей мысли и главныхъ фигуръ, до послѣдняго камня на мостовой, живо и свѣжо. Онъ силится обхватить всѣ предметы и на всѣхъ разлить могучую печать своего таланта. Обыкновенно художникъ прежнихъ временъ всегда почти избиралъ себѣ какую-нибудь одну сторону и въ нее погружалъ весь талантъ свой, развивавшійся отъ того въ необыкновенномъ и какомъ-то отвлеченномъ величіи. Рафаэль обыкновенно писалъ одни только лица, одно развитіе на нихъ небесныхъ страстей и помышленій; все прочее, даже одежду, бросалъ онъ додѣлывать ученикамъ своимъ. Всѣ другіе великіе художники, настроенные высокостью религіозною, или высокостью страстей, небрегли объ окружающемъ и второстепенномъ въ ихъ

картинахъ. У нихъ небо является всегда бурое; облака похожи болѣе на копны сѣна, или на гранитныя массы; дерево или дѣтски-однообразно своею правильностью, или негармонически-безобразно своею неправильностью. Но у Брюлова, напротивъ, всѣ предметы, отъ великихъ до малыхъ, для него драгоцѣнны. Онъ силится схватить природу исполинскими объятіями и сжимаетъ ее съ страстью любовника. Можетъ быть, въ этомъ ему помогла много раздробленная разработка въ частяхъ, которую приготовилъ для него XIX вѣкъ. Можетъ быть, Брюловъ, явившись прежде, не получилъ бы того разносторонняго и вмѣстѣ полнаго и колоссальнаго стремленія. Отъ того-то его произведенія, можетъ быть, первыя, которыя живостью, чистымъ зеркаломъ природы, доступны всякому. Его произведенія первыя, которыхъ могутъ понимать (хотя неодинаково) и художникъ, имѣющій высшее развитіе вкуса, и незнающій, что̀ такое художество. Они первыя, которымъ суженъ завидный удѣлъ пользоваться всемірною славою, и высшею степенью ихъ есть до сихъ поръ—*Послѣдній день Помпеи*, которую, по необыкновенной обширности и соединенію въ себѣ всего, можно сравнить развѣ съ оперою, если только опера есть дѣйствительно соединеніе тройственнаго міра искусствъ: живописи, поэзіи и музыки.

1834, августа.

ПЛѢННИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ИСТОРИЧЕСКАГО РОМАНА.

Въ 1543 году, въ началѣ весны, ночью, тишина маленькаго городка Лу́комья была смущена отрядомъ реестровыхъ коронныхъ войскъ. Ущербленный мѣсяцъ, вырѣзываясь блестящимъ рогомъ своимъ сквозь безпрерывно обступавшія его тучи, на мгновеніе освѣщалъ дно провала, въ которомъ лѣпился этотъ небольшой городокъ. Къ удивленію немногихъ жителей, успѣвшихъ проснуться, отрядъ, котораго одно уже появленіе служило предвѣстіемъ буйства и грабительствъ, ѣхалъ съ какою-то ужасающею тишиною. Замѣтно было, что всю силу напряженнаго вниманія его останавливалъ тащившійся среди его плѣнникъ, въ самомъ странномъ нарядѣ, какой когда-либо налагало насиліе на человѣка: онъ былъ весь съ ногъ до головы увязанъ ружьями, вѣроятно для сообщенія неподвижности его тѣлу. Пушечный лафетъ былъ укрѣпленъ на спинѣ его. Конь едва ступалъ подъ нимъ. Несчастный плѣнникъ давно бы свалился, если бы толстый канатъ не прирастилъ его къ сѣдлу. Освѣтить бы мѣсячному лучу хоть на минуту его лицо — и онъ бы, вѣрно, блеснулъ въ капляхъ кроваваго пота, катившагося по щекамъ его! Но мѣсяцъ не могъ видѣть его лица, потому что оно было заковано въ желѣзную рѣшетку. Любопытные жители, съ разинутыми ртами, иногда рѣшались подступить поближе, но, увидя угрожающій кулакъ, или саблю одного изъ провожатыхъ, пятились и бѣжали въ свои щедушные домики, закутываясь по-

крѣпче въ наброшенные на плеча татарскіе тулупы и продрагивая отъ свѣжести ночного воздуха.

Отрядъ минулъ городъ и приближался къ уединенному монастырю. Это строеніе, составленное изъ двухъ, совершенно противоположныхъ частей, стояло почти въ концѣ города, на косогорѣ. Нижняя половина церкви была каменная и, можно сказать, вся состояла изъ трещинъ, обожжена, закурена порохомъ, почернѣвшая, позеленѣвшая, покрытая крапивою, хмѣлемъ и дикими колокольчиками, носившая на себѣ всю лѣтопись страны, терпѣвшей кровавыя жатвы. Верхъ церкви, съ тѣми изгибистыми деревянными пятью куполами, которые установила испорченная архитектура византійская, еще болѣе изуродованная варваризмомъ подражателей, былъ весь деревянный. Новыя доски, желтѣвшія между почернѣлыми старыми, придавали ей пестроту и показывали, что еще не такъ давно она была починена богомольными прихожанами. Блѣдный лучъ серпорогаго мѣсяца, продравшись сквозь кудрявыя яблони, укрывавшія вѣтвями въ своей гущѣ часть зданія, упалъ на низкія двери и на выдавшійся надъ ними вызубренный (карнизъ), покрытый небольшими, своевольно выросшими желтыми цвѣтами, которые на тотъ разъ блестѣли и казались огнями, или золотою надписью на дикомъ карнизѣ. Одинъ изъ толпы съ неизмѣримыми, когда-либо виданными усами, длиннѣе даже локтей рукъ его, котораго, по замашкамъ и дерзкому повелительному взгляду, признать можно было начальникомъ отряда, ударилъ дуломъ ружья въ дверь. Дряхлыя монастырскія стѣны отозвались и, казалось, испустили умирающій голосъ, уныло потерявшійся въ воздухѣ. Послѣ сего молчаніе снова заступило свое мѣсто. Брань на разныхъ нарѣчіяхъ посыпалась изъ-подъ огромнѣйшихъ усовъ начальника отряда. «Теремте-те, поповство проклятое! А то я знаю, чѣмъ васъ разбудить!» Раздался пистолѣтный выстрѣлъ, пуля пробила ворота и шлепнулась въ церковное окно, стекла котораго съ дребезгомъ посыпались во внутренность церкви. Это произвело смятеніе въ кельяхъ, которыя примыкали къ церкви; показались огни; связка ключей загремѣла; ворота со скрипомъ отворились,— и четыре монаха, предшествуемые игуменомъ, предстали блѣдные, съ крестами въ рукахъ.

«Изыдите, нечистые кромѣшники!» произнесъ едва слышнымъ, дрожащимъ голосомъ настоятель. «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, изыди діаволъ!»

«Але то еще и брешетъ, поганый», прогремѣлъ начальникъ языкомъ, которому ни одинъ человѣкъ не могъ бы дать имени— изъ такихъ разнородныхъ стихій былъ онъ составленъ. «То брешешь, лайдакъ, же говоришь, что мы дьяволы, а то мы не дьяволы, мы коронные.»

«Что̀ вы за люди? я не знаю васъ! за чѣмъ вы пришли смущать православную церковь?»

«Я тебѣ, псяюха, порохомъ прочищу глаза! Давай намъ ключи отъ монастырскихъ погребовъ.»

«На что̀ вамъ ключи отъ нашихъ погребовъ?»

«Я, глупый попъ, не буду съ тобой говорить. А если ты хочешь, басамазенята, поговори съ моимъ конемъ!»

«Принеси имъ, антихристамъ, ключи, братъ Касьянъ!» простоналъ настоятель, оборотившись къ одному монаху. «Только у меня нѣтъ вина! Какъ Богъ святъ, нѣтъ! ни одной бочки, ни боченка и ничего такого, что̀ бы вамъ было нужно.»

«А мнѣ какое дѣло! ребята хотятъ пить. Я тебѣ говорю, если ты, глупый попъ, сѣна, стойла и пшеницы не дашь лошадямъ, то я ихъ въ костёлъ вашъ поставлю и тебя сапогомъ до морды.»

Настоятель, не говоря ни слова; возвелъ на нихъ оловянные свои глаза, которые, казалось, давно уже не принадлежали міру сему, потому что не выражали никакой страсти, и встрѣтился съ злобно устремившимися на него глазами іезуита. Онъ отворотился отъ него и остановилъ ихъ на странномъ плѣнникѣ съ желѣзнымъ наличникомъ. Видъ этотъ, казалось, поразилъ почти безчувственнаго ко всему, кромѣ церкви, старца.

«За что̀ вы схватили этого человѣка? Господи, накажи ихъ трехъипостасною силою своею! Вѣрно, опять какой-нибудь мученикъ за вѣру Христову!»

Плѣнникъ испустилъ только слабое стенаніе.

Ключи были принесены, и при свѣтѣ сонно-горѣвшей свѣтильни вся эта ватага подошла ко входу пещеры, находившейся за церковью. Какъ только опустились они подъ земляные без-

образные своды, могильная сырость обдала всѣхъ. Въ молчаніи шелъ начальствовавшій отрядомъ, и непостоянный огонь свѣтильни, окруженный туманнымъ кружкомъ, бросалъ въ лицо ему какое-то блѣдное привидѣніе свѣта, тогда какъ тѣнь отъ безконечныхъ усовъ его подымалась вверхъ и двумя длинными полосами покрывала всѣхъ. Однѣ только грубо закругленныя оконечности лица его были опредѣлительно тронуты свѣтомъ и давали разглядѣть глубоко-безчувственное выраженіе его, показывавшее, что все мягкое умерло и застыло въ этой душѣ, что жизнь и смерть—трынъ-трава, что величайшее наслажденіе—табакъ и водка, что блаженство тамъ, гдѣ все дребезжитъ и валится отъ пьяной руки. *Это* было какое-то смѣшеніе пограничныхъ націй: родомъ Сербъ, буйно искоренившій изъ себя все человѣческое въ венгерскихъ попойкахъ и грабительствахъ, по костюму и нѣсколько по языку Полякъ, по жадности къ золоту Жидъ, по расточительности его козакъ, по желѣзному равнодушію дьяволъ. Во все время казался онъ спокоенъ; по временамъ только шумѣла между усами его обыкновенная брань, особенно когда неровный земляный полъ, часъ отъ часу уходившій глубже внизъ, заставлялъ его оступаться. Тщательно осматривалъ онъ находившіяся въ земляныхъ стѣнахъ норы, совершенно обсыпавшіяся, служившія когда-то кельями и единственными убѣжищами въ той землѣ, гдѣ въ рѣдкій годъ не проходило по степямъ и полямъ разрушеніе, гдѣ никто не строилъ крѣпкихъ строеній и зàмковъ, зная, кàкъ не прочно ихъ существованіе. Наконецъ, показалась деревянная заросшая мхомъ, зацвѣвшая гнилью, дверь, закиданная тяжелыми бревнами и каменьями. Предъ ней остановился онъ и оглянулъ ее значительно съ низу до верху. «А ну!» сказалъ онъ, мигнувши бровью на дверь, и отъ его волосистой брови, казалось, пахнулъ вѣтеръ. Нѣсколько человѣкъ принялись и не безъ труда отвалили бревна.

Дверь отворилась. Боже, какое ужасное обиталище открылось глазамъ! Присутствовавшіе взглянули безмолвно другъ на друга, прежде нежели осмѣлились войти туда. Есть что-то могильно-страшное во внутренности земли. Тамъ царствуетъ въ оцѣпенѣломъ величіи смерть, распустившая свои костистые члены подъ всѣми цвѣтущими весями и городами, подъ всѣмъ веселящимся,

живущимъ міромъ. Но если эта дышащая смертью внутренность земли населена еще живущими, тѣми адскими гномами, которыхъ одинъ видъ уже наводитъ содроганіе, тогда она еще ужаснѣе. Запахъ гнили пахнулъ такъ сильно, что сначала заняло у всѣхъ духъ. Почти исполинскаго роста жаба остановилась, неподвижно выпучивъ свои страшные глаза на нарушителей ея уединенія. Это была четырехъугольная, безъ всякаго другого выхода, пещера. Цѣлые лоскутья паутины висѣли темными клоками съ землянаго свода, служившаго потолкомъ. Обсыпавшаяся со сводомъ земля лежала кучами на полу. На одной изъ нихъ торчали человѣческія кости; летавшія молніями ящерицы быстро мелькали по нимъ. Сова или летучая мышь были бы здѣсь красавицами.

«А чѣмъ не свѣтлица? Свѣтлица хорошая!» проревѣлъ предводитель. «Але тебѣ, псяюхѣ, тутъ добре будетъ спать. Самъ ложись на ковáлки, а подъ голову подмости ту жабу, али возми за женку на ночь!»

Одинъ изъ коронныхъ вздумалъ было засмѣяться на это, но смѣхъ его такъ страшно-беззвучно отдался подъ сырыми сводами, что самъ засмѣявшійся испугался. Плѣнникъ, который стоялъ до того неподвижно, былъ столкнутъ на середину и слышалъ только, какъ захрипѣла за нимъ дверь и глухо застучали заваливаемыя бревна. Свѣтъ пропалъ и мракъ поглотилъ пещеру.

Несчастный вздрогнулъ. Ему казалось, что крышка гроба захлопнулась надъ нимъ, и стукъ бревенъ, заваливших входъ его, показался стукомъ заступа, когда страшная земля валится на послѣдній признакъ существованія человѣка, и могильно-равнодушная толпа говоритъ, какъ сквозь сонъ: «Его нѣтъ уже, но онъ былъ.» Послѣ перваго ужаса, онъ предался какому-то безсмысленному вниманію, бездушному существованію, которому предается человѣкъ, когда ударъ бываетъ такъ ужасенъ, что онъ даже не собирается съ духомъ подумать о немъ, но вмѣсто того устремляетъ глаза на какую-нибудь бездѣлицу и разсматриваетъ ее. Тогда онъ принадлежитъ къ другому міру и ничего не раздѣляетъ человѣческаго: видитъ безъ мыслей; чувствуетъ, не чувствуя; странно живетъ. Прежде всего вниманіе его впилось въ темноту. Все было на время забыто—и ужасъ ея, и мысль о погребеніи живого. Онъ

всѣми чувствами вселился въ темноту. И тогда предъ нимъ развернулся совершенно новый, странный міръ: ему начали показываться во мракѣ свѣтлыя струи,—послѣднее воспоминаніе свѣта! Эти струи принимали множество разныхъ узоровъ и цвѣтовъ. Совершеннаго мрака нѣтъ для глаза. Онъ всегда, какъ ни зажмурь его, рисуетъ и представляетъ цвѣты, которые видѣлъ. Эти разноцвѣтные узоры принимали или видъ пестрой шали, ила волнистаго мрамора, или, наконецъ, тотъ видъ, который поражаетъ насъ своею чудною необыкновенностью, когда разсматриваемъ въ микроскопѣ часть крылышка, или ножки насѣкомаго. Иногда стройный переплетъ окна, котораго, увы! не было въ его темницѣ, проносился передъ нимъ. Лазурь фантастически мелькала въ чорной его рамѣ, потомъ измѣнялась въ кофейную, потомъ исчезала совсѣмъ и обращалась въ черную, усѣянную или желтыми, или голубыми, или неопредѣленнаго цвѣта крапинами. Скоро весь этотъ міръ началъ исчезать: плѣнникъ чувствовалъ что-то другое. Сначала чувствованіе это было безотчетное; потомъ начало пріобрѣтать неопредѣленность. Онъ слышалъ на рукѣ своей что-то холодное; пальцы его невольно дотронулись къ чему-то склизкому. Мысль о жабѣ вдругъ осѣнила его!... Онъ вскрикнулъ и разомъ переселился въ міръ дѣйствительный. Мысли его окунулись вдругъ во весь ужасъ существенности. Къ тому еще присоединилось изнуреніе силъ, ужасный спертый воздухъ: все это повергло его въ продолжительный обморокъ.

Между тѣмъ отрядъ коронныхъ войскъ размѣстился въ монастырскихъ кельяхъ какъ дома, высылалъ монаховъ подчищать конюшни и пировалъ, радуясь, что наконецъ схватилъ того, кто былъ имъ нуженъ!

1830.

О ДВИЖЕНІИ НАРОДОВЪ ВЪ КОНЦѢ V ВѢКА.

Великое странствіе народовъ, произведшее нынѣшнее населеніе Европы, касается началомъ своимъ глубокой древности. Оно было, можетъ быть, современно основанію Рима, если еще не прежде. Когда Средиземное море омывало еще возрождающіяся государства, видѣло первые шаги возникающей торговли, и развивался духъ народовъ, составившихъ цвѣтъ древняго міра,—во глубинѣ Азіи скрывался другой невѣдомый міръ, которому опредѣлено было уничтожить, убить все древнее величіе, древній духъ, древнія формы прежняго и замѣстить его всѣмъ новымъ. Средняя Азія совершенно противуположна южной, юго-западной, африканскимъ и европейскимъ берегамъ Средиземнаго моря, гдѣ цвѣтущее разнообразіе природы, почвы, произведеній, смѣсь земли и моря, куча безчисленныхъ острововъ, мысовъ, заливовъ, казалось, были созданы нарочно для того, чтобы быстро развить дѣятельность и умъ человѣка. Природа средней Азіи совершенно другого рода: она однообразна и неизмѣрима. Степи ея безбрежны, какъ-то огромно ровны, какъ будто похожи на пустынный океанъ, нигдѣ неостанавливаемый островомъ. Неподвижныя озера безпредѣльныхъ равнинъ не могли возбудить никакой дѣятельности. Казалось, сама природа опредѣлила эту землю народамъ пастушескимъ, чтобы по нимъ имѣли мы понятіе о первобытной жизни первоначальныхъ людей. Неизмѣримость равнинъ не могла внушить человѣку никакой идеи о постоянномъ жилищѣ, которая обыкновенно возраждается у него при видѣ утесистой горы, берега, моря, острова,

и, вообще, гдѣ только есть возможность укрѣпиться. Гдѣ же природа усыплена и недвижима, тамъ и человѣкъ безпеченъ: онъ заботится только о слишкомъ нужномъ. Патріархальные обитатели степей питались только молокомъ, сыромъ, доставляемыми ихъ полудикими животными, и рѣдко питались мясомъ. Отъ того стада ихъ множились необыкновеннымъ образомъ; владѣльцы ихъ чаще должны были переходить съ мѣста на мѣсто; степей требовалось съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе,—и тѣ земли, которыя ужасаютъ донынѣ своею неизмѣримостью, земли, бывшія вдвое болѣе тогдашняго образованнаго міра, земли, съ которыми бы земледѣльцы всего свѣта не знали, что̀ дѣлать—эти земли сдѣлались тѣсными. Сильнѣйшіе властители должны были вытѣснить слабѣйшихъ. Народы пастушескіе, не имѣя неподвижной собственности, укрѣпленной давностію владѣнія, легко уступаютъ первому напору и уходятъ съ своими стадами далѣе. И такимъ образомъ Азія сдѣлалась народовержущимъ вулканомъ. Съ каждымъ годомъ выбрасывала она изъ нѣдръ своихъ новыя толпы и стада, которыя, въ свою очередь, сгоняли съ мѣстъ изверженныхъ прежде. Они перешли горы и потянулись въ Европу. Народы, можно сказать, не шли впередъ, а машинально сталкивали другихъ съ мѣстъ. Это не были завоеватели, а какіе-то невольники, дѣйствовавшіе только отъ страха наказанія. Цѣпь народовъ отъ востока и сѣверо-востока протянулась такимъ образомъ по всей Европѣ къ самому югу На югѣ они встрѣтили первое сопротивленіе, ощутили огромную власть Римлянъ и встрѣтились съ древнимъ міромъ. Между тѣмъ, Азія продолжала извергать новыя толпы. Толчокъ отъ каждаго новаго изверженія проходилъ по всей цѣпи; новые тѣснили прежнихъ, предъидущіе послѣдующихъ. Стремленіе народовъ становилось сильно, но за то и отпоръ со стороны Римлянъ былъ очень силенъ, и потому-то на границахъ Римской имперіи накопилось такое множество народовъ. Послѣ каждаго новаго изверженія это накопленіе становилось сильнѣе, и Римлянамъ труднѣе было сопротивляться имъ. Наконецъ Римляне уступили—тогда и орды стремительнѣе хлынули на югъ Европы. Не имѣй Европа южною границею своею Средиземнаго моря, или имѣй эти толпы народовъ какое-нибудь понятіе о мореплаваніи, это переселеніе долго

бы не остановилось, потому что Азія не переставала извергать новыя толпы, народы перешли бы въ Африку, Европа еще бы нѣсколько лѣтъ не устоялась, хаосъ бы продолжился надолго, государства составились бы гораздо позже, и, вообще, весь ходъ образованія отодвинулся бы на дальнѣйшія времена. Но какъ только народы, овладѣвшіе югомъ Европы, увидѣли позади себя море и невозможность идти далѣе, то рѣшились всѣми силами сопротивляться нападавшимъ на нихъ непріятелямъ. Сіи послѣдніе, встрѣтивши неожиданный отпоръ, рѣшились отразить и своихъ непріятелей, которые съ своей стороны употребили тоже съ своими, и такимъ образомъ толчокъ получилъ обратное направленіе и движеніе вдругъ остановилось. Слѣдствіе этого почувствовалось даже въ Азіи, гдѣ нѣкоторые пастушескіе народы принуждены были заняться земледѣліемъ.

Это переселеніе совершилось бы гораздо быстрѣе, если бы Европа состояла изъ такихъ гладкихъ открытыхъ равнинъ, какими исполнена Азія. Но въ ней, напротивъ того, природа на небольшомъ пространствѣ показала страшную нерегулярность и разнообразіе: со всѣхъ сторонъ она изрыта морями, берега ея всѣ изъ полуострововъ и мысовъ, средина почти нигдѣ не имѣетъ ровной поверхности — она идетъ то вверхъ, то внизъ, то подымается безобразными высокими горами, то опускается долинами, какъ будто провалившимися между ними. Къ этому нужно прибавить, что она въ то время вся была облечена дремучимъ, непроходимымъ лѣсомъ и пронята топкими болотами. И потому движеніе народовъ, чѣмъ глубже касалось Европы, тѣмъ происходило медленнѣе: они должны были продираться сквозь лѣса, перелѣзать черезъ горы и обходить болота. Они селились оазами и были такъ скрыты одинъ отъ другаго лѣсами и невѣдомыми мѣстами, что часто долго были безопасны отъ всякихъ нападеній. И когда новое наводненіе толпы слишкомъ многочисленной, водимой предпріимчивымъ повелителемъ, освѣщало Европу великолѣпными иллюминаціями, зажигая вѣковые лѣса ея, и лѣса исчезали; тогда изумленнымъ глазамъ ихъ представлялся народъ, котораго существованія они даже и не подозрѣвали, и который нравами своими, хотя уже отдалившимися, все еще сходствовалъ съ ними. Вся Европа состояла, можно ска-

зать, изъ клочковъ и отрывковъ, отторженныхъ другъ отъ друга самою природою; отъ того покореніе ея и соединеніе подъ одну власть было вовсе невозможно, и отъ того произошли ея безчисленныя націи, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, слились бы и изгладились, если бы она состояла изъ открытыхъ равнинъ. Это былъ новый, невидимый міръ, о которомъ древніе просвѣщенные народы ничего не знали, и который, можно сказать, самъ мало зналъ себя.

Основу его составляло множество разныхъ отраслей германскихъ племенъ, простиравшихся по всему западу. Берега Нѣмецкаго моря, Рейна и Дуная, и вся средина Европы до Балтійскаго *моря* были заняты ими. Состояніе ихъ во время перваго знакомства съ ними Римлянъ уже показывало давнюю осѣдлость въ Европѣ и—что переселеніе ихъ совершилось въ глубокой древности. Но, что оно истекло изъ Азіи, тому доказательствомъ служитъ странное сходство нѣкоторыхъ коренныхъ словъ языка германскаго съ персидскимъ (*). Выбросила ли Азія въ первоначальной древности за однимъ разомъ племена на югъ, образовавшіяся среди горъ въ народъ персидскій, и на сѣверъ, превратившіяся въ лѣсахъ Евроны въ Германцевъ, или позже тяжелое вліяніе Парфянъ, ринувшихся изъ средины Азіи, принесло въ языкъ персидскій множество словъ, раздававшихся дотолѣ въ неизмѣримыхъ степяхъ ея и распространившихся уже и въ Европѣ (**),—какъ-бы то ни было, но первоначальное происхожденіе Германцевъ было изъ Азіи и переселеніе ихъ совершилось въ отдаленныя времена.

Эти народы представляли совершенно противоположный и вовсе отличный міръ отъ римскаго. Физическая и духовная ихъ природа носила рѣзкій отпечатокъ самобытности и особенности. Ихъ организація физическая совершенно спорила съ организаціей народовъ древняго міра. Черные блестящіе глаза, темные волосы, выразительныя, южныя черты лица, казалось, дышавшія потребностью роскоши и пресыщающихъ наслажденій—общей физіогноміей уже остановившагося древняго міра — встрѣчали здѣсь совершенную противоположность: голубоглазые, свѣтловолосые,

(*) Шлегель.
(**) Миллеръ.

рослые, крѣпкіе, съ однимъ только свирѣпымъ выраженіемъ войны на лицѣ, Германцы показали собою совершенно новую природу, которою означился новый міръ. Ихъ религія, ихъ жизнь, ихъ темпераментъ, первообразныя стихіи характера, разнились во всемъ отъ образованныхъ тогдашнихъ народовъ. Религія германскихъ народовъ отличалась особенною оригинальностью. Ихъ божество и предметъ поклоненія была земля. Казалось, какъ-будто мрачный видъ тогдашней Европы внушилъ имъ идею этой религіи. Будучи рѣдко освѣщаемы солнцемъ и находясь вѣчно подъ мрачною тѣнью вѣковыхъ дубовъ, роя пещеры для первоначальныхъ своихъ жилищъ или сохраненія сокровищъ, видя одну только землю, могущественно выбрасывавшую на поверхность растенія, приносившія имъ бѣдную пищу, и величественныя высокія деревья, шумѣвшія надъ ними, они почитаaи ее зиждительницею всего. Отъ ней производили они бога своего Туистона или Тевта, у котораго былъ сынъ Манъ, а отъ него различныя вѣтви германскихъ народовъ, которые, по мнѣнію ихъ, были древнѣйшими обитателями міра. По видимому, такое понятіе о религіи совершенно отдѣляетъ ихъ отъ Азіи, но мы должны вспомнить, что владычество природы и положенія земли всегда было сильно. Природа деспотически властвуетъ надъ первоначальнымъ человѣкомъ. Развиваясь и зрѣя умомъ, онъ получаетъ надъ нею верхъ и предписываетъ ей законы, но въ первобытномъ, но въ дикомъ состояніи онъ долженъ самъ исполнять ея законы—онъ рабъ ея. Въ средней Азіи небо все открыто передъ глазами. Тамъ оно необозримо и велико. Земля передъ нимъ кажется слишкомъ низменною. Никакое высокое растеніе, никакая остроконечная, высокая, узкая скала не останавливаетъ взора; разстилающаяся по необозримымъ пространствамъ трава представляетъ ее еще низменнѣе. Солнце такъ течетъ величественно, обливая все своимъ свѣтомъ, звѣзды усыпаютъ густо небесный небосклонъ и однѣ только могутъ остановить человѣка и препятствовать совратиться съ пути. Отъ того во всей Азіи царствовало всегда поклоненіе солнцу и небеснымъ свѣтиламъ. Передвигаясь въ Европу, народы рѣже видѣлись съ солнцемъ. Густой и величественный мракъ европейсхихъ лѣсовъ сильнѣе поражалъ ихъ дикое воображеніе. Туманы сѣвера и болотныя испа-

ренія скрывали вовсе небо; самая необходимость заниматься иногда земледѣліемъ заставляла ихъ болѣе привязаться къ землѣ. И потому-то у германскихъ народовъ было очень слабо поклоненіе свѣтиламъ; едва у немногихъ сохранилась о немъ память. Во глубинѣ и глуши лѣсовъ, непроницаемыхъ солцемъ, они приносили свои жертвы богинѣ, матери Гертѣ. Казалось, мракъ считался у нихъ чѣмъ то священнымъ, и потому-то ихъ религія уже въ самомъ началѣ не сходствовала съ другими. Они вѣрили въ безсмертіе. Но ихъ небеса были мрачны. Они въ своемъ Ваалгалѣ видѣли продоженіе воинственной ихъ жизни: туда переселяли они свои германскіе дубы, пылающіе костры и громъ оружій. Небеса облекали въ свинцовыя тучи и населяли темными тѣнями своихъ великихъ, уже погибшихъ на войнѣ героевъ. Поклоненіе Гертѣ разошлось между всѣми почти германскими племенами. Къ предметамъ поклоненія ихъ принадлежали также тѣни умершихъ героевъ, которыхъ они представляли въ колоссальномъ видѣ. Такія же почести раздѣляли ихъ товарищи-кони, изъ которыхъ бѣлые почитались, по свидѣтельству Тацита, священными и хранились въ заповѣдныхъ рощахъ. Ихъ впрягали въ священную колесницу, за которою шелъ король, жрецы, и по храпѣнію ихъ узнавали будущее.

Германскіе народы долго сохраняли первобытный образъ жизни. Они жили и веселились одною войною. Они трепетали при звукѣ ея, какъ молодые исполненные отваги тигры. Думали о томъ только, чтобы помѣряться силами и повеселиться битвой. Ихъ мало занимала корысть, или добыча: блеснуть бы только подвигомъ, чтобы послѣ пересказали его дѣло въ пѣсняхъ. Съ именемъ прославившагося въ бояхъ соединялись у нихъ всѣ выгоды и счастіе жизни. Его выбирали въ предводители; къ нему чувствовалось у всѣхъ народовъ уваженіе и изумленіе. Онъ былъ посредникъ и судья во всѣхъ спорахъ; на войнѣ полный распорядитель добычи; ему даже чуждыя, отдаленныя племена присылали конныя збруи; ему родныя и подвластныя племена добровольно приносили въ даръ произведенія полей своихъ—плоды, скотъ и лошадей. Храбрость казалась чѣмъ-то божескимъ, подъ его знамена всѣ спѣшили наперерывъ и сражались, не для добычи, но чтобы показаться передъ нимъ и

заслужить его одобрительное слово. Его имя долго поминалось въ пѣсняхъ, и по смерти его въ честь ему совершались пиршества, и долго племя, имѣвшее его, превозносилось его подвигами передъ другими; тѣнь его становилась божествомъ и служила предметомъ поклоненія. Такой удѣлъ былъ завиденъ, потому что жажда безсмертія уже кипитъ и въ неразвившемся человѣкѣ. Всѣ наперерывъ стремились прошумѣть подвигами; битвы были часты, и Германцы, по первому призванію, готовы были летѣть съ своими дикими силами (*).

Они сражались почти наги, выказывая во всей простотѣ атлетическую свою силу. Плащъ, застегнутый вмѣсто пряжки терновымъ шипомъ, кожа дикаго звѣря на плечѣ—вотъ ихъ убранство. Они строились густо, кучами, въ видѣ клина; дѣйствовали вблизи и вдали короткими копьями, называемыми фрамеями; львиная сила мышцъ ихъ бросала ихъ такъ далеко, сколько нужно было, чтобы достать непріятеля; одни щиты ихъ показывали роскошь, испещряемые яркими цвѣтами; толпа женъ, дѣтей, слѣдовала за ними въ битву, сопровождала ихъ своимъ крикомъ и была причиною новаго мужества; они не мыслили предаться бѣгству при мысли о рабствѣ, ожидающемъ ихъ женъ и дѣтей, усугубляли дикій напоръ свой, и непріятели уступали. Ихъ жены тутъ же, среди битвы, высасывали раны мужей своихъ, залѣчивали ихъ и даже уносили на плечахъ своихъ. Смерть предводителя, вмѣсто того, чтобы разстроить ихъ, связывала желѣзною силою мести и дѣлала ихъ несокрушимыми. Бросить щитъ было верхъ безчестія, и несчастный, жертва всеобщаго презрѣнія, убивалъ самъ себя. Предводитель силою одного уваженія, безъ власти, правилъ самовластно племенами, и воины съ изумительною покорностью исполняли его велѣнія. Предводя на войнѣ, они оставляли при себѣ власть эту иногда и среди мира и назывались Гериманами.

Они были вольны и не хотѣли никакой имѣть надъ собою власти. Правленія у нихъ почти не было. Они собирались на народныя собранія, стекавшіяся при новолуніи и полнолуніи каждаго мѣсяца, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ и во всякое время. На эти собранія они приходили лѣниво и медленно, желая показать, что

(*) Тацитъ.

дѣлаютъ это по своей волѣ; нѣсколько дней протекало, покамѣсть могло составиться нужное число для совѣщанія. Они сидѣли въ полномъ вооруженіи; одни только жрецы могли приказать наблюдать молчаніе; предсѣдательствовали старѣйшины семействъ сѣдовласые, grawion, послѣ измѣнившіе это названіе въ графовъ; говорили князья и прославившіеся въ битвахъ; рѣчи ихъ были просты, но исполнены того сильнаго и сжатаго лаконизма, которымъ отличается безхитростное краснорѣчіе народовъ свѣжихъ.

Они были просты, прямодушны; ихъ преступленія были слѣдствіе невѣжества, а не разврата. То, что̀ было безчестіе и низость духа, называлось только преступленіемъ; перемѣтчики, измѣнники, были вѣшаны и предаваемы мучительной казни; за низкіе и безчестные поступки бросали въ болото, забрасывали тиною и фашинникомъ, какъ-бы желая скрыть то, что̀ не должно бы никогда показываться. Жена, измѣнившая мужу, была въ его власти, онъ могъ отрѣзать ей волосы, лишить одѣянія и обнаженную, покрытую стыдомъ, гнать розгами чрезъ веси и деревни, и никто не смѣлъ изъявлять сожалѣнія, не смотря на всю красоту ея; но примѣры эти были рѣдки, потому что Германцы были дики и жестки нравами, и что у нихъ были только обычаи, которые обыкновенно сильнѣе самихъ законовъ.

Они были безпечны, бездѣйственны въ домашней жизни и представляли совершенную противоположность безпокойному быту воинскому. Они были безчувственно-лѣнивы и лежали въ своихъ хижинахъ, не трогаясь съ мѣста. Чѣмъ болѣе кто почиталъ себя храбрымъ, тѣмъ болѣе считалъ для себя низкимъ всякое занятіе; поля обработывали старики, безсильные, малолѣтные и рабы, которые пользовались совершенною свободою и платили только небольшую подать отъ полей своихъ. Всѣ домашнія заботы лежали на женахъ. Жена не приносила мужу приданаго; напротивъ, онъ долженъ былъ самъ, на канунѣ свадьбы, принесть въ даръ быка въ ярмѣ, вооруженную лошадь и копье, какъ-бы желая этимъ дать знать, что она должна раздѣлить всѣ его занятія.

Они одѣвались совершенно противоположно римскому міру и всѣмъ народамъ южнымъ, любителямъ вольныхъ, широкихъ одеждъ; они носили платье узкое, которое совершенно обвивалось около

ихъ тѣла; звѣриныя кожи, носимыя ими, придавали имъ что-то дикое и звѣрообразное. Одѣянія женъ ихъ мало отличались отъ мужскихъ: у иныхъ платье было льняное алое, доходившее только до пояса, такъ что шея, грудь и руки были открыты. Дѣти были совершенно преданы своей волѣ и росли вмѣстѣ съ домашнимъ скотомъ. Когда они достигали совершеннаго возраста, тогда только получали право носить оружіе и засѣдать въ собраніяхъ. Гостепріимство, свойственное почти всѣмъ дикарямъ и первобытнымъ нравамъ, было ихъ принадлежностью. Гостя дарили подарками; немогшій угостить его отводилъ самъ къ другому.

Но болѣе всего можно было видѣть древняго Германца въ его пиршествахъ, въ которыхъ проводили они напролетъ цѣлыя ночи, гдѣ зажженные дубы величественно освѣщали лѣса, и хлѣбный напитокъ изъ ячменя, можетъ быть, пращуръ нынѣшняго пива, такъ употребительнаго въ Германіи, разрѣшалъ ихъ мысли, рѣчи и намѣренія. Въ этихъ-то пиршествахъ созрѣвали всѣ ихъ предпріятія. Тутъ они задумывали свои смѣлыя и дерзкія дѣла, которыя не всегда и не всѣмъ могли придти въ голову во время медленныхъ народныхъ собраній. Они были стремительны, азартны, и какъ только были разбужены, потрясены и выходили изъ своего хладнокровнаго положенія, то уже не знали предѣловъ своему стремленію. Азартность ихъ болѣе всего оказывалась въ игрѣ, въ которую заигрывался дикій Германецъ до того, что проигрывалъ свой домъ, оружіе, жену, дѣтей, наконецъ самаго себя и становился рабомъ, состояніе, нестерпимѣе для него самой смерти! Эта азартность, можетъ быть, служила основаніемъ дерзкихъ, сильныхъ страстей, которыми исполнены Европейцы.

Таковы были народы германскіе — грубыя стихіи, изъ которыхъ образовалась новая Европа. Они дѣлились на безчисленныя племена и, какъ густые европейскіе лѣса, усѣевали сѣверную Европу. Чтобы яснѣе обозрѣть ихъ, начнемъ съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ древній міръ уже видѣлъ этихъ первоначальныхъ зиждителей новаго, т. е. отъ рѣки Дуная, служившаго предѣломъ для Римлянъ. Тутъ обитали уже входившіе въ сношеніе съ древнимъ просвѣщеннымъ Римомъ, все еще вольные, но уже не столь одичавшіе, какъ то: Гермундуры, Нариски, Маркоманы и Квады. Потомъ ве-

ликая цѣпь племенъ германскихъ толпилась по Рейну, отъ устья и внизъ до впаденія его въ море: Вангіоны, Трибоки, Нѣметы, Матіаки, Убіи; за ними слѣдовали Тенктеры, бывшіе первыми наѣздниками, которыхъ конница славилась и у Римлянъ; которыхъ все имущество были лошади и оставлялись въ наслѣдство только храбрымъ; за ними Узипетры и у самаго впаденія Рейна въ море— сильные Батавы. Средина Германіи, погруженная въ лѣса, скрывала самыхъ свирѣпыхъ и сильныхъ народовъ. Начиная съ запада и на востокъ, первые встрѣчались Хаты, предки нынѣшнихъ Гессенцевъ, жившіе при рѣкѣ Майнѣ, гдѣ Германія состоитъ изъ частыхъ возвышенностей,—народъ, страшившій своею пѣхотою, регулярнымъ устройствомъ ея, осмотрительностію въ нападеніяхъ и дикимъ выраженіемъ лицъ своихъ. Ихъ обычаи невольно поражали своею оригинальностію. Ни одинъ юноша не смѣлъ отрѣзать волосъ своихъ до тѣхъ поръ, пока не омылъ рукъ своихъ въ крови непріятеля; въ битвахъ они должны были находиться впереди и своими обросшими косматыми лицами наводили робость на врага. Всякій Хатъ носилъ на рукѣ своей, желѣзное кольцо, что̀ считалось безчестіемъ, потому что напоминало цѣпи; сбросить его онъ могъ тогда только, когда поражалъ собственною рукою непріятеля. На югъ отъ Хатовъ были Херуски, обитатели Гарца; далѣе слѣдовали Фозы, Сигабры, Бруктеры, Ангруаріи, Хазуаріи, наконецъ Аряне, отличавшіеся совершенно особеннымъ родомъ нападеній, которыя они производили въ глухія, мрачныя ночи, и, желая облечь ихъ страхомъ, выкрашивали тѣло, носили щиты, покрытые черною краскою и, въ видѣ погребальной процессіи, представлялись изумленнымъ глазамъ непріятелей, немогшихъ выносить такого зрѣлища. За ними на востокъ, въ пространствахъ нѣсколько болѣе открытыхъ, обитали Свевы, состоявшіе изъ множества разныхъ племенъ и ведшіе долго еще жизнь пастушескую, не смотря на то, что положеніе земли, еще болотной, мало представляло для нея удобства.

Вообще можно сказать: чѣмъ ближе къ западу и юго-западу, тѣмъ болѣе было занимавшихся земледѣліемъ, или, по крайней мѣрѣ, оно мѣшалось у нихъ съ пастушескою жизнію; чѣмъ ближе къ востоку, къ Венгріи, Дакіи и Польшѣ, тѣмъ болѣе преобладала пастушеская жизнь, чѣмъ глубже въ лѣса Гарца, тѣмъ мрачнѣе и

сильнѣе становились германскія племена. Но самые опасные, которыхъ Римляне даже вовсе почти не знали, и которые были истинные разрушители ихъ владычества—это были всѣ, населявшіе берега морей и при-балтійскія земли. Сюда никогда не досягали Римляне. Здѣсь жили пираты, самые предпріимчивые изъ Германцевъ, которыхъ уже положеніе земли и моря заставляло отваживаться на дерзкія дѣла. Такимъ образомъ, по Нѣмецкому морю, жили Фризы и Хавки; за ними самые сильные корсары сѣвера Саксы, въ Голштиніи Кимвры, по Балтійскому морю: Готы, Варны, Ругіи, Бургунды, и въ Пруссіи Ломбарды, Вандалы, Герулы. Кромѣ того, въ рединѣ Германіи находилось еще множество разныхъ отродій, совершенно скрытыхъ болотами и лѣсами, которыя, во время частыхъ битвъ между ея племенами, были вытѣсняемы и видѣли необходимость избирать неприступныя мѣста. Горы Альпъ и Карпата заключали въ себѣ множество клочковъ или остатковъ разныхъ племенъ галльскихъ, германскихъ и венедскихъ, бандитствовавшихъ въ дикой Европѣ. Сѣверовостокъ ея, совершенною бѣдностію почвы, уединеніемъ и страшнымъ пространствомъ, не могъ образовать и возрастить сильныхъ народовъ. Въ разъсѣянныхъ, бездомовныхъ, безпріютныхъ его обитателяхъ, Финнахъ, и отросткахъ народовъ эстскихъ замирала жизнь, какъ и въ самой природѣ того края.

Вотъ каковъ былъ тотъ отдѣльный міръ дикой Европы! Вотъ каковы были тѣ народы, которыхъ мощную силу прежде всего должны были испытать Римляне! И если всемірная имперія не пала гораздо ранѣе, то причиною этого были: чрезвычайное раздробленіе народовъ германскихъ, положеніе Европы, препятствовавшее имъ слиться въ одно, простота нравовъ, заставлявшая ихъ довольствоваться грубыми произведеніями своей земли, незнаніе корысти, такъ свойственной разрушающимъ дикарямъ, осѣдлость и любовь къ свободѣ, заставлявшая ихъ удалиться во глубину своихъ лѣсовъ. Римляне чувствовали всю опасность отъ этихъ свѣжихъ силъ европейскихъ народовъ. И отъ того, никакая изъ границъ имперіи: ни восточно-азійская, ни южно-африканская, не была такъ защищена, какъ сѣверо-европейская. Сюда, можно сказать, стеклась вся сила ихъ. И должно признаться, что сред-

ства защиты, при тогдашнемъ изнемогающемъ состояніи имперіи, были приняты самыя благоразумныя. Имперія отдавала опасныя границы свои свѣжимъ воинственнымъ народамъ, которые лучше всего могли защищать ихъ и были довольны въ началѣ немногимъ. Но къ чести народовъ германскихъ нужно сказать, что одна только сильная необходимость заставляла ихъ принимать этотъ даръ Римлянъ. Эта зависимость казалась для нихъ рабствомъ, и они спѣшили въ глубину лѣсовъ своихъ скрыть тамъ свою свободу. Покушенія Римлянъ принуждали ихъ составлять сильные между собою союзы, но эти союзы никогда не были нападательны; цѣль ихъ была только привести въ безопасность свою волю, бывшую для нихъ дороже всего. Одинъ изъ сихъ союзовъ, извѣстный подъ именемъ союза Франковъ, болѣе другихъ возросъ и усилился, благодаря благопріятному положенію земли и умножившимся натискамъ со стороны всѣхъ народовъ. Разнородныя племена, его составившія, заняли часть Вестфаліи и Гессена и такъ тѣсно слились, что составили наконецъ одну націю подъ именемъ Франковъ. Но этотъ союзъ не былъ бы такъ страшенъ для Римлянъ, и вся Германія долѣе пребывала бы неподвижною, если бы не дѣйствовали на нее постороннія силы выходившихъ изъ Азіи народовъ. Восточная часть Европы была очень страшна своими равнинами. Это были широкіе ворота въ западную Европу, большáя дорога, черезъ которую переходили поперемѣнно разноцвѣтные народы; лѣса были здѣсь болѣе выжжены, нежели въ другихъ мѣстахъ; болота скорѣе высохли, и съ каждымъ столѣтіемъ она становилась просторнѣе и удобнѣе для переходовъ. Открытыя мѣста ея давали средство народамъ и племенамъ соединяться въ большія массы, представляли удобность для кочующей жизни, которая даетъ средства производить великіе набѣги. Народъ вдругъ могъ подняться съ легкихъ жилищъ своихъ и произвести всею массою самое страшное, ничѣмъ неотразимое, разрушительное нападеніе.

Одному изъ народовъ германскихъ опредѣлено было прежде всѣхъ другихъ произвести всеобщее движеніе. Этотъ народъ были Готы (*), народъ, надъ которымъ, казалось, тяготѣло какое-то про-

(*) О Готахъ: Прокофій, Іорнандъ, Гиббонъ.

клятіе, осудившее его на скитаніе. Долго блуждалъ онъ и показывался, то въ Скандинавіи, на противоположныхъ берегахъ Балтійскаго моря, то, наконецъ, на широкомъ востокѣ Европы. По свидѣтельству историка Іорнанда, онъ первобытную жизнь велъ въ Скандинавіи. Можетъ быть даже, что это былъ одинъ изъ первоначальныхъ народовъ Европы. Перебравшись изъ снѣговой своей отчизны, онъ устремился на берегъ Пруссіи и произвелъ страшный всемірный переворотъ, вытѣснивъ оттуда Вандаловъ, Ломбардовъ, Геруловъ, Бургундовъ и Саксовъ, и, противъ ихъ собственной воли, заставилъ ихъ быть одними изъ ревностныхъ дѣятелей въ разрушеніи западной имперіи. Всеобщее потрясеніе ощутилось во всей Европѣ: вся эта цѣпь сильныхъ при-балтійскихъ народовъ придвинулась ближе къ границамъ римскимъ, потѣснила въ горы и болота множество племенъ, сжала сильнѣе ихъ силу, и Римляне должны были завести новое знакомство—Герулы, Вандалы, Ломбарды уже стали появляться въ войскахъ ихъ.

Между тѣмъ, Готы, прочистивши передъ собою дорогу, отчасти разогнали, отчасти покорили при-дунайскихъ народовъ—Маркомановъ, Квадовъ; соединились въ южныхъ равнинахъ Дакіи въ многочисленныя массы и, съ приведенными подъ власть свою народами, устремились къ Черному морю. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ удобнѣе была имъ дорога и тѣмъ быстрѣе былъ ихъ путь; наконецъ они очутились въ срединѣ Греціи и въ Малой Азіи выжгли берега Чернаго моря. Халцедонъ, Эфесъ, были обращены въ пепелъ; Аѳины были разграблены страшно, безжалостно. Императоръ Децій видѣлъ опасность восточныхъ границъ обширной своей имперіи и, между тѣмъ какъ на западныхъ границахъ войска его сражались съ Вандалами, Свевами, Герулами, сдвинутыми съ мѣстъ Готами, онъ самъ предводилъ войсками на востокѣ и погибъ съ оружіемъ въ рукахъ. Готы съ великою добычею возвратились, заняли нынѣшнюю Россію, пріобрѣли трактатомъ отъ Римлянъ всю Дакію и остались здѣсь, владычествуя надъ при-дунайскими народами и тревожа присутствіемъ своимъ безпечную имперію. Тогда всемірные императоры, узнавшіе несчастнымъ опытомъ дикое мужество Готовъ, составили планъ принимать ихъ въ свои войска и выдавать жалованье этимъ неодолимымъ дика-

рямъ. Симъ пріобрѣли они сильныхъ защитниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣли и сильныхъ непріятелей, потому что открыли имъ тайну благоустроенной тактики, которая еще болѣе могла придать имъ перевѣса. Но, впрочемъ, тактика Готовъ и безъ того была неодолима. Она соединяла въ себѣ вмѣстѣ и тактику народовъ легкихъ и кочующихъ, и тактику неподвижныхъ народовъ. Они строились густыми, великими массами и сохраняли одинаковую крѣпость въ порывѣ перваго нападенія, въ разгарѣ битвы и въ потухающей силѣ ея окончанія. Какъ бы долго ни длилась битва, ихъ ряды не возможно было сдвинуть съ мѣста. Нападенія свои они сопровождали, такъ же какъ и другія германскія племена, пѣснями. Въ пѣсняхъ провозглашали имена древнихъ героевъ: Фридигера, Видигана, Этесбамера и другихъ. Власть религіозная заключалась въ одномъ лицѣ, который былъ вмѣстѣ и царь, и предводитель войскъ, и верховный жрецъ, и при всемъ томъ—зависѣлъ отъ совѣта храбрыхъ.

У Готовъ съ незапамятныхъ временъ тянулось царственное поколѣніе Бальтовъ, изъ которыхъ только однихъ можно избирать царей. Поклонялись Водану, бывшему въ отдаленные вѣки ихъ предводителемъ вмѣстѣ съ Оденомъ, этимъ сѣвернымъ Улиссомъ (*). Изъ всѣхъ народовъ германскихъ Готы болѣе другихъ способны были принять цивилизацію. До средины четвертаго вѣка, власть Готовъ признавалась болѣе или менѣе народами на Дунаѣ, на западѣ и на востокѣ нынѣшней Россіи. Имя царя ихъ Германриха было уважаемо отъ береговъ Чернаго моря до Ливоніи... Но владычество Готовъ было смущено великимъ азіятскимъ нашествіемъ Гунновъ.

Гунны или Гіонгну, по свидѣтельству Дегине, были племена сильныя, занимавшія великія степи Татаріи, Манжуріи, потрясшія Китай, но неумѣвшія противиться китайской лукавой политикѣ и обратившіяся въ послѣдствіи въ данниковъ китайскихъ монарховъ. Однакоже, многочисленная часть поднялась съ своими кибитками и табунами, направляя на западъ, заняла за-каспійскія земли и скрылась такимъ образомъ изъ виду Китая. Поселеніе ихъ на берегахъ каспійскихъ историки римскіе относятъ ко времени Домиц

(*) Шлегель.

ниціана. Не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, что образованный тогдашній римско-греческій міръ ничего не зналъ даже о томъ, существуетъ ли на свѣтѣ этотъ народъ, до времени императора Валенса, т. е. до того времени, когда увидѣли вдругъ извергавшіяся изъ горъ Азіи толпы Гунновъ и съ ними Аваровъ, Гунуюровъ, Ульзингуровъ и другихъ народовъ, которыхъ имена дико звучали для утонченнаго и вмѣстѣ испорченнаго слуха Римлянъ-Грековъ. Набѣгъ этихъ обитателей Азіи разрушительный, неотразимый; обычай ихъ ѣсть сырое мясо, пить изъ непріятельскихъ череповъ и приносить на окровавленномъ кострѣ въ жертву тѣнямъ своихъ предковъ первыхъ попадавшихся плѣнниковъ; самыя ихъ калмыцкія лица, плоскія, неуклюжія, смуглыя, наводившія робость однимъ своимъ свирѣпымъ движеніемъ; ихъ приземистый ростъ, весь состоявшій изъ однихъ мускулъ,—привели въ такой ужасъ азіятско-римскія провинціи, что жители не смѣли производить ихъ отъ человѣческаго племени. Они думали, что маги и волшебники неизмѣримыхъ каспійскихъ пустынь вошли въ нечистое сношеніе съ дьяволами, и отъ этого союза произошли Гунны.

Гунны, по какому-то странному инстинкту, или, можетъ быть, испугавшись слишкомъ пестрой поверхности римской Азіи, усѣянной садами и городами, которыхъ всегда убѣгаютъ кочевые народы, считающіе ихъ темницами, или не находя вольныхъ пустынныхъ степей, необходимыхъ для ихъ неисчисляемыхъ стадъ,—какъ бы то ни было, только они двинулись, вмѣсто того, чтобы на югъ,—на сѣверо-западъ; зацѣпили путемъ своимъ Кавказа, сорвали съ его подошвы нѣсколько народовъ кавказскихъ и увлекли съ собою. Вся эта кочевая толпа высыпала въ Европу. Великій аванпостъ Европы занятъ былъ, какъ мы уже видѣли, владычествомъ Готовъ. Ихъ многочисленныя племена и покоренные ими народы были передовыми ея стражами и наполняли ея обширныя ворота, къ несчастію слишкомъ обширныя для такой небольшой части свѣта, какова Европа. И Готы, тѣ Готы, которые считались непобѣдимымъ ея оплотомъ и силою, уступили передъ ними. Это такъ и долженствовало быть. Тайна азіятскаго многочисленнаго набѣга была совершенно неизвѣстна Готамъ. Если бы они знали,

что азіятское нападеніе болѣе всего страшно силою перваго порыва, что умѣніе долѣе противостать ему и продлить битву одни только могутъ выиграть; если бы Готы знали это, то Гунны убрались бы снова за Кавказъ, и Европа не почувствовала бы сильнаго потрясенія, измѣнившаго снова ея видъ. Но эта тайна не была постигнута Готами. Впрочемъ надобно сказать и то̀, что нужно было имѣть нечеловѣческую храбрость и крѣпость духа, чтобы выдержать первый напоръ Гунновъ. Нападенія ихъ были производимы съ такимъ ужаснымъ крикомъ; многочисленная масса ихъ летѣла такъ густо и съ такою силою на лошадяхъ бѣшеныхъ, почти дикихъ, какъ-будто бы была сброшена съ крутого утеса, и не въ состояніи была сама удержать бѣга; узкій, почти пропадавшій между пухлыхъ щекъ, ихъ глазъ былъ такъ быстръ и вѣренъ, въ одно мгновеніе они давали столько измѣненій ходу битвы, такъ быстро могли разсыпаться и исчезнуть изъ виду, такъ скоро собраться въ кучи, такъ мѣтко высылать летящій лѣсъ стрѣлъ, даже убѣгая такъ ловко они умѣли отстрѣливаться, и все это сопровождали такимъ дикимъ оглушительнымъ крикомъ,—что врядъ ли могъ сыскаться предводитель, чей глазъ не разбѣжался бы и голова не закружилась въ битвѣ съ ними.

Погнавши Готовъ, Гунны заняли нынѣшній польскій западъ Россіи, да сѣверныя и дунайскія земли—географія Европы измѣнилась снова. Занявши такое огромное пространство, Гунны необходимо должны были произвесть сильное потрясеніе и всеобщую перемѣну мѣстъ. Сдвинутые Готы, хотя съ трудомъ, но подались на западъ и югъ: Вандалы и Свевы, съ которыми Римляне, или, лучше сказать, римскіе Германцы мѣрялись уже на самыхъ границахъ своими силами, ворвались чрезъ Францію и Альпы въ Испанію. И въ Испаніи, ко всеобщему изумленію, столкнулись народы совершенно съ противоположныхъ странъ свѣта: Свевы съ береговъ Балтики и снѣжной Скандинавіи, и Алане, оторванные гуннскимъ порывомъ, съ подошвы Кавказа.

Гунны бродили по степямъ Россіи, переносили свои кибитки и перегоняли табуны въ теченіе цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ, не производя дальнихъ завоеваній, потому что западную Европу и на тотъ разъ спасало лѣсистое и неровное положеніе и потому что

Гуннамъ не доставало предпріимчиваго предводителя. Они производили свои набѣги на сосѣдей, которые обыкновенно состояли въ хищничествѣ женъ, дѣтей и въ угонкѣ стадъ въ свои предѣлы. Эти хищничества болѣе всего должны были испытать Готы, какъ ближайшіе къ нимъ народы. Готы въ это время раздѣлились на двѣ великія вѣтви: на Визиготовъ, которыхъ цари были избираемы изъ прежней царственной линіи Бальтовъ, и Остроготовъ, избиравшихъ царей изъ новой царственной вѣтви Амаловъ. Столкнутые Гуннами, они притѣснились къ самому югу нынѣшней Украйны и Молдавіи. Ненашедшая безопасности часть Визиготовъ, подъ начальствомъ Фридигера, Алета, Сафраха, обратилась съ просьбою къ римскому императору о позволеніи перейти черезъ Дунай и, поселившись на южной сторонѣ его, защищать провинціи отъ нападенія усиливавшихся варваровъ. Императоръ Валентиніанъ, управлявшій имперіей вмѣстѣ съ братомъ своимъ Валентомъ, принялъ съ радостію неожиданную помощь—и Визиготы перешли чрезъ Дунай. Между тѣмъ Остроготы и часть Визиготовъ, жившихъ на юго-востокѣ, терпѣли часто голодъ и видѣли безпрестанно увеличивающіяся свои нужды, просили императора Валенса, который имѣлъ надзоръ надъ восточными провинціями и жилъ въ Константинополѣ, снабдить ихъ нужными произведеніями и позволить имъ торговать съ тамошними жителями. Императоръ поручилъ удовлетворить ихъ во всемъ Фракійскимъ правителямъ, Луципину и Максиму, которые были совершенные Греки временъ византійскихъ, коварные, готовые оказать злодѣйскіе поступки даже безъ побудительныхъ причинъ и почитавшіе позволительными всѣ поступки съ варварами. Они не торговали, но просто грабили Готовъ и доводили ихъ до крайности продавать женъ и дѣтей; наконецъ, подъ видомъ пріязни, призвали доблестнѣйшихъ Готовъ и рѣшились тайно умертвить ихъ. Это пробудило мщеніе въ дикомъ, но сохранявшемъ первоначальныя человѣческія чувства, народѣ. Многочисленныя толпы Готовъ ворвались во Фракію и до самаго Константинополя жгли, грабили и обратили въ пепелъ всѣ находившіеся по дорогѣ города и окрестности. Императоръ Валентъ находился въ весьма неблагопріятномъ положеніи. Онъ былъ ревностный Аріянецъ и потому гналъ безъ милосердія противни-

ковъ секты; потому имѣлъ враговъ и самъ братъ его Валентиніанъ, императорствовавшій въ Римѣ, отказалъ подать ему помощь. Кромѣ того императоръ Валентъ былъ жестокъ и ужасно подозрителенъ: ему предсказали, что гибель его послѣдуетъ отъ человѣка, котораго имя начинается словомъ *Өео*—и онъ перерѣзалъ и передушилъ всѣхъ Өеодориковъ, Өеодотовъ и Өеодосіевъ, которые только занимали какія-нибудь значительныя должности. Само собою разумѣется, что такіе поступки не внушили его поданнымъ излишняго жара защищать своего монарха. При томъ, и самые подданные были жалкій безхарактерный народъ, войска умѣли только бунтоваться и готовы были бѣжать при первомъ случаѣ; финансы разбрелись по рукамъ евнуховъ, любимцевъ, любовницъ и пронырливаго духовенства. Итакъ, Валенту наконецъ пришло поплатиться за прежнюю жизнь свою. Оставленный бѣгущими войсками, онъ спрятался въ бѣдную хижину и былъ сожженъ вмѣстѣ съ нею мстительными Готами. Константинополь уцѣлѣлъ, благодаря незнанію Готовъ осаждать города. Готы съ торжествомъ, съ безчисленною добычею, возвратились въ свои жилища, оставивъ Римлянамъ страшную память своего посѣщенія.

Скоро послѣ этого произошло совершенное раздѣленіе римской имперіи. Императоръ Өеодосій думалъ спасти ее чрезъ эту секуляризацію, приписывая слабость ея неизмѣримости и невозможности одному управлять. Восточная имперія, которая очень справедливо стала называться греческою, а еще справедливѣе могла бы назваться имперіей евнуховъ, комедіянтовъ, любимцевъ ристалищъ, заговоровъ, низкихъ убійцъ и диспутствующихъ монаховъ, досталась Аркадію, которымъ управлялъ пронырливый опекунъ его Руфимъ; западная, которая тоже весьма несправедливо называлась римскою, потому что административныя значительныя мѣста были заняты выслужившимися варварами изъ Готовъ, Вандаловъ и другихъ Германцевъ, получившихъ только слабый наружный лоскъ римскаго образованія; которая уже въ собственномъ сердцѣ своемъ видѣла насильно тѣснившихся враговъ; которая въ живомъ трупѣ своемъ видѣла и чувствовала онѣмѣніе жизни,— эта западная имперія вручена была малолѣтному Гонорію, которымъ управлялъ Стиликонъ, родомъ Вандалъ, бывшій вѣрнымъ и

храбрымъ при Θеодосіи и сдѣлавшійся низкимъ и слабымъ при ничтожномъ его сынѣ. Опекуны, правительствовавшіе въ разныхъ углахъ Европы, ненавидѣли другъ друга. Первый подарокъ, который Руфимъ, хитрый, какъ византійскій Грекъ, препроводилъ къ своему непріятелю Стиликону, состоялъ въ сильныхъ войскахъ Визиготовъ, которыхъ онъ настроилъ воевать Италію, обѣщая съ своей стороны не подавать никакой помощи. Всѣ Визиготы поднялись съ своихъ становищъ въ Дакіи и съ береговъ Дуная и вступили въ Италію. Но Стиликонъ, вмѣсто того, чтобы устрашиться такого нашествія, въ тайнѣ былъ радъ ему. Онъ основывалъ на немъ кучу плановъ. Прежде всего онъ думалъ этими свѣжими, многочисленными и сильными варварами истребить другихъ варваровъ, уже втѣснявшихся въ самые предѣлы римской имперіи. Тогда Галлія и принадлежала, и не принадлежала Римлянамъ. Сильный Франкскій союзъ стоялъ на границахъ ея вмѣстѣ съ накопленными подъ его эгидомъ племенами; на востокѣ и на югѣ, т. е. въ нѣдрѣ самой Франціи, вольно расположились Алеманы и Бургунды. Въ Испаніи Свевы, Алане и Вандалы захватили всю лучшую часть ея, т. е. югъ. Среди ихъ римскіе префекты и начальники играли самую жалкую роль, имѣли достоинство безъ власти. Казалось, вмѣсто римской имперіи лежала надъ полуміромъ одна только величественная длинная тѣнь ея. Имперія была похожа на тысячелѣтній дубъ, который изумляетъ своею страшною толщиною, и котораго средина давно уже обратилась въ гниль и прахъ. Стиликонъ искусно отклонилъ Алариха отъ желанія поселиться въ Италіи и предложилъ ему богатую, цвѣтущую Испанію. Онъ даже замышлялъ обратить этихъ варваровъ противъ врага своего Руфима, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ располагалъ даже, въ случаѣ удачи, объявить себя императоромъ вмѣсто слабаго Гонорія, но черезъ чуръ перехитрилъ, и собственная голова слетѣла съ плечъ его. Слабый, ничтожный Гонорій, непонявшій ни одного проэкта Стиликона, велѣлъ одному изъ своихъ, такъ же неразсудительныхъ полководцевъ напасть съ тыла на Готовъ, уже выступавшихъ въ Испанію, съ тѣмъ чтобы нанести имъ какой нибудь вредъ. Аларихъ вдругъ обратился и очутился подъ стѣнами Рима. Гонорій по обыкновенію бѣжалъ. Сенатъ, видѣвши безсиліе свое, умолилъ могуществен-

наго Гота отступить, обѣщая дань, часть которой ему была выдана тогда же, остальной рѣшился побѣдитель ждать и отступилъ отъ Рима. Какъ только узналъ Гонорій, что опасность миновалась, какъ уже вновь прибылъ въ Римъ и вовсе не думалъ платить дани. На этотъ разъ Аларихъ явился подъ стѣнами уже гнѣвный, грозившій обратить въ пепелъ вѣчный городъ. 23 августа 409 года, стѣны всемірной столицы увидѣли среди себя предводителя Готовъ. Великолѣпные домы и дворцы были разграблены, но грозный Аларихъ запретилъ зажигательство и пролитіе крови. Изъ этого можно видѣть силу воли и власть, какую онъ имѣлъ надъ своими дикарями, удержавъ ихъ отъ того, отъ чего иногда невластенъ удержать и начальникъ образованныхъ войскъ. Гонорія и слѣда уже не было въ Римѣ, онъ давно умѣлъ скрыться. Но за то побѣдитель показалъ въ величайшей степени презрѣніе, какое чувствовалъ къ Римлянамъ: возвелъ имъ царя ихъ же префекта Атала и заставилъ его ползать у дверей палатъ своихъ. Насытивъ свое мщеніе, оставилъ онъ Римъ и обратился на югъ Италіи. Здѣсь онъ замышлялъ великіе планы, строилъ флотъ и намѣревался перенести свои побѣдительныя знамена на берега Африки, но смерть остановила его подвиги. Для гробницы его Визиготы отвели теченіе рѣки Везанто, вырыли на бывшемъ днѣ ея глубокую могилу, въ которую зарыли трупъ, и потомъ снова возвратили ее на прежнее лоно, чтобы никто не могъ осквернить и поругаться надъ могилою великаго Гота. Избранный послѣ него Астольфъ наконецъ вывелъ Готовъ въ Испанію, гдѣ они быстро утвердились и составили сильное готское королевство, изгнавъ неимѣвшихъ значенія римскихъ начальниковъ.

Вторженіе Визиготовъ было сильно почувствовано во всѣхъ концахъ Испаніи. Алане и Свевы были крѣпко стѣснены, и большая часть ихъ должна была признать власть Готовъ. Даже Вандалы, бывшіе сильнѣйшими въ Испаніи, были сильно притѣснены и придвинуты къ Средиземному морю. Уже король ихъ, Гензерихъ, помышлялъ о переправѣ въ Африку. Но одно происшествіе какъ будто нарочно ускорило исполненіе его мысли. Въ Римѣ управлялъ, именемъ малолѣтняго Валентиніана и его матери, знаменитый Аэцій, предпріимчивый, честолюбивый, хитрый, неслишкомъ раз-

борчивый на средства къ достиженію желаемаго. Онъ имѣлъ сильнаго противника въ Бонифаціи, правителѣ Африки, и рѣшился его погубить; для этого призывалъ его именемъ императора въ Римъ. Бонифацій, проникнувши умыселъ, рѣшился остаться въ Африкѣ и призвать на помощь Гензериха. Въ 427 году Гензерихъ съ Вандалами и частію Алановъ высадился на берегъ Африки и означилъ путь свой пожарами и опустошеніями. Бонифацій увидѣлъ наконецъ свою ошибку, что призвалъ такого гостя. Онъ успѣлъ уже примириться съ императоромъ и рѣшился поставить преграду безпокойному своему союзнику. Но съ Гензерихомъ не такъ было легко управиться: Бонифацій былъ разбитъ, Гензерихъ зажегъ Карфагену, ограбилъ домы, рубилъ жителей и извлекъ, гдѣ только могли скрываться, сокровища.

Быстрые успѣхи разожгли его хищное честолюбіе. Скоро весь сѣверный берегъ Африки подвергнулся его вандальскому владычеству. Огнемъ и мечомъ окрестилъ онъ его въ аріянство и составилъ сильнѣйшее въ этотъ мятежный и темный вѣкъ государство. Съ этого времени разгулялся Гензерихъ. Страшный флотъ его разсыпался по Средиземному морю и прекратилъ своимъ корсарствомъ всякое плаваніе. Каждый годъ этотъ нумидійскій левъ появлялся у всѣхъ береговъ Средиземнаго моря, отъ Греціи и Иллиріи до Гибралтара, собирая, какъ жатву на собственномъ полѣ, все, что могла только произвесть цвѣтущая населенность ихъ. Испанія, Сицилія, Сардинія, Далмація, поперемѣнно чувствовали ужасную разрушительную руку этого вѣнчаннаго пирата, который такъ быстро воздвигнулъ первое государство христіянскихъ корсаровъ. Но наконенъ, среди величія и награбленныхъ богатствъ, имъ овладѣло то состояніе духа, та свирѣпая задумчивость, которая сушитъ, мучитъ душу и служитъ близкимъ предвѣстіемъ тиранства, ужасной нравственной болѣзни властителя. Онъ сталъ подозрѣвать всѣхъ окружающихъ и подозрѣніе наконецъ простеръ на жену свою, дочь визиготскаго короля: ему вообразилось, что она имѣетъ умыселъ отравить его. Наполненный этою мыслію, онъ приказалъ отрѣзать ей носъ и уши и въ такомъ видѣ отправить къ ея отцу. Но, испугавшись самъ мщенія Готовъ, пригласилъ Аттилу, предводителя Гунновъ, напасть съ сѣвера на Испанію и Италію.

Аттила имѣлъ свою резиденцію въ Дакіи, гдѣ, недалеко отъ Дуная, находилось становище изъ грубыхъ деревянныхъ юртъ, среди которыхъ возвышался неуклюжій дворецъ его. Аттила былъ именно такой предводитель, какого дотолѣ не доставало Гуннамъ. Онъ показалъ, какъ можетъ быть ужасна, стремительна азіятская сила. Весь сѣверо-востокъ Европы признавалъ его владычество. Цѣпь народовъ, несшихъ дань непобѣдимому царю Гунновъ, начиналась у Кавказа и оканчивалась у Рейна. Готы, Гепиды, Алане, Герулы, Аказиры, Туринги и Славяне очутились въ границахъ его быстро раздавшейся кочевой имперіи. Греческій императоръ, испытывавшій его презрѣніе, униженно присылалъ ему дань и ползалъ передъ его могуществомъ. Это былъ маленькій человѣчекъ, *почти* карло, съ огромною головою, съ небольшими калмыцкими глазами, но такъ быстрыми, что ни одинъ изъ подданныхъ его не могъ выносить ихъ безъ невольнаго трепета. Однимъ этимъ взглядомъ онъ двигалъ всѣми своими племенами, которыя, не смотря на разбросанное свое положеніе, различіе жизни, нравовъ и обычаевъ, слились его словомъ въ одну душу. Посреди своихъ придворныхъ, блиставшихъ награбленнымъ золотомъ, этотъ необыкновенный человѣкъ носилъ грубую широкую одежду, лежалъ на простомъ войлокѣ, пилъ почти одну воду изъ деревяннаго котла; ни сѣдло, ни лошадь его не видали на себѣ драгоцѣнныхъ каменьевъ, и самъ себя называлъ бичемъ Божіимъ, посланнымъ для того, чтобы исправить міръ. Власть его надъ войскомъ была безпредѣльна: оно вѣрило, что у него находится чудесный мечъ, который долженъ завоевать ему весь міръ. Повиновеніе покоренныхъ народовъ было изумительно. Впрочемъ, невозможно было и думать имъ о возмущеніи, потому что Аттила могъ выставить возлѣ своей ставки такую пирамиду изъ отрубленныхъ головъ, глядя на которую немного находилось охотниковъ. Онъ не любилъ заводить напрасно войны, особенно, когда миръ могъ ему доставить то же самое. Справедливость его была ужасна. Онъ показывалъ и великодушіе, но только рабамъ, простертымъ у ногъ его. Мщеніе же Аттилы... но вызвать его мщеніе никто не имѣлъ духа.

Предложеніе Гензериха, казалось, упредило его собственную мысль. Властительно собралъ онъ безчисленныя племена свои и

шелъ на западъ. Римская имперія почувствовала всю опасность. Всѣ народы, составлявшіе тогда западъ Европы, встревожились. И тогда случилось странное событіе: вся западная дикая Европа сдвинулась въ одинъ союзъ. Римляне соединились съ своими разрушителями, Визиготами, Аланами, Франками. Народы кочующіе и пастушескіе шли на неподвижныхъ и уже отчасти земледѣльцевъ. Стремительная и деспотическая Азія на крѣпкую и вольную Европу. Нужно замѣтить, что германскіе народы, чѣмъ ближе къ западу, тѣмъ болѣе означались вольнымъ духомъ. Альпы были древнимъ хранилищемъ европейской свободы, и вокругъ нихъ, на далекое разстояніе, племена хранятъ еще и донынѣ черты независимости. Равнинамъ близъ Марны во Франціи опредѣлено было быть театромъ этой единственной битвы. Западная вольная Европа изъ Римлянъ, Визиготовъ, Арморикaнъ, Бреоновъ, Бургундовъ, Саксоновъ, Алановъ и Франковъ, подъ начальствомъ королей, военныхъ предводителей и подъ высшимъ распоряженіемъ искуснаго Аэція, и восточная кочевая Европа изъ Остроготовъ, Алановъ, Гепидовъ, Маркомановъ, Венедовъ, Ломбардовъ, Геруловъ, Акaзировъ, Аваровъ, Турингoвъ, Роксолановъ и нѣкоторыхъ племенъ славянскихъ, подъ начальствомъ своихъ князей, королей и принцевъ, и движимыхъ одною всемогущею волею Аттилы, должны были рѣшить многое важное въ потомствѣ. Вольная Европа устояла. Неотразимая, разрушительная конница Аттилы была опрокинута вмѣстѣ съ союзными народами, и непобѣдимый Гуннъ, употребившій все возможное напряженіе своей воли, поворотилъ свои табуны и народы въ равнины Венгріи и Панонiи. Аэцій, не желая дать перевѣса Визиготамъ, дѣйствовавшимъ сильнѣе другихъ въ этой кровопролитной сѣчѣ, облегчилъ ему удаленіе. Великая лига, исполнившая свое назначеніе, разошлась и обратилась въ прежнія начала, увидя минувшую опасность.

Но ужасный предводитель Гунновъ рвалъ на себѣ благородный клокъ волосъ своихъ отъ гнѣва и черезъ годъ, пополнивши свои войска новыми, вступилъ въ Италію, гдѣ безпечный императоръ Валентиніанъ и даже самъ Аэцій не мыслили объ опасности. Первый городъ, испытавшій его тяжелую руку, былъ Аквилея. Онъ его обратилъ въ пепелъ и заставилъ горсть спасшихся жителей

зародить на Адріатическомъ морѣ Венецію. Отсюда прошелъ онъ всю Италію, дѣйствуя какъ огненный бичъ. Города: Конкордія, Бресчіа, Виченца, Падуа, Верона, Мантуа, Миланъ, Модена, Парма, представили однѣ обнаженныя стѣны. «Клянусь,» гордо провозгласилъ дикій Гуннъ, «что, гдѣ коснется копыто коня моего, тамъ болѣе не выростетъ трава!» Наконецъ и Римъ увидѣлъ подъ стѣнами своими Аттилу. Испуганный Папа, въ облаченіи, со всѣмъ крестнымъ ходомъ, вышелъ на встрѣчу неумолимому Гунну, и великолѣпный ли обрядъ христіянства, или мысль, разсѣянная между дикими даже языческими народами, о пребываніи чего-то священнаго въ Римѣ,—что бы то ни было, но Аттила отступилъ, взявши *великій* выкупъ, и вышелъ изъ Италіи.

Теперь предстояла очередь испытать его мщеніе и силу соединенной лигѣ западныхъ народовъ, но внезапная смерть его спасла ее. Аттила умеръ необыкновеннымъ образомъ. Суровый, воздержный, непозволявшій золотымъ украшеніямъ и камнямъ убрать даже рукояти сабли и войлочнаго сѣдла своего, онъ въ одинъ день измѣнилъ свою жизнь. Сочетавшись бракомъ съ дочерью бактріянскаго царя, необыкновенною красавицею, упоенный виномъ и пиршествомъ, онъ съ такимъ неистовствомъ предался сладострастію, что выпилъ за однимъ разомъ всю желѣзную жизнь свою. Кровь у него пошла изъ ушей, изъ носа, изо рта — и онъ задохнулся.

Въ невѣдомой пустынѣ, среди глубокой ночи, копали могилу Аттилѣ, сопровождая пѣснями о его подвигахъ. Тѣло его было положено въ тройный гробъ изъ золота, серебра и мѣди; съ нимъ легли его оружія, его конныя збруи. На могилѣ его были заколоты всѣ рабы и копавшіе землю, чтобы никто изъ живущихъ не вѣдалъ о мѣстѣ, гдѣ лежали кости великаго человѣка (*).

По смерти Аттилы Гунны вдругъ разсѣялись и разсыпались какъ всякій азіятскій народъ, связанный только могущественною волею предводителя. Тогда европейскіе народы шире и вольнѣе раздались и болѣе приняли самостоятельности, и на востокѣ на-

(*) О Гуннахъ и объ Аттилѣ: Іорнандъ, Дегине, Фишеръ.

чали виднѣе показываться племена Славянъ, которыя мало-помалу разрослись въ шестьдесятъ разныхъ вѣтвей (*), протянулись до Тироля, прошумѣли по уходѣ Остроготовъ на границахъ имперіи греческой, и, углубившись въ великія пространства, наконецъ превратились въ мирныхъ осѣдлыхъ народовъ.

Италія еще дымилась послѣ опустошеній Аттилы, но и среди полуразрушенныхъ развалинъ ея крылись еще происки. И въ этомъ изнеможенномъ государствѣ еще нашлись жалкіе честолюбцы! Сенаторъ Максимъ успѣлъ очернить передъ безсильнымъ императоромъ Валентиніаномъ единственную опору его шаткаго трона—Аэція, и неблагодарный Валентиніанъ убилъ его собственною рукою. Но, лишившись этой опоры, онъ самъ погибъ, умерщвленный Максимомъ, который надѣлъ на свою дѣтски-честолюбивую голову императорскую корону и женился на его вдовѣ Евдоксіи. Мстительная вдова, раздраженная низкимъ умерщвленіемъ своего супруга и мало заботившаяся объ участи всей Италіи, тайно пригласила Гензериха вступить въ Римъ и отмстить за смерть императора, его союзника и друга.

Гензерихъ не любилъ заставлять долго ждать себѣ, онъ немедленно поднялся съ береговъ Африки съ толпами своихъ Вандаловъ, на пиратскихъ судахъ и высадился въ Италію. И что̀ только уцѣлѣло отъ меча Аттилы, все то истребилъ по своему обыкновенію Гензерихъ. Онъ не очень разбиралъ, кто правъ, кто виноватъ, и кому онъ долженъ оказать помощь. Все испытало равную участь. Гензерихъ имѣлъ необыкновенное искусство грабить: послѣ него уже никто не могъ ничѣмъ поживиться. Римъ, который дотолѣ щаженъ былъ даже язычниками, былъ ограбленъ безъ милосердія этимъ христіянскимъ королемъ; все, что̀ только можно было взять, онъ взялъ. Корабли свои онъ наполнилъ множествомъ плѣнниковъ, съ которыми самъ не зналъ, что̀ дѣлать; вывезъ множество артистовъ и художниковъ, увезъ даже супругу императора, къ которой пришелъ самъ на помощь, вмѣстѣ съ дочерьми ея, наконецъ даже сорвалъ золотой куполъ съ Капитолія и утащилъ его вмѣстѣ съ другими сокровищами въ Африку.

(*) Конрадъ Геснеръ.

Послѣ всѣхъ этихъ событій, Италія не походила и на тѣнь прежней своей славы. Цвѣтущая, прекрасная, вѣнецъ Европейской природы, она представила дикій видъ опустошенной, уничтоженной страны. Титло императора едва слышалось въ опустѣлыхъ городахъ. Римскій императоръ уже не могъ имѣть никакихъ доходовъ. Онъ не былъ въ состояніи даже платить жалованья собственному войску, набранному изъ Геруловъ, Ругіевъ и Турцелинговъ. И тогда предводитель ихъ, Одоакръ, отрѣшилъ своего императора отъ должности, сдѣлался неограниченнымъ и независимымъ и уже не хотѣлъ принять императорскаго достоинства, но назвался просто королемъ Геруловъ. Еще часть римскаго войска находилась какъ-бы отрѣзанною за Альпами въ Галліи и предводитель ея, Сіагрій, не зная ничего о происшествіяхъ въ Италіи, защищалъ несуществующую имперію противъ соединеннаго франкскаго союза; который сдѣлался уже слишкомъ страшнымъ, потому что имѣлъ предпріимчиваго короля и полководца Кловиса. Сіагрію, отрѣзанному отъ своего государства, неполучавшему никакихъ подкрѣпленій, трудно было противоборствовать этимъ свѣжимъ силамъ: онъ уступилъ — и Галлія потопилась франкскими народами. Скоро послѣ того Остроготы, предводимые Ѳеодорикомъ, двинулись съ сѣверныхъ границъ имперіи восточной и заняли Италію, подчинивъ ея народы своей власти. Скоро послѣ того Англосаксы, на своихъ неуклюжихъ дерзкихъ корабляхъ, перебрались черезъ море и овладѣли Англіею—и потомъ великія эмиграціи народовъ большими массами совершенно остановились, но въ частности, и малыми силами, онѣ производились безпрерывно. Дикіе охотники, воспитанные этими всеобщими странствіями и безпрерывною перемѣною мѣстъ, получили страсть къ приключеніямъ и путешествіямъ, и вся Европа, не смотря на то, что по видимому уже казалася неподвижною, двигалась и шевелилась подобно огромному рынку. Всѣ націи перемѣшались между собою такъ, что уже невозможно было отыскать совершенно цѣльной, и только въ послѣдствіи постоянный образъ правленія или занятій сообщилъ главнымъ изъ нихъ нѣкоторую особенность и нѣкоторые признаки отличія. Тогда было четыре первенствующихъ великихъ собраній или массъ народа, четыре

главные пункта Европейской силы: въ Испаніи Визиготы, вторгнувшіеся туда съ частію покоренныхъ народовъ и присоединившіе къ себѣ уже въ Испаніи Алановъ, Свевовъ, Вандаловъ и разныхъ подданныхъ имъ народовъ, зародившіе толпу сильныхъ противъ себя бандитовъ въ горахъ Астурійскихъ. Въ Галліи Франки, уже составившіе націю изъ прежнихъ сосѣдей Римлянъ, Дунайскихъ и рейнскихъ Германцевъ: Узипетровъ, Сигамбровъ, Херусковъ, Хатовъ, Бруктеровъ, Ангриваріевъ, Хазуаріевъ и другихъ, соединившіеся съ туземцами римскими Галлами, соединившіеся, но неслившіеся съ покоренными Арморикaнами, Бретонами, Алеманами, Бургундами, отчасти Бауарами и Фризами, и простершіе владычество за Альпы и Рейнъ. Это было одно изъ сильнѣйшихъ собраній народовъ. Въ сѣверной Германіи Саксоны, страшные своею дикостью и пиратствомъ менѣе смѣшавшіеся съ другими народами, и въ Италіи Остроготы, имѣвшіе въ толпахъ своихъ множество отродій народовъ, странствовавшихъ по восточной Европѣ—свевскихъ, аланскихъ, аварскихъ, славянскихъ, гепидскихъ—и, подъ расторопнымъ, твердымъ правленіемъ Ѳеодорика, получившіе на время перевѣсъ въ Европѣ. Сверхъ того, еще всѣ эти великія массы народовъ распространяли покровительственную власть свою надъ многими отдаленными племенами. Взаимныя границы ихъ часто терялись въ неопредѣленныхъ пространствахъ: въ этихъ промежуткахъ земли иногда черезполосно и независимо сохранялись многіе народы. Такимъ образомъ, въ средней Германіи—Ломбарды, потомъ блеснувшіе въ Италіи, часть Бауаровъ, всѣ народы, живщіе въ неизмѣримыхъ прежде лѣсахъ Гарца и въ гористыхъ уклоненіяхъ Альпъ. Востокъ Европы занимали совершенно разбросанныя племена славянскія, которыя, находясь подъ вѣчнымъ угнетеніемъ всѣхъ стремившихся изъ Азіи народовъ, еще не успѣли явиться дѣятелями всемірной исторіи. За означеннымъ кругомъ, на сѣверъ и на востокъ, разсѣевались народы, еще покрытые темною недѣятельностью.

Такова была Европа въ это шумное окончаніе V вѣка, когда непостижимою волею Провидѣнія величественный хаосъ, носившій темныя начала новаго свѣта, опустился на Европу; когда разрушающіе народы безобразными массами текли на народы, колоссально

совершались мрачныя событія, когда имена Алариха, Гензериха и Аттилы пронеслися безпокойными кометами, когда между-тѣмъ древній міръ долго дотлѣвалъ на востокѣ, робкое римское просвѣщеніе прижалось къ берегамъ Сиріи, Александріи, Цареграда, и ереси Несторія и Евтихія раздирали дряхлыя старческія его силы.

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШАГО.

Октября 3.

Сегодняшняго дня случилось необыкновенное приключеніе. Я всталъ поутру довольно поздно и, когда Мавра принесла мнѣ вычищенные сапоги, я спросилъ, который часъ. Услышавши, что уже давно било десять, я поспѣшилъ поскорѣе одѣться. Признаюсь, я бы совсѣмъ не пошелъ въ департаментъ, зная заранѣе, какую кислую мину сдѣлаетъ нашъ начальникъ отдѣленія. Онъ уже давно мнѣ говоритъ: «Что̀ это у тебя, братецъ, въ головѣ всегда ералашъ такой? Ты иной разъ метаешься, какъ угорѣлый, дѣло подъ часъ такъ спутаешь, что самъ сатана не разберетъ, въ титулѣ поставишь маленькую букву, не выставишь ни числа, ни номера.» Проклятая цапля! онъ вѣрно завидуетъ, что я сижу въ директорскомъ кабинетѣ и очиниваю перья для его пр—ва. Словомъ, я не пошелъ бы въ департаментъ, если бы не надежда видѣться съ казначеемъ и авось-либо выпросить у этого жида хоть сколько-нибудь изъ жалованья впередъ. Вотъ еще созданіе! Чтобы онъ выдалъ когда-нибудь впередъ за мѣсяцъ деньги — Господи Боже мой, да скорѣе страшный судъ придетъ! Проси, хоть тресни, хоть будь въ разнуждѣ—не выдастъ сѣдой чортъ. А на квартирѣ собственная кухарка бьетъ его по щекамъ. Это всему свѣту извѣстно. Я не понимаю выгодъ служить въ департаментѣ. Никакихъ совершенно ресурсовъ. Вотъ въ губернскомъ правленіи, гражданскихъ и казенныхъ палатахъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ смотришь, иной прижался въ самомъ уголку и пописываетъ, фрачишка на немъ гадкій, рожа такая, что плюнуть хочется, а по-

смотри ты, какую онъ дачу нанимаетъ! Фарфоровой вызолоченной чашки и не неси къ нему: «Это», говоритъ, «докторскій подарокъ», а ему давай пару рыжаковъ, или дрожки, или боберъ рублей въ триста. Съ виду такой тихенькій, говоритъ такъ деликатно: «одолжите ножичка починить перышко», а тамъ обчиститъ такъ, что только одну рубашку оставитъ на просителѣ. Правда, у насъ за то служба благородная, чистота во всемъ такая, какой во вѣки не видѣть губернскому правленію, столы изъ краснаго дерева, и всѣ начальники на *вы*. Да, признаюсь, если бы не благородство службы, я бы давно оставилъ департаментъ.

Я надѣлъ старую шинель и взялъ зонтикъ, потому что шелъ проливной дождикъ. На улицахъ не было никого; однѣ только *бабы*, накрывшись полами, да русскіе купцы подъ зонтиками, да кучера попадались мнѣ на глаза. Изъ благородныхъ только нашъ братъ чиновникъ плелся. Я увидѣлъ его на перекресткѣ. Я какъ увидѣлъ его, тотчасъ сказалъ себѣ: «Эге! нѣтъ, голубчикъ, ты не въ департаментъ идешь, ты спѣшишь вонъ за тою, что бѣжитъ впереди, и глядишь на ея ножки. Что̀ это за бестія нашъ братъ чиновникъ! Ей Богу, не уступитъ никакому офицеру: пройди какая-нибудь въ шляпкѣ, непремѣнно зацѣпитъ.» Когда я думалъ это, увидѣлъ подъѣхавшую карету къ магазину, мимо котораго я проходилъ. Я сейчасъ узналъ ее. Это была карета нашего директора. «Но ему не зачѣмъ въ магазинъ», я подумалъ, «вѣрно это его дочка.» Я прижался къ стѣнкѣ. Лакей отворилъ дверцы, и она выпорхнула изъ кареты какъ птичка. Какъ взглянула она направо и налѣво, какъ мелкнула своими бровями и глазами.... Господи, Боже мой, пропалъ я, пропалъ совсѣмъ! И зачѣмъ ей выѣзжать въ такую дождевую пору! Утверждай теперь, что у женщинъ не велика страсть до всѣхъ этихъ тряпокъ. Она не узнала меня, да и я самъ нарочно старался закутаться какъ можно болѣе; потому что на мнѣ была шинель очень запачканная и притомъ стараго фасона. Теперь плащи носятъ съ длинными воротниками, а на мнѣ были коротенькіе одинъ на другомъ; да и сукно совсѣмъ не дигатированное. Собачонка ея, не успѣвши вскочить въ дверь магазина, осталась на улицѣ. Я знаю эту собачонку. Ее зовутъ—Меджи. Не успѣлъ я пробыть минуту, какъ вдругъ слышу тоненькій го-

лосокъ: «Здравствуй, Меджи!» Вотъ тебѣ на! кто это говоритъ? Я обсмотрѣлся и увидѣлъ подъ зонтикомъ шедшихъ двухъ дамъ: одну старушку, другую молоденькую; но они уже прошли, а возлѣ меня опять раздалось: «Грѣхъ тебѣ, Меджи!» Что̀ за чортъ! я увидѣлъ, что Меджи обнюхивалась съ собачонкою, шедшею за дамами. «Эге!» сказалъ я самъ себѣ: «да полно, не пьянъ ли я! Только это, кажется, со мною рѣдко случается».—Нѣтъ, Фидель, ты напрасно думаешь», я видѣлъ самъ, что произнесла Меджи: «я была, авъ! авъ! я была, авъ, авъ, авъ! очень больна!» Ахъ ты жъ собачонка! признаюсь, я очень удивился, услышавъ ее говорящую почеловѣчески. Но послѣ, когда я сообразилъ все это хорошенько, то тогда же пересталъ удивляться. Дѣйствительно, на свѣтѣ уже случилось множество подобныхъ примѣровъ. Говорятъ, въ Англіи выплыла рыба, которая сказала два слова на такомъ странномъ языкѣ, что ученые уже три года стараются опредѣлить и еще до сихъ поръ ничего не открыли. Я читалъ тоже въ газетахъ о двухъ коровахъ, которыя пришли въ лавку и спросили себѣ фунтъ чаю. Но, признаюсь, я гораздо болѣе удивился, когда Меджи сказала: «Я писала къ тебѣ, Фидель; вѣрно Полканъ не принесъ письма моего!» Да чтобъ я не получилъ жалованья—я еще въ жизни не слыхивалъ, чтобы собака могла писать! Это меня удивило. Признаюсь, съ недавняго времени я начинаю иногда слышать и видѣть такія вещи, которыхъ никто еще не видывалъ и не слыхивалъ. «Пойду-ка я», сказалъ я самъ себѣ, «за этой собачонкою и узнаю, что̀ она и что̀ такое думаетъ.» Я развернулъ свой зонтикъ и отправился за двумя дамами. Перешли въ Гороховую, поворотили въ Мѣщанскую, оттуда въ Столярную, наконецъ къ Кокушкину мосту и остановились передъ большимъ домомъ. «Этотъ домъ я знаю», сказалъ я самъ въ себѣ: «этотъ домъ Звѣркова.» Эка машина! Какого въ немъ народа не живетъ: сколько кухарокъ, сколько пріѣзжихъ! а нашей братьи чиновниковъ какъ собакъ, одинъ на другомъ сидитъ. Тамъ есть и у меня одинъ пріятель, который хорошо играетъ на трубѣ. Дамы взошли въ пятый этажъ. «Хорошо», подумалъ я, «теперь не пойду, а замѣчу мѣсто и при первомъ случаѣ не премину воспользоваться!»

Октября 4.

Сегодня середа, и потому я былъ у нашего начальника въ кабинетѣ. Я нарочно пришелъ пораньше и, засѣвши, перечинилъ всѣ перья. Нашъ директоръ долженъ быть очень умный человѣкъ. Весь кабинетъ его уставленъ шкафами съ книгами. Я читалъ названіе нѣкоторыхъ: все ученость, такая ученость, что нашему брату и приступа нѣтъ — все или на французскомъ, или на нѣмецкомъ. А посмотрѣть въ лицо ему: фу, какая важность сіяетъ въ глазахъ! Я еще никогда не слышалъ, чтобы онъ сказалъ лишнее слово. Только развѣ, когда подашь бумаги, спроситъ: «Каково на дворѣ?»—«Сыро, ваше превосходительство!» Да, не нашему брату чета! Государственный человѣкъ. Я замѣчаю однакоже, что онъ *меня* особенно любитъ. Если бы и дочка. . . эхъ канальство! . . . Ничего, ничего, молчаніе!—Читалъ Пчелку. Эка глупый народъ Французы! Взялъ бы, ей Богу, ихъ всѣхъ да и перепоролъ розгами! Тамъ же читалъ очень пріятное изображеніе бала, описанное курскимъ помѣщикомъ. Курскіе помѣщики хорошо пишутъ. Послѣ этого замѣтилъ я, что уже било половину перваго, а нашъ не выходилъ изъ своей спальни. Но около половины втораго случилось происшествіе, котораго никакое перо не опишетъ. Отворилась дверь, я думалъ, что директоръ, и вскочилъ со стула съ бумагами; но это была она, она сама! Святители, какъ она была одѣта! платье на ней было бѣлое какъ лебедь—фу, какое пышное! а какъ глянула, солнце—ей Богу, солнце! Она поклонилась и сказала: «Папа здѣсь не было?» Ай, ай, ай! какой голосъ! канарейка, право канарейка! «Ваше превосходительство», хотѣлъ я было сказать: «не прикажите казнить, а если уже хотите казнить, то казните вашею генеральскою ручкою»; да чортъ возьми, какъ-то языкъ не поворотился, и я сказалъ только: «никакъ нѣтъ-съ.» Она поглядѣла на меня, на книги, и уронила платокъ. Я кинулся со всѣхъ ногъ, поскользнулся на проклятомъ паркетѣ и чуть-чуть не расклеилъ носа, однакожъ удержался и досталъ платокъ. Святые, какой платокъ! тончайшій, батистовый — амбра, совершенная амбра! такъ и дышетъ отъ него генеральствомъ. Она поблагодарила и чуть-чуть усмѣхнулась, такъ что сахарныя губки ея почти не тронулись, и послѣ этого ушла. Я еще часъ сидѣлъ, какъ вдругъ

пришелъ лакей и сказалъ: «Ступайте, Аксентій Ивановичъ, домой, баринъ уже уѣхалъ изъ дому.» Я терпѣть не могу лакейскаго круга: всегда развалится въ передней и хоть бы головою потрудился кивнуть. Этого мало: одинъ разъ одна изъ этихъ бестій вздумала меня, не вставая съ мѣста, подчивать табачкомъ. Да знаешь ли ты, глупый холопъ, что я чиновникъ, я благороднаго происхожденія! Однакожъ я взялъ шляпу и надѣлъ самъ на себя шинель, потому что эти господа никогда не подадутъ, и вышелъ. Дома большею частію лежалъ на кровати. Потомъ переписалъ очень хорошіе стишки: «Душеньки часокъ не видя, думалъ, годъ ужъ не видалъ; жизнь мою возненавидя, льзя ли жить мнѣ, я сказалъ.» Должно быть, Пушкина сочиненіе. Въ вечеру, закутавшись въ шинель, ходилъ къ подъѣзду ея пр—ва и поджидалъ долго, не выйдетъ ли сѣсть въ карету, чтобы посмотрѣть еще разикъ, но нѣтъ, не выходила.

Ноября 6.

Разбѣсилъ начальникъ отдѣленія. Когда я пришелъ въ департаментъ, онъ подозвалъ меня къ себѣ и началъ мнѣ говорить такъ: «Ну, скажи пожалуйста, что ты дѣлаешь?»—«Какъ, что? Я ничего не дѣлаю», отвѣчалъ я. «Ну, размысли хорошенько! вѣдь тебѣ уже за сорокъ лѣтъ—пора бы ума набраться! Что ты воображаешь себѣ? Ты думаешь, я не знаю всѣхъ твоихъ проказъ? Вѣдь ты волочишься за директорскою дочерью! Ну, посмотри на себя, подумай только, что̀ ты? Вѣдь ты нуль, болѣе ничего. Вѣдь у тебя нѣтъ ни гроша за душою. Взгляни хоть въ зеркало на свое лицо, куды тебѣ думать о томъ!» Чортъ возьми, что у него лицо похоже нѣсколько на аптекарскій пузырекъ, да на головѣ клочокъ волосъ завитый хохолкомъ, да держитъ ее къ верху, да примазываетъ ее какою-то розеткою, такъ уже думаетъ, что ему только одному все можно. Понимаю, понимаю, отъ чего онъ злится на меня. Ему завидно: онъ увидѣлъ, можетъ быть, предпочтительно мнѣ оказываемые знаки благорасположенности. Да я плюю на него! Велика важность надворный совѣтникъ! вывѣсилъ золотую цѣпочку къ часамъ, заказываетъ сапоги по тридцати рублей — да чортъ его побери! Я развѣ изъ какихъ-нибудь разночинцевъ, изъ портныхъ, или изъ унтеръ-офицерскихъ дѣтей? Я дворянинъ! Что жъ, и я

могу дослужиться. Мнѣ еще сорокъ два года—время такое, въ которое по настоящему только-что начинается служба. Погоди, пріятель! будемъ и мы полковникомъ, а можетъ быть, если Богъ дастъ, то чѣмъ-нибудь и побольше. Заведемъ и мы себѣ репутацію еще и получше твоей. Что жъ ты себѣ забралъ въ голову, что кромѣ тебя уже нѣтъ вовсе порядочнаго человѣка? Дай-ка мнѣ ручевскій фракъ, сшитый по модѣ, да повяжи я себѣ такой же какъ ты галстукъ,—тебѣ тогда не стать мнѣ и въ подметки. Достатковъ нѣтъ—вотъ бѣда!

Ноября 8.

Былъ въ театрѣ. Играли русскаго дурака Филатку. Очень *смѣялся*. Былъ еще какой-то водевиль съ забавными стишками на стряпчихъ, особенно на одного коллежскаго регистратора, весьма вольно написанные, такъ что я дивился, какъ пропустила цензура, а о купцахъ прямо говорятъ, что они обманываютъ народъ, и что сынки ихъ дебошничаютъ и лѣзутъ въ дворяне. Про журналистовъ тоже очень забавный куплетъ: что они любятъ все бранить, и что авторъ проситъ отъ публики защиты. Очень забавныя піесы пишутъ нынче сочинители. Я люблю бывать въ театрѣ. Какъ только грошъ заведется въ карманѣ—никакъ не утерпишь не пойти. А вотъ изъ нашей братьи чиновниковъ есть такія свиньи, рѣшительно не пойдетъ, мужикъ, въ театръ; развѣ уже дашь ему билетъ даромъ. Пѣла одна актриса очень хорошо. Я вспомнилъ о той... эхъ канальство!... ничего, ничего... молчаніе.

Ноября 9.

Въ восемь часовъ отправился въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія показалъ такой видъ, какъ-будто бы онъ не замѣтилъ моего прихода. Я тоже съ своей стороны, какъ-будто бы между нами ничего не было. Пересматривалъ и свѣрялъ бумаги. Вышелъ въ четыре часа. Проходилъ мимо директорской квартиры, но никого не было видно. Послѣ обѣда большею частію лежалъ на кровати.

Ноября 11.

Сегодня сидѣлъ въ кабинетѣ нашего директора, починилъ для него 23 пера, и для нея, ай! ай... для ея превосходительства че-

тыре пера. Онъ очень любитъ, чтобы стояло побольше перьевъ. У, долженъ быть голова! Все молчитъ, а въ головѣ, я думаю, все обсуживаетъ. Желалось бы мнѣ узнать, о чемъ онъ больше всего думаетъ, что̀ такое затѣвается въ этой головѣ. Хотѣлосъ бы мнѣ разсмотрѣть поближе жизнь этихъ господъ, всѣ эти экивоки и придворныя штуки, ка̀къ они, что̀ они дѣлаютъ въ своемъ кругу— вотъ что̀ бы мнѣ хотѣлось узнать! Я думалъ нѣсколько разъ завести разговоръ съ его пр—вомъ, только, чортъ возьми, никакъ не слушается языкъ: скажешь только, холодно или тепло на дворѣ, а больше рѣшительно ничего не выговоришь. Хотѣлось бы мнѣ заглянуть въ гостинную, куда видишь только иногда отворенную дверь, за гостинною еще въ одну комнату. Эхъ, какое богатое убранство! какія зеркала и фарфоры! Хотѣлось бы заглянуть туда въ ту половину, гдѣ ея пр—во, вотъ куда хотѣлось бы мнѣ! въ будуаръ, ка̀къ тамъ стоятъ всѣ эти баночки, скляночки, цвѣты такіе, что и дохнуть на нихъ страшно, какъ лежитъ тамъ разбросанное ея платъе, больше похожее на воздухъ, чѣмъ на платье. Хотѣлось бы заглянуть въ спальню... тамъ то, я думаю, чудеса, тамъ то, я думаю, рай! Посмотрѣлъ бы ту скамеечку, на которую она становитъ, вставая съ постели, свою ножку, какъ надѣвается на эту ножку бѣлый какъ снѣгъ чулочекъ... ай! ай! ай! ничего, ничего... молчаніе.

Сегодня, однакожъ, меня какъ-бы свѣтомъ озарило: я вспомнилъ тотъ разговоръ двухъ собачонокъ, который слышалъ я на Невскомъ проспектѣ. «Хорошо», подумалъ я самъ въ себѣ: «я теперь узнаю все. Нужно захватить переписку, которую вели между собою эти дрянныя собачонки. Тамъ я, вѣрно, кое-что узнаю.» Признаюсь, я даже подозвалъ было къ себѣ одинъ разъ Меджи и сказалъ: «Послушай, Меджи, вотъ мы теперь одни, я, когда хочешь, и дверь запру, такъ что никто не будетъ видѣть, разскажи мнѣ все, что̀ знаешь про барышню, что̀ она и ка̀къ? я тебѣ побожусь, что̀ никому не открою.» Но хитрая собачонка поджала хвостъ, съежилась вдвое и вышла тихо въ дверь, такъ какъ-будто бы ничего не слышала. Я давно подозрѣвалъ, что собака гораздо умнѣе человѣка; я даже былъ увѣренъ, что она можетъ говорить, но что въ ней есть только какое-то упрямство. Она чрезвычайный политикъ:

все замѣчаетъ, всѣ шаги человѣка. Нѣтъ, во что̀ бы то ни стало, я завтра же отправляюсь въ домъ Звѣркова, допрошу Фидель и, если удастся, перехвачу всѣ письма, которыя писала къ ней Меджи.

Ноября 12.

Въ два часа по полудни отправился съ тѣмъ, чтобы непремѣнно увидѣть Фидель и допросить ее. Я терпѣть не люблю капусты, запахъ которой валитъ изъ всѣхъ мелочныхъ лавокъ въ Мѣщанской; къ тому же изъ-подъ воротъ каждаго дома несетъ такой адъ, что я, заткнувъ носъ, бѣжалъ во всю прыть. Да и подлые ремесленники напускаютъ копоти и дыму изъ своихъ мастерскихъ такое множество, что рѣшительно не возможно здѣсь прогуливаться. Когда я пробрался въ шестой этажъ и зазвонилъ въ колокольчикъ, вышла дѣвчонка не совсѣмъ дурная собою, съ маленькими веснушками. Я узналъ ее. Это была та самая, которая шла вмѣстѣ со старушкою. Она немножко закраснѣлась, и я тотчасъ смекнулъ—ты, голубушка, жениха хочешь. «Что̀ вамъ угодно?» сказала она. «Мнѣ нужно поговорить съ вашей собаченкой.» Дѣвчонка была глупа! я сейчасъ узналъ, что глупа! Собаченка въ это время прибѣжала съ лаемъ; я хотѣлъ ее схватить, но, мерзкая, чуть не схватила меня зубами за носъ. Я увидалъ, однакоже, въ углу ея лукошко. Э, вотъ этого мнѣ и нужно! Я подошелъ къ нему, перерылъ солому въ деревянной коробкѣ и, къ необыкновенному удовольствію своему, вытащилъ небольшую связку маленькихъ бумажекъ. Скверная собаченка, увидѣвши это, сначала укусила меня за икру, а потомъ, когда пронюхала, что я взялъ бумаги, начала визжать и ластиться, но я сказалъ: «Нѣтъ, голубушка, прощай!» и бросился бѣжать. Я думаю, что дѣвчонка приняла меня за сумасшедшаго, потому что испугалась чрезвычайно. Пришедши домой, я хотѣлъ было тотъ же часъ приняться за работу и разобрать эти письма, потому что при свѣчахъ нѣсколько дурно вижу. Но Мавра вздумала мыть полъ. Эти глупыя Чухонки всегда некстати чистоплотны. И потому я пошелъ прохаживаться и обдумывать это происшествіе. Теперь то наконецъ я узнаю всѣ дѣла, помышленія, всѣ эти пружины, и доберусь наконецъ до всего. Эти письма мнѣ все откроютъ. Собаки народъ умный, онѣ знаютъ всѣ политическія отношенія и потому,

вѣрно, тамъ будетъ все: портретъ и всѣ дѣла этого мужа. Тамъ будетъ что-нибудь и о той, которая... ничего, молчаніе! Къ вечеру я пришелъ домой. Большею частію лежалъ на кровати.

Ноября 13.

А ну, посмотримъ! Письмо довольно чоткое; однакоже въ почеркѣ всё есть какъ-будто что-то собачье. Прочитаемъ!

Милая Фидель! я все не могу привыкнуть къ твоему мѣщанскому имени. Какъ-будто бы уже не могли дать тебѣ лучшаго? Фидель, Роза—какой пошлый тонъ! Однакожъ, все это въ сторону. Я очень рада, что вздумали писать другъ къ другу.

Письмо писано очень правильно. Пунктуація и даже буква *ѣ* вездѣ на своемъ мѣстѣ. Да эдакъ просто не напишетъ и нашъ начальникъ отдѣленія, хотя онъ и толкуетъ, что гдѣ-то учился въ университетѣ. Посмотримъ далѣе!

Мнѣ кажется, что раздѣлять мысли, чувства и впечатлѣнія съ другимъ есть одно изъ первыхъ благъ на свѣтѣ.

Гм, мысль почерпнута изъ одного сочиненія, переведеннаго съ нѣмецкаго. Названія не припомню.

Я говорю это по опыту, хотя и не бѣгала по свѣту далѣе воротъ нашего дома. Моя ли жизнь не протекаетъ въ удовольствіи? Моя барышня, которую папа называетъ Софи, любитъ меня безъ памяти.

Ай, ай!... ничего, ничего. Молчаніе.

Папа тоже очень часто ласкаетъ. Я пью чай и кофій со сливками. Ахъ, ma chére, я должна тебѣ сказать, что я вовсе не вижу удовольствія въ большихъ обглоданныхъ костяхъ, которыя жретъ на кухнѣ нашъ Полканъ. Кости хороши только изъ дичи и притомъ тогда, когда еще никто не высосалъ изъ нихъ мозга. Очень хорошо мѣшать нѣсколько соусовъ вмѣстѣ, но только безъ каперсовъ и безъ зелени; но я не знаю ничего хуже обыкновенія давать собакамъ скатанные изъ хлѣба шарики. Какой-нибудь сидящій за столомъ господинъ, который въ рукахъ своихъ держалъ всякую дрянь, начнетъ мять этими руками хлѣбъ; подзоветъ тебя и сунетъ тебѣ въ зубы шарикъ. Отказаться какъ-то неучтиво, ну и ѣшь; съ отвращеніемъ, а ѣшь...

Чортъ знаетъ, что́ такое! Экій вздоръ! Какъ-будто бы не было предмета получше, о чемъ писать. Посмотримъ на другой страницѣ, не будетъ ли чего подѣльнѣе.

Я съ большою охотою готова тебя увѣдомлять о всѣхъ бывающихъ у насъ происшествіяхъ. Я же тебѣ кое-что говорила о главномъ господинѣ, котораго Софи называетъ папа. Это очень странный человѣкъ.

А, вотъ наконецъ! Да, я зналъ: у нихъ политическій взглядъ на всѣ предметы. Посмотримъ, что́ папа!

...странный человѣкъ. Онъ больше молчитъ. Говоритъ очень рѣдко; но недѣлю назадъ безпрестанно говорилъ самъ съ собою: „Получу, или не получу?" Возьметъ въ одну руку бумажку, другую сложитъ пустую и говоритъ: „Получу, или не получу?" Одинъ разъ онъ обратился и ко мнѣ съ вопросомъ: „Какъ ты думаешь, Меджи, получу, или не получу?" Я ровно ничего не могла понять, понюхала его сапогъ и ушла прочь. Потомъ, ma chère, черезъ недѣлю папа пришелъ въ большой радости. Все утро ходили къ нему господа въ мундирахъ и съ чѣмъ-то поздравляли. За столомъ онъ былъ такъ веселъ, какъ я еще никогда не видала.

А, такъ онъ честолюбецъ! Это нужно взять къ свѣдѣнію.

Прощай, ma chère! я бѣгу и прочее... и прочее... Завтра окончу письмо. Ну, здравствуй! я теперь снова съ тобою. Сегодня барышня моя Софи

А! ну, посмотримъ, что́ Софи. Эхъ, канальство!... Ничего, ничего... будемъ продолжать.

...барышня моя Софи была въ чрезвычайной суматохѣ. Она собиралась на балъ и я обрадовалась, что въ отсутствіе ея могу писать къ тебѣ. Моя Софи всегда чрезвычайно рада ѣхать на балъ, хотя при одѣваніи всегда почти сердится. Я никакъ не понимаю, ma chère, удовольствія ѣхать на балъ. Софи пріѣзжаетъ съ балу домой въ 6 часовъ утра, и я всегда почти угадываю по ея блѣдному и тощему виду, что ей бѣдняжкѣ не давали тамъ ѣсть. Я, признаюсь, никогда бы не могла такъ жить. Если бы мнѣ не дали соуса съ рябчикомъ, или жаркого куриныхъ крылышекъ, то... я не знаю, что́ бы со мною было. Хорошъ также соусъ съ кашкою. А морковь, или рѣпа, или артишоки, никогда не будутъ хороши...

Чрезвычайно неровный слогъ! Тотчасъ видно, что не человѣкъ писалъ. Начнетъ такъ, какъ слѣдуетъ, а кончитъ собачиною. Посмотримъ-ка еще въ одно письмецо. Что-то длинновато. Гм! и числа не выставлено.

Ахъ, милая, какъ ощутительно приближеніе весны! сердце мое бьется, какъ-будто все чего-то ожидаетъ. Въ ушахъ у меня вѣчный шумъ, такъ что я часто, поднявши ножку, стою нѣсколько минутъ, прислушиваясь къ дверямъ. Я тебѣ открою, что у меня много куртизановъ. Я часто, сидя на окнѣ, разсматриваю ихъ. Ахъ, если бъ ты знала, какіе между ними есть уроды! Иной, преаляповатый, дворняга, глупъ страшно, на лицѣ написана глупость, преважно идетъ по улицѣ и воображаетъ, что онъ презнатная особа, думаетъ, что такъ на него и заглядятся всѣ. Ничуть! Я даже и вниманія не обратила, такъ какъ-бы и невидала его. А какой страшный дога останавливается передъ моимъ окномъ! Если бы онъ сталъ на заднія лапы, чего грубіянъ онъ, вѣрно, не умѣетъ, то онъ бы былъ цѣлою головою выше папа моей Софи, который тоже довольно высокаго роста и толстъ собою. Этотъ болванъ, должно быть, наглецъ преужасный. Я поворчала на него, но ему и нуждочки мало: хотя бы поморщился! высунулъ свой языкъ, повѣсилъ огромныя уши и глядитъ въ окно—такой мужикъ! Но неужели ты думаешь, ma chére, что сердце мое равнодушно ко всѣмъ исканіямъ? Ахъ, нѣтъ... Если бы ты видѣла одного кавалера, перелѣзающаго черезъ заборъ сосѣдняго дома, именемъ Трезора, ахъ, ma chére, какая у него мордочка!

Тьфу къ чорту!... Экая дрянь!... И какъ можно наполнять эдакими глупостями! Мнѣ подавайте человѣка! Я хочу видѣть человѣка; я требую пищи, той, которая бы питала и услаждала мою душу; а вмѣсто того эдакіе пустяки... Перевернемъ черезъ страницу, не будетъ ли лучше!

... Софи сидѣла за столомъ и что-то шила. Я глядѣла въ окно, потому что я люблю разсматривать прохожихъ. Какъ вдругъ вошелъ лакей и сказалъ: «Тепловъ!»—«Проси!» закричала Софи и бросилась обнимать меня. »Ахъ, Меджи, Меджи! Если бъ ты знала, кто это: брюнетъ, каммеръ-юнкеръ, а глаза какіе! чорные и свѣтлые какъ огонь!» и Софи убѣжала къ себѣ. Минуту

спустя, вошелъ молодой каммеръ-юнкеръ, съ черными баккенбардами; подошелъ къ зеркалу, поправилъ волоса и осмотрѣлъ комнату. Я поворчала и сѣла на свое мѣсто. Софи скоро вышла и весело поклонилась на его шарканье; а я себѣ такъ, какъ-будто не замѣчая ничего, продолжала глядѣть въ окошко; однакожъ голову наклонила нѣсколько на бокъ и старалась услышать, о чемъ они говорятъ. Ахъ, ma chère, о какомъ вздорѣ они говорили! Они говорили о томъ, какъ одна дама въ танцахъ, вмѣсто одной какой-то фигуры, сдѣлала другую. Также, что какой-то Бобовъ былъ очень похожъ въ своемъ жабо на аиста, и чуть было не упалъ. Что какая-то Лидина воображаетъ, что у ней голубые глаза, между тѣмъ какъ они зеленые — и тому подобное. Я не знаю, ma chère, что она нашла въ своемъ Тепловѣ. Отъ чего она такъ имъ восхищается?...

Мнѣ самому кажется, здѣсь что-нибудь да не такъ. Не можетъ быть, чтобы ее могъ такъ обворожить Тепловъ. Посмотримъ далѣе!

Мнѣ кажется, если этотъ каммеръ-юнкеръ нравится, то скоро будетъ нравиться и тотъ чиновникъ, который сидитъ у папа въ кабинетѣ. Ахъ, ma chère, если бъ ты знала, какой это уродъ. Совершенная черепаха въ мѣшкѣ....

Какой же бы это чиновникъ?

Фамилія его престранная. Онъ всегда сидитъ и чинитъ перья. Волоса на головѣ его очень похожи на сѣно. Папа всегда посылаетъ его вмѣсто слуги...

Мнѣ кажется, что эта мерзкая собаченка мѣтитъ на меня. Гдѣ жъ у меня волоса какъ сѣно?

Софи ни какъ не можетъ удержаться отъ смѣха, когда глядитъ на него.

Врешь ты, проклятая собачонка! Экой мерзкій языкъ! Какъ-будто я не знаю, что это дѣло зависти, какъ-будто я не знаю, чьи здѣсь штуки. Это штуки начальника отдѣленія. Вѣдь поклялся же человѣкъ непримиримою ненавистью — и вотъ вредитъ да и вредитъ, на каждомъ шагу вредитъ. Посмотримъ, однакоже, еще одно письмо. Тамъ, можетъ быть, дѣло раскроется само собою.

Ma chère Фидель, ты извини меня, что такъ давно не писала.

Я была въ совершенномъ упоеніи. Подлинно, справедливо сказалъ какой-то писатель, что любовь есть вторая жизнь. Притомъ же у насъ въ домѣ теперь большія перемѣны. Каммеръ-юнкеръ теперь у насъ каждый день. Софи влюблена въ него до безумія. Папа очень веселъ. Я даже слышала отъ нашего Григорія, который мететъ полъ и всегда почти разговариваетъ самъ съ собою, что скоро будетъ свадьба; потому что папа хочетъ непремѣнно видѣть Софи или за генераломъ, или за каммеръ-юнкеромъ, или за военнымъ полковникомъ. . .

Чортъ возьми! я не могу болѣе читать... Всё или каммеръ-юнкеръ, или генералъ. Желалъ бы я самъ сдѣлаться генераломъ, не для того, чтобы получить руку и прочее—нѣтъ; хотѣлъ бы быть генераломъ для того только, чтобы увидѣть, какъ они будутъ увиваться и дѣлать всѣ эти разныя придворныя штуки и экивоки, и потомъ сказать имъ, что я плюю на васъ обоихъ. Чортъ побери, досадно! Я изорвалъ въ клочки письма глупой собачонки.

Декабря 3.

Не можетъ быть, враки, свадьбѣ не бывать! Что жъ изъ того, что онъ каммеръ-юнкеръ. Вѣдь это больше ничего, кромѣ достоинство; не какая-нибудь вещь видимая, которую бы можно взять въ руки. Вѣдь черезъ то, что каммеръ-юнкеръ, не прибавится третій глазъ на лбу. Вѣдь у него же носъ не изъ золота сдѣланъ, а такъ же, какъ и у меня, какъ и у всякаго; вѣдь онъ имъ нюхаетъ, а не ѣстъ, чихаетъ, а не кашляетъ. Я нѣсколько разъ уже хотѣлъ добраться, отъ чего происходятъ всѣ эти разности. Отъ чего я титулярный совѣтникъ и съ какой стати я титулярный совѣтникъ? Можетъ быть, я какой-нибудь графъ или генералъ, а только такъ кажусь титулярнымъ совѣтникомъ? Можетъ быть, я самъ не знаю, кто я таковъ. Вѣдь сколько примѣровъ по исторіи: какой-нибудь простой, не то̀ уже, чтобы дворянинъ, а просто какой-нибудь мѣщанинъ, или даже крестьянинъ—и вдругъ открывается, что онъ какой нибудь вельможа, или баронъ, или какъ его. Когда изъ мужика да иногда выходитъ эдакое, что̀ же изъ дворянина можетъ выдти? Вдругъ, напримѣръ, я вхожу въ генеральскомъ мундирѣ: у меня и на правомъ плечѣ эполета, и на лѣвомъ плечѣ эполета, черезъ плечо голубая лента—что́? какъ тогда запоетъ красавица

моя? что скажетъ и самъ папа, директоръ нашъ? О, это большой честолюбецъ! это масонъ, непремѣнно масонъ, хотя онъ и прикидывается такимъ и этакимъ, но я тотчасъ замѣтилъ, что онъ масонъ: онъ если дастъ вамъ руку, то высовываетъ только два пальца. Да развѣ я немогу быть сію же минуту пожалованъ генералъ-губернаторомъ, или интендантомъ, или тамъ другимъ какимъ-нибудь? Мнѣ бы хотѣлось знать, отъ чего я титулярный совѣтникъ? Почему именно титулярный совѣтникъ?

Декабря 5.

Я сегодня все утро читалъ газеты. Странная дѣла дѣлаются въ Испаніи. Я даже не могъ хорошенько разобрать ихъ. Пишутъ, что престолъ упраздненъ и что чины находятся въ затруднительномъ положеніи о избраніи наслѣдника, и отъ того происходятъ возмущенія. Мнѣ кажется это чрезвычайно страннымъ. Какъ же можетъ быть престолъ упраздненъ? Говорятъ, какая-то Дона должна взойти на престолъ. Не можетъ взойти Дона на престолъ. Никакъ не можетъ. На престолѣ долженъ быть король. Да говорятъ, нѣтъ короля—не можетъ статься, чтобы не было короля. Государство не можетъ быть безъ короля. Король есть, да только онъ гдѣ нибудь находится въ неизвѣстности. Онъ, статься можетъ, находится тамъ же, но какія-нибудь, или фамильныя причины, или опасенія со стороны сосѣдственныхъ державъ, какъ-то: Франціи и другихъ земель, заставляютъ его скрываться, или есть какія-нибудь другія причины.

Декабря 8.

Я было уже совсѣмъ хотѣлъ идти въ департаментъ, но разныя причины и размышленія меня удержали. У меня все не могли выйти изъ головы испанскія дѣла. Какъ же можетъ это быть, чтобы Дона сдѣлалась королевою? Не позволятъ этого. И во первыхъ Англія не позволитъ. Да притомъ, и дѣла политическія всей Европы, австрійскій императоръ... Признаюсь, эти происшествія такъ меня убили и потрясли, что я рѣшительно ничѣмъ не могъ заняться во весь день. Мавра замѣчала мнѣ, что я за столомъ былъ чрезвычайно развлеченъ. И точно, я двѣ тарелки, кажется, въ разсѣянности бро-

силъ на полъ, которыя тутъ же расшиблись. Послѣ обѣда ходилъ подъ горы. Ничего поучительнаго не могъ извлечь. Большею частію лежалъ на кровати и разсуждалъ о дѣлахъ Испаніи.

Годъ 2000 апрѣля 43 числа.

Сегодняшній день есть день величайшаго торжества! Въ Испаніи есть король. Онъ отыскался. Этотъ король я. Именно только сегодня объ этомъ узналъ я. Признаюсь, меня вдругъ какъ-будто молніей освѣтило. Я не понимаю, какъ я могъ думать и воображать себѣ, что я титулярный совѣтникъ! Какъ могла взойти мнѣ въ голову эта сумазбродная мысль! Хорошо, что еще не догадался никто посадить меня тогда въ сумасшедшій домъ. Теперь передо мною все открыто. Теперь я вижу все, какъ на ладони. А прежде, я не понимаю, прежде все было передо мною въ какомъ-то туманѣ. И это все происходитъ, думаю, отъ того, что люди воображаютъ, будто человѣческій мозгъ находится въ головѣ; совсѣмъ нѣтъ: онъ приносится вѣтромъ со стороны Каспійскаго моря. Сначала я объявилъ Маврѣ, кто я. Когда она услышала, что передъ нею испанскій король, то всплеснула руками и чуть не умерла отъ страха. Она, глупая, еще никогда не видала испанскаго короля. Я однакоже старался ее успокоить, сказавши, что я вовсе не сержусь за то, что она мнѣ иногда дурно чистила сапоги. Вѣдь это черный народъ. Имъ нельзя говорить о высокихъ матеріяхъ. Она испугалась отъ того, что находится въ увѣренности, будто всѣ короли въ Испаніи похожи на Филиппа II. Но я растолковалъ ей, что между мною и Филиппомъ нѣтъ никакого сходства. Въ департаментъ не ходилъ. Чортъ съ нимъ! Нѣтъ, пріятели, теперь не заманите меня; я не стану переписывать гадкихъ бумагъ вашихъ!

Мартобря 86 числа. Между днемъ и ночью.

Сегодня приходилъ нашъ экзекуторъ съ тѣмъ, чтобы я шелъ въ департаментъ, что уже болѣе трехъ недѣль, какъ я не хожу на должность. Я для штуки пошелъ въ департаментъ. Начальникъ отдѣленія думалъ, что я ему поклонюсь и стану извиняться, но я посмотрѣлъ на него равнодушно, ни слишкомъ гнѣвно и ни слиш-

комъ благосклонно, сѣлъ на свое мѣсто, какъ-будто никого не замѣчая. Я глядѣлъ на всю канцелярскую сволочь и думалъ, что̀ если бы вы знали, кто между вами сидитъ... Господи Боже, какой бы вы եралашъ подняли! да и самъ начальникъ отдѣленія началъ бы мнѣ такъ же кланяться въ поясъ, какъ онъ теперь кланяется передъ директоромъ. Передо мною положили какія-то бумаги, чтобы я сдѣлалъ изъ нихъ экстрактъ. Но я и пальцемъ не притронулся. Чрезъ нѣсколько минутъ все засуетилось. Сказали, что директоръ идетъ. Многіе чиновники побѣжали наперерывъ, чтобы показать себя передъ нимъ. Но я ни съ мѣста. Когда онъ проходилъ чрезъ наше отдѣленіе, всѣ застегнули на пуговицы свои фраки; но я совершенно ничего! Что̀ за директоръ! Чтобы я *всталъ* передъ нимъ—никогда! Какой онъ директоръ? Онъ пробка, а не директоръ. Пробка обыкновенная, простая пробка, больше ничего — вотъ которою закупориваютъ бутылки. Мнѣ больше всего было забавно, когда подсунули мнѣ бумагу, чтобы я подписалъ. Они думали, что я напишу на самомъ кончикѣ листа: Столоначальникъ такой-то,—какъ бы не такъ! А я на самомъ главномъ мѣстѣ, гдѣ подписываетъ директоръ департамента, черкнулъ: «Фердинандъ VIII.» Нужно было видѣть, какое благоговѣйное молчаніе воцарилось; но я кивнулъ только рукою, сказавъ: «Не нужно никакихъ знаковъ подданничества!» и вышелъ. Оттуда я пошелъ прямо въ директорскую квартиру. Его не было дома. Лакей хотѣлъ меня не впустить, но я ему такое сказалъ, что онъ и руки опустилъ. Я прямо пробрался въ уборную. Она сидѣла передъ зеркаломъ, вскочила и отступила отъ меня. Я однакоже не сказалъ ей, что я испанскій король. Я сказалъ только, что счастіе ее ожидаетъ такое, какого она и вообразить себѣ не можетъ, и что, не смотря на козни непріятелей, мы будемъ вмѣстѣ. Я больше ничего не хотѣлъ говорить и вышелъ. О, это коварное существо женщины! Я теперь только постигнулъ, что̀ такое женщина. До сихъ поръ никто еще не узналъ, въ кого она влюблена: я первый открылъ это. Женщина влюблена въ чорта. Да, не шутя! Физики пишутъ глупости, что она то̀ и то̀ — она любитъ только одного чорта. Вонъ видите, изъ ложи перваго яруса она наводитъ лорнетъ. Вы думаете, что она глядитъ на этого толстяка со звѣздою? Совсѣмъ нѣтъ: она

глядитъ на чорта, что̀ у него стоитъ за спиною. Вонъ онъ спрятался къ нему во фракъ. Вонъ онъ киваетъ оттуда къ ней пальцемъ! И она выйдетъ за него, выйдетъ. Все это честолюбіе и честолюбіе отъ того, что подъ язычкомъ находится маленькій пузырекъ и въ немъ небольшой червячокъ, величиною съ булавочную головку, и это все дѣлаетъ какой-то цирюльникъ, который живетъ въ Гороховой. Я не помню, ка́къ его зовутъ; но достовѣрно извѣстно, что онъ, вмѣстѣ съ одною повивальною бабкою, хочетъ по всему свѣту распространить магометанство, и отъ того уже, говорятъ, во Франціи большая часть народа признаетъ вѣру Магомета.

Никотораго числа. День былъ безъ числа.

Ходилъ инкогнито по Невскому проспекту; однакоже не подалъ никакого вида, что испанскій король. Почелъ неприличнымъ открыться тутъ же при всѣхъ, потому что прежде всего нужно представиться ко двору. Меня останавливало только то, что я до сихъ поръ не имѣю испанскаго національнаго костюма. Хотя бы какую-нибудь достать мантію. Я хотѣлъ было заказать портному, но это совершенные ослы; притомъ же они совсѣмъ небрегутъ своею работою, ударились въ аферу и большею частію мостятъ камни на улицѣ. Я рѣшился сдѣлать мантію изъ новаго вицъ-мундира, который надѣвалъ всего только два раза. Но чтобы эти мерзавцы не могли испортить, то я самъ рѣшился шить, заперши дверь, чтобы никто не видалъ. Я изрѣзалъ ножницами его весь, потому что покрой долженъ быть совершенно другой.

Числа не помню. Мѣсяца тоже не было. Было чортъ знаетъ что такое.

Мантія совершенно готова и сшита. Мавра вскрикнула, когда я надѣлъ ее. Однакоже я еще не рѣшаюсь представляться ко двору. До сихъ поръ нѣтъ депутаціи изъ Испаніи. Безъ депутатовъ неприлично. Никакого не будетъ вѣса моему достоинству. Я ожидаю ихъ съ часа на часъ.

Число 1.

Удивляетъ меня чрезвычайно медленность депутатовъ. Какія бы причины могли ихъ остановить? Неужели Франція? Да, это

самая неблагопріятствующая держава. Ходилъ справляться на почту, не прибыли ли испанскіе депутаты; но почтмейстеръ чрезвычайно глупъ, ничего не знаетъ: «Нѣтъ,» говоритъ, «здѣсь нѣтъ никакихъ испанскихъ депутатовъ, а письма если угодно написать, то мы примемъ по установленному курсу.»—Чортъ возьми! Что письмо? Письмо вздоръ. Письма пишутъ аптекари...

Мадритъ. Февруарій тридцатый.

И такъ я въ Испаніи, и это случилось такъ скоро, что я едва могъ очнуться. Сегодня поутру явились ко мнѣ депутаты испанскіе, и я вмѣстѣ съ ними сѣлъ въ карету. Мнѣ показалась странною необыкновенная скорость. Мы ѣхали такъ шибко, что черезъ полчаса достигли испанскихъ границъ. Впрочемъ, вѣдь теперь по всей Европѣ чугунныя дороги, и пароходы ѣздятъ чрезвычайно скоро. Странная земля Испанія! Когда мы вошли въ первую комнату, то я увидѣлъ множество людей съ выбритыми головами. Я однакоже догадался, что это должны быть или гранды, или солдаты, потому что они брѣютъ головы. Мнѣ показалось чрезвычайно страннымъ обхожденіе государственнаго канцлера, который велъ меня за руку: онъ толкнулъ меня въ небольшую комнату и сказалъ: «Сиди тутъ, и если ты будешь называть себя королемъ Фердинандомъ, то я изъ тебя выбью эту охоту.» Но я, зная, что это было больше ничего кромѣ искушенія, отвѣчалъ отрицательно, за что канцлеръ ударилъ меня два раза палкою по спинѣ такъ больно, что я чуть было не вскрикнулъ, но удержался, вспомнивши, что это рыцарскій обычай при вступленіи въ высокое званіе, потому что въ Испаніи еще и донынѣ ведутся рыцарскіе обычаи. Оставшись одинъ, я рѣшился заняться дѣлами государственными. Я открылъ, что Китай и Испанія совершенно одна и та же земля, и только по невѣжеству считаютъ ихъ за разныя государства. Я совѣтую всѣмъ нарочно написать на бумагѣ Испанія, то и выйдетъ Китай. Но меня, однакоже, чрезвычайно огорчало событіе, имѣющееся быть завтра. Завтра въ 7 часовъ совершится странное явленіе: земля сядетъ на луну. Объ этомъ и знаменитый англійскій химикъ Велингтонъ пишетъ. Признаюсь, я ощутилъ сердечное безпокойство, когда вообразилъ себѣ необыкновенную нѣжность и непорочность луны. Луна вѣдь обыкно-

венно дѣлается въ Гамбургѣ, и прескверно дѣлается. Я удивляюсь, какъ не обратитъ на это вниманіе Англія. Дѣлаетъ ее хромой бочаръ, и видно, что дуракъ,—никакого понятія не имѣетъ о лунѣ. Онъ положилъ смоляной канатъ и часть деревяннаго масла; и отъ того по всей землѣ вонь страшная, такъ что нужно затыкать носъ. И отъ того самая луна такой нѣжный шаръ, что люди никакъ не могутъ жить, и тамъ теперь живутъ только одни носы. И потому-то самому мы не можемъ видѣть носовъ своихъ, ибо они всѣ находятся въ лунѣ. И когда я вообразилъ, что земля вещество тяжелое и можетъ, насѣвши, размолоть въ муку носы наши, то мною овладѣло такое безпокойство, что я, надѣвши чулки и башмаки, поспѣшилъ въ залу государственнаго совѣта, съ тѣмъ, чтобы дать приказъ полиціи не допустить землѣ сѣсть на луну. Бритые гранды, которыхъ я засталъ въ залѣ государственнаго совѣта великое множество, были народъ очень умный, и когда я сказалъ: «Господа, спасемъ луну, потому что земля хочетъ сѣсть на нее!» то всѣ въ ту же минуту бросились исполнять мое монаршее желаніе и многіе полѣзли на стѣну съ тѣмъ чтобы достать луну; но въ это время вошелъ великій канцлеръ. Увидѣвши его, всѣ разбѣжались. Я, какъ король, остался одинъ. Но канцлеръ къ удивленію моему ударилъ меня палкою и прогналъ въ мою комнату. Такую имѣютъ власть въ Испаніи народные обычаи!

Январь того же года, случившійся послѣ февраля.

До сихъ поръ не могу понять, что это за земля Испанія. Народные обычаи и этикеты двора совершенно необыкновенны. Не понимаю, не понимаю, рѣшительно не понимаю ничего. Сегодня выбрили мнѣ голову, не смотря на то, что я кричалъ изо всей силы о нежеланіи быть монахомъ. Но я уже не могу и вспомнить, что было со мною тогда, когда начали мнѣ на голову капать холодною водою. Такого ада я еще никогда не чувствовалъ. Я готовъ былъ впасть въ бѣшенство, такъ что едва могли меня удержать. Я не понимаю вовсе значенія этого страннаго обычая. Обычай глупый, безсмысленный! Для меня непостижима безразсудность королей, которые до сихъ поръ не уничтожаютъ его. Судя по всѣмъ вѣроя-

тіямъ догадываюсь, не попался ли я въ руки инквизиціи, и тотъ, котораго я принялъ за канцлера, не есть ли самъ великій инквизиторъ. Только я всё не могу понять, какъ же могъ король подвергнуться инквизиціи. Оно, правда, могло со стороны Франціи и особенно Полиніякъ. О, это бестія Полиніякъ! Поклялся вредить мнѣ по смерть. И вотъ гонитъ да гонитъ; но я знаю, пріятель, что тебя водитъ Англичанинъ. Англичанинъ большой политикъ. Онъ вездѣ юлитъ. Это уже извѣстно всему свѣту, что когда Англія нюхаетъ табакъ, то Франція чихаетъ.

Число 25.

Сегодня великій инквизиторъ пришелъ въ мою комнату, но *я*, услышавши еще издали шаги его, спрятался подъ стулъ. Онъ, увидѣвши, что нѣтъ меня, началъ звать. Сначала закричалъ: «Поприщинъ!»—Я ни слова. Потомъ: «Аксентій Ивановъ! титулярный совѣтникъ! дворянинъ!» —Я все молчу.—«Фердинандъ VIII, король испанскій!»—Я хотѣлъ было высунуть голову, но послѣ подумалъ: «Нѣтъ, братъ, не надуешь! знаемъ мы тебя: опять будешь лить холодную воду мнѣ на голову.» Однакоже онъ увидѣлъ меня и выгналъ палкою изъ-подъ стула. Чрезвычайно больно бьется проклятая палка! Впрочемъ, за все вознаградило меня нынѣшнее открытіе: я узналъ, что у всякого пѣтуха есть Испанія, что она у него находится подъ перьями. Великій инквизиторъ однакоже ушелъ отъ меня разгнѣванный и грозя мнѣ какимъ-то наказаніемъ. Но я совершенно пренебрегъ его безсильную злобу, зная, что *онъ* дѣйствуетъ какъ машина, какъ орудіе Англичанина.

Чи 34 сло Мц гдао. чкрdэф 349.

Нѣтъ, я больше не имѣю силъ терпѣть. Боже! что̀ они дѣлаютъ со мною! Они льютъ мнѣ на голову хододную воду! Они не внемлютъ, не видятъ, не слушаютъ меня. Что̀ я сдѣлалъ имъ? За что̀ они мучатъ меня? Чего хотятъ они отъ меня бѣднаго? Что́ могу дать я имъ? Я ничего не имѣю. Я не въ силахъ, я не могу вынести всѣхъ мукъ ихъ, голова горитъ моя и все кружится предо мною. Спасите меня! возьмите меня! дайте мнѣ тройку быстрыхъ какъ вихорь коней! садись мой ямщикъ, звени мой колокольчикъ,

взвейтеся кони и несите меня съ этого свѣта! Далѣе, далѣе, чтобы не видно было ничего, ничего. Вонъ небо клубится передо мною; звѣздочка сверкаетъ вдали; лѣсъ несется съ темными деревьями и мѣсяцемъ; сизый туманъ стелется подъ ногами; струна звенитъ въ туманѣ; съ одной стороны море, съ другой Италія; вонъ и русскія избы виднѣютъ. Домъ ли то мой синѣетъ вдали? Мать ли моя сидитъ передъ окномъ? Матушка, спаси твоего бѣднаго сына. Урони слезинку на его больную головушку! посмотри, какъ мучатъ они его! прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонятъ!—Матушка! пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!... А знаете ли, что у Алжирскаго Дея подъ самымъ носомъ шишка?

КОНЕЦЪ АРАБЕСОКЪ.

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

РЕВИЗОРЪ.

На зеркало неча пѣнять, коли рожа крива

Народная пословица.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антонъ Антовичъ Сквозникъ-Дмухановскій, городничій.

Анна Андреевна, жена его.

Марья Антоновна, дочь его.

Лука Лукичъ Хлоповъ, смотритель училищъ.

Жена его.

Аммосъ Ѳедоровичъ Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья.

Артемій Филипповичъ Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній.

Иванъ Кузмичъ Шпекинъ, почмейстеръ.

Петръ Ивановичъ Добчинскій; Петръ Ивановичъ Бобчинскій, — городскіе помѣщики.

Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, чиновникъ изъ Петербурга.

Осипъ, слуга его.

Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, уѣздный лѣкарь.

Ѳедоръ Андреевичъ Люлюковъ, Иванъ Лазаревичъ Растаковскій, Степанъ Ивановичъ Коробкинъ, — отставные чиновники, почетныя лица въ городѣ.

Степанъ Ильичъ Уховертовъ, частный приставъ.

Свистуновъ, Пуговицынъ, Держиморда, — полицейскіе.

Абдулинъ, купецъ.

Февронья Петровна Пошлепина, слесарша.

Жена унтеръ-офицера.

Мишка, слуга городничаго.

Слуга трактирный.

Гости и гостьи, купцы, мѣщане, просители.

ХАРАКТЕРЫ И КОСТЮМЫ.

ЗАМѢЧАНІЯ ДЛЯ ГОСПОДЪ АКТЕРОВЪ.

Городничій, уже постарѣвшій на службѣ и очень неглупый, посвоему, человѣкъ. Хотя и взяточникъ, однако ведетъ себя очень солидно, довольно серьезенъ, нѣсколько даже резонеръ; говоритъ ни громко, ни тихо, ни много, ни мало. Его каждое слово значительно. Черты лица его грубы и жестки, какъ у всякаго, начавшаго тяжелую службу съ низшихъ чиновъ. Переходъ отъ страха къ радости, отъ низости къ высокомѣрію, довольно быстръ, какъ у человѣка съ грубо-развитыми склонностями души. Онъ одѣтъ по обыкновенію, въ своемъ мундирѣ съ петлицами и въ ботфортахъ со шпорами. Волоса на немъ стриженные съ просѣдью.

Анна Андреевна, жена его, провинціяльная кокетка, еще не совсѣмъ пожилыхъ лѣтъ, воспитанная въ половину на романахъ и альбомахъ, въ половину на хлопотахъ въ своей кладовой и дѣвичьей. Очень любопытна, и при случаѣ выказываетъ тщеславіе. Беретъ иногда власть надъ мужемъ потому только, что тотъ не находится, что отвѣчать ей; но власть эта распространяется только на мелочи, и состоитъ въ выговорахъ и насмѣшкахъ. Она четыре раза переодѣвается въ разныя платья въ продолженіе піесы.

Хлестаковъ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, тоненькій, худенькій; нѣсколько приглуповатъ, и, какъ говорятъ, безъ царя въ головѣ; одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ въ канцеляріяхъ называютъ пустѣйшими. Говоритъ и дѣйствуетъ безъ всякаго соображенія. Онъ не въ состояніи остановить постояннаго вниманія на какой-нибудь мысли. Рѣчь

его отрывиста, и слова вылетаютъ изъ устъ его совершенно неожиданно. Чѣмъ болѣе исполняющій эту роль покажетъ чистосердечія и простоты, тѣмъ болѣе онъ выиграетъ. Одѣтъ по модѣ.

Осипъ, слуга, таковъ, какъ обыкновенно бываютъ слуги нѣсколько пожилыхъ лѣтъ. Говоритъ серьезно, смотритъ нѣсколько внизъ, резонеръ и любитъ самому себѣ читать нравоученія для своего барина. Голосъ его всегда почти ровенъ, въ разговорѣ съ бариномъ принимаетъ суровое, отрывистое и нѣсколько даже грубое выраженіе. Онъ умнѣе своего барина, и потому скорѣе догадывается, но не любитъ много говорить, и молча плутъ. Костюмъ его сѣрый или синій поношенный сюртукъ.

Бобчинскій и Добчинскій, оба низенькіе, коротенькіе, очень любопытные; чрезвычайно похожи другъ на друга: оба съ небольшими брюшками, оба говорятъ скороговоркою и чрезвычайно много помогаютъ жестами и руками. Добчинскій немного выше, серьезнѣе Бобчинскаго, но Бобчинскій развязнѣе и живѣе Добчинскаго.

Ляпкинъ-Тяпкинъ, судья, человѣкъ прочитавшій пять или шесть книгъ, и потому нѣсколько вольнодуменъ. Охотникъ большой на догадки, потому каждому слову своему даетъ вѣсъ. Представляющій его долженъ всегда сохранять въ лицѣ своемъ значительную мину. Говоритъ басомъ съ продолговатой растяжкой, хрипомъ и сапомъ, какъ старинные часы, которые прежде шипятъ, а потомъ уже бьютъ.

Земляника, попечитель богоугодныхъ заведеній, очень толстый, неповоротливый и неуклюжій человѣкъ; но при всемъ томъ проныра и плутъ. Очень услужливъ и суетливъ.

Почтмейстеръ, простодушный до наивности человѣкъ.

Прочія роли не требуютъ особыхъ изъясненій: оригиналы ихъ всегда почти находятся передъ глазами.

Господа актеры особенно должны обратить вниманіе на послѣднюю сцену. Послѣднее произнесенное слово должно произвесть электрическое потрясеніе на всѣхъ—разомъ, вдругъ. Вся группа должна перемѣнить положеніе въ одинъ мигъ. Звукъ изумленія долженъ вырваться у всѣхъ женщинъ разомъ, какъ-будто изъ одной груди. Отъ несоблюднеія этихъ замѣчаній можетъ исчезнуть весь эффектъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ домѣ городничаго.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОРОДНИЧІЙ, ПОПЕЧИТЕЛЬ БОГОУГОДНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, СМОТРИТЕЛЬ УЧИЛИЩЪ, СУДЬЯ, ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ, ЛѢКАРЬ, ДВА КВАРТАЛЬНЫХЪ.

ГОРОДНИЧІЙ. Я пригласилъ васъ, господа, съ тѣмъ, чтобы сообщить вамъ пренепріятное извѣстіе: къ намъ ѣдетъ ревизоръ.

АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ. Какъ, ревизоръ?

АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ. Какъ, ревизоръ?

ГОР. Ревизоръ изъ Петербурга, инкогнито. И еще съ секретнымъ предписаніемъ.

АММ. ѲЕД. Вотъ-те на!

АРТ. ФИЛ. Вотъ не было заботы, такъ подай!

ЛУКА ЛУК. Господи Боже! еще и съ секретнымъ предписаньемъ.

ГОР. Я какъ-будто предчувствовалъ: сегодня мнѣ всю ночь снились какія-то двѣ необыкновенныя крысы. Право, этакихъ я никогда не видывалъ: черныя, неестественной величины! пришли, понюхали—и пошли прочь. Вотъ я вамъ прочту письмо, которое получилъ я отъ Андрея Ивановича Чмыхова, котораго вы, Артемій Филипповичъ, знаете. Вотъ что̀ онъ пишетъ: «Любезный другъ, кумъ

и благодѣтель» (*бормочетъ въ полголоса, пробѣгая скоро глазами*).... «и увѣдомить тебя.» А, вотъ: «спѣшу, между прочимъ, увѣдомить тебя, что пріѣхалъ чиновникъ съ предписаніемъ осмотрѣть всю губернію и особенно нашъ уѣздъ (*значительно подпимаетъ палецъ вверхъ*). Я узналъ это отъ самыхъ достовѣрныхъ людей, хотя онъ представляетъ себя частнымъ лицомъ. Такъ-какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки, потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что̀ плыветъ въ руки...» (*Остановясь*) ну, здѣсь свои... «то совѣтую тебѣ взять предосторожность: ибо онъ можетъ пріѣхать во всякій часъ, если только уже не пріѣхалъ и не живетъ гдѣ-нибудь инкогнито.... Вчерашняго дня...» Ну, тутъ ужъ пошли дѣла семейныя: «сестра Анна Кириловна пріѣхала къ намъ съ своимъ мужемъ; Иванъ Кириловичъ очень потолстѣлъ и все играетъ на скрыпкѣ...» и прочее и прочее. Такъ вотъ какое обстоятельство!

АММ. ѲЕД. Да, обстоятельство такое необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь не даромъ.

ЛУКА ЛУК. Зачѣмъ же, Антонъ Антоновичъ, отчего это? зачѣмъ къ намъ ревизоръ?

ГОР., *испуская вздохъ*. Зачѣмъ! такъ ужъ, видно, судьба! (*Вздохнувъ*) До сихъ поръ, благодареніе Богу, подбирались къ другимъ городамъ; теперь пришла очередь къ нашему.

АММ. ѲЕД. Я думаю, Антонъ Антоновичъ, что здѣсь тонкая и больше политическая причина. Это значитъ вотъ что̀: Россія.... да.... хочетъ вести войну, и министерія-то, вотъ видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нѣтъ ли гдѣ измѣны.

ГОР. Экъ куда хватили! Еще умный человѣкъ! Въ уѣздномъ городѣ измѣна! Что̀ онъ, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь.

АММ. ѲЕД. Нѣтъ, я вамъ скажу. Вы не того.... вы не.... Начальство имѣетъ тонкіе виды: даромъ, что далеко, а оно себѣ мотаетъ на усъ.

ГОР. Мотаетъ, или не мотаетъ, а я васъ, господа, предувѣдомилъ. Смотрите! по своей части я кое-какія распоряженія сдѣлалъ, совѣтую и вамъ. Особенно вамъ, Артемій Филипповичъ! Безъ сомнѣнія, проѣзжающій чиновникъ захочетъ прежде всего осмотрѣть

подвѣдомственныя вамъ богоугодныя заведенія — и потому вы сдѣлайте такъ, чтобы все было прилично. Колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецовъ, какъ обыкновенно они ходятъ по-домашнему.

АРТ. ФИЛ. Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надѣть и чистые.

ГОР. Да. И тоже надъ каждою кроватью надписать по-Латынѣ, или на другомъ какомъ языкѣ.... это ужъ по вашей части, Христіянъ Ивановичъ,—всякую болѣзнь: когда кто заболѣлъ, котораго дня и числа... Не хорошо, что у васъ больные такой крѣпкій табакъ курятъ, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если бы ихъ было меньше; тотчасъ отнесутъ къ дурному смотрѣнію, или къ неискусству врача.

АРТ. ФИЛ. О! насчетъ врачеванья мы съ Христіяномъ Ивановичемъ взяли свои мѣры: чѣмъ ближе къ натурѣ, тѣмъ лучше,— лекарствъ дорогихъ мы не употребляемъ. Человѣкъ простой: если умретъ, то и такъ умретъ; если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ. Да и Христіяну Ивановичу затруднительно было бъ съ ними изъясняться—онъ по-Русски ни слова не знаетъ.

ХРИСТІЯНЪ ИВАНОВИЧЪ *издаетъ звукъ, отчасти похожій на букву* и, *и нѣсколько на* е.

ГОР. Вамъ тоже посовѣтовалъ бы, Аммосъ Ѳедоровичъ, обратить вниманіе на присутственныя мѣста. У васъ тамъ въ передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашнихъ гусей съ маленькими гусенятами, которые такъ и шныряютъ подъ ногами. Оно, конечно, домашнимъ хозяйствомъ заводиться всякому похвально, и почему жъ сторожу и не завесть его; только, знаете, въ такомъ мѣстѣ неприлично.... Я и прежде хотѣлъ вамъ это замѣтить, но всё какъ-то позабывалъ.

АММ. ѲЕД. А вотъ я ихъ сегодня же велю всѣхъ забрать на кухню. Хотите, приходите обѣдать.

ГОР. Кромѣ того, дурно, что у васъ высушивается въ самомъ присутствіи всякая дрянь, и надъ самымъ шкафомъ съ бумагами охотничій арапникъ. Я знаю, вы любите охоту, но всё на время лучше его принять, а тамъ, какъ проѣдетъ ревизоръ, пожалуй опять можете его повѣсить. Также засѣдатель вашъ.... онъ, ко-

нечно, человѣкъ свѣдущій, но отъ него такой запахъ, какъ-будто бы сейчасъ вышелъ изъ винокуреннаго завода—это тоже не хорошо. Я хотѣлъ давно объ этомъ сказать вамъ, но былъ, не помню чѣмъ-то, развлеченъ. Есть противъ этого средства, если уже это дѣйствительно, какъ онъ говоритъ, у него природный запахъ: можно ему посовѣтовать ѣсть лукъ, или чеснокъ; или что-нибудь другое. Въ этомъ случаѣ можетъ помочь разными медикаментами Христіянъ Ивановичъ.

ХРИСТ. ИВ. *издаетъ тотъ же звукъ.*

АРТ. ѲЕД. Нѣтъ, этого уже невозможно выгнать: онъ говоритъ, что въ дѣтствѣ мамка его ушибла, и съ тѣхъ поръ отъ него отдаетъ немного водкою.

ГОР. Да, я такъ только замѣтилъ вамъ. Насчетъ же внутренняго распоряженія и того, что̀ называетъ въ письмѣ Андрей Ивановичъ грѣшками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нѣтъ человѣка, который бы за собою не имѣлъ какихъ-нибудь грѣховъ. Это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и Волтеріянцы напрасно противъ этого говорятъ.

АММ. ѲЕД. Что жъ вы полагаете, Антонъ Антоновичъ, грѣшками? Грѣшки грѣшкамъ рознь. Я говорю всѣмъ открыто, что беру взятки, но чѣмъ взятки? Борзыми щенками. Это совсѣмъ иное дѣло.

ГОР. Ну, щенками или чѣмъ другимъ, все взятки.

АММ. ѲЕД. Ну, нѣтъ, Антонъ Антоновичъ. А вотъ, напримѣръ, если у кого-нибудь шуба стоитъ пятьсотъ рублей, да супругѣ шаль. . . .

ГОР. Ну, а что̀ изъ того, что вы берете взятки борзыми щенками? За то вы въ Бога не вѣруете; вы въ церковь никогда не ходите; а я по крайней мѣрѣ въ вѣрѣ твердъ и каждое воскресенье бываю въ церкви. А вы.... О, я знаю васъ: вы если начнете говорить о сотвореніи міра, просто волосы дыбомъ поднимаются.

АММ. ѲЕД. Да вѣдь самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ.

ГОР. Ну, въ иномъ случаѣ много ума хуже, чѣмъ бы его совсѣмъ не было. Впрочемъ, я такъ только упомянулъ объ уѣздномъ судѣ; а по правдѣ сказать, врядъ ли кто когда-нибудь заглянетъ туда: это ужъ такое завидное мѣсто, самъ Богъ ему покровитель-

ствуетъ. А вотъ вамъ, Лука Лукичъ, такъ какъ смотрителю учебныхъ заведеній, нужно позаботиться особенно насчетъ учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались въ разныхъ коллегіяхъ, но имѣютъ очень странные поступки, натурально неразлучные съ ученымъ званіемъ. Одинъ изъ нихъ, напримѣръ вотъ этотъ, что̀ имѣетъ толстое лицо.... не вспомню его фамиліи, никакъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы, взошедши на каѳедру, не сдѣлать гримасу, вотъ этакъ *(дѣлаетъ гримасу)*; и потомъ начнетъ рукою изъ-подъ галстука утюжить свою бороду. Конечно, если онъ ученику сдѣлаетъ такую рожу, то оно еще ничего, можетъ быть, оно тамъ и нужно такъ, объ этомъ я не могу судить; но, вы посудите сами, если онъ сдѣлаетъ это посѣтителю — это можетъ быть очень худо: господинъ ревизоръ, или другой кто можетъ принять это на свой счетъ. Изъ этого, чортъ знаетъ, что̀ можетъ произойти.

ЛУКА ЛУК. Что жъ мнѣ, право, съ нимъ дѣлать? я ужъ нѣсколько разъ ему говорилъ. Вотъ еще на дняхъ, какъ зашелъ было въ классъ нашъ предводитель, онъ скроилъ такую рожу, какой я никогда еще не видывалъ. Онъ-то ее сдѣлалъ отъ добраго сердца, а мнѣ выговоръ, зачѣмъ вольнодумныя мысли внушаются юношеству.

ГОР. То же долженъ вамъ замѣтить и объ учителѣ по исторической части. Онъ ученая голова—это видно, и свѣдѣній нахваталъ тьму, но только объясняетъ съ такимъ жаромъ, что не помнитъ себя. Я разъ слушалъ его: ну, покамѣсть говорилъ объ Ассиріянахъ и Вавилонянахъ — еще ничего, а какъ добрался до Александра Македонскаго, то я не могу вамъ сказать, что̀ съ нимъ сдѣлалось. Я думалъ, что пожаръ, ей Богу! сбѣжалъ съ каѳедры и, что̀ силы есть, хвать стуломъ объ полъ! Оно, конечно, Александръ Македонскій герой, но зачѣмъ же стулья ломать! отъ этого убытокъ казнѣ.

ЛУКА ЛУК. Да, онъ горячъ! я ему это нѣсколько разъ уже замѣчалъ.... Говоритъ: «Какъ хотите, для науки я жизни не пощажу.»

ГОР. Да, таковъ ужъ неизъяснимый законъ судебъ: умный человѣкъ или пьяница, или рожу такую строитъ, что хоть святыхъ выноси.

ЛУКА ЛУК. Не приведи Богъ служить по ученой части, всего боишься! Всякій мѣшается, всякому хочется показать, что онъ тоже умный человѣкъ.

ГОР. Это бы еще ничего,—инкогнито проклятое! Вдругъ заглянетъ: «А, вы здѣсь голубчики! А кто», скажетъ, «здѣсь судья?»—«Ляпкинъ-Тяпкинъ!»—«А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодныхъ заведеній?»—«Земляника.»—«А подать сюда Землянику!» Вотъ что̀ худо!

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ПОЧТМЕЙСТЕРЪ.

ПОЧТМ. Объясните, господа, что, какой чиновникъ ѣдетъ?

ГОР. А вы развѣ не слышали?

ПОЧТМ. Слышалъ отъ Петра Ивановича Бобчинскаго. Онъ только-что былъ у меня въ почтовой конторѣ.

ГОР. Ну, что̀? какъ вы думаете объ этомъ?

ПОЧТМ. А что̀ думаю? война съ Турками будетъ.

АММ. ѲЕД. Въ одно слово! я самъ то же думалъ.

ГОР. Да, оба пальцемъ въ небо попали!

ПОЧТМ. Право, съ Турками. Это всё Французъ гадитъ.

ГОР. Какая война съ Турками! просто намъ плохо будетъ, а не Туркамъ. Это ужъ извѣстно: у меня письмо.

ПОЧТМ. А, если такъ, то не будетъ войны съ Турками.

ГОР. Ну, что же, ка̀къ вы, Иванъ Кузьмичъ?

ПОЧТМ. Да что̀ я? Какъ вы, Антонъ Антоновичъ?

ГОР. Да что̀ я? Страху-то нѣтъ, а такъ, немножко. Купечество да гражданство меня смущаетъ. Говорятъ, что я имъ солоно пришелся, а я, вотъ ей Богу, если и взялъ съ иного, то, право, безъ всякой ненависти. Я даже думаю *(беретъ его подъ руку и отводитъ въ сторону)*, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ къ намъ ревизоръ? Послушайте, Иванъ Кузмичъ. нельзя ли вамъ, для общей нашей пользы, всякое письмо. которое прибываетъ къ вамъ въ почтовую

контору, входящее и исходящее, знаете, этакъ немножко распечатать и прочитать, не содержится ли въ немъ какого-нибудь донесенія, или, просто, переписки. Если же нѣтъ, то можно опять запечатать; впрочемъ, можно даже и такъ отдать письмо, распечатанное.

почтм. Знаю, знаю.... Этому не учите, это я дѣлаю не то, чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства, — смерть люблю узнать, что̀ есть новаго на свѣтѣ. Я вамъ скажу, что это преинтересное чтеніе! Иное письмо съ наслажденіемъ прочтешь — такъ описываются разные пассажи.... а назидательность какая.... лучше чѣмъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ!

гор. Ну, что жъ, скажите, ничего не начитывали о какомъ-нибудь чиновникѣ изъ Петербурга?

почтм. Нѣтъ, о петербургскомъ ничего нѣтъ, а о костромскихъ и саратовскихъ много говорится. Жаль, однакожъ, что вы не читаете писемъ. Есть прекрасныя мѣста. Вотъ недавно, одинъ поручикъ пишетъ къ пріятелю и описалъ балъ въ самомъ игривомъ... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый другъ, течетъ», говоритъ, «въ эмпиреяхъ: барышень много, музыка играетъ, штандартъ скачетъ....» съ большимъ, съ большимъ чувствомъ описалъ. Я нарочно оставилъ его у себя. Хотите, прочту?

гор. Ну, теперь не до того. Такъ сдѣлайте милость, Иванъ Кузьмичъ: если на случай попадется жалоба или донесеніе, то, безъ всякихъ разсужденій, задерживайте.

почтм. Съ большимъ удовольствіемъ.

амм. ѳед. Смотрите, достанется вамъ когда-нибудь за это.

почтм. Ахъ, батюшки!

гор. Ничего, ничего. Другое дѣло, если бъ вы изъ этого публичное что-нибудь сдѣлали, но вѣдь это дѣло семейное.

амм. ѳед. Да, нехорошее дѣло заварилось! А я, признаюсь, шелъ было къ вамъ, Антонъ Антоновичъ, съ тѣмъ, чтобы попотчивать васъ собачонкою. Родная сестра тому кобелю, котораго вы знаете. Вѣдь вы слышали, что Чептовичъ съ Варховинскимъ затѣяли тяжбу, и теперь мнѣ роскошь: травлю зайцевъ на земляхъ и у того, и у другого.

гор. Батюшка, не милы мнѣ теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидитъ въ головѣ! Такъ и ждешь, что вотъ отворится дверь—и шасть....

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, БОБЧИНСКІЙ И ДОБЧИНСКІЙ *оба входятъ запыхавшись.*

бобч. Чрезвычайное происшествіе!

добч. Неожиданное извѣстіе!

всѣ. Что̀, что̀ такое?

добч. Непредвидѣнное дѣло: приходимъ въ гостинницу....

бобч. *перебивая.* Приходимъ съ Петромъ Ивановичемъ въ гостинницу....

добч., *перебивая.* Э, позвольте, Петръ Ивановичъ, я разскажу.

бобч. Э, нѣтъ, позвольте ужъ я.... позвольте, позвольте.... вы ужъ и слога такого не имѣете....

добч. А вы собьетесь и не припомните всего.

бобч. Припомню, ей Богу, припомню. Ужъ не мѣшайте, пусть я разскажу, не мѣшайте! Скажите, господа, сдѣлайте милость, чтобъ Петръ Ивановичъ не мѣшалъ.

гор. Да говорите ради Бога, что̀ такое? У меня сердце не на мѣстѣ. Садитесь, господа! возьмите стулья! Петръ Ивановичъ, вотъ вамъ стулъ (*всѣ усаживаются вокругъ обоихъ Петровъ Ивановичей*). Ну, что̀, что̀ такое?

бобч. Позвольте, позвольте: я все по порядку. Какъ только имѣлъ я удовольствіе выйти отъ васъ послѣ того, какъ вы изволили смутиться полученнымъ письмомъ, да-съ — такъ я тогда же забѣжалъ.... ужъ пожалуйста не перебивайте, Петръ Ивановичъ! Я ужъ все, все, все знаю-съ. Такъ я, вотъ извольте видѣть, забѣжалъ къ Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотилъ къ Растаковскому, а не заставши Растаковскаго, зашелъ вотъ къ Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да идучи оттуда, встрѣтился съ Петромъ Ивановичемъ....

добч., *перебивая.* Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги.

БОБЧ. Возлѣ будки, гдѣ продаются пироги. Да, встрѣтившись съ Петромъ Ивановичемъ, и говорю ему, слышали ли вы о новости, которую получилъ Антонъ Антоновичъ изъ достовѣрнаго письма? А Петръ Ивановичъ ужъ слышали объ этомъ отъ ключницы вашей, Авдотьи, которая, не знаю за чѣмъ-то, была послана къ Филиппу Антоновичу Почечуеву.

ДОБЧ. *перебивая.* За боченкомъ, для французской водки.

БОБЧ., *отводя его руки.* За боченкомъ для французской водки. Вотъ мы пришли съ Петромъ-то Ивановичемъ къ Почечуеву.... Ужъ вы, Петръ Ивановичъ.... энтого.... не перебивайте, пожалуйста не перебивайте!... Пошли къ Почечуеву, да на дорогѣ Петръ Ивановичъ говоритъ: «Зайдемъ», говоритъ, «въ трактиръ. Въ желудкѣ-то у меня.... съ утра я ничего не ѣлъ, такъ желудочное трясеніе....» Да-съ, въ желудкѣ-то у Петра Ивановича.... «А въ трактиръ», говоритъ, «привезли теперь свѣжей семги, такъ мы закусимъ.» Только-что мы въ гостинницу, какъ вдругъ молодой человѣкъ....

ДОБЧ., *перебивая.* Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ....

БОБЧ. Недурной наружности, въ партикулярномъ платьѣ, ходитъ этакъ по комнатѣ, и въ лицѣ этакое разсужденіе... физіономія... поступки и здѣсь (*вертитъ рукою около лба*) много, много всего. Я будто предчувствовалъ и говорю Петру Ивановичу: «Здѣсь что-нибудь не спроста-съ.» Да. А Петръ-то Ивановичъ ужъ мигнулъ пальцемъ и подозвали трактирщика-съ, трактирщика Власа — у него жена три недѣли назадъ тому родила, и такой пребойкій мальчикъ, будетъ такъ же, какъ и отецъ, содержать трактиръ. Подозвавши Власа, Петръ Ивановичъ и спроси его потихоньку: «Кто», говоритъ, «этотъ молодой человѣкъ?» а Власъ и отвѣчаетъ на это: «Это», говоритъ... Э, не перебивайте, Петръ Ивановичъ, пожалуйста, не перебивайте, вы не разскажете, ей Богу не разскажете: вы пришепетываете, у васъ, я знаю, одинъ зубъ во рту со свистомъ... «Это», говоритъ, «молодой человѣкъ, чиновникъ», да-съ, «ѣдущій изъ Петербурга, а по фамиліи», говоритъ, «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ-съ, а ѣдетъ» говоритъ, «въ Саратовскую губернію», говоритъ, «престранно себя аттестуетъ: другую ужъ недѣлю живетъ,

изъ трактира не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и ни копѣйки не хочетъ платить.» Какъ сказалъ онъ мнѣ это, а меня такъ вотъ свыше и вразумило. «Э!» говорю я Петру Ивановичу...

добч. Нѣтъ, Петръ Ивановичъ, это я сказалъ «э!»

бобч. Сначала вы сказали, а потомъ и я сказалъ. «Э!» сказали мы съ Петромъ Ивановичемъ. «А съ какой стати сидѣть ему здѣсь, когда дорога ему лежитъ въ Саратовскую губернію?»—Да-съ. А вотъ онъ-то и есть этотъ чиновникъ.

гор. Кто, какой чиновникъ?

бобч. Чиновникъ-та, о которомъ изволили получить нотацію—ревизоръ.

гор., *въ страхѣ*. Что̀ вы, Господь съ вами! это не онъ.

доб. Онъ! и денегъ не платитъ, и не ѣдетъ. Кому же быть, какъ не ему? И подорожная прописана въ Саратовъ.

бобч. Онъ, онъ, ей Богу онъ... Такой наблюдательный: все осмотрѣлъ. Увидѣлъ, что мы съ Петромъ-то Ивановичемъ ѣли семгу, — больше потому, что Петръ Ивановичъ на счетъ своего желудка... да,—такъ онъ и въ тарелки къ намъ заглянулъ. Меня такъ и проняло страхомъ.

гор. Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Гдѣ же онъ тамъ живетъ?

добч. Въ пятомъ нумерѣ, подъ лѣстницей.

бобч. Въ томъ самомъ нумерѣ, гдѣ прошлаго года подрались проѣзжіе офицеры.

гор. И давно онъ здѣсь?

добч. А недѣли двѣ ужъ. Пріѣхалъ на Василья Египтянина.

гор. Двѣ недѣли! (*въ сторону*) Батюшки, сватушки, выносите, святые угодники! Въ эти двѣ недѣли высѣчена унтеръ-офицерская жена! арестантамъ не выдавали провизіи. На улицахъ кабакъ, нечистота! Позоръ! поношенье! *(хватается за голову.)*

арт. фил. Что жъ, Антонъ Антоновичъ, ѣхать парадомъ въ гостинницу.

амм. ѳед. Нѣтъ, нѣтъ! Впередъ пустить голову, духовенство, купечество; вотъ и въ книгѣ: Дѣянія Іоанна Масона...

гор. Нѣтъ, нѣтъ; позвольте ужъ мнѣ самому! Бывали трудные случаи въ жизни, сходили, еще даже и спасибо получалъ.

Авось, Богъ вынесетъ и теперь. (*Обращаясь къ Бобчинскому*) Вы говорите, онъ молодой человѣкъ?

БОБ. Молодой, лѣтъ двадцати трехъ или четырехъ съ небольшимъ.

ГОР. Тѣмъ лучше: молодого скорѣе пронюхаешь. Бѣда, если старый чортъ; а молодой весь на верху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь одинъ, или, вотъ хоть съ Петромъ Ивановичемъ, приватно, для прогулки, навѣдаться, не терпятъ ли проѣзжающіе непріятностей. Эй, Свистуновъ!

СВИСТУНОВЪ. Что́ угодно?

ГОР. Ступай сейчасъ за частнымъ приставомъ, или нѣтъ, ты мнѣ нуженъ. Скажи тамъ кому-нибудь, чтобы какъ можно поскорѣе ко мнѣ частнаго пристава, и приходи сюда. (*Квартальный бѣжитъ въ попыхахъ*).

АРТ. ФИЛ. Пойдемъ, пойдемъ, Аммосъ Ѳедоровичъ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ случиться бѣда.

АММ. ѲЕД. Да вамъ чего бояться? Колпаки чистые надѣлъ на больныхъ, да и концы въ воду.

АРТ. ФИЛ. Какое колпаки! Больнымъ велѣно габеръ-супъ давать, а у меня по всѣмъ корридорамъ несетъ такая капуста, что береги только носъ.

АММ. ѲЕД. А я на этотъ счетъ покоенъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто зайдетъ въ уѣздный судъ? А если и заглянетъ въ какую-нибудь бумагу, такъ жизни не будетъ радъ. Я вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ сижу на судейскомъ стулѣ, а какъ загляну въ докладную записку—а! только рукою махну! Самъ Соломонъ не разрѣшитъ, что́ въ ней правда и что́ неправда. (*Судья, попечитель богоугодныхъ заведеній, смотритель училищъ и почтмейстеръ уходятъ, и въ дверяхъ сталкиваются съ возвращающимся квартальнымъ.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГОРОДНИЧІЙ, БОБЧИНСКІЙ, ДОБЧИНСКІЙ И КВАРТАЛЬНЫЙ.

ГОР. Что́, дрожки тамъ стоятъ?

КВАРТ. Стоятъ.

гор. Ступай на улицу... или нѣтъ, постой! ступай принеси... Да другіе-то гдѣ? неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

кварт. Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

гор. Какъ такъ?

кварт. Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился.

гор., *хватаясь за голову.* Ахъ Боже мой, Боже мой! Ступай скорѣе на улицу, или нѣтъ—бѣги прежде въ комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петръ Ивановичъ, поѣдемъ!

бобч. И я, и я... позвольте и мнѣ, Антонъ Антоновичъ!

гор. Нѣтъ, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, нельзя! не ловко, да и на дрожкахъ не помѣстимся.

бобч. Ничего, ничего, я такъ: пѣтушкомъ, пѣтушкомъ, пѣтушкомъ побѣгу за дрожками. Мнѣ бы только немножко въ щелочку-та, въ дверь этакъ посмотрѣть, какъ у него эти поступки..

гор., *принимая шпагу, къ квартальному.* Бѣги сейчасъ, возьми десятскихъ, да пусть каждый изъ нихъ возьметъ... Экъ шпага какъ исцарапалась! Проклятый купчишка Авдулинъ — видитъ, что у городничаго старая шпага, не прислалъ новой! О, лукавый народъ! А такъ, мошенники, я чай просьбы изъ подъ полы и готовятъ. Пусть каждый возьметъ въ руки по улицѣ... чортъ возьми, по улицѣ — по метлѣ! и вымели бы всю улицу, что̀ идетъ къ трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты, ты, я знаю тебя: ты тамъ кумишься, да крадешь въ ботфорты серебряныя ложечки,—смотри, у меня ухо востро!.. Что̀ ты сдѣлалъ съ купцомъ Черняевымъ, а? Онъ тебѣ на мундиръ далъ два аршина сукна, а ты стянулъ всю штуку. Смотри! не по чину берешь! ступай!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ.

гор. А Степанъ Ильичъ, скажите ради Бога, куда вы запропастились? На что̀ это похоже?

частн. прист. Я былъ тутъ сейчасъ за воротами.

гор. Ну, слушайте же, Степанъ Ильичъ! Чиновникъ-то изъ Петербурга пріѣхалъ. Какъ вы тамъ распорядились?

частн. прист. Да такъ, какъ вы приказывали. Квартальнаго Пуговицына я послалъ съ десятскими подчищать тротуаръ.

гор. А Держиморда гдѣ?

частн. прист. Держиморда поѣхалъ на пожарной трубѣ.

гор. А Прохоровъ пьянъ?

частн. прист. Пьянъ.

гор. Какъ же вы это такъ допустили?

частн. прист. Да Богъ его знаетъ! Вчерашняго дня случилась за городомъ драка, — поѣхалъ туда для порядка, а возвратился пьянъ.

гор. Послушайте жъ, вы сдѣлайте вотъ что̀: квартальный поручикъ... онъ высокаго роста, такъ пусть стоитъ, для благоустройства, на мосту. Да разметать наскоро старый заборъ, что̀ возлѣ сапожника, и поставить соломеную вѣху, чтобъ было похоже на планировку. Оно, чѣмъ больше ломки, тѣмъ больше означаетъ дѣятельности градоправителя. Ахъ, Боже мой! я и позабылъ, что возлѣ того забора навалено на сорокъ телѣгъ всякаго̀ сору. Что̀ это за скверный городъ: только гдѣ-нибудь поставь какой-нибудь памятникъ, или, просто, заборъ, чортъ ихъ знаетъ, откудова и нанесутъ всякой дряни! Да если пріѣзжій чиновникъ будетъ спрашивать службу, довольны ли—чтобы говорили: «Всѣмъ довольны, ваше благородіе!» а который будетъ недоволенъ, то ему послѣ дамъ такого неудовольствія... *(Вздыхаетъ)* О, охъ, хо, хо, хъ! грѣшенъ, во многомъ грѣшенъ! *(Беретъ вмѣсто шляпы футляръ)* Дай только Боже, чтобы сошло съ рукъ поскорѣе, а тамъ-то я поставлю ужъ такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждую бестію купца наложу доставить по три пуда воску. О Боже мой, Боже мой! Ѣдемъ, Петръ Ивановичъ! *(Вмѣсто шляпы хочетъ надѣть бумажный футляръ)*.

частн. прист. Антонъ Антоновичъ, это коробка, а не шляпа!

гор. *бросаетъ коробку*. Коробка такъ коробка! Чортъ съ ней! Да если спросятъ: отчего не выстроена церковь при богоугодномъ заведеніи, на которую, назадъ тому пять лѣтъ, была ассигнована

сумма, то не позабыть сказать, что началась строиться, но сгорѣла. Я объ этомъ и рапортъ представлялъ. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажетъ, что она и не начиналась. Да сказать Держимордѣ, чтобы не слишкомъ давалъ воли кулакамъ своимъ; онъ, для порядка, всѣмъ ставитъ фонари подъ глазами, и правому и виноватому. Ѣдемъ, ѣдемъ, Петръ Ивановичъ. *(Уходитъ и возвращается)* Да не выпускать солдатъ на улицу безо всего: эта дрянная гарниза надѣнетъ только сверхъ рубашки мундиръ, а внизу ничего нѣтъ. *(Всѣ уходятъ).*

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВА *вбѣгаютъ на сцену.*

АННА АНДР. Гдѣ жъ, гдѣ жъ они? Ахъ, Боже мой!.. *(Отворяя дверь)* Мужъ! Антоша! Антонъ! *(говоритъ скоро)*, а все ты, а все за тобой. И пошла копаться: «Я булавочку, я косынку.» *(Подбѣгаетъ къ окну и кричитъ)* Антонъ, куда, куда? Чтó, пріѣхалъ? ревизоръ? съ усами? съ какими усами?

ГОЛОСЪ ГОРОДНИЧАГО. Послѣ, послѣ, матушка!

АННА АНДР. Послѣ? Вотъ новости, послѣ! Я не хочу послѣ... Мнѣ только одно слово: что онъ полковникъ? А? *(Съ пренебреженіемъ)* Уѣхалъ! я тебѣ вспомню это! А все эта: «Маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчасъ. «Вотъ тебѣ и сейчасъ! Вотъ тебѣ ничего и не узнали! А все проклятое кокетство: услышала, что почтмейстеръ здѣсь, и давай предъ зеркаломъ жеманиться, и съ той стороны, и съ этой стороны подойдетъ. Воображаетъ, что онъ за ней волочится, а онъ, просто, тебѣ дѣлаетъ гримасу, когда ты отвернешься.

МАРЬЯ АНТ. Да что жъ дѣлать, маменька? Все равно, черезъ два часа мы все узнаемъ.

АННА АНДР. Чрезъ два часа! Покорнѣйше благодарю! Вотъ одолжила отвѣтомъ! Какъ ты не догадалась сказать,—черезъ мѣсяцъ еще лучше можно узнать! *(Свѣшивается въ окно)* Эй, Авдотья! А? Чтó, Авдотья, слышала, тамъ пріѣхалъ кто-то?.. Не

слышала? Глупая какая! Машетъ руками? Пусть машетъ, а ты все бы таки его распросила! Не могла этого узнать, въ головѣ чепуха, все женихи сидятъ! А? Скоро уѣхали! да ты бы побѣжала за дрожками! Ступай, ступай, сейчасъ! Слышишь, побѣги, разспроси: куда поѣхали, да разспроси хорошенько, чтò за пріѣзжій, каковъ онъ,—слышишь? подсмотри въ щелку и узнай все, и глаза какіе: чорные или нѣтъ, и сію же минуту возвращайся назадъ, слышишь? Скорѣе, скорѣе, скорѣе, скорѣе! *(Кричитъ до тѣхъ поръ, пока не опускается занавѣсъ и не закрываетъ ихъ обѣихъ, стоящихъ у окна.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Маленькая комната въ гостинницѣ. Постель, столъ, чемоданъ, пустая бутылка, сапоги, платяная щетка и прочее.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

ОСИПЪ, *лежитъ на барской постелѣ.*

Чортъ побери, ѣсть такъ хочется и въ животѣ трескотня такая, какъ-будто бы цѣлый полкъ затрубилъ въ трубы. Вотъ, не доѣдемъ, да и только, домой! Чтò ты прикажешь дѣлать? Второй мѣсяцъ пошелъ, какъ уже изъ Питера! профинтилъ дорогою денежки, голубчикъ, теперь сидитъ и хвостъ подвернулъ, и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нѣтъ, вишь ты, нужно въ каждомъ городѣ показать себя! *(Дразнитъ его)* «Эй, Осипъ, ступай, посмотри комнату, лучшую, да обѣдъ спроси самый лучшій: я не могу ѣсть дурного обѣда, мнѣ нуженъ лучшій обѣдъ.» Добро бы было въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное, а то вѣдь елистратишка простой! Съ проѣзжающимъ знакомится, а потомъ въ картишки — вотъ тебѣ и доигрался! Эхъ, надоѣла такая жизнь! право на деревнѣ лучше: оно хоть нѣтъ публичности, да и заботности меньше; возьмешь себѣ бабу, да и лежи весь вѣкъ на палатяхъ, да ѣшь пироги. Ну, кто жъ споритъ, конечно, если пойдетъ на правду, такъ житье въ Питерѣ лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебѣ танцуютъ, и все, чтò хочешь. Разговариваетъ все на

тонкой деликатности, что развѣ только дворянству уступитъ; пойдешь на Щукинъ—купцы тебѣ кричатъ: «Почтенный!» на перевозѣ въ лодкѣ съ чиновникомъ сядешь; компаніи захотѣлъ—ступай въ лавочку: тамъ тебѣ кавалеръ разскажетъ про лагери и объявитъ, что̀ всякая звѣзда значитъ на небѣ, такъ вотъ, какъ на ладони все видишь. Старуха офицерша забредетъ; горничная иной разъ заглянетъ такая.... фу, фу, фу! *(Усмѣхается и трясетъ головою)* Галантерейное, чортъ возьми, обхожденіе! Невѣжливаго слова никогда не услышишь: всякой тебѣ говоритъ *вы*. Наскучило идти—берешь извощика и сидишь себѣ, какъ баринъ, а не хочешь заплатить ему — изволь: у каждаго дома есть сквозныя ворота, и ты такъ шмыгнешь, что тебя никакой дьяволъ не сыщетъ. Одно и плохо: иной разъ славно наѣшься, а въ другой, чуть не лопнешь съ голоду, какъ теперь, напримѣръ. А все онъ виноватъ. Что̀ съ нимъ дѣлать? Батюшка пришлетъ денежки, чѣмъ бы ихъ попридержать—и куды!... пошолъ кутить: ѣздитъ на извощикѣ, каждый день ты доставай въ кеятръ билетъ, а тамъ черезъ недѣлю, глядь, и посылаетъ на толкучій продать новый фракъ. Иной разъ все до послѣдней рубашки спуститъ, такъ что на немъ всего останется сертучишка да шинелишка, ей Богу правда! И сукно такое важное, аглицкое! рублевъ полтораста ему одинъ фракъ станетъ, а на рынкѣ спуститъ рублей за двадцать; а о брюкахъ и говорить нечего—ни по чемъ идутъ. А отчего? оттого, что дѣломъ не занимается: вмѣсто того, чтобы въ должность, а онъ идетъ гулять по прешпекту, въ картишки играетъ. Эхъ, если бъ узналъ это старый баринъ! Онъ не посмотрѣлъ бы на то, что ты чиновникъ, а поднявши рубашонку, такихъ бы засыпалъ тебѣ, что дня бъ четыре ты почесывался. Коли служить, такъ служи. Вотъ теперь трактирщикъ сказалъ, что не дамъ вамъ ѣсть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатимъ? *(Со вздохомъ)* Ахъ, Боже ты мой, хоть бы какія-нибудь щи! Кажись, такъ бы теперь весь свѣтъ съѣлъ. Стучится, вѣрно это онъ идетъ. *(Поспѣшно схватывается съ постели.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

ОСИПЪ И ХЛЕСТАКОВЪ.

ХЛЕСТ. На, прими это *(отдаетъ фуражку и тросточку)*. А, опять валялся на кровати?

ОС. Да зачѣмъ же бы мнѣ валяться? Не видалъ я развѣ кровати, что́ ли?

ХЛЕСТ. Врешь, валялся; видишь, вся склокочена!

ОС. Да на что̀ мнѣ она? Не знаю я развѣ, что́ такое кровать? У меня есть ноги: я и постою. Зачѣмъ мнѣ ваша кровать?

ХЛЕСТ. *ходитъ по комнатѣ.* Посмотри тамъ, въ картузѣ, табаку нѣтъ?

ОС. Да гдѣ жъ ему быть, табаку? Вы четвертаго дня послѣднее выкурили.

ХЛЕСТ. *ходитъ и разнообразно сжимаетъ свои губы; наконецъ говоритъ громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ.* Послушай, эй, Осипъ!

ОС. Чего изволите?

ХЛЕСТ. *громкимъ, но не столь рѣшительнымъ голосомъ.* Ты ступай туда.

ОС. Куда?

ХЛЕСТ. *голосомъ вовсе нерѣшительнымъ и негромкимъ, очень близкимъ къ просьбѣ.* Внизъ, въ буфетъ.... Тамъ скажи.... чтобы мнѣ дали пообѣдать.

ОС. Да нѣтъ, я и ходить не хочу.

ХЛЕСТ. Какъ ты смѣешь, дуракъ?

ОС. Да такъ, все равно, хоть и пойду, ничего изъ этого не будетъ. Хозяинъ сказалъ, что больше не дастъ обѣдать.

ХЛЕСТ. Какъ онъ смѣетъ не дать? Вотъ еще вздоръ!

ОС. Еще говоритъ, и къ городничему пойду; третью недѣлю баринъ денегъ не платитъ. Вы-де съ бариномъ, говоритъ, мошенники, и баринъ твой плутъ. Мы-де, говоритъ, этакихъ широмыжниковъ и подлецовъ видали.

ХЛЕСТ. А ты ужъ и радъ, скотина, сейчасъ пересказывать мнѣ все это.

ос. Говоритъ: «Этакъ всякій пріѣдетъ, обживется, задолжается, послѣ и выгнать нельзя. «Я», говоритъ, «шутить не буду, я прямо съ жалобою, чтобъ на съѣзжую, да въ тюрьму.»

хлест. Ну, ну, дуракъ, полно! Ступай, ступай, скажи ему! Такое грубое животное!

ос. Да лучше я самого хозяина позову къ вамъ.

хлест. На что жъ хозяина? ты поди самъ скажи.

ос. Да право, сударь....

хлест. Ну, ступай, чортъ съ тобой! позови хозяина.

(Осипъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ХЛЕСТАКОВЪ *одинъ.*

Ужасно какъ хочется ѣсть! Такъ немножко прошелся! думалъ не пройдетъ ли аппетитъ—нѣтъ, чортъ возьми, не проходитъ! Да если бъ въ Пензѣ я не покутилъ, стало бы денегъ доѣхать домой. Пѣхотный капитанъ сильно поддѣлъ меня: штосы удивительно, бестія, срѣзываетъ. Всего какихъ-нибудь четверть часа посидѣлъ—и все обобралъ. А при всемъ томъ, страхъ хотѣлось бы съ нимъ еще разъ сразиться. Случай только не приведетъ. Какой скверный городишка! Въ овощенныхъ лавкахъ ничего не даютъ въ долгъ. Это ужъ просто, подло! *(Насвистываетъ сначала изъ «Роберта» потомъ: «Не шей ты мнѣ, матушка,» а наконецъ ни то, ни се.)* Никто не хочетъ идти.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХЛЕСТАКОВЪ, ОСИПЪ И ТРАКТИРНЫЙ СЛУГА.

сл. Хозяинъ приказалъ спросить, что̀ вамъ угодно.

хлест. Здравствуй, братецъ! Ну, что̀ ты, здоровъ?

сл. Слава Богу!

хлест. Ну, что̀, какъ у васъ въ гостинницѣ? хорошо ли все идетъ?

сл. Да, слава Богу, все хорошо.

хлест. Много проѣзжающихъ?

сл. Да, достаточно.

хлест. Послушай, любезный, тамъ мнѣ до сихъ поръ обѣда не приносятъ, такъ пожалуйста поторопи, чтобъ поскорѣе—видишь, мнѣ сейчасъ послѣ обѣда нужно кое-чѣмъ заняться.

сл. Да хозяинъ сказалъ, что не будетъ больше отпускать. Онъ никакъ, хотѣлъ идти сегодня же жаловаться городничему.

хлест. Да что жъ жаловаться? Посуди самъ, любезный, какъ же? вѣдь мнѣ нужно ѣсть. Этакъ могу я совсѣмъ отощать. Мнѣ очень ѣсть хочется: я не шутя это говорю.

сл. Такъ-съ. Онъ говорилъ: «Я ему обѣдать не дамъ, покамѣсть *онъ* не заплатитъ мнѣ за прежнее.» Таковъ ужъ отвѣтъ его былъ.

хлест. Да ты урезонь, уговори его.

сл. Да что жъ ему такое говорить?

хлест. Ты растолкуй ему серьезно, что мнѣ нужно ѣсть. Деньги сами собою.... Онъ думаетъ, что какъ ему, мужику, ничего, если не поѣстъ день, такъ и другимъ тоже. Вотъ новости!

сл. Пожалуй, я скажу.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

хлестаковъ *одинъ*.

Это скверно, однакожъ, если онъ совсѣмъ ничего не дастъ ѣсть. Такъ хочется, какъ еще никогда не хотѣлось. Развѣ изъ п атья что-нибудь пустить въ оборотъ? Штаны, что̀ ли, продать? Нѣтъ, ужъ лучше поголодать, да пріѣхать домой въ петербургскомъ костюмѣ. Жаль, что Іохимъ не далъ на прокатъ кареты, а хорошо бы, чортъ побери, пріѣхать домой въ каретѣ, подкатить этакимъ чортомъ къ какому-нибудь сосѣду-помѣщику подъ крыльцо, съ фонарями, а Осипа сзади, одѣть въ ливрею. Какъ бы, я воображаю, всѣ переполошились! «Кто такой, что̀ такое?» А лакей входитъ: *(вытягиваясь и представляя лакея)* «Иванъ Александровичъ Хлестаковъ изъ Петербурга, прикажите принять?»

Они, пентюхи, и не знаютъ, что̀ такое значитъ «прикажете принять». Къ нимъ если пріѣдетъ какой-нибудь гусь, помѣщикъ, такъ и валитъ, медвѣдь, прямо въ гостинную. Къ дочечкѣ какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, какъ я...» *(Потираетъ руки и подшаркиваетъ ножкой)*. Тьфу *(плюетъ)*, даже тошнитъ, такъ ѣсть хочется!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ХЛЕСТАКОВЪ, ОСИПЪ, ПОТОМЪ СЛУГА.

ХЛЕСТ. А что?

ОС. Несутъ обѣдъ.

ХЛЕСТ. *прихлопывая въ ладоши и слегка подпрыгиваетъ на стулѣ*. Несутъ! несутъ! несутъ!

СЛ. *съ тарелками и салфеткой*. Хозяинъ въ послѣдній разъ ужъ даетъ.

ХЛЕСТ. Ну, хозяинъ, хозяинъ.... Я плевать на твоего хозяйна! что̀ тамъ такое?

СЛ. Супъ и жаркое.

ХЛЕСТ. Какъ, только два блюда?

СЛ. Только-съ.

ХЛЕСТ. Вотъ вздоръ какой! я этого не принимаю. Ты скажи ему, что̀ это въ самомъ дѣлѣ такое!... этого мало!

СЛ. Нѣтъ, хозяинъ говоритъ, что еще много.

ХЛЕСТ. А соусу почему нѣтъ?

СЛ. Соусу нѣтъ.

ХЛЕСТ. Отчего же нѣтъ? Я видѣлъ самъ, проходя мимо кухни, тамъ много готовилось. И въ столовой сегодня поутру двое какихъ-то коротенькихъ человѣка ѣли семгу и еще много кое-чего.

СЛ. Да оно-то есть, пожалуй, да нѣтъ.

ХЛЕСТ. Какъ нѣтъ?

СЛ. Да ужъ нѣтъ.

ХЛЕСТ. А семга, а рыба, а котлеты?

СЛ. Да это для тѣхъ, которые почище-съ.

ХЛЕСТ. Ахъ, ты, дуракъ!

сл. Да-съ.

хлест. Поросенокъ ты скверный.... Какъ же, они ѣдятъ, а я не ѣмъ? отчего же я, чортъ возьми, не могу также? развѣ они не такіе проѣзжающіе, какъ и я?

сл. Да ужъ извѣстно, что не такіе.

хлест. Какіе же?

сл. Обнаковенно какіе! они ужъ, извѣстно: они деньги платятъ.

хлест. Я съ тобою, дуракъ, не хочу разсуждать. (*Наливаетъ супъ и ѣстъ*) Что̀ это за супъ? Ты, просто, воды налилъ въ чашку: никакого вкусу нѣтъ, только воняетъ. Я не хочу этого супу, дай мнѣ другого.

сл. Мы примемъ-съ. Хозяинъ сказалъ, коли не хотите, то и не надо.

хлест., *защищая рукою кушанье*. Ну, ну, ну.... оставь, дуракъ! ты привыкъ тамъ обращаться съ другими: я, братъ, не такого рода! со мной не совѣтую.... (*ѣстъ*) Боже мой, какой супъ! (*продолжаетъ ѣсть*) Я думаю, еще ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не ѣдалъ такого супу; какія-то перья плаваютъ вмѣсто масла. (*Рѣжетъ курицу*) Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Тамъ супу немного осталось, Осипъ, возьми себѣ. (*Рѣжетъ жаркое*) Что̀ это за жаркое? Это не жаркое.

сл. Да что̀ жъ такое?

хлест. Чортъ его знаетъ, что̀ такое, только не жаркое. Это топоръ, зажаренный вмѣсто говядины. (*Ѣстъ*) Мошенники, канальи, чѣмъ они кормятъ? И челюсти заболятъ, если съѣсть одинъ такой кусокъ. (*Ковыряетъ пальцемъ въ зубахъ*) Подлецы! совершенно, какъ деревянная кора — ничѣмъ вытащить нельзя, и зубы почернѣютъ послѣ этихъ блюдъ, мошенники! (*Вытираетъ ротъ салфеткой*) Больше ничего нѣтъ?

сл. Нѣтъ.

хлест. Канальи! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соусъ или пирожное. Бездѣльники! дерутъ только съ проѣзжающихъ.

слуга *убираетъ и уноситъ тарелки вмѣстѣ съ Осипомъ.*

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ХЛЕСТАКОВЪ, ПОТОМЪ ОСИПЪ.

ХЛЕСТ. Право, какъ-будто и не ѣлъ; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынокъ и купить хоть сайку.

ОС. *входитъ.* Тамъ зачѣмъ-то городничій пріѣхалъ, освѣдомляется и спрашиваетъ объ васъ.

ХЛЕСТ., *испугавшись.* Вотъ тебѣ на! Эка бестія трактирщикъ, успѣлъ уже пожаловаться! Что̀, если въ самомъ дѣлѣ онъ потащитъ меня въ тюрьму? Что̀ жъ! Если благороднымъ образомъ, я пожалуй.... нѣтъ, нѣтъ, не хочу! Тамъ въ городѣ таскаются офицеры и народъ, а я какъ нарочно задалъ тону и перемигнулся съ одной купеческой дочкой.... нѣтъ, не хочу.... Да что̀ онъ, какъ онъ смѣетъ въ самомъ дѣлѣ? Что я ему, развѣ купецъ или ремесленникъ? *(Бодрится и выпрямляется)* Да я ему прямо скажу: «Какъ вы...» *(у дверей вертится ручка; Хлестаковъ блѣднѣетъ и съеживается.)*

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ХЛЕСТАКОВЪ, ГОРОДНИЧІЙ И ДОБЧИНСКІЙ.

Городничій, вошедъ, останавливается. Оба въ испугѣ смотрятъ нѣсколько минутъ одинъ на другаго, выпучивъ глаза.

ГОР., *немного оправившись и протянувъ руки по швамъ.* Желаю здравствовать!

ХЛЕСТ. *кланяется.* Мое почтеніе!..

ГОР. Извините!

ХЛЕСТ. Ничего....

ГОР. Обязанность моя, какъ градоначальника здѣшняго города, заботиться о томъ, чтобы проѣзжающимъ и всѣмъ благороднымъ людямъ никакихъ притѣсненій....

ХЛЕСТ. *сначала немного заикается, но къ концу рѣчи говоритъ громко.* Да что̀ жъ дѣлать?... Я не виноватъ....

я, право, заплачу.... мнѣ пришлютъ изъ деревни *(Бобчинскій выглядываетъ изъ-за дверей)*. Онъ больше виноватъ: говядину мнѣ подаетъ такую твердую, какъ бревно; а супъ — онъ, чортъ знаетъ, что̀ плеснулъ туда, я долженъ былъ выбросить его за окно. Онъ меня голодомъ по цѣлымъ днямъ.... чай такой странный: воняетъ рыбой, а не чаемъ. За что̀ жъ я.... Вотъ новость!

гор., *робѣя*. Извините, я, право, не виноватъ. На рынкѣ у меня говядина всегда хорошая. Привозятъ холмогорскіе купцы, люди трезвые и поведенія хорошаго. Я ужъ не знаю, откуда онъ беретъ такую. А если что не такъ, то.... Позвольте мнѣ предложить вамъ переѣхать со мною на другую квартиру.

хлест. Нѣтъ, не хочу! Я знаю, что̀ значитъ на другую квартиру: то есть—въ тюрьму. Да какое вы имѣете право, да какъ вы смѣете?... Да вотъ я.... я служу въ Петербургѣ.... *(Гордо)* Я, я, я....

гор., *въ сторону*. О Господи ты Боже, какой сердитый! Все узналъ, все разсказали проклятые купцы!

хлест., *храбрясь*. Да вотъ вы хоть тутъ со всей своей командой—не пойду! Я прямо къ министру! *(Стучитъ кулакомъ по столу)* Что̀ вы? что̀ вы?

гор., *вытянувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ*. Помилуйте, не погубите! Жена, дѣти маленькія.... не сдѣлайте несчастнымъ человѣка!

хлест. Нѣтъ, я не хочу! Вотъ еще! мнѣ какое дѣло? Оттого, что у васъ жена и дѣти, я долженъ идти въ тюрьму, вотъ прекрасно! *(Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и въ испугѣ прячется)* Нѣтъ, благодарю покорно, не хочу!

гор., *дрожа*. По неопытности, ей Богу по неопытности. Недостаточность состоянія. Сами изволите посудить, казеннаго жалованья не хватаетъ даже на чай и сахаръ. Если же и были какія взятки, то самая малость: къ столу что-нибудь, да на пару платья. Что жъ до унтеръ-офицерской вдовы, занимающейся купечествомъ, которую я будто-бы высѣкъ, то это клевета, ей Богу клевета. Это выдумали злодѣи мои; это такой народъ, что на жизнь мою готовы покуситься.

хлест. Да что̀, мнѣ нѣтъ никакого дѣла до нихъ.... *(Въ размышленіи)* Я не знаю однакожъ, зачѣмъ вы говорите о злодѣяхъ, или о какой-то унтеръ-офицерской вдовѣ.... Унтеръ-офицерская жена совсѣмъ другое, а меня вы не смѣете высѣчь, до этого вамъ далеко.... Вотъ еще! смотри ты какой!... Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нѣтъ. Я потому и сижу здѣсь, что у меня нѣтъ ни копѣйки.

гор. *въ сторону.* О, тонкая штука! Экъ куда метнулъ! какого туману напустилъ! разбери, кто хочетъ! Не знаешь, съ которой стороны и приняться. Ну, да ужъ попробовать; не куда пошло, что̀ будетъ, то будетъ. Попробовать на-авось. *(Вслухъ)* Если вы точно имѣете нужду въ деньгахъ, или въ чемъ другомъ, то я готовъ служить сію минуту. Моя обязанность помогать проѣзжающимъ.

хлест. Дайте, дайте мнѣ въ займы! я сейчасъ же расплачусь съ трактирщикомъ. Мнѣ бы только рублей двѣсти, или хоть даже и меньше.

гор., *поднося бумажникъ.* Ровно двѣсти рублей, хоть и не трудитесь считать.

хлест., *принимая деньги.* Покорнѣйше благодарю! Я вамъ тотчасъ пришлю ихъ изъ деревни.... у меня это вдругъ.... я вижу, вы благородный человѣкъ. Теперь другое дѣло.

гор. *въ сторону.* Ну, слава Богу! деньги взялъ. Дѣло, кажется, пойдетъ теперь на ладъ. Я таки ему вмѣсто двухъ-сотъ, четыреста ввернулъ.

хлест. Эй, Осипъ! *(Осипъ входитъ)* Позови сюда трактирнаго слугу! *(Къ городничему и Добчинскому)* А что жъ вы стоите! сдѣлайте милость, садитесь! *(Добчинскому)* садитесь, прошу покорнѣйше!

гор. Ничего, мы и такъ постоимъ.

хлест. Сдѣлайте милость, садитесь! Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушіе; а то, признаюсь, я ужъ думалъ, что вы пришли съ тѣмъ, чтобы меня.... *(Добчинскому)* Садитесь! *(Городничій и Добчинскій садятся. Бобчинскій выглядываетъ въ дверь и прислушивается.)*

гор., *въ сторону.* Нужно быть посмѣлѣе. Онъ хочетъ, чтобы считали его инкогнитомъ. Хорошо, подпустимъ и мы турусы:

прикинемся, какъ-будто совсѣмъ и не знаемъ, чтò онъ за человѣкъ. *(Вслухъ)* Мы, прохаживаясь по дѣламъ должности, вотъ съ Петромъ Ивановичемъ Добчинскимъ, здѣшнимъ помѣщикомъ, зашли въ гостинницу, чтобы освѣдомиться, хорошо ли содержатся проѣзжающіе, потому что я не такъ, какъ иной городничій, которому ни до чего дѣла нѣтъ, но я, кромѣ должности, по христіянскому человѣколюбію, хочу, чтобъ всякому смертному оказывался хорошій пріемъ,—и вотъ, какъ-будто въ награду, случай доставилъ такое пріятное знакомство.

хлест. Я тоже самъ очень радъ. Безъ васъ я, признаюсь, долго бы просидѣлъ здѣсь: совсѣмъ не зналъ, чѣмъ заплатить.

гор. *въ сторону.* Да, разсказывай! не зналъ, чѣмъ заплатить! *(Вслухъ)* Осмѣлюсь ли спросить, куда и въ какія мѣста ѣхать изволите?

хлест. Я ѣду въ Саратовскую губернію, въ собственную деревню.

гор., *въ сторону, съ лицомъ, принимающимъ ироническое выраженіе.* А? и не покраснѣетъ! О, да съ нимъ нужно ухо востро! *(Вслухъ)* Благое дѣло изволили предпринять! Вѣдь вотъ, относительно дороги: говорятъ, съ одной стороны непріятности насчетъ задержки лошадей, а вѣдь съ другой стороны развлеченье для ума. Вѣдь вы, чай, больше для собственнаго удовольствія ѣдете?

хлест. Нѣтъ, батюшка меня требуетъ. Разсердился старикъ, что до сихъ поръ ничего не выслужилъ въ Петербургѣ. Онъ думаетъ, что такъ вотъ пріѣхалъ, да сейчасъ тебѣ Владиміра въ петлицу и дадутъ. Нѣтъ, я бы послалъ его самого потолкаться въ канцелярію.

гор., *въ сторону.* Прошу посмотрѣть, какія пули отливаетъ! и старика-отца приплелъ! *(Вслухъ)* И на долгое время изволите ѣхать?

хлест. Право не знаю. Вѣдь мой отецъ упрямъ и глупъ, старый хрѣнъ, какъ бревно. Я ему прямо скажу: какъ хотите, я не могу жить безъ Петербурга. За чтò жъ въ самомъ дѣлѣ я долженъ погубить жизнь съ мужиками? Теперь не тѣ потребности, душа моя жаждетъ просвѣщенія.

гор., *въ сторону.* Славно завязалъ узелокъ! Вретъ, вретъ, и нигдѣ не оборвется! А вѣдь какой невзрачный, низенькій, кажется, ногтемъ бы придавилъ его. Ну, да постой! ты у меня проговоришься. Я тебя ужо заставлю побольше разсказать! *(Вслухъ)* Справедливо изволили замѣтить! Что̀ можно сдѣлать въ глуши? Вѣдь вотъ хотя бы здѣсь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалѣешь ничего, а награда неизвѣстно еще когда будетъ. *(Окидываетъ глазами комнату)* Кажется, эта комната нѣсколько сыра?

хлест. Скверная комната, и клопы такіе, какихъ я нигдѣ не видывалъ: какъ собаки кусаютъ.

гор. Скажите! такой просвѣщенный гость, и терпитъ отъ кого же? Отъ какихъ-нибудь негодныхъ клоповъ, которымъ бы и на свѣтъ не слѣдовало родиться. Никакъ даже темно въ этой комнатѣ?

хлест. Да, совсѣмъ темно. Хозяинъ завелъ обыкновеніе не отпускать свѣчей. Иногда что-нибудь хочется сдѣлать, почитать, или придетъ фантазія сочинить что-нибудь—не могу: темно, темно!

гор. Осмѣлюсь ли просить васъ.... но нѣтъ, я недостоинъ.

хлест. А что?

гор. Нѣтъ, нѣтъ, недостоинъ, недостоинъ!

хлест. Да что̀ жъ такое?

гор. Я бы дерзнулъ.... У меня въ домѣ есть прекрасная для васъ комната, свѣтлая, покойная.... но нѣтъ, чувствую самъ, это ужъ слишкомъ большая честь.... Не разсердитесь, ей Богу отъ простоты души предложилъ!

хлест. Напротивъ, извольте, я съ удовольствіемъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе въ приватномъ домѣ, чѣмъ въ этомъ кабакѣ.

гор. А ужъ я такъ буду радъ! А ужъ какъ жена обрадуется! У меня уже такой нравъ: гостепріимство съ самого дѣтства, особливо если гость просвѣщенный человѣкъ. Не подумайте, чтобы я говорилъ это изъ лести; нѣтъ, не имѣю этого порока, отъ полноты души выражаюсь.

хлест. Покорно благодарю! Я самъ тоже не люблю людей двуличныхъ. Мнѣ очень нравится ваша откровенность и радушіе,

и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовалъ, какъ только оказывай мнѣ преданность и уваженье, уваженье и преданность.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ТРАКТИРНЫЙ СЛУГА, *сопровождаемый* ОСИПОМЪ. *Бобчинскій выглядываетъ въ дверь.*

сл. Изволили спрашивать?

хлест. Да, подай счетъ!

сл. Я ужъ давича подалъ вамъ другой счетъ.

хлест. Я ужъ не помню твоихъ глупыхъ счетовъ. Говори, сколько тамъ?

сл. Вы изволили въ первый день спросить обѣдъ, а на другой день только закусили семги и потомъ пошли все въ долгъ брать.

хлест. Дуракъ! еще началъ высчитывать. Всего сколько слѣдуетъ?

гор. Да вы не извольте безпокоиться: онъ подождетъ. *(слугѣ)* Пошелъ вонъ, тебѣ пришлютъ.

хлест. Въ самомъ дѣлѣ, и то правда. *(Прячетъ деньги. Слуга уходитъ. Въ дверь выглядываетъ Бобчинскій.)*

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ГОРОДНИЧІЙ, ХЛЕСТАКОВЪ, ДОБЧИНСКІЙ.

гор. Не угодно ли вамъ будетъ осмотрѣть теперь нѣкоторыя заведенія въ нашемъ городѣ, какъ-то—богоугодныя и другія?

хлест. А что̀ тамъ такое?

гор. А такъ, посмотрите, какое у насъ теченіе дѣлъ... порядокъ какой...

хлест. Съ большимъ удовольствіемъ, я готовъ. *(Бобчинскій выставляетъ голову въ дверь.)*

гор. Такъ же, если будетъ ваше желаніе, оттуда въ уѣздное училище, осмотрѣть порядокъ, въ какомъ преподаются у насъ науки.

хлест. Извольте, извольте.

гор. Потомъ, если пожелаете посѣтить острогъ и городскія тюрьмы—разсмотрите, какъ у насъ содержатся преступники.

хлест. Да зачѣмъ же тюрьмы? Ужъ лучше мы осмотримъ богоугодныя заведенія.

гор. Какъ вамъ угодно. Какъ вы намѣрены, въ своемъ экипажѣ, или вмѣстѣ со мною на дрожкахъ?

хлест. Да, я лучше съ вами на дрожкахъ поѣду.

гор. *Добчинскому.* Ну, Петръ Ивановичъ, вамъ теперь нѣтъ мѣста.

добч. Ничего, я такъ.

гор. *тихо Бобчинскому.* Слушайте: вы побѣгите, да бѣгомъ, во всѣ лопатки, и снесите двѣ записки, одну въ богоугодное заведеніе Земляникѣ, а другую женѣ. *(Хлестакову)* Осмѣлюсь ли я попросить позволенія написать въ вашемъ присутствіи одну строчку къ женѣ, чтобъ она приготовилась къ принятію почтеннаго гостя?

хлест. Да зачѣмъ же?....А впрочемъ тутъ и чернила, только бумаги, не знаю.... Развѣ на этомъ счетѣ?

гор. Я здѣсь напишу. *(Пишетъ и въ то же время говоритъ про-себя)* А вотъ посмотримъ, какъ пойдетъ дѣло послѣ фриштика да бутылки-толстобрюшки! Да есть у насъ губернская мадера, неказиста на видъ, а слона повалитъ съ ногъ. Только бы мнѣ узнать, что̀ онъ такое и въ какой мѣрѣ нужно его опасаться. *(Написавши, отдаетъ Добчинскому, который подходитъ къ двери, но въ это время дверь обрывается, и подслушивавшій съ другой стороны Бобчинскій летитъ вмѣстѣ съ нею на сцену. Всѣ издаютъ восклицанія. Бобчинскій подымается).*

хлест. Что? не ушиблись ли вы гдѣ-нибудь?

бобч. Ничего, ничего-съ, безъ всякаго-съ помѣшательства, только сверхъ носа небольшая нашлепка! Я забѣгу къ Христіяну Ивановичу: у него-съ есть пластырь этакой,—оно и пройдетъ.

ГОР., *дѣлая Бобчинскому укорительный знакъ, Хлестакову.* Это-съ ничего. Прошу покорнѣйше, пожалуйте! а слугѣ вашему я скажу, чтобы перенесъ чемоданъ. *(Осипу)* Любезнѣйшій, ты перенеси все ко мнѣ, къ городничему, тебѣ всякій покажетъ. Прошу покорнѣйше! *(Пропускаетъ впередъ Хлестакова и слѣдуетъ за нимъ; но, оборотившись, говоритъ съ укоризной Бобчинскому.)* Ужъ и вы! не нашли другого мѣста упасть! и растянулся, какъ, чортъ знаетъ, что̀ такое. *(Уходитъ; за нимъ Бобчинскій. Занавѣсъ опускается.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Комната перваго дѣйствія.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

АННА АНДРЕЕВНА, МАРЬЯ АНТОНОВНА *стоятъ у окна въ тѣхъ же самыхъ положеніяхъ.*

АННА АНДР. Ну, вотъ, ужъ цѣлый часъ дожидаемся, а всё ты съ своимъ глупымъ жеманствомъ: совершенно одѣлась, нѣтъ еще нужно копаться.... Не слушать бы ея вовсе. Экая досада! какъ нарочно, ни души! какъ-будто бы вымерло все.

МАРЬЯ АНТ. Да право, маменька, минуты черезъ двѣ все узнаемъ. Ужъ скоро Авдотья должна придти. *(Всматривается въ окно и вскрикиваетъ)* Ахъ, маменька, маменька! кто-то идетъ, вонъ на концѣ улицы.

АННА АНДР. Гдѣ идетъ? У тебя вѣчно какія-нибудь фантазіи! Ну, да, идетъ. Кто жъ это идетъ? Небольшого роста.... во фракѣ.... Кто жъ это? А? Это однакожъ досадно! Кто жъ бы это такой былъ?

МАРЬЯ АНТ. Это Добчинскій, маменька!

АННА АНДР. Какой Добчинскій! Тебѣ всегда вдругъ вообразится этакое! совсѣмъ не Добчинскій. *(Машетъ платкомъ)* Эй, вы, ступайте сюда! скорѣе!

МАРЬЯ АНТ. Право, маменька, Добчинскій!

анна андр. Ну, вотъ, нарочно, чтобы только поспорить. Говорятъ тебѣ—не Добчинскій.

марья ант. А что̀? а что̀, маменька? видите, что Добчинскій.

анна андр. Ну, да, Добчинскій, теперь я вижу; изъ чего же ты споришь? *(Кричитъ въ окно)* Скорѣй, скорѣй, вы тихо идете. Ну, что̀, гдѣ они? А? Да говорите же откуда, все ровно. Что̀, очень строгій? А? мужъ, мужъ? *(Немного отступая отъ окна, съ досадою)* Такой глупый: до тѣхъ поръ, пока не войдетъ въ комнату, ничего не разскажетъ!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ДОБЧИНСКІЙ.

анна андр. Ну, скажите пожалуйста: ну, не совѣстно ли вамъ? Я на васъ однихъ полагалась, какъ на порядочнаго человѣка: всѣ вдругъ выбѣжали, и вы туда-жъ за ними! и я вотъ ни отъ кого до сихъ поръ толку не доберусь. Не стыдно ли вамъ? Я у васъ крестила вашего Ваничку и Лизаньку, а вы вотъ какъ со мною поступили!

добч. Ей Богу, кумушка, такъ бѣжалъ засвидѣтельствовать почтеніе, что не могу духу перевесть. Мое почтеніе, Марья Антоновна!

марья ант. Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

анна андр. Ну, что̀? ну, разсказывайте, что̀ и ка́къ тамъ?

добч. Антонъ Антоновичъ прислалъ вамъ записочку.

анна андр. Ну, да онъ кто такой? генералъ?

добч. Нѣтъ, не генералъ, а не уступитъ генералу. Такое образованіе и важные поступки-съ!

анна андр. А! такъ это тотъ самый, о которомъ было писано мужу.

добч. Настоящій! Я это первый открылъ вмѣстѣ съ Петромъ Ивановичемъ.

анна андр. Ну, разскажите, что̀ и ка́къ?

добч. Да слава Богу, все благополучно. Сначала онъ принялъ было Антона Антоновича немного сурово; да-съ, сердился и го-

ворилъ, что и въ гостинницѣ все не хорошо, и къ нему не поѣдетъ, и что онъ не хочетъ сидѣть за него въ тюрьмѣ; но потомъ, какъ узналъ невинность Антона Антоновича и какъ покороче разговорился съ нимъ, тотчасъ перемѣнилъ мысли и, слава Богу, все пошло хорошо. Они теперь поѣхали осматривать богоугодныя заведенія.... а то, признаюсь, уже Антонъ Антоновичъ думали, не было ли тайнаго доноса. Я самъ тоже перетрухнулъ немножко.

АННА АНДР. Да вамъ-то чего бояться? Вѣдь вы не служите.

ДОБЧ. Да такъ, знаете, когда вельможа говоритъ, чувствуешь страхъ.

АННА АНДР. Ну, что-жъ.... это все однакожъ вздоръ; разскажите, каковъ онъ собою? что̀, старъ, или молодъ?

ДОБЧ. Молодой, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати трехъ; а говоритъ совсѣмъ какъ старикъ. «Извольте,» говоритъ, «я поѣду и туда, и туда...» *(размахиваетъ руками)* такъ это все славно. «Я,» говоритъ, «и написатъ, и почитать люблю; но мѣшаетъ, что въ комнатѣ,» говоритъ, «немножко темно.»

АННА АНДР. А собой каковъ онъ, брюнетъ, или блондинъ?

ДОБЧ. Нѣтъ, больше шантретъ, и глаза такіе быстрые, какъ звѣрки, такъ въ смущенье даже приводятъ.

АННА АНДР. Что̀ тутъ пишетъ онъ мнѣ въ запискѣ: *(читаетъ)* «спѣшу тебя увѣдомить, душенька, что состояніе мое было весьма печальное; но, уповая на милосердіе Божіе, за два соленые огурца особенно и полпорціи икры рубль двадцать-пять копѣекъ...» *(останавливается)* Я ничего не понимаю, къ чему же тутъ соленые огурцы и икра?

ДОБЧ. А, это Антонъ Антоновичъ писали на черновой бумагѣ по скорости: тамъ какой-то счетъ былъ написанъ.

АННА АНДР. А, да, точно. *(Продолжаетъ читать)* «но уповая на милосердіе Божіе, кажется, все будетъ къ хорошему концу. Приготовь поскорѣе комнату для важнаго гостя, ту, что̀ выклеена желтыми бумажками; къ обѣду прибавлять не трудись, потому что закусимъ въ богоугодномъ заведеніи, у Артемія Филипповича; а вина вели побольше; скажи купцу Абдулину, чтобы прислалъ самаго лучшаго; а не то̀, я перерою весь его погребъ. Цалуя, ду-

шенька, твою ручку, остаюсь твой: Антонъ Сквозникъ-Дмухановскій...» Ахъ, Боже мой! это однакожъ нужно поскорѣй! Эй, кто тамъ? Мишка!

ДОБЧ. *бѣжитъ и кричитъ въ дверь.* Мишка! Мишка! Мишка! *(Мишка входитъ).*

АННА АНДР. Послушай: бѣги къ купцу Авдулину.... постой, я дамъ тебѣ записочку *(садится къ столу, пишетъ записку и между тѣмъ говоритъ)*: эту записку ты отдай кучеру Сидору, чтобъ онъ побѣжалъ къ купцу Авдулину и принесъ оттуда вина. А самъ поди сейчасъ прибери хорошенько эту комнату для гостя. Тамъ поставить кровать, рукомойникъ и прочее.

ДОБЧ. Ну, Анна Андреева, я побѣгу теперь поскорѣе посмотрѣть, какъ тамъ онъ обозрѣваетъ.

АННА АНДР. Ступайте, ступайте, я не держу васъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

АННА АНДР. Ну, Машенька, намъ нужно теперь заняться тоалетомъ. Онъ столичная штучка: Боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмѣялъ. Тебѣ приличнѣе всего надѣть твое голубое платье съ мелкими оборками.

МАРЬЯ АНТ. Фи, маменька, голубое! мнѣ совсѣмъ не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходитъ въ голубомъ, и дочь Земляники тоже въ голубомъ. Нѣтъ, лучше я надѣну цвѣтное.

АННА АНДР. Цвѣтное!... право, говоришь, лишь бы только наперекоръ. Оно тебѣ будетъ гораздо лучше, потому что я хочу надѣть палевое; я очень люблю палевое.

МАРЬЯ АНТ. Ахъ, маменька, вамъ нейдетъ палевое!

АННА АНДР. Мнѣ палевое нейдетъ?

МАРЬЯ АНТ. Нейдетъ, я, что̀ угодно, даю, нейдетъ: для этого нужно, чтобы глаза были совсѣмъ темные.

АННА АНДР. Вотъ хорошо! а у меня глаза развѣ не темные? самые темные! Какой вздоръ говоришь! Какъ же не темные, когда я и гадаю про-себя всегда на трефовую даму?

МАРЬЯ АНТ. Ахъ, маменька, вы больше червонная дама!

АННА АНДР. Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червонная дама. *(Поспѣшно уходитъ вмѣстѣ съ Марьей Антоновной и говоритъ за сценой).* Этакое вдругъ вообразится: червонная дама! Богъ знаетъ, что̀ такое! *(По уходѣ ихъ отворяются двери, и Мишка выбрасываетъ изъ нихъ соръ. Изъ другихъ дверей выходитъ Осипъ съ чемоданомъ на головѣ).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

МИШКА И ОСИПЪ.

ОС. Куда тутъ?

МИШКА. Сюда, дядюшка, сюда!

ОС. Постой, прежде дай отдохнуть. Ахъ ты горемычное житье! на пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

МИШКА. Что, дядюшка, скажите, скоро будетъ генералъ?

ОС. Какой генералъ?

МИШКА. Да баринъ вашъ.

ОС. Баринъ? да какой онъ генералъ?

МИШКА. А развѣ не генералъ?

ОС. Генералъ, да только съ другой стороны.

МИШКА. Что-жъ это, больше, или меньше настоящаго генерала?

ОС. Больше.

МИШКА. Вишь ты какъ! то̀-то у насъ сумятицу подняли.

ОС. Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка намъ что-нибудь поѣсть!

МИШКА. Да для васъ, дядюшка, еще ничего не готово. Простого блюда вы не будете кушать, а вотъ какъ баринъ вашъ сядетъ за столъ, такъ и вамъ того же кушанья отпустятъ.

ОС. Ну, а простого-то, что̀ у васъ есть?

МИШКА. Щи, каша, да пироги.

ОС. Давай ихъ, щи, кашу и пироги! ничего, все будемъ ѣсть. Ну, понесемъ чемоданъ! Что̀, тамъ другой выходъ есть?

МИШКА. Есть. *(Оба несутъ чемоданъ въ боковую комнату).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Квартальные отворяютъ объ половинки дверей. Входитъ ХЛЕСТАКОВЪ; *за нимъ* ГОРОДНИЧІЙ, *далѣе* ПОПЕЧИТЕЛЬ БОГОУГОДНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, СМОТРИТЕЛЬ УЧИЛИЩЪ, ДОБЧИНСКІЙ И БОБЧИНСКІЙ, *съ пластыремъ на носу.* ГОРОДНИЧІЙ *указываетъ квартальнымъ на полу бумажку—они бѣгутъ и поднимаютъ ее, толкая другъ друга въ-попыхахъ.*

ХЛЕСТ. Хорошія заведенія! Мнѣ нравится, что у васъ показываютъ проѣзжающимъ все въ городѣ. Въ другихъ городахъ мнѣ ничего не показывали.

ГОР. Въ другихъ городахъ, осмѣлюсь доложить вамъ, градоправители и чиновники больше заботятся о своей пользѣ; а здѣсь, можно сказать, нѣтъ другого помышленія, кромѣ того, чтобы благочиніемъ и бдительностію заслужить вниманіе начальства.

ХЛЕСТ. Завтракъ былъ очень хорошъ; я совсѣмъ объѣлся. Что, у васъ каждый день бываетъ такой?

ГОР. Нарочно для такого пріятнаго гостя.

ХЛЕСТ. Я люблю поѣсть. Вѣдь на то̀ живешь, чтобы срывать цвѣты удовольствія. Какъ называлась эта рыба?

АРТ. ФИЛ., *подбѣгая.* Лабарданъ-съ.

ХЛЕСТ. Очень вкусная! Гдѣ это мы завтракали? въ больницѣ, что̀ ли?

АРТ. ФИЛ. Такъ точно-съ, въ богоугодномъ заведеніи.

ХЛЕСТ. Помню, помню, тамъ стояли кровати. А больные выздоровѣли? тамъ ихъ, кажется, не много.

АРТ. ФИЛ. Человѣкъ десять осталось, не больше; а прочіе всѣ выздоровѣли. Это ужъ такъ устроено, такой порядокъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я принялъ начальство, можетъ быть, вамъ покажется даже невѣроятнымъ, всѣ, какъ мухи, выздоравливаютъ. Больной не успѣетъ войти въ лазеретъ, какъ уже здоровъ; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядкомъ.

ГОР. Ужъ на что̀, осмѣлюсь вамъ, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежитъ всякихъ дѣлъ, относительно од-

ной чистоты, починки, поправки.... словомъ, найумнѣйшій человѣкъ пришелъ бы въ затрудненіе, но, благодареніе Богу, все идетъ благополучно. Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ; но вѣрите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи Боже ты мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно... Наградитъ ли оно, или нѣтъ, конечно, въ его волѣ, по крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало.... то чего-жъ мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но предъ добродѣтелью все прахъ и суета.»

АРТ. ФИЛ., *въ сторону*. Эка, бездѣльникъ, какъ расписываетъ! далъ же Богъ такой даръ!

ХЛЕСТ. Это правда. Я, признаюсь; люблю тоже иногда заумствоваться: иной разъ прозой, а въ другой и стишки выкинутся.

БОБЧ. *Добчинскому*. Справедливо, все справедливо, Петръ Ивановичъ! Замѣчанія такія... видно, что наукамъ учился.

ХЛЕСТ. Скажите пожалуста, нѣтъ ли у васъ какихъ-нибудь развлеченій, обществъ, гдѣ бы можно было, напримѣръ, поиграть въ карты?

ГОР. *въ сторону*. Эге, знаемъ, голубчикъ, въ чей огородъ камешки бросаютъ! *(Вслухъ)* Боже сохрани! здѣсь и слуху нѣтъ о такихъ обществахъ. Я картъ и въ руки никогда не бралъ; даже не знаю, какъ играть въ карты. Смотрѣть не могъ на нихъ равнодушно, и если случится увидѣть этакъ какого-нибудь бубноваго короля, или что-нибудь другое, то какое омерзеніе нападаетъ, что, просто, плюнешь. Разъ какъ-то случилось, забавляя дѣтей, выстроилъ будку изъ картъ, да послѣ того всю ночь снились проклятыя! Богъ съ ними! Какъ можно, чтобы такое драгоцѣнное время убивать на нихъ!

ЛУКА ЛУК., *въ сторону*. А у меня, подлецъ, выпонтировалъ вчера сто рублей.

ГОР. Лучше жъ я употреблю это время на пользу государственную.

ХЛЕСТ. Ну, нѣтъ, вы напрасно однакоже....все зависитъ отъ того, съ какой стороны, кто смотритъ на вещь. Если, напримѣръ,

забастуешь тогда, какъ нужно гнуть отъ трехъ угловъ.... ну, тогда конечно!... Нѣтъ, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

гор. Осмѣлюсь представить семейство мое: жена и дочь.

хлест., *раскланиваясь.* Какъ я счастливъ, сударыня, что имѣю въ своемъ родѣ удовольствіе васъ видѣть.

анна андр. Намъ еще болѣе пріятно видѣть такую особу.

хлест., *рисуясь.* Помилуйте, сударыня, совершенно напротивъ: мнѣ еще пріятнѣе.

анна андр. Какъ можно-съ! вы это такъ изволите говорить для комплимента. Прошу покорно садиться.

хлест. Возлѣ васъ стоять есть уже счастіе; впрочемъ, если вы такъ непремѣнно хотите, я сяду. Какъ я счастливъ, что наконецъ сижу возлѣ васъ.

анна андр. Помилуйте, я никакъ не смѣю принять на свой счетъ.... Я думаю, вамъ послѣ столицы вояжировка показалась очень непріятною.

хлест. Чрезвычайно непріятна! Привыкши жить, comprenez vous, въ свѣтѣ и вдругъ очутиться въ дорогѣ—грязные трактиры, мракъ невѣжества.... Если бъ, признаюсь, не такой случай, который меня.... *(посматриваетъ на Анну Андреевну и рисуется передъ ней)* такъ вознаградилъ за все....

анна андр. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вамъ должно быть непріятно!

хлест. Впрочемъ, сударыня, въ эту минуту мнѣ очень пріятно.

анна андр. Какъ можно-съ! Вы дѣлаете много чести. Я этого не заслуживаю.

хлест. Отчего же не заслуживаете? Вы, сударыня, заслуживаете.

анна андр. Я живу въ деревнѣ....

хлест. Да, деревня впрочемъ тоже имѣетъ свои пригорки, ручейки.... Ну, конечно, кто же сравнитъ съ Петербургомъ! Эхъ, Петербургъ! что̀ за жизнь, право! Вы, можетъ быть, думаете, что я только переписываю; нѣтъ начальникъ отдѣленія со мной на дружеской ногѣ. Этакъ ударитъ по плечу: «Приходи, братецъ, обѣдать!» Я только на двѣ минуты захожу въ департаментъ, съ тѣмъ только, чтобы сказать—это вотъ такъ, это вотъ такъ. А тамъ ужъ чиновникъ для письма, этакая крыса, перомъ только—тртр.... пошелъ писать! Хотѣли было даже меня коллежскимъ ассессоромъ сдѣлать, да, думаю, зачѣмъ. И сторожъ летитъ еще на лѣстницѣ за мною со щеткою: «Позвольте, Иванъ Александровичъ, я вамъ», говоритъ, «сапоги почищу.» *(Городничему)* Что вы, господа, стоите? Пожалуйста садитесь!

вмѣстѣ.
гор. Чинъ такой, что еще можно постоять.
арт. фил. Мы постоимъ.
лука лук. Не извольте безпокоиться!

хлест. Безъ чиновъ, прошу садиться! *(Городничій и всѣ садятся.)* Напротивъ, я даже стараюсь, всегда проскользнуть незамѣтно. Но никакъ нельзя скрыться, никакъ нельзя! Только выйду куда-нибудь, ужъ и говорятъ: «Вонъ», говорятъ, «Иванъ Александровичъ идетъ!» А одинъ разъ меня приняли за главнокомандующаго, солдаты выскочили изъ гауптвахты и сдѣлали ружьемъ. Послѣ офицеръ, который мнѣ очень знакомъ, говоритъ мнѣ: «Ну, братецъ, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующаго.»

анна андр. Скажите какъ!

хлест. Съ хорошенькими актрисами знакомъ. Я вѣдь тоже разные водевильчики.... литераторовъ часто вижу. Съ Пушкинымъ на дружеской ногѣ. Бывало, часто говорю ему: «Ну, что̀ братъ Пушкинъ?»—«Да такъ, братъ», отвѣчалъ бывало: «тамъ какъ-то все....» Большой оригиналъ!

анна андр. Такъ вы и пишете? Какъ это должно быть пріятно сочинителю! Вы, вѣрно, и въ журналы помѣщаете?

хлест. Да, и въ журналы помѣщаю. Моихъ впрочемъ много есть сочиненій: Женитьба Фигаро, Робертъ Дьяволъ, Норма. Ужъ и названій даже не помню. И всё случаемъ: я не хотѣлъ писать

но театральная дирекція говоритъ: «Пожалуйста, братецъ, напиши что-нибудь.» Думаю себѣ: «Пожалуй, изволь, братецъ.» И тутъ же въ одинъ вечеръ, кажется, все написалъ. У меня легкость необыкновенная въ мысляхъ. Все это̀, что̀ было подъ именемъ барона Брамбеуса, Фрегатъ Надежды и Московскій Телеграфъ.... все это я писалъ.

АННА АНДР. Скажите, такъ это вы были Брамбеусъ?

ХЛЕСТ. Какъ же, я имъ всѣмъ поправляю стихи. Мнѣ Смирдинъ даетъ за это сорокъ тысячъ.

АННА АНДР. Такъ, вѣрно, и Юрій Милославскій ваше сочиненіе?

ХЛЕСТ. Да, это мое сочиненіе.

АННА АНДР. Я сейчасъ догадалась.

МАРЬЯ АНТ. Ахъ, маменька, тамъ написано, что это Загоскина сочиненіе.

АННА АНДР. Ну вотъ: я и знала, что даже и здѣсь будешь спорить.

ХЛЕСТ. Ахъ, да, это правда, это точно Загоскина; а есть другой Юрій Милославской, такъ тотъ ужъ мой.

АННА АНДР. Ну это, вѣрно, я вашъ читала. Какъ хорошо написано!

ХЛЕСТ. Я, признаюсь, литературой существую. У меня домъ первый въ Петербургѣ. Такъ ужъ и извѣстенъ: домъ Ивана Александровича. *(Обращаясь ко всѣмъ)* Сдѣлайте милость, господа, если будете въ Петербургѣ, прошу, прошу ко мнѣ. Я вѣдь *тоже* балы даю.

АННА АНДР. Я думаю, съ какимъ тамъ вкусомъ и великолѣпіемъ даютъ балы!

ХЛЕСТ. Просто, не говорите. На столѣ, напримѣръ, арбузъ — въ семьсотъ рублей арбузъ. Супъ въ кострюлькѣ прямо на пароходѣ пріѣхалъ изъ Парижа; откроютъ крышку—паръ, которому подобнаго нельзя отыскать въ природѣ. Я всякій день на балахъ. Тамъ у насъ и вистъ свой составился: министръ иностранныхъ дѣлъ, французскій посланникъ, нѣмецкій посланникъ и я. И ужъ такъ уморишься, играя, что, просто, ни на что не похоже. Какъ взбѣжишь по лѣстницѣ къ себѣ на четвертый этажъ — скажешь

только кухаркѣ: «На, Мавруша, шинель....» Что жъ я вру—а и позабылъ, что живу въ бельэтажѣ. У меня одна лѣстница.... А любопытно взглянуть ко мнѣ въ переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князья толкутся и жужжатъ такъ какъ шмели, только и слышно: ж.... ж.... ж.... Иной разъ и министръ.... *(городничій и прочіе съ робостію встаютъ съ своихъ стульевъ)*. Мнѣ даже на пакетахъ пишутъ· ваше превосходительство. Одинъ разъ я даже управлялъ департаментомъ. И странно: директоръ уѣхалъ—куда уѣхалъ, неизвѣстно. Ну, натурально, пошли толки: какъ, что, кому занять мѣсто? Многіе изъ генераловъ находились охотники и брались, но пойдутъ бывало—нѣтъ, мудрено! Кажется и легко на видъ, а разсмотрѣть—просто, чортъ возьми! Видятъ, нечего дѣлать—ко мнѣ. И въ ту же минуту по улицамъ курьеры, курьеры, курьеры.... можете представить себѣ, тридцать пять тысячъ однихъ курьеровъ! Каково положеніе, я спрашиваю? «Иванъ Александровичъ, ступайте департаментомъ управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышелъ въ халатѣ, хотѣлъ отказаться, но думаю, дойдетъ до государя, ну, да и послужной списокъ тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю», говорю, «такъ и быть», говорю, «я принимаю, только ужъ у меня: ни, ни, ни! ужъ у меня ухо востро! ужъ я....» И точно бывало: прохожу черезъ департаментъ—просто землетрясенье, все дрожитъ, трясется, какъ листъ. *(Городничій и прочіе трясутся отъ страха; Хлестаковъ горячится сильнѣе)*. О, я шутить не люблю; я имъ всѣмъ задалъ острастку! Меня самъ государственный совѣтъ боится. Да что въ самомъ дѣлѣ? Я такой! я не посмотрю ни на кого.... я говорю всѣмъ: «Я самъ себя знаю, самъ». Я вездѣ, вездѣ. Во дворецъ всякій день ѣзжу. Меня завтра же произведутъ сейчасъ въ фельдмарш.... *(поскальзывается и чуть-чуть не падаетъ на полъ, но съ почтеніемъ поддерживается чиновниками.)*

ГОР., *подходя и трясясь всѣмъ тѣломъ, силится выговорить*. А ва ва ва.... ва....

ХЛЕСТ., *быстрымъ отрывистымъ голосомъ*. Что такое?

ГОР. А ва ва ва.... ва....

ХЛЕСТ., *такимъ же голосомъ*. Не разберу ничего, все вздоръ.

гор. Ва ва ва.... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть.... вотъ и комната и всё, что̀ нужно.

хлест. Вздоръ—отдохнуть! Извольте, я готовъ отдохнуть. Завтракъ у васъ, господа, хорошъ.... я доволенъ, я доволенъ. *(Съ декламаціей)* Лабарданъ! лабарданъ! *(входитъ въ боковую комнату, за нимъ городничій.)*

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ХЛЕСТАКОВА И ГОРОДНИЧАГО.

бобч. Вотъ это, Петръ Ивановичъ, человѣкъ-то! Вонъ оно что̀ значитъ человѣкъ! Въ жисни не былъ въ присутствіи такой важной персоны, чуть не умеръ со страху. Какъ вы думаете, Петръ Ивановичъ,.кто онъ такой въ разсужденіи чина?

добч. Я думаю, чуть ли не генералъ.

бобч. А я такъ думаю, что генералъ то ему и въ подметки не станетъ! а когда генералъ, то ужъ развѣ самъ генералиссимусъ. Слышали: государственный-то совѣтъ какъ прижалъ! Пойдемъ, разскажемъ поскорѣе Аммосу Ѳедоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

добч. Прощайте, Кумушка! *(Оба уходятъ.)*

арт. фил., *Лукѣ Лукичу.* Страшно, просто. А отчего, и самъ не знаешь. А мы даже и не въ мундирѣ. Ну, что̀, какъ проснется, да въ Петербургъ махнетъ донесеніе! *(Уходятъ въ задумчивости вмѣстѣ съ смотрителемъ училищъ, произнося):* прощайте, сударыня!

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

анна андр. Ахъ, какой пріятный!

марья ант. Ахъ, милашка!

анна андр. Но только какое тонкое обращеніе! сейчасъ можно увидѣть столичную штуку. Пріемы и все это такое.... Ахъ, какъ хорошо! я страхъ люблю такихъ молодыхъ людей! я, просто, безъ памяти. Я однакожъ ему очень понравилась: я замѣтила — всё на меня поглядывалъ.

марья ант. Ахъ, маменька, онъ на меня глядѣлъ!

анна андр. Пожалуйста, съ своимъ вздоромъ подальше! Это здѣсь вовсе неумѣстно.

марья ант. Нѣтъ, маменька, право!

анна андр. Ну, вотъ! Боже сохрани, чтобы не поспорить! нельзя да и полно! Гдѣ ему смотрѣть на тебя? и съ какой стати ему смотрѣть на тебя?

марья ант. Право, маменька, всё смотрѣлъ. И какъ началъ говорить о литературѣ, то взглянулъ на меня, и потомъ, когда разсказывалъ, какъ игралъ въ вистъ съ посланниками, и тогда посмотрѣлъ на меня.

анна андр. Ну, можетъ быть, одинъ какой-нибудь разъ, да и то такъ ужъ, лишь бы только. «А», говоритъ себѣ: «дай ужъ посмотрю на нее!»

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И ГОРОДНИЧІЙ.

гор. *входитъ на цыпочкахъ.* Чш.... ш....

анна андр. Что̀?

гор. И не радъ, что напоилъ. Ну, что̀, если хоть одна половина изъ того, что̀ онъ говорилъ, правда? *(задумывается)* Да какъ же и не быть правдѣ? Подгулявши, человѣкъ все несетъ наружу: что̀ на сердцѣ, то и на языкѣ. Конечно, прилгнулъ немного; да вѣдь, не прилгнувши, не говорится никакая рѣчь. Съ министрами играетъ и во дворецъ ѣздитъ.... Такъ вотъ, право, чѣмъ больше думаешь.... чортъ его знаетъ, не знаешь, что̀ и дѣлается въ головѣ; просто, какъ будто или стоишь на какой-нибудь колокольнѣ, или тебя хотятъ повѣсить.

АННА АНДР. А я никакой совершенно не ощутила робости; я просто видѣла въ немъ образованнаго, свѣтскаго, высшаго тона человѣка; а о чинахъ его мнѣ и нужды нѣтъ.

ГОР. Ну, ужъ вы—женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вамъ все — финтирлюшки! Вдругъ брякнутъ ни изъ того, ни изъ другого словцо. Васъ посѣкутъ, да и только, а мужа и поминай какъ звали. Ты, душа моя, обращалась съ нимъ такъ свободно, какъ-будто съ какимъ-нибудь Добчинскимъ.

АННА АНДР. Объ этомъ я ужъ совѣтую вамъ не безпокоиться. Мы кой-что знаемъ такое... *(посматриваетъ на дочь)*.

ГОР. *одинъ*. Ну, ужъ съ вами говорить!... Эка въ самомъ дѣлѣ оказія! До сихъ поръ не могу очнуться отъ страха. *(Отворяетъ дверь и говоритъ въ дверь)* Мишка! позови квартальныхъ, Свистунова и Держиморду: они тутъ недалеко гдѣ-нибудь за воротами. *(Послѣ небольшого молчанія)* Чудно все завелось теперь на свѣтѣ: хотя бы народъ-то ужъ былъ видный, а то худенькій, тоненькій—какъ его узнаешь, кто онъ? Еще военный все-таки кажетъ изъ себя; а какъ надѣнетъ фрачишку—ну, точно муха съ подрѣзанными крыльями. А вѣдь долго крѣпился давича въ трактирѣ, заламливалъ такія аллегоріи и екивоки, что, кажись, вѣкъ бы не добился толку. А вотъ наконецъ и подался. Да еще наговорилъ больше, чѣмъ нужно. Видно, что человѣкъ молодой!

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢЖЕ И ОСИПЪ. *Всѣ бѣгутъ къ нему навстрѣчу, кивая пальцами.*

АННА АНДР. Подойди сюда, любезный!

ГОР. Тш!.. что? что? спитъ?

ОС. Нѣтъ, еще немножко потягивается.

АННА АНДР. Послушай, какъ тебя зовутъ?

ОС. Осипъ, сударыня.

ГОР., *женѣ и дочери*. Полно, полно вамъ! *(Осипу)* Ну что, другъ, тебя накормили хорошо?

ОС. Накормили, покорнѣйше благодарю, хорошо накормили.

анна андр. Ну, что̀, скажи: къ твоему барину, я думаю, много ѣздитъ графовъ и князей?

ос., *въ сторону*. А что̀ говорить! коли теперь накормили хорошо, значитъ, послѣ еще лучше накормятъ! *(Вслухъ)* Да, бываютъ и графы.

марья ант. Душенька Осипъ, какой твой баринъ хорошенькій!

анна андр. А что̀, скажи пожалуйста, Осипъ, какъ онъ...

гор. Да перестаньте пожалуйста! Вы этакими пустыми рѣчами только мнѣ мѣшаете. Ну что̀, другъ...

анна андр. А чинъ какой на твоемъ баринѣ?

ос. Чинъ обыкновенно какой.

гор. Ахъ, Боже мой, вы все съ своими глупыми разспросами! не дадите ни слова поговорить о дѣлѣ. Ну, что̀, другъ, какъ твой баринъ?.. строгъ? любитъ этакъ распекать, или нѣтъ?

ос. Да, порядокъ любитъ. Ужъ ему чтобы все было въ исправности.

гор. А мнѣ очень нравится твое лицо, другъ! ты долженъ быть хорошій человѣкъ. Ну, что...

анна андр. Послушай, Осипъ, а какъ баринъ твой тамъ, въ мундирѣ ходитъ, или...

гор. Полно вамъ, право, трещотки какія! Здѣсь нужная вещь: дѣло идетъ о жизни человѣка... *(Къ Осипу)* Ну, что̀, другъ, право мнѣ ты очень нравишься, въ дорогѣ не мѣшаетъ, знаешь, чайку выпить лишній стаканчикъ. Оно теперь холодновато, такъ вотъ тебѣ пара цѣлковыхъ на чай.

ос., *принимая деньги*. А, покорнѣйше благодарю, сударь! Дай Богъ вамъ всякаго здоровья! бѣдный человѣкъ, помогли ему.

гор. Хорошо, хорошо, я и самъ радъ. А что̀, другъ...

анна андр. Послушай, Осипъ, а какіе глаза больше всего нравятся твоему барину?..

марья ант. Осипъ, душенька! какой миленькій носикъ у твоего барина!

гор. Да постойте, дайте мнѣ!.. *(Къ Осипу)* А что̀, другъ, скажи пожалуйста: на что̀ больше баринъ твой обращаетъ вниманіе, то есть, что̀ ему въ дорогѣ больше нравится?

ОС. Любитъ онъ, по разсмотрѣнію, что̀ какъ придется. Больше всего любитъ, чтобы его приняли хорошо, угощеніе чтобъ было хорошее.

ГОР. Хорошее?

ОС. Да, хорошее. Вотъ ужъ на что̀ я, крѣпостной человѣкъ, но и то смотритъ, чтобы и мнѣ было хорошо. Ей Богу! Бывало, заѣдемъ куда-нибудь: «Что̀, Осипъ, хорошо тебя угостили? — «Плохо, ваше высокоблагородіе!» — «Э,» говоритъ, «это, Осипъ, нехорошій хозяинъ. Ты,» говоритъ, «напомни мнѣ, какъ пріѣду.» — «А,» думаю себѣ, *(махнувъ рукою)* «Богъ съ нимъ! я человѣкъ простой!»

ГОР. Хорошо, хорошо, и дѣло ты говоришь. Тамъ я тебѣ далъ на чай, такъ вотъ еще сверхъ того на баранки.

ОС. За что̀ жалуете, ваше высокоблагородіе? *(прячетъ деньги)* развѣ ужъ выпью за ваше здоровье.

АННА АНДР. Приходи, Осипъ, ко мнѣ, также получишь.

МАРЬЯ АНТ. Осипъ, душенька, поцѣлуй своего барина! *(Слышенъ изъ другой комнаты небольшой кашель Хлестакова).*

ГОР. Чш! *(поднимается на цыпочки; вся сцена въ полголоса)* Боже васъ сохрани шумѣть! идите себѣ! полно ужъ вамъ...

АННА АНДР. Пойдемъ, Машенька! я тебѣ скажу, что я замѣтила у гостя такое, что̀ намъ вдвоемъ только можно сказать.

ГОР. О, ужъ тамъ говорятъ! я думаю, поди только, да подслушай! и уши потомъ заткнешь. *(Обращаясь къ Осипу)* Ну, другъ...

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ДЕРЖИМОРДА И СВИСТУНОВЪ.

ГОР. Чш! экіе косолапые медвѣди стучатъ сапогами! такъ и валится, какъ-будто сорокъ пудъ сбрасываетъ кто-нибудь съ телеги! Гдѣ васъ чортъ таскаетъ?

ДЕРЖ. Былъ по приказанію...

ГОР. Чш! *(закрываетъ ему ротъ)*. Экъ какъ каркнула во-

рона! *(Дразнитъ его)* былъ по приказанію! Какъ изъ бочки, такъ рычитъ! *(Къ Осипу)* Ну, другъ, ты ступай, приготовляй тамъ, что̀ ни есть въ домѣ, требуй. *(Осипъ уходитъ)* А вы—стоять на крыльцѣ и ни съ мѣста! И никого не впускать въ домъ сторонняго, особенно купцовъ! Если хоть одного изъ нихъ впустите, то... Только увидите, что идетъ кто-нибудь съ просьбою, а хоть и не съ просьбою, да похожъ на такого человѣка, что̀ хочетъ подать на меня просьбу, въ-зашей такъ прямо его и толкайте! такъ его! хорошенько! *(показываетъ ногою)* слышите? чш... чш...*(уходитъ на цыпочкахъ вслѣдъ за квартальными)*.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Та же комната въ домѣ городничаго.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

Входятъ осторожно почти на цыпочкахъ: АМОССЪ ѲЕДОРОВИЧЪ, АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, ЛУКА ЛУКИЧЪ, ДОБЧИНСКІЙ, *всѣ въ полномъ парадѣ и мундирахъ. Вся сцена происходитъ въ полголоса.*

АММ. ѲЕД. *строитъ всѣхъ полукружіемъ.* Ради Бога, господа, скорѣе въ кружокъ, да побольше порядку! Богъ съ нимъ: и во дворецъ ѣздитъ и государственный совѣтъ распекаетъ! Стройтесь на военную ногу, непремѣнно на военную ногу! Вы, Петръ Ивановичъ, станьте вотъ тутъ. (*Оба Петра Ивановича забѣгаютъ на цыпочкахъ*).

АРТ. ФИЛ. Воля ваша, Амоссъ Ѳедоровичъ, намъ нужно бы кое-что предпринять.

АММ. ѲЕД. А что̀ именно?

АРТ. ФИЛ. Ну, извѣстно что̀.

АММ. ѲЕД. Подсунуть?

АРТ. ФИЛ. Ну да, хоть и подсунуть.

АММ. ѲЕД. Опасно, раскричится: государственный человѣкъ. Развѣ въ видѣ приношенія со стороны дворянства—какой-нибудь памятникъ.

ПОЧТМ. Или же: вотъ-молъ пришли по почтѣ деньги, неизвѣстно кому принадлежащія.

арт. фил. Смотрите, чтобъ онъ васъ по почтѣ не отправилъ куда-нибудь подальше. Слушайте, эти дѣла не такъ дѣлаются въ благоустроенномъ государствѣ. Зачѣмъ насъ здѣсь цѣлый эскадронъ? Представиться нужно поодиночкѣ, да между четырехъ глазъ и того... какъ тамъ слѣдуетъ; да чтобы и уши не слыхали! Вотъ какъ въ обществѣ благоустроенномъ дѣлается! Ну, вотъ вы, Амоссъ Өедоровичъ, первые начните.

амм. өед. Такъ лучше жъ вы: въ вашемъ заведеніи высокій посѣтитель вкусилъ хлѣба.

арт. фил. Такъ ужъ лучше Лукѣ Лукичу, какъ просвѣтителю юношества.

лука лук. Не могу, не могу, господа! Я, признаюсь, такъ воспитанъ, что заговори со мною однимъ чиномъ кто-нибудь повыше, у меня просто и души нѣтъ, и языкъ, какъ въ грязь, завязнулъ. Нѣтъ, господа, увольте, право увольте!

арт. фил. Да, Аммосъ Өедоровичъ, кромѣ васъ, некому. У васъ, что̀ ни слово, то Цицеронъ съ языка слетѣлъ.

амм. өед. Что̀ вы! что̀ вы: Цицеронъ! смотрите, что̀ выдумали! Что иной разъ увлечешься, говоря о домашней сворѣ, или гончей ищейкѣ...

всѣ *пристаютъ въ нему*. Нѣтъ, вы не только о собакахъ, вы и о столпотвореніи... Нѣтъ, Аммосъ Өедоровичъ, не оставляйте насъ, будьте отцомъ нашимъ!.. Нѣтъ, Аммосъ Өедоровичъ!

амм. өед. Отвяжитесь, господа! (*Въ это время слышны шаги и откашливаніе въ комнатѣ Хлестакова. Всѣ спѣшатъ наперерывъ къ дверямъ, толпятся и стараются выдти, что̀ происходитъ не безъ того, чтобы не притиснули кое-кого. Раздаются въ полголоса восклицанія:*)

голосъ бобч. Ой! Петръ Ивановичъ, Петръ Ивановичъ, наступили на ногу!

голосъ земляники. Отпустите, отпустите, господа, хоть душу на покаяніе—совсѣмъ прижали!

(*Выхватываются нѣсколько восклицаній:* ай, ой! *наконецъ всѣ выпираются, и комната остается пуста.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

ХЛЕСТАКОВЪ, *одинъ, выходитъ съ заспанными глазами.*

Я, кажется, всхрапнулъ порядкомъ. Откуда они набрали такихъ тюфяковъ и перинъ? даже вспотѣлъ. Кажется, они вчера мнѣ подсунули чего-то за завтракомъ: въ головѣ до сихъ поръ стучитъ. Здѣсь, какъ я вижу, можно съ пріятностію проводить время. Я люблю радушіе, и мнѣ, признаюсь, больше нравится, если мнѣ угождаютъ отъ чистаго сердца, а не то̀ чтобы изъ интереса. А дочка городничаго очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нѣтъ, я не знаю, а мнѣ, право, нравится такая жизнь.

ЯВЛЕНІЕ III.

ХЛЕСТАКОВЪ И СУДЬЯ.

СУДЬЯ, *входя и останавливаясь про-себя.* Боже, Боже! вынеси благополучно; такъ вотъ колѣнки и ломаетъ. *(Вслухъ, вытянувшись и придерживая рукою шпагу)* Имѣю честь представиться: судья здѣшняго уѣзднаго суда, коллежскій ассесоръ Ляпкинъ-Тяпкинъ.

ХЛЕСТ. Прошу садиться! Такъ вы здѣсь судья?

СУДЬЯ. Съ 816-го былъ избранъ на трехлѣтіе по волѣ дворянства и продолжалъ должность до сего времени.

ХЛЕСТ. А выгодно однакоже быть судьею?

СУДЬЯ. За три трехлѣтія представленъ къ Владиміру 4-й степени съ одобренія со стороны начальства. *(Въ сторону)* А деньги въ кулакѣ, да кулакъ-то весь въ огнѣ.

ХЛЕСТ. А мнѣ нравится Владиміръ. Вотъ Анна 3-й степени ужъ не такъ.

СУДЬЯ, *высовывая понемногу впередъ сжатый кулакъ,—въ сторону.* Господи Боже, не знаю, гдѣ сижу! Точно горячіе угли подъ тобою.

хлест. Чтò это у васъ въ рукѣ?

амм. ѳед., *потерявшись и роняя на полъ ассигнаціи.* Ничего-съ.

хлест. Какъ ничего? Я вижу, деньги ỳпали.

амм. ѳед., *дрожа всѣмъ тѣломъ.* Никакъ нѣтъ-съ! *(Въ сторону)* О Боже! вотъ ужъ я и подъ судомъ! и тележку подвезли схватить меня!

хлест., *подымая.* Да, это деньги.

амм. ѳед., *въ сторону.* Ну, всеконечно пропалъ! пропалъ!

хлест. Знаете ли, дайте ихъ мнѣ взаймы!

амм. ѳед., *поспѣшно.* Какъ же-съ, какъ же-съ.... съ большимъ удовольствіемъ! *(Въ сторону)* Ну, смѣлѣе, смѣлѣе! вывози, Пресвятая Матерь!

хлест. Я, знаете, въ дорогѣ издержался: тò да сё.... впрочемъ я вамъ изъ деревни сейчасъ ихъ пришлю.

амм. ѳед. Помилуйте, какъ можно! и безъ того это такая честь.... Конечно, слабыми моими силами, рвеніемъ и усердіемъ къ начальству.... постараюсь заслужить.... (*приподымается со стула, вытянувшись и руки по швамъ*) Не смѣю болѣе безпокоить своимъ присутствіемъ. Не будетъ никакого приказанья?

хлест. Какого приказанья?

амм. ѳед. Я разумѣю, не дадите ли какого приказанья здѣшнему уѣздному суду?

хлест. Зачѣмъ же? Вѣдь мнѣ никакой нѣтъ теперь въ немъ надобности; нѣтъ, ничего, покорнѣйше благодарю.

амм. ѳед., *раскланиваясь и уходя,—въ сторону.* Ну, городъ нашъ!

хлест., *по уходѣ его.* Судья хорошій человѣкъ!

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

хлестаковъ и почтмейстеръ, *входитъ вытянувшись, въ мундирѣ, придерживая шпагу.*

почтм. Имѣю честь представиться: почтмейстеръ, надворный совѣтникъ Шпекинъ!

хлест. А, милости просимъ! Я очень люблю пріятное общество. Садитесь. Вѣдь вы здѣсь всегда живете?

почтм. Такъ точно-съ.

хлест. А мнѣ нравится здѣшній городокъ. Конечно, не такъ многолюдно — ну, что жъ? Вѣдь это не столица. Не правда ли, вѣдь это не столица?

почтм. Совершенная правда.

хлест. Вѣдь это только въ столицѣ бонъ-тонъ, и нѣтъ провинціяльныхъ гусей. Какъ ваше мнѣніе, не такъ ли?

почтм. Такъ точно-съ! *(Въ сторону)* А онъ однакожъ ничуть не гордъ: обо всемъ разспрашиваетъ.

хлест. А вѣдь однакожъ признайтесь, вѣдь и въ маленькомъ городкѣ можно прожить счастливо?

почтм. Такъ точно-съ.

хлест. По моему мнѣнію, что̀ нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренно—не правда ли?

почтм. Совершенно справедливо.

хлест. Я, признаюсь, радъ, что вы одного мнѣнія со мною. Меня, конечно, назовутъ страннымъ, но ужъ у меня такой характеръ. *(Глядя въ глаза ему, говоритъ про-себя)* А попрошу-ка я у этого почтмейстера въ займы. *(Въ слухъ)* Какой странный со мною случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей въ займы?

почтм. Почему же, почему? за величайшее счастіе. Вотъ-съ извольте. Отъ души готовъ служить.

хлест. Очень благодаренъ! А я, признаюсь, смерть не люблю отказывать себѣ въ дорогѣ, да и къ чему? Не такъ ли?

почтм. Такъ точно-съ! *(встаетъ, вытягивается и придерживаетъ шпагу)* Не смѣю болѣе безпокоить своимъ присутствіемъ.... Не будетъ ли какого замѣчанія по части почтоваго управленія?

хлест. Нѣтъ, ничего!

(Почтмейстеръ раскланивается и уход

хлест., *раскуривая сигару.* Почтмейстер

тоже очень хорошій человѣкъ. По крайней мѣ

лю такихъ людей.

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ХЛЕСТАКОВЪ И ЛУКА ЛУКИЧЪ, *который почти выталкивается изъ дверей. Сзади его слышенъ голосъ почти вслухъ: «Чего робѣешь?»*

ЛУКА ЛУК., *вытягиваясь не безъ трепета и придерживая шпагу.* Имѣю честь представиться: смотритель училищъ, титулярный совѣтникъ Хлоповъ!

ХЛЕСТ. А, милости просимъ! Садитесь, садитесь! Не хотите ли сигарку? (*Подаетъ ему сигару.*)

ЛУКА ЛУК., *про-себя въ нерѣшимости.* Вотъ тебѣ разъ! Ужъ этого никакъ не предполагалъ. Брать или не брать?

ХЛЕСТ. Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка! Конечно, не то, что̀ въ Петербургѣ. Тамъ, батюшка, я куривалъ сигарки по двадцати пяти рублей сотенка, просто, ручки себѣ потомъ поцѣлуешь, какъ выкуришь. Вотъ огонь, закурите. *(Подаетъ ему свѣчу.)*

ЛУКА ЛУК., *пробуетъ раскурить и весь дрожитъ.*

ХЛЕСТ. Да не съ того конца!

ЛУКА ЛУК. *отъ испуга выронилъ сигару, плюнулъ и махнулъ рукою про-себя.* Чортъ побери все! сгубила проклятая робость!

ХЛЕСТ. Вы, какъ я вижу, не охотникъ до сигарокъ. А я, признаюсь, это моя слабость. Вотъ еще на счетъ женскаго пола, такъ не могу быть равнодушенъ. Какъ вы? Какія вамъ больше нравятся, брюнетки или блондинки?

ЛУКА ЛУК. *находится въ совершенномъ недоумѣніи, что̀ сказать.*

ХЛЕСТ. Нѣтъ, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

ЛУКА ЛУК. Не смѣю знать.

ХЛЕСТ. Нѣтъ, нѣтъ, не отговаривайтесь! Мнѣ хочется знать непремѣнно вашъ вкусъ.

ЛУКА ЛУК. Осмѣлюсь доложить.... *(Въ сторону)* И самъ не знаю, что̀ говорю; въ головѣ все пошло кругомъ.

хлест. А! а! не хотите сказать! Вѣрно ужъ какая-нибудь брюнетка сдѣлала вамъ маленькую загвоздочку! Признайтесь, сдѣлала?

лука лук. *молчитъ.*

хлест. А! а! покраснѣли, видите, видите! Отчего жъ вы не говорите?

лука лук. Оробѣлъ, ваше бла.... превос... сіят.... *(Въ сторону)* Продалъ проклятый языкъ, продалъ!

хлест. Оробѣли? А въ моихъ глазахъ точно есть что-то такое, что̀ внушаетъ робость. По крайней мѣрѣ я знаю, что ни одна женщина не можетъ ихъ выдержать, не такъ ли?

лука лук. Такъ точно-съ.

хлест. Вотъ со мной престранный случай—въ дорогѣ совсѣмъ издержался. Не можете ли вы мнѣ дать триста рублей взаймы?

лука лук., *хватаясь за карманъ про-себя.* Вотъ же штука, если нѣтъ! Есть, есть! *(вынимаетъ и подаетъ, дрожа, ассигнаціи.)*

хлест. Покорно благодарю.

лука лук. Не смѣю долѣе безпокоить присутствіемъ.

хлест. Прощайте.

лука лук. *летитъ вонъ почти бѣгомъ и говоритъ въ сторону.* Ну, слава Богу! авось не заглянетъ въ классы.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

хлестаковъ и артемій филипповичъ, *вытянувшись и придерживая шпагу.*

арт. фил. Имѣю честь представиться: попечитель богоугодныхъ заведеній, надворный совѣтникъ Земляника.

хлест. Здравствуйте, прошу покорно садиться.

арт. фил. Имѣлъ честь сопровождать васъ и принимать лично во ввѣренныхъ моему смотрѣнію богоугодныхъ заведеніяхъ.

хлест. А, да, помню. Вы очень хорошо угостили завтракомъ.

арт. фил. Радъ стараться на службу отечеству.

ХЛЕСТ. Я признаюсь, это моя слабость—люблю хорошую кухню. Скажите пожалуйста, мнѣ кажется, какъ-будто бы вчера вы были немножко ниже ростомъ, не правда ли?

АРТ. ФИЛ. Очень можетъ быть. *(Помолчавъ)* Могу сказать, что не жалѣю ничего и ревностно исполняю службу. *(Придвигается ближе съ своимъ стуломъ и говоритъ въ полголоса)* Вотъ здѣшній почтмейстеръ совершенно ничего не дѣлаетъ: всѣ дѣла въ большомъ запущеніи, посылки задерживаются.... извольте сами нарочно розыскать. Судья тоже, который только-что былъ передъ моимъ приходомъ, ѣздитъ только за зайцами, въ присутственныхъ мѣстахъ держитъ собакъ, и поведенія, если признаться предъ вами,—конечно, для пользы отечества, я долженъ это сдѣлать, хотя онъ мнѣ родня и пріятель —поведенія самаго предосудительнаго. Здѣсь есть одинъ помѣщикъ Добчинскій, котораго вы изволили видѣть, и какъ только этотъ Добчинскій куда-нибудь выйдетъ изъ дому, то онъ тамъ уже и сидитъ у жены его, я присягнуть готовъ.... И нарочно посмотрите на дѣтей: ни одно изъ нихъ не похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже дѣвочка маленькая, какъ вылитый судья.

ХЛЕСТ. Скажите пожалуйста! а я никакъ этого не думалъ.

АРТ. ФИЛ. Вотъ и смотритель здѣшняго училища. Я не знаю, какъ могло начальство повѣрить ему такую должность. Онъ хуже, чѣмъ якобинецъ, и такія внушаетъ юношеству неблагонамѣренныя правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я все это изложу лучше на бумагѣ?

ХЛЕСТ. Хорошо, хоть на бумагѣ. Мнѣ очень будетъ пріятно. Я, знаете, этакъ люблю въ скучное время прочесть что-нибудь забавное.... Какъ ваша фамилія? все я позабываю.

АРТ. ФИЛ. Земляника.

ХЛЕСТ. А, да! Земляника. И что жъ, скажите пожалуйста, есть у васъ дѣтки?

АРТ. ФИЛ. Какъ же-съ? пятеро; двое уже взрослыхъ.

ХЛЕСТ. Скажите, взрослыхъ! а какъ они.... какъ они того?...

АРТ. ФИЛ. То есть, не изволите ли спрашивать, какъ ихъ зовутъ?

ХЛЕСТ. Да, какъ ихъ зовутъ?

АРТ. ФИЛ. Николай, Иванъ, Елисавета, Марья и Перепетуя.

ХЛЕСТ. Это хорошо.

АРТ. ФИЛ. Не смѣя безпокоить своимъ присутствіемъ, отнимать времени, опредѣленнаго на священныя обязанности... *(Раскланивается съ тѣмъ, чтобъ уйти.)*

ХЛЕСТ., *провожая.* Нѣтъ, ничего. Это все очень смѣшно, что̀ вы говорили. Пожалуйста и въ другое тоже время.... Я это очень люблю. *(Возвращается и, отворивши дверь, кричитъ вслѣдъ ему)* Эй вы! какъ васъ? я всё позабываю, какъ ваше имя и отечество.

АРТ. ФИЛ. Артемій Филипповичъ.

ХЛЕСТ. Сдѣлайте милость, Артемій Филипповичъ, со мной странный случай: въ дорогѣ совершенно издержался. Нѣтъ ли у васъ денегъ взаймы рублей четыреста?

АРТ. ФИЛ. Есть.

ХЛЕСТ. Скажите, какъ кстати! Покорнѣйше васъ благодарю.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ХЛЕСТАКОВЪ, БОБЧИНСКІЙ И ДОБЧИНСКІЙ.

БОБЧ. Имѣю честь представиться: житель здѣшняго города, Петръ Ивановъ сынъ, Бобчинскій.

ДОБ. Помѣщикъ Петръ Ивановъ сынъ, Добчинскій.

ХЛЕСТ. А, да я ужъ васъ видѣлъ! Вы, кажется, тогда упали? Что̀, какъ вашъ носъ?

ДОБ. Слава Богу! не извольте безпокоиться: присохъ, теперь совсѣмъ присохъ.

ХЛЕСТ. Хорошо, что присохъ. Я радъ.... *(Вдругъ и отрывисто)* Денегъ нѣтъ у васъ?

ДОБ. Денегъ? какъ денегъ?

ХЛЕСТ. Взаймы рублей тысячу.

БОБ. Такой суммы, ей Богу, нѣтъ. А нѣтъ ли у васъ, Петръ Ивановичъ?

ДОБЧ. При мнѣ-съ не имѣется, потому что деньги мои, если изволите знать, положены въ приказъ общественнаго призрѣнія.

ХЛЕСТ. Да, ну если тысячи нѣтъ, такъ рублей сто.

БОБЧ., *шаря въ карманахъ.* У васъ, Петръ Ивановичъ, нѣтъ ста рублей? У меня всего сорокъ ассигнаціями.

ДОБЧ. Двадцать пять рублей всего.

БОБЧ. Да вы поищите-то получше, Петръ Ивановичъ! У васъ тамъ, я знаю, въ карманѣ-то съ правой стороны прорѣха, такъ въ прорѣху-то вѣрно какъ-нибудь запали.

ДОБЧ. Нѣтъ, право и въ прорѣхѣ нѣтъ.

ХЛЕСТ. Ну, все равно! Я вѣдь только такъ. Хорошо, пусть будетъ шестьдесятъ пять рублей.... это все равно. (*Принимаетъ деньги*).

ДОБЧ. Я осмѣливаюсь попросить васъ, относительно одного, очень тонкаго обстоятельства.

ХЛЕСТ. А что это?

ДОБЧ. Дѣло очень тонкаго свойства-съ: старшій-то сынъ мой, изволите видѣть, рожденъ мною еще до брака....

ХЛЕСТ. Да?

ДОБЧ. То есть, оно такъ только говорится, а онъ рожденъ мною такъ совершенно, какъ-бы и въ бракѣ, и все это, какъ слѣдуетъ, я завершилъ потомъ законными-съ узами супружества-съ. Такъ я, изволите видѣть, хочу, чтобъ онъ теперь уже былъ совсѣмъ, то есть, законнымъ моимъ сыномъ-съ и назывался бы такъ, какъ я, Добчинскій-съ.

ХЛЕСТ. Хорошо, пусть называется, это можно.

ДОБЧ. Я бы и не безпокоилъ васъ, да жаль насчетъ способностей. Мальчишка-то этакой.... большія надежды подаетъ: наизустъ стихи разные разскажетъ и, если гдѣ попадетъ ножикъ, сейчасъ сдѣлаетъ маленькія дрожечки такъ искусно, какъ фокусникъ-съ. Вотъ и Петръ Ивановичъ знаетъ.

БОБЧ. Да, большія способности имѣетъ!

ХЛЕСТ. Хорошо, хорошо! я объ этомъ постараюсь, я буду говорить.... я надѣюсь.... все это будетъ сдѣлано, да, да.... (*Обращаясь къ Бобчинскому*) Не имѣете ли и вы чего-нибудь сказать мнѣ?

БОБЧ. Какъ же, имѣю очень нижайшую просьбу.

ХЛЕСТ. А что, о чемъ?

бобч. Я прошу васъ покорнѣйше, какъ поѣдете въ Петербургъ, скажите всѣмъ тамъ вельможамъ разнымъ, сенаторамъ и адмираламъ, что вотъ, ваше сіятельство, или превосходительство, живетъ въ такомъ-то городѣ Петръ Ивановичъ Бобчинскій. Такъ и скажите: живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

хлест. Очень хорошо.

бобч. Да если этакъ и государю придется, то скажите и государю, что вотъ-молъ, ваше императорское величество, въ такомъ-то городѣ живетъ Петръ Ивановичъ Бобчинскій.

хлест. Очень хорошо.

добч. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

бобч. Извините, что такъ утрудили васъ своимъ присутствіемъ.

хлест. Ничего, ничего! Мнѣ очень пріятно *(выпровождаетъ ихъ)*.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

хлестаковъ, *одинъ*.

Здѣсь много чиновниковъ. Мнѣ кажется, однакожъ, что меня принимаютъ за государственнаго человѣка. Вѣрно, я вчера имъ подпустилъ пыли. Экое дурачье! Напишу-ка я обо всемъ въ Петербургъ къ Тряпичкину: онъ пописываетъ статейки — пусть-ка онъ ихъ общелкаетъ хорошенько. Эй, Осипъ! подай мнѣ бумаги и чернилъ! *(Осипъ выглянулъ изъ дверей, произнесши «сейчасъ»)* А ужъ Тряпичкину точно, если это попадетъ на зубокъ,— берегись: отца роднаго не пощадитъ для словца, и деньгу тоже любитъ. Впрочемъ, чиновники эти добрые люди; это съ ихъ стороны хорошая черта, что они мнѣ дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денегъ. Это отъ судьи триста; это отъ почтмейстера триста, шестьсотъ, семьсотъ, восемьсотъ.... какая замасленная бумажка! Восемьсотъ, девятьсотъ.... Ого! за тысячу перевалило.... Ну-ка теперь, капитанъ? ну-ка, попадись-ка ты мнѣ теперь, посмотримъ, кто кого!

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ХЛЕСТАКОВЪ И ОСИПЪ, *съ чернилами и бумагою.*

ХЛЕСТ. Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и принимаютъ! *(Начинаетъ писать.)*

ОС. Да, слава Богу! Только знаете что̀, Иванъ Александровичъ?

ХЛЕСТ. А что̀?

ОС. Уѣзжайте отсюда! Ей Богу уже пора!

ХЛЕСТ. *пишетъ.* Вотъ вздоръ! Зачѣмъ?

ОС. Да такъ. Богъ съ ними со всѣми! Погуляли здѣсь два денька, ну—и довольно! Что съ ними долго связываться. Плюньте на нихъ! неровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ—ей Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славные—такъ бы закатили!...

ХЛЕСТ. *пишетъ.* Нѣтъ, мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

ОС. Да что завтра! Ей Богу поѣдемъ, Иванъ Александровичъ! Оно хоть и большая тутъ честь вамъ, да всё, знаете, лучше уѣхать скорѣе... Вѣдь васъ, право, за кого-то другого приняли, и батюшка будетъ гнѣваться, что такъ замѣшкались... Такъ бы, право, закатили славно! а лошадей бы важныхъ здѣсь дали.

ХЛЕСТ. *пишетъ.* Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, пожалуй вмѣстѣ и подорожную возьми. Да за то смотри, чтобы лошади хорошія были. Ямщикамъ скажи, что я буду давать по цѣлковому, чтобы такъ, какъ фельдъегеря катили! и пѣсни бы пѣли!.. *(Продолжаетъ писать.)* Воображаю, Тряпичкинъ умретъ совсѣмъ...

ОС. Я, сударь, отправлю его съ человѣкомъ здѣшнимъ, а самъ лучше буду укладываться, чтобъ не прошло понапрасну время.

ХЛЕСТ. Хорошо. Принеси только свѣчу.

ОС. *выходитъ и говоритъ за сценой.* Эй, послушай, братъ! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтобъ онъ принялъ безъ денегъ, да скажи, чтобъ сейчасъ привели къ барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, баринъ не

платитъ: прогонъ-молъ, скажи, казенной. Да чтобъ все живѣе, а не то молъ, баринъ сердится. Стой, еще письмо неготово.

хлест. *продолжаетъ писать.* Любопытно знать, гдѣ онъ теперь живетъ, въ Почтамтской, или Гороховой. Онъ, вѣдь, тоже любитъ часто переѣзжать съ квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую въ Почтамтскую. *(Свертываетъ и надписываетъ.)*

осипъ *приноситъ свѣчу. Хлестаковъ печатаетъ. Въ это время слышенъ голосъ Держиморды:)* Куда лѣзешь, борода? Говорятъ тебѣ, никого не велѣно пускать.

хлест. *даетъ Осипу письмо.* На, отнеси.

голоса купцовъ. Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить: мы за дѣломъ пришли.

голосъ держиморды. Пошелъ, пошелъ! Не принимаетъ, спитъ. *(Шумъ увеличивается.)*

хлест. Что тамъ такое, Осипъ? Посмотри, что̀ за шумъ.

ос., *глядя въ окно.* Купцы какіе-то хотятъ войти, да не пускаетъ квартальный. Машутъ бумагами: вѣрно, васъ хотятъ видѣть.

хлест., *подходя къ окну.* А что вы, любезные?

голоса купц. Къ твоей милости прибѣгаемъ! Прикажите, государь, просьбу принять.

хлест. Впустите ихъ, впустите! пусть идутъ. Осипъ, скажи имъ: пусть идутъ. *(Осипъ уходитъ.)*

хлест. *принимаетъ изъ окна просьбы, развертываетъ одну изъ нихъ и читаетъ.* «Его высокоблагородному свѣтлости господину финансову отъ купца Абдулина...» Чортъ знаетъ, что̀: и чина такого нѣтъ!

ЯВЛЕНІЕ X.

хлестаковъ и купцы, *съ кузовомъ вина и сахарными головами.*

хлест. А что̀ вы, любезные?

купцы. Челомъ бьемъ вашей милости.

хлест. А что̀ вамъ угодно?

купцы. Не погуби, государь! обижательство терпимъ совсѣмъ понапрасну.

ХЛЕСТ. Отъ кого?

ОДИНЪ ИЗЪ КУПЦ. Да все отъ городничаго здѣшняго. Такого городничаго никогда еще, государь, не было. Такія обиды чинитъ, что описать нельзя. Постоемъ совсѣмъ заморилъ, хоть въ петлю полѣзай. Не по поступкамъ поступаетъ. Схватитъ за бороду, говоритъ: «Ахъ ты Татаринъ!» Ей Богу! Еслибы, то есть, чѣмъ-нибудь не уважили его; а то мы ужъ порядокъ всегда исполняемъ: что̀ слѣдуетъ на платья супружницѣ его и дочкѣ—мы противъ этого не стоимъ. Нѣтъ, вишь ты, ему всего мало—ей, ей! Придетъ въ лавку и что̀ ни попадетъ, все беретъ: сукна увидитъ штуку, говоритъ: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-ка его ко мнѣ.» Ну и несешь, а въ штукѣ-та будетъ безъ мала аршинъ пятьдесятъ.

ХЛЕСТ. Неужели? Ахъ, какой же онъ мошенникъ!

КУПЦЫ. Ей Богу! такого никто не запомнитъ городничаго. Такъ все и припрятываешь въ лавкѣ, когда его завидишь. То есть, не то ужъ говоря, чтобъ какую деликатность, всякую дрянь беретъ: черносливъ такой, что лѣтъ уже по семи лежитъ въ бочкѣ, что̀ у меня сидѣлецъ не будетъ есть, а онъ цѣлую горсть туда запуститъ. Имянины его бываютъ на Антона, и ужъ, кажись, всего нанесешь, ни въ чемъ не нуждается; нѣтъ, ему еще подавай: говоритъ, и на Онуфрія его имянины. Что дѣлать? и на Онуфрія несешь.

ХЛЕСТ. Да это просто разбойникъ!

КУПЦЫ. Ей, ей! А попробуй прекословить, наведетъ къ тебѣ въ домъ цѣлый полкъ на постой. А если что̀, велитъ запереть двери: «Я тебя не буду», говоритъ, «подвергать тѣлесному наказанію, или пыткой пытать—это», говоритъ, «запрещено закономъ, а вотъ ты у меня, любезный, поѣшь селедки!»

ХЛЕСТ. Ахъ, какой мошенникъ! Да за это просто въ Сибирь.

КУПЦЫ. Да ужъ куда милость твоя ни запровадитъ его, все будетъ хорошо, лишь бы, то есть, отъ насъ подальше. Не побрезгай отецъ нашъ хлѣбомъ и солью: кланяемся тебѣ сахарцемъ и кузовкомъ вина.

ХЛЕСТ. Нѣтъ, вы этого не думайте; я не беру совсѣмъ никакихъ взятокъ. Вотъ, еслибы вы, напримѣръ, предложили мнѣ

взаймы рублей триста, ну, тогда совсѣмъ другое дѣло: я могу взять.

купцы. Изволь, отецъ нашъ! *(Вынимаютъ деньги)* Да что̀ триста! ужъ лучше пятьсотъ возьми, помоги только.

хлест. Извольте: взаймы—я ни слова, я возьму.

купцы *подносятъ на серебряномъ подносѣ деньги.* Ужъ пожалуйста и подносикъ вмѣстѣ возьмите.

хлест. Ну, и подносикъ можно.

купцы, *кланяясь.* Такъ ужъ возьмите за однимъ разомъ и сахарцу.

хлест. О, нѣтъ, я взятокъ никакихъ...

ос. Ваше высокоблагородіе! зачѣмъ вы не берете? Возьмите! на дорогѣ все пригодится. Давай сюда го̀ловы и кулекъ! подавай все! все пойдетъ въ прокъ. Что̀ тамъ? веревочка? Давай и веревочку! и веревочка въ дорогѣ пригодится: тележка обломается, или что̀ другое—подвязать можно.

купцы. Такъ ужъ сдѣлайте такую милость, ваше сіятельство! Если уже вы, то есть, не поможете въ нашей просьбѣ, то ужъ не знаемъ, какъ и быть: просто хоть въ петлю полѣзай.

хлест. Непремѣнно, непремѣнно! Я постараюсь. *(Купцы уходятъ; слышенъ голосъ женщины):* Нѣтъ, ты не смѣешь не допустить меня! на тебя нажалуюсь ему самому. Ты не толкайся такъ больно!

хлест. Кто тамъ? *(Подходитъ къ окну)* А что̀ ты, матушка?

голоса двухъ женщинъ. Милости твоей, отецъ, прошу! повели, государь, выслушать.

хлест. *въ окно.* Пропустить ее.

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ХЛЕСТАКОВЪ, СЛЕСАРША И УНТЕРЪ-ОФИЦЕРША.

слес., *кланяясь въ ноги.* Милости прошу!

унт.-офицерша. Милости прошу...

хлест. Да что̀ вы за женщины?

унт.-оф. Унтеръ-офицерская жена Иванова.

слес. Слесарша, здѣшняя мѣщанка, Февронья Петрова Пошлепкина, отецъ мой...

хлест. Стой, говори прежде одна, что̀ тебѣ нужно?

слес. Милости прошу, на городничаго челомъ бью! Пошли ему Богъ всякое зло, чтобъ ни дѣтямъ его, ни ему, мошеннику, ни дядьямъ, ни теткамъ его, ни въ чемъ никакого прибытку не было!

хлест. А что̀?

слес. Да мужу-то моему приказалъ забрить лобъ въ солдаты, и очередь-то на насъ не припадала, мошенникъ такой! да и по закону нельзя—онъ женатый.

хлест. Какъ же онъ могъ это сдѣлать?

слес. Сдѣлалъ мошенникъ, сдѣлалъ—побей Богъ его и на томъ, и на этомъ свѣтѣ! чтобы ему, если и тетка есть, то и теткѣ всякая пакость, и отецъ, если живъ у него, то чтобъ и онъ, каналья, околѣлъ, или поперхнулся на вѣки, мошенникъ такой! Слѣдовало взять сына портного, онъ же и пьянюшка былъ, да родители богатый подарокъ дали, такъ онъ и присыкнулся къ сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала къ супругѣ полотна три штуки, такъ онъ ко мнѣ: «На что̀», говоритъ, «тебѣ мужъ—онъ уже тебѣ не годится.» Да я-то знаю—годится, или не годится: это мое дѣло, мошенникъ такой. «Онъ,» говоритъ, «воръ: хоть онъ теперь и не укралъ, да все равно,» говоритъ, «онъ украдетъ, его и безъ того на слѣдующій годъ возьмутъ въ рекруты.» Да мнѣ-то каково безъ мужа, мошенникъ такой! чтобъ всей роднѣ твоей не довелось видѣть свѣта Божьяго, и если есть теща, то чтобъ и тещѣ....

хлест. Хорошо, хорошо! Ну, а ты? *(Выпроваживаетъ старуху)*.

слес., *уходя*. Не позабудь, отецъ мой! будь милостивъ!

унт.-оф. На городничаго, батюшка, пришла....

хлест. Ну да что̀, зачѣмъ? говори въ короткихъ словахъ!

унт.-офиц. Высѣкъ, батюшка!

хлест. Какъ?

унт.-оф. По ошибкѣ, отецъ мой. Бабы-то наши задрались на рынкѣ, а полиція не доспѣла, да и схвати меня, да такъ отрапортовали: два дня сидѣть не могла!

хлест. Такъ что жъ теперь дѣлать?

унт.-оф. Да дѣлать-то конечно нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штрафъ. Мнѣ отъ своего счастья неча отказываться, а деньги бы мнѣ теперь очень пригодились.

хлест. Хорошо, хорошо! ступайте, ступайте, я распоряжусь. (*Въ окна высовываются руки съ просьбами*) Да кто тамъ еще? (*подходитъ къ окну*) Не хочу, не хочу! не нужно, не нужно! (*отходя*) Надоѣли, чортъ возьми! Не впускай, Осипъ!

ос. *кричитъ въ окно*. Пошли, пошли, не время, завтра приходите! (*Дверь отворяется и выставляется какая-то фигура во фризовой шинели съ небритою бородою, раздутою губою и перевязанною щекою; за нею въ перспективѣ показывается нѣсколько другихъ*).

ос. Пошелъ, пошелъ! что лѣзешь? (*Упирается первому руками въ брюхо и вытирается вмѣстѣ съ нимъ въ прихожую, захлопнувъ за собою дверь*).

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ХЛЕСТАКОВЪ И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

марья ант. Ахъ!

хлест. Отчего вы такъ испугались, сударыня?

марья ант. Нѣтъ, я не испугалась.

хлест. *рисуется*. Помилуйте, сударыня, мнѣ очень пріятно, что вы меня приняли за такого человѣка, который... Осмѣлюсь ли спросить васъ: куда вы намѣрены были идти?

марья ант. Право, я никуда не шла.

хлест. Отчего же, напримѣръ, вы никуда не шли?

марья ант. Я думала, не здѣсь ли маменька...

хлест. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы знать, отчего вы никуда не шли?

марья ант. Я вамъ помѣшала. Вы занимались важными дѣлами.

хлест. *рисуется.* А ваши глаза лучше, нежели важныя дѣла... Вы никакъ не можете мнѣ помѣшать, никакимъ образомъ не можете; напротивъ того, вы можете принесть удовольствіе.

марья ант. Вы говорите по-столичному.

хлест. Для такой прекрасной особы какъ вы. Осмѣлюсь ли быть такъ счастливъ, чтобы предложить вамъ стулъ? Но нѣтъ, вамъ должно не стулъ, а тронъ.

марья ант. Право, я не знаю.... мнѣ такъ нужно было идти. *(Сѣла)*.

хлест. Какой у васъ прекрасный платочекъ.

марья ант. Вы насмѣшники, лишь бы только посмѣяться надъ провинціяльными.

хлест. Какъ бы я желалъ, сударыня, быть вашимъ платочкомъ, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

марья ант. Я совсѣмъ не понимаю, о чемъ вы говорите; какой-то платочекъ... Сегодня какая странная погода.

хлест. А ваши губки, сударыня, лучше всякой погоды.

марья ант. Вы все этакое говорите... Я бы васъ попросила, чтобъ вы мнѣ написали лучше на память какіе-нибудь стишки въ альбомъ. Вы, вѣрно, ихъ знаете много.

хлест. Для васъ, сударыня, все, что̀ хотите. Требуйте, какіе стихи вамъ?

марья ант. Какіе-нибудь, этакіе—хорошіе, новые.

хлест. Да что стихи! я много ихъ знаю.

марья ант. Ну скажите же, какіе же вы мнѣ напишете?

хлест. Да къ чему же говорить? я и безъ того ихъ знаю.

марья ант. Я очень люблю ихъ...

хлест. Да у меня много ихъ всякихъ. Ну, пожалуй, я вамъ хоть это: «О ты, что̀ въ горести напрасно на Бога ропщешь, человѣкъ....» ну и другіе.... теперь не могу припомнить, впрочемъ это все ничего. Я вамъ лучше вмѣсто этого представлю мою любовь, которая отъ вашего взгляда... *(Придвигая стулъ)*.

марья ант. Любовь? Я не понимаю любовь.... я никогда и не знала, что̀ за любовь.... *(Отодвигаетъ стулъ)*.

ХЛЕСТ. Отчего жъ вы отодвигаете свой стулъ? Намъ лучше будетъ сидѣть близко другъ къ другу.

МАРЬЯ АНТ., *отодвигаясь.* Для чего жъ близко? все равно и далеко.

ХЛЕСТ., *придвигаясь.* Отчего жъ далеко? все равно и близко.

МАРЬЯ АНТ. *отодвигается.* Да къ чему жъ это?

ХЛЕСТ., *придвигаясь.* Да вѣдь это вамъ кажется только, что близко; а вы вообразите себѣ, что далеко. Какъ бы я былъ счастливъ, сударыня, если бъ могъ прижать васъ въ свои объятія.

МАРЬЯ АНТ. *смотритъ въ окно.* Что̀ это, такъ какъ будто бы полетѣло? Сорòка, или другая какая птица?

ХЛЕСТ. *цѣлуетъ ее въ плечо и смотритъ въ окно.* Это сорòка.

МАРЬЯ АНТ. *встаетъ въ негодованіи.* Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Наглость такая!...

ХЛЕСТ., *удерживая ее.* Простите, сударыня: я это сдѣлалъ отъ любви, точно отъ любви.

МАРЬЯ АНТ. Вы почитаете меня за такую провинціялку.... *(Силится уйти).*

ХЛЕСТ. *продолжая удерживать ее.* Изъ любви, право изъ любви. Я такъ только, пошутилъ, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готовъ на колѣнкахъ у васъ просить прощенія. *(Падаетъ на колѣни)* Простите же, простите! Вы видите, я на колѣняхъ.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И АННА АНДРЕЕВНА.

АННА АНДР., *увидя Хлестакова на колѣняхъ.* Ахъ какой пассажъ!

ХЛЕСТ., *вставая.* А, чортъ возьми!

АННА АНДР. *дочери.* Это что̀ значитъ, сударыня, это что̀ за поступки такіе?

МАРЬЯ АНТ. Я, маменька....

АННА АНДР. Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь! и не смѣй показываться на глаза. *(Марья Антоновна уходитъ въ слезахъ).* Извините, я, признаюсь, приведена въ такое изумленіе...

ХЛЕСТ. *въ сторону.* А она тоже аппетитна, очень недурна. *(Бросается на колѣна)* Сударыня, вы видите, я сгараю отъ любви.

АННА АНДР. Какъ, вы на колѣняхъ? Ахъ встаньте, встаньте! здѣсь полъ совсѣмъ нечистъ.

ХЛЕСТ. Нѣтъ, на колѣняхъ, непремѣнно на колѣняхъ, я хочу знать, что такое мнѣ суждено, жизнь или смерть!

АННА АНДР. Но позвольте, я еще не понимаю вполнѣ значенія словъ. Если не ошибаюсь, вы дѣлаете декларацію насчетъ моей дочери.

ХЛЕСТ. Нѣтъ, я влюбленъ въ васъ. Жизнь моя на волоскѣ. Если вы не увѣнчаете постоянную любовь мою, то я не достоинъ земного существованія. Съ пламенемъ въ груди прошу руки вашей.

АННА АНДР. Но позвольте замѣтить: я въ нѣкоторомъ родѣ.... я за мужемъ.

ХЛЕСТ. Это ничего! Для любви нѣтъ различія; и Карамзинъ сказалъ: «Законы осуждаютъ.» Мы удалимся подъ сѣнь струй. Руки вашей, руки прошу.

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ И МАРЬЯ АНТОНОВНА, *вдругъ вбѣгаетъ.*

МАРЬЯ АНТ. Маменька, папенька сказалъ, чтобы вы... *(Увидя Хлестакова на колѣняхъ, вскрикиваетъ:)* Ахъ, какой пассажъ!

АННА АНДР. Ну что ты? къ чему? зачѣмъ? Что за вѣтреность такая! Вдругъ вбѣжала какъ угорѣлая кошка. Ну что ты нашла такого удивительнаго? Ну что тебѣ вздумалось? Право, какъ дитя какое-нибудь трехлѣтнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лѣтъ. Я не знаю, когда ты будешь благоразумнѣе, будешь вести себя, какъ прилично благовоспитанной дѣвицѣ; когда ты будешь знать, что такое хорошія правила и солидность въ поступкахъ!

МАРЬЯ АНТ., *сквозь слезы.* Я право, маменька, не знала...

АННА АНДР. У тебя вѣчно какой-то сквозной вѣтеръ разгуливаетъ въ головѣ; ты берешь примѣръ съ дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебѣ глядѣть на нихъ? не должно тебѣ глядѣть на нихъ. Тебѣ есть примѣры другіе—передъ тобою мать твоя. Вотъ какимъ примѣрамъ ты должна слѣдовать.

ХЛЕСТ., *схватывая за руку дочь.* Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучію, благословите постоянную любовь!

АННА АНДР., *съ изумленіемъ.* Такъ вы въ нее?...

ХЛЕСТ. Рѣшите, жизнь или смерть?

АННА АНДР. Ну, вотъ видишь, дура, ну вотъ видишь изъ-за тебя, этакой дряни, гость изволилъ стоять на колѣняхъ; а ты вдругъ вбѣжала, какъ сумасшедшая. Ну вотъ, право, стоитъ, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастія.

МАРЬЯ АНТР. Не буду, маменька, право, впередъ не буду.

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ И ГОРОДНИЧІЙ, *въ попыхахъ.*

ГОР. Не буду, ваше превосходительство! не погубите! не погубите!

ХЛЕСТ. Чтò съ вами?

ГОР. Тамъ купцы жаловались вашему превосходительству. Честью увѣряю, и на половину нѣтъ того, чтò они говорятъ. Они сами обманываютъ и обмѣриваютъ народъ. Унтеръ-офицерша налгала вамъ, будто-бы я ее высѣкъ; она вретъ, ей Богу вретъ. Она сама себя высѣкла.

ХЛЕСТ. Провались унтеръ-офицерша, мнѣ не до нея!

ГОР. Не вѣрьте, не вѣрьте! это такіе лгуны.... имъ вотъ этакой ребенокъ не повѣритъ. Они ужъ и по всему городу извѣстны за лгуновъ. А насчетъ мошенничества осмѣлюсь доложить: это такіе мошенники, какихъ свѣтъ не производилъ.

АННА АНДР. Знаешь ли ты, какой чести удостоиваетъ насъ Иванъ Александровичъ? Онъ проситъ руки нашей дочери.

гор. Куда! куда!... Рехнулась, матушка! Не извольте гнѣваться, ваше превосходительство, она немного съ придурью, такова же была и мать ея.

хлест. Да, я точно прошу руки. Я влюбленъ.

гор. Не могу вѣрить, ваше превосходительство!

анна андр. Да когда говорятъ тебѣ?

хлест. Я не шутя вамъ говорю.... Я могу отъ любви свихнуть съ ума.

гор. Не смѣю вѣрить, не достоинъ такой чести.

хлест. Да, если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я, чортъ знаетъ, что̀ готовъ!

гор. Не могу вѣрить: изволите шутить, ваше превосходительство.

анна андр. Ахъ, какой чурбанъ въ самомъ дѣлѣ! Ну, когда тебѣ толкуютъ!

гор. Не могу вѣрить.

хлест. Отдайте, отдайте — я отчаянный человѣкъ, я рѣшусь на все: когда застрѣлюсь, васъ подъ судъ отдадутъ.

гор. Ахъ, Боже мой! Я ей, ей, не виноватъ ни душою, ни тѣломъ! Не извольте гнѣваться! Извольте поступать такъ, какъ вашей милости угодно! у меня, право, въ головѣ теперь... я и самъ не знаю, что̀ дѣлается. Такой дуракъ теперь сдѣлался, какимъ еще никогда не бывалъ.

анна андр. Ну, благословляй!

(Хлестаковъ подходитъ съ Марьей Антоновной.)

гор. Да благословитъ васъ Богъ, а я не виноватъ. *(Хлестаковъ цѣлуется съ Марьей Антоновной. Городничій смотритъ на нихъ)* Что̀ за чортъ! въ самомъ дѣлѣ! *(Протираетъ глаза)* Да, да, цѣлуются! точно цѣлуются! Какъ-будто бы точно женихъ! Эхе! какое счастье привалило! Вотъ тебѣ на!

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ И ОСИПЪ.

ос. Лошади готовы.

хлест. А, хорошо.... я сейчасъ.

гор. Изволите ѣхать?

хлест. Да, ѣду.

гор. А когда же, то есть.... Вы изволили сами намекнуть насчетъ, кажется, свадьбы?

хлест. А это у меня вдругъ, я ѣду только на одинъ день къ дядѣ—богатый старикъ; а завтра же и назадъ.

гор. Не смѣемъ никакъ удерживать, въ надеждѣ благополучнаго возвращенія.

хлест. Какъ же, какъ же, я вдругъ. Прощайте, любовь моя.... нѣтъ, просто не могу выразить! Прощайте, душенька! *(цѣлуетъ ея ручку.)*

гор. Да не нужно ли вамъ въ дорогу чего нибудь? вы изволили, кажется, нуждаться въ деньгахъ?

хлест. О, нѣтъ, къ чему это? *(Немного подумавъ)* А впрочемъ, пожалуй.

гор. Сколько угодно вамъ?

хлест. Да вотъ тогда вы дали двѣсти, то есть не двѣсти, а четыреста,—я не хочу воспользоваться вашею ошибкою—такъ, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсотъ.

гор. Сейчасъ! *(вынимаетъ изъ бумажника)* еще, какъ нарочно, самыми новенькими бумажками.

хлест. А, да! *(Беретъ и разсматриваетъ ассигнаціи)* Это хорошо! Вѣдь это, говорятъ, новое счастіе, когда новенькими бумажками?

гор. Такъ точно-съ.

хлест. Прощайте, Антонъ Антоновичъ! Очень обязанъ за ваше гостепріимство; мнѣ нигдѣ не было такого хорошаго пріема. Прощайте, Анна Андреевна! Прощайте, моя душенька, Марья Антоновна!

ЗА СЦЕНОЙ.

голосъ хлест. Прощайте, ангелъ души моей, Марья Антоновна!

голосъ гор. Какъ же это вы? прямо такъ на перекладной и ѣдете?

голосъ хлест. Да, я привыкъ ужъ такъ. У меня голова болитъ отъ рессоръ.

голосъ ямщика. Тпр....

голосъ гор. Такъ по крайней мѣрѣ чѣмъ-нибудь застлать, хотя бы ковримомъ. Не прикажете ли, я велю подать коврикъ?

голосъ хлест. Нѣтъ, зачѣмъ? это пустое; а впрочемъ, пожалуй, пусть даютъ коврикъ.

голосъ гор. Эй, Авдотья! ступай въ кладовую, вынь коверъ самый лучшій, что̀ по голубому полю, персидскій, скорѣй!

голосъ ямщика. Тпр....

голосъ гор. Такъ когда же прикажете ожидать васъ?

голосъ хлест. Завтра, или послѣ завтра.

голосъ осипа. А, это коверъ? давай его сюда, клади вотъ такъ! теперь давай-ка съ этой стороны сѣна.

голосъ ямщика. Тпр....

голосъ осипа. Вотъ съ этой стороны! сюда! еще! хорошо! Славно будетъ! *(Бьетъ рукою по ковру)* Теперь садитесь, ваше благородіе.

голосъ хлест. Прощайте, Антонъ Антоновичъ!

голосъ гор. Прощайте, ваше превосходительство!

женскіе голоса. Прощайте, Иванъ Александровичъ!

голосъ хлест. Прощайте, маменька!

голосъ ямщика. Эй, вы, залетныя! *(Колокольчикъ звенитъ; занавѣсъ опускается.)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Та же комната.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГОРОДНИЧІЙ, АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

гор. Что, Анна Андреевна? а? думала ли ты что-нибудь объ этомъ? Экой богатый призъ, канальство! Ну, признайся откровенно: тебѣ и во снѣ не видѣлось — просто изъ какой-нибудь городничихи и вдругъ, фу ты, канальство, съ какимъ дьяволомъ породнилась!

анна андр. Совсѣмъ нѣтъ; я давно это знала. Это тебѣ въ диковинку, потому что ты простой человѣкъ, никогда не видалъ порядочныхъ людей.

гор. Я самъ, матушка, порядочный человѣкъ. Однакожъ, право, какъ подумаешь, Анна Андреевна, какія мы съ тобою теперь птицы сдѣлались! а, Анна Андреевна! высокаго полета, чортъ побери! Постой же, теперь же я задамъ перцу всѣмъ этимъ охотникамъ подавать просьбы и доносы! Эй, кто тамъ? *(входитъ квартальный)* А, это ты, Иванъ Карповичъ! призови-ка сюда, братъ, купцовъ. Вотъ я ихъ, канальевъ! Такъ жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый іудейскій народъ. Постойте жъ, голубчики! прежде я васъ кормилъ до усовъ только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всѣхъ, кто только ходилъ бить челомъ на меня

и вотъ этихъ больше всего писакъ, писакъ, которые закручивали имъ просьбы. Да объяви всѣмъ, чтобы знали, что вотъ-дескать, какую честь Богъ послалъ городничему, что выдаетъ дочь свою—не то̀, чтобы за какого-нибудь простого человѣка, а за такого, что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ все сдѣлать, все, все, все! Всѣмъ объяви, чтобы всѣ знали! Кричи во весь народъ, валяй въ колокола, чортъ возьми! ужъ когда торжество, такъ торжество. *(Квартальный уходитъ)* Такъ вотъ какъ, Анна Андреевна, а? Какъ же мы теперь, гдѣ будемъ жить? здѣсь или въ Питерѣ?

АННА АНДР. Натурально, въ Петербургѣ. Какъ можно здѣсь оставаться?

ГОР. Ну, въ Питерѣ, такъ въ Питерѣ; а оно хорошо бы и здѣсь. Что̀, вѣдь я думаю, уже городничество тогда къ чорту, а, Анна Андреевна?

АННА АНДР. Натурально, что̀ за городничество!

ГОР. Вѣдь оно, ка́къ ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чинъ зашибить, потому что онъ за-панибрата со всѣми министрами и во дворецъ ѣздитъ; такъ поэтому можетъ такое производство сдѣлать, что со временемъ и въ генералы влѣзешь. Какъ ты думаешь, Анна Андреевна: можно влѣзть въ генералы?

АННА АНДР. Еще бы! конечно можно.

ГОР. А, чортъ возьми, славно быть генераломъ! Кавалерію повѣсятъ тебѣ черезъ плечо. А какую кавалерію лучше, Анна Андреевна, красную или голубую?

АННА АНДР. Ужъ конечно голубую лучше.

ГОР. Э? вишь чего захотѣла! хорошо и красную. Вѣдь почему хочется быть генераломъ? потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачутъ вездѣ впередъ,—лошадей! и тамъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается: всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе, а ты себѣ и въ усъ не дуешь! Обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ— стой городничій! Хе, хе, хе! *(заливается и помираетъ со смѣху)* Вотъ что̀, канальство, заманчиво!

АННА АНДР. Тебѣ все такое грубое нравится. Ты долженъ помнить, что жизнь надо будетъ совсѣмъ перемѣнить, что твои

знакомые будутъ не то, что̀ какой-нибудь судья-собачникъ, съ которымъ ты ѣздишь травить зайцевъ, или Земляника; напротивъ, знакомые твои будутъ съ самымъ тонкимъ обращеніемъ: графы и всѣ свѣтскіе.... Только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого въ хорошемъ обществѣ никогда не услышишь.

гор. Что жъ, вѣдь слово не вредитъ!

анна андр. Да хорошо, когда ты былъ городничимъ; а тамъ, вѣдь, жизнь совершенно другая.

гор. Да! тамъ, говорятъ, есть двѣ рыбицы: ряпушка и корюшка, такія, что только слюнка потечетъ, какъ начнешь ѣсть.

анна андр. Ему бы все только рыбки! Я не иначе хочу, чтобъ нашъ домъ былъ первый въ столицѣ, и чтобъ у меня въ комнатѣ такое было амбре, чтобъ нельзя было войти и надо бы только этакъ зажмурить глаза. *(Зажмуриваетъ глаза и нюхаетъ.)* Ахъ какъ хорошо!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И КУПЦЫ.

гор. А! здорово, соколики!

купцы, *кланяясь.* Здравія желаемъ, батюшка!

гор. Что, голубчики, какъ поживаете? какъ товаръ идетъ вашъ? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестіи, надувалы морскіе, жаловаться? Что̀, много взяли? «Вотъ», думаютъ, «такъ въ тюрьму его и засадятъ!.....» Знаете ли вы, семь чертей и одна вѣдьма вамъ въ зубы, что....

анна андр. Ахъ, Боже мой! какія ты, Антоша, слова произносишь!

гор., *съ неудовольствіемъ.* А, не до словъ теперь! Знаете ли, что тотъ самый чиновникъ, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? а? что̀ теперь скажете? Теперь я васъ!... обманываете народъ!.. Сдѣлаешь подрядъ съ казною, на сто тысячъ надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потомъ по-

жертвуешь двадцать аршинъ, да и давай тебѣ еще награду за это! Да если бъ знали, такъ бы тебѣ.... И брюхо суетъ впередъ: онъ купецъ, его не тронь; «мы», говоритъ, «и дворянамъ не уступимъ». Да дворянинъ.... ахъ ты рожа! дворянинъ учится наукамъ: его хоть и сѣкутъ въ школѣ, да за дѣло, чтобъ онъ зналъ полезное. А ты что̀? начинаешь плутнями, тебя хозяинъ бьетъ за то̀, что не умѣешь обманывать. Еще мальчишка, «Отче нашъ» не знаешь, а уже обмѣриваешь; а какъ разопретъ тебѣ брюхо, да набьешь себѣ карманъ, такъ и заважничалъ! Фу, ты какая невидаль! Оттого, что ты шестнадцать самоваровъ выдуешь въ день, такъ оттого и важничаешь! Да я плевать на твою голову и на твою важность!

купцы, *кланяясь*. Виноваты, Антонъ Антоновичъ!

гор. Жаловаться? а кто тебѣ помогъ сплутовать, когда ты строилъ мостъ и написалъ дерева на двадцать тысячъ, тогда какъ его и на сто рублей не было? Я помогъ тебѣ, козлиная борода! Ты позабылъ это? Я, показавши это на тебя, могъ бы тебя также спровадить въ Сибирь. Что̀ скажешь? а?

одинъ изъ купц. Богу виноваты, Антонъ Антоновичъ, лукавый попуталъ! И закаемся впередъ жаловаться. Ужъ какое хошь удовлетвореніе, не гнѣвись только!

гор. Не гнѣвись! Вотъ ты теперь валяешься у ногъ моихъ. Отчего? оттого, что мое взяло; а будь хоть немножко на твоей сторонѣ, такъ ты бы меня, каналья, втопталъ въ самую грязь, еще бы и бревномъ сверху навалилъ.

купцы, *кланяются въ ноги*. Не погуби, Антонъ Антоновичъ!

гор. «Не погуби!» теперь: «не погуби!» а прежде что̀? я бы васъ.... *(махнувъ рукою)* Ну, да Богъ проститъ! полно! Я не памятозлобенъ; только теперь смотри, держи ухо востро! я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина; чтобъ поздравленіе было.... понимаешь? не то̀, чтобъ отбояриться какимъ-нибудь балычкомъ, или головою сахару... ну, ступай съ Богомъ! *(Купцы уходятъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, АММОСЪ ѲЕДОРОВИЧЪ, АРТЕМІЙ ФИЛИППОВИЧЪ, ПОТОМЪ РАСТАКОВСКІЙ.

АММ. ѲЕД., *еще въ дверяхъ.* Вѣрить ли слухамъ, Антонъ Антоновичъ? къ вамъ привалило необыкновенное счастіе?

АРТ. ФИЛ. Имѣю честь поздравить съ необыкновеннымъ счастіемъ! Я душевно обрадовался, когда услышалъ. *(Подходитъ къ ручкѣ Анны Андревны)* Анна Андревна! *(подходя къ ручкѣ Марьи Антоновны)* Марья Антоновна!

РАСТАКОВСКІЙ *входитъ.* Антона Антоновича поздравляю, да продлитъ Богъ жизнь вашу и новой четы, и дастъ вамъ потомство многочисленное, внучатъ и правнучатъ! Анна Андреевна! *(подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевны)* Марья Антоновна! *(подходитъ къ ручкѣ Марьи Антоновны.)*

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, КОРОБКИНЪ СЪ ЖЕНОЮ, ЛЮЛЮКОВЪ.

КОР. Имѣю честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! *(подходитъ къ ручкѣ Анны Андреевнѣ)* Марья Антоновна! *(подходитъ къ ея ручкѣ).*

ЖЕНА КОРОБКИНА. Душевно поздравляю васъ, Анна Андреевна, съ новымъ счастіемъ.

ЛЮЛ. Имѣю честь поздравить, Анна Андреевна! *(подходитъ къ ручкѣ, и потомъ, обратившись къ зрителямъ, щелкаетъ языкомъ съ видомъ удальства)* Марья Антоновна! Имѣю честь поздравить *(подходитъ къ ея ручкѣ, и обращается къ зрителямъ съ тѣмъ же удальствомъ.)*

ЯВЛЕНІЕ V.

МНОЖЕСТВО ГОСТЕЙ *въ сюртукахъ и фракахъ подходятъ сначала къ ручкѣ Анны Андреевны, говоря: «Анна Андреевна!» потомъ къ Марьѣ Антоновнѣ, говоря: «Марья Антоновна!»* БОБЧИНСКІЙ И ДОБЧИНСКІЙ *проталкиваются.*

БОБЧ. Имѣю честь поздравить.

ДОБЧ. Антонъ Антоновичъ! имѣю честь поздравить.

БОБЧ. Съ благополучнымъ происшествіемъ!

ДОБЧ. Анна Андреевна!

БОБЧ. Анна Андреевна! *(оба подходятъ въ одно время, сталкиваются лбами.)*

ДОБЧ. Марья Антоновна! *(подходитъ къ ручкѣ)* честь имѣю поздравить. Вы будете въ большомъ, большомъ счастіи, въ золотомъ платьи ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

БОБЧ., *перебивая.* Марья Антоновна, имѣю честь поздравить! Дай Богъ вамъ всякаго богатства, червонцевъ и сынка-съ этакого маленькаго, энтакого-съ! (*показываетъ рукою*) чтобъ можно было на ладонку посадить, да-съ! все будетъ мальчишка кричать: уа! уа! уа!

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЕЩЕ НѢСКОЛЬКО ГОСТЕЙ *подходятъ къ ручкамъ,* ЛУКА ЛУКИЧЪ СЪ ЖЕНОЮ.

ЛУКА ЛУК. Имѣю честь....

ЖЕНА ЛУКИ ЛУК. *бѣжитъ впередъ.* Поздравляю васъ, Анна Андреевна! *(цѣлуются.)* А я такъ право обрадовалась! Говорятъ мнѣ: «Анна Андреевна выдаетъ дочку.»—«Ахъ, Боже мой!» думаю себѣ, и такъ обрадовалась, что говорю мужу: «Послушай, Луканчикъ: вотъ какое счастіе Аннѣ Андреевнѣ! Ну», думаю себѣ,

«Слава Богу!» и говорю ему: «Я такъ восхищена, что сгараю нетерпѣніемъ изъявить лично Аннѣ Андреевнѣ...... Ахъ, Боже мой!» думаю себѣ: «Анна Андреевна именно ожидала хорошей партіи для своей дочери, а вотъ теперь такая судьба: именно такъ сдѣлалось, какъ она хотѣла», и такъ право обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вотъ просто рыдаю! Уже Лука Лукичъ говоритъ: «Отчего ты, Настенька, рыдаешь?»—«Луканчикъ», говорю, «я и сама не знаю, слезы такъ вотъ рѣкой и льются.»

гор. Покорнѣйше прошу садиться господа! Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульевъ! *(Гости садятся.)*

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВЪ И КВАРТАЛЬНЫЕ.

част. пр. Имѣю честь поздравить васъ, ваше высокоблагородіе, и пожелать благоденствія на многія лѣта!

гор. Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа! *(гости усаживаются.)*

амм. ѳед. Но скажите пожалуста, Антонъ Антоновичъ, какимъ образомъ все это началось, постепенный ходъ всего дѣла.

гор. Ходъ дѣла чрезвычайный: изволилъ собственнолично сдѣлать предложеніе.

анна андр. Очень почтительнымъ и самымъ тонкимъ образомъ. Все чрезвычайно хорошо говорилъ: «Я, Анна Андреевна, изъ одного только уваженія къ вашимъ достоинствамъ.» И такой прекрасный, воспитанный человѣкъ, самыхъ благороднѣйшихъ правилъ! «Мнѣ, вѣрите ли, Анна Андреевна, мнѣ жизнь копѣйка; я только потому, что уважаю ваши рѣдкія качества.»

марья ант. Ахъ, маменька! вѣдь это онъ мнѣ говорилъ.

анна андр. Перестань, ты ничего не знаешь и не въ свое дѣло не мѣшайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь.» Въ такихъ лестныхъ разсыпался словахъ.... и когда я хотѣла сказать: «Мы никакъ не смѣемъ надѣяться на такую честь», онъ вдругъ упалъ на колѣни и такимъ самымъ благороднѣйшимъ образомъ: «Анна Ан-

древна! не сдѣлайте несчастнѣйшимъ! согласитесь отвѣчать моимъ чувствамъ, не то̀, я смертью окончу жизнь свою.»

МАРЬЯ АНТ. Право, маменька, онъ обо мнѣ это говорилъ.

АННА АНДР. Да, конечно.... и объ тебѣ было, я ничего этого не отвергаю.

ГОР. И такъ даже напугалъ: говорилъ, что застрѣлится. «Застрѣлюсь, застрѣлюсь!» говоритъ.

МНОГІЕ ИЗЪ ГОСТЕЙ. Скажите пожалуйста!

АММ. ѲЕД. Экая штука?

ЛУКА ЛУК. Вотъ подлинно, судьба ужъ такъ вела.

АРТ. ФИЛ. Не судьба, батюшка, судьба индѣйка: заслуги привели къ тому. *(Въ сторону)* Этакой свиньѣ лѣзетъ всегда въ ротъ счастіе!

АММ. ѲЕД. Я пожалуй, Антонъ Антоновичъ, продамъ вамъ того кобелька, котораго торговали.

ГОР. Нѣтъ, мнѣ теперь не до кобельковъ!

АММ. ѲЕД. Ну, не хотите, на другой собакѣ сойдемся.

ЖЕНА КОРОБКИНА. Ахъ, какъ, Анна Андреевна, я рада вашему счастію! вы не можете себѣ продставить.

КОРОБКИНЪ. Гдѣ жъ теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышалъ, что онъ уѣхалъ за чѣмъ то.

ГОР. Да, онъ отправился на одинъ день, по весьма важному дѣлу.

АННА АНДР. Къ своему дядѣ, чтобъ испросить благословеніе.

ГОР. Испросить благословеніе; но завтра же.... *(Чихаетъ; поздравленія сливаются въ одинъ гулъ)* Много благодаренъ! но завтра же и назадъ.... *(Чихаетъ; поздравительный гулъ; слышнѣе другихъ голоса:)*

ЧАСТНАГО ПР. Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

БОБЧИНСКАГО. Сто лѣтъ и куль червонцевъ!

ДОБЧИНСКАГО. Продли Богъ на сорокъ сороковъ!

АРТ. ФИЛ. Чтобъ ты пропалъ!

ЖЕНА КОРОБК. Чортъ тебя побери!

ГОР. Покорнѣйше благодарю! И вамъ того же желаю.

АННА АНДР. Мы теперь въ Петербургѣ намѣрены жить. А здѣсь, признаюсь, такой воздухъ.... деревенскій ужъ слишкомъ!..

признаюсь, большая непріятность.... Вотъ и мужъ мой.... онъ тамъ получитъ генеральскій чинъ.

гор. Да, признаюсь, господа, я, чортъ возьми, очень хочу быть генераломъ.

лука лук. И дай богъ получить!

растаковскій. Отъ человѣка невозможно; а отъ Бога все возможно.

амм. ѳед. Большому кораблю—большое плаванье.

арт. фил. По заслугамъ и честь.

амм. ѳед., *въ сторону*. Вотъ выкинетъ штуку, когда въ самомъ дѣлѣ сдѣлается генераломъ! Вотъ ужъ кому пристало генеральство, какъ коровѣ сѣдло! Нѣтъ, до этого еще далека пѣсня. Тутъ и почище тебя есть, а до сихъ-поръ еще не генералы.

арт. фил., *въ сторону*. Эка, чортъ возьми, ужъ и въ генералы лѣзетъ. Чего добраго, можетъ и будетъ генераломъ. Вѣдь у него важности, лукавый не взялъ бы его, довольно! *(Обращаясь къ нему)* Тогда, Антонъ Антоновичъ, и насъ не позабудьте.

амм. ѳед. И если что̀ случится, напримѣръ, какая-нибудь надобность по дѣламъ, не оставьте покровительствомъ.

коробкинъ. Въ слѣдующемъ году повезу сынка въ столицу на пользу государства, такъ, сдѣлайте милость, окажите ему вашу протекцію, мѣсто отца заступите сироткѣ.

гор. Я готовъ съ своей стороны, готовъ стараться.

анна андр. Ты, Антоша, всегда готовъ обѣщать. Во первыхъ, тебѣ не будетъ времени думать объ этомъ. И какъ можно, и съ какой стати себя обременять этакими обѣщаніями?

гор. Почему жъ, душа моя, иногда можно!

анна андр. Можно, конечно, да вѣдь не всякой же мелузгѣ оказывать покровительство.

жена коробкина. Вы слышали, какъ она трактуетъ насъ?

гостья. Да, она такова всегда была; я ее знаю: посади ее за столъ, она и ноги свои....

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И ПОЧТМЕЙСТЕРЪ, *въ-попыхахъ и съ распечатаннымъ письмомъ въ рукѣ.*

почтм. Удивительное дѣло, господа! Чиновникъ, котораго мы приняли за ревизора, былъ не ревизоръ.

всѣ. Какъ, не ревизоръ?

почтм. Совсѣмъ не ревизоръ; я узналъ это изъ письма.

гор. Что̀ вы, что̀ вы, изъ какого письма?

почтм. Да изъ собственнаго его письма. Приносятъ ко мнѣ на почту письмо. Взглянулъ на адресъ вижу: «въ Почтамтскую улицу». Я такъ и обомлѣлъ. «Ну», думаю себѣ, «вѣрно нашелъ безпорядки по почтовой части и увѣдомляетъ начальство.» Взялъ, да и распечаталъ.

гор. Какъ же вы?...

почтм. Самъ не знаю: неестественная сила побудила. Призвалъ было уже курьера съ тѣмъ, чтобы отправить его съ эстафетой—но любопытство такое одолѣло, какого еще никогда не чувствовалъ. Не могу, не могу, слышу, что не могу! тянетъ, такъ вотъ и тянетъ! Въ одномъ ухѣ такъ вотъ и слышу: «Эй не распечатывай, пропадешь, какъ курица!» а въ другомъ словно бѣсъ какой шепчетъ: «Распечатай, распечатай, распечатай!» И какъ придавилъ сургучъ—по жиламъ огонь, а распечаталъ—морозъ, ей Богу морозъ. И руки дрожатъ и все помутилось.

гор. Да какъ же вы осмѣлились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

почтм. Въ томъ-то и штука, что онъ не уполномоченный, и не особа!

гор. Что̀ жъ онъ по вашему такое?

почтм. Ни сё, ни то̀; чортъ знаетъ, что̀ такое!

гор., *запальчиво.* Какъ ни сё ни то̀? Какъ вы смѣете назвать его ни тѣмъ, ни сѣмъ, да еще и чортъ знаетъ чѣмъ? я васъ подъ арестъ....

почтм. Кто? вы?

гор. Да, я!

почтм. Коротки руки!

гор. Знаете ли, что онъ женится на моей дочери, что я самъ буду вельможа, что я въ самую Сибирь законопачу!

почтм. Эхъ, Антонъ Антоновичъ! что̀ Сибирь, далеко Сибирь! Вотъ лучше я вамъ прочту. Господа! позвольте прочитать письмо?

всѣ. Читайте, читайте!

почтм. *читаетъ.* «Спѣшу увѣдомить тебя, душа Тряпичкинъ, какія со мной чудеса. На дорогѣ обчистилъ меня кругомъ пѣхотный капитанъ, такъ что трактирщикъ хотѣлъ уже было посадить въ тюрьму; какъ вдругъ, по моей петербургской физіогноміи и по костюму, весь городъ принялъ меня за генералъ-губернатора. *И я* теперь живу у городничаго, жуирую, волочусь напропалую за его женой и дочкой; не рѣшаюсь только, съ которой начать—думаю, прежде съ матушки, потому что, кажется, готова сейчасъ на всѣ услуги. Помнишь, какъ мы съ тобой бѣдствовали, обѣдали наширомыжку, и какъ одинъ разъ было кандиторъ схватилъ меня за воротникъ, по поводу съѣденныхъ пирожковъ насчетъ доходовъ англійскаго короля? Теперь совсѣмъ другой оборотъ! Всѣ мнѣ даютъ въ займы, сколько угодно. Оригиналы страшные, отъ смѣху ты бы умеръ! Ты, я знаю, пишешь статейки: помѣсти ихъ въ свою литературу. Во первыхъ: городничій—глупъ, какъ сивый меринъ...»

гор. Не можетъ быть! тамъ нѣтъ этого!

почтм. *показываетъ письмо.* Читайте сами.

гор. *читаетъ,* «какъ сивый меринъ.» Не можетъ быть, вы это сами написали!

почтм. Какъ же бы я сталъ писать?

арт. фил. Читайте!

лука лук. Читайте!

почтм. *продолжая читать.* «городничій—глупъ, какъ сивый меринъ...»

гор. О, чортъ возьми! нужно еще повторять! какъ-будто оно тамъ и безъ того не стоитъ.

почтм. *продолжая читать.* «Хм.... хм.... хм.... сивый меринъ. Почтмейстеръ тоже добрый человѣкъ....» (*Оставляя читать*) Ну тутъ онъ и обо мнѣ тоже неприлично выразился.

гор. Нѣтъ, читайте!

почтм. Да къ чему жъ?...

гор. Нѣтъ, чортъ возьми, когда ужъ читать, такъ читать! Читайте все!

арт. фил. Позвольте, я прочитаю. *(Надѣваетъ очки и читаетъ:)* «Почтмейстеръ точь-въ-точь департаментскій сторожъ Михѣевъ, должно быть, также подлецъ, пьетъ горькую.»

почтм., *къ зрителямъ.* Ну, скверный мальчишка, котораго надо высѣчь: больше ничего!

арт. фил., *продолжая читать.* «Надзиратель надъ богоугоднымъ заведе... и... и...» *(заикается.)*

коробкинъ. А что жъ вы остановились?

арт. фил. Да нечеткое перо... впрочемъ видно, что негодяй.

кор. Дайте мнѣ! вотъ у меня, я думаю, получше глаза. *(Беретъ письмо.)*

арт. фил., *не давая письма.* Нѣтъ, это мѣсто можно пропустить, а тамъ дальше разборчиво.

кор. Да позвольте, ужъ я знаю.

арт. фил. Прочитать, я и самъ прочитаю,—далѣе, право, все разборчиво.

почтм. Нѣтъ, все читайте! вѣдь прежде все читано.

всѣ. Отдайте, Артемій Филипповичъ, отдайте письмо! *(Коробкину)* Читайте!

арт. фил. Сейчасъ. *(отдаетъ письмо)* Вотъ, позвольте.... *(закрываетъ пальцемъ)* вотъ отсюда читайте. *(Всѣ приступаютъ къ нему.)*

почтм. Читайте, читайте! вздоръ, все читайте!

кор., *читая.* «Надзиратель за богоугоднымъ заведеніемъ, Земляника: совершенная свинья въ ермолкѣ.»

арт. фил., *къ зрителямъ.* И не остроумно! свинья въ ермолкѣ! гдѣ жъ свинья бываетъ въ ермолкѣ?

кор., *продолжаетъ читать.* «Смотритель училищъ протухнулъ насквозь лукомъ.»

лука лук., *къ зрителямъ.* Ей Богу, и въ ротъ никогда не бралъ луку!

АММ. ѲЕД. *въ сторону.* Слава Богу, хоть по крайней мѣрѣ обо мнѣ нѣтъ!

КОР. *читаетъ* «Судья...

АММ. ѲЕД. Вотъ тебѣ на! *(Вслухъ)* Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чортъ ли къ немъ, дрянь этакую читать!

ЛУКА ЛУК. Нѣтъ!

ПОЧТМ. Нѣтъ, читайте!

АРТ. ФИЛ. Нѣтъ, ужъ читайте!

КОР. *продолжаетъ.* «Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ въ сильнѣйшей степени моветонъ...» *(останавливается)* Должно быть французское слово.

АММ. ѲЕД. А чортъ его знаетъ, что̀ оно значитъ! Еще хорошо, если только мошенникъ, а можетъ быть того еще хуже.

КОР. *продолжая читать.* «А впрочемъ, народъ гостепріимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкинъ. Я самъ, по примѣру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, братъ, такъ жить, хочешь наконецъ пищи для души. Вижу, точно надо чѣмъ-нибудь высокимъ заняться. Пиши ко мнѣ въ Саратовскую губернію, а оттуда въ деревню Подкалитовку. *(Переворачиваетъ письмо и читаетъ адресъ)* Его благородію, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, въ Санктпетербургѣ, въ Почтамтскую улицу, въ домѣ подъ нумеромъ девяносто седьмымъ, поворотя на дворъ въ третьемъ этажѣ, направо.

ОДНА ИЗЪ ДАМЪ. Какой репримантъ неожиданный!

ГОР. Вотъ когда зарѣзалъ, такъ зарѣзалъ! убитъ, убитъ, совсѣмъ убитъ! Ничего не вижу: вижу какія-то свинныя рыла, вмѣсто лицъ, а больше ничего... Воротить, воротить его! *(машетъ рукою).*

ПОЧТМ. Куда воротить! я, какъ нарочно, приказалъ смотрителю дать самую лучшую тройку; чортъ угораздилъ дать и впередъ предписаніе.

ЖЕНА КОРОБКИНА. Вотъ ужъ точно, вотъ ужъ безпримѣрная конфузія!

АММ. ѲЕД. Однакожъ, чортъ возьми, господа! онъ у меня взялъ триста рублей взаймы.

АРТ. ФИЛ. У меня тоже триста рублей.

ПОЧТ. *вздыхаетъ.* Охъ! и у меня триста рублей.

БОБЧ. У насъ съ Петромъ Ивановичемъ шестьдесятъ пять-съ на ассигнаціи-съ, да-съ.

АММ. ѲЕД. *въ недоумѣніи разставляетъ руки.* Какъ же это, господа? какъ это въ самомъ дѣлѣ мы такъ оплошали?

ГОР. *бьетъ себя по плечу.* Какъ я — нѣтъ, какъ я, старый дуракъ? выжилъ, глупый баранъ, изъ ума!... Тридцать лѣтъ живу на службѣ; ни одинъ купецъ, ни подрядчикъ не могъ провести; мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обокрасть, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ!... что̀ губернаторовъ! *(Махнувъ рукой)* нечего и говорить про губернаторовъ....

АННА АНДР. Но это не можетъ быть, Антоша: онъ обручился съ Машенькой!..

ГОР. *въ сердцахъ.* Обручился! кукишъ съ масломъ — вотъ тебѣ обручился! Лѣзетъ мнѣ въ глаза съ обрученьемъ!... *(Въ изумленіи)* Вотъ смотрите, смотрите, весь міръ, все христіянство, всѣ смотрите, какъ одураченъ городничій! Дурака ему, дурака старому подлецу! *(Грозитъ самому себѣ кулакомъ)* Эхъ ты толстоносый! Сосульку, тряпку принялъ за важнаго человѣка! Вонъ онъ теперь по всей дорогѣ заливаетъ колокольчикомъ! Разнесетъ по всему свѣту исторію! мало того, что пойдешь въ посмѣшище — найдется щелкоперъ, бумагомарака, въ комедію тебя вставитъ. Вотъ что̀ обидно! чина, званія не пощадитъ, и будутъ всѣ скалить зубы и бить въ ладоши. Чему смѣетесь? надъ собою смѣетесь!... Эхъ вы!... *(стучитъ со злости ногами объ полъ)* Я бы всѣхъ этихъ бумагомаракъ! У, щелкоперы, либералы проклятые! чортово сѣмя! Узломъ бы васъ всѣхъ завязалъ, въ муку бы стеръ васъ всѣхъ, да чорту въ подкладку! въ шапку туда ему!... *(суетъ кулакомъ и бьетъ каблукомъ въ полъ.)*

Послѣ нѣкотораго молчанія:

До сихъ поръ не могу придти въ себя. Вотъ, подлинно, если Богъ хочетъ наказать, такъ отниметъ прежде разумъ. Ну, что̀ было въ этомъ вертопрахѣ похожаго на ревизора? Ничего не было! Вотъ просто ни на полмизинца не было похожаго—и вдругъ всѣ:

ревизоръ, ревизоръ! Ну кто первый выпустилъ, что онъ ревизоръ? Отвѣчайте!

АРТ. ФИЛ., *разставивъ руки.* Ужъ какъ это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туманъ какой-то ошеломилъ, чортъ попуталъ.

АММ. ѲЕД. Да кто выпустилъ,—вотъ кто выпустилъ: эти молодцы! *(показываетъ на Добчинскаго и Бобчинскаго).*

БОБЧ. Ей, ей, не я! и не думалъ...

ДОБЧ. Я ничего, совсѣмъ ничего...

АРТ. ФИЛ. Конечно вы!

ЛУКА ЛУК. Разумѣется. Прибѣжали какъ сумасшедшіе изъ трактира: «Пріѣхалъ, пріѣхалъ, и денегъ не платитъ...» Нашли важную птицу!

ГОР. Натурально, вы! сплетники городскіе, лгуны проклятые!

АРТ. ФИЛ. Чтобъ васъ чортъ побралъ съ вашимъ ревизоромъ и разсказами.

ГОР. Только рыскаете по городу, да смущаете всѣхъ, трещотки проклятыя, сплетни сѣете, сороки короткохвостыя!

АММ. ѲЕД. Пачкуны проклятые!

ЛУКА ЛУК. Колпаки!

АРТ. ФИЛ. Сморчки короткобрюхіе! *(всѣ обступаютъ ихъ).*

БОБЧ. Ей Богу, это не я, это Петръ Ивановичъ.

ДОБЧ. Э, нѣтъ, Петръ Ивановичъ, вы вѣдь первые того...

БОБЧ. А вотъ и нѣтъ; первые-то были вы.

—

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ ЖЕ И ЖАНДАРМЪ.

ЖАНД. Пріѣхавшій по именному повелѣнію изъ Петербурга чиновникъ требуетъ васъ сейчасъ же къ себѣ. Онъ остановился въ гостинницѣ.

(Произнесенныя слова поражаютъ, какъ громомъ, всѣхъ. Звукъ изумленія единодушно излетаетъ изъ дамскихъ устъ; вся группа, вдругъ перемѣнивши положеніе, остается въ окаменѣніи.)

НѢМАЯ СЦЕНА.

Городничій по серединѣ въ видѣ столба съ распростертыми руками и закинутою назадъ головою. По правую сторону его жена и дочь съ устремившимся къ нему движеньемъ всего тѣла; за ними почтмейстеръ, превратившійся въ вопросительный знакъ, обращенный къ зрителямъ; за нимъ Лука Лукичъ, потерявшійся самымъ невиннымъ образомъ; за нимъ, у самаго края сцены, три дамы, гостьи, прислонившіяся одна къ другой съ самымъ сатирическимъ выраженіемъ лицъ, относящимся прямо къ семейству городничаго. По лѣвую сторону городничаго: Земляника, наклонившій голову нѣсколько на бокъ, какъ-будто къ чему-то прислушивающійся; за нимъ судья съ растопыренными руками, присѣвшій почти до земли и сдѣлавшій движенье губами, какъ-бы хотѣлъ посвистать или произнесть: «Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!» За нимъ Коробкинъ, обратившійся къ зрителямъ съ прищуренными глазомъ и ѣдкимъ намекомъ на городничаго; за нимъ, у самаго края сцены, Добчинскій и Бобчинскій съ устремившимся другъ къ другу движеніемъ рукъ, разинутыми ртами и выпученными другъ на друга глазами. Прочіе гости остаются просто столбами. Почти полторы минуты окаменѣвшая группа сохраняетъ такое положеніе. Занавѣсъ опускается.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ КОМЕДІИ РЕВИЗОРЪ.

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА,

ПИСАННАГО АВТОРОМЪ ВСКОРѢ ПОСЛѢ ПЕРВАГО ПРЕДСТАВЛЕНІЯ РЕВИЗОРА КЪ ОДНОМУ ЛИТЕРАТОРУ.

. . . .Ревизоръ сыгранъ — и у меня на душѣ такъ смутно, такъ странно... Я ожидалъ, я зналъ напередъ, какъ пойдетъ дѣло, и при всемъ томъ чувство грустное и досадно-тягостное облекло меня. Мое созданіе мнѣ показалось противно, дико, и какъ-будто вовсе не мое. Главная роль пропала; такъ я и думалъ. Дюръ ни на волосъ не понялъ, что̀ такое Хлестаковъ. Хлестаковъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ Альнаскарова, чѣмъ-то въ родѣ цѣлой шеренги водевильныхъ шалуновъ, которые пожаловали къ намъ повертѣться съ парижскихъ театровъ. Онъ сдѣлался просто обыкновеннымъ вралемъ, — блѣдное лицо, въ продолженіе двухъ столѣтій являющееся въ одномъ и томъ же костюмѣ. Неужели въ самомъ дѣлѣ невидно изъ самой роли, что̀ такое Хлестаковъ? Или мною овладѣла довременно слѣпая гордость, и силы мои совладѣть съ этимъ характеромъ были такъ слабы, что даже и тѣни намека въ

немъ не осталось для актера? А мнѣ онъ казался яснымъ. Хлестаковъ вовсе не надуваетъ; онъ не лгунъ по ремеслу; онъ самъ позабываетъ, что лжетъ, и уже самъ почти вѣритъ тому, что̀ говоритъ. Онъ развернулся, онъ въ духѣ, видитъ, что все идетъ хорошо, его слушаютъ, и по тому одному онъ говоритъ плавнѣе, развязнѣе, говоритъ отъ души, говоритъ совершенно откровенно и, говоря ложъ, выказываетъ именно въ ней себя такимъ, какъ есть. Вообще у насъ актеры совсѣмъ не умѣютъ лгать. Они воображаютъ, что лгать значитъ просто нести болтовню. Лгать значитъ говорить ложь тономъ столь близкимъ къ истинѣ, такъ естественно, такъ наивно, какъ можно только говорить одну истину; и здѣсь-то заключается именно все комическое лжи. Я почти увѣренъ, что Хлестаковъ болѣе бы выигралъ, если бы я назначилъ эту роль одному изъ самыхъ безталанныхъ актеровъ и сказалъ бы ему только, что Хлестаковъ есть человѣкъ ловкій, совершенный comme il faut, умный и даже, пожалуй, добродѣтельный, и что ему остается представить его именно такимъ. Хлестаковъ лжетъ вовсе нехолодно, или фанфаронски-театрально: онъ лжетъ съ чувствомъ; въ глазахъ его выражается наслажденіе, получаемое имъ отъ этого. Это вообще лучшая и самая поэтическая минута въ его жизни—почти родъ вдохновенія. И хоть бы что-нибудь изъ этого было выражено! Никакого тоже характера,—т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физіогноміи—рѣшительно не дано было бѣдному Хлестакову. Конечно, несравненно легче каррикатурить старыхъ чиновниковъ, въ поношенныхъ вицмундирахъ съ потертыми воротниками; но схватить тѣ черты, которыя довольно благовидны и не выходятъ острыми углами изъ обыкновеннаго свѣтскаго круга — дѣло мастера сильнаго. У Хлестакова ничего не должно быть означено рѣзко. Онъ принадлежитъ къ тому кругу, который, по видимому, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ молодыхъ людей. Онъ даже хорошо иногда держится, даже говоритъ иногда съ вѣсомъ, и только въ случаяхъ, гдѣ требуется или присутствіе духа, или характеръ, выказывается его отчасти подленькая, ничтожная натура. Черты роли какого-нибудь городничаго болѣе неподвижны и ясны. Его уже обозначаетъ рѣзко собственная, неизмѣняемая, черствая наружность и отчасти утверждаетъ собою его характеръ. Черты

роли Хлестакова слишкомъ подвижны, болѣе тонки, и потому труднѣе уловимы. Что́ такое, если разобрать въ самомъ дѣлѣ, Хлестаковъ? Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. Выставить эти качества въ людяхъ, которые не лишены между прочимъ хорошихъ достоинствъ, было бы грѣхомъ со стороны писателя, ибо онъ тѣмъ поднялъ бы ихъ на всеобщій смѣхъ. Лучше пусть всякій отыщетъ частицу себя въ этой роли, и въ то же время осмотрится вокругъ безъ боязни и страха, чтобы не указалъ кто-нибудь на него пальцемъ и не назвалъ бы его по имени. Словомъ, это лицо должно быть типомъ многаго, разбросаннаго въ разныхъ русскихъ характерахъ, но которое здѣсь соединилось случайно въ одномъ лицѣ, какъ весьма часто попадается и въ натурѣ. Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но натурально въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже и посмѣятся надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной. И ловкій гвардейскій офицеръ окажется иногда Хлестаковымъ, и государственный мужъ окажется иногда Хлестаковымъ, и нашъ братъ, грѣшный литераторъ, окажется подъ-часъ Хлестаковымъ. Словомъ, рѣдко кто имъ небудетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется и какъ будто бы и не онъ.

И такъ, неужели въ моемъ Хлестаковѣ не видно ничего этого? Неужели онъ — просто блѣдное лицо, а я, въ порывѣ минутно-горделиваго расположенія, думалъ, что когда-нибудь актеръ обширнаго таланта возблагодаритъ меня за совокупленіе въ одномъ лицѣ такихъ разнородныхъ движеній, дающихъ ему возможность вдругъ показать всѣ разнообразныя стороны своего таланта. И вотъ Хлестаковъ вышелъ дѣтская, ничтожная роль! Это тяжело и ядовито-досадно!

Съ самаго начала представленія пьесы я уже сидѣлъ въ театрѣ скучный. О восторгѣ и пріемѣ публики я не заботился. Одного только судьи изъ всѣхъ, бывшихъ въ театрѣ, я боялся, и этотъ судья я былъ самъ. Внутри себя я слышалъ

упреки и ропотъ противъ моей же пьесы, которые заглушали всѣ другіе. А публика вообще была довольна. Половина ея приняла пьесу даже съ участіемъ; другая половина, какъ водится, ее бранила, — по причинамъ, однакожъ, неотносящимся къ искусству. Какимъ-образомъ бранила, мы объ этомъ поговоримъ при первомъ свиданіи съ вами: тутъ есть много поучительнаго и немало смѣшного. Я даже кое-что записалъ; но это въ сторону.

Вообще съ публикою, кажется, совершенно примирилъ ревизора городничій. Въ этомъ я былъ увѣренъ и прежде; ибо для таланта, каковъ у Сосницкаго, ничего не могло остаться необъясненнымъ въ этой роли. Я радъ по крайней мѣрѣ, что доставилъ ему возможность выказать во всей ширинѣ талантъ свой, о которомъ уже начинали отзываться равнодушно и ставили его на одну доску со многими актерами, которые награждаются такъ щедро рукоплесканіями во вседневныхъ водевиляхъ и прочихъ забавныхъ пьесахъ. На слугу тоже надѣялся, потому что замѣтилъ въ актерѣ большое вниманіе къ словамъ и замѣчательность. За то оба наши пріятели, Бобчинскій и Добчинскій, вышли сверхъ ожиданія дурны. Хотя я и думалъ, что они будутъ дурны, ибо, создавая этихъ двухъ маленькихъ чиновниковъ: я воображалъ въ ихъ кожѣ Щепкина и Рязанцова, но все-таки я думалъ, что ихъ наружность и положеніе, въ которомъ они находятся, какъ-нибудь вынесетъ ихъ и не такъ обкаррикатуритъ. Сдѣлалось напротивъ: вышла именно каррикатура. Уже предъ началомъ представленія, увидѣвши ихъ костюмированными, я ахнулъ. Эти два человѣка, въ существѣ своемъ довольно опрятные, толстенькіе, съ прилично-приглаженными волосами, очутились въ какихъ-то нескладныхъ, превысокихъ сѣдыхъ парикахъ, всклоченные, неопрятные, взъерошенные, съ выдернутыми огромными манишками; а на сценѣ оказались до такой степени кривляками, что, просто, было невыносимо. Вообще костюмировка большей части пьесы была очень плоха и каррикатурна. Я какъ-бы предчувствовалъ это, когда просилъ, чтобъ сдѣлать одну репетицію въ костюмахъ; но мнѣ стали говорить, что это вовсе не нужно и не въ обычаѣ, и что актеры ужъ знаютъ свое дѣло. Замѣтивши, что цѣны словамъ

моимъ давали немного, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Еще разъ повторяю: тоска, тоска! Не знаю самъ, отчего одолѣваетъ меня тоска.

Во время представленія я замѣтилъ, что начало четвертаго акта холодно; кажется, какъ-будто теченіе піесы, дотолѣ плавное, здѣсь прервалось или влечется лѣниво. Признаюсь, еще во время чтенія свѣдущій и опытный актеръ сдѣлалъ мнѣ замѣчаніе, что не такъ ловко, что Хлестаковъ начинаетъ первый просить денегъ взаймы, и что было бы лучше, если бы чиновники сами ему предложили. Уважая замѣчаніе, довольно тонкое, имѣющее свои справедливыя стороны, я однакоже не видѣлъ причины, почему Хлестаковъ, будучи Хлестаковымъ, не могъ попросить первымъ. Но замѣчаніе было сдѣлано: «Стало быть», сказалъ я самъ въ себѣ, «я плохо выполнилъ эту сцену.» И точно, теперь, во время представленія я увидѣлъ ясно, что начало четвертаго акта блѣдно и носитъ признакъ какой-то усталости. Возвратившись домой, я тотъ же часъ принялся за передѣлку. Теперь, кажется, вышло немного сильнѣе, по крайней мѣрѣ естественнѣе и болѣе идетъ къ дѣлу. Но у меня нѣтъ силъ хлопотать о включеніи этого отрывка въ пьесу Я усталъ; и какъ вспомню, что для этого нужно ѣздить, просить и кланяться, то Богъ съ нимъ, — пусть лучше при второмъ изданіи или возобновленіи «Ревизора.»

Еще слово о послѣдней сценѣ. Она совершенно не вышла. Занавѣсъ закрывается въ какую-то смутную минуту, и піеса, кажется, какъ-будто не кончена. Но я не виноватъ. Меня не хотѣли слушать. Я и теперь говорю, что послѣдняя сцена не будетъ имѣть успѣха до тѣхъ поръ, пока не поймутъ, что это просто нѣмая картина, что все это должно представлять одну окаменѣвшую группу, что здѣсь оканчивается драма и смѣняетъ ее онѣмѣвшая мимика, что двѣ-три минуты не долженъ опускаться занавѣсъ, что совершиться все это должно въ тѣхъ же условіяхъ, какихъ требуютъ такъ-называемыя *живыя картины*. Но мнѣ отвѣчали, что это свяжетъ актеровъ, что группу нужно будетъ поручить балетмейстеру, что нѣсколько даже унизительно для актера и пр. и пр. и пр. Много еще другихъ *прочихъ* увидѣлъ я на минахъ, которыя были досаднѣе словесныхъ. Не смотря на всѣ эти *прочія*, я стою на своемъ, и сто разъ говорю: нѣтъ. Это не

свяжетъ ни мало, это не унизительно; пусть даже балетмейстеръ сочинитъ и составитъ группу, если только онъ въ силахъ почувствовать настоящее положеніе всякаго лица. Таланта не остановятъ указанныя ему границы, какъ не остановятъ рѣку гранитные берега; напротивъ, вошедши въ нихъ, она быстрѣе и полнѣе движетъ свои волны,—и, въ данной ему позѣ, чувствующій актеръ можетъ выразить все. На лицо его здѣсь никто не положилъ оковъ, размѣщена только одна группировка; лицо его свободно выразитъ всякое движеніе. И въ этомъ онѣмѣніи для него бездна разнообразія. Испугъ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ не похожъ одинъ на другой, какъ не похожи ихъ характеры и степень боязни и страха, въ слѣдствіе великости надѣланныхъ каждымъ грѣховъ. Инымъ образомъ остается пораженъ городничій, инымъ образомъ поражена жена и дочь его; особеннымъ образомъ испугается судья, особеннымъ образомъ попечитель, почтмейстеръ, и пр. и пр. Особеннымъ образомъ останутся пораженными Бобчинскій и Добчинскій, и здѣсь неизмѣнившіе себѣ и обратившіеся другъ къ другу съ онѣмѣвшимъ на губахъ вопросомъ. Одни только гости могутъ остолбенѣть одинакимъ образомъ; но они даль въ картинѣ, которая очеркивается однимъ взмахомъ кисти и покрывается однимъ колоритомъ. Словомъ, каждый мимически продолжитъ свою роль и, не смотря на то̀, что онъ повидимому покорилъ себя балетмейстеру, можетъ всегда остаться высокимъ актеромъ. Но у меня не достаетъ больше силъ хлопотать и спорить. Я усталъ и душою, и тѣломъ. Клянусь, никто не знаетъ и не слышитъ моихъ страданій. Богъ съ ними со всѣми! мнѣ опротивѣла моя піеса. Я хотѣлъ бы убѣжать теперь, Богъ знаетъ куда, и предстоящее мнѣ путешествіе, пароходъ, море и другія далекія небеса, могутъ одни только освѣжить меня. Я жажду ихъ, какъ Богъ знаетъ чего. Ради Бога, пріѣзжайте скорѣе. Я не поѣду, не простившись съ вами. Мнѣ еще нужно много сказать вамъ того, что не въ силахъ сказать несносное, холодное письмо...

1836 г. мая 25.

С. Петербургъ.

II.

ДВѢ СЦЕНЫ, ВЫКЛЮЧЕННЫЯ, КАКЪ ЗАМЕДЛЯВШІЯ ТЕЧЕНІЕ ПІЕСЫ.

I.

АННА АНДРЕЕВНА И МАРЬЯ АНТОНОВНА.

МАРЬЯ АНТ. Но я не знаю, маменька, отчего вамъ кажется, что у васъ лучше всего глаза....

АННА АНДР. Вздоръ тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, толкуешь. Пусть другое что нибудь не такъ и не хорошо, я съ этимъ не буду спорить, но что до глазъ моихъ, то извините, сударыня! Это можно только сказать одному безтолковому и безъ всякаго вкуса. Когда жила у насъ полковница, которая ужъ такая была модница, какой я именно не знаю, выписывала все платье изъ Москвы,—бывало мнѣ нѣсколько разъ повторяетъ: «Сдѣлайте милость, Анна Андреевна, откройте мнѣ эту тайну, отчего ваши глаза просто говорятъ....» И всѣ бывало, въ одинъ голосъ: «Съ вами, Анна Андреевна, довольно побыть минуту, чтобы отъ вашей любезности позабыть всѣ обстоятельства.» А стоявшій въ это время штабъ-ротмистръ Старокопытовъ! Онъ, не помню, проживалъ за ремонтомъ что ли. Красавецъ, лицо свѣжее, румянецъ, какъ я не знаю что̀; глаза черные, черные, а воротнички рубашки его—это

батистъ такой, какого никогда еще купцы наши не подносили намъ. Онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ: «Клянусь вамъ, Анна Андреевна, что не только не видалъ, но не читывалъ даже такихъ глазъ; я не знаю, что со мною дѣлается, когда гляжу на васъ....» На мнѣ еще тогда была тюлевая пелеринка, вышитая виноградными листьями съ колосьями и вся обложенная блондочкою, узенькою, небольше какъ въ палецъ,—это, просто, было обвороженіе! Такъ говоритъ бывало: «Я, Анна Андреевна, та́кое чувствую удовольствіе, когда гляжу на васъ, что мое сердце», говоритъ.... Я ужъ не могу теперь припомнить, что̀ онъ мнѣ говорилъ. Куда жъ! Онъ послѣ того такую поднялъ исторію! хотѣлъ непремѣнно застрѣлиться, да какъ-то пистолеты куда-то запропастились; а случись пистолеты, его бы давно уже не было на свѣтѣ.

марья ант. Я не знаю, маменька, мнѣ однакожъ кажется, что у васъ нижняя часть лица гораздо лучше, нежели глаза.

анна андр. Никогда, никогда! Вотъ этого ужъ нельзя сказать. Что вздоръ, то вздоръ.

марья ант. Нѣтъ, право, маменька: когда вы этакъ говорите, или сидите въ профилѣ, у васъ губы все....

анна андр. Пожалуйста не толкуй пустяковъ! Такая, право, несносная! Чтобы она какъ-нибудь не поспорила.... Боже сохрани! Вотъ, что у матери ея хорошіе глаза, такъ ужъ ей и завидно. За этими спорами, за вздорами, я заболталась съ тобой. А тутъ того и гляди, что онъ пріѣдетъ и застанетъ насъ неодѣтыми, Богъ знаетъ какъ· (*Поспѣшно уходитъ; за ней Марья Антоновна.*)

—

II.

хлестаковъ и растаковскій, *въ екатерининскомъ мундирѣ съ аксельбантомъ.*

раст. Имѣю честь рекомендоваться: житель здѣшняго города, помѣщикъ, отставной секундъ-майоръ Растаковскій.

хлест. А, прошу покорнѣйше садиться; очень радъ! Я очень хорошо знакомъ съ вашимъ начальникомъ.

раст. *сѣлъ.* А, такъ вы изволите знать Задунайскаго!

хлест. Какого Задунайскаго?

раст. Графа Румянцева-Задунайскаго, Петра Александровича: вѣдь это мой бывшій начальникъ.

хлест. Да.... такъ вы служили давно?...

раст. Находился во время осады подъ Силистріей, въ 773 году. Очень жаркое было дѣло! Турокъ былъ вотъ такъ, какъ этотъ столъ передъ нами. Я былъ тогда сержантомъ, а секундъ-майоръ былъ въ нашемъ полку — не изволи ли вы знать: Гвоздевъ, Петръ Васильевичъ?

хлест. Гвоздевъ? какой это?

раст. Петръ Васильевичъ. Онъ былъ по высочайшему повелѣнію покойной императрицы переведенъ потомъ въ драгуны.

хлест. Нѣтъ, не знаю.

раст. Я такъ и полагалъ, что вы не знаете, потому что ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ умеръ. Вотъ здѣсь недалеко, верстахъ въ двадцати отъ города, осталась его внучка, что́ вышла замужъ за Ивана Васильевича Рогатку.

хлест. За Рогатку? Скажите! Я этого совсѣмъ не полагалъ.

раст. Да-съ, Рогатка, Иванъ Васильевичъ. — Такъ Турокъ стоялъ передъ нами вотъ такъ, какъ-бы этотъ столъ. Зима и снѣгъ и сумятица была такая, какъ въ томъ году, когда Французъ подступалъ подъ Москву. Въ нашемъ полку былъ тоже секундъ-майоромъ Фиктель-Кнабе, Нѣмецъ. Звали его Сихфридъ Ивановичъ, но генералъ-аншефъ тогдашній, Потемкинъ, велѣлъ переименовать: «Ты», говоритъ, «не Сихфридъ, а Супъ,—такъ будь ты Супомъ Ивановичемъ.» И съ той поры такъ и осталось ему имя Супъ Ивановичъ. Такъ этотъ Супъ Ивановичъ и секундъ-майоръ Гвоздевъ, о которомъ я говорилъ, были посланы за фуражомъ. Къ нимъ былъ прикомандированъ я и еще квартермистръ, если изволите знать, Трепакинъ, Автамонъ Павловичъ: онъ также, я думаю, уже будетъ лѣтъ двадцать пять, какъ умеръ.

хлест. Трепакинъ, нѣтъ, не знаю. А вотъ я хотѣлъ бы попросить у васъ....

раст., *не слушая*. Видный мужчина; русый волосъ, золотой аксельбантъ. Ловко танцовалъ польскій. Хлопнетъ бывало рукою, и отобьетъ пару у самого полковника, и какъ только дѣвушки....

хе, хе, хе!... У насъ бывали тогда палатки; и какъ только взглянешь къ нему въ палатку.... хе, хе, хе!... тамъ уже сидитъ, и на утро деньщикъ выводитъ, какъ-будто драгуна, въ трехъугольной шляпѣ.... хе, хе, хе!... и портупея виситъ.... хе, хе хе!

хлест. Да подобная этой исторія съ моимъ знакомымъ, однимъ чиновникомъ, который очень выгодно служитъ. Сидитъ онъ въ халатѣ, закурилъ трубку, вдругъ къ нему приходитъ одинъ мой тоже пріятель, гвардеецъ, кавалергардскаго полку, и говоритъ.... *(Останавливается и смотритъ между тѣмъ пристально въ глаза Растаковскому)* Послушайте, однакожъ, не можете ли вы мнѣ дать сколько нибудь взаймы денегъ? Я въ дорогѣ истратился.

раст. Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у гвардейца, или гвардеецъ у чиновника?

хлест. Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ-нибудь не позабыть, такъ лучше теперь.

раст. Такъ это вамъ нужны деньги! Какъ странно! Я думалъ, что гвардеецъ при анекдотѣ-то попросилъ. Какъ въ разговорѣ-то иногда случается! Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей стороны пришелъ безпокоить преубѣдительнѣйшею просьбою.

хлест. А что̀, о чемъ?

раст. Долженъ получить прибавочнаго пансіона, такъ я просилъ бы, чтобы замолвили тамъ сенаторамъ, или кому другому.

хлест. Извольте, извольте.

раст. Я самъ подавалъ просьбу, да только, можетъ, не туда, куда слѣдуетъ.

хлест. А какъ давно вы подавали просьбу?

раст. Да если сказать правду, не такъ и давно,—въ 1801 году; да вотъ уже тридцать лѣтъ нѣтъ никакой резолюціи. Я послалъ черезъ Сосулькина Ивана Петровича, который ѣхалъ тогда въ Петербургъ; да онъ то не слишкомъ надежный человѣкъ. Такъ статься можетъ, что просьбу отнесъ то не туда, куда слѣдуетъ. А оно, правда, уже не много и ждать остается, тридцать лѣтъ прошло, стало быть, теперь скоро дѣло рѣшится.

хлест. Да, натурально, теперь рѣшатъ скоро; а впрочемъ, я тоже съ своей стороны.... хорошо, хорошо.

III.

РАЗВЯЗКА РЕВИЗОРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Первый комическій актеръ, — Михайло Семеновичъ Щепкинъ.

Хорошенькая актриса.

Другой актеръ.

Ѳедоръ Ѳедорычъ, любитель театра.

Петръ Петровичъ, человѣкъ большаго свѣта.

Семенъ Семенычъ, человѣкъ тоже немалаго свѣта, но въ своемъ родѣ.

Николай Николаичъ, литературный человѣкъ.

Актеры и актрисы.

Первый комическій актеръ, *выходя на сцену.* Ну, теперь нечего скромничать. Могу сказать, въ этотъ разъ точно хорошо съигралъ, и рукоплесканье публики досталось недаромъ. Если чувствуешь это самъ, если не стыдно передъ самимъ собой, то значитъ, дѣло было сдѣлано, какъ слѣдуетъ.

Входитъ толпа актеровъ и актрисъ.

Другой актеръ, *съ вѣнкомъ въ рукѣ.* Михайло Семеновичъ (*), это ужъ не публика, это мы подносимъ вамъ вѣнокъ.

(*) Имя перваго комич. актера.

*

Публика раздаетъ вѣнки не всегда съ строгимъ разборомъ, достается отъ нея вѣнокъ и не за большія услуги: но если своя братья-товарищи, которые подъ-часъ и завистливы, и несправедливы, если своя братья-товарищи поднесутъ кому съ единодушнаго приговора вѣнокъ, то значитъ, такой человѣкъ точно достоинъ вѣнка.

ПЕРВ. КОМ. АКТ., *принимая вѣнокъ*. Товарищи, умѣю цѣнить этотъ вѣнокъ.

ДРУГ. АКТ. Нѣтъ, не въ рукѣ держать; надѣньте-ка на голову!

ВСѢ АКТ. И АКТРИСЫ. На голову вѣнокъ!

ХОРОШЕНЬКАЯ АКТРИСА, *выступая впередъ съ повелительнымъ жестомъ*. Михайло Семеновичъ, вѣнокъ на голову!

ПЕРВ. АКТ. Нѣтъ, товарищи, взять вѣнокъ отъ васъ я возьму, но надѣть на голову не надѣну. Другое дѣло—принять вѣнокъ отъ публики, какъ обычное выраженье привѣтствія, которымъ она награждаетъ всякаго, кто удостоился ей понравиться; не надѣть такого вѣнка значило бы показать пренебреженье къ ея вниманью. Но надѣть вѣнокъ посреди себѣ равныхъ товарищей, — господа, для этого нужно имѣть слишкомъ много самонадѣянной увѣренности въ себѣ.

ВСѢ. Вѣнокъ на голову!

ХОРОШ. АКТР. На голову вѣнокъ, Михайло Семеновичъ!

ДРУГ. АКТ. Это наше дѣло; мы судьи, а не вы. Извольте-ка прежде надѣть его, а потомъ мы вамъ скажемъ, зачѣмъ васъ увѣнчали. Вотъ такъ! Теперь слушайте! За то̀ вамъ вѣнокъ, что вотъ уже слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ вы посреди насъ, и нѣтъ изъ насъ никого, который былъ бы когда-либо вами обиженъ; за то̀, что вы всѣхъ насъ ревностнѣй дѣлали свое дѣло и симъ однимъ внушали охоту не уставать на своемъ поприщѣ, безъ чего врядъ ли у насъ достало бы силъ! Какая посторонняя сила можетъ такъ подтолкнуть, какъ подтолкнетъ товарищъ своимъ примѣромъ? За то̀, что вы не объ одномъ себѣ думали, не о томъ хлопотали, чтобы только самому съиграть хорошо свою роль, но чтобы и всякъ не оплошалъ также въ своей роли, и никому не отказывали въ совѣтѣ, никѣмъ не пренебрегали. За то̀, наконецъ, что такъ любили

дѣло искусства, какъ никто изъ насъ никогда не любилъ его.—И вотъ вамъ за что̀ подносимъ теперь всѣ до единаго вѣнокъ!

перв. ком. акт., *растроганный.* Нѣтъ, товарищи, не было такъ, но хотѣлъ бы, чтобъ было такъ!

ВХОДЯТЪ: ѲЕДОРЪ ѲЕДОРЫЧЪ, СЕМЕНЪ СЕМЕНЫЧЪ, ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ И НИКОЛАЙ НИКОЛАИЧЪ.

ѳед. ѳед., *бросившись обнимать перваго актера.* Михайло Семеновичъ! Себя не помню, не знаю, что̀ и сказать объ игрѣ вашей: вы никогда еще такъ не играли.

петръ петр. Не почтите словъ моихъ за лесть, Михайло Семеновичъ, но я долженъ признаться, не встрѣчалъ,—а могу сказать, нехвастовски, былъ на всѣхъ первоклассныхъ театрахъ Европы, видѣлъ лучшихъ актеровъ, — не встрѣчалъ подобной игры, не примите моихъ словъ за лесть.

сем. сем. Михайло Семеновичъ! *(въ безсиліи выразить словомъ, выражаетъ движеніемъ руки)* вы просто Асмодей!

ник. ник. Въ такомъ совершенствѣ, въ такой окончательности, такъ сознательно, и въ такомъ соображеньи всего исполнить роль свою—нѣтъ, это выше обыкновенной передачи! это второе созданье, творчество!

ѳед. ѳед. Вѣнецъ искусства и больше ничего! Здѣсь то наконецъ узнаемъ высокій смыслъ искусства. Ну, что̀ есть, напримѣръ, привлекательнаго въ томъ лицѣ, которое вы сейчасъ представляли? Какъ можно доставить наслажденье зрителю въ кожѣ какого-нибудь плута? А вы его доставили! Я плакалъ; но плакалъ не отъ участья къ положенью лица, плакалъ отъ наслажденія. Душѣ стало свѣтло и легко. Легко и свѣтло отъ того, что выставили всѣ оттѣнки плутовской души, что дали ясно увидѣть, что̀ такое плутъ.

петръ петр. Позвольте однакожъ, оставивши въ сторону мастерскую обстановку піесы, подобной которой, признаюсь, не встрѣчалъ,—а могу сказать, нехвастовски, былъ на лучшихъ театрахъ,—ужъ не знаю, кому за это обязанъ авторъ: вамъ ли, господа, или начальству нашихъ театровъ—вѣроятно тому и другому вмѣ-

стѣ; но подобная обстановка вынесетъ хоть какую піесу. Не примите моихъ словъ за лесть, господа! Позвольте однакожъ, оставивши все это въ сторону, сдѣлать мнѣ замѣчанье на счетъ самой піесы, то самое замѣчанье, которое сдѣлалъ я назадъ тому десять лѣтъ, во время ея перваго представленія: не вижу я въ Ревизорѣ, даже и въ томъ видѣ, въ какомъ онъ данъ теперь, никакой существенной пользы для общества, чтобы можно было сказать, что эта піеса нужна обществу.

сем. сем. Я даже вижу вредъ. Въ піесѣ выставлено намъ униженье наше; не вижу я любви къ отечеству въ томъ, кто писалъ ее. И притомъ, какое неуваженіе, какая даже дерзость.... Я ужъ этого даже не понимаю, какъ смѣть сказать въ глаза всѣмъ: «Чему смѣетесь? надъ собой смѣетесь!»

ѳед. ѳед. Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, ты позабылъ: вѣдь это не авторъ говоритъ, вѣдь это говоритъ городничій, это говоритъ разсердившійся, раздосадованный плутъ, которому, разумѣется, досадно, что надъ нимъ смѣются.

петръ петр. Позвольте, Ѳедоръ Ѳедорычъ, позвольте вамъ однакожъ замѣтить, что слова эти произвели точно странное дѣйствіе, и, вѣроятно, не одному изъ сидѣвшихъ въ театрѣ показалось, что авторъ какъ-бы къ нему самому обращаетъ эти слова: «надъ собой смѣетесь!» Говорю это.... вы не принимайте моихъ словъ, господа, за какое-нибудь личное нерасположеніе къ самому автору или предубѣжденіе, или.... словомъ, не то, чтобы я имѣлъ что-нибудь противу него, понимаете; но говорю вамъ мое собственное ощущеніе: мнѣ показалось, точно какъ-бы въ эту минуту стоитъ передо мною человѣкъ, который смѣется надъ всѣмъ, что̀ ни есть у насъ: надъ нравами, надъ обычаями, надъ порядками и, заставивши насъ же посмѣяться надъ всѣмъ этимъ, намъ же говоритъ въ глаза: «вы надъ собой смѣетесь!»

первый акт. Позвольте здѣсь мнѣ сказать слово. Вышло это само собой. Въ монологѣ, обращенномъ къ самому себѣ, актеръ обыкновенно обращается къ сторонѣ зрителей. Хотя городничій былъ въ безпамятствѣ и почти въ бреду, но не могъ не замѣтить усмѣшки на лицахъ гостей, которую возбудилъ онъ смѣшными своими угрозами всѣхъ обманувшему Хлестакову, который въ

это время несется во весь духъ себѣ на почтовыхъ, Богъ вѣсть въ какихъ краяхъ. Намѣренья у автора дать именно тотъ смыслъ, о которомъ вы говорите, не было никакого: я это вамъ говорю потому, что знаю небольшую тайну этой пiесы. Но позвольте мнѣ съ моей стороны сдѣлать запросъ: ну, что̀, если бъ у сочинителя точно была цѣль показать зрителю, что онъ надъ собой смѣется?

сем. сем. Благодарю за комплиментъ! Я по крайней мѣрѣ не нахожу въ себѣ ничего общаго съ выведенными въ Ревизорѣ людьми. Извините! Не хвастаюсь, что я не безъ пороковъ, такъ же какъ и всѣ люди, но всё же я не похожъ на нихъ. Это ужъ слишкомъ! Въ эпиграфѣ выставлено: «На зеркало нечего пенять, если рожа крива!» Петръ Петровичъ, я спрашиваю у васъ: развѣ у меня рожа крива? Ѳедоръ Ѳедорычъ, я спрашиваю у тебя: развѣ у меня рожа крива? Николай Николаичъ, у тебя я спрашиваю: рожа у меня крива? (*Обращаясь ко всѣмъ другимъ*) Господа, я у васъ всѣхъ спрашиваю, скажите мнѣ: развѣ у меня рожа крива?

ѳед. ѳед. Но, другъ мой, Семенъ Семенычъ, странный и ты опять вопросъ задалъ. Вѣдь ты же опять и не красавецъ, какъ и мы всѣ грѣшные. Нельзя же сказать ужъ такъ на прямикъ, чтобы твое лицо было образецъ образцомъ. Какъ ни разсмотри, немножко косовато; ну, а что̀ косо, то ужъ и криво.

петръ петр. Господа, вы вдались совершенно въ другой вопросъ! Это лежитъ на совѣсти всякаго человѣка; намъ смѣшно и трактовать о томъ, у кого лицо криво, а у кого нѣтъ. Но вотъ въ чемъ главное дѣло, позвольте мнѣ вновь возвратиться къ тому же: не вижу я большого разума въ комедiи, не вижу цѣли, по крайней мѣрѣ въ самомъ сочиненiи это не обнаруживается.

ник. ник. Но какой же вы хотите еще цѣли, Петръ Петровичъ? Искусство уже въ самомъ себѣ заключаетъ свою цѣль. Стремленье къ прекрасному и высокому—вотъ искусство. Это непремѣнный законъ искусства; безъ этого искусство—не искусство. А потому ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оно безнравственно. Оно стремится непремѣнно къ добру, положительно, или отрицательно: выставляетъ ли намъ красоту всего лучшаго, что̀ ни есть въ человѣкѣ, или же смѣется надъ безобразiемъ всего худшаго въ человѣкѣ. Если выставить всю дрянь, какая ни есть

въ человѣкѣ, и выставить ее такимъ образомъ, что всякій изъ зрителей получитъ къ ней полное отвращеніе, спрашиваю: развѣ это уже не похвала всему хорошему? спрашиваю, развѣ это не похвала добру?

петръ петр. Безспорно, Николай Николаичъ, но позвольте однакоже вамъ....

ник. ник., *не слушая.* Не то дурно, что намъ показываютъ въ дурномъ дурное, и видимъ, что оно дурно во всѣхъ отношеніяхъ; но то дурно, если намъ такъ его выставляютъ, что не знаешь, злое ли оно, или нѣтъ,—то дурно, когда дѣлаютъ привлекательнымъ для зрителя злое,—то дурно, что мѣшаютъ его въ такой степени съ добромъ, что незнаешь, къ которой сторонѣ пристать,—то дурно, что доброе показываютъ намъ такимъ образомъ, что въ добрѣ не видишь добра.

перв. ком. акт. Клянусь, истинная правда, Николай Николаичъ! вы сказали то, въ чемъ я всегда былъ убѣжденъ, но не умѣлъ только такъ хорошо высказать: то дурно, что въ добрѣ не видишь добра. А этотъ грѣхъ водится за всѣми модными драмами, которыми должны мы тѣшить публику. Зритель выходитъ изъ театра и самъ не знаетъ рѣшить, что̀ такое онъ видѣлъ: злой ли человѣкъ, или добрый былъ передъ нимъ. Къ добру не влечетъ его, отъ зла не отталкиваетъ, и остается онъ точно какъ во снѣ, не извлекши изъ того, что̀ видѣлъ, никакого для себя правила, къ чему-нибудь пригоднаго въ жизни, сбившись даже и съ той дороги, по которой шелъ, готовый пойти за первымъ, кто поведетъ, не спрашивая, куда и за чѣмъ.

ѳед. ѳед. И прибавьте, Михайло Семеновичъ, какая пытка для актера исполнять такую роль, если только онъ истинный артистъ въ душѣ.

перв. акт. Не говорите этого—ваши слова мѣтятъ въ самое сердце. Не можете постигнуть, какъ подъ-часъ бываетъ горько! Учишь, разучиваешь эту роль, и не знаешь самъ, какое ей дать выраженье. Иногда забудешься, войдешь въ положеніе лица, одушевишься, потрясешь зрителя, а когда вспомнишь, чѣмъ ты его потрясъ — противенъ станешь самому себѣ, хотѣлъ бы просто провалиться сквозь землю, и отъ рукоплесканій горишь, какъ отъ

собственнаго стыда. Я и рѣшить не знаю, что̀ хуже: выставлять ли преступленья такимъ образомъ, чтобы зритель готовъ былъ съ ними примириться, или же выставлять подвиги добра въ такомъ видѣ, что зритель не закипитъ весь желаньемъ съ нимъ подружиться? То и другое по мнѣ гниль, а не искусство. Глубоко сказалъ Николай Николаичъ: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

друг. акт. Справедливо, справедливо: то дурно, когда въ добрѣ не видишь добра.

петръ петр. Противу этого я не могу сказать рѣшительно никакого возраженія. Николай Николаичъ сказалъ глубоко; Михайло Семеновичъ развилъ еще больше. Но все это не отвѣтъ на мой вопросъ. То, что̀ вы сейчасъ сказали, то есть, чтобы хорошее выставлено было дѣйствительно съ силой магической, увлекающей не только человѣка хорошаго, но даже и дурнаго, а дурное изображено было въ такомъ презрительномъ видѣ, чтобы зритель не только не почувствовалъ желанья примириться съ выведенными лицами, но напротивъ желанье поскорѣй ихъ оттолкнуть отъ себя,—все это, Николай Николаичъ, должно быть непремѣннымъ условіемъ всякаго сочиненія. Это даже и не цѣль. Всякое сочиненіе должно имѣть сверхъ этого всего свое собственное, личное выраженье, Николай Николаичъ,—понимаете ли вы это? Поэтому-то я не вижу въ Ревизорѣ того большого значенья, которое придаютъ ему другіе. Надобно, чтобы было ощутительно ясно, зачѣмъ предпринято такое-то сочиненіе, на что̀ именно бьетъ оно, къ чему клонится, что̀ новаго хочетъ доказать собой? Вотъ что̀, Николай Николаичъ, а не то, что̀ вы говорите вообще объ искусствѣ.

ник. ник. Петръ Петровичъ, да какъ же вы говорите, къ чему клонится.... вѣдь это.... вѣдь это видно.

петръ петр. Николай Николаичъ, это не видно. Не вижу я никакой особенной цѣли этой комедіи, обнаруженной ясно въ самомъ сочиненіи; или, можетъ быть, авторъ съ какимъ-нибудь умысломъ скрылъ ее. Въ такомъ случаѣ это уже выдетъ преступленье предъ искусствомъ, Николай Николаичъ, что вы себѣ ни говорите. Разберемъ-те-ка серьезно эту комедію: вѣдь Ревизоръ совсѣмъ не производитъ того впечатлѣнія, чтобъ зритель послѣ него

освѣжился; напротивъ, вы, я думаю, сами знаете, что одни почувствовали безплодное раздраженіе, другіе даже озлобленье, а вообще всякъ унесъ какое-то тягостное чувство. Не смотря на все удовольствіе, которое возбуждаютъ ловко найденныя сцены, на комическое даже положенье многихъ лицъ, на мастерскую даже обработку нѣкоторыхъ характеровъ, въ итогѣ остается что-то эдакое.... Я вамъ даже объяснить не могу: что-то чудовищно-мрачное, какой-то страхъ отъ безпорядковъ нашихъ. Самое это появленье жандарма, который, точно какой-то палачъ, является въ дверяхъ, это окаменѣнье, которое наводятъ на всѣхъ его слова, возвѣщающія о пріѣздѣ настоящаго ревизора, который долженъ всѣхъ ихъ истребить, стереть съ лица земли, уничтожить въ конецъ,—все это какъ-то необъяснимо страшно! Признаюсь вамъ достовѣрно, à la lettre, на меня ни одна трагедія не производила такого печальнаго, такого тягостнаго, такого безотраднаго чувства, такъ что я готовъ подозрѣвать даже, не было ли у автора какого-нибудь особеннаго намѣренія произвести такого дѣйствія послѣдней сценой своей комедіи. Не можетъ быть, чтобы это вышло такъ, само собой.

ПЕРВ. КОМ. АКТ. А вотъ наконецъ догадались сдѣлать этотъ запросъ. Десять лѣтъ играется на сценахъ Ревизоръ. Всѣ, болѣе или менѣе, нападали на тягостное впечатлѣнье, имъ производимое, а никто не далъ запроса, зачѣмъ было производить его,—точно какъ-будто бы авторъ долженъ былъ писать свою комедію, очертя голову и не зная самъ, къ чему она, и что̀ выдетъ изъ нея. Дайте же ему хотя каплю ума, въ которомъ вы не отказываете ни одному человѣку. Вѣдь, вѣрно же, есть причина всякому поступку даже и въ глупомъ человѣкѣ.

(Всѣ смотрятъ на него съ изумленьемъ.)

ПЕТРЪ ПЕТР. Михайло Семеновичъ, объяснитесь, это что-то не ясно.

СЕМ. СЕМ. Это пахнетъ какою-то загадкой.

ПЕРВ. КОМ. АКТ. Да какъ же въ самомъ дѣлѣ вы не замѣтили, что Ревизоръ безъ конца?

НИК. НИК. Какъ безъ конца?

СЕМ. СЕМ. Да какой же еще конецъ? Пять дѣйствій; въ шести комедія и не бываетъ. Развѣ новая побранка въ придачу?

ПЕТРЪ ПЕТР. Позвольте, однакоже, затѣтить вамъ, Михайло Семеновичъ, что же за піеса, которая безъ конца, я спрашиваю васъ? Неужели и это въ законѣ искусства? Николай Николаевичъ! Вѣдь это, по моему, значитъ принести, поставить предъ всѣми запертую шкатулку и спрашивать, чтò въ ней лежитъ?

ПЕРВ. КОМ. АКТ. Ну, да если она поставлена передъ вами съ тѣмъ именно, чтобы потрудились сами отпереть?

ПЕТРЪ ПЕТР. Въ такомъ случаѣ нужно, по крайней мѣрѣ, сказать это, или просто дать ключъ въ руки.

ПЕРВ. КОМ. АКТ. Ну, а если и ключъ лежитъ тутъ-же возлѣ шкатулки?

НИК. НИК. Перестаньте говорить загадками! Вы что-нибудь знаете. Вѣрно, вамъ авторъ далъ въ руки этотъ ключъ, а вы держите его и секретничаете.

ѲЕД. ѲЕД. Объявите, Михайло Семеновичъ; я не въ шутку заинтересованъ знать, чтò въ самомъ дѣлѣ можетъ здѣсь крыться! На мои глаза, я не вижу ничего.

СЕМ. СЕМ. Дайте же открыть намъ эту загадочную шкатулку. Чтò это за странная такая шкатулка, которая не извѣстно за чѣмъ намъ поднесена, не извѣстно за чѣмъ передъ нами поставлена и неизвѣстно за чѣмъ отъ насъ заперта?

ПЕР. КОМ. АКТ. Ну, а что жъ если она откроется такъ, что станете удивляться, какъ не открыли сами; и если въ шкатулкѣ лежитъ вещь, которая для одних, чтò старый грошъ, вышедшій изъ употребленья, а для другихъ, чтò свѣтлый червонецъ, который вѣкъ въ цѣнѣ, какъ ни мѣняется на немъ штемпель?

НИК. НИК. Да полно вамъ съ вашими загадками! Намъ подавайте ключъ и ничего больше!

СЕМ. СЕМ. Ключъ, Михайло Семеновичъ!

ѲЕД. ѲЕД. Ключъ!

ПЕТРЪ ПЕТР. Ключъ!

ВСѢ АКТ. И АКТ. Михайло Семеновичъ, ключъ!

ПЕР. КОМ. АКТ. Ключъ? Да примете ли вы, господа, этотъ ключъ? можетъ быть, швырнете его прочь вмѣстѣ съ шкатулкой.

ник. ник. Ключъ! не хотимъ больше ничего слышать. Ключъ!

всѣ. Ключъ!

пер. ком. акт. Извольте, я дамъ вамъ ключъ. Отъ комическаго актера вы, можетъ быть, не привыкли слышать такихъ словъ, но что жъ дѣлать? въ этотъ день сердце мое разогрѣлось, мнѣ стало легко, и я готовъ все сказать, что̀ ни есть у меня на душѣ, какъ бы вы ни принимали мои слова. Нѣтъ, господа, не давалъ мнѣ авторъ ключа, но бываютъ такія минуты состоянья душевнаго, когда становится самому понятнымъ то, что̀ прежде было непонятно. Нашелъ я этотъ ключъ, и сердце мое говоритъ мнѣ, что онъ тотъ самый; отперлась передо мной шкатулка, и душа моя говоритъ мнѣ, что не могъ имѣть другой мысли самъ авторъ.

Всмотритесь-ка пристально въ этотъ городъ, который выведенъ въ піесѣ! Всѣ до единаго согласны, что этакого города нѣтъ во всей Россіи: не слыхано, чтобы гдѣ были у насъ чиновники всѣ до единаго такіе уроды; хоть два, хоть три бываетъ честныхъ, а здѣсь ни одного. Словомъ, такого города нѣтъ. Не такъ ли? Ну, а что̀, если это нашъ же душевный городъ и сидитъ онъ у всякаго изъ насъ? Нѣтъ, взглянемъ на себя не глазами свѣтскаго человѣка,—вѣдь не свѣтскій человѣкъ произнесетъ надъ нами судъ,—взглянемъ хоть сколько нибудь на себя глазами Того, Кто позоветъ на очную ставку всѣхъ людей, передъ Которымъ и наилучшіе изъ насъ, не позабудьте этого, потупятъ отъ стыда въ землю глаза свои, да и посмотримъ, достанетъ ли у кого-нибудь изъ насъ тогда духу спросить: «Да развѣ у меня рожа крива?» Чтобы не испугался онъ такъ собственной кривизны своей, какъ не испугался кривизны всѣхъ этихъ чиновниковъ, которыхъ только что видѣлъ въ піесѣ? Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семеновичъ, не говорите: «это старыя рѣчи, это уже мы сами знаемъ!» Дайте жъ наконецъ ужъ и мнѣ сказать слово. Что жъ въ самомъ дѣлѣ, какъ-будто я живу только для скоморошничества? Тѣ вещи, которыя намъ даны съ тѣмъ, чтобы помнить ихъ вѣчно, не должны быть старыми: ихъ нужно принимать какъ новость, какъ-бы въ первый разъ ихъ только слышимъ, кто бы ихъ ни произносилъ намъ,—тутъ нечего глядѣть на лицо того, кто говоритъ ихъ. Нѣтъ,

Семенъ Семенычъ, не о красотѣ нашей должна быть рѣчь, но о томъ, чтобы въ самомъ дѣлѣ наша жизнь, которую привыкли мы почитать за комедію, да не окончилась бы такой трагедіей, какою не кончилась эта комедія, которую только что съиграли мы. Что̀ ни говори, но страшенъ тотъ ревизоръ, который ждетъ насъ у дверей гроба. Будто не знаете, кто этотъ ревизоръ? Что прикидываться! Ревизоръ этотъ наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизоромъ ничто не укроется, потому что по именному высшему повеленью онъ посланъ и возвѣстится о немъ тогда, когда уже и шагу нельзя будетъ сдѣлать назадъ. Вдругъ откроется передъ тобою, въ тебѣ же откроется такое страшилище, что отъ ужаса подымается волосъ. Лучше жъ сдѣлать ревизовку всему, что̀ ни есть въ насъ, въ началѣ жизни, а не въ концѣ ея. На мѣсто пустыхъ разглагольствованій о себѣ и похвальбы собой да побывать теперь же въ безобразномъ душевномъ нашемъ городѣ, который въ нѣсколько разъ хуже всякаго другаго города, въ которомъ безчинствуютъ наши страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей! Въ началѣ жизни взять ревизора и съ нимъ объ руку переглядѣть все, что̀ ни есть въ насъ, настоящаго ревизора, не подложнаго, не Хлестакова! Хлестаковъ—щелкопёръ, Хлестаковъ вѣтренная свѣтская совѣсть, продажная, обманчивая совѣсть; Хлестакова подкупятъ какъ разъ наши же, обитающія въ душѣ нашей, страсти. Съ Хлестаковымъ подъ руку ничего не увидишь въ душевномъ городѣ нашемъ. Смотрите, какъ всякой чиновникъ съ нимъ въ разговорѣ вывернулся ловко и оправдался,—вышелъ чуть не святой. Думаете не хитрѣй всякаго плута-чиновника каждая страсть наша? И не только страсть, даже пустая пошлая какая-нибудь привычка! такъ ловко передъ нами вывернется и оправдается, что еще почтешь ее за добродѣтель, и даже похвастаешься передъ своимъ братомъ, и скажешь ему: «Смотри, какой у меня чудесный городъ, какъ въ немъ все прибрано и чисто!» Лицемѣры наши страсти, говорю вамъ, лицемѣры, потому что самъ имѣлъ съ ними дѣло. Нѣтъ, съ вѣтреной свѣтской совѣстью ничего не разглядишь въ себѣ, и ее самую онѣ надуютъ, и она надуетъ ихъ, какъ Хлеста-

ковъ чиновниковъ, и потомъ пропадетъ сама, такъ что и слѣда ея не найдешь. Останешься какъ дуракъ-городничій, который занесся уже было ни вѣсть куды, и въ генералы полѣзъ, и навѣрняка сталъ возвѣщать, что сдѣлается первымъ въ столицѣ, и другимъ сталъ обѣщать мѣста, и потомъ вдругъ увидѣлъ, что былъ кругомъ обманутъ и одураченъ мальчишкою, верхоглядомъ, вертопрахомъ, въ которомъ и подобья не было съ настоящимъ ревизоромъ. Нѣтъ, Петръ Петровичъ, нѣтъ, Семенъ Семенычъ, нѣтъ, господа, всѣ, кто не держитесь такого же мнѣнья, бросьте вашу свѣтскую совѣсть! Не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ. Благородно и строго, какъ онъ изгоняетъ изъ земли своей лихоимцевъ, изгонимъ нашихъ душевныхъ лихоимцевъ! Есть средство, есть бичъ, которымъ можно выгнать ихъ. Смѣхомъ, мои благородные соотечественники! Смѣхомъ, котораго такъ боятся всѣ низкія наши страсти! Смѣхомъ, который созданъ на то, чтобы смѣяться надъ всѣмъ, что̀ позоритъ истинную красоту человѣка. Возвратимъ смѣху его настоящее значенье! Отнимемъ его у тѣхъ, которые обратили его въ легкомысленное свѣтское кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурнаго! Такимъ же точно образомъ, какъ посмѣялись надъ мерзостью въ другомъ человѣкѣ, посмѣемся великодушно надъ мерзостью собственной, какую въ себѣ ни отыщемъ! Не одну эту комедію, но все, что̀ бы ни показалось изъ подъ пера какого бы то ни было писателя, смѣющагося надъ порочнымъ и низкимъ, примемъ прямо на свой собственный счетъ, какъ-бы оно именно было на насъ лично написано: все отыщешь въ себѣ, если только опустишься въ свою душу не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ и неподкупнымъ ревизоромъ. Не возмутимся духомъ, если бы какой-нибудь разсердившійся городничій, или, справедливѣй, самъ нечистый духъ шепнулъ его устами: «Что смѣетесь? надъ собой смѣетесь!» Гордо ему скажемъ: «Да, надъ собой смѣемся, потому что слышимъ благородную русскую нашу породу, потому что слышимъ приказанье высшее быть лучшими другихъ!» Соотечественники! Вѣдь у меня въ жилахъ тоже русская кровь, какъ и у

васъ. Смотрите: я плачу! Комическій актеръ, я прежде смѣшилъ васъ, теперь я плачу. Дайте мнѣ почувствовать, что и мое поприще такъ же честно, какъ и всякаго изъ васъ, что я такъ же служу землѣ своей, какъ и всѣ вы служите, что не пустой я какой-нибудь скоморохъ, созданный для потѣхи пустыхъ людей, но честный чиновникъ великаго Божьяго государства и возбудилъ въ васъ смѣхъ, не тотъ безпутный, которымъ пересмѣхаетъ въ свѣтѣ человѣкъ человѣка, который раждается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ человѣку. Дружно докажемъ всему свѣту, что въ русской землѣ все, что̀ ни есть, отъ малада велика, стремится служить тому же, кому все должно служить на землѣ, несется туда же *(взглянувши на верхъ)* къ верху! къ верховной вѣчной красотѣ!

ЖЕНИТЬБА,

СОВЕРШЕННО НЕВѢРОЯТНОЕ СОБЫТІЕ.

ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(ПИСАНО ВЪ 1833 ГОДУ.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Агафья Тихоновна, купеческая дочь, невѣста.

Арина Пантелеймоновна, тетка.

Ѳекла Ивановна, сваха.

Подколесинъ, служащій надворный совѣтникъ.

Кочкаревъ, другъ его.

Яичница, экзекуторъ.

Анучкинъ, отставной пѣхотный офицеръ.

Жевакинъ, морякъ.

Дуняшка, дѣвочка въ домѣ.

Стариковъ, гостинодворецъ.

Степанъ, слуга Подколесина.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

—

ЯВЛЕНІЕ I.

Комната холостяка. ПОДКОЛЕСИНЪ *одинъ лежитъ на диванѣ съ трубкой.*

Вотъ, какъ начнешь этакъ одинъ на досугѣ подумывать, такъ видишь, что наконецъ точно надо жениться! Что̀ въ самомъ дѣлѣ? Живешь, живешь, да такая наконецъ скверность становится. Вотъ опять пропустилъ мясоѣдъ. А вѣдь, кажется, все готово, и сваха вотъ ужъ три мѣсяца ходитъ. Право, самому какъ-то становится совѣстно. Эй, Степанъ!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ПОДКОЛЕСИНЪ, СТЕПАНЪ.

подк. Не приходила сваха?

ст. Никакъ нѣтъ.

подк. А у портного былъ?

ст. Былъ.

подк. Что жъ онъ, шьетъ фракъ?

ст. Шьетъ.

подк. И много уже нашилъ?

ст. Да ужъ довольно, началъ ужъ петли метать.

подк. Чтò ты говоришь?

ст. Говорю, началъ ужъ петли метать.

подк. А не спрашивалъ онъ, на чтò, молъ, нуженъ барину фракъ?

ст. Нѣтъ, не спрашивалъ.

подк. Можетъ быть, онъ говорилъ, не хочетъ ли баринъ жениться?

ст. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

подк. Ты видѣлъ однакожъ у него и другіе фраки? Вѣдь онъ и для другихъ тоже шьетъ?

ст. Да, фраковъ у него много виситъ.

подк. Однакожъ, вѣдь сукно то на нихъ будетъ, чай, похуже, чѣмъ на моемъ?

ст. Да, это будетъ поприглянѣе, чтò на вашемъ.

подк. Чтó ты говоришь?

ст. Говорю, это поприглянѣе, чтó на вашемъ.

подк. Хорошо. Ну, а не спрашивалъ, для чего, молъ, баринъ изъ такого тонкаго сукна шьетъ себѣ фракъ?

ст. Нѣтъ.

подк. Не говорилъ ничего о томъ, что не хочетъ ли, дескать, жениться?

ст. Нѣтъ, объ этомъ не заговаривалъ.

подк. Ты однакоже сказалъ, какой на мнѣ чинъ, и гдѣ служу?

ст. Сказывалъ.

подк. Чтó жъ онъ на это?

ст. Говоритъ, буду стараться.

подк. Хорошо. Теперь ступай.

Степанъ уходитъ.

—

ЯВЛЕНІЕ III.

подколесинъ, *одинъ*.

Я того мнѣнія, что черный фракъ какъ-то солиднѣе. Цвѣтные больше идутъ секретарямъ, титулярнымъ и прочей мелюзгѣ,—мо-

локососно что-то. Тѣ, которые чиномъ повыше, должны больше наблюдать, какъ говорится, этого.... вотъ позабылъ слово! и хорошее слово, да позабылъ! Да, батюшка, ужъ какъ ты тамъ себѣ ни переворачивай, а надворный совѣтникъ тотъ же полковникъ, только развѣ что мундиръ безъ эполетъ. Эй, Степанъ!

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПОДКОЛЕСИНЪ, СТЕПАНЪ.

подк. А ваксу купилъ?

ст. Купилъ.

подк. Гдѣ купилъ? Въ той лавочкѣ, про которую я тебѣ говорилъ, что̀ на Вознесенскомъ проспектѣ?

ст. Да-съ, въ той самой.

подк. Что жъ, хороша вакса?

ст. Хороша.

подк. Ты пробовалъ чистить ею сапоги?

ст. Пробовалъ.

подк. Что жъ, блеститъ?

ст. Блестѣть-то она блеститъ хорошо.

подк. А когда онъ отпускалъ тебѣ ваксу, не спрашивалъ, для чего, молъ, барину нужна такая вакса?

ст. Нѣтъ.

подк. Можетъ быть, не говорилъ ли, не затѣваетъ ли, молъ, баринъ жениться?

ст. Нѣтъ, ничего не говорилъ.

подк. Ну, хорошо, ступай себѣ!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ПОДКОЛЕСИНЪ, *одинъ*.

Кажется, пустая вещь сапоги, а вѣдь однакоже, если дурно сшиты, да рыжая вакса, ужъ въ хорошемъ обществѣ и не будетъ

такого уваженія. Все какъ-то не того. Вотъ еще гадко, если мозоли. Готовъ вытерпѣть. Богъ знаетъ что̀. только бы не мозоли. Эй, Степанъ!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ПОДКОЛЕСИНЪ, СТЕПАНЪ.

ст. Чего изволите?

подк. Ты говорилъ сапожнику, чтобъ не было мозолей?

ст. Говорилъ.

подк. Что̀ жъ онъ говоритъ?

ст. Говоритъ, хорошо.

Степанъ уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

ПОДКОЛЕСИНЪ, ПОТОМЪ СТЕПАНЪ.

А вѣдь хлопотливая, чортъ возьми, вещь женитьба! То̀, да се, да это. Чтобы то̀, да это было исправно. Нѣтъ, чортъ побери, это не такъ легко, какъ говорятъ. Эй, Степанъ! *(Степанъ входитъ)* Я хотѣлъ тебѣ еще сказать....

ст. Старуха пришла.

подк. А, пришла! зови ее сюда. *(Степанъ уходитъ)* Да, это вещь.... вещь.... не того.... трудная вещь.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ПОДКОЛЕСИНЪ И ѲЕКЛА.

подк. А, здравствуй, Ѳекла Ивановна! Ну, что̀? какъ? Возьми стулъ, садись, да и разсказывай. Ну, такъ какъ же, какъ? какъ бишь ее? Меланья!...

ѲЕКЛА. Агафья Тихоновна.

ПОДК. Да, да, Агафья Тихоновна. И вѣрно, какая-нибудь сорокалѣтняя дѣва?

ѲЕКЛА. Ужъ вотъ нѣтъ, такъ нѣтъ; то есть, какъ женитесь, такъ каждый день станете похваливать да благодарить.

ПОДК. Да ты врешь, Ѳекла Ивановна!

ѲЕКЛА. Устарѣла я, отецъ мой, чтобы врать; песъ вретъ.

ПОДК. А приданое-то, приданое? Разскажи-ка вновь.

ѲЕКЛА. А приданое: каменный домъ въ московской части, о двухъ этажахъ, ужъ такой прибыльный, что, истинно, удовольствіе: одинъ лобазникъ платитъ семьсотъ за лавочку; пивной погребъ тоже большое общество привлекаетъ; два деревянныхъ хлигеря—одинъ хлигерь совсѣмъ деревянный, другой на каменномъ фундаментѣ, каждый рублевъ по четыреста приноситъ доходу. Огородъ есть еще на Выборской сторонѣ. Третьяго года купецъ нанималъ подъ капусту, и такой купецъ трезвый, совсѣмъ не беретъ хмѣльного въ ротъ, и трехъ сыновей имѣетъ: двухъ ужъ поженилъ, «а третій», говоритъ, «еще молодой, пусть посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговлю было полегче отправлять; я ужъ», говоритъ, «старъ, такъ пусть сынъ посидитъ въ лавкѣ, чтобы торговля шла полегче.»

ПОДК. Да собой то, какова собой?

ѲЕКЛА. Какъ рефинадъ! Бѣлая, румяная, какъ кровь съ молокомъ, сладость такая, что и разсказать нельзя. Ужъ будете вотъ по этихъ поръ довольны, *(показывая на горло)* то есть, и пріятелю и непріятелю скажите: «Ай да Ѳекла Ивановна, спасибо!»

ПОДК. Да, вѣдь она, однакожъ, не штабъ-офицерша?

ѲЕКЛА. Купца третьей гильдіи дочь. Да ужъ такая, что и генералу обиды не нанесетъ. О купцѣ и слышать не хочетъ. «Мнѣ», говоритъ, «какой бы ни былъ мужъ, хоть и собой то невзраченъ, да былъ бы дворянинъ.» Да, такой великатесъ! А къ воскресному то, какъ надѣнетъ шелковое платье — такъ, вотъ те Христосъ, такъ и шумитъ. Княгиня просто!

ПОДК. Да вѣть я то потому тебя спрашивалъ, что я надворный совѣтникъ, такъ мнѣ.... понимаешь?

ѲЕКЛА. Да ужъ обнаковенно, какъ понимать. Былъ у насъ и надворный совѣтникъ, да отказали: не пондравился. Такой ужъ у него нравъ то странный былъ: что ни скажетъ слово, то и совретъ, а такой на взглядъ видный. Чтожъ дѣлать, такъ ужъ ему Богъ далъ; онъ то и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть: такая ужъ на то воля Божія.

ПОДК. Ну, а кромѣ этой, другихъ тамъ нѣтъ никакихъ?

ѲЕКЛА. Да какой же тебѣ еще? Ужъ это что есть лучшая.

ПОДК. Будто ужъ самаа лучшая?

ѲЕКЛА. Хоть по всему свѣту исходи, такой не найдешь.

ПОДК. Подумаемъ, подумаемъ, матушка. Приходи-ка послѣ завтра. Мы съ тобой, знаешь, опять вотъ этакъ: я полежу, а ты разскажешь....

ѲЕКЛА. Да, помилуй, отецъ! ужъ вотъ третій мѣсяцъ хожу къ тебѣ, а проку то нисколько: все сидитъ въ халатѣ, да трубку, знай себѣ, покуриваетъ.

ПОДК. А ты думаешь, небось, что женитьба все равно, что: «эй, Степанъ, подай сапоги!» натянулъ на ноги, да и пошелъ? Нужно поразсудить, поразсмотрѣть.

ѲЕКЛА. Ну, такъ что жъ? Коли смотрѣть, такъ и смотри. На то товаръ, чтобы смотрѣть. Вотъ прикажи-ка подать кафтанъ, да теперь же, благо утреннее время, и поѣзжай.

ПОДК. Теперь? А вонъ видишь, какъ пасмурно. Выѣду, а вдругъ хватитъ дождемъ.

ѲЕКЛА. А тебѣ же худо! Вѣдь въ головѣ сѣдой волосъ ужъ глядитъ, скоро совсѣмъ не будешь годиться для супружескаго дѣла. Невидаль, что онъ придворный совѣтникъ! Да мы такихъ жениховъ приберемъ, что и не посмотримъ на тебя.

ПОДК. Что за чепуху несешь ты? Изъ чего вдругъ угораздило тебѣ сказать, что у меня сѣдой волосъ? Гдѣ жъ сѣдой волосъ? *(Щупаетъ свои волосы.)*

ѲЕКЛА. Какъ не быть сѣдому волосу, на то живетъ человѣкъ. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодишь. Да у меня есть напримѣтѣ такой капитанъ, что ты ему и подъ плечо не подойдешь, а говоритъ то, какъ труба, въ алгалантьерствѣ служитъ.

подк. Да врешь, я посмотрю въ зеркало, гдѣ ты выдумала сѣдой волосъ. Эй, Степанъ, принеси зеркало! Или нѣтъ, постой, я пойду самъ. Вотъ еще, Боже сохрани, это хуже чѣмъ оспа.

Уходитъ въ другую комнату.

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ѲЕКЛА И КОЧКАРЕВЪ, *вбѣгая.*

кочк. Что Подколесинъ?... *(Увидѣвъ Ѳеклу)* Ты какъ здѣсь? Ахъ, ты!... Ну, послушай, на кой чортъ ты меня женила?

ѳекла. А что жъ дурного? Законъ исполнилъ.

кочк. Законъ исполнилъ! Экъ невидаль жена! Безъ нея-то развѣ я не могъ обойтись?

ѳекла. Да вѣдь ты жъ самъ присталъ: жени, бабушка, да и только.

кочк. Ахъ ты крыса старая!... Ну, а здѣсь зачѣмъ? Неужели Подколесинъ хочетъ...

ѳекла. А что жъ? Богъ благодать послалъ.

кочк. Нѣтъ? Экъ мерзавецъ, вѣдь мнѣ ничего объ этомъ. Каковъ? прошу покорно: изъ подтишка, а?

—

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И ПОДКОЛЕСИНЪ *съ зеркаломъ въ рукахъ, въ которое вглядывается очень внимательно.*

кочк., *подкрадываясь сзади, пугаетъ его.* Пуфъ!

подк., *вскрикнувъ и роняя зеркало.* Сумасшедшій! Ну зачѣмъ.... зачѣмъ.... Ну, что за глупости! Перепугалъ, право, такъ, что душа не на мѣстѣ.

кочк. Ну, ничего, пошутилъ.

подк. Что за шутки вздумалъ! До сихъ поръ не могу очнуться отъ испуга. И зеркало вонъ разбилъ; вѣдь это вещь не даровая: въ англійскомъ магазинѣ куплено.

кочк. Ну, полно: я сыщу тебѣ другое зеркало.

подк. Да, сыщешь; знаю я эти другія зеркала: цѣлымъ десяткомъ старѣе, и рожа выходитъ косякомъ.

кочк. Послушай, вѣдь я бы долженъ больше на тебя сердиться: ты отъ меня, твоего друга, все скрываешь. Жениться вишь вздумалъ?

подк. Вотъ вздоръ, со всѣмъ и не думалъ!

кочк. Да вѣдь улика на лицо. *(Указываетъ на Өеклу)* Вѣдь вотъ стоитъ, извѣстно, что за птица ужъ. Ну что жъ, ничего, ничего. Здѣсь нѣтъ ничего такого. Дѣло христіанское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя всѣ дѣла. *(Къ Өеклѣ)* Ну, говори: какъ, что и прочее—дворянка, чиновница, или въ купечествѣ что ли, и какъ зовутъ?

өекла. Агафья Тихоновна.

кочк. Агафья Тихоновна Брандахлыстова?

өекла. Анъ нѣтъ—Купердягина.

кочк. Въ Шестилавочной, что ли живетъ?

өекла. Ужъ вотъ нѣтъ; будетъ поближе къ Пескамъ, въ Мыльномъ переулкѣ.

кочк. Ну, да, въ Мыльномъ переулкѣ, тотчасъ за лавочной—деревянный домъ?

өекла. И не за лавочкой, а за пивнымъ погребомъ.

кочк. Какъ же за пивнымъ, — вотъ тутъ-то я не знаю.

өекла. А вотъ какъ поворотишь въ проулокъ, такъ будетъ тебѣ прямо будка, и какъ будку минешь, свороти на лѣво и вотъ тебѣ прямо въ глаза, то есть, такъ вотъ тебѣ прямо въ глаза и будетъ деревянный домъ, гдѣ живетъ швея. Ты къ швеѣ то не заходи, а сейчасъ за нею будетъ второй домъ, каменный,—вотъ этотъ домъ и есть ея, въ которомъ, то есть, она живетъ, Агафья Тихоновна то, невѣста.

кочк. Хорошо, хорошо, теперь я все это обдѣлаю; а ты ступай—въ тебѣ больше нѣтъ нужды.

өекла. Какъ такъ! Неужто ты самъ свадьбу хочешь заправить?

кочк. Самъ, самъ; ты ужъ не мѣшайся только.

ѲЕКЛА. Ахъ, безстыдникъ какой! Да вѣдь это не мужское дѣло. Отступитесь, батюшка, право!

кочк. Поди, поди! Не смыслишь ничего, не мѣшайся. Знай сверчокъ свой шестокъ,—убирайся!

ѲЕКЛА. У людей только чтобъ хлѣбъ отымать, безбожникъ такой! Въ такую дрянь вмѣшался. Кабы знала, ничего бы не сказала. *(Уходитъ съ досадой.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

ПОДКОЛЕСИНЪ И КОЧКАРЕВЪ.

кочк. Ну, братъ, этого дѣла нельзя откладывать, ѣдемъ.

подк. Да вѣдь я еще ничего. Я такъ только, подумалъ.

кочк. Пустяки, пустяки! Только не конфузься: я тебя женю такъ, что и не услышишь. Мы сей же часъ ѣдемъ къ невѣстѣ, и увидишь, какъ еще вдругъ.

подк. Вотъ еще, сейчасъ бы и ѣхать!

кочк. Да зачѣмъ же, помилуй, зачѣмъ дѣло?... Ну разсмотри самъ: ну что изъ того, что ты неженатый? Посмотри на свою комнату: ну что̀ въ ней? Вонъ невычищенный сапогъ стоитъ, вонъ лоханка для умыванья, вонъ цѣлая куча табаку на столѣ, и ты вотъ самъ лежишь, какъ байбакъ: весь день на боку.

подк. Это правда. Порядку то у меня, я знаю самъ, что нѣтъ.

кочк. Ну, а какъ будетъ у тебя жена, такъ ты, просто, ни себя, ничего не узнаешь: тутъ у тебя будетъ диванъ, собачонка, чижикъ какой нибудь въ клѣткѣ, рукодѣлье.... И вообрази, ты сидишь на диванѣ—и вдругъ къ тебѣ подсядетъ бабеночка хорошенькая этакая.... и ручкой тебя....

подк. А, чортъ, какъ подумаешь, право, какія въ самомъ дѣлѣ бываютъ ручки, просто, братъ, какъ молоко.

кочк. Куда тебѣ! Будто у нихъ только что ручки!... У нихъ братъ.... Ну, да что̀ и говорить; у нихъ, братъ, просто, чортъ знаетъ, чего нѣтъ.

подк. А вѣдь сказать тебѣ правду: я люблю, если возлѣ меня сидитъ хорошенькая.

кочк. Ну, видишь, самъ раскусилъ. Теперь только надо распорядиться. Ты ужъ не заботься ни о чемъ. Свадебный обѣдъ и прочее— это все ужъ я.... шампанскаго меньше одной дюжины никакъ, братъ, нельзя.... Ужъ какъ ты себѣ хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылокъ непремѣнно. У невѣсты, вѣрно, есть куча тетушекъ и кумушекъ—эти шутить не любятъ. А рейнвейнъ—чортъ съ нимъ, не правда ли? а? А что̀ же касается до обѣда—у меня, братъ, у меня есть напримѣтѣ одинъ официянтъ: такъ, собака, накормитъ, что, просто, не встанешь.

подк. Помилуй, ты такъ горячо берешься, какъ-будто бы въ самомъ дѣлѣ ужъ свадьба.

кочк. А почему жъ нѣтъ? Зачѣмъ же откладывать? Вѣдь ты согласенъ?

подк. Я? Ну, нѣтъ.... я еще не совсѣмъ согласенъ.

кочк. Вотъ тебѣ на! Да вѣдь ты сейчасъ объявилъ, что хочешь.

подк. Я говорю только, что не худо бы.

кочк. Какъ, помилуй! да мы ужъ совсѣмъ было все дѣло.... Да что̀? развѣ тебѣ не нравится женатая жизнь, что ли?

подк. Нѣтъ, нравится.

кочк. Ну, такъ что̀ жъ? За чѣмъ дѣло стало?

подк. Да дѣло ни за чѣмъ не стало. А только странно....

кочк. А что̀ жъ странно?

подк. Какъ же не странно: все былъ неженатый, а теперь вдругъ женатый.

кочк. Ну, ну.... ну не стыдно ли тебѣ? Нѣтъ, я вижу, съ тобой надо говорить серьезно: я буду говорить откровенно, какъ отецъ съ сыномъ. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вотъ, напримѣръ, такъ, какъ смотришь теперь на меня. Ну, что̀ ты теперь такое? Вѣдь, просто, бревно, никакого значенія не имѣешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни въ зеркало, что̀ ты тамъ видишь? Глупое лицо, больше ничего. А тутъ, вообрази, около тебя будутъ ребятишки, вѣдь не то̀, что двое или трое, а можетъ быть, цѣлыхъ шестеро, и всѣ на тебя, какъ двѣ капли

воды. Ты вотъ теперь одинъ, надворный совѣтникъ, экспедиторъ или тамъ начальникъ какой, Богъ тебя вѣдаетъ; а тогда, вообрази, около тебя эспедиторчонки, маленькіе этакіе канальчонки, и какой нибудь постреленокъ, протянувши ручонки, будетъ теребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: авъ, авъ, авъ! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи самъ?

подк. Да вѣдь они только шалуны большіе: будутъ всё портить, разбросаютъ бумаги.

кочк. Пусть шалятъ, да вѣдь всѣ на тебя похожи—вотъ штука!

подк. А оно въ самомъ дѣлѣ даже смѣшно, чортъ побери: этакой какой нибудь пышка, щенокъ этакой—ужъ на тебя похожъ.

кочк. Какъ не смѣшно, конечно смѣшно. Ну, такъ поѣдемъ.

подк. Пожалуй, поѣдемъ.

кочк. Эй, Степанъ! давай скорѣе своему барину одѣваться.

подк., *одѣваясь, передъ зеркаломъ*. Я думаю однакожъ, что нужно бы въ бѣломъ жилетѣ.

кочк. Пустяки, все равно!

подк., *надѣвая воротнички*. Проклятая прачка, такъ скверно накрахмалила воротнички—никакъ не стоятъ. Ты ей скажи, Степанъ, что если она, глупая, такъ будетъ гладить бѣлье, то я найду другую. Она, вѣрно, съ любовниками проводитъ время, а не гладитъ.

кочк. Да ну, братъ, поскорѣе! какъ ты копаешься!

подк. Сейчасъ, сейчасъ. *(Надѣваетъ фракъ и садится)* Послушай, Илья Ѳомичъ, знаешь ли что̀? Поѣзжай-ко ты одинъ.

кочк. Ну, вотъ, еще: съ ума сошелъ развѣ? Мнѣ ѣхать! Да кто изъ насъ женится, ты или я?

подк. Право, что то не хочется; пусть лучше завтра.

кочк. Ну есть ли въ тебѣ капля ума? Ну, не олухъ ли ты? Собрался совершенно, и вдругъ не надо! Ну, скажи пожалуста, не свинья ли ты, не подлецъ ли ты послѣ этого?

подк. Ну, что жѣ бранишься, съ какой стати, что̀ я тебѣ сдѣлалъ?

кочк. Дуракъ, дуракъ набитый, это тебѣ всякій скажетъ. Глупъ, вотъ просто глупъ, хоть и экспедиторъ. Вѣдь о чемъ ста-

раюсь? О твоей пользѣ: вѣдь изо рта выманятъ кусъ. Лежитъ, проклятый холостякъ! Ну, скажи пожалуста, ну, на что̀ ты похожъ? Ну, ну, дрянь, колпакъ, сказалъ бы такое слово.... да не прилично только. Баба! хуже бабы!

подк. И ты хорошъ въ самомъ дѣлѣ. *(Въ полголоса)* Въ своемъ ли ты умѣ? Тутъ стоитъ крѣпостной человѣкъ, а онъ при немъ бранится, да еще гадкими словами; не нашелъ другого мѣста!

кочк. Да какъ же тебя не бранить, скажи пожалуста? Кто можетъ тебя не бранить? У кого достанетъ духу тебя не бранить? Какъ порядочный человѣкъ, рѣшился жениться, послѣдовалъ благоразумію, и вдругъ—просто съ-дуру, бѣлены объѣлся, деревянный чурбанъ....

подк. Ну, полно, я ѣду—что̀ жъ ты раскричался?

кочк. Ѣду! Конечно, что̀ жъ другое дѣлать, какъ не ѣхать. *(Степану)* Давай ему шляпу и шинель.

подк., *въ дверяхъ.* Такой, право, странный человѣкъ. Съ нимъ никакъ нельзя водиться: выбранитъ вдругъ ни за что, ни про что. Не понимаетъ никакого обращенія.

кочк. Да, ужъ кончено, теперь не браню. *(Оба уходятъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

Комната въ домѣ Агафьи Тихоновны.

—

агафья тихоновна *раскладываетъ на картахъ; изъ-за руки глядитъ тетка* арина пантелеймоновна.

аг. тих. Опять, тетушка, дорога! Интересуется какой-то бубновый король, слезы, любовное письмо, съ лѣвой стороны трефовый изъявляетъ большое участіе, но какая-то злодѣйка мѣшаетъ.

ар. пант. А кто бы, ты думала, былъ трефовый король?

аг. тих. Не знаю.

ар. пант. А я знаю, кто.

аг. тих. А кто?

АР. ПАНТ. А хорошій торговецъ, что по суконной линіи, Алексѣй Дмитріевичъ Стариковъ.

АГ. ТИХ. Вотъ ужъ вѣрно не онъ, я хоть что ставлю, не онъ.

АР. ПАНТ. Не спорь, Агафья Тихоновна, волосъ ужъ такой русый. Нѣтъ другого трефоваго короля.

АГ. ТИХ. А вотъ же нѣтъ: трефовый король значитъ здѣсь дворянинъ,—кунцу далеко до трефоваго короля.

АР. ПАНТ. Эхъ, Агафья Тихоновна, а вѣдь не то бы ты сказала, какъ бы покойникъ-то Тихонъ, твой батюшка, Пантелемоновичъ былъ живъ. Бывало, какъ ударитъ всей пятерней по столу да вскрикнетъ: «Плевать я», говоритъ, «на того, который стыдится быть купцомъ: да не выдамъ же», говоритъ, «дочь за полковника. Пусть ихъ дѣлаютъ другіе! а и сына», говоритъ, «не отдамъ на службу. Что», говоритъ, «развѣ купецъ не служитъ государю, такъ же какъ и всякій другой?» Да всей пятерней то такъ по столу и хватитъ. А рука то въ ведро величиною—такія страсти! Вѣдь, если сказать правду, онъ и усахарилъ твою матушку, а покойница прожила бы подолѣе.

АГ. ТИХ. Ну, вотъ чтобы и у меня еще былъ такой злой мужъ! Да ни за что не выйду за купца!

АР. ПАНТ. Да вѣдь Алексѣй то Дмитріевичъ не такой.

АГ. ТИХ. Не хочу, не хочу! У него борода: станетъ ѣсть, все потечетъ по бородѣ. Нѣтъ, нѣтъ, не хочу!

АР. ПАНТ. Да вѣдь гдѣ же его достанешь хорошаго дворянина? Вѣдь его на улицѣ не сыщешь.

АГ. ТИХ. Ѳекла Ивановна сыщетъ; она обѣщалась сыскать самого лучшаго.

АР. ПАНТ. Да вѣдь она лгунья, мой свѣтъ!

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И ѲЕКЛА.

ѲЕКЛА. Ахъ нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, грѣхъ вамъ понапрасну поклепъ взводить.

АГ. ТИХ. Ахъ, это Ѳекла Ивановна! Ну что̀, говори, разсказывай, есть?

ѲЕКЛА. Есть, есть, дай только прежде съ духомъ собраться— такъ ухлопоталася! По твоей коммисіи всѣ дѣла исходила, по канцеляріямъ, по министеріямъ истаскалась, въ караульни наслонялась... Знаешь ли ты, мать моя, вѣдь меня чуть было не прибили, ей Богу: старуха-то, что̀ женила Аферовыхъ, такъ было приступила ко мнѣ: «Ты такая и этакая, только хлѣбъ перебиваешь, знай свой кварталъ», говоритъ.—«Да что̀ жъ», сказала я напрямикъ, «я для своей барышни, не прогнѣвайся, все готова удовлетворить.» За то̀ ужъ какихъ жениховъ тебѣ припасла! То есть, и стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такихъ еще не было. Сегодня же иные и прибудутъ. Я забѣжала нарочно тебя предварить.

АГ. ТИХ. Какъ же сегодня? Душа моя, Ѳекла Ивановна, я боюсь.

ѲЕКЛА. И, не пугайся, мать моя! дѣло житейское. Пріѣдутъ, посмотрятъ, больше ничего. И ты посмотришь ихъ: не понравятся—ну, и уѣдутъ.

АР. ПАНТ. Ну ужъ, чай, хорошихъ приманила!

АГ. ТИХ. А сколько ихъ? много?

ѲЕКЛА. Да человѣкъ шесть есть.

АГ. ТИХ., *вскрикнувъ*. Ухъ!

ѲЕКЛА. Ну, что̀ жъ ты, мать моя, такъ вспорхнулась! Лучше выбирать: одинъ не придется, другой придется.

АГ. ТИХ. Что̀ жъ они, дворяне?

ѲЕКЛА. Всѣ, какъ на-подборъ; ужъ такіе дворяне, что еще и не было такихъ.

АГ. ТИХ. Ну какіе же, какіе?

ѲЕКЛА. А славные, всѣ такіе хорошіе, акуратные. Первый, Балтазаръ Балтазаровичъ Жевакинъ, такой славный, во флотѣ служилъ—какъ разъ по тебѣ придется. Говоритъ, что ему нужно, чтобы невѣста была въ тѣлѣ, а поджаристыхъ совсѣмъ не любитъ. А Иванъ-то Павловичъ, что̀ служитъ езекухторомъ, такой важный, что и приступу нѣтъ. Такой видный изъ себя, толстый; какъ закричитъ на меня: «Ты мнѣ не толкуй пустяковъ, что невѣста такая и этакая, ты скажи напрямикъ, сколько за ней дви-

жимаго и недвижимаго?»—«Столько то и столько то, отецъ мой!»—«Ты врешь, собачья дочь!» Да еще, мать моя, вклеилъ такое словцо, что и неприлично тебѣ сказать. Я такъ въ мигъ и спознала: э, да это долженъ быть важный господинъ!

АГ. ТИХ. Ну, а еще кто?

ѲЕКЛА. А еще Никаноръ Иванычъ Анучкинъ. Это ужъ такой деликатный, а губы, мать моя,—малина, совсѣмъ малина—такой славный. «Мнѣ», говоритъ, «нужно, чтобы невѣста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по-Французскому умѣла говорить.» Да, тонкаго поведенья человѣкъ, нѣмецкая штука; а самъ то такой субтильный, и ножки узенькія, тоненькія.

АГ. ТИХ. Нѣтъ, мнѣ эти субтильные какъ-то не того... не знаю... я ничего не вижу въ нихъ.

ѲЕКЛА. А коли хочешь по плотнѣе, такъ возьми Ивана Павловича. Ужъ лучше нельзя выбрать никого. Ужъ тотъ, неча сказать, баринъ, такъ баринъ: мало въ эти двери не войдетъ—такой славный.

АГ. ТИХ. А сколько лѣтъ ему?

ѲЕКЛА. А человѣкъ еще молодой: лѣтъ пятьдесятъ, да и пятидесяти еще нѣтъ.

АГ. ТИХ. А фамилія какъ?

ѲЕКЛА. А фамилія: Иванъ Павловичъ Яичница.

АГ. ТИХ. Это такая фамилія?

ѲЕКЛА. Фамилія!

АГ. ТИХ. Ахъ, Боже мой, какая фамилія! Послушай, Ѳеклушка, какъ же это, если я выйду за него замужъ и вдругъ буду называться Агафья Тихоновна Яичница. Богъ знаетъ, что̀ такое!

ѲЕКЛА. И, мать моя! да на Руси есть такія прозвища, что только плюнешь, да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина—славный женихъ.

АГ. ТИХ. А какіе у него волосы?

ѲЕКЛА. Хорошіе волосы.

АГ. ТИХ. А носъ?

ѲЕКЛА. Э... и носъ хорошій; все на своемъ мѣстѣ; и самъ такой славный. Только не погнѣвайся: ужъ на квартирѣ одна только трубка и стоитъ, больше ничего нѣтъ, никакой мебели.

АГ. ТИХ. А еще кто?

ѲЕКЛА. Акинфъ Степановичъ Пантелеевъ, чиновникъ, титулярный совѣтникъ, немножко заикается, только за то ужъ такой скромный.

АР. ПАНТ. Ну, что ты все: чиновникъ, чиновникъ; а не любитъ ли онъ выпить, вотъ, молъ, что̀ скажи.

ѲЕКЛА. А пьетъ, не прекословлю, пьетъ. Что̀ жъ дѣлать, — ужъ онъ титулярный совѣтникъ! за то такой тихій, какъ шелкъ.

АГ. ТИХ. Ну нѣтъ, я не хочу, чтобы мужъ у меня былъ пьяница.

ѲЕКЛА. Твоя воля, мать моя! не хочешь одного, возьми другого. Впрочемъ, что̀ жъ такова, что иной разъ выпьетъ лишнее? Вѣдь не всю же недѣлю бываетъ пьянъ; иной день выберется и трезвый.

АГ. ТИХ. Ну, а еще кто?

ѲЕКЛА. Да есть еще одинъ, да тотъ только такой... Богъ съ нимъ! Эти будутъ почище.

АГ. ТИХ. Ну, да кто же онъ?

ѲЕКЛА. А, не хотѣлось бы и говорить про него. Онъ то, пожалуй, надворный совѣтникъ и петлицу носитъ, да ужъ на подъемъ куда тяжелъ, не выманишь изъ дому.

АГ. ТИХ. Ну, а еще кто? Вѣдь тутъ только всего пять, а ты говорила шесть.

ѲЕКЛА. Да неужто тебѣ еще мало? Смотри ты, какъ тебя вдругъ поразобрало; а вѣдь давича было испугалась.

АР. ПАНТ. Да что̀ въ нихъ, въ дворянахъ то твоихъ; хоть ихъ у тебя и шестеро, а право купецъ одинъ станетъ за всѣхъ.

ѲЕКЛА. А нѣтъ, Арина Пантелеймоновна, дворянинъ будетъ почтеннѣй.

АР. ПАНТ. Да что̀ въ почтеньи то. А вотъ Алексѣй Дмитріевичъ, да въ собольей шапкѣ, въ санкахъ-то какъ прокатится!..

ѲЕКЛА. А дворянинъ то съ аполетой пройдетъ на встрѣчу, скажетъ: «Что̀ ты, купчишка, свороти съ дороги!» или: «покажи,

купчишка, бархату самаго лучшаго!» а купецъ: «извольте, батюшка!» — «А сними-ка невѣжа шляпу!» вотъ что скажетъ дворянинъ.

АР. ПАНТ. А купецъ, если захочетъ, не дастъ сукна; а вотъ дворянинъ то и голинькой, и не въ чемъ ходить дворянину.

ѲЕКЛА. А дворянинъ зарубитъ купца.

АР. ПАНТ. А купецъ пойдетъ жаловаться въ полицію.

ѲЕКЛА. А дворянинъ пойдетъ на купца къ сенатору.

АР. ПАНТ. А купецъ къ губернатору.

ѲЕКЛА. А дворянинъ...

АР. ПАНТ. Врешь, врешь, дворянинъ!.. Губернаторъ больше сенатора! Разносило съ дворяниномъ! А дворянинъ, при случаѣ, такъ же гнетъ шапку... *(въ дверяхъ слышенъ звонокъ)* Никакъ звонитъ кто-то.

ѲЕКЛА. Ахти, это они!

АР. ПАНТ. Кто они?

ѲЕКЛА. Они... кто-нибудь изъ жениховъ.

АГ. ТИХ. *вскрикиваетъ*. Ухъ!

АР. ПАНТ. Святые, помилуйте насъ грѣшныхъ! Въ комнатѣ совсѣмъ не прибрано. *(Схватываетъ все, что ни есть на столѣ, и бѣгаетъ по комнатѣ)* Да салфетка то, салфетка на столѣ совсѣмъ черная. Дуняшка, Дуняшка! *(Дуняшка является)* скорѣе чистую салфетку. *(Стаскиваетъ салфетку и мечется по комнатѣ.)*

АГ. ТИХ. Ахъ, тетушка! какъ мнѣ быть? я чуть не въ рубашкѣ.

АР. ПАНТ. Ахъ, мать моя, бѣги скорѣй одѣваться! *(Мечется по комнатѣ; Дуняшка приноситъ салфетку; въ дверяхъ звонятъ)* Ступай, бѣги, скажи «сейчасъ!» *(Дуняшка кричитъ издалека:* сейчасъ.)

АГ. ТИХ. Тетушка! да вѣдь платье не выглажено.

АР. ПАНТ. Ахъ, Господи милосердый, не погуби! Надѣнь другое.

ѲЕКЛА, *вбѣгая*. Что жъ вы глядите? Агафья Тихоновна, поскорѣй, мать моя! *(Слышенъ звонокъ)* Ахти! а вѣдь онъ все дожидается.

ар. пант. Дуняшка, введи его и проси обождать. *(Дуняшка бѣжитъ въ сѣни и отворяетъ дверь. Слышны голоса:* дома?—Дома, пожалуйте въ комнату. *Всѣ съ любопытствомъ стараются разсмотрѣть въ замочную скважину.)*

аг. тих. *вскрикиваетъ.* Ахъ, какой толстый!

ѳекла. Идетъ, идетъ! *(Всѣ бѣгутъ опрометью.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ ЯИЧНИЦА И ДУНЯШКА.

дун. Погодите здѣсь. *(Уходитъ.)*

яичн. Пожалуй, пождать пождемъ, какъ-бы только не замѣшкаться, отлучился, вѣдь, только на минутку изъ департамента. Вдругъ вздумаетъ генералъ: «А гдѣ экзекуторъ пошелъ?» Невѣсту пошелъ выглядывать!... Чтобъ не задалъ онъ такой невѣсты... А однакожъ разсмотрѣть еще разъ роспись. *(Читаетъ)* «Каменный двухъэтажный домъ» *(подымаетъ глаза вверхъ и осматриваетъ комнату)* есть! *(продолжаетъ читать)* «флигеля два: флигель на каменномъ фундаментѣ, флигель деревяный...» Ну, деревянный плоховатъ. «Дрожки, сани парныя съ рѣзьбой подъ большой коверъ и подъ малый.» Можетъ быть такія, что въ ломъ годятся. Старуха однакожъ увѣряетъ, что первый сортъ; хорошо пусть первый сортъ. «Двѣ дюжины серебряныхъ ложекъ....» Конечно, для дома нужны серебряныя ложки. «Двѣ лисьи шубы...» Гм. «Четыре большихъ пуховика и два малыхъ» *(значительно сжимаетъ губы.)* «Шесть паръ шелковыхъ и шесть паръ ситцеваго платья, два ночныхъ капота, два...» Ну, это статья пустая! «Бѣлье, салфетки...» Это пусть будетъ, какъ ей хочется. Впрочемъ, нужно все это повѣрить на дѣлѣ. Теперь пожалуй обѣщаютъ и домъ и экипажи, а какъ женишься—только и найдешь, что пуховики да перины. *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ въ попыхахъ черезъ комнату отворять дверь. Слышны голоса:* Дома?—Дома.)

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

ИВАНЪ ПАВЛОВИЧЪ И АНУЧКИНЪ.

ДУН. Погодите тутъ. Они выйдутъ. *(Уходитъ. Анучкинъ раскланивается съ Яичницей.)*

ЯИЧН. Мое почтеніе!

АНУЧК. Не съ папенькой ли прелестной хозяйки дома имѣю честь говорить?

ЯИЧН. Никакъ нѣтъ, вовсе не съ папенькой. Я даже еще не имѣю дѣтей.

АНУЧК. Ахъ, извините, извините!

ЯИЧН., *въ сторону*. Физіогномія этого человѣка мнѣ что-то подозрительна: чуть ли онъ не за тѣмъ же сюда пришелъ, за чѣмъ и я. *(Вслухъ)* Вы, вѣрно, имѣете какую-нибудь надобностъ къ хозяйкѣ дома?

АНУЧК. Нѣтъ, что жъ... надобности никакой нѣтъ, а такъ зашелъ, съ прогулки.

ЯИЧН., *въ сторону*. Вретъ, вретъ, съ прогулки! жениться, подлецъ, хочетъ! *(Слышенъ звонокъ. Дуняшка бѣжитъ черезъ комнату отворять двери. Въ сѣняхъ голоса:* Дома?—Дома.*)*

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ И ЖЕВАКИНЪ, ВЪ СОПРОВОЖДЕНІИ ДѢВЧОНКИ.

ЖЕВ., *Дуняшкѣ*. Пожалуйста, душенька, почисть меня.... Пыли то, знаешь, на улицѣ попристало немало. Вонъ тамъ пожалуйста сними паутину. *(Поворачивается)* Такъ! спасибо, душенька. Вотъ еще посмотри: тамъ какъ-будто паучокъ лазитъ; а на подборахъ то сзади ничего нѣтъ? Спасибо, родная! Вонъ тутъ еще, кажется. *(Гладитъ рукою рукавъ фрака и поглядываетъ на Анучкина и Ивана Павловича)* Суконцо то вѣдь аглицкое! въ 95 году, когда была эскадра наша въ Сициліи, купилъ я его еще мичманомъ и сшилъ изъ него мундиръ; въ 801 при Павлѣ

Петровичѣ я былъ сдѣланъ лейтенантомъ, сукно было совсѣмъ новешенькое; въ 814 сдѣлалъ экспедицію вокругъ свѣта, и вотъ только по швамъ немного поистерлось; въ 815 вышелъ въ отставку, только переворотилъ: ужъ десять лѣтъ ношу, до сихъ поръ почти, что новый. Благодарю, душенька, м.... раскрасоточка. *(Дѣлаетъ ей ручку и, подходя къ зеркалу, слегка взъерошиваетъ волосы.)*

АНУЧК. А какъ, позвольте узнать, Сицилія.... вотъ вы изволили сказать—Сицилія, хорошая это земля, Сицилія?

ЖЕВ. А прекрасная! Мы тридцать четыре дня тамъ пробыли: видъ, я вамъ доложу, восхитительный. Этакія горы, этакъ деревцо какое нибудь гранитное, и вездѣ Италіяночки, такіе розанчики, такъ вотъ и хочется поцѣловать.

АНУЧК. И хорошо образованы?

ЖЕВ. Превосходнымъ образомъ! такъ образованы, какъ вотъ у насъ только графини развѣ. Бывало пойдешь по улицѣ—ну, русскій лейтенантъ, натурально, здѣсь эполеты *(показываетъ на плеча)* золотое шитье, и этакъ красоточки черномазенькія—у нихъ вѣдь возлѣ каждаго дома балкончики и крыши вотъ, какъ этотъ полъ, совершенно плоски — бывало, этакъ смотришь, и сидитъ этакой розанчикъ.... Ну, натурально, чтобы не ударить лицомъ въ грязь.... *(кланяется и размахиваетъ рукою)* и она этакъ только. *(Дѣлаетъ рукою движеніе)* Натурально, одѣта: здѣсь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамскія разныя сережки.... ну, словомъ, такой лакомый кусочекъ....

АНУЧК. А какъ, позвольте еще вамъ сдѣлать вопросъ, на какомъ языкѣ изъясняются въ Сициліи?

ЖЕВ. А натурально, всѣ на французскомъ.

АНУЧК. И рѣшительно всѣ барышни говорятъ по-французски?

ЖЕВ. Всѣ-съ рѣшительно. Вы даже, можетъ быть, не повѣрите тому, что̀ я вамъ доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слыхалъ отъ нихъ по-русски.

АНУЧК. Ни одного слова?

ЖЕВ. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянахъ и прочихъ синьорахъ, то есть, разныхъ ихнихъ офицерахъ; но возьмите

нарочно тамошняго простаго мужика, который перетаскиваетъ на шеѣ всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: «Дай, братецъ, хлѣба!» — не пойметъ, ей Богу не пойметъ, а скажи по-французски: «Dateci del pane» или: «portate vino!»—пойметъ, и побѣжитъ, и точно принесетъ.

ив. павл. А любопытная однакожъ, какъ я вижу, должна быть земля эта Сицилія. Вотъ вы сказали—мужикъ, какъ онъ? такъ ли совершенно, какъ и русскій мужикъ — широкъ въ плечахъ и землю пашетъ, или нѣтъ?

жев. Не могу вамъ сказать, не замѣтилъ, пашутъ или нѣтъ; а вотъ насчетъ нюханья табаку, такъ я вамъ доложу, что всѣ не только нюхаютъ, а даже за губу-съ кладутъ. Перевозка тоже очень дешева: тамъ все почти вода и вездѣ гондолы.... Натурально, сидитъ эдакая Италіяночка, такой розанчикъ, одѣта: манишечка, платочекъ!... Съ нами были и англійскіе офицеры; ну, народъ такъ же какъ и наши: моряки.... и сначала очень было странно: не понимаешь другъ друга; но потомъ, какъ хорошо обзнакомились, начали свободно понимать. Покажешь бывало этакъ на бутылку или стаканъ,—ну, тотчасъ и знаетъ, что это значитъ выпить; приставишь этакъ кулакъ ко рту и скажешь только губами: пафъ, пафъ—знаетъ: трубку выкурить. Вообще, я вамъ доложу, языкъ довольно легкій, наши матросы въ три дня какихъ-нибудь стали совершенно понимать другъ друга.

ив. павл. А преинтересная, какъ вижу, жизнь въ чужихъ краяхъ. Мнѣ очень пріятно сойтись съ человѣкомъ бывалымъ. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

жев. Жевакинъ-съ, лейтенантъ въ отставкѣ. Позвольте съ своей стороны тоже спросить, съ кѣмъ-съ имѣю счастье изъясняться?

ив. павл. Въ должности экзекутора, Иванъ Павловичъ Яичница.

жев. *не дослышавъ*. Да, я тоже перекусилъ. Дороги то, знаю, впереди будетъ довольно; а время холодновато: селедочку съѣлъ съ хлѣбцомъ.

ив. павл. Нѣтъ, кажется, вы не такъ поняли: это фамилія моя—Яичница.

жев., *кланяясь*. Ахъ, извините, я немножко туговатъ на ухо! Я, право, думалъ, что вы изволили сказать, что покушали яичницы.

ив. павл. Да, что дѣлать! Я хотѣлъ было уже просить генерала, чтобы позволилъ назваться мнѣ Яичницынъ, да свои отговорили; говорятъ: будетъ похоже на «собачій сынъ.»

жев. А это однакожъ бываетъ. У насъ вся наша эскадра, всѣ офицеры и матросы, всѣ были съ престранными фамиліями: Помойкинъ, Ярыжкинъ, Перепрѣевъ лейтенантъ; а одинъ мичманъ, и даже хорошій мичманъ, былъ по фамиліи, просто, Дырка. И капитанъ бывало: «Ты, Дырка, поди сюда!» и бывало, надъ нимъ всегда пошутитъ: «эхъ ты дырка эдакой,» говоритъ. *(Слышенъ въ сѣняхъ звонокъ; Ѳекла бѣжитъ черезъ комнату отворять.)*

яичн. А, здравствуй матушка!

жев. Здравствуй, какъ живешь, душа моя?

анучк. Здравствуй, матушка, Ѳекла Ивановна!

ѳекла *бѣжитъ въ-попыхахъ*. Спасибо, отцы мои, здорово. *(Отворяетъ дверь; въ сѣняхъ раздаются голоса:* Дома? Дома. *Потомъ нѣсколько почти неслышныхъ словъ, на которые Ѳекли отвѣчаетъ съ досадою:* смотри ты какой!)

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ, КОЧКАРЕВЪ, ПОДКОЛЕСИНЪ И ѲЕКЛА.

кочк. *Подколесину*. Ты помни только куражъ и больше ничего. *(Оглядывается и раскланивается съ нѣкоторымъ изумленіемъ; про-себя)* Фу ты какая куча народу! Это что̀ значитъ? Ужъ не женихи ли? *(Толкаетъ Ѳеклу и говоритъ ей тихо)* Съ которыхъ сторонъ понабрала воронъ—а?

ѳекла *въ полголоса*. Тутъ тебѣ воронъ нѣтъ, всѣ честные люди.

кочк. *ей*. Гости то несчитанные, кажется, общипанные.

ѳекла. Гляди налетъ на свой полетъ, а и похвастаться не чѣмъ: шапка въ рубль, а щи безъ крупъ.

кочк. Не бось, твои разживные, по дырѣ въ карманѣ. *(Вслухъ)* Да что она дѣлаетъ теперь? вѣдь это дверь, вѣрно, къ ней въ спальню? *(Подходитъ къ двери)*.

ѲЕКЛА. Безстыдникъ! говорятъ тебѣ, еще одѣвается.

кочк. Эка бѣда! Что жъ тутъ такого? Вѣдь только посмотрю и больше ничего. *(Смотритъ въ замочную скважину.)*

жев. А позвольте мнѣ полюбопытсвовать тоже.

яичн. Позвольте взглянуть мнѣ только одинъ разочекъ.

кочк. *продолжая смотрѣть.* Да ничего не видно, господа! И распознать нельзя, что такое бѣлѣетъ, женщина или подушка. *(Всѣ однакожъ обступили дверь и продираются взглянуть.)*

кочк. Что... кто-то идетъ. *(Всѣ отскакиваютъ прочь.)*

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ, АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА И АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

(Всѣ раскланиваются.)

ар. пант. А по какой причинѣ изволили одолжить посѣщеніемъ?

яичн. А по газетамъ узналъ я, что желаете вступить въ подряды насчетъ поставки лѣсу и дровъ, и потому, находясь въ должности экзекутора при казенномъ мѣстѣ, я пришелъ узнать, какого роду лѣсъ, въ какомъ количествѣ и къ какому времени можете его поставить.

ар. пант. Хоть подрядовъ никакихъ не беремъ, а приходу рады. А какъ по фамиліи?

яичн. Коллежскій ассессоръ Иванъ Павловичъ Яичница.

ар. пант. Прошу покорнѣйше садиться. *(Обращается къ Жевакину и смотритъ на него)* А позвольте узнать...

жев. Я тоже, вы знаете, вижу объявленіе о чемъ-то. Дай-ка, думаю себѣ, пойду. Погода же показалось хорошею, по дорогѣ травка...

ар. пант. А какъ-съ по фамиліи?

жев. А лейтенантъ морской службы въ отставкѣ, Балтазаръ Балтазаровъ Жевакинъ 2-й. Былъ у насъ еще другой Жевакинъ, да тотъ еще прежде меня вышелъ въ отставку: былъ раненъ, матушка, подъ колѣнкомъ, и пуля такъ странно прошла, что колѣнка то самого не тронула, а по жилѣ прохватила—какъ иголкой сшило, такъ что, бывало, когда стоишь съ нимъ, все кажется, что онъ хочетъ тебя колѣнкомъ сзади ударить.

ар. пант. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Анучкину)* А позвольте узнать, по какой причинѣ?

анучк. По сосѣдству-съ. Находясь довольно въ близкомъ сосѣдствѣ...

ар. пант. Не въ домѣ ли купеческой жены Тулубувой, что насупротивъ, изволите жить?

анучк. Нѣтъ, я покамѣсть живу еще на Пескахъ; но имѣю однакоже намѣреніе современемъ перебраться сюда-съ въ сосѣдство, въ эту часть города.

ар. пант. А прошу покорнѣйше садиться. *(Обращаясь къ Кочкареву)* А позвольте узнать...

кочк. Да неужели вы меня не узнаете? *(Обращаясь къ Агафьѣ Тихоновнѣ)* И вы также, сударыня?

аг. тих. Сколько мнѣ кажется, совсѣмъ не видала васъ.

кочк. Однакожъ припомните: вы меня, вѣрно, гдѣ-нибудь видѣли.

аг. тих. Право не знаю. Ужъ развѣ не у Бирюшкиныхъ-ли?

кочк. Именно, у Бирюшкиныхъ.

аг. тих. Ахъ, вы не знаете: съ ней вѣдь исторія случилась.

кочк. Какъ-же вышла замужъ.

аг. тих. Нѣтъ, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

ар. пант. И сильно переломила. Возвращалась довольно поздно домой на дрожкахъ, а кучеръ то былъ пьянъ и вывалилъ съ дрожекъ.

кочк. Да то-то, я помню, что-то было: или вышла замужъ, или переломила ногу.

ар. пант. А какъ по фамиліи?

кочк. Какъ же,—Илья Ѳомичъ Кочкаревъ, въ родствѣ вѣдь мы; жена моя безпрестанно говоритъ о томъ.... Позвольте, позвольте,

(беретъ за руку Подколесина и подводитъ его) Пріятель мой, Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, надворный совѣтникъ, служитъ, экспедиторомъ, одинъ всѣ дѣла дѣлаетъ, усовершенствовалъ отличнѣйше свою часть.

АР. ПАНТ. А какъ по фамиліи?

КОЧК. Подколесинъ Иванъ Кузьмичъ, Подколесинъ. Директоръ, такъ, только для чина поставленъ, а всѣ дѣла онъ дѣлаетъ, Иванъ Кузьмичъ Подколесинъ.

АР. ПАНТ. Такъ-съ. Прошу покорнѣйше садиться.

—

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ТѢ ЖЕ И СТАРИКОВЪ.

СТАР. *кланяясь живо и скоро, по-купечески и слегка берясь въ бока.* Здравствуйте, матушка Арина Пантелеймоновна! Ребята на гостинномъ дворѣ сказывали, что продали шерсть, матушка?

АГ. ТИХ., *отворачиваясь съ пренебреженіемъ, въ полголоса, но такъ что онъ слышитъ.* Здѣсь не купеческая лавка.

СТАР. Вона! Аль не впопадъ пришли? аль безъ насъ дѣло сварили?

АР. ПАНТ. Прошу, прошу, Алексѣй Дмитріевичъ; хоть шерсти не продаемъ, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(Всѣ усѣлись. Молчаніе.)

ЯИЧН. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождикъ, а теперь какъ-будто и прошло.

АГ. ТИХ. Да-съ, ужъ эта погода ни на чтó не похожа: иногда ясно, а въ другое время совершенно дождливая. Очень большая непріятность.

ЖЕВ. Вотъ въ Сициліи, матушка, мы были съ эскадрой въ весеннее время,—если пригонять, такъ выйдетъ къ нашему февралю; выйдешь бывало изъ дому—день солнечный, а потомъ этакъ дождикъ, и смотришь, точно какъ-будто дождикъ.

яичн. Непріятнѣе всего, когда въ такую погоду сидишъ одинъ. Женатому человѣку совсѣмъ другое дѣло—не скучно; а если въ одиночествѣ, такъ это просто...

жев. О, смерть, совершенная смерть!

анучк. Да-съ, это можно сказать...

кочк. Какое? — просто терзанье! жизни не будешь радъ! Не приведи Богъ испытать такое положеніе.

яичн. А какъ, сударыня, если бы пришлось вамъ избрать предметъ? Позвольте узнать вашъ вкусъ. Извините, что я такъ прямо. Въ какой службѣ вы полагаете быть приличнѣе мужу?

жев. Хотите ли вы, сударыня, имѣть мужемъ знакомаго съ морскими бурями?

кочк. Нѣтъ, нѣтъ! Лучше по моему мнѣнію мужъ.... вотъ человѣкъ, который одинъ почти управляетъ всѣмъ департаментомъ.

анучк. Почему же предубѣжденье? зачѣмъ вы хотите оказать пренебреженіе къ человѣку, который умѣетъ также цѣнить обхожденіе высшаго общества?

яичн. Сударыня, разрѣшите вы!

аг. тих. *молчитъ.*

ѳекла. Отвѣчай же, мать моя, скажи имъ что-нибудь.

яичн. Какъ же, матушка?

кочк. Какъ же ваше мнѣніе, Агафья Тихоновна?

ѳекла, *тихо ей.* Скажи же, скажи: «Благодарствую,» молъ, «съ моимъ удовольствіемъ...» Не хорошо же такъ сидѣть.

аг. тих. Мнѣ стыдно, право стыдно; я уйду, право уйду. Тетушка, посидите за меня.

ѳекла. Ахъ, не дѣлай этого сраму, не уходи; совсѣмъ осрамишься. Они ни вѣсть что подумаютъ.

аг. тих. *тихо.* Нѣтъ, право уйду, уйду, уйду! *(убѣгаетъ. Ѳекла и Арина Пантелеймоновна уходятъ вслѣдъ за нею.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XX.

ТѢ ЖЕ, *кромѣ ушедшихъ*.

ЯИЧН. Вотъ тебѣ на, и ушли всѣ! что это значитъ?

КОЧК. Что-нибудь, вѣрно, случилось.

ЖЕВ. Какъ-нибудь на счетъ дамскаго туалета... Этакъ поправить что-нибудь... манишечку... пришпилить. (*Ѳекла входитъ. Всѣ къ ней на встрѣчу съ вопросами:* что̀, что такое?)

КОЧК. Что-нибудь случилось?

ѲЕКЛА. Какъ можно, чтобы случилось; ей Богу ничего не случилось.

КОЧК. Да зачѣмъ же она вышла?

ѲЕКЛА. Да пристыдили, потому и вышла; совсѣмъ исконфузили, такъ что не высидѣла на мѣстѣ. Проситъ извинить: ввечеру де на чашку чаю чтобы пожаловали (*уходитъ.*)

ЯИЧН. *въ сторону.* Охъ ужъ эта мнѣ чашка чаю! Вотъ за то не люблю сватаній, пойдетъ возня: сегодня нельзя, да пожалуйте завтра, да еще послѣзавтра на чашку, да нужно еще подумать. А вѣдь дѣло дрянь, ни чуть не головоломное! чортъ побери, я человѣкъ должностной, мнѣ некогда.

КОЧК., *Подколесину.* А вѣдь хозяйка недурна, а?

ПОДК. Да, недурна.

ЖЕВ. А вѣдь хозяйка то хороша?

КОЧК. *въ сторону.* Вотъ чортъ побери! Этотъ дуракъ влюбился. Еще будетъ мѣшать, пожалуй! (*Вслухъ*) Совсѣмъ нехороша, совсѣмъ нехороша.

ЯИЧН. Носъ великъ.

ЖЕВ. Ну нѣтъ, носа я не замѣтилъ. Она этакой розанчикъ.

АНУЧК. Я самъ того же мнѣнія. Нѣтъ, не то̀, не то̀... Я даже думаю, что врядъ ли она знакома съ обхожденіемъ высшаго общества. Да и знаетъ ли она еще по-Французски?

ЖЕВ. Да что жъ вы, смѣю спросить, не попробовали, не поговорили съ ней по-Французски? Можетъ быть, и знаетъ.

АНУЧК. Вы думаете, я говорю по-Французуски? Нѣтъ, я не имѣлъ счастія воспользоваться такимъ воспитаніемъ. Мой отецъ

былъ чудакъ. Онъ и не думалъ меня выучить Французскому языку. Я былъ тогда еще ребенкомъ, меня легко было пріучить, стоило только посѣчь хорошенько, и я бы зналъ, я бы непремѣнно зналъ.

жев. Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что жъ вамъ за прибыль, если она...

анучк. А нѣтъ, нѣтъ, женщина совсѣмъ другое дѣло. Нужно, чтобы она непремѣнно знала, а безъ того у ней и то, и это... *(показываетъ жестами)* все ужъ будетъ не тò.

яичн. *въ сторону.* Ну, объ этомъ заботься кто другой. А я пойду, да осмотрю со двора домъ и флигеля: если только все, какъ слѣдуетъ, такъ сего же вечера добьюсь дѣла. Эти женишки мнѣ не опасны—народъ что-то больно жиденькій. Такихъ невѣсты не любятъ.

жев. Пойти выкурить трубочку. А что, не по дорогѣ ли намъ? Вы гдѣ, позвольте спросить, живете?

анучк. А на Пескахъ, въ Петровскомъ переулкѣ.

жев. Да-съ, будетъ кругъ: я на острову въ 18-й линіи; а впрочемъ и все-таки я васъ провожу.

стар. Нѣтъ, тутъ что-то спѣсивятся. Ай припомните потомъ, Агафья Тихоновна, и насъ! Съ моимъ почтеніемъ, господа! *(кланяется и уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ПОДКОЛЕСИНЪ И КОЧКАРЕВЪ.

подк. А чего ждемъ и мы.

кочк. Ну что, вѣдь правда, хозяйка мила?

подк. Да что! мнѣ, признаюсь, она не нравится.

кочк. Вотъ на! Это что? Да вѣдь ты самъ согласился, что она хороша!

подк. Да такъ, какъ-то не того: и носъ длинный, и по-Французски не знаетъ.

кочк. Это еще что? тебѣ на что по-Французски?

подк. Ну, все-таки невѣста должна знать по-Французски.

кочк. Почему жъ?

подк. Да потому, что.... ужъ я не знаю почему, а все будетъ у ней не то̀.

кочк. Ну, вотъ дуракъ; сейчасъ одинъ сказалъ, а онъ и уши развѣсилъ. Она красавица, просто красавица; такой дѣвицы не сыщешь нигдѣ.

подк. Да мнѣ самому сначала она было приглянулась, да послѣ, какъ начали говорить: длинный носъ, длинный носъ,—ну, я разсмотрѣлъ и вижу самъ, что длинный носъ.

кочк. Эхъ ты, пирей, не нашелъ дверей! Они нарочно толкуютъ, чтобы тебя отвадить; и я тоже не хвалилъ,—такъ ужъ дѣлается. Это, братъ, такая дѣвица! Ты разсмотри только глаза ея, вѣдь это, чортъ знаетъ, что̀ за глаза: говорятъ, дышутъ. А носъ? не знаю, что̀ за носъ: бѣлизна—алебастръ! Да и алебастръ не всякій уравнится. Ты разсмотри самъ хорошенько.

подк. Да теперь-то я опять вижу, что она какъ-будто хороша.

кочк. Разумѣется, хороша. Послушай, теперь такъ какъ они всѣ ушли, пойдемъ къ ней, изъяснимся и все кончимъ.

подк. Ну, этого я не сдѣлаю.

кочк. Отчего жъ?

подк. Да что жъ за нахальство? Насъ много; пусть она сама выберетъ.

кочк. Ну, да что тебѣ смотрѣть на нихъ: боишься соперничества, что ли? Хочешь, я ихъ всѣхъ въ одну минуту спроважу.

подк. Да какъ же ты ихъ спровадишь?

кочк. Ну, ужъ это мое дѣло. Дай мнѣ только слово, что потомъ не будешь отнѣкиваться.

подк. Почему жъ не дать? изволь, я не отпираюсь.

кочк. Руку!

подк., *подавая.* Возьми!

кочк. Ну, это только мнѣ и нужно. *(Оба уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Агафьи Тихоновны.

ЯВЛЕНІЕ I.

АГ. ТИХ., *одна, потомъ Кочкаревъ.* Право такое затрудненіе—выборъ. Если бы еще одинъ, два человѣка, а то четыре—какъ хочешь, такъ и выбирай. Никаноръ Ивановичъ недуренъ, хотя конечно худощавъ; Иванъ Кузмичъ тоже недуренъ. Да если сказать правду, Иванъ Павловичъ тоже, хоть и толстъ, а вѣдь очень видный мущина. Прошу покорно, какъ тутъ быть? Балтазаръ Балтазаровичъ опять мужчина съ достоинствами. Ужъ какъ трудно рѣшиться, такъ просто разсказать нельзя, какъ трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить къ носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить къ этому еще дородности Ивана Павловича—я бы тогда тотчасъ же рѣшилась. А теперь поди, подумай! просто, голова даже стала болѣть. Я думаю, лучше всего кинуть жребій. Положиться во всемъ на волю Божію: кто выкинется, тотъ и мужъ. Напишу ихъ всѣхъ на бумажкахъ, сверну въ трубочки, да и пусть будетъ, кто будетъ. (*Подходитъ къ столику, вынимаетъ оттуда ножницы и бумагу, нарѣзываетъ билетики и скатываетъ, продолжая говорить:*) Такое несчастное положеніе дѣвицы, особливо еще влюбленной. Изъ мущинъ никто не войдетъ въ это, и даже просто, не хотятъ понять этого. Вотъ они всѣ ужъ готовы! Остается только положить ихъ

въ ридикюль, зажмурить глаза, да и пусть будетъ, что̀ будетъ. *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ ихъ рукою)* Страшно... Ахъ, если бы Богъ далъ, чтобы вынулся Никаноръ Ивановичъ! нѣтъ, отчего же онъ? лучше Иванъ Кузьмичъ. Отчего же Иванъ Кузьмичъ? чѣмъ же худы тѣ, другіе.... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу.... какой выберется, такой пусть и будетъ. *(Шаритъ рукою въ ридикюлѣ и вынимаетъ вмѣсто одного всѣ)* Ухъ всѣ! всѣ вынулись! А сердце такъ и колотится! Нѣтъ, одного, одного, непремѣнно одного! *(Кладетъ билетики въ ридикюль и мѣшаетъ; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится позади)* Ахъ, если бы вынуть Балтазара.... что я! хотѣла сказать Никанора Ивановича.... Нѣтъ, не хочу, не хочу, какъ прикажетъ судьба!

Кочк. Да возьмите Ивана Кузьмича, всѣхъ лучше.

аг. тих. Ахъ! *(вскрикиваетъ и закрываетъ лицо обѣими руками, страшась взглянуть назадъ.)*

кочк. Да чего жъ вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право возьмите Ивана Кузьмича.

аг. тих. Ахъ, мнѣ стыдно: вы подслушали.

кочк. Ничего, ничего! вѣдь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться, откройте же ваше личико.

аг. тих., *въ половину открывая лицо.* Мнѣ право стыдно.

кочк. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

аг. тих. Ахъ! *(вскрикиваетъ и закрывается вновь руками.)*

кочк. Право, чудо человѣкъ, усовершенствовалъ часть свою... просто, удивительный человѣкъ!

аг. тих. *по немногу открываетъ лицо.* Какъ же, а другой? а Никаноръ Ивановичъ—вѣдь онъ тоже хорошій человѣкъ.

кочк. Помилуйте, это дрянь противъ Ивана Кузьмича.

аг. тих. Отчего же?

кочк. Ясно отчего. Иванъ Кузьмичъ человѣкъ.... ну, просто, человѣкъ.... человѣкъ, какихъ не сыщешь.

аг. тих. Ну, а Иванъ Павловичъ?

кочк. И Иванъ Павловичъ дрянь, всѣ они дрянь.

аг. тих. Будто бы ужъ всѣ?

кочк. Да вы только посудите, сравните только: это—какъ бы то̀ ни было; а вѣдь то̀, что̀ ни попало: Иванъ Павловичъ, Никаноръ Ивановичъ, чортъ знаетъ что̀ такое!

аг. тих. А вѣдь право они очень... скромные.

кочк. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народъ. Охота же вамъ быть прибитой на другой день послѣ свадьбы.

аг. тих. Ахъ Боже мой! Уже это точно такое несчастіе, хуже котораго не можетъ быть.

кочк. Еще бы! хуже этого и не выдумаешь ничего.

аг. тих. Такъ по вашему совѣту лучше взять Ивана Кузьмича?

кочк. Ивана Кузьмича, натурально Ивана Кузьмича. (*Въ сторону*) Дѣло, кажется, идетъ на ладъ. Подколесинъ сидитъ въ кандитерской, пойти поскорѣй за нимъ.

аг. тих. Такъ вы думаете—Ивана Кузьмича?

кочк. Непремѣнно Ивана Кузьмича.

аг. тих. А тѣмъ другимъ развѣ отказать?

кочк. Конечно отказать.

аг. тих. Да вѣдь какъ же это сдѣлать? какъ-то стыдно.

кочк. Почему жъ стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите за-мужъ.

аг. тих. Да вѣдь они не повѣрятъ, станутъ спрашивать: да почему, да какъ?

кочк. Ну, такъ если вы хотите кончить однимъ разомъ, скажите просто: «Пошли вонъ, дураки!»

аг. тих. Какъ же можно такъ сказать?

кочк. Ну, да ужъ попробуйте: я васъ увѣряю, что послѣ этого всѣ выбѣгутъ вонъ.

аг. тих. Да вѣдь выйдетъ какъ-то бранно.

кочк. Да вѣдь вы больше ихъ не увидите, такъ не все ли равно?

аг. тих. Да все какъ-то не хорошо... они вѣдь разсердятся.

кочк. Какая же бѣда, если разсердятся? Если бы изъ этого что-нибудь вышло, тогда другое дѣло; а вѣдь здѣсь самое большое, если кто-нибудь изъ нихъ плюнетъ въ глаза, вотъ и все.

аг. тих. Ну вотъ, видите!

кочк. Да что̀ жъ за бѣда? Вѣдь инымъ плевали нѣсколько разъ, ей Богу! я знаю тоже одного: прекраснѣйшій собой мужчина, румянецъ во всю щеку; до тѣхъ поръ егозилъ и надоѣдалъ своему начальнику о прибавкѣ жалованія, что тотъ наконецъ не вынесъ, плюнулъ въ самое лицо, ей Богу! «Вотъ тебѣ», говоритъ, «твоя прибавка, отвяжись сатана!» А жалованья однакоже все-таки прибавилъ. Такъ что̀ жъ изъ этого, что плюнетъ? Если бы, другое дѣло, былъ далеко платокъ, а то вѣдь онъ тутъ же въ карманѣ — взялъ, да и вытеръ. *(Въ сѣняхъ звонятъ)* Стучатся: кто-нибудь изъ нихъ вѣрно; я бы не хотѣлъ теперь съ ними встрѣтиться. Нѣтъ ли у васъ тамъ другого выхода?

аг. тих. Какъ же, по черной лѣстницѣ. Но право, я вся дрожу.

кочк. Ничего, только присутствіе духа. Прощайте. *(Въ сторону)* Поскорѣй приведу Подколесина.

ЯВЛЕНІЕ II.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА И ЯИЧНИЦА.

яичн. Я нарочно, сударыня, пришелъ немного пораньше, чтобы поговорить съ вами наединѣ, на-досугѣ. Ну, сударыня, насчетъ чина, я уже полагаю вамъ извѣстно: служу коллежскимъ ассессоромъ, любимъ начальствами, подчиненные слушаются... не достаетъ только одного: подруги жизни.

аг. тих. Да-съ.

яичн. Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта — вы. Скажите напрямикъ: да, или нѣтъ? *(Смотритъ ей въ плечо, въ сторону)* Она не то̀, что̀, какъ бываютъ, худенькія Нѣмки — кое-что есть.

аг. тих. Я еще очень молода-съ... нерасположена еще замужъ....

яичн. Помилуйте, а сваха зачѣмъ хлопочетъ? Но, можетъ быть, вы хотите что-нибудь другое сказать — изъяснитесь... *(слышенъ колокольчикъ)* Чортъ побери! никакъ не дадутъ дѣломъ заняться.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ЖЕВАКИНЪ.

жев. Извините, сударыня, что я, можетъ быть, слишкомъ рано. *(Оборачивается и видитъ Яичницу)* Ахъ, ужъ есть... Ивану Павловичу мое почтеніе.

яичн. *въ сторону.* Провалился бы ты съ своимъ почтеніемъ! *(Вслухъ)* Такъ какъ же, сударыня? Скажите одно только слово: да, или нѣтъ?... *(слышенъ колокольчикъ; Яичница плюетъ съ сердцемъ)* опять колокольчикъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

—

ТѢ ЖЕ И АНУЧКИНЪ.

анучк. Можетъ быть, я, сударыня, ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ и повелѣваетъ долгъ приличія... *(Видя прочихъ, испускаетъ восклицаніе и раскланивается)* Мое почтеніе!

яичн., *въ сторону.* Возьми себѣ свое почтеніе! Нелегкая тебя принесла, подломились бы тебѣ твои поджарыя ноги! *(Вслухъ)* Такъ какъ же, сударыня, рѣшите. Я человѣкъ должностной, времени у меня немного—да, или нѣтъ?

аг. тих., *въ смущеніи.* Не нужно-съ.... не нужно-съ.... *(Въ сторону)* Ничего не понимаю, что̀ говорю.

яичн. Какъ не нужно? въ какомъ отношеніи не нужно?

аг. тих. Ничего-съ, ничего.... я не того-съ... *(Собираясь съ духомъ)* Пошли вонъ!... *(Въ сторону, всплеснувши руками)* Ахъ, Боже мой! что̀ я такое сказала?

яичн. Какъ «пошли вонъ»? что это такое значитъ «пошли вонъ»? Позвольте узнать, что вы разумѣете подъ этимъ? *(подбоченившись, подступаетъ къ ней грозно.)*

аг. тих., *взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ.* Ухъ, прибьетъ, прибьетъ! *(убѣгаетъ. Яичница стоитъ, розинувши ротъ. Вбѣгаетъ на крикъ Арина Пантелеймоновна*

и, взглянувъ ему въ лицо, вскрикиваетъ тоже: ухъ прибьетъ! *и убѣгаетъ.)*

яичн. Что̀ за притча такая! вотъ, право, исторія! *(въ дверяхъ звенитъ звонокъ и слышны голоса.)*

голосъ кочк. Да входи, входи, что̀ же ты остановился?

голосъ подк. Да ступай ты впередъ. Я только въ минуту оправлюсь, растегнулось стремешко.

голосъ кочк. Да ты улизнешь опять.

голосъ подк. Нѣтъ, не улизну! ей Богу не улизну!

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И КОЧКАРЕВЪ.

кочк. Ну вотъ, очень нужно поправлять стремешко.

яичн., *обращаясь къ нему.* Скажите пожалуста, невѣста дура, что ли?

кочк. А что̀? случилось развѣ что?

яичн. Да непонятные поступки: выбѣжала, стала кричать: «прибьетъ, прибьетъ!» Чортъ знаетъ что̀ такое.

кочк. Ну да, это за ней водится: она дура.

яичн. Скажите, вѣдь вы ей родственникъ?

кочк. Какъ же, родственникъ.

яичн. А какъ родственникъ, позвольте узнать?

кочк. Право не знаю: какъ-то тетка моей матери что-то такое ея отцу, или отецъ ея что-то такое моей теткѣ—объ этомъ знаетъ жена моя, это ихъ дѣло.

яичн. И давно за ней водится дурь?

кочк. А еще съ самаго съ-измала.

яичн. Да конечно лучше, если бы она была умнѣй; а впрочемъ и дура тоже хорошо: были бы только статьи прибавочныя въ хорошемъ порядкѣ.

кочк. Да вѣдь за ней ничего нѣтъ.

яичн. Какъ такъ, а каменный домъ?

кочк. Да вѣдь только слово, что каменный, а знали бы вы, какъ онъ выстроенъ: стѣны вѣдь выведены въ одинъ кирпичъ, а въ срединѣ всякая дрянь—мусоръ, щепки, стружки.

яичн. Что̀ вы?

кочк. Разумѣется. Будто не знаете, какъ теперь строятъ дома? лишь бы только въ ломбардъ заложить.

яичн. Однакожъ вѣдь домъ не заложенъ.

кочк. А кто вамъ сказалъ? Вотъ въ томъ-то и дѣло, не только заложенъ, но за два года еще проценты не выплачены. Да въ сенатѣ есть еще братъ, который тоже запускаетъ глаза на домъ, сутяга, какого свѣтъ не производилъ: съ родной матери послѣднюю юбку снялъ-бы, безбожникъ!

яичн. Какъ же мнѣ старуха сваха... Ахъ она бестія этакая, извергъ рода человѣ.... *(Въ сторону)* Однакожъ онъ, можетъ быть, и вретъ. Подъ строжайшій допросъ старуху! и если только правда... ну.... я заставлю запѣть ее не такъ, какъ другіе поютъ.

анучк. Позвольте васъ побезпокоить тоже вопросомъ; признаюсь, не зная французскаго языка, чрезвычайно трудно судить самому, знаетъ ли женщина по-Французски, или нѣтъ. Какъ хозяйка дома, знаетъ....

кочк. Ни бельмеса.

анучк. Что̀ вы?

кочк. Какъ же, я это очень хорошо знаю. Она училась вмѣстѣ съ женой въ пансіонѣ, извѣстная была лѣнивица, вѣчно въ дурацкой шапкѣ сидитъ. А Французъ-то учитель, просто, билъ ее палкою.

анучк. Представьте же, что у меня съ перваго разу, какъ только я увидѣлъ, было какое-то предчувствіе, что она не знаетъ по-Французски.

яичн. Ну, чортъ съ французскимъ! Но какъ сваха то проклятая.... Ахъ ты бестія этакая, вѣдьма! Вѣдь если бы вы знали, какими словами она расписала — живописецъ, вотъ совершенный живописецъ! «Домъ, флигель», говоритъ, «на фундаментахъ, серебряныя ложки, сани—вотъ садись да и катайся!» словомъ, въ ро-

манѣ рѣдко выберется такая страница. Ахъ ты, подошва ты старая! попадись только ты мнѣ....

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

тѣ же и ѳекла. *Всѣ, увидѣвъ ее, обращаются къ ней со слѣдующими словами:*

яичн. А! вотъ она! А подойди-ка сюда, старая грѣховодница! а подойди-ка сюда!

анучк. Такъ-то вы обманули меня, Ѳекла Ивановна?

кочк. Ну-ка ступай, Варвара, на расправу!

ѳекла. И ни слова ни разберу: оглушили совсѣмъ.

яичн. Домъ строенъ въ одинъ кирпичъ, старая подошва, а ты наврала: и съ мезонинами и чортъ знаетъ съ чѣмъ.

ѳекла. А не знаю, не я строила. Можетъ быть, нужно было въ одинъ кирпичъ, оттого такъ и построили.

яичн. Да и въ ломбардъ еще заложенъ? черти-бъ тебя съѣли, вѣдьма ты проклятая! *(притопывая ногой.)*

ѳекла. Смотри ты какой! Еще бранится. Иной бы благодарить сталъ за удовольствіе, что хлопотали о немъ.

анучк. Да, Ѳекла Ивановна, вотъ вы и мнѣ тоже насказали, что она знаетъ по-Французски.

ѳекла. Знаетъ родимый, все знаетъ, и по-Нѣмецкому и по-всякому; какіе хочешь манеры—все знаетъ.

анучк. Ну нѣтъ, кажется, она только по-Русски и говоритъ.

ѳекла. Что жъ тутъ худого? Понятливѣе по-Русски, потому и говоритъ по-Русски. А кабы умѣла по-бусурмански, то тебѣ-же хуже, и самъ бы не понялъ ничего. Ужъ тутъ нечего толковать про русскую рѣчь,—рѣчь извѣстно какая: всѣ святые говорили по руски.

яичн. А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мнѣ!

ѳекла, *пятясь ближе къ дверямъ*. И не пойду, я знаю тебя: ты человѣкъ тяжелый, ни за что прибьешь.

яичн. Ну, смотри, голубушка, это не пройдетъ тебѣ. Вотъ я тебя какъ сведу въ полицію, такъ ты у меня будешь знать, какъ обманывать честныхъ людей. Вотъ ты увидишь! А невѣстѣ скажи что она подлецъ, слышишь, непремѣнно скажи.

(*Уходитъ.*)

ѳекла. Смотри ты какой! разсердился какъ! Что толстъ, такъ думаетъ, ему и ровнаго никого нѣтъ. А я скажу, что ты самъ подлецъ—вотъ что̀!

анучк. Признаюсь, любезнѣйшая, никакъ не думалъ я, чтобы вы стали такъ обманывать. Знай я, что невѣста съ такимъ образованіемъ, да я.... да и нога бы моя, просто, не была здѣсь. Вотъ какъ-съ!

(*Уходитъ.*)

ѳекла. Бѣлены объѣлись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какіе! Свела съ ума глупая грамота.

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ѲЕКЛА ИВАНОВНА, КОЧКАРЕВЪ, ЖЕВАКИНЪ.

кочк. *хохочетъ вовсе горло, смотря на Ѳеклу и указывая на нее пальцемъ.*

ѳекла, *съ досадою.* Ты что̀ горло дерешь?

кочк. *продолжаетъ хохотать.*

ѳекла. Экъ какъ разобрало его!

кочк. Сваха то! сваха то! Мастерица женить, знаетъ, какъ повести дѣло! (*продолжаетъ хохотать.*)

ѳекла. Экъ его заливается! Знать, покойница свихнула съ ума въ тотъ часъ, какъ тебя рожала.

(*Уходитъ съ досадою.*)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КОЧКАРЕВЪ, ЖЕВАКИНЪ.

кочк., *продолжая хохотать.* Охъ, не могу, право не могу, силы не выдержать, чувствую, что тресну отъ смѣху! (*продолжаетъ хохотать.*)

жев., *глядя на него, начинаетъ тоже смѣяться.*

кочк., *въ усталости валится на стулъ.* Охъ, право, выбился изъ силъ! Чувствую, что если засмѣюсь еще, надорву послѣднія силы.

жев. Мнѣ нравится веселость вашего нрава У насъ въ эскадрѣ капитана Волдырева былъ мичманъ Пѣтуховъ, Антонъ Ивановичъ; тоже этакъ былъ веселаго нрава. Бывало, ему ничего больше, покажешь этакъ одинъ палецъ—вдругъ засмѣется, ей Богу! и до самаго вечера смѣется. Ну, глядя на него, бывало и самому сдѣлается смѣшно, и смотришь наконецъ, и самъ точно этакъ смѣешься.

кочк., *переводя дыханье.* Охъ, Господи помилуй насъ грѣшныхъ! Ну что̀ она вздумала, дура? Ну куда же ей женить, ей ли женить? Вотъ я женю, такъ женю!

жев. Нѣтъ, такъ вы можете не въ шутку женить?

кочк. Еще бы! Кого угодно, на комъ угодно.

жев. Если такъ, жените меня на здѣшней хозяйкѣ.

кочк. Васъ? да зачѣмъ вамъ жениться?

жев. Какъ зачѣмъ? вотъ, позвольте замѣтить, странный немного вопросъ! а извѣстное дѣло зачѣмъ.

кочк. Да вѣдь вы слышали, у ней приданаго ничего нѣтъ.

жев. На нѣтъ и суда нѣтъ. Конечно это дурно, а впрочемъ съ этакою прелюбезною дѣвицею, съ ея обхожденіями, можно прожить и безъ приданаго. Небольшая комнатка, *(размѣриваетъ примѣрно руками)* этакъ здѣсь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь въ родѣ этакой перегородки....

кочк. Да что̀ вамъ въ ней такъ понравилось?

жев. А сказать правду, мнѣ понравилась она потому, что полная женщина. Я большой аматёръ со стороны женской полноты.

кочк., *поглядывая на него искоса, говоритъ въ сторону.* А вѣдь самъ ужъ куда не пощеголяетъ, точно кисетъ, изъ котораго вытрясли табакъ. *(Вслухъ)* Нѣтъ, вамъ совсѣмъ не слѣдуетъ жениться.

жев. Какъ-такъ?

кочк. Да такъ. Ну что у васъ за фигура, между нами будь сказано: нога пѣтушья....

жев. Пѣтушья?

кочк. Конечно. Что у васъ за видъ?

жев. То-есть, какъ однакоже пѣтушья нога?

кочк. Да просто, пѣтушья.

жев. Мнѣ кажется, это однакожъ касается на счетъ личности....

кочк. Да вѣдь я говорю потому, что, знаю, вы разсудительный человѣкъ, другому я не скажу. Я васъ женю, извольте, только на другой.

жев. Нѣтъ, ужъ я бы просилъ, чтобы на другой меня не женили. Ужъ будьте этакъ благодѣтельны, чтобы на этой.

кочк. Извольте, женю, только съ условіемъ: вы не мѣшайтесь ни во что и не показывайтесь даже на глаза невѣстѣ, я все сдѣлаю безъ васъ.

жев. Да какъ однакоже все безъ меня? Все-таки мнѣ хоть на глаза надо будетъ показаться.

кочк. Совсѣмъ ненадо. Идите домой и ждите: въ этотъ вечеръ все будетъ сдѣлано.

жев. *потираетъ руки.* А вотъ что ужъ куда бы хорошо! Да не нужны ли аттестатъ, послужной списокъ? Можетъ быть, невѣста захочетъ полюбопытствовать. Я сбѣгаю за ними въ минуту.

кочк. Ничего не надо, отправляйтесь только домой; я вамъ сегодня же дамъ знать. *(выпроваживаетъ его)* Да, чорта съ два, какъ бы не такъ! Что жъ это? что жъ это Подколесинъ не идетъ? это однакожъ странно. Неужели онъ до сихъ поръ поправляетъ свою стремешку? Ужъ не побѣжать ли за нимъ?

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

КОЧКАРЕВЪ, АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

аг. тих., *осматриваясь.* Что, ушли? никого нѣтъ?

кочк. Ушли, ушли, никого.

АГ. ТИХ. Ахъ, если бы вы знали, какъ я вся дрожала! этакого точно еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этотъ Яичница; какой онъ долженъ быть тиранъ для жены. Мнѣ все такъ вотъ и кажется, что онъ сейчасъ воротится.

КОЧК. О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь изъ нихъ двухъ покажетъ носъ свой здѣсь.

АГ. ТИХ. А третій?

КОЧК. Какой третій?

ЖЕВ., *высовывая голову въ двери.* Смерть хочется знать, какъ она будетъ изъясняться обо мнѣ своимъ ротикомъ.... розанчикъ этакой!

АГ. ТИХ. А Балтазаръ Балтазаровичъ?

ЖЕВ. А, вотъ оно, вотъ оно! *(потираетъ руки.)*

КОЧК. Фу ты пропасть! Я думалъ о комъ вы говорите. Да вѣдь это просто, чортъ знаетъ что, набитый дуракъ.

ЖЕВ. Это что такое? Ужъ этого я, признаюсь, никакъ не понимаю.

АГ. ТИХ. А онъ однакоже на-видъ показался очень хорошимъ человѣкомъ.

КОЧК. Пьяница!

ЖЕВ. Ей Богу не понимаю!

АГ. ТИХ. Неужели и пьяница еще?

КОЧК. Помилуйте, отъявленный мерзавецъ.

ЖЕВ., *громко.* Нѣтъ, позвольте, ужъ этого я никакъ не просилъ васъ говорить. Что-нибудь замолвить въ мой профитъ, похвалить—другое дѣло, а чтобы этакимъ образомъ, этакими словами, ужъ извольте развѣ кого-нибудь другого, а ужъ я слуга покорный.

КОЧК. *въ сторону.* Какъ это угораздило его подвернуться? *(Агафьѣ Тихоновнѣ въ-полголоса)* Смотрите, смотрите, на ногахъ не держится. Этакое мыслете онъ всякій день пишетъ. Прогоните его, да и концы въ воду! *(Въ сторону)* А Подколесина нѣтъ, какъ нѣтъ. Экой мерзавецъ! Ужъ я жъ вымещу на немъ. *(Уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ X.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА И ЖЕВАКИНЪ.

ЖЕВ. *въ сторону.* Обѣщался хвалить, а вмѣсто того выбранилъ! престранный человѣкъ. *(Вслухъ)* Вы, сударыня, не вѣрьте.

АГ. ТИХ. Извините, мнѣ не здоровится.... болитъ-съ голова. *(Хочетъ уйти.)*

ЖЕВ. Не можетъ быть, вамъ что-нибудь во мнѣ не нравится. *(Указывая на голову)* Вы не глядите на то̀, что у меня здѣсь маленькая плѣшина: это ничего, это отъ лихорадки, волоса сейчасъ выростутъ.

АГ. ТИХ. Мнѣ все равно-съ, что̀ бъ у васъ тамъ ни было.

ЖЕВ. У меня, сударыня.... если надѣну черный фракъ, такъ цвѣтъ лица будетъ побѣлѣе.

АГ. ТИХ. Для васъ лучше. Прощайте! *(Уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЖЕВАКИНЪ, *одинъ, говоритъ въ-слѣдъ ей.*

Сударыня, позвольте, скажите причину, зачѣмъ? къ чему? Или во мнѣ какой-либо существенный есть изъянъ, что ли?... Ушла! Престранный случай! Вотъ ужъ никакъ въ семнадцатый разъ случается со мною, и все почти одинакимъ образомъ: кажется, этакъ сначала все хорошо, а какъ дойдетъ дѣло до развязки—смотришь, и откажутъ. *(Ходитъ по комнатѣ въ размышленіи.)* Да, вотъ эта будетъ ужъ никакъ семнадцатая невѣста. И чего же ей однакожъ хочется? Чего бы ей, напримѣръ, этакъ.... съ какой стати.... *(подумавъ)* Темно, чрезвычайно темно! Добро бы былъ нехорошъ чѣмъ. *(Осматривается)* Кажется, нельзя сказать этого, все—слава Богу! Непонятно! Развѣ не пойти ли домой, да не порыться ли въ сундучкѣ: тамъ у меня были стишки, противъ которыхъ точно ни одна не устоитъ.... Ей

Богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло.... Видно, приходится поворотить назадъ оглобли. А жаль, право жаль. (*Уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПОДКОЛЕСИНЪ И КОЧКАРЕВЪ, *входятъ и оба оглядываются назадъ.*

кочк. Онъ не замѣтилъ насъ. Видѣлъ, съ какимъ длиннымъ носомъ вышелъ?

подк. Неужели и ему такъ же отказано, какъ и тѣмъ?

кочк. На-отрѣзъ.

подк. А преконфузно однакоже должно быть, если откажутъ.

кочк. Еще бы!

подк. Я все еще не вѣрю, чтобы она прямо сказала, будто предпочитаетъ меня всѣмъ.

кочк. Какое предпочитаетъ? Она отъ тебя, просто, безъ памяти. Такая любовь: однихъ именъ какихъ надавала, такая страсть,—такъ, просто, и кипитъ!

подк. *самодовольно усмѣхается.* А вѣдь съ самомъ дѣлѣ женщина если захочетъ, такихъ словъ наскажетъ, вѣкъ бы не выдумалъ: мордашечка, таракашечка, чернушка....

кочк. Что еще эти слова! Вотъ какъ женишься, такъ ты увидишь въ первые два мѣсяца, какія пойдутъ слова; просто, братъ, ну вотъ такъ и таешь.

подк., *усмѣхаясь.* Будто?

кочк. Какъ честный человѣкъ! Послушай, теперь однакожъ скорѣе къ дѣлу. Изъясни ей и открой сію же минуту сердце и требуй руки.

подк. Но какъ же сію минуту? что̀ ты!

кочк. Непремѣнно сію же минуту.... а вотъ и она сама.

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

кочк. Я привелъ къ вамъ, сударыня, смертнаго, котораго вы видите. Еще никогда не было такъ влюбленнаго, просто, не приведи Богъ, и непріятелю не пожелаю....

подк., *толкая его подъ руку, тихо.* Ну ужъ ты, братъ, кажется, слишкомъ.

кочк. *ему.* Ничего! *(Ей тихо)* Будьте посмѣлѣе, онъ очень смиренъ, старайтесь быть какъ можно развязнѣе. Этакъ поворотите какъ-нибудь бровями или, потупивши глаза, такъ вдругъ и срѣзать его, злодѣя, или выставьте ему какъ-нибудь плечо, и пусть его, мерзавецъ, смотритъ! Напрасно впрочемъ вы не надѣли платья съ короткими рукавами; да впрочемъ и это хорошо. *(Вслухъ)* Ну, я оставляю васъ въ пріятномъ обществѣ! Я на минуточку взгляну только къ вамъ въ столовую и на кухню: надо распорядиться, сейчасъ придетъ офиціянтъ, которому заказанъ ужинъ; можетъ быть, и вина принесены.... До свиданья! *(Подколесину)* Смѣлѣе! смѣлѣе! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ПОДКОЛЕСИНЪ И АГАФЬЯ ТИХОНОВНА.

аг. тих. Прошу покорнѣйше садиться! *(Садятся и молчатъ.)*

подк. Вы, сударыня, любите кататься?

аг. тих. Какъ-съ кататься?

подк. На дачѣ очень пріятно лѣтомъ кататься въ лодкѣ.

аг. тих. Да-съ иногда съ знакомыми прогуливаемся.

подк. Какое то лѣто будетъ—неизвѣстно.

аг. тих. А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчатъ.)

подк. Вы, сударыня, какой цвѣтокъ больше любите?

аг. тих. Который покрѣпче пахнетъ-съ—гвоздику-съ.

подк. Дамамъ очень идутъ цвѣты.

аг. тих. Да, пріятное занятіе. *(Молчаніе.)* Въ которой церкви вы были въ прошлое воскресенье?

подк. Въ Вознесенской, а недѣлю назадъ тому, былъ въ Казанскомъ соборѣ. Впрочемъ, молиться все равно, въ какой бы ни было церкви. *(Молчатъ. Подколесинъ барабанитъ пальцами по стулу.)* Вотъ скоро будетъ екатирингофское гулянье.

аг. тих. Да, чрезъ мѣсяцъ, кажется.

под. Даже и мѣсяца не будетъ.

аг. тих. Должно быть, веселое будетъ гулянье.

подк. Сегодня восьмое число; *(считаетъ по пальцамъ)* девятое, десятое, одиннадцатое... чрезъ двадцать два дня.

аг. тих. Представьте, какъ скоро!

подк. Я сегодняшняго дня даже не считаю. *(Молчаніе.)* Какой это смѣлый русскій народъ!

аг. тих. Какъ?

подк. А работники. Стоятъ на самой верхушкѣ.... Я проходилъ мимо дома, такъ штукатурщикъ штукатуритъ и не боится ничего.

аг. тих. Да-съ. Такъ это въ какомъ мѣстѣ?

подк. А вотъ по дорогѣ, по которой я хожу всякій день въ департаментъ. Я вѣдь каждое утро хожу въ должность. *(Молчаніе. Подколесинъ опять начинаетъ барабанить пальцами, наконецъ берется за шляпу и раскланивается.)*

аг. тих. А вы уже хотите...

подк. Да-съ. Извините, что, можетъ быть, наскучилъ вамъ.

аг. тих. Какъ-съ можно! Напротивъ, я должна благодарить за подобное препровожденіе времени.

подк., *улыбаясь.* А мнѣ право такъ кажется, что я наскучилъ.

аг. тих. Ахъ, право нѣтъ!

подк. Ну, такъ если нѣтъ, такъ позвольте мнѣ и въ другое время, вечеркомъ когда-нибудь.

ᴀɢ. ᴛɪх. Очень пріятно-съ. *(Раскланиваются. Подколесинъ уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, *одна.*

Какой достойный человѣкъ! Я теперь только узнала его хорошенько; право, нельзя не полюбить: и скромный, и разсудительный. Да, пріятель его давича справедливо сказалъ; жаль только, что онъ такъ скоро ушелъ, а я бы еще хотѣла его послушать. Какъ пріятно съ нимъ говорить! и вѣдь главное то̀ хорошо, что совсѣмъ не пустословитъ. Я было хотѣла ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробѣла, сердце такъ стало биться.... Какой превосходный человѣкъ! Пойду разкажу тетушкѣ. *(Уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ПОДКОЛЕСИНЪ И КОЧКАРЕВЪ, *входятъ.*

ᴋᴏчᴋ. Да зачѣмъ домой? Вздоръ какой, зачѣмъ домой?

ᴨᴏдᴋ. Да зачѣмъ же мнѣ оставаться здѣсь? Вѣдь я все уже сказалъ, что̀ слѣдуетъ.

ᴋᴏчᴋ. Стало быть, сердце ей ты уже открылъ?

ᴨᴏдᴋ. Да, вотъ только развѣ, что сердца еще не открылъ.

ᴋᴏчᴋ. Вотъ те исторія! зачѣмъ же не открылъ?

ᴨᴏдᴋ. Ну да какъ же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чемъ, вдругъ сказать съ-боку припеку: «Сударыня, дайте я на васъ женюсь?»

ᴋᴏчᴋ. Ну, да о чемъ же вы, о какомъ вздорѣ толковали битыхъ полчаса?

ᴨᴏдᴋ. Ну, мы переговорили обо всемъ, и признаюсь, я очень доволенъ: съ большимъ удовольствіемъ провелъ время.

кочк. Да послушай, посуди ты самъ: когда же все это успѣемъ? вѣдь черезъ часъ надо ѣхать въ церковь, подъ вѣнецъ.

подк. Что̀ ты, съ ума сошелъ? Сегодня подъ вѣнецъ?

кочк. Почему жъ нѣтъ?

подк. Сегодня подъ вѣнецъ?

кочк. Да вѣдь ты же самъ далъ слово, сказалъ, что какъ только женихи будутъ прогнаны—сейчасъ готовъ жениться.

подк. Ну, я и теперь не прочь отъ слова, только не сейчасъ же; мѣсяцъ по крайней мѣрѣ надо дать роздыху.

кочк. Мѣсяцъ!

подк. Да, конечно.

кочк. Да ты съ ума сошелъ, что ли?

подк. Да меньше мѣсяца нельзя.

кочк. Да вѣдь я офиціянту заказалъ ужинъ, бревно ты! Ну, послушай, Иванъ Кузьмичъ, не упрямься, душенька, женись теперь.

подк. Помилуй братъ, что̀ ты говоришь, какъ же теперь?

кочк. Иванъ Кузьмичъ, ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, такъ для меня по крайней мѣрѣ.

подк. Да право нельзя.

кочк. Можно, душа, все можно; ну, пожалуста, не капризничай, душенька!

подк. Да право нѣтъ, неловко, совсѣмъ неловко.

кочк. Да что̀ неловко, кто тебѣ сказалъ это? Ты посуди самъ, вѣдь ты человѣкъ умный, я говорю это не съ тѣмъ, чтобы къ тебѣ подольститься, не потому, что ты экспедиторъ, а просто говорю, изъ любви.... Ну полно же, душенька, рѣшись, взгляни окомъ благоразумнаго человѣка.

подк. Да если бы было можно, такъ я бы....

кочк. Иванъ Кузьмичъ! лапушка, милочка! Ну, хочешь, я стану на колѣни передъ тобой.

подк. Да зачѣмъ же....

кочк., *становясь на колѣни*. Ну, вотъ я и на колѣняхъ! ну видишь самъ, прошу тебя. Вѣкъ не позабуду твоей услуги; не упрямся, душенька!

подк. Ну нельзя, братъ, право нельзя.

кочк., *вставая въ-сердцахъ.* Свинья!

подк. Пожалуй, бранись себѣ.

кочк. Глупый человѣкъ! Еще никогда не было такого.

подк. Бранись, бранись.

кочк. Я для кого же старался? изъ чего бился? Всё для твоей, дуракъ, пользы. Вѣдь что мнѣ, я сейчасъ брошу тебя, мнѣ какое дѣло?

подк. Да кто жъ просилъ тебя хлопотать? Пожалуй бросай.

кочк. Да вѣть ты пропадешь, вѣдь ты безъ меня ничего не сдѣлаешь. Не жени тебя, вѣдь ты вѣкъ останешься дуракомъ.

подк. Тебѣ что до того?

кочк. О тебѣ, деревяная башка, стараюсь.

подк. Я не хочу твоихъ стараній.

кочк. Ну, такъ ступай же къ чорту!

подк. Ну и пойду.

кочк. Туда тебѣ и дорога!

подк. Что жъ, и пойду.

кочк. Ступай, ступай и чтобы ты себѣ сейчасъ же переломилъ ногу. Вотъ отъ души посылаю тебѣ желаніе, чтобы тебѣ пьяный извощикъ въѣхалъ дышломъ въ самую глотку! Тряпка, а не чиновникъ! Вотъ клянусь тебѣ, что теперь между нами все кончилось, и на глаза мнѣ больше не показывайся!

подк. И не покажусь. *(Уходитъ.)*

кочк. Къ дьяволу, къ своему старому пріятелю! *(Отворяя дверь, кричитъ ему въ-слѣдъ:)* Дуракъ!

—

ЯВЛЕНІЕ XVII.

кочкаревъ, *одинъ, ходитъ, въ сильномъ движеніи, взадъ и впередъ.*

Ну, былъ ли когда видѣнъ на свѣтѣ подобный человѣкъ! Этакой дуракъ! Да если ужъ пошло на правду, то и я хорошъ. Ну, скажите пожалуста, вотъ я на васъ всѣхъ сошлюсь: ну, не олухъ ли я, не глупъ ли я? Изъ чего бьюсь, кричу, инда горло пере-

сохло? Скажите, что̀ онъ мнѣ? родня что ли? И что̀ я ему такое— нянька, тетка, свекруха, кума что ли? Изъ какого же дьявола, изъ чего, изъ чего я хлопочу о немъ, не знаю себѣ покою, нелегкая прибрала бы его совсѣмъ? А просто чортъ знаетъ изъ чего! Поди ты, спроси иной разъ человѣка, изъ чего онъ что-нибудь дѣлаетъ! Этакой мерзавецъ! Какая противная, подлая рожа! Взялъ бы тебя глупую животину, да щелчками бы тебя въ носъ, въ уши, въ ротъ, въ зубы—во всякое мѣсто! *(въ-сердцахъ даетъ нѣсколько щелчковъ на воздухъ)*. Вѣдь вотъ что̀ досадно: вышелъ себѣ—ему и горя мало, съ него все это такъ, какъ съ гуся вода—вотъ что̀ нестерпимо! Пойдетъ къ себѣ на квартиру и будетъ лежать, да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бываютъ противныя рожи, но вѣдь этакой, просто, не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей Богу не сочинишь! Такъ вотъ нѣтъ же, пойду нарочно ворочу его, бездѣльника! Не дамъ улизнуть, пойду приведу, подлеца! *(убѣгаетъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, *входитъ*.

Ужъ такъ право бьется сердце, что изъяснить трудно. Вездѣ, куда ни поворочусь, вездѣ такъ вотъ и стоитъ Иванъ Куьзмичъ. Точно правда, что отъ судьбы никакъ нельзя уйти. Давеча совершенно хотѣла-было думать о другомъ, но чѣмъ ни займусь—пробовала сматывать нитки, шила редикюль—а Иванъ Кузьмичъ всё такъ вотъ и лѣзетъ въ руку. *(Помолчавъ)* Итакъ вотъ наконецъ ожидаетъ меня перемѣна состоянія! Возьмутъ меня, поведутъ въ церковь... потомъ оставятъ одну съ мущиною—уфъ! Дрожь такъ меня и пробираетъ. Прощай, прежнея моя дѣвичья жизнь! *(плачетъ)* Столько лѣтъ провела въ спокойствіи... Вотъ жила, жила, а теперь приходится выходить замужъ! Однѣхъ заботъ сколько: дѣти, мальчишки, народъ драчливый, а тамъ дѣвочки пойдутъ, подростутъ, выдавай ихъ за мужъ. Хорошо еще, если выдутъ за хорошихъ, а если за пьяницъ, или за такихъ, что готовъ сегодня

же поставить на карточку все, что̀ ни есть на немъ! *(Начинаетъ мало-помалу опять рыдать)* Не удалось и повеселиться мнѣ дѣвическимъ состояніемъ, и двадцати семи лѣтъ не пробыла въ дѣвкахъ. *(Перемѣняя голосъ)* Да что жъ Иванъ Кузьмичъ такъ долго мѣшкается?

—

ЯВЛЕНІЕ XIX.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА И ПОДКОЛЕСИНЪ, *вталкивается на сцену изъ дверей двумя руками* КОЧКАРЕВА.

ПОДК. Я пришелъ вамъ, сударыня, изъяснить одно дѣльце.... только я бы хотѣлъ прежде знать, не покажется ли оно вамъ страннымъ?

АГ. ТИХ., *потупляя глаза.* Что же такое?

ПОДК. Нѣтъ, сударыня, вы скажите напередъ: не покажется вамъ странно?

АГ. ТИХ. Не могу—что̀ такое?

ПОДК. Но признайтесь: вѣрно вамъ покажется страннымъ то̀, что̀ я вамъ скажу.

АГ. ТИХ. Помилуйте, какъ можно, чтобъ было странно. Отъ васъ все пріятно слышать.

ПОДК. Но этого вы еще никогда не слыхали. *(Агафья Тихоновна потупляетъ еще болѣе глаза; въ это время входитъ потихоньку Кочкаревъ и становится у него за спиной.)* Это вотъ въ чемъ... Но пусть лучше я вамъ скажу когда-нибудь послѣ.

АГ. ТИХ. А что̀ же такое?

ПОДК. А это... я хотѣлъ было, признаюсь теперъ, объявить вамъ, да всё еще какъ-то сомнѣваюсь.

КОЧК., *про-себя, складывая руки.* Господи ты Боже мой, что̀ это за человѣкъ! Это просто старый бабій башмакъ, а не человѣкъ, насмѣшка надъ человѣкомъ, сатира на человѣка.

АГ. ТИХ. Отъ чего же вы сомнѣваетесь?

ПОДК. Да все какъ-то беретъ сомнѣніе.

кочк., *вслухъ*. Какъ это глупо, какъ это глупо! Да вы, сударыня, видите: онъ проситъ руки вашей, желаетъ объявить, что онъ безъ васъ не можетъ жить, существовать. Спрашиваетъ только, согласны ли вы его осчастливить?

подк., *почти испугавшись, толкаетъ его, произнося живо*. Помилуй что ты!

кочк. Такъ что жъ, сударыня, рѣшаетесь вы сему смертному доставить счастіе?

аг. тих. Я никакъ не смѣю думать, чтобы я могла составить счастіе... а впрочемъ я согласна.

кочк. Натурально, натурально, такъ бы давно! Давайте ваши руки!

подк. Сейчасъ. *хочетъ сказать что-то ему на ухо; Кочкаревъ показываетъ ему кулакъ и хмуритъ брови; онъ даетъ руку.*)

кочк., *соединяя руки*. Ну, Богъ васъ благословитъ! Согласенъ и одобряю вашъ союзъ. Бракъ это есть такое дѣло.... Это не то, что взялъ извощика, да и поѣхалъ куда нибудь; это обязанность совершенно другого рода, это обязанность.... Теперь вотъ только мнѣ времени нѣтъ, а послѣ я разскажу тебѣ, чтò это за обязанность. Ну, Иванъ Кузмичъ, поцѣлуй свою невѣсту. Ты теперь можешь это сдѣлать; ты теперь долженъ это сдѣлать. *(Агафья Тихоновна потупляетъ глаза)* Ничего, ничего, сударыня, это такъ должно, пусть поцѣлуетъ!

подк. Нѣтъ, сударыня, позвольте, теперь ужъ позвольте. *(Цѣлуетъ ее и беретъ за руку)* Какая прекрасная ручка! Отчего это у васъ, сударыня, такая прекрасная ручка?... Да позвольте, сударыня, хочу, чтобы сей же часъ было вѣнчанье, непремѣнно сей же часъ.

аг. тих. Какъ сейчасъ? ужъ это, можетъ быть, очень скоро.

подк. И слышать не хочу! Хочу еще скорѣе, чтобъ сію же минуту было вѣнчанье.

кочк. Браво! хорошо! Благородный человѣкъ! Я, признаюсь, всегда ожидалъ отъ тебя много въ будущемъ! Вы, сударыня, въ самомъ дѣлѣ поспѣшите теперь поскорѣе одѣться: я, сказать правду, послалъ уже за каретою и напросилъ гостей; они всѣ те-

перь поѣхали прямо въ церковь. Вѣдъ у васъ вѣнчальное платье готово, я знаю.

аг. тих. Какъ же, давно готово. Я въ минуточку одѣнусь.

—

ЯВЛЕНІЕ XX.

КОЧКАРЕВЪ И ПОДКОЛЕСИНЪ.

подк. Ну, братъ, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отецъ родной для меня не сдѣлалъ бы того, что̀ ты. Вижу, что ты дѣйствовалъ изъ дружбы. Спасибо, братъ, вѣкъ буду помнить твою услугу. *(Тронутый)* Будущей весною навѣщу непремѣнно могилу твоего отца.

кочк. Ничего, братъ, я радъ самъ. Ну, подойди, я тебя поцѣлую. *(Цѣлуетъ его въ одну щеку, а потомъ въ другую)* Дай Богъ, чтобы ты прожилъ благополучно, *(цѣлуются)* въ довольствѣ и достаткѣ; дѣтей бы нажили кучу....

подк. Благодарю, братъ! Именно наконецъ теперь только я узналъ, что̀ такое жизнь; теперь предо мною открылся совершенно новый міръ. Теперь я вотъ вижу, что все это движется, живетъ; чувствуешь, этакъ какъ-то испаряешься, какъ-то этакъ, не знаешь даже самъ, что̀ дѣлается. А прежде я ничего этого не видѣлъ, не понималъ, то есть, просто былъ лишенный всякаго свѣдѣнія человѣкъ, не разсуждалъ, не углублялся и жилъ вотъ, какъ и всякій другой человѣкъ живетъ.

кочк. Радъ, радъ! Теперь я пойду посмотрю только, какъ убрали столъ: въ минуту ворочусь. *(Въ сторону)* А шляпу все лучше на всякій случай припрятать. *(Беретъ и уноситъ шляпу съ собою.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ПОДКОЛЕСИНЪ, *одинъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ я былъ до сихъ поръ? Понималъ ли значеніе жизни? Не понималъ, ничего не понималъ. Ну ка-

ковъ былъ мой холостой вѣкъ? что̀ я значилъ, что̀ дѣлалъ? Жилъ, жилъ, служилъ, ходилъ въ департаментъ, обѣдалъ, спалъ, словомъ, былъ въ свѣтѣ самый препустой и обыкновенный человѣкъ. Только теперь видишь, какъ глупы всѣ, которые не женятся; а вѣдь если разсмотрѣть, какое множество людей находятся въ такой слѣпотѣ. Если бы я былъ гдѣ-нибудь государь, я бы далъ повелѣніе жениться всѣмъ, рѣшительно всѣмъ, чтобы у меня въ государствѣ не было ни одного холостого человѣка. Право, какъ подумаешь: чрезъ нѣсколько минутъ, и уже будешь женатъ! Вдругъ вкусишь блаженство, какое точно бываетъ только развѣ въ сказкахъ, которое, просто, даже не выразишь, да и словъ не найдешь, чтобъ выразить. (*Послѣ нѣкотораго молчанія*) Однакожъ, что̀ ни говори, а какъ-то даже дѣлается страшно, какъ хорошенько подумаешь объ этомъ. На всю жизнь, на весь вѣкъ, какъ бы то̀ ни было, связать себя и ужъ послѣ ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего,—все кончено, все сдѣлано. Ужъ вотъ даже и теперь назадъ никакъ нельзя попятиться: чрезъ минуту и подъ вѣнецъ; уйти даже нельзя—тамъ ужъ и карета и все стоитъ въ готовности. А будто въ самомъ дѣлѣ нельзя уйти? Какъ же, натурально нельзя: тамъ въ дверяхъ и вездѣ стоятъ люди; ну спросятъ—зачѣмъ? Нельзя, нѣтъ! А вотъ окно открыто; что, если бы въ окно? Нѣтъ, нельзя; какъ же, и неприлично, да и высоко. (*Подходитъ къ окну*) Ну, еще не такъ высоко, только одинъ фундаментъ, да и тотъ низенькій. Ну нѣтъ, какъ же, со мной нѣтъ даже картуза. Какъ же безъ шляпы? неловко! А неужто однакоже нельзя безъ шляпы? А что̀, если бы попробовать—а? Попробовать, что ли? (*Становится на окно и, сказавши* «Господи благослови», *соскакиваетъ на улицу; за сценой кряхтитъ и охаетъ*) Охъ! однакожъ высоко! Эй, извощикъ!

голосъ извощика. Подавать, что ли?

голосъ подк. На канавку возлѣ Семеновскаго мосту.

голосъ изв. Да гривенникъ, безъ лишняго.

голосъ подк. Давай! пошелъ! (*Слышенъ стукъ отъѣзжающихъ дрожекъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ XXII.

АГАФЬЯ ТИХОНОВНА, *входитъ въ вѣнчальномъ платьи, робко и потупивъ голову.*

И сама не знаю, что со мною такое! Опять сдѣлалось стыдно и я вся дрожу. Ахъ! если бы его хоть на минутку на эту пору не было въ комнатѣ, если бы онъ за чѣмъ-нибудь вышелъ! *(Съ робостію оглядывается)* Да гдѣ жъ это онъ? Никого нѣтъ. Куда онъ вышелъ? *(Отворяетъ дверь въ прихожую и говоритъ туда)* Ѳекла, куда ушелъ Иванъ Кузьмичъ?

ГОЛОСЪ ѲЕКЛЫ. Да онъ тамъ.

АГ. ТИХ. Да гдѣ же тамъ?

ѲЕКЛА, *входя.* Да вѣдь онъ тутъ сидѣлъ въ комнатѣ.

АГ. ТИХ. Да вѣдь нѣтъ его, ты видишь.

ѲЕКЛА. Ну, да ужъ изъ комнаты онъ тоже не выходилъ — я сидѣла въ прихожей.

АГ. ТИХ. Да гдѣ же онъ?

ѲЕКЛА. Я ужъ не знаю гдѣ; не вышелъ ли на другой выходъ, по черной лѣстницѣ, или не сидитъ ли въ комнатѣ Арины Пантелеймоновны.

АГ. ТИХ. Тетушка! тетушка!

—

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

ТѢ ЖЕ И АРИНА ПАНТЕЛЕЙМОНОВНА.

АР. ПАНТ., *разодѣтая.* А что такое?

АГ. ТИХ. Иванъ Кузьмичъ у васъ?

АР. ПАНТ. Нѣтъ, онъ тутъ долженъ быть, ко мнѣ не заходилъ.

ѲЕКЛА. Ну, такъ и въ прихожей тоже не былъ, вѣдь я сидѣла.

АГ. ТИХ. Ну, такъ и здѣсь же нѣтъ его, вы видите.

—

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

ТѢ ЖЕ И КОЧКАРЕВЪ.

КОЧК. А что̀ такое?

АГ. ТИХ. Да Ивана Кузьмича нѣтъ.

КОЧК. Какъ нѣтъ? ушелъ?

АГ. ТИХ. Нѣтъ, и не ушелъ даже.

КОЧК. Какъ же нѣтъ, и не ушелъ?

ѲЕКЛА. Ужъ куда бы могъ онъ дѣваться, я и ума не приложу. Въ передней я все сидѣла и не сходила съ мѣста.

АР. ПАНТ. Ну, ужъ по черной лѣстницѣ никакъ не могъ пройти.

КОЧК. Какъ же, чортъ возьми! вѣдь пропасть тоже, не выходя изъ комнаты, никакъ онъ не могъ. Развѣ не спрятался ли... Иванъ Кузьмичъ! гдѣ ты? Не дурачься, полно, выходи скорѣе; ну что̀ за штуки-такія; въ церковь давно пора! *(Заглядываетъ за шкафъ, искоса запускаетъ даже глазъ подъ стулья)* Не понятно! Но нѣтъ, онъ не могъ уйти, никакимъ образомъ не могъ; онъ здѣсь, въ той комнатѣ и шляпа, я ее нарочно положилъ туда.

АР. ПАНТ. Ужъ развѣ спросить дѣвчонку, она стояла все на улицѣ, не знаетъ ли она какъ-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!.....

—

ЯВЛЕНІЕ XXV.

ТѢ ЖЕ И ДУНЯШКА.

АГ. ПАНТ. Гдѣ Иванъ Кузьмичъ, ты не видала?

ДУН. Да они-съ выпрыгнули-съ въ окошко. *(Агафья Тихоновна вскрикиваетъ, всплеснувши руками.)*

ВСѢ ТРОЕ. Въ окошко?

ДУН. Да-съ, а потомъ какъ выскочили, взяли извощика и уѣхали.

АР. ПАНТ. Да ты правду говоришь?

КОЧК. Врешь, не можетъ быть!

ДУН. Ей Богу выскочили! Вотъ и купецъ въ мелочной лавочкѣ видѣлъ. Порядили за гривенникъ извощика и уѣхали.

АР. ПАНТ., *подступая къ Кочкареву.* Что жъ вы, батюшка, въ издѣвку то развѣ что ли, посмѣяться развѣ надъ нами задумали? на позоръ развѣ мы достались вамъ, что ли? Да я шестой десятокъ живу, а такого сраму еще не наживала. Да за тò, батюшка, я вамъ плюну въ лицо, коли вы честный человѣкъ. Да вы послѣ этого подлецъ, коли вы честный человѣкъ. Осрамить передъ всѣмъ міромъ дѣвушку! я мужичка, да не сдѣлаю этого, а еще и дворянинъ! Видно только на пакости, да на мошенничества у васъ хватаетъ дворянства! *(Уходитъ въ сердцахъ и уводитъ невѣсту. Кочкаревъ стоитъ, какъ ошеломленный.)*

ѲЕКЛА. Что̀? А вотъ онъ тотъ, что знаетъ повести дѣло! безъ свахи умѣетъ заварить свадьбу! Да у меня пусть такіе и этакіе женихи, общипанные и всякіе, да ужъ такихъ чтобы прыгали въ окна, такихъ нѣтъ, прошу простить.

КОЧК. Это вздоръ, это не такъ; я побѣгу къ нему, я возвращу его *(уходитъ).*

ѲЕКЛА. Да, поди ты, вороти! Дѣла то свадебнаго не знаешь, что ли? Еще если бы въ двери выбѣжалъ—ино дѣло, а ужъ коли женихъ да шмыгнулъ въ окно — ужъ тутъ, просто, мое почтенье!

ДРАМАТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ

И

ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.

(СЪ 1832 ПО 1837 ГОДЪ.)

ИГРОКИ.

Дѣла давно минувшихъ дней.

Комната въ городскомъ трактирѣ.

ИХАРЕВЪ *входитъ въ сопровожденіи трактирнаго слуги,* АЛЕКСѢЯ, *и своего собственнаго,* ГАВРЮШКИ.

АЛ. Пожалуйте-съ, пожалуйте. Вотъ-съ покойчикъ! ужъ самый покойный, и шуму нѣтъ вовсе.

ИХ. Шуму нѣтъ, да, чай, коннаго войска вдоволь скакуновъ?

АЛ. То есть, изволите говорить, насчетъ блохъ? ужъ будьте покойны. Если блоха, или клопъ укуситъ, ужъ это наша отвѣтственность: ужъ на томъ стоимъ.

ИХ., *Гаврюшкѣ*. Ступай выносить изъ коляски. *(Гаврюшка уходитъ. Алексѣю)* Тебя какъ зовутъ?

АЛ. Алексѣй-съ.

ИХ. Ну, послушай: *(значительно)* разсказывай, кто у васъ живетъ?

АЛ. Да живутъ теперь много. Всѣ нумера почти заняты.

ИХ. Кто же именно?

АЛ. Швохневъ Петръ Петровичъ, Кругель полковникъ, Степанъ Ивановичъ Утѣшительный.

ИХ. Играютъ?

АЛ. Да вотъ ужъ шесть ночей сряду играютъ.

ИХ. Пара цѣлковиковъ! *(суетъ ему въ руку.)*

АЛ. *кланяясь*. Покорнѣйше благодарю.

ИХ. Послѣ еще будетъ.

АЛ. Покорнѣйше-съ благодарю.

ИХ. Между собой играютъ?

АЛ. Нѣтъ, недавно обыграли поручика Артуновскаго; у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысячъ.

ИХ. Вотъ тебѣ еще красная бумажка! а если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупалъ?

АЛ. Нѣтъ-съ, они сами брали вмѣстѣ.

ИХ. Да у кого?

АЛ. Да у здѣшняго купца Вахрамейкина.

ИХ. Врешь, врешь, плутъ!

АЛ. Ей Богу!

ИХ. Хорошо. Мы съ тобой потолкуемъ ужò. *(Гаврюшка вноситъ шкатулку.)* Ставь ее здѣсь. Теперь ступайте, приготовьте мнѣ умываться и бриться. *(Слуги уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

ИХАРЕВЪ, *одинъ. Отпираетъ шкатулку, всю наполненную карточными колодами.*

Каковъ видъ, а? Каждая дюжина золотая! Потомъ, трудомъ досталась всякая. Легко сказать, до сихъ поръ рябитъ въ глазахъ

проклятый крапъ. Но вѣдь за то̀, вѣдь это тотъ же капиталъ. Дѣтямъ можно оставить въ наслѣдство! Вотъ она заповѣдная колодушка—просто перлъ!

За то жъ ей и имя дано, да: Аделаида Ивановна. Послужи-ка ты мнѣ, душенька, такъ, какъ послужила сестрица твоя: выиграй мнѣ также восемьдесятъ тысячъ, такъ я тебѣ, пріѣхавши въ деревню, мраморный памятникъ поставлю; въ Москвѣ закажу. *(Услыша шумъ, поспѣшно закрываетъ шкатулку.)*

—

ЯВЛЕНІЕ III.

АЛЕКСѢЙ И ГАВРЮШКА *несутъ лаханку, рукомойникъ и полотенце.*

их. Что̀, эти господа гдѣ теперь? дома?

ал. Да-съ, они теперь въ общей залѣ.

их. Пойду взглянуть на нихъ, что̀ за народъ. *(уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

АЛЕКСѢЙ И ГАВРЮШКА.

ал. Что̀, издалека ѣдете?

гавр. А изъ Рязани.

ал. А сами тамошней губерніи?

гавр. Нѣтъ, сами изъ Смоленской.

ал. Такъ-съ. Такъ помѣстье то, выходитъ, въ Смоленской губерніи?

гавр. Нѣтъ, не въ Смоленской. Въ Смоленской сто душъ, да въ Калужской восемьдесятъ.

ал. Понимаю, въ двухъ, то есть, губерніяхъ.

гавр. Да, въ двухъ губерніяхъ. У насъ одной дворни: Игнатій буфетчикъ, Павлушка, который прежде съ бариномъ ѣздилъ, Ге-

расимъ лакей, Иванъ тоже опять-лакей, Иванъ псарь, Иванъ опять музыкантъ, потомъ поваръ Григорій, поваръ Семенъ, Варухъ садовникъ, Дементій кучеръ, вотъ какъ у насъ!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, КРУГЕЛЬ, ШВОХНЕВЪ, *осторожно входя.*

КР. Право, я боюсь, чтобы онъ насъ не засталъ здѣсь.

ШВ. Ничего; Степанъ Ивановичъ его удержитъ. *(Алексѣю)* Ступай, братъ, тебя зовутъ! *(Алексѣй уходитъ. Швохневъ, подходя поспѣшно къ Гаврюшкѣ)* Откуда баринъ?

ГАВР. Да теперь изъ Рязани.

ШВ. Помѣщикъ?

ГАВР. Помѣщикъ.

ШВ. Играетъ?

ГАВР. Играетъ.

ШВ. Вотъ тебѣ красуля: *(даетъ ему бумажку)* разсказывай все!

ГАВР. Да вы не скажете барину?

ОБА. Ни ни, не бойся.

ШВ. Что̀, ка́къ онъ теперь,—въ выигрышѣ? а?

ГАВР. Да вы полковника Чеботарева не знаете?

ШВ. Нѣтъ, а что?

ГАВР. Недѣли три тому назадъ мы его обыграли на восемьдесятъ тысячъ деньгами, да коляску варшавскую, да шкатулку, да коверъ, да золотыхъ эполетъ сколько-то паръ, одной выжиги дали на 600 рублей.

ШВ., *взглянувъ на Кругеля значительно.* А? восемьдесятъ тысячъ! *(Кругель покачалъ головою.)* Думаешь на́чисто? Это мы сейчасъ узнаемъ. Гаврюшка, послушай: когда баринъ остается дома одинъ, что̀ дѣлаетъ?

ГАВР. Да какъ—что̀ дѣлаетъ? Извѣстно, что̀ дѣлаетъ. Онъ ужъ баринъ, такъ держитъ себя хорошо: онъ ничего не дѣлаетъ.

ШВ. Врешь, чай картъ изъ рукъ не выпускаетъ?

ГАВР. Не могу знать, я съ бариномъ всего двѣ недѣли ѣзжу; прежде всё Павлушка ѣздилъ. У насъ тоже есть Герасимъ лакей, опять Иванъ лакей, Иванъ псарь, Иванъ музыкантъ, Дементій кучеръ, да намедни изъ деревни одного взяли.

ШВ. *Кругелю.* Думаешь шуллеръ?

КР. И очень можетъ быть.

ШВ. А попробовать, все-таки попробуемъ. *(Оба убѣгаютъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ГАВРЮШКА, *одинъ.*

Проворные господа! а за бумажку спасибо. Будетъ Матренѣ на чепецъ, да пострелятамъ тоже по прянику. Эхъ, люблю походную жизнь! Ужъ всегда что-нибудь пріобрѣтешь: баринъ пошлетъ купить чего-нибудь — всё ужъ съ рубля гривенникъ положишь себѣ въ карманъ. Какъ подумаешь, что̀ за житье господамъ на свѣтѣ! куда хошъ катай! Въ Смоленскѣ наскучило, поѣхалъ въ Рязань, не захотѣлъ въ Рязань—въ Казань, въ Казань не захотѣлъ, валяй подъ самый Ярославъ. Вотъ только до сихъ поръ не знаю, который изъ городовъ будетъ партикулярнѣе, Рязань или Казань. Казань будетъ потому партикулярнѣй, что въ Казани....

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ИХАРЕВЪ, ГАВРЮШКА, ПОТОМЪ АЛЕКСѢЙ.

ИХ. Въ нихъ нѣтъ ничего особеннаго, какъ мнѣ кажется. А впрочемъ.... Эхъ, хотѣлось бы мнѣ ихъ обчистить! Господи Боже, какъ бы хотѣлось! Какъ, подумаешь, право, сердце бьется. *(Беретъ щетку, мыло, садится передъ зеркаломъ и начинаетъ бриться.)* Просто, рука дрожитъ, никакъ не могу бриться. *(Входитъ Алексѣй.)*

АЛ. Не прикажете ли чего покушать?

их. Какъ же, какъ же! Принеси закуску на четыре человѣка: икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчасъ его. *(указывая на Гаврюшку.)*

ал. *Гаврюшкѣ.* Пожалуйте въ кухню, тамъ для васъ приготовлено. *(Гаврюшка уходитъ.)*

их. *продолжая бриться.* Послушай! много они тебѣ дали?

ал. Кто-съ?

их. Ну, да ужъ не изворачивайся, говори!

ал. Да-съ, за прислугу пожаловали.

их. Сколько? пятьдесятъ рублей?

ал. Да-съ, пятьдесятъ рублей дали.

их. А отъ меня не пятьдесятъ, а вонъ, видишь, на столѣ лежитъ сторублевая бумажка, возьми ее. Чего боишься, не укуситъ; отъ тебя не потребуется больше ничего, какъ только честности, понимаешь? Карты пусть будутъ у Вахрамейкина или другого купца, это не мое дѣло, а вотъ тебѣ въ придачу отъ меня дюжину. *(Даетъ ему запечатанную дюжину.)* Понимаешь?

ал. Да ужъ какъ не понять? Извольте положиться, это ужъ наше дѣло.

их. Да карты спрячь хорошенько, чтобъ какъ-нибудь не ощупали, или не увидѣли. *(Кладетъ щетку и мыло и вытирается полотенцемъ. Алексѣй уходитъ.)* Хорошо бы было и очень бы хорошо. А ужъ какъ, признаюсь, хочется поддѣть ихъ.

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ШВОХНЕВЪ, КРУГЕЛЬ И СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, *входятъ съ поклонами.*

их. *съ поклономъ къ нимъ на встрѣчу.* Прошу простить. Комната, какъ видите, не красна углами: четыре стула всего.

утѣш. Привѣтливыя ласки хозяина дороже всякихъ удобствъ.

шв. Не съ комнатой жить, а съ добрыми людьми.

утѣш. Именно правда. Я бы не могъ быть безъ общества. *(Кругелю)* Помнишь, почтеннѣйшій, какъ я пріѣхалъ сюда: одинъ

одинехонекъ. Вообразите: знакомыхъ никого. Хозяйка старуха. На лѣстницѣ какая-то поломойка, уродъ естественнѣйшій; вижу, увивается около нея какой-то армейщина, видно, натощакъ.... Словомъ, скука смёртная. Вдругъ судьба послала вотъ его, а потомъ случай свелъ съ нимъ.... Ну, ужъ какъ я былъ радъ. Не могу часу пробыть безъ дружескаго общества—все, что ни есть на душѣ, готовъ разсказать каждому.

кр. Это, братъ, порокъ твой, а не добродѣтель. Излишество вредитъ. Ты, вѣрно, ужъ не разъ былъ обманутъ.

утѣш. Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А все-таки не могу безъ откровенности.

кр. Ну, признаюсь, это для меня не понятно: быть откровенну со всякимъ. Дружба, это другое дѣло.

утѣш. Такъ; но человѣкъ принадлежитъ обществу.

кр. Принадлежитъ, но не весь.

утѣш. Нѣтъ, весь.

кр. Нѣтъ, не весь.

утѣш. Нѣтъ, весь.

шв. *Утѣшительному*. Не спорь, братъ, ты не правъ.

утѣш., *горячась*. Нѣтъ я докажу. Это обязанность.... Это, это, это.... это долгъ! это, это, это....

шв. Ну, зарапортовался! горячъ необыкновенно: еще первыя два слова изъ того, что онъ говоритъ, можно понять, а ужъ дальше ничего не поймешь.

утѣш. Не могу, не могу! Если дѣло коснется обязанностей или долга, я ужъ ничего не помню. Я обыкновенно впередъ объявляю, господа, если будетъ о чемъ подобномъ толкъ, извините, увлекусь, право увлекусь. Точно хмѣль какой-то, а желчь такъ и кипитъ, такъ и кипитъ.

их., *про-себя*. Ну, нѣтъ пріятель! Знаемъ мы тѣхъ людей, которые увлекаются и горячатся при словѣ обязанность. У тебя, можетъ быть, и кипитъ желчь, да только не въ этомъ случаѣ. *(Вслухъ)* А что, господа, покамѣсть споръ о священныхъ обязанностяхъ, не засѣсть ли намъ въ банчикъ?

(Въ продолженіе ихъ разговора приготовленъ на столъ завтракъ.)

утѣш. Извольте, если не въ большую игру, почему нѣтъ.

кр. Отъ невинныхъ удовольствій я никогда не прочь.

их. А что̀, вѣдь въ здѣшнемъ трактирѣ, чай, есть карты?

шв. О, только прикажите!

их. Карты! *(Алексѣй хлопочетъ около карточнаго стола)* А между-тѣмъ прошу, господа! *(указывая рукой на закуску и подходя къ ней.)* Балыкъ, кажется, не того, а икра еще такъ и сякъ.

шв., *посылая въ ротъ кусокъ.* Нѣтъ, и балыкъ того.

кр. *также.* И сыръ хорошъ. Икра тоже не дурна.

шв. *Крюгелю.* Помнишь, какой отличный сыръ ѣли мы недѣли двѣ тому назадъ?

кр. Нѣтъ, никогда въ жизни не позабуду я сыра, который ѣлъ я у Петра Александровича Александрова.

утѣш. Да вѣдь сыръ, почтеннѣйшій, когда хорошъ? Хорошъ онъ тогда, когда, сверхъ одного обѣда, навортишь другой — вотъ гдѣ его настоящее значеніе. Онъ все равно, что добрый квартермистръ, говоритъ: «добро пожаловать, господа, есть еще мѣсто.»

их. Добро пожаловать, господа, карты на столѣ.

утѣш., *подходя къ карточному столу.* А, вотъ оно старина, старина! Слышь, Швохневъ, карты, а? сколько лѣтъ....

их. *въ сторону.* Да полно тебѣ корчить!...

утѣш. Хотите вы держать банчикъ?

их. Небольшой, извольте, пятьсотъ рублей. Угодно снять? *(мечетъ банкъ.)*

Начинается игра. Раздаются восклицанія:

шв. Четверка, тузъ,—оба по десяти.

утѣш. Подайка, братъ, мнѣ свою колоду: я выберу себѣ карту на счастье нашей губернской предводительши.

кр. Позвольте присовокупить девяточку.

утѣш. Швохневъ, подай мѣлъ. Приписываю и списываю.

шв. Чортъ побери, пароле!

утѣш. И пять рублей мазу!

кр. Атанде! позвольте посмотрѣть, кажется, еще двѣ тройки должны быть въ колодѣ.

утѣш. *вскакиваетъ съ мѣста про-себя.* Чортъ побери, тутъ что-то не такъ, карты другія, это очевидно.

(Игра продолжается.)

их. *Кругелю.* Позвольте узнать: обѣ идутъ?

кр. Обѣ.

их. Не возвышаете?

кр. Нѣтъ.

их. *Швохневу.* А вы что жъ? не ставите?

шв. Позвольте мнѣ эту талію переждать. *(Встаетъ со стула, торопливо подходитъ къ Утѣшительному и говоритъ скоро:)* Чортъ возьми, братъ! И передергиваетъ, и все, что̀ хочешь! Шуллеръ первой степени!

утѣш., *въ волненіи.* Неужели однакожъ отказаться отъ восьмидесяти тысячъ?

шв. Конечно, надо отказаться, когда нельзя взять.

утѣш. Ну, это еще вопросъ, а пока надо съ нимъ объясниться!

шв. Какъ?

утѣш. Открыться ему во всемъ.

шв. Для чего?

утѣш. Послѣ скажу. Пойдемъ. *(Подходятъ обакъ Ихареву и ударяютъ его съ обѣихъ сторонъ по плечу.)*

утѣш. Да полно вамъ тратитъ попусту заряды.

их., *вздрогнувъ.* Какъ?

утѣш. Да что̀ тутъ толковать, свой своего развѣ не узналъ?

их., *учтиво.* Позвольте узнать, въ какомъ смыслѣ я долженъ разумѣть?..

утѣш. Да просто, безъ дальнѣшихъ словъ и церемоній. Мы видѣли ваше искусство и, повѣрьте, умѣемъ отдавать справедливость достоинству. И потому отъ лица нашихъ товарищей предлагаю вамъ дружескій союзъ. Соединя наши познанія и капиталы, мы можемъ дѣйствовать несравненно успѣшнѣе, чѣмъ порознь.

их. Въ какой степени я долженъ понимать справедливость словъ вашихъ?

утѣш. Да вотъ въ какой степеии: за искренность мы платимъ искренностью. Мы признаемся тутъ же вамъ откровенно,

что сговорились обыграть васъ, потому что приняли васъ за человѣка обыкновеннаго. Но теперь видимъ, что вамъ знакомы высшія тайны. И такъ, хотите ли принять нашу дружбу?

их. Отъ такого радушнаго предложенія не могу отказаться.

утѣш. Итакъ, подадимте же другъ другу руки. *(Всѣ попеременно пожимаютъ руку Ихареву.)* Отнынѣ же все общее; притворство и церемоніи въ сторону! Позвольте узнать, съ какихъ поръ начали изслѣдывать глубину познаній?

их. Признаюсь, это съ самыхъ юныхъ лѣтъ было моимъ стремленіемъ. Еще въ школѣ, во время профессорскихъ лекцій, я подъ скамьей держалъ банкъ моимъ товарищамъ.

утѣш. Я такъ и полагалъ. Подобное искусство не можетъ быть пріобрѣтено безъ практики въ лѣта гибкаго юношества.— Помнишь, Швохневъ, этого необыкновеннаго ребенка?

их. Какого ребенка?

утѣш. А вотъ раскажи!

шв. Подобнаго событія я никогда не позабуду. Говоритъ мнѣ его зять *(указывая на Утѣшительнаго)* Андрей Ивановичъ Пяткинъ: «Швохневъ, хочешь видѣть чудо? Мальчикъ одиннадцати лѣтъ, сынъ Ивана Михайловича Кубышева, передергиваетъ съ такимъ искусствомъ, какъ ни одинъ изъ игроковъ! Поѣзжай въ Тетюшскій уѣздъ и посмотри!» Я, признаюсь, тотъ же часъ отправился въ Тетюшскій уѣздъ. Спрашиваю деревню Ивана Михайловича Кубышева и пріѣзжаю прямо къ нему. Приказываю о себѣ доложить. Выходитъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ. Я рекомендуюсь, говорю: «Извините, я слышалъ, что Богъ наградилъ васъ необыкновеннымъ сыномъ.»—«Да, признаюсь,» говоритъ (и мнѣ понравилось то̀, что безъ всякихъ, понимаете, этихъ претензій и отговорокъ.) «Да,» говоритъ, «точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственнаго сына, но это дѣйствительно въ нѣкоторомъ родѣ чудо. Миша!» говоритъ, «поди-ка сюда, покажи гостю искусство!» Ну, мальчикъ, просто, ребенокъ, мнѣ по плечо не будетъ, и въ глазахъ ничего нѣтъ особеннаго. Началъ онъ метать: я просто потерялся. Это превосходитъ всякое описаніе.

их. Неужто ничего нельзя было примѣтить?

шв. Ни-ни, никакихъ слѣдовъ! я смотрѣлъ въ оба глаза.

их. Это непостижимо!

утѣш. Феноменъ, феноменъ!

их. И какъ я подумаю, что при этомъ еще нужны познанія, основанныя на остротѣ глазъ, внимательное изученіе крапа.

утѣш. Да вѣдь это очень облегчено теперь. Теперь накрапливанье и отмѣтины вышли вовсе изъ употребленія; стараются изучить ключъ.

их. То есть ключь рисунка?

утѣш. Да, ключъ рисунка обратной стороны. Есть въ одномъ городѣ, въ какомъ именно—я не хочу назвать, одинъ почтеннѣйшій человѣкъ, который больше ничѣмъ ужъ не занимается, какъ только этимъ. Ежегодно получаетъ онъ изъ Москвы нѣсколько сотенъ колодъ, отъ кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы разобрать крапъ всякой карты и послать отъ себя только ключъ. Смотри, молъ, у двойки вотъ какъ расположенъ рисунокъ! у такой-то вотъ какъ! За это одно онъ получаетъ чистыми деньгами пять тысячъ въ годъ.

их. Это однакожъ важная вещь.

утѣш. Да, оно впрочемъ такъ и быть должно. Это то̀, что называется въ политической экономіи распредѣленіе работъ. Все равно каретникъ: вѣдь онъ не весь же экипажъ дѣлаетъ самъ, онъ отдаетъ и кузнецу, и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человѣческой.

их. Позвольте вамъ сдѣлать одинъ вопросъ: какъ поступали *вы* доселѣ, чтобы пустить въ ходъ колоды? Подкупать слугъ вѣдь не всегда можно.

утѣш. Сохрани Богъ! да и опасно. Это значитъ иногда самого себя продать. Мы дѣлаемъ это иначе. Одинъ разъ мы поступили вотъ какъ. Пріѣзжаетъ на ярмарку нашъ агентъ, останавливается подъ именемъ купца въ городскомъ трактирѣ; лавки еще не успѣлъ нанять; сундуки и вьюки пока въ комнатѣ. Живетъ онъ въ трактирѣ, издерживается, ѣстъ, пьетъ и вдругъ пропадаетъ неизвѣстно куда, не заплативши. Хозяинъ шаритъ въ комнатѣ; видитъ, остался одинъ вьюкъ; распечатываетъ — сто дюженъ картъ. Карты, натурально, сей же часъ проданы съ публичнаго

торгу; пустили рубликомъ дешевле, купцы въ мигъ расхватали въ свои лавки; а въ четыре дня проигрался весь городъ.

их. Это очень ловко.

шв. Ну, а у того, помѣщика?

их. Что у помѣщика?

утѣш. А это дѣло тоже было поведено не дурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помѣщикъ Аркадій Антоновичъ Дергуновъ, богатѣйшій человѣкъ. Игру ведетъ отличную, честности безпримѣрной, къ поползновенью, понимаете? никакихъ путей: за всѣмъ смотритъ самъ, люди у него воспитаны—камергеры, домъ—дворецъ, сады все это по англійскому образцу; словомъ, русскій баринъ, въ полномъ смыслѣ слова. Мы живемъ ужъ у него три дня. Какъ приступить къ дѣлу—просто, нѣтъ возможности! Наконецъ придумали. Въ одно утро пролетаетъ мимо самого двора тройка. На телегѣ сидятъ молодцы. Все это пьяно, какъ нельзя больше, оретъ пѣсни и дуетъ во весь опоръ. На такое зрѣлище, какъ водится, выбѣжала вся дворня. Ротозѣютъ, смѣются и замѣчаютъ, что изъ телеги что-то выпало; подбѣгаютъ, видятъ чемоданъ. Машутъ, кричатъ: «остановись!» куда! никто не слышитъ, умчались, только пыль осталась по всей дорогѣ. Развязали чемоданъ, видятъ: бѣлье, кой какое платье, двѣсти рублей денегъ и дюженъ сорокъ картъ. Ну, натурально, отъ денегъ не захотѣли отказаться люди, карты пошли на барскіе столы, и на другой же день, ввечеру, всѣ, и хозяинъ и гости остались безъ копѣйки въ карманѣ, и кончился банкъ.

их. Очень остроумно! Вѣдь вотъ называютъ это плутовствомъ и разными подобными именами, а вѣдь это тонкость ума, развитіе.

утѣш. Эти люди не понимаютъ игры. Въ игрѣ нѣтъ лицепріятія. Игра не смотритъ ни на что. Пусть отецъ сядетъ со мною въ карты—я обыграю отца, не садись. Здѣсь всѣ равны.

их. Именно, этого не понимаютъ, что игрокъ можетъ быть добродѣтельнѣйшій человѣкъ. Я знаю одного, который наклоненъ къ передержкамъ и къ чему хотите, но нищему онъ отдастъ послѣднюю копѣйку. А между-тѣмъ, ни за что не откажется соединиться втроемъ противъ одного обыграть на-вѣрняка. Но, господа, такъ какъ пошло на откровенность, я вамъ покажу удивительную

вещь. Знаете ли вы то́, что̀ называютъ сводная или подобранная колода, въ которой всякая карта можетъ быть угадана мною на значительномъ разстояніи?

утѣш. Знаю, но можетъ быть другого рода.

их. Могу вамъ похвастаться, что подобной нигдѣ не сыщете. Почти полгода трудовъ. Я двѣ недѣли послѣ того не могъ на солнечный свѣтъ смотрѣть. Докторъ опасался воспаленія въ глазахъ. *(Вынимаетъ изъ шкатулки)* Вотъ она! За то ужъ, не прогнѣвайтесь, она у меня носитъ имя, какъ человѣкъ.

утѣш. Какъ, имя?

их. Да, имя: Аделаида Ивановна.

утѣш. Слышь, Швохневъ, вѣдь это совершенно новая идея, назвать колоду картъ Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже это очень остроумнымъ.

шв. Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо!

утѣш. Аделаида Ивановна! Нѣмка даже! слышь, Кругель, это тебѣ жена.

кр. Что̀ я за Нѣмецъ? Дѣдъ былъ Нѣмецъ, да и тотъ не зналъ по-нѣмецки.

утѣш., *разсматривая колоду*. Это точно сокровище. Да, какихъ совершенно признаковъ. Неужели, однакожъ, всякая карта можетъ быть вами угадана на какомъ угодно разстояніи?

их. Извольте, я стану отъ васъ въ пяти шагахъ и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готовъ асикурировать, если ошибусь.

утѣш. Ну это какая карта?

их. Семерка.

утѣш. Такъ точно. Эта?

их. Валетъ.

утѣш. Чортъ возьми, да! Ну, эта?

их. Тройка.

утѣш. Непостижимо!

кр., *пожимая плечами*. Непостижимо!

шв. Непостижимо!

утѣш. Позвольте еще разъ разсмотрѣть. *(Разсматривая колоду)* Удивительная вещь! стоитъ того, чтобы назвать ее име-

немъ. Но позвольте замѣтить, употребить ее въ дѣло трудно; развѣ съ игрокомъ слишкомъ неопытнымъ: вѣдь надо подмѣнить самому.

их. Да вѣдь это дѣлается только во время самой жаркой игры, когда игра возвысится до того, что и самый опытный игрокъ дѣлается неспокойнымъ; а потеряйся только немного человѣкъ, съ нимъ можно все сдѣлать. Вы знаете, что съ лучшими игроками случается тò, что называютъ—заиграться. Какъ проиграетъ сряду два дня и двѣ ночи, не поспавши, ну и заиграется. Въ азартной игрѣ я всегда подмѣню колоду. Повѣрьте, вся штука въ томъ, чтобы быть хладнокровнымъ тогда, когда другой горячится, а средствъ, отвлечь вниманіе другихъ—есть тысяча. Придеритесь тутъ же къ кому-н будь изъ понтеровъ, скажите, что у него не такъ записано: глаза всѣхъ обратятся на него, а въ это время колода уже и подмѣнена.

утѣш. Но однакоже я вижу, что, кромѣ искусства, вы владѣете еще достоинствомъ хладнокровія — это важная вещь. Пріобрѣтеніе вашего знакомства теперь стало для насъ еще значительнѣй. Будемъ безъ церемоніи, оставимъ лишніе этикеты и станемъ говорить другъ другу «ты.»

их. Этакъ бы давно слѣдовало.

утѣш. Человѣкъ, шампанскаго! въ память дружескаго союза!

их. Именно это стòитъ того, чтобы выпить.

шв. Да вѣдь вотъ, мы собрались для подвиговъ, орудія всѣ у насъ въ рукахъ, силы есть, недостаетъ одного только.

их. Именно, именно, крѣпости недостаетъ только, на которую бы идти, вотъ бѣда!

утѣш. Что жъ дѣлать? непріятеля пока нѣтъ. *(Смотря пристально на Швохнева)* Чтò? у тебя какъ-будто лицо такое, которое хочетъ сказать, что есть непріятель.

шв. Есть, да.... *(останавливается.)*

утѣш. Знаю я, на кого ты мѣтишь.

их. *съ живостью*. А на кого, на кого? кто это?

утѣш. Э, вздоръ, вздоръ! Онъ выдумалъ, пустяки. Вотъ видите ли, есть здѣсь одинъ проѣзжій помѣщикъ, Михайло Александровичъ Гловъ. Ну, да чтò объ этомъ толковать, когда онъ не

играетъ вовсе. Мы ужъ возились около него.... Я мѣсяцъ за нимъ ухаживалъ, и въ дружбу и въ довѣренность вошелъ, а все ничего не сдѣлалъ.

их. Ну, да послушай, нельзя ли какъ-нибудь увидѣться съ нимъ. Можетъ быть, почему знать....

утѣш. Ну, я тебѣ впередъ говорю, что это будетъ вовсе напрасный трудъ.

их. Ну, да попробуемъ еще разъ.

шв. Ну, да приведи его покрайней мѣрѣ. Ну, не успѣемъ, поговоримъ просто. Почему не попробовать?

утѣш. Да пожалуй, мнѣ ничего это не значитъ, я приведу его.

их. Приведи его теперь же, пожалуста!

утѣш. Изволь, изволь. *(Уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, *кромѣ* УТѢШИТЕЛЬНАГО.

их. Вѣдь точно, почему знать, иногда дѣло кажется совсѣмъ невозможное.

шв. Я самъ того же мнѣнія. Вѣдь не съ богами здѣсь имѣемъ дѣло, а съ человѣкомъ; а человѣкъ все-таки человѣкъ. Сегодня нѣтъ, завтра нѣтъ, послѣ завтра нѣтъ, а на четвертый день, какъ насядешь на него хорошенько, скажетъ—да. Иной вѣдь съ виду корчитъ, что онъ недоступный, а разгляди его поближе, увидишь, просто даромъ тревогу подымалъ.

кр. Ну, однакожъ этотъ не таковъ.

их. Эхъ если бы!... Повѣрить нельзя, какъ возродилась во мнѣ теперь жажда къ дѣятельности. Надо вамъ знать, что послѣдній мой выигрышъ восемьдесятъ тысячъ у полковника Чеботарева былъ сдѣланъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ. Съ тѣхъ поръ я не имѣлъ практики въ продолженіе цѣлаго мѣсяца. Представить не можете, какую испыталъ я скуку во все это время! Скука, скука смертная!

шв. Я понимаю это положеніе. Это все равно, что полководецъ: что̀ онъ долженъ чувствовать, когда нѣтъ войны? Это, любезнѣйшій, просто, фатальный антрактъ. Я знаю по себѣ, съ этимъ нечего шутить.

их. Повѣришь ли, приходитъ такъ, что если бы кто сдѣлалъ пять рублей банку—я готовъ сѣсть и играть.

шв. Естественная вещь. Этакъ проигрывались иногда искуснѣйшіе игроки: стоскуется, работы нѣтъ, и наскочитъ съ горя на одного изъ тѣхъ, которыхъ называютъ голь и перетыка—ну, и проиграется ни за что.

их. А богатъ этотъ Гловъ?

кр. О, деньги есть! Кажется около тысячи душъ крестьянъ.

их. Эхъ, чортъ возьми, подпоить развѣ его, шампанскаго велѣть подать?

шв. Въ ротъ не беретъ.

их. Что̀ жъ съ нимъ дѣлать? Какъ подъѣхать? Но нѣтъ, однакожъ, всё я думаю.... вѣдь игра соблазнительная вещь. Мнѣ кажется, если бы онъ подсѣлъ только къ играющимъ, онъ бы не утерпѣлъ потомъ.

шв. Дя вотъ мы попробуемъ. Мы вотъ здѣсь въ сторонѣ съ Кругелемъ слѣлаемъ самую маленькую игру. Но не нужно оказывать большого вниманія къ нему, старики подозрительны. *(садятся въ сторонѣ съ картами)*.

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, УТѢШИТЕЛЬНЫЙ И МИХАЙЛО АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ГЛОВЪ, *человѣкъ почтенныхъ лѣтъ*.

утѣш. Вотъ тебѣ, Ихаревъ, рекомемдую: Михайло Александровичъ Гловъ.

их. Я, признаюсь, давно искалъ этой чести. Живя въ одномъ трактирѣ....

гловъ. Мнѣ тоже очень пріятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выѣздѣ.

их., *подавая ему стулъ*. Прошу покорнѣйше!... давно изволите жить въ этомъ городѣ?

(*Утѣшительный, Швохневъ и Кругель перешептываются между собою.*)

гловъ. Ахъ, батюшка, ужъ онъ мнѣ такъ надоѣлъ, этотъ городъ: и тѣломъ, и душою радъ бы поскорѣе отсюда выбраться.

их. Что жъ, удерживаютъ дѣла?...

гловъ. Дѣла, дѣла, такая коммиссія мнѣ эти дѣла!

их. Вѣроятно, тяжба?

гловъ. Нѣтъ, слава Богу, тяжбы нѣтъ, но тѣмъ не менѣе затруднительныя обстоятельства. Выдаю за-мужъ дочь, батюшка, восьмнадцатилѣтнюю дѣвицу. Понимаете ли вы отцовское положеніе? Пріѣхалъ за разными покупками, а главное заложить имѣніе. Дѣло бы уже все кончено, да приказъ денегъ до сихъ поръ не выдаетъ. Даромъ совершенно живу.

их. А позвольте узнать, въ какую сумму вы изволили заложить имѣніе?

гловъ. Въ двухъ стахъ тысячахъ. На дняхъ бы должны выдать, да вотъ затянулось. А мнѣ ужъ такъ опротивѣло здѣсь жить! Дома то, знаете, все это оставилъ на самое короткое время. Дочь невѣста. Все это ждетъ.... Я ужъ рѣшился не дожидаться и бросить все.

их. Какъ же, и денегъ не хотите дождаться?

гловъ. Что жъ дѣлать, батюшка, вы разсмотрите и мое положеніе: вѣдь вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ не видался съ женой и дѣтьми; писемъ даже не получаю. Богъ вѣсть, что тамъ дѣлается. Я ужъ все дѣло поручаю сыну, который здѣсь остается. Надоѣло возиться. (*Обращаясь къ Швохневу и Кругелю*).... А что вы, господа? я, кажется, вамъ помѣшалъ: вы чѣмъ то занимались?

кр. Вздоръ. Это такъ. Отъ нечего-дѣлать вздумали поиграть.

гловъ. Кажется, что-то похожее на банчикъ?

шв. Какое! для препровожденія времени, грошевой банчикъ.

гловъ. Эхъ, господа, послушайте старика. Вы молодые люди, конечно, тутъ ничего нѣтъ худого, больше для развлеченья; да и въ грошевую игру нельзя много проиграть, все это такъ, но все.. эхъ, господа, я самъ игралъ и знаю по опыту. Все на свѣтѣ почи-

тается грошевымъ дѣломъ, а смотришь, маленькая игра какъ-разъ кончилась большой.

шв., *Ихарєву*. Ну, пошелъ ужъ старикашка плесть свое. *(Глову)* Ну, вотъ видите, вы уже тотчасъ припишите важное слѣдствіе всякому вздору, это обыкновенная замашка всѣхъ пожилыхъ людей.

гловъ. Да что жъ, вѣдь я еще не такъ пожилой человѣкъ, я сужу по опыту.

шв. Я не объ васъ буду говорить; но вообще у стариковъ есть это: на примѣръ, если они на чемъ-нибудь обожглись, они твердо увѣрены, что и другой непремѣнно обожжется на томъ же. Если они пошли какой-нибудь дорогою, да, зазѣвавшись, хлопнулись о гололедь—они ужъ кричатъ и выдаютъ правило, что по такой-то дорогѣ никому нельзя ходить, потому что на ней есть въ одномъ мѣстѣ гололедь и всякій непремѣнно на ней шлепнется лбомъ, никакъ не принимая въ соображеніе того, что другой, можетъ быть, не зазѣвается, и сапоги у него не на скользкой подошвѣ. Нѣтъ, у нихъ для этого нѣтъ соображенья. Собака укусила человѣка на улицѣ—всѣ кусаются собаки, и потому никому нельза выходить на улицу.

гловъ. Такъ, батюшка; оно точно, съ одной стороны есть тотъ грѣхъ. Да вѣдь за то жъ и молодые! Вѣдь ужъ слишкомъ много рыси: того и смотри, что сломитъ шею!

шв. Вотъ то-то и есть, что у насъ нѣтъ середины. Молодежъ бѣсится, такъ что не въ-терпежъ другимъ, а подъ старость припнется ханжой, такъ что не въ-терпежъ другимъ.

гловъ. Такого-то вы обиднаго мнѣнія на счетъ стариковъ.

шв. Да нѣтъ, что за обидное мнѣніе: это правда, больше ничего.

их. Позволь мнѣ замѣтить: твое мнѣніе рѣзко....

утѣш. Насчетъ картъ я совершенно согласенъ съ Михайломъ Александровичемъ. Самъ игралъ, игралъ сильно; но благодарю судьбу, бросилъ навсегда,—не потому, чтобы проигрался, или былъ вооруженъ противъ судьбы, повѣрьте мнѣ, это еще ничего—проигрышъ не такъ важенъ, какъ душевное спокойствіе. Одно это

волненіе, чувствуемое во время игры, кто что ни говори, а это сокращаетъ видимо нашу жизнь.

глов. Такъ, батюшка, ей Богу! какъ вы премудро замѣтили. Позвольте сдѣлать вамъ нескромный вопросъ: сколько времени имѣю честь пользоваться вашимъ знакомствомъ, а вотъ до сихъ поръ....

утѣш. Какой вопросъ?

гловъ. Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вамъ годъ?

утѣш. Тридцать девять лѣтъ.

гловъ. Представьте! Что жъ такое тридцать девять лѣтъ? Еще молодой человѣкъ. Ну что, если бы у насъ въ Россіи было побольше такихъ, которые бы такъ мудро разсуждали? Господи ты Боже мой, что бы это было: просто, золотой вѣкъ-съ, та же Астрея. Ужъ какъ, ей Богу, благодаренъ судьбѣ я за то, что познакомился съ вами!

их. Повѣрьте мнѣ, я тоже раздѣляю это мнѣніе. Мальчишкамъ я бы не позволилъ и въ руки взять картъ. Но благоразумнымъ людямъ почему не поразвлечься и не позабавиться? Напримѣръ, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцовать?

гловъ. Такъ, все такъ; но повѣрьте, въ жизни нашей есть столько удовольствій, столько обязанностей, такъ сказать, священныхъ. Эхъ господа, послушайте старика! Нѣтъ для человѣка лучшаго назначенія, какъ семейная жизнь, въ домашнемъ кругу. Все это, что васъ окружаетъ, вѣдь это все волненіе, ей Богу волненіе; а прямого то блага вы не вкусили еще. Вѣдь вотъ я, повѣрите ли, минуты не дождусь, чтобы увидать своихъ, ей Богу. Какъ воображу: дочь кинется на шею: «папашъ ты мой, милый папашъ!» Сынъ опять пріѣхалъ изъ гимназіи.... полгода не видалъ.... Просто, словъ не достаетъ, Ей Богу такъ. Да послѣ этого на карты смотрѣть не захочешь.

их. Но зачѣмъ же отеческія чувства мѣшать съ картами? Отеческія чувства сами по себѣ, а карты тоже....

ал., *входя, говоритъ Глову*. Вашъ человѣкъ спрашиваетъ насчетъ чемодановъ: прикажете выносить? Лошади ужъ готовы.

гловъ. А вотъ сей часъ! Извините, господа, на одну минуточку васъ оставляю. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

ШВОХНЕВЪ, ИХАРЕВЪ, КРУГЕЛЬ, УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

их. Ну, нѣтъ никакой надежды!

утѣш. Я говорилъ это прежде. Не понимаю, какъ вы не можете видѣть человѣка. Вѣдь стоитъ только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположенъ играть.

их. Да все бы таки насѣсть на него хорошенько. Ну, зачѣмъ ты самъ его поддерживалъ?

утѣш. Да иначе, братецъ, нельзя. Съ этими людьми нужно тонко поступать, не то, какъ разъ догадается, что его хотятъ обыграть.

их. Ну, да вѣдь что жъ вышло изъ того, вѣдь вотъ уѣдетъ — все равно.

утѣш. Ну, да постой, еще не все дѣло кончено!

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И ГЛОВЪ.

гловъ. Покорнѣйше благодарю васъ, господа, за пріятное знакомство. Жаль только, право, что вотъ передъ самымъ концомъ. А впрочемъ авось приведетъ Богъ опять гдѣ-нибудь столкнуться.

шв. О, вѣроятно. Дороги битыя, а люди толкутся, какъ не столкнуться? Захоти только судьба.

гловъ. Ей Богу такъ, совершенная правда! Судьба захочетъ, такъ завтра же увидимся—совершенная правда. Прощайте, господа! истинно благодарю! А ужъ вамъ, Степанъ Ивановичъ, такъ обязанъ: право, вы усладили мое уединеніе.

утѣш. Помилуйте, не за что. Чѣмъ могъ служить, служилъ.

гловъ. Ну, ужъ если вы такъ добры, такъ сдѣлайте еще одну милость, можно ли васъ просить?

утѣш. Какую? скажите! Все, что̀ угодно, готовъ.

гловъ. Успокойте старика-отца!

утѣш. Какъ?

гловъ. Я оставляю здѣсь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но все еще ненадеженъ: двадцать два года, ну что за лѣта? Почти ребенокъ.... Кончилъ учебный курсъ и ужъ больше ни о чемъ и слышать не хочетъ, какъ объ гусарахъ. Я говорю ему: «Рано, Саша, погоди, осмотрись прежде! что тебѣ въ гусары? почему знать, можетъ быть, у тебя штатскія наклонности. Ты еще не видѣлъ почти свѣта; время не уйдетъ отъ тебя!...» Ну, сами знаете, молодая натура. Ему ужъ тамъ въ гусарахъ все это блеститъ, шитье, богатый мундиръ. Что жъ прикажете? Склонностей вѣдь удержать никакъ нельзя.... Такъ будьте такъ великодушны, батюшка, Степанъ Ивановичъ! Онъ остается теперь одинъ; я возложилъ на него кое-какія дѣлишки. Молодой человѣкъ, все можетъ случиться: чтобы приказные какъ-нибудь его не обманули.... мало ли чего! такъ возьмите его подъ свое покровительство, надзирайте надъ его поступками, отвлеките его отъ дурного. Будьте такъ добры, батюшка! *(Беретъ его за обѣ руки.)*

утѣш. Извольте, извольте. Все, что̀ можетъ сдѣлать отецъ для своего сына, все это я сдѣлаю для него.

гловъ. Ахъ, батюшка! *(Обнимаются и цѣлуются.)* Вѣдь ка̀къ видно, когда у человѣка-то доброе сердце, ей Богу! Богъ васъ наградитъ за это! Прощайте, господа, отъ души желаю вамъ счастливо оставаться.

их. Прощайте, доброй дороги!

шв. Счастливо найти всѣхъ домашнихъ!

гловъ. Благодарю васъ, господа!

утѣш. А я васъ провожу таки до самой коляски и посажу!

гловъ. Ахъ, батюшка, какъ вы добры!

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ШВОХНЕВЪ, КРУГЕЛЬ, ИХАРЕВЪ.

их. Улетѣла птица!

шв. Да, а было бы чѣмъ поживиться.

их. Признаюсь, какъ онъ сказалъ: двѣсти тысячъ — у меня вздрогнуло въ самомъ сердцѣ.

кр. О такой суммѣ и подумать даже сладко.

их. Вѣдь какъ подумаешь, сколько денегъ пропадаетъ даромъ, безъ всякой совершенно пользы! Ну, что изъ того, что у него будетъ двѣсти тысячъ? Вѣдь это все такъ пойдетъ, на покупку какихъ-нибудь тряпокъ, ветошекъ.

шв. И все это дрянь, гниль.

их. А вѣдь сколько даже такъ пропадаетъ на свѣтѣ, не обращаясь! Сколько есть мертвыхъ капиталовъ, которые именно, какъ мертвецы, лежатъ въ ломбардахъ! Право, даже жалость. Я бы больше не хотѣлъ имѣть у себя денегъ, какъ столько, сколько лежитъ въ опекунскомъ совѣтѣ.

шв. Я помирюсь и на половинѣ.

кр. Я доволенъ буду и четвертью.

шв. Ну, не ври, Нѣмецъ, захочешь больше.

кр. Какъ честный человѣкъ.

шв. Надуешь.

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ И УТѢШИТЕЛЬНЫЙ, *входитъ поспѣшно и съ радостнымъ видомъ.*

утѣш. Ничего, ничего, господа! Уѣхалъ, чортъ его побери, тѣмъ лучше! Остался сынъ. Отецъ передалъ ему и довѣренность и всѣ права на полученіе изъ приказа денегъ и поручилъ надсматривать за всѣмъ мнѣ. Сынъ молодецъ: такъ и рвется въ гусары. Будетъ жатва! Я пойду, и сейчасъ же приведу его къ вамъ. *(Убѣгаетъ).*

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

ШВОХНЕВЪ, КРУГЕЛЬ, ИХАРЕВЪ.

их. Ай, да Утѣшительный!

шв. Браво! дѣло приняло славный оборотъ! *(Всѣ потираютъ съ радости руки.)*

их. Молодецъ Утѣшительный! Теперь я понялъ, зачѣмъ онъ подбирался къ отцу и потакалъ ему. И какъ все это славно, какъ тонко!

шв. О, у него на это талантъ необыкновенный!

кр. Способности невѣроятныя!

их. Признаюсь, когда отецъ сказалъ, что оставляетъ здѣсь сына, у меня у самого промелькнула въ головѣ мысль, да вѣдь только на мигъ, а ужъ онъ тотъ-часъ.... Смѣтливость какая!

шв. О, ты еще не знаешь его хорошенько.

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ, УТѢШИТЕЛЬНЫЙ И ГЛОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ, *молодой человѣкъ.*

утѣш. Господа! рекомендую: Александръ Михайловичъ Гловъ, отличный товарищъ, прошу полюбить, какъ меня.

шв. Очень радъ.... (*пожимаетъ ему руку.*)

их. Знакомство ваше намъ....

кр. Позвольте васъ прямо въ наши объятія.

гловъ. Господа! я....

утѣш. Безъ церемоніи, безъ церемоніи, — равенство первая вещь. Господа! Гловъ, здѣсь видишь всѣ товарищи, потому къ чорту всѣ этикеты! Сведемъ прямо на «ты».

шв. Именно на «ты»!

гловъ. На «ты!» *(подаетъ имъ всѣмъ руку.)*

утѣш. Такъ! браво! Человѣкъ, шампанскаго! Замѣчаете, господа, какъ у него даже теперь уже видно что-то гусарское? Нѣтъ, твой отецъ, не говоря дурного слова, большая скотина, извини— вѣдь мы на ты—ну, какъ этакого молодца вздумалъ было въ чернильную службу! Ну, что, братъ, скоро свадьба сестры твоей.

гловъ. Чортъ побери съ ея свадьбой! Мнѣ досадно, что изъ-за нея отецъ меня продержалъ три мѣсяца въ деревнѣ.

утѣш. Ну, послушай, хороша твоя сестра?

гловъ. А такъ хороша... Будь она не сестра: ну, ужъ я бы ей не спустилъ.

утѣш. Браво, браво, гусаръ! сейчасъ видно гусара! Ну, послушай, а помогъ бы ты мнѣ, если бы я захотѣлъ бы ее увезти?

гловъ. Почему жъ? помогъ бы!

утѣш. Браво, гусаръ! Вотъ оно, что называется настоящій гусаръ, чортъ побери! Человѣкъ, шампанскаго! Вотъ это мой рѣшительно вкусъ: этакихъ открытыхъ людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

шв. Дай же мнѣ обнять его. *(Обнимаетъ его.)*

их. Пусть же и я обниму его. *(Обнимаетъ.)*

кр. Ну, такъ и я обниму его, если такъ. *(Обнимаетъ.)*

(Алексѣй несетъ бутылку, придерживая пальцемъ пробку, которая хлопаетъ и летитъ въ потолокъ, наливаетъ бокалы.)

утѣш. Господа! за здравіе будущаго гусарскаго юнкера! Пусть онъ будетъ первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словомъ, пусть его будетъ, что хочетъ!

всѣ. Пусть его будетъ, что хочетъ! *(пьютъ.)*

гловъ. За здравіе всего гусарства! *(подымая бокалъ.)*

всѣ. За здравіе всего гусарства! *(пьютъ.)*

утѣш. Господа! надо его теперь же посвятить во всѣ гусарскіе обычаи. Пьетъ онъ, какъ видно, уже сносно, но вѣдь это вздоръ: надо, чтобы онъ былъ картежникъ во всей силѣ! Играешь въ банкъ?

гловъ. Игралъ бы, смерть бы хотѣлось, да денегъ нѣтъ.

утѣш. Экой вздоръ: нѣтъ денегъ! Было бы только съ чѣмъ сѣсть, а тамъ деньги будутъ, выиграешь.

глов. Да вѣдь и сѣсть то не съ чѣмъ.

утѣш. Да мы тебѣ повѣримъ въ долгъ. Вѣдь у тебя есть довѣренность на полученіе денегъ изъ приказа. Мы подождемъ, а какъ тебѣ выдадутъ, ты намъ тотчасъ и заплатишь; а до того времени ты можешь намъ дать вексель. Да впрочемъ, что я говорю? Какъ-будто ты ужъ непремѣнно проиграешь. Ты можешь тутъ же выиграть нѣсколько тысячъ чистоганомъ.

глов. А какъ проиграю?

утѣш. Стыдись, что жъ ты за гусаръ послѣ этого? Натурально, одно изъ двухъ: либо выиграешь, либо проиграешь. Да въ этомъ-то и дѣло, въ рискѣ то и есть главная добродѣтель, а не рискнуть, пожалуй, всякій можетъ; на-вѣрняка и приказная строка отважится, и Жидъ полѣзетъ на крѣпость.

глов, *махнувъ рукой*. Чортъ побери, если такъ, играю! что мнѣ смотрѣть на отца!

утѣш. Браво, юнкеръ! Человѣкъ, карты! *(наливаетъ ему стаканъ.)* Главное что нужно? нужна отвага, ударъ, сила.... Такъ и быть, господа, я вамъ сдѣлаю банчикъ въ двадцать пять тысячъ. *(Мечетъ направо и налѣво.)* Ну, гусаръ... Ты, Швохневъ, что ставишь? *(мечетъ)* какое странное теченіе картъ, вотъ любопытно для вычисленій! Валетъ убитъ, десятка взяла. Что тамъ, что у тебя? и четверка взяла. А гусаръ, гусаръ то, каковъ гусаръ? Замѣчаешь, Ихаревъ, какъ ужъ онъ мастерски возвышаетъ ставки! А тузъ все еще не выходитъ. Что жъ ты, Швохневъ, не наливаешь ему! вона, вона, вонъ тузъ! вонъ уже Кругель потащилъ себѣ. Нѣмцу всегда везетъ! Четверка взяла. А, браво, браво, гусаръ! слышишь, Швохневъ? гусаръ уже около пяти тысячъ въ выигрышѣ.

глов *перегибаетъ карту*. Чортъ побери! Пароле пе! да вонъ еще десятка на столѣ, идетъ и она и пятьсотъ рублей мазу!

утѣш., *продолжая метать*. У, молодецъ гусаръ! Семерка уби... ахъ нѣтъ, чортъ побери, пліе, опять пліе! а, проигралъ гусаръ. Ну что жъ, братъ, дѣлать? не у всякаго жена Марья, кому Богъ далъ. Кругель, да полно тебѣ расчитывать! ну, ставь эту, которую выдернулъ. Браво, выигралъ гусаръ! Что жъ вы не поздравляете его! *(Всѣ пьютъ и поздравляютъ его, чокаясь*

стаканами.) Говорятъ, пиковая дама всегда продастъ, а я не скажу этого. Помнишь, Швохневъ, свою брюнетку, что ты называлъ пиковой дамой? Гдѣ-то она теперь, сердечная? Чай пустилась во всѣ тяжкія? Кругель, твоя убита! *(Ихареву)* и твоя убита! Швохневъ, твоя также убита; гусаръ также лопнулъ.

глов ъ. Чортъ побери, ва-банкъ!

утѣш. Браво, гусаръ! Вотъ она наконецъ настоящая гусарская замашка! Знаешь, Швохневъ, какъ настоящее чувство всегда выходитъ наружу? До сихъ поръ все еще въ немъ было видно, что будетъ гусаръ, а теперь видно, что онъ ужъ теперь гусаръ. Вона натура то какъ того... убитъ гусаръ.

глов ъ. Ва-банкъ.

утѣш. У, браво гусаръ! на всѣ пятьдесятъ тысячъ! Вотъ оно, что называется великодушіе! Ну, подика, поищи, гдѣ отыщешь этакую черту... это именно подвигъ! Лопнулъ гусаръ.

глов ъ. Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

утѣш. Ого, го! гусаръ, на сто тысячъ! каковъ, а? а глазки то, глазки? замѣчаешь, Швохневъ, какъ у него глазки горятъ? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вотъ онъ героизмъ! а короля все нѣтъ. Вотъ тебѣ, Швохневъ, бубновая дама! На, Нѣмецъ, возьми, съѣшъ семерку! Руте, рѣшительно руте! просто карта фоска! а короля, видно, въ колодѣ нѣтъ: право даже странно. А вотъ онъ, вотъ онъ... лопнулъ гусаръ!

глов ъ, *горячась.* Ва-банкъ, чортъ побери, ва-банкъ!

утѣш. Нѣтъ, братъ, стой! ты ужъ просадилъ двѣсти тысячъ. Прежде заплати, безъ этого нельзя начинать новой игры—мы такъ много не можемъ тебѣ вѣрить.

глов ъ. Да гдѣ жъ? у меня теперь нѣтъ.

утѣш. Дай намъ вексель, подпишись.

глов ъ. Извольте, я готовъ. *(Беретъ перо.)*

утѣш. Да и довѣренность на полученіе денегъ тоже отдай намъ.

глов ъ. Вотъ вамъ и довѣренность.

утѣш. Теперь подпиши вотъ это, да вотъ это. *(Даетъ ему подписаться.)*

глов ъ. Извольте, я готовъ все сдѣлать. Ну, вотъ я и подписалъ. Ну, давайте жъ играть.

утѣш. Нѣтъ, братъ, постой, покажи-ка прежде деньги!

гловъ. Да я вамъ заплачу; ужъ будьте увѣрены.

утѣш. Нѣтъ, братъ, деньги на столъ!

гловъ. Да что̀ жъ это?.. Вѣдь это просто подлость.

кр. Нѣтъ, это не подлость.

их. Нѣтъ, это совсѣмъ другое дѣло; шансы, братъ, не равны.

шв. Этакъ ты, пожалуй, сядешь съ тѣмъ, чтобы обыграть насъ. Дѣло извѣстное: кто садится безъ денегъ, тотъ садится съ тѣмъ, чтобы обыграть навѣрное.

гловъ. Ну, что̀ жъ? чего вы хотите? назначьте какіе угодно проценты, я на все готовъ. Я вдвое заплачу вамъ.

утѣш. Что, братъ, намъ въ твоихъ процентахъ? Мы сами готовы тебѣ заплатить какіе угодно проценты, дай только намъ взаймы.

гловъ, *отчаянно и рѣшительно*. Ну, такъ скажите послѣднее слово: не хотите играть?

шв. Принеси деньги, сейчасъ станемъ играть.

гловъ, *вынимая изъ кармана пистолетъ*. Ну, такъ прощайте, господа! Больше вы меня не встрѣтите на этомъ свѣтѣ. *(убѣгаетъ съ пистолетомъ.)*

утѣш. Ты! ты! что̀ ты? съ ума сошелъ! Побѣжать за нимъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ еще какъ-нибудь не застрѣлился *(убѣгаетъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ШВОХНЕВЪ, КРУГЕЛЬ, ИХАРЕВЪ.

их. Еще выйдетъ исторія, если этотъ чортъ вздумаетъ застрѣлиться.

шв. Чортъ его возьми, пусть себѣ стрѣляется, да не теперь только: еще деньги не въ нашихъ рукахъ. Вотъ бѣда!

кр. Я всего боюсь. Это тоже возможно...

—

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ, УТѢШИТЕЛЬНЫЙ И ГЛОВЪ.

утѣш., *держа Глова за руку съ пистолетомъ.* Что̀ ты, что̀ ты, братъ, рехнулся? Слышите, слышите, господа, ужъ пистолетъ вздумалъ было сунуть въ ротъ, а? стыдись!

всѣ, *приступая къ нему.* Что̀ ты! что̀ ты! Помилуй, что ты!

шв. А еще и умный человѣкъ, изъ дряни вздумалъ стрѣляться!

их. Этакъ пожалуй вся Россія должна застрѣлиться: всякій или проигрался, или намѣренъ проиграться. Да если бы этого не было, такъ какъ же можно выиграть, ты посуди только самъ.

утѣш. Ты дуракъ просто, позволь тебѣ сказать. Ты счастья своего не видишь. Развѣ ты не чувствуешь, какъ ты выигралъ тѣмъ, что проигралъ.

гловъ, *съ досадой.* Что̀ жъ вы въ самомъ дѣлѣ меня ужъ за дурака считаете: какой тутъ выигрышъ—проиграть двѣсти тысячъ, чортъ возьми!

утѣш. Эхъ ты простофиля! Да знаешь ли, какую ты этимъ себѣ славу сдѣлаешь въ полку? Слышь, бездѣлица! Еще не будучи юнкеромъ, да ужъ проигралъ двѣсти тысячъ! Да тебя гусары на рукахъ будутъ носить.

гловъ, *ободрившись.* Что̀ жъ вы думаете? У меня развѣ не станетъ духу наплевать на все это, если ужъ на то̀ пошло? Чортъ побери, да здравствуетъ гусарство!

утѣш. Браво! да здравствуютъ гусары! теремтете! шампанскаго! *(несутъ бутылки.)*

гловъ, *съ стаканомъ.* Да здравствуютъ гусары!

их. Да здравствуютъ гусары, чортъ побери!

шв. Теремтете! да здравствуютъ гусары!

гловъ. На все плюю, когда такъ!... *(ставитъ на столъ стаканъ)* Вотъ бѣда только: какъ домой пріѣду? Отецъ, отецъ!... *(хватаетъ себя за волосы.)*

утѣш. Да зачѣмъ тебѣ ѣхать къ отцу? не надо!

глов, *вытаращивъ глаза.* Какъ?

утѣш. Ты отсюда прямо въ полкъ. Мы тебѣ дадимъ на обмундировку. Надо, братъ, Швохневъ, дать ему теперь рублей двѣсти, пусть погуляетъ юнкеръ! Тамъ я ужъ замѣтилъ у него есть одна.... Черномазая то, а?

гловъ. Чортъ побери, побѣгу прямо къ ней, возьму приступомъ!

утѣш. Каковъ гусаръ, а? Швохневъ, нѣтъ ли у тебя двухсотрублевой?

их. Да вотъ я ему дамъ, пусть его погуляетъ на славу!

гловъ *беретъ ассигнацію и помахиваетъ ею на воздухѣ.* Шампанскаго!

всѣ. Шампанскаго! *(Несутъ бутылки.)*

гловъ. Да здравствуютъ гусары!

утѣш. Да здравствуютъ!... Знаешь ли, Швохневъ, что̀ мнѣ пришло на умъ? Покачаемъ его на рукахъ, такъ какъ у насъ качали въ полку! Ну, приступай, бери его! *(Всѣ приступаютъ къ нему, схватываютъ его за руки и ноги, качаютъ, припѣвая на извѣстный припѣвъ извѣстную пѣсню:)*

Мы тебя любимъ сердечно.
Будь ты начальникъ нашъ вѣчно!
Наши зажегъ ты сердца,
Мы въ тебѣ видимъ отца!

гловъ, *съ поднятой рюмкой.* Ура!

всѣ. Ура! *(становятъ его на землю. Гловъ хлопнулъ рюмку объ полъ, всѣ разбиваютъ тоже свои рюмки, кто о каблукъ своего сапога, кто объ полъ.)*

гловъ. Иду прямо къ ней!

утѣш. А намъ нельзя за тобой, а?

гловъ. Ни, никому! а кто сколько-нибудь.... раздѣлка на сабляхъ!

утѣш. А! рубака какой, а? ревнивъ и задоренъ, какъ чортъ. Я думаю, господа, что изъ него просто выйдетъ Бурцовъ ёра забіяка. Ну, прощай, прощай, гусаръ, не держимъ тебя!

гловъ. Прощайте.

шв. Да приходи намъ послѣ разсказать. *(Гловъ уходитъ.)*

—

ЯВЛЕНІЕ XIX.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ГЛОВА.

утѣш. Надо его ласкать, пока еще деньги не въ нашихъ рукахъ, а тамъ чортъ съ нимъ!

шв. Одного боюсь я, чтобъ какъ-нибудь не затянулась въ приказѣ выдача денегъ.

утѣш. Да, это будетъ скверно, а впрочемъ.... вѣдь на это, сами знаете, есть понукатели. Какъ ни ворочай, а все-таки придется сунуть въ руку тому и другому для соблюденія порядка.

—

ЯВЛЕНІЕ XX.

ТѢ ЖЕ И ЧИНОВНИКЪ ЗАМУХРЫШКИНЪ, *высовываетъ голову въ дверь, одѣтый въ нѣсколько поношенномъ фракѣ.*

замухр. Позвольте узнать, не здѣсь ли Гловъ Александръ Михайловичъ?

шв. Нѣтъ, онъ сейчасъ вышелъ. А что̀ вамъ угодно?

замухр. Да вотъ по дѣлу ихъ насчетъ выдачи денегъ.

утѣш. А вы кто?

замухр. Да я чиновникъ изъ приказа.

утѣш. А, милости просимъ! Прошу покорнѣйше садиться! Въ этомъ дѣлѣ мы всѣ принимаемъ живѣйшее участіе, тѣмъ болѣе, что заключили кое-какія дружелюбныя сдѣлки съ Александромъ Михайловичемъ. И потому можете понять, что вотъ и отъ него, и отъ него, и отъ него *(указывая пальцами на всѣхъ)* будетъ искреннѣйшая благодарность. Дѣло въ томъ только, чтобы скорѣе, какъ можно, получить изъ приказа деньги.

замухр. Да ужъ какъ хотите, раньше двухъ недѣль никакъ нельзя.

утѣш. Нѣтъ, это страшно далеко. Вѣдь вы позабываете, что со стороны нашей благодарность....

замухр. Да ужъ это само собой. Все это пріемлется, какъ это позабыть? Мы потому и говоримъ двѣ недѣли, а то бы, пожалуй, вы и три мѣсяца у насъ провозились. Деньги къ намъ придутъ не раньше, какъ черезъ полторы недѣли, а теперь во всемъ приказѣ ни копѣйки. На прошлой недѣлѣ получили полтораста тысячъ, всѣ роздали,—три помѣщика ожидаютъ, еще съ февраля заложили имѣніе.

утѣш. Ну, это такъ для другихъ, а для насъ по дружбѣ. Нужно, чтобы мы съ вами покороче познакомились... Ну, да что̀? да и люди свои. Ну, какъ васъ зовутъ? какъ? Фентафлей Перпентьичъ, что ли?

замухр. Псой Стахичъ-съ.

утѣш. Ну, все одно почти. Ну, такъ послушайте, Псой Стахичъ! будемъ такъ, какъ давніе пріятели. Ну, что̀, какъ вы? какъ дѣлишки; какъ служба ваша?

замухр. Да что̀ служба? Извѣстное дѣло—служимъ.

утѣш. Ну, а доходовъ по службѣ этихъ, знаете, разныхъ.... а? просто, много ли берете?

замухр. Конечно, сами посудите, чѣмъ же и жить?

утѣш. Ну, что̀, какъ въ приказѣ у васъ, скажите откровенно: всѣ хапуги?

замухр. Ну, что̀! Вы ужъ, я вижу, смѣетесь! Эхъ господа!.. Вѣдь вотъ тоже господа сочинители всѣ подсмѣиваются надъ тѣми, которые берутъ взятки, а какъ разсмотришь хорошенько, такъ взятки берутъ и тѣ, которые кажутся получше насъ. Ну, да вотъ хоть и вы, господа, только развѣ что придумали названья поблагороднѣй: пожертвованье тамъ, или тамъ, Богъ вѣдаетъ, что̀ такое. А на дѣлѣ выходитъ: такія же взятки; тотъ же Савка, да на другихъ санкахъ.

утѣш. Вотъ уже Псой Стахичъ и обидѣлся, какъ я вижу, вотъ что̀ значитъ задѣть за честь.

замухр. Да вѣдь честь, сами знаете, дѣло щекотливое. А сердиться тутъ не изъ чего, я ужъ, батюшка, прожилъ свое.

шв. Ну, полно, поговоримте по-дружески, Псой Стахичъ! Ну, что жъ, какъ вы? какъ у васъ? какъ поживаете? какъ маячитесь на свѣтѣ? Есть женушка, дѣтки?

замухр. Слава Богу, Богъ наградилъ. Двое сыновей ужъ въ уѣздное училище ходятъ; два другихъ поменьше. Одинъ бѣгаетъ пока въ рубашонкѣ, а другой на карачкахъ ползаетъ.

утѣш. Ну, а рученками, я чай, ужъ всѣ этакъ *(показываетъ рукою, какъ-будто беретъ деньги)* умѣютъ.

замухр. Вѣдь вотъ вы, право, какіе, господа! вѣдь вотъ опять начали.

утѣш. Ничего, ничего, Псой Стахичъ! вѣдь это по дружбѣ, ну что̀ жъ тутъ такого? свои! Эй, дай-ка бокалъ шампанскаго Псою Стахичу! скорѣй! Мы вѣдь теперь должны быть, какъ короткіе знакомые. Вотъ мы къ вамъ соберемся тоже въ гости.

замухр., *принимая бокалъ.* А, милости просимъ, господа! Откровенно вамъ скажу, что такого чаю, какъ вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

утѣш. Не бось, даровой, отъ купца?

замухр. Отъ купца-съ, выписанный изъ Кяхты.

утѣш. Да какъ же, Псой Стахичъ, вѣдь вы дѣлъ съ купцами не имѣете?

замухр., *выпивъ бокалъ и упираясь руками въ колѣни.* А вотъ какъ: купецъ здѣсь больше по причинѣ глупости своей долженъ былъ приплатиться. Помѣщикъ, Фракасовъ, если изволите знать, закладываетъ имѣніе, все ужъ сдѣлано, какъ слѣдуетъ, завтра остается получить деньги. Затѣяли они заводъ какой-то въ половинѣ съ купцомъ. Ну, намъ то, понимаете, какое дѣло знать, на заводъ ли, или на что̀ другое нужны деньги, и съ кѣмъ онъ въ половинѣ? Это не наша часть. Да купецъ по глупости своей и проговорись въ городѣ, что онъ съ нимъ въ половинѣ и ждетъ отъ него съ часу на часъ денегъ. Мы и подослали къ нему сказать, что вотъ пришли двѣ тысячи, сейчасъ выдадутъ деньги, а не то̀— будешь ждать! а ужъ къ нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы и посуду, ожидаютъ только задатковъ. Купецъ видитъ, плѣтью обуха не перешибешь, заплатилъ двѣ тысячи, да по три фунтика чаю каждому изъ насъ. Скажутъ—взятки, да вѣдь за дѣло: не будь глупъ, кто его толкалъ, языка развѣ не могъ придержать?

утѣш. Послушайте, Псой Стахичъ, ну пожалуста же насчетъ этого дѣльца. Мы ужъ вамъ дадимъ, а вы ужъ тамъ съ начальни-

ками своими сдѣлайтесь, какъ слѣдуетъ. Только, ради Бога, Псой Стахичъ, поскорѣе, а?

ЗАМУХР. Да будемъ стараться! *(Вставая)* Но откровенно скажу вамъ: такъ скоро, какъ вы хотите, нельзя. Предъ Богомъ, въ приказѣ ни копѣйки денегъ, а будемъ стараться.

УТѢШ. Ну, какъ васъ тамъ спросить?

ЗАМУХР. Такъ и спросите: Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Прощайте, господа! *(идетъ къ дверямъ.)*

ШВ. Псой Стахичъ, а Псой Стахичъ, *(оглядывается)* постарайтесь!

УТѢШ. Псой Стахичъ, а Псой Стахичъ, выручайте поскорѣй!

ЗАМУХР. Да ужъ сказалъ—будемъ стараться.

УТѢШ. Чортъ побери, какъ это долго! *(Бьетъ себя рукой по лбу.)* Нѣтъ, побѣгу за нимъ, авось что-нибудь успѣю, не пожалѣю денегъ. Чортъ его побери, три тысячи дамъ ему своихъ.

(Убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ШВОХНЕВЪ, КРУГЕЛЬ, ИХАРЕВЪ.

ИХ. Конечно, лучше, если бы получить поскорѣе.

ШВ. Да ужъ намъ какъ нужно! какъ намъ нужно!

КР. Эхъ, если бы онъ уломалъ его какъ-нибудь.

ИХ. Да что̀, развѣ ваши дѣла....

ЯВЛЕНІЕ XXII.

ТѢ ЖЕ И УТѢШИТЕЛЬНЫЙ.

УТѢШ. *входитъ съ отчаяньемъ.* Чортъ побери, раньше четырехъ дней никакъ не можетъ. Я готовъ просто лобъ расшибить себѣ объ стѣну.

ИХ. Да что̀ тебѣ такъ приспичило? Не ужъ-то четырехъ дней нельзя обождать?

ШВ. Въ томъ-то и штука, братъ, что для насъ это слишкомъ важно.

утѣш. Обождать! Да знаешь ли, что насъ въ Нижнемъ съ часу на часъ ждутъ? Мы тебѣ не сказывали еще, ужъ четыре дня назадъ тому мы имѣемъ извѣстіе спѣшить какъ можно скорѣе, добывши во что̀ бы ни стало хоть сколько-нибудь денегъ. Купецъ привезъ на шесть сотъ тысячъ желѣза. Во вторникъ окончательная сдѣлка, и деньги получаетъ чистоганомъ; да вчера пріѣхалъ одинъ съ пенькой на полмилліона.

их. Ну такъ что̀ жъ?

утѣш. Какъ — что̀ жъ? Да вѣдь старики то остались дома, а выслали вмѣсто себя сыновей.

их. Да будто сыновья ужъ непремѣнно станутъ играть?

утѣш. Да гдѣ ты живешь, въ китайскомъ государствѣ, что ли? Не знаешь, что̀ такое купеческіе сынки? Вѣдь купецъ такъ воспитываетъ сына: или чтобъ онъ ни чего не зналъ, или чтобы зналъ то̀, что̀ нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, онъ ужъ такъ и глядитъ: ходитъ подъ-руку съ офицерами, кутитъ. Это, братъ, для насъ самый выгодный народъ. Они, дурачье, не знаютъ, что за всякій рубль, который выплутуютъ у насъ, они платятъ тысячами. Да, это счастье наше, что купецъ только и думаетъ о томъ, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чинъ.

их. И дѣла совершенно вѣрныя?

утѣш. Какъ же не вѣрныя! Ужъ насъ не увѣдомляли бы; все почти въ нашихъ рукахъ; теперь всякая минута дорога.

их. Эхъ, чортъ возьми! что̀ жъ мы сидимъ? Господа, а вѣдь условіе дѣйствовать вмѣстѣ!

утѣш. Да, въ этомъ наша польза. Послушай, что̀ мнѣ пришло на умъ. Тебѣ спѣшить пока еще не зачѣмъ. Денегъ у тебя есть восемьдесятъ тысячъ. Дай ихъ намъ, а отъ насъ возьми векселя Глова. Ты вѣрныхъ получаешь полтораста тысячъ, стало быть, ровно вдвое, а насъ ты даже одолжишь еще, потому что деньги намъ теперь такъ нужны, что мы съ радостью готовы платить алтынъ за всякую копѣйку.

их. Извольте, почему нѣтъ; чтобы доказать вамъ, что узы товарищества.... *(Подходитъ къ шкатулкѣ и вынимаетъ кипу ассигнацій)* Вотъ вамъ восемьдесятъ тысячъ!

Утѣш. А вотъ тебѣ и векселя! Теперь я побѣгу сейчасъ за Гловымъ: нужно его привесть и все устроить по формѣ. Кругель, отнеси деньги въ мою комнату, вотъ тебѣ ключъ отъ моей шкатулки. *(Кругель уходитъ)*. Эхъ, если бы такъ устроить, чтобы къ вечеру можно было ѣхать! *(уходитъ.)*

Их. Натурально, натурально; тутъ и минуты не зачѣмъ терять.

Шв. А тебѣ совѣтую тоже не засиживаться. Какъ только деньги получишь, сейчасъ пріѣзжай къ намъ. Съ двумя стами тысячъ, знаешь, что̀ можно сдѣлать? просто, ярмарку можно подорвать... Ахъ, я и позабылъ сказать Кругелю пренужное дѣло. Погоди, я сейчасъ возвращусь. *(Поспѣшно уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

ИХАРЕВЪ, *одинъ*.

Каковъ ходъ приняли обстоятельства, а? Еще поутру было только восемьдесятъ тысячъ, а къ вечеру уже двѣсти, а? Вѣдь это для иного вѣкъ службы, трудовъ, цѣна вѣчныхъ сидѣній, лишеній, здоровья, а тутъ въ нѣсколько часовъ, въ нѣсколько минутъ — владѣтельный принцъ! Шутка — двѣсти тысячъ! Воображаю, хорошъ бы я былъ, если бы сидѣлъ въ деревнѣ, да возился съ старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегоднаго доходу! А образованье то развѣ пустая вещь? Невѣжество то, которое пріобрѣтешь въ деревнѣ, вѣдь его ножомъ послѣ не отскоблишь. Время то на что̀ было бы утрачено? На толки съ старостой, съ мужикомъ.... Да я хочу съ образованнымъ человѣкомъ поговорить! Теперь вотъ я обезпеченъ, теперь время у меня свободно. Могу заняться тѣмъ, что споспѣшествуетъ къ образованью. Захочу поѣхать въ Петербургъ — поѣду и въ Петербургъ. Посмотрю театръ, монетный дворъ, пройдусь мимо дворца, по Англійской набережной, въ Лѣтнемъ саду. Поѣду въ Москву, пообѣдаю у Яра, могу одѣться по столичному образцу,

могу стать наравнѣ съ другими, исполнить долгъ просвѣщеннаго человѣка. А что̀ всему причиною? чему обязанъ? именно тому, что называютъ плутовствомъ. И вздоръ, вовсе не плутовство! Плутомъ можно сдѣлаться въ одну минуту, а вѣдь тутъ практика, изученье. Ну, положимъ — плутовство. Да вѣдь необходимая вещь,—что̀ жъ можно безъ него сдѣлать? Оно нѣкоторымъ образомъ предостерегательство. Ну, не знай я, напримѣръ, всѣхъ тонкостей, не постигни всего этого, меня бы какъ обманули! Вѣдь вотъ же хотѣли обмануть, да увидѣли, что дѣло не съ простымъ человѣкомъ имѣютъ, сами прибѣгнули къ моей помощи. Нѣтъ, умъ великая вещь! Въ свѣтѣ нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно съ другой точки. Этакъ прожить, какъ дуракъ, проживетъ всякій, это не штука; но прожить съ тонкостью, съ искусствомъ, обмануть всѣхъ и не быть обманутымъ самому— вотъ настоящая задача и цѣль!

—

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

ИХАРЕВЪ И ГЛОВЪ, *вбѣгающій торопливо.*

ГЛОВЪ. Гдѣ жъ они? Я сейчасъ былъ въ комнатѣ, тамъ пусто.

ИХ. Да они сію минуту здѣсь были; на минуту вышли.

ГЛОВЪ. Какъ, вышли ужъ? и деньги у тебя взяли?

ИХ. Да, мы съ ними сдѣлались, за тобою остановка.

—

ЯВЛЕНІЕ XXV.

ТѢ ЖЕ И АЛЕКСѢЙ

АЛ., *обращаясь къ Глову.* Изволили спрашивать, гдѣ господа?

ГЛОВЪ. Да.

АЛ. Да они ужъ уѣхали.

ГЛОВЪ. Какъ уѣхали?

Ал. Да такъ-съ. Ужъ у нихъ съ полчаса стояла тележка и готовыя лошади.

Гловъ, *всплеснувъ руками.* Ну, мы надуты оба!

Их. Что̀ за вздоръ? Я не могу понять ни одного слова. Утѣшительный сію минуту долженъ возвратиться сюда. Вѣдь ты знаешь, что теперь долженъ весь долгъ твой заплатить мнѣ. Они перевели.

Гловъ. Какой чортъ долгъ? Получишь ты долгъ! Развѣ ты не чувствуешь, что въ дуракахъ, и проведенъ, какъ пошлый пень?

Их. Что̀ ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сихъ поръ въ головѣ хмѣль распоряжается.

Гловъ. Ну, видно, хмѣль у обоихъ насъ. Да проснись! Ты думаешь, что я Гловъ? я такой же Гловъ, какъ ты китайскій императоръ.

Их. *безпокойно.* Что̀ ты, помилуй, что̀ за вздоръ? И отецъ твой.... и....

Гловъ. Старикъ-то? Во первыхъ, онъ и не отецъ, да и чорта ли и будутъ отъ него дѣти! а во вторыхъ, тоже не Гловъ, а Крыницынъ, да и не Михайло Александровичъ, а Иванъ Климычъ, изъ ихъ же компаніи.

Их. Послушай, ты говори серьезно, этимъ не шутятъ.

Гловъ. Какія шутки! Я самъ участвовалъ и такъ же обманутъ. Мнѣ обѣщали три тысячи за труды.

Их., *подходя къ нему запальчиво.* Эй, не шути, говорю тебѣ! Думаешь, я ужъ дуракъ такой!... и довѣренность и приказъ... и чиновникъ сейчасъ былъ изъ приказа, Псой Стахичъ Замухрышкинъ. Ты думаешь, я не могу за нимъ сейчасъ послать?

Гловъ. Во первыхъ, онъ и не чиновникъ изъ приказа, а отставной штабсъ-капитанъ, изъ ихъ же компаніи; да и не Замухрышкинъ, а Мурзафейкинъ, да и не Псой Стахичъ, а Флоръ Семеновичъ.

Х. *отчаянно.* Да ты кто? чортъ ты? говори, кто ты?

Гловъ. Да кто я? Я былъ благородный человѣкъ, поневолѣ сталъ плутомъ: меня обыграли въ пухъ, рубашки не оставили. Что̀ жъ мнѣ дѣлать? не умирать же съ голоду. За три тысячи я

взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебѣ это прямо: видишь, я поступаю благородно.

их. *въ бѣшенствѣ схватываетъ его за воротникъ.* Мошенникъ ты....

ал. *въ сторону.* Ну, дѣло-то, видно, пошло на потасовку. Надо отсюда убраться. *(Уходитъ.)*

их. *таща его.* Пойдемъ, пойдемъ!

гловъ. Куда, куда?

их. *въ изступленіи.* Куда? къ правосудью! къ правосудью!

гловъ. Помилуй, не имѣешь никакого права.

их. Какъ? не имѣю права? Обворовать, украсть деньги среди дня.... мошенническимъ образомъ! Не имѣю права? дѣйствовать плутовскими средствами! Не имѣю права? А вотъ ты у меня въ тюрьмѣ, въ Нерчинскѣ скажешь, что не имѣю права! Вотъ погоди—переловятъ всю вашу мошенническую шайку! Будете вы знать, какъ обманывать довѣріе и честность добродушныхъ людей. Законъ! законъ! законъ призову! *(тащитъ его.)*

гловъ. Да вѣдь законъ ты могъ бы призвать тогда, если бы самъ не дѣйствовалъ противузаконнымъ образомъ. Но вспомни: вѣдь ты соединился съ ними, чтобы обмануть и обыграть навѣрное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нѣтъ, братъ, въ томъ то и штука, что ты не имѣешь никакого права жаловаться.

их. *въ отчаяніи бьетъ себя рукою по лбу.* Чортъ побери, въ самомъ дѣлѣ! (*въ изнеможеніи упадаетъ на стулъ; Гловъ между тѣмъ убѣгаетъ.*) Но только какой дьявольскій обманъ!

гловъ, *выглядывая въ дверь.* Утѣшься! Вѣдь тебѣ еще съ полугоря! У тебя есть еще Аделаида Ивановна! *(исчезаетъ.)*

их. *въ ярости.* Чортъ побери Аделаиду Ивановну! *(Схватываетъ Аделаиду Ивановну и швыряетъ ею въ дверь; дамы и двойки летятъ на полъ.)* Вѣдь существуютъ же, къ стыду и поношенію человѣковъ, этакіе мошенники! Но только я, просто, готовъ сойти съ ума, какъ это все было чертовски разыграно, какъ тонко! И отецъ, и сынъ, и чиновникъ Замухрышкинъ! и концы всѣ спрятаны! и жаловаться даже не могу! *(Вскакиваетъ со сту-*

ла и въ волненіи ходитъ по комнатѣ.) Хитри послѣ этого! Употребляй тонкость ума, изощряй, изыскивай средства.... Чортъ побери, не стоитъ, просто, ни благороднаго рвенія, ни трудовъ! Тутъ же, подъ бокомъ, отыщется плутъ, который тебя переплутуетъ! мошенникъ, который за одинъ разъ подорветъ строеніе, надъ которымъ работалъ нѣсколько лѣтъ! *(съ досадой махнувъ рукой)* Чортъ возьми! Такая ужъ надувательная земля! Только и лѣзетъ тому счастье, кто глупъ, какъ бревно, ничего не смыслитъ, ни о чемъ не думаетъ, ничего не дѣлаетъ, а играетъ только по грошу въ бостонъ подержанными картами!

УТРО ДѢЛОВОГО ЧЕЛОВѢКА. (*)

I.

Кабинетъ; нѣсколько шкафовъ съ книгами; на столѣ разбросаны бумаги. Иванъ Петровичъ, *дѣловой человѣкъ, потягиваясь, выходитъ въ халатѣ и звонитъ. Изъ передней слышенъ голосъ:* «сей-часъ». *Иванъ Петровичъ звонитъ во второй разъ, опять тотъ же голосъ:* «сей-часъ». *Иванъ Петровичъ съ нетерпѣніемъ звонитъ въ третій разъ; входитъ слуга.*

ИВ. ПЕТР. Что̀ ты, оглохъ?

ЛАКЕЙ. Никакъ нѣтъ.

ИВ. ПЕТР. Что̀ жъ ты не изволилъ являться, когда я звоню въ третій разъ?

ЛАКЕЙ. Какъ же прикажите: мнѣ нельзя было бросить дѣла, я сапоги чистилъ.

ИВ. ПЕТР. А Иванъ что̀ дѣлалъ?

ЛАКЕЙ. Иванъ мелъ комнату, а потомъ пошелъ въ конюшню.

ИВ. ПЕТР. Подай сюда собачку! *(лакей приноситъ собачку)* Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вотъ я тебѣ бумажку привяжу. *(нацѣпляетъ ей на хвостъ бумажку.)*

(Вбѣгаетъ другой лакей.)

Александръ Ивановичъ!

(*) Напечатано въ первый разъ въ „Современникѣ“ 1836, т. I, подъ заглавіемъ: „Петербургскія сцены.“ *П. К.*

ив. петр. Проси! *(бросаетъ поспѣшно собачку и развертываетъ Сводъ Законовъ.)*

II.

иванъ петровичъ и александръ ивановичъ, *также дѣловой человѣкъ.*

ал. ив. Добраго утра, Иванъ Петровичъ!

ив. петр. Какъ здоровье ваше, Александръ Ивановичъ?

ал. ив. Очень благодаренъ. Не помѣшалъ ли я вамъ?

ив. петр. О, какъ можно! Вѣдь я всегда занятъ. Ну, что̀, въ которомъ часу пріѣхали домой?

ал. ив. Часъ шестой былъ. Я какъ поворотилъ изъ Офицерской, то спросилъ, подъѣзжая къ будочнику: «Не слышалъ ли, братецъ, который часъ?» — «Да шестой уже», говоритъ, «пробило». Вотъ я и узналъ, что ужъ былъ шестой часъ.

ив. петр. Представьте, я самъ почти въ то же время. Ну, что̀, каковъ былъ вистецъ, хе, хе, хе?

ал. ив. Хе, хе, хе! Да, признаюсь, мнѣ даже во снѣ онъ мерещился.

ив. петр. Хе, хе, хе, хе! Я гляжу, что̀ это значитъ, что онъ кладетъ короля? у меня вѣдь на рукахъ самъ-третей дама крестовъ, а у Лукьяна Ѳедосѣевича, я давно вижу, что ренонсъ.

ал. ив. Длиннѣе всего тянулся восьмой роберъ.

ив. петр. Да! *(Помолчавъ)* Я уже мигаю Лукьяну Ѳедосѣевичу, чтобъ онъ козырялъ,—нѣтъ. А вѣдь тутъ только козырни—валетъ мой пикъ и беретъ.

ал. ив. Позвольте, Иванъ Петровичъ, валетъ не беретъ.

ив. петр. Беретъ.

ал. ив. Не беретъ, потому что вамъ никоимъ образомъ нельзя взять въ руку.

ив. петр. А семерка пикъ у Лукьяна Ѳедосѣевича? позабыли развѣ?

ал. ив. Да развѣ у него была пиковка? Я что-то не помню.

ив. петр. Конечно, у него были двѣ пики: четверка, которую онъ сбросилъ на даму, и семерка.

ал. ив. Только нѣтъ, позвольте, Иванъ Петровичъ, у него не могло быть больше одной пиковки.

ив. петр. Ахъ, Боже мой, Александръ Ивановичъ, кому вы это говорите! Двѣ пиковки: я, какъ теперь помню, четверка и семерка.

ал. ив. Четверка была, это такъ; но семерки не было. Вѣдь онъ бы козырнулъ; согласитесь сами, вѣдь онъ бы козырнулъ?

ив. петр. Ей Богу, Александръ Ивановичъ, ей Богу!

ал. ив. Нѣтъ, Иванъ Петровичъ. Это совершенно невозможное дѣло.

ив. петр. Да позвольте, Александръ Ивановичъ! Вотъ лучше всего: поѣдемъ завтра къ Лукьяну Ѳедосѣевичу. Согласны ли вы?

ал. ив. Хорошо.

ив. петр. Ну, и спросимъ у него лично, была ли на рукахъ у него семерка пикъ?

ал. ив. Извольте, я не прочь. Впрочемъ, если посудить, странно, что Лукьянъ Ѳедосѣевичъ такъ дурно играетъ. Вѣдь нельзя сказать, чтобы онъ былъ безъ ума. Человѣкъ тонкій и въ обращеніи...

ив. петр. И прибавьте—большихъ свѣденій! человѣкъ, какихъ, сказать по секрету, у насъ мало на Руси. Были ли у его высокопревосходительства?

ал. ив. Былъ. Я теперь только отъ него. Сегодня поутру было немножко холодненько. Вѣдь я, какъ думаю, вамъ извѣстно, имѣю обыкновеніе носить лосинную фуфайку: она гораздо лучше фланелевой, и притомъ не горячитъ. По этому то случаю я велѣлъ себѣ подать шубу. Пріѣзжаю къ его высокопревосходительству— его высокопревосходительство еще спитъ. Однакожъ я дождался. Ну, тутъ пошли разсказы о томъ и о семъ.

ив. петр. А про меня не было ничего говорено?

ал. ив. Какъ же, было и про васъ. Да еще прелюбопытный вышелъ разговоръ.

ив. петр., *оживляясь*. Что, что такое.

ал. ив. Позвольте, позвольте разсказать по порядку. Тутъ презанимательная вещь. Его высокопревосходительство, между прочимъ, спросилъ, гдѣ я бываю, что такъ давно онъ меня не видитъ?

и пожелалъ узнать о вчерашней вечеринкѣ, и кто былъ. Я сказалъ: «Были, ваше высокопревосходительство, Павелъ Григорьевичъ Борщовъ, Илья Владимировичъ Бубуницынъ.» Его высокопревосходительство послѣ каждаго слова говорилъ: «гем!» Я сказалъ: «И еще былъ одинъ извѣстный вашему высокопревосходительству...»

ив. петр. Кто жъ это такой?

ал. ив. Позвольте! что жъ бы, вы думали, сказалъ на это его высокопревосходительство?

ив. петр. Не знаю.

ал. ив. Онъ сказалъ: «кто жъ бы это такой?»—«Иванъ Петровичъ Барсуковъ», отвѣчалъ я. «Гем!» сказалъ его высокопревосходительство, «это чиновникъ и притомъ....» *(поднимаетъ вверхъ глаза)* Довольно хорошо у васъ потолки расписаны: на свой или хозяйскій счетъ?

ив. петр. Нѣтъ, вѣдь это казенная квартира.

ал. ив. Очень, очень не дурно: корзиночки, лира, вокругъ сухарики, бубны и барабанъ! очень, очень натурально!

ив. петр. *съ нетерпѣніемъ.* Такъ что̀ же сказалъ его высокопревосходительство?

ал. ив. Да, я и позабылъ. Что̀ жъ онъ сказалъ?...

ив. петр. Сказалъ «гем!» его высокопревосходительство; «это чиновникъ...»

ал. ив. Да, да: «это чиновникъ, ну и.... служитъ у меня». Послѣ того разговоръ не былъ уже такъ интересенъ и начался объ обыкновенныхъ вещахъ.

ив. петр. А больше ничего не заговаривалъ обо мнѣ?

ал. ив. Нѣтъ.

ив. петр., *про-себя.* Ну, покамѣсть еще немного. Господи Боже мой! ну что̀, если бы сказалъ онъ: «Такого то Барсукова, въ уваженіе тѣхъ и тѣхъ и прочихъ заслугъ его, представляю...»

III.

тѣ же и шрейдеръ, *выглядываетъ въ дверь.*

ив. петр. Взойдите, взойдите; ничего, пожалуйте сюда; что̀, это для доклада?

шр. Для подписанія. Здѣсь отношеніе въ палату и рапортъ управляющему.

ив. петр., *между-тѣмъ читаетъ.* «....Господину управляющему....» Это что̀ значитъ? у васъ поля по краямъ бумаги неровны. Какъ же это? Знаете ли, что васъ можно посадить подъ арестъ. *(устремляетъ на него глубокомысленный взоръ.)*

шр. Я говорилъ объ этомъ Ивану Ивановичу: онъ мнѣ сказалъ, что министръ не будетъ смотрѣть на эту мелочь.

ив. петр. Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо такъ говорить. Я самъ тоже думаю: министръ точно не войдетъ въ это. Ну, а вдругъ вздумается!

шр. Можно переписать; только будетъ поздно. Но такъ какъ изволили сами сказать, что министръ не войдетъ....

ив. петр. Такъ! это все правда! Я съ вами совершенно согласенъ: онъ не займется этими пустяками. Ну, а въ случаѣ, такъ ему придется: дай-ка посмотрю, велико ли мѣсто остается для полей?

шр. Если такъ, я сейчасъ перепишу.

ив. петр. То̀ то, «если такъ». Вѣдь я съ вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались въ университетѣ. Съ другимъ бы я не сталъ тратить словъ.

шр. Я осмѣлился только, потому что г. министръ....

ив. петр. Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я съ вами не спорю ни на волосъ. Такъ, министръ на это никогда не посмотритъ и не вспомнитъ даже про это. Ну, а вдругъ.... Что̀ тогда?

шр. Я перепишу. *(Уходитъ.)*

IV.

ив. петр., *пожимая плечами, оборачивается къ Александру Ивановичу.* Всё еще вѣтеръ ходитъ въ головѣ! Порядочный молодой человѣкъ, недавно изъ университета, но вотъ тутъ *(показывая на лобъ)* нѣтъ. Вы себѣ не можете представить, почтеннѣйшій Александръ Ивановичъ, сколькихъ трудовъ мнѣ стоило привесть все это въ порядокъ; посмотрѣли бы вы, въ какомъ видѣ принялъ я нынѣшнее мѣсто! Вообразите, что ни одинъ канцелярскій

не умѣлъ порядочно буквы написать. Смотришь: иной *къ* перенесетъ въ другую строку; иной въ одной строкѣ пишетъ: *сі*, а въ другой: *ятельству*. Словомъ сказать, это былъ ужасъ! столпотвореніе вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, духъ торжествуетъ. А порядокъ? порядокъ во всемъ!

АЛ. ИВ. Такъ вамъ чины, можно сказать, потомъ и кровью достались.

ИВ. ПЕТР., *вздохнувъ*. Именно, потомъ и кровью. Что жъ будете дѣлать, вѣдь у меня такой характеръ. Чѣмъ бы я теперь не былъ, если бы самъ доискивался? У меня бы мѣста на груди не нашлось для орденовъ. Но что прикажете! не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя.... нѣтъ, это не мое дѣло! Другіе выигрываютъ безпрестанно.... А у меня ужъ такой характеръ: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! *(Вздохнувши)* Мнѣ бы теперь одного только хотѣлось—если бъ получить хоть орденокъ на шею. Не потому, чтобы это слишкомъ занимало, но единственно, чтобы видѣли только вниманіе ко мнѣ начальства. Я васъ буду просить, великодушнѣйшій Александръ Ивановичъ, этакъ, при случаѣ, натурально мимоходомъ, намекнуть его высокопревосходительству: что у Барсукова де въ канцеляріи такой порядокъ, какой вы рѣдко гдѣ встрѣчали, или что-нибудь подобное.

АЛ. ИВ. Съ большимъ удовольствіемъ, если представится случай....

V.

ТѢ ЖЕ И КАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА, *жена Ивана Петровича.*

КАТ. АЛ., *увидѣвъ Александра Ивановича*. А! Александръ Ивановичъ! Боже мой, какъ давно мы не видались! позабыли меня! Что Наталья Ѳоминишна?

АЛ. ИВ. Слава Богу! недѣлю впрочемъ назадъ было захворала.

КАТ. АЛ. Э!

АЛ. ИВ. Въ груди подъ ложечкой сдѣлалась колика и стѣсненіе. Докторъ прописалъ очистительное и припарку изъ ромашки и нашатыря.

кат. ал. Вы бы попробовали омеопатическаго средства.

ив. петр. Чудно право, какъ подумаешь, до чего не доходитъ просвѣщеніе. Вотъ, ты говоришь, Катерина Александровна про омеопатію. Недавно былъ я въ представленіи. Что жъ бы вы думали? Мальчишка, росту, какъ бы вамъ сказать, вотъ этакого *(показываетъ рукою)*, лѣтъ трехъ не больше: посмотрѣли бы вы, какъ онъ пляшетъ на тончайшемъ канатѣ! Я васъ увѣряю серьезно, что духъ занимается отъ страху.

ал. ив. Очень хорошо поетъ Меласъ.

ив. петр. *значительно.* Меласъ? о, да! съ большимъ чувствомъ!

ал. ив. Очень хорошо.

ив. петр. Замѣтили ли вы, какъ она ловко беретъ вотъ это? *(вертитъ рукою передъ глазами.)*

ал. ив. Именно, это она удивительно хорошо беретъ. Однако ужъ скоро два часа.

ив. петр. Куда же это вы, Александръ Ивановичъ?

ал. ив. Пора! Мнѣ нужно еще мѣста въ три заѣхать до обѣда.

ив. петр. Ну, такъ до свиданія. Когда жъ увидимся? Да, я и позабылъ: вѣдь мы завтра у Лукьяна Ѳедосѣевича?

ал. ив. Непремѣнно! *(кланяется.)*

кат. ал. Прощайте, Александръ Ивановичъ!

ал. ив., *въ лакейской, накидывая шубу.* Не терплю я людей такого рода. Ничего не дѣлаетъ, жирѣетъ только, а прикидывается, что онъ такой, сякой, и то надѣлалъ, и то поправилъ—настоящая добродѣтель! Вишь чего захотѣлъ! ордена! И вѣдь получитъ! получитъ мошенникъ! получитъ! Этакіе люди всегда успѣваютъ. А я? а? вѣдь пятью годами старѣе его по службѣ, и до сихъ поръ не представленъ. Какая противная физіогномія! И разнѣжился: ему совсѣмъ не хотѣлось бы, но только для того, чтобы показать вниманіе начальства. Еще проситъ, чтобы я замолвилъ за него! Да, нашелъ кого просить, голубчикъ! Я таки тебѣ удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! не получишь! *(подтвердительно ударяетъ нѣсколько разъ кулакомъ по ладони и уходитъ.)*

ТЯЖБА.

I.

Кабинетъ; ПРОЛЕТОВЪ, *секретарь, одинъ сидитъ въ креслахъ и поминутно икаетъ.*

Что это у меня? точно отрыжка! вчерашній обѣдъ засѣлъ въ горлѣ; эти грибки да ботвиньи!... Ѣшь, ѣшь, просто, чортъ знаетъ, чего не ѣшь! *(икаетъ)* Вотъ оно! *(икаетъ)* еще! *(икаетъ)* еще разъ! *(икаетъ.)* Ну, теперь въ четвертый! *(икаетъ)* Туда къ чорту, и въ четвертый! Прочитать еще Сѣверную Пчелу, что̀ тамъ такое? Надоѣла мнѣ эта Сѣверная Пчела: точь-въ-точь баба, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ. *(Читаетъ и вскрикиваетъ)* Крахманову награда, а? Петрушкѣ Крахманову! Вотъ какимъ былъ мальчишкой *(показываетъ рукою)*, я помѣстилъ самъ его кадетомъ въ корпусъ, а? *(Продолжаетъ читать и вскрикиваетъ, вытаращивъ глаза)* Что̀ это? что̀ это? Неужели Бурдюковъ? Да, онъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ, произведенъ! а? каково? Взяточникъ, два раза былъ подъ судомъ, отецъ воръ, обокралъ казну, гнуснѣйшій человѣкъ, какого только можно представить себѣ — каково? И вѣдь весь свѣтъ почитаетъ его за прямодушнаго человѣка! Подлецъ! Говоритъ: дѣло Бухтелева рѣшено не такъ — а? Просто, подлецъ, узналъ, что на мою долю пришлось двадцать тысячъ, такъ вотъ зачѣмъ не ему! Какъ собака на сѣнѣ: ни себѣ, ни другимъ. Ну, да я знаю тебя, ступай морочь другихъ,

прикидывайся передъ другими. Я слышалъ про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянулъ въ газету: прочитаешь — чувствуешь тоску, гадость, и больше ничего. Эй, Андрей!

II.

ЛАКЕЙ, *входя.*

Чего изволите-съ?

ПРОЛ. Возьми вонъ эту газету! И къ чему, зачѣмъ ты принесъ эту газету? Дуракъ этакой! *(Андрей уноситъ газету.)* Каковъ Бурдюковъ, а? Вотъ кого, не говоря дальнихъ словъ, упряталъ бы въ Камчатку. Съ большимъ наслажденіемъ, признаюсь, нагадилъ бы ему, хоть сію минуту, да вотъ до сихъ поръ нѣтъ, да и нѣтъ случая. Что̀ прикажешь дѣлать? Разгнѣвался Богъ. А я бы тебя погладилъ, мазнулъ бы тебя по губамъ. Да ужъ и губы то за то какія! какъ у вола, у канальи!

ЛАКЕЙ. Бурдюковъ пріѣхалъ.

ПРОЛ. Что̀?

ЛАКЕЙ. Бурдюковъ пріѣхалъ.

ПРОЛ. Что ты вздоръ несешь!

ЛАКЕЙ. Такъ точно-съ.

ПРОЛ. Врешь ты, дуракъ! Бурдюковъ, Павелъ Петровичъ Бурдюковъ?

ЛАКЕЙ. Нѣтъ, не Павелъ Петровичъ, а другой какой-то.

ПРОЛ. Какой другой?

ЛАКЕЙ. Да вотъ извольте сами видѣть: онъ здѣсь.

ПРОЛ. Проси.

III.

ПРОЛЕТОВЪ И ХРИСТОФОРЪ ПЕТРОВИЧЪ БУРДЮКОВЪ.

БУРД. Прошу извинить за безпокойство, что̀ наношу вамъ. Обстоятельства и дѣла понудили оставить городишку. Пріѣхалъ просить личной помощи, заступничества.

ПРОЛ. *въ сторону.* Это точно другой; а есть однакоже какое-то сходство. *(Вслухъ)* Чтò прикажете? въ чемъ могу быть вамъ полезнымъ?

БУРД., *съ пожатіемъ плечъ.* Дѣло, тяжба.

ПРОЛ. Тяжба? съ кѣмъ?

БУРД. Съ роднымъ братомъ.

ПРОЛ. Прежде позвольте узнать фамилію, а потомъ изъясните свое дѣло. Прошу покорно садиться.

БУРД. Фамилія: Бурдюковъ, Христофоръ Петровъ сынъ, а дѣло съ роднымъ братомъ, Павломъ Петровымъ Бурдюковымъ.

ПРОЛ. Чтò вы, чтò? нѣтъ!

БУРД. Да что жъ вы на меня уставили глаза? или думаете, я бы захотѣлъ оставлять напрасно Тамбовъ и скакать на почтовыхъ?

ПРОЛ. Господи благослови васъ за такое доброе дѣло! Позвольте съ вами покороче познакомиться. Умнѣе этого дѣла вы не могли никогда бы придумать. Вотъ разсказываютъ теперь, что нѣтъ великодушія и справедливости, а это чтò же? Вѣдь вотъ родной братъ, узы крови, связи, а вѣдь не пощадитъ и брата — процессъ! Позвольте васъ обнять.

БУРД. Извольте! я самъ обниму васъ за такую готовностьй *(обнимаются)* а прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физіогномію, никакъ нельзя было думать, чтобы вы были путны; человѣкъ.

ПРОЛ. Вотъ тебѣ разъ! какъ такъ?

БУРД. Да, серьезно. Позвольте спросить: вѣрно покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

ПРОЛ. Чтò за чепуху несетъ онъ?

БУРД. Нѣтъ, я вамъ скажу, вы не будьте въ претензіи, это очень часто случается. Вотъ у нашего засѣдателя вся нижняя часть лица баранья, такъ сказать, какъ-будто отрѣзана и поросла шерстью совершенно, какъ у барана. А вѣдь отъ незначительнаго обстоятельства: когда покойница рожала, подойди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблеять.

ПРОЛ. Ну, оставимъ въ покоѣ засѣдателя и барана! Какъ же я радъ!

БУРД. А ужъ я какъ радъ, пріобрѣтши такое покровительство! Теперь только, какъ начинаю всматриваться въ васъ, вижу, что лицо ваше какъ-будто знакомо: у насъ въ полку былъ поручикъ, вотъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на васъ! Пьяница страшнѣйшій, то-есть, я вамъ скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

ПРОЛ. *въ сторону.* У этого уѣзднаго медвѣдя, какъ видно, нѣтъ совсѣмъ обычая держать языкъ за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душѣ—у него на языкѣ. *(Вслухъ)* Времени у меня немного, пожалуста приступимъ же къ дѣлу.

БУРД. Позвольте, сидя не разскажешь. Это дѣло казусное! Знавали ли въ устюжскомъ уѣздѣ помѣщицу Евдокію Малафѣевну Меринову? Не знали? Хорошо. Она доводится родной теткой мнѣ и бестіи, моему брату. У ней ближайшими наслѣдниками я да братъ—изволите видѣть: вотъ оно куда пошло! Кромѣ того, еще сестра, что̀ вышла за генерала Повалищева; ну объ этой ни слова, та и безъ того получила слѣдуемую ей часть. Позвольте: вотъ этотъ мошенникъ, братъ, онъ на это хоть чорту въ дядьки годится. Вотъ и подъѣхалъ онъ къ ней: «Вы, де, тетушка, уже прожили, слава Богу, семьдесятъ лѣтъ; гдѣ уже вамъ въ такихъ преклонныхъ лѣтахъ мѣшаться самимъ въ хозяйство: пусть, лучше, я буду приберегать и кормить.» Вона! замѣчайте, замѣчайте! Переѣхалъ къ ней въ домъ, живетъ и распоряжается, какъ настоящій хозяинъ. Да вы слышите ли это?

ПРОЛ. Слышу.

БУРД. То̀-то! Да, вотъ занемогаетъ тетушка, отчего — Богъ знаетъ, можетъ быть, онъ самъ и подсунулъ ей чего-нибудь. Мнѣ даютъ уже знать стороною. Замѣчайте! Пріѣзжаю — въ сѣняхъ встрѣчаетъ меня эта бестія, то есть братъ, въ слезахъ, такъ весь и заливается, и растаялъ, и говоритъ: «Ну», говоритъ, «братецъ, на вѣки мы несчастны съ тобою: благодѣтельница наша...» — «Что̀, отдала Богу душу?»—«Нѣтъ, при смерти.» Я вхожу: и точно, тетушка лежитъ на корачкахъ и только глазами хлопаетъ. Ну, что̀ жъ? плакать? Не поможетъ! Вѣдь не поможетъ?

ПРОЛ. Не поможетъ.

БУРД. Ну, что жъ? нечего дѣлать! такъ, видно, Богу угодно! Я приступилъ поближе. «Ну,» говорю, «тетушка, мы всѣ смертны, одинъ Богъ, какъ говорятъ, не сегодня, такъ завтра властенъ въ нашей жизни: такъ не угодно ли вамъ заблаговременно сдѣлать какое-нибудь распоряженіе?» Что жъ тетушка? Я вижу, не можетъ уже языкомъ поворотить, и только сказала: «э... э... э... э...» А эта шельма, что стоялъ подлѣ кровати ея, братъ, говоритъ: «Тетушка симъ изъясняетъ, что она уже распорядилась.» Слышите, слышите!

ПРОЛ. Какъ же! Да вѣдь она развѣ сказала это?

БУРД. Кой чортъ сказала! Она сказала только «э... э... э...» Я все подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряженія?» Что жъ тетушка? Тетушка опять отвѣчаетъ: «э, э, э.» А тотъ подлецъ опять: «тетушка говоритъ, что все распоряженіе по этой части находится въ духовномъ завѣщаніи.» Слышите? слышите? Что жъ мнѣ было дѣлать? Я замолчалъ—и не сказалъ ни слова.

ПРОЛ. Однакожъ позвольте: какъ же вы не уличили тутъ же ихъ во лжи?

БУРД. Что жъ? *(размахиваетъ руками)* стали божиться, что она точно все это говорила, ну вѣдь и повѣрилъ.

ПРОЛ. А духовное завѣщаніе распечатали?

БУРД. Распечатали.

ПРОД. Что жъ?

БУРД. А вотъ что. Какъ только все это, какъ слѣдуетъ, христіянскимъ долгомъ было отправлено, я и говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Братъ ничего и говорить не можетъ, страданья, отчаянья такія, что люли только! «Возьмите,» говоритъ: «читайте сами.» Собрались свидѣтели и прочитали. Какъ же бы вы думали было писано завѣщаніе? А вотъ какъ: «Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову,» слушайте! «въ возмездіе его сыновнихъ попеченій и неотлучнаго себя при мнѣ обрѣтенія до смерти,» замѣчайте! замѣчайте! «оставляю во владѣніе родовое и благопріобрѣтенное имѣніе мое въ устюжскомъ уѣздѣ,» вона! вона! вона куда пошло! «пятьсотъ ревижскихъ душъ, угодье и

прочее.» А? слышите ли вы это? «Племянницѣ моей Маріи Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю слѣдующую ей деревню изо ста душъ. Племяннику,» вона! замѣчайте! вонъ тутъ настоящій типунъ! «Хрисанфію сыну Петрову Бурдюкову,» слушайте, слушайте! «на память обо мнѣ,» ого! го! «завѣщаю: три стаметовыя юбки и всю рухлядь находящуюся въ амбарѣ: какъ-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы,» и тамъ чортъ знаетъ еще какое тряпье! А? какъ вамъ кажется, я спрашиваю: на кой чортъ мнѣ стаметовыя юбки?

прол. Ахъ, онъ мошенникъ этакой! Прошу покорно!

бурд. Мошенничество это — такъ, я съ вами согласенъ; но спрашиваю я васъ, на что мнѣ стаметовыя юбки? что я съ ними буду дѣлать? развѣ себѣ на голову надѣну?

прол. И свидѣтели подписались при этомъ?

бурд. Какъ же, набралъ какой-то сволочи.

прол. А покойница собственноручно подписалась?

бурд. Вотъ то-то и есть, что подписалась, да чортъ знаетъ какъ!

прол. Какъ?

бурд. А вотъ какъ: покойницу звали Евдокія, а она нацарапала такую дрянь, что разобрать нельзя.

прол. Какъ—такъ?

бурд. Чортъ знаетъ что такое: ей нужно было написать Евдокія, а она написала: «обмокни.»

прол. Что вы!

бурд. О, я вамъ скажу, что онъ горазда на все. «А племяннику моему Хрисанфію Петрову три стаметовыя юбки.»

прол. *въ сторону*. Молодецъ однакожъ Павелъ Петровичъ Бурдюковъ: я бъ никакъ не могъ думать, чтобы онъ ухитрился такъ!

бурд.. *размахивая руками*. «Обмокни!» Что жъ это значитъ? Вѣдь это не имя: «обмокни?»

прол. Какъ же вы намѣрены поступить теперь?

бурд. Я подалъ уже прошеніе объ уничтоженіи завѣщанія, потому что подпись ложная. Пусть они не врутъ: покойницу звали Евдокіей, а не «обмокни.»

ПРОЛ. И хорошо! Позвольте теперь мнѣ за все это взяться. Я сейчасъ напишу записку къ одному знакомому секретарю, а вы между-тѣмъ доставьте мнѣ копію съ завѣщанія вашего.

БУРД. Несказанно обязанъ вамъ! *(берется за шапку)* А въ которыя двери надо выходитъ— въ тѣ, или въ эти?

ПРОЛ. Пожалуйте въ эти.

БУРД. То-то! Я потому спросилъ, что мнѣ нужно еще будетъ по своей надобности. До свиданія, почтеннѣйшій.... какъ васъ, я всё позабываю?

ПРОЛ. Александръ Ивановичъ! Александръ Ивановичъ есть Прольдюковскій, вы не знакомы съ нимъ?

ПРОЛ. Нѣтъ.

БУРД. Онъ еще живетъ въ пяти верстахъ отъ моей деревни! Прощайте!

ПРОЛ. Прощайте, почтеннѣйшій, прощайте!

IV.

ПРОЛЕТОВЪ, *потомъ* СЛУГА.

Вотъ неожиданный плодъ! вотъ подарокъ! Просто Богъ на шапку послалъ. Странно сказать, а по душѣ чувствуешь какое-то этакое неизъяснимое удовольствіе, какъ-будто бы или жена въ первый разъ сына родила, или министръ поцѣловалъ тебя при всѣхъ чиновникахъ въ полномъ присутствіи. Ей Богу, этакое магнетическое какое-то! Эй, Андрей! *(Андрей входитъ)* ступай сейчасъ къ моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вотъ тебѣ на водку, напейся пьянъ, какъ стелька, для сегодишняго дня—я тебѣ позволяю; а вотъ еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы сейчасъ, самонужнѣйшее дѣло. А, наконецъ таки, на силу и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотримъ, какъ ты будешь подплясывать! А ужъ коли изъ своихъ пріятелей чиновниковъ наберу оркестръ музыкантовъ, такъ ты у меня такъ запляшешь, что во всю жизнь не отдохнутъ у тебя бока.

ЛАКЕЙСКАЯ.

I.

Театръ представляетъ переднюю. Направо дверь на лѣстницу, на лѣво—въ залъ. На заднемъ зановѣсѣ дверь нѣсколько съ боку въ кабинетъ. До самыхъ дверей во всю стѣну длинная скамья. ПЕТРЪ, ИВАНЪ *и* ГРИГОРІЙ *сидятъ на ней и спятъ, уткнувши головы одинъ другому въ плечо. Въ дверяхъ съ лѣстницы звенитъ громкій звонокъ. Лакеи пробуждаются.*

ГРИГ. Ступай, отвори дверь: звонятъ!

ПЕТРЪ. Да ты что̀ сидишь? На ногахъ у тебя пузыри, что̀ ли? встать не можешь?

ИВАНЪ, *махнувъ рукой.* Ну, ужъ я пойду, такъ и быть, отворю! *(отворяя дверь, вскрикиваетъ)* Это Андрюшка!

ЧУЖОЙ ЛАКЕЙ, *входитъ въ картузѣ, въ шинели и съ узелкомъ въ рукѣ.*

ГРИГ. А, московская ворона! откуда тебя принесло?

ЧУЖ. ЛАК. Ахъ ты чухонскій сычъ! Побѣгалъ бы ты съ-мое. Вонъ *(подымая узелокъ)* къ цвѣточницѣ велѣла снесть, что̀ на Петербургской. Не бось, четвертака на извощика не дастъ. Да и къ вашему тожъ. Что̀, спитъ?

ГРИГ. Кто? медвѣдь? Нѣтъ, еще не рычалъ изъ берлоги.

ПЕТРЪ. Правда ли, что барыня ваша даетъ вамъ чулки штопать? *(всѣ смѣются.)*

ГРИГ. Ну, ужъ ты, братъ, будь теперь штопальница. Ужъ мы такъ и звать тебя будемъ.

ЧУЖ. ЛАК. Врешь, а вотъ же и не штопалъ никогда.

ПЕТРЪ. Да вѣдь у васъ извѣстно: дворовый человѣкъ до обѣда поваръ, а послѣ обѣда ужъ онъ кучеръ, или лакей, или башмаки шьетъ.

ЧУЖ. ЛАК. Ну, такъ что̀ жъ? ремесло другому не помѣшаетъ. Не сидѣть же безъ дѣла. Конечно, я и лакей, да и женскій портной вмѣстѣ. И на барыню шью и на другихъ тоже — копѣйку добываю. А вы что̀, вѣдь вотъ ничего жъ не дѣлаете!

ГРИГ. Нѣтъ, братъ, у хорошаго барина лакея не займутъ работой, на то̀ есть мастеровой. Вонъ у графа Булкина, тридцать, братъ, человѣкъ слугъ однихъ, и ужъ тамъ, братъ, нельзя такъ: «Эй, Петрушка, сходи-ка туда!» «Нѣтъ,» молъ, скажетъ, «это не мое дѣло; извольте-съ приказать Ивану.» Вотъ оно какъ. Вотъ оно что̀ значитъ, если баринъ хочетъ жить, какъ баринъ. А вонъ ваша пиголица изъ Москвы пріѣхала, коляска-то орѣхъ раскушенный, веревками хвосты лошадямъ позавязаны. *(Смѣются.)*

ЧУЖ. ЛАК. Ну, ты смѣхунъ, смѣхунъ! Что̀ жъ изъ того, что лежишь весь день? вѣдь за то̀ жъ ни копѣйки за душой у тебя нѣтъ!

ГРИГ. Да на что̀ жъ мнѣ твоя копѣйка? А баринъ то зачѣмъ? Вѣдь жалованье то ужъ онъ мнѣ выдастъ, хоть я работай, или не работай. А копить мнѣ на старость зачѣмъ? Что̀ жъ за баринъ, коли ужъ пансіона слугѣ не выдастъ за службу?

ЧУЖ. ЛАК. Что̀—говорятъ, ребята балъ затѣяли?

ПЕТРЪ. Да. А ты будешь?

ЧУЖ. ЛАК. Да вѣдь что̀ жъ этотъ балъ! только, чай, слава, что балъ.

ГРИГ. Нѣтъ, братъ, балъ будетъ на всю руку. По цѣлковому жертвуютъ и больше. Княжой поваръ далъ пять рублей и самъ берется столъ готовить. Угощенье будетъ—не то, что орѣхи: ужъ полпуда конфектъ купили, мороженнаго тоже... *(Слышенъ тоненькій звонокъ изъ барскаго кабинета.)*

ЧУЖ. ЛАК. Ступай! звонитъ баринъ.

ГРИГ. Подождетъ. Лиминацію тоже зажгутъ. Музыку торговали, только не сошлись, баса нѣтъ, а то ужъ было... *(Слышенъ звонокъ изъ кабинета громче прежняго.)*

чуж. лак. Ступай, ступай! звонитъ.

григ. Подождетъ! Ну, ты сколько даешь?

чуж. лак. Да вѣдь что жъ это балъ, вѣдь это все такъ.

григ. Ну, развязывай мошну, ты, штопольница! Вонъ смотри, Петрушка, на него, какой онъ... *(Тыкаетъ на него пальцемъ; въ это время отворяется дверь и баринъ, въ халатѣ, протянувши руку, схватываетъ Григорія за ухо; всѣ подымаются съ своихъ мѣстъ.)*

II.

БАРИНЪ.

Что вы бездѣльники? Три человѣка, и хоть бы одинъ поднялся съ своего мѣста: я звоню, что есть мочи, чуть тесьмы не оборвалъ!

григ. Да ничего не было слышно, сударь!

бар. Врешь!

григ. Ей Богу! что жъ мнѣ лгать? Вотъ Петрушка тоже сидѣлъ. Ужъ это такой колокольчикъ, сударь, никуда не годится: никогда ничего не слыхать. Надо будетъ слесаря позвать.

бар. Ну, такъ позвать слесаря.

григ. Да я ужъ сказывалъ дворецкому. Да вѣдь что жъ? ему говоришь, а вѣдь онъ еще и выбранитъ за это.

бар., *увидя чужого лакея.* Это что за человѣкъ?

григ. Это-съ человѣкъ отъ Анны Петровны, зачѣмъ-то пришелъ къ вамъ.

бар. Что скажешь, братъ?

чуж. лак. Барыня приказала кланяться и доложить, что будутъ сегодня къ вамъ.

бар. Зачѣмъ, не знаешь?

чуж. лак. Не могу знать. Онѣ только сказали: «Скажи Ѳедору Ѳедоровичу, что я приказала кланяться и буду къ нимъ.»

бар. Да когда, въ которомъ часу?

чуж. лак. Не могу знать, въ которомъ часу. Онѣ сказали только, что доложи, де, говоритъ, Ѳедору Ѳедоровичу, что я, говоритъ, къ нимъ сама, де, буду у нихъ...

БАР. Хорошо. Петрушка, дай мнѣ поскорѣй одѣться: я иду со двора. А вы—не принимать никого! Слышишь, всѣмъ говорить, что меня нѣтъ дома! *(Уходитъ, за нимъ Петрушка.)*

III.

ЧУЖ. ЛАК., *Григорію.* Ну, видишь, вѣдь вотъ и досталось.

ГРИГ., *махнувъ рукой.* А! ужъ служба такая! какъ ни старайся—все выбранятъ. *(Въ дверяхъ, что у лѣстницы, раздается звонокъ.)*

ГРИГ. Вотъ опять какой-то чортъ лѣзетъ. *(Ивану).* Ступай, отворяй, что жъ ты зѣваешь! *(Иванъ отворяетъ дверь; входитъ господинъ въ шубѣ.)*

IV.

ГОСПОДИНЪ ВЪ ШУБѢ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ дома?

ГРИГ. Никакъ нѣтъ.

ГОСП. Досадно. Не знаешь, куда уѣхалъ?

ГРИГ. Неизвѣстно. Должно быть, въ департаментъ. А какъ объ васъ доложить?

ГОСП. Скажи, что былъ Нѣвелещагинъ. Очень, молъ, жалѣлъ, что не засталъ дома. Слышишь? не позабудь: Нѣвелещагинъ.

ГРИГ. Лентягинъ-съ.

ГОСП., *вразумительнѣе.* Нѣвелещагинъ.

ГРИГ. Да вы Нѣмецъ?

ГОСП. Какой Нѣмецъ! просто, Русскій: Нѣ-ве-ле-ща-гинъ.

ГРИГ. Слышишь, Иванъ, не забудь: Ердащагинъ! *(Господинъ уходитъ.)*

V.

ЧУЖ. ЛАК. Прощайте, братцы, пора ужъ и мнѣ.

ГРИГ. Да что жъ на балъ, будешь, что ли?

ЧУЖ. ЛАК. Ну, да тамъ посмотрю послѣ. Прощай, Иванъ!

ИВАНЪ. Прощай! *(Идетъ отворять двери.)*

VI.

ГОРНИЧНАЯ ДѢВУШКА, *бѣжитъ бѣгомъ черезъ лакейскую.*

ГРИГ. Куда, куда! удостойте взглядомъ! *(Хватаетъ ее за полу платья.)*

ДѢВ. Нельзя, нельзя, Григорій Павловичъ! не держите меня, совсѣмъ-съ некогда! *(Вырывается и убѣгаетъ въ дверь на лѣстницу.)*

ГРИГ., *смотря вслѣдъ ей.* Вонъ она, какъ поплелась! *(Смѣется)* хе, хе, хе!

ИВАНЪ *смѣется.* Хи, хи, хи! *(Выходитъ баринъ; Григорій и Иванъ вдругъ насупливаютъ рожи и становятся серьезны; Григорій снимаетъ съ вѣшалки шубу и накидываетъ барину на плечи; баринъ уходитъ; Григорій стоитъ среди комнаты, чистя пальцемъ въ носу.)*

ГРИГ. Вѣдь вотъ свободное время, баринъ ушелъ, чего бы лучше,—нѣтъ, сейчасъ привалитъ этотъ чортъ, брюхачъ-дворецкій.

(За сценой слышенъ крикъ дворецкаго:)

Вѣдь вотъ точно Божеское наказаніе: десять человѣкъ въ домѣ, и хоть бы одинъ что-нибудь прибралъ.

ГРИГ. Вонъ ужъ пошелъ кричать толстобрюхій.

VII.

ПУЗАТЫЙ ДВОРЕЦКІЙ, *ходитъ съ сильными движеніями и размахами рукъ.*

Побоялись бы хоть совѣсти своей, коли Бога не боитесь. Вѣдь ковры до сихъ поръ не выколочены. Вы бы, Григорій Павловичъ, примѣръ другимъ должны бы дать, а вы спите ровно отъ утра до вечера, вѣдь глаза то у васъ совсѣмъ заплыли отъ сна, ей Богу! вѣдь вы совсѣмъ подлецъ послѣ этого, Григорій Павловичъ!

ГРИГ. Да что̀ жъ, нещто я не человѣкъ, что ужъ и заснуть нельзя?

ДВОР. Да кто жъ противъ этого и слово говоритъ. Почему не заснуть? но вѣдь не весь же день спать. Ну, вотъ хоть бы и

ты, Петръ Ивановичъ! вѣдь ты, не говоря дурного слова, на свинью похожъ, ей Богу! Вѣдь что̀ тебѣ заботы? всего два, три какихъ-нибудь подсвѣчника вычистить. Ну, зачѣмъ ты тутъ баишься? *(Петръ медленно уходитъ)*. А тебѣ, Ванька, просто толчка въ затылокъ слѣдуетъ.

григ., *уходя*. Эхъ ты, житье, житье! вставши, да за вытье!

двор., *оставшись одинъ*. Въ томъ-то и есть поведенье, что всякій человѣкъ долженъ знать долгъ. Коли слуга, такъ слуга, дворянинъ, такъ дворянинъ, архіерей, такъ архіерей. А то бы, пожалуй, всякій зачалъ... я бы сейчасъ сказалъ: «Нѣтъ, я не дворецкій, а губернаторъ, или тамъ какой-нибудь отъ инфантеріи.» Да вѣдь за то̀ мнѣ всякій бы сказалъ: «Нѣтъ, врешь, ты дворецкій, а не генералъ, вотъ что̀! твоя обязанность смотрѣть за домомъ, за поведеніемъ слугъ, вотъ что̀! Тебѣ не то, что бонъ журъ, команъ ву франсе, а веди порядокъ, распоряженье, вотъ что̀! Да!»

VIII.

Входитъ аннушка, *горничная дѣвушка изъ другого дома.*

двор. А, Анна Гавриловна! на счетъ моего почтенія съ большимъ удовольствіемъ васъ вижу.

анн. Не безпокойтесь, Лаврентій Павловичъ! я нарочно зашла къ вамъ на минуту: я встрѣтила карету вашего барина и услыхала, что его нѣтъ дома.

двор. И очень хорошо сдѣлали: я и жена будемъ очень рады! Пожалуйте, садитесь!

анн., *сѣвши*. Скажите, вѣдь вы знаете что-нибудь о балѣ, который на дняхъ затѣвается?

двор. Какъ же! Оно примѣрно, вотъ изволите видѣть, складчина. Одинъ человѣкъ, другой, примѣрно также сказать, третій. Конечно это впрочемъ составитъ большую сумму. Я пожертвовалъ вмѣстѣ съ женою пять рублей. Ну, натурально, балъ, или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будетъ угощеніе, примѣрно сказать, прохладительное. Для молодыхъ людей танцы и тому прочія подобныя удовольствія.

анн. Непремѣнно, непремѣнно буду! Я только зашла за тѣмъ, чтобы узнать, будете ли вы вмѣстѣ съ Агафьей Ивановной?

двор. Ужъ Агафья Ивановна только и говоритъ, что объ васъ.

анн. Я боюсь только на счетъ общества.

двор. Нѣтъ, Анна Гавриловна, у насъ будетъ общество хорошее. Не могу сказать навѣрно, но слышалъ, что будетъ камердинеръ графа Толстогуба, буфетчикъ и кучера князя Брюховецкаго, горничная какой-то княгини.... я думаю, тоже чиновники нѣкоторые будутъ.

анн. Одно мнѣ только очень не нравится, что будутъ кучера. Отъ нихъ всегда запахъ простого табаку или водки, притомъ же всѣ они такіе необразованные, невѣжи.

двор. Позвольте вамъ доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерамъ рознь. Оно конечно, такъ какъ кучера по обыкновенію больше своему находятся неотлучно при лошадяхъ, иногда подчищаютъ, съ позволенія сказать, навозъ; конечно, человѣкъ простой, выпьетъ стаканъ водки, или, по недостаточности больше, выкуритъ обыкновеннаго бакуну, какой большею частію простой народъ употребляетъ: да, такъ, оно натурально, что отъ него иногда, примѣрно сказать, воняетъ навозомъ или водкой, конечно, все это такъ, да; однакожъ согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такіе кучера, которые хотя и кучера, однакожъ, по обыкновенію своему, больше, примѣрно сказать, конюхи, нежели кучера. Ихъ должность, или, такъ выразить, дирекція состоитъ въ томъ, чтобы отпустить овесъ, или укорить въ чемъ, если провинился форейторъ или кучеръ.

анн. Какъ вы хорошо говорите, Лаврентій Павловичъ! я всегда васъ заслушиваюсь.

двор., *съ довольною улыбкою.* Не стоитъ благодарности, сударыня! Оно конечно, не всякій человѣкъ имѣетъ, примѣрно сказать, рѣчь, то есть, даръ слова. Натурально, бываетъ иногда... что, какъ обыкновенно говорятъ, косноязычіе... да, или иные прочіе подобные случаи, что впрочемъ уже происходитъ отъ натуры... Да не угодно ли вамъ пожаловать въ мою комнату?

Аннушка идетъ, Лаврентій за нею.

ОТРЫВОКЪ.

I.

Комната въ домѣ МАРЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ. МАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, *пожилыхъ лѣтъ дама*, И МИХАЙЛО АНДРЕЕВИЧЪ, *ея сынъ*.

МАРЬЯ АЛ. Послушай, Миша, я давно хотѣла съ тобою переговорить: тебѣ должно перемѣнить службу.

МИША. Пожалуй, хоть завтра же.

МАРЬЯ АЛ. Ты долженъ служить въ военной.

МИША, *вытаращивъ глаза*. Въ военной?

МАРЬЯ АЛ. Да.

МИША. Что вы, маменька? въ военной?

МАРЬЯ АЛ. Ну, что жъ ты такъ изумился?

МИША. Помилуйте: да развѣ вы не знаете: вѣдь нужно начинать съ юнкеровъ?

МАРЬЯ АЛ. Ну, да, послужишь годъ юнкеромъ, а потомъ произведутъ въ офицеры, ужъ это мое дѣло.

МИША. Да что̀ вы нашли во мнѣ военнаго? и фигура моя совершенно не военная. Подумайте, матушка, право вы меня совершенно изумили этакими словами, такъ что я... я... я, просто, не знаю, что и подумать: я, слава Богу, и толстенекъ немножко, а какъ надѣну юнкерскій мундиръ съ короткими хвостиками,— совѣстно даже будетъ смотрѣть.

марья ал. Нѣтъ нужды. Произведутъ въ офицеры, будешь носить мундиръ съ длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, такъ что ничего не будетъ замѣтно. Притомъ это и лучше, что ты немного толстъ—скорѣе пойдетъ производство: имъ же будетъ совѣстно, что у нихъ въ полку такой толстый прапорщикъ.

миша. Но, матушка, вѣдь мнѣ годъ, всего годъ осталось до коллежскаго ассессора. Я уже два года, какъ въ чинѣ титулярнаго совѣтника.

марья ал. Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранитъ мои уши; мнѣ такъ и приходитъ на умъ, Богъ знаетъ что̀. Я хочу, чтобы сынъ мой служилъ въ гвардіи. На штафирку, просто, не могу и смотрѣть теперь!

миша Но посудите, матушка, разсмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще въ школѣ звали хомякомъ. Въ военной службѣ все же надо, чтобы и на лошади лихо ѣздилъ, и голосъ бы имѣлъ звонкій, и ростъ бы имѣлъ богатырскій, и талію.

марья ал. Пріобрѣтешь, все пріобрѣтешь. Я хочу, чтобъ ты непремѣнно служилъ; на это есть очень важная причина.

миша. Да какая же причина?

марья ал. Ну, ужъ причина важная.

миша. Все же таки скажите, какая причина.

марья ал. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губолизова, эта дура, третьяго дня у Рогожинскихъ, говоритъ и нарочно такъ, чтобы я слышала. А я сижу третьею. Передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина и за княгиней Александриной сейчасъ я. Что̀ бы ты думалъ эта негодная осмѣлилась говорить?.. Я, право, такъ и хотѣла встать съ мѣста, и если бъ не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что̀ я сдѣлала. Говоритъ: «Я очень рада, что на знатныхъ балахъ не пускаютъ штатскихъ. Это такіе все», говоритъ, «mauvais gen, что-то неблагороднымъ отъ нихъ отзывается. Я рада», говоритъ, «что мой Алексисъ не носитъ этого сквернаго фрака.» — И все это произнесла съ такимъ жеманствомъ, съ такимъ тономъ... такъ право .. я не знаю, что̀ бы я сдѣлала съ нею. А ея сынъ просто

дуракъ набитый: только всего и умѣетъ, что подымать ногу. Такая противная мерзавка!

МИША. Какъ, матушка, такъ въ этомъ-то причина?

МАРЬЯ АЛ. Да я хочу на-зло, чтобы мой сынъ тоже служилъ въ гвардіи и былъ бы на всѣхъ лучшихъ балахъ.

МИША. Помилуйте, матушка, изъ того только, что она дура...

МАРЬЯ АЛ. Нѣтъ, ужъ я рѣшилась. Пусть-ка она себѣ треснетъ съ досады, пусть побѣсится.

МИША. Однакожъ...

МАРЬЯ АЛ. О, я ей покажу! Ужъ какъ она хочетъ, я употреблю всѣ старанья, и мой сынъ будетъ тоже въ гвардіи. Ужъ хоть чрезъ это и потеряетъ, а ужъ непремѣнно будетъ. Чтобы я позволила всякой мерзавкѣ дуться передо мною и подымать и безъ того курносый носъ свой! Нѣтъ, ужъ вотъ этого-то никогда не будетъ! Ужъ какъ вы себѣ хотите, Наталья Андреевна!

МИША. Да развѣ этимъ вы ей досадите?

МАРЬЯ АЛ. О, ужъ этого-то не позволю!

МИША. Если вы этого требуете, маменька, я перейду въ военную, только, право, мнѣ самому будетъ смѣшно, когда увижу себя въ мундирѣ.

МАРЬЯ АЛ. Ужъ по крайней мѣрѣ гораздо благороднѣе этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

МИША. За однимъ разомъ и перемѣнить службу, и женить?

МАРЬЯ АЛ. Что же? Какъ-будто нельзя и перемѣнить службу, и жениться?

МИША. Да вѣдь я и намѣренія еще не имѣлъ. Я еще не хочу жениться.

МАРЬЯ АЛ. Захочешь, если только узнаешь на комъ. Этой женитьбой доставишь ты себѣ счастье и въ службѣ, и въ семейственной жизни. Словомъ, я хочу женить тебя на княжнѣ Шлепохвостовой.

МИША. Да вѣдь она, матушка, дура первоклассная.

МАРЬЯ АЛ. Вовсе не первоклассная, а такая же, какъ и всѣ другія. Прекрасная дѣвушка, вотъ только что памяти нѣтъ; иной разъ забывается, скажетъ невпопадъ; но это отъ разсѣянности, а

ужъ за то вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумаетъ.

мишa. Помилуйте, куда ей сплетничать! Она насилу слово можетъ связать, да и то такое, что только руки разставишь, какъ услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дѣло сердечное, надо чтобы душа....

марья ал. Ну, такъ, я вотъ какъ-будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебѣ это не пристало, я тебѣ двадцать разъ уже говорила. Другому еще это идетъ какъ-то, а тебѣ совсѣмъ не идетъ.

мишa. Ахъ, маменька, но когда и въ чемъ я былъ не послушенъ вамъ? Мнѣ уже скоро тридцать лѣтъ, а между-тѣмъ я, какъ дитя покоренъ вамъ во всемъ. Вы мнѣ велите ѣхать туда, куда бы мнѣ смерть не хотѣлось ѣхать—и я ѣду, не показывая даже и виду, что мнѣ это тяжело. Вы мнѣ приказываете потереться въ передней такого-то—и я трусь въ передней такого-то, хоть мнѣ это вовсе не по-сердцу. Вы мнѣ велите танцовать на балахъ— и я танцую, хоть всѣ надо мною смѣются и надъ моей фигурой. Вы, наконецъ, велите мнѣ перемѣнить службу—и я перемѣняю службу, въ тридцать лѣтъ я иду въ юнкера, въ тридцать лѣтъ я перерождаюсь въ ребенка, въ угодность вамъ, и при всемъ томъ вы мнѣ всякій день колете глаза либеральничествомъ. Не пройдетъ минуты, чтобы вы меня не назвали либераломъ. Послушайте, матушка, это больно, клянусь вамъ, это больно. Я достоинъ за мою искреннюю любовь и привязанность къ вамъ болѣе...

марья ал. Пожалуста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либералъ, и знаю даже, кто тебѣ все это внушаетъ: все этотъ скверный Собачкинъ.

мишa. Нѣтъ, матушка, это уже слишкомъ, чтобы Собачкина я даже сталъ слушаться. Собачкинъ мерзавецъ, картежникъ и все что̀ вы хотите. Но тутъ онъ невиненъ. Я никогда не позволю ему надо мною имѣть и тѣни влiянiя.

марья ал. Ахъ Боже мой, какой ужасный человѣкъ! я испугалась, когда его узнала. Безъ правилъ, безъ добродѣтели, какой гнусный человѣкъ! Если бъ ты зналъ, что̀ такое разнесъ онъ про меня, я три мѣсяца не могла никуда носа показать: что у меня

подають сальные огарки; что у меня по цѣлымъ недѣлямъ не вытираются въ комнатахъ ковры щеткою; что я выѣхала на гулянье въ упряжи изъ простыхъ веревокъ на извощичьихъ хомутахъ... Я вся краснѣла, я болѣе недѣли была больна; я не знаю, какъ я могла перенести все это. Подлинно, одна вѣра въ Провиденіе подкрѣпила меня.

МИША. И этотъ человѣкъ, вы думаете, можетъ имѣть надо мною власть, и думаете я позволю...

МАРЬЯ АЛ. Я сказала, чтобъ онъ не смѣлъ мнѣ на глаза показываться, и ты однимъ можешь только опровдать себя, когда безъ всякаго упорства сдѣлаешь княжнѣ déclaration сегодня же.

МИША. Но, матушка, а если нельзя этого сдѣлать.

МАРЬЯ АЛ. Какъ нельзя, это почему?

МИША., *въ сторону,* Ну, рѣшительная минута!.. *(вслухъ)* Позвольте мнѣ хоть здѣсь имѣть свой голосъ, хотя въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ счастіе моей будущей жизни. Вы не спросили еще меня... ну, если я влюбленъ въ другую?

МАРЬЯ АЛ. Это, признаюсь, для меня новость. Объ этомъ я еще ничего не слышала. Да кто жъ такая это другая?

МИША. Ахъ, маменька, клянусь никогда еще не было подобной,—ангелъ, ангелъ и лицомъ и душою!

МАРЬЯ АЛ. Да чьихъ она, да кто отецъ ея?

МИША. Отецъ Александръ Александровичъ Одосимовъ.

МАРЬЯ АЛ. Одосимовъ? фамилія не слышная! Я ничего не знаю про Одосимова... да что, онъ богатый человѣкъ?

МИША. Рѣдкій человѣкъ, удивительный человѣкъ!

МАРЬЯ АЛ. И богатый!

МИША. Какъ вамъ сказать? Надо, чтобы вы его видѣли. Такихъ достоинствъ души не сыщешь вь свѣтѣ.

МАРЬЯ АЛ. Да что онъ, какъ, въ чемъ состоитъ его имущество?

МИША. Я не понимаю, маменька, чего вы хотите? Позвольте мнѣ насчетъ этого сказать откровенно мои мысли. Вѣдь теперь, какъ бы то ни было, можетъ быть, по всей Россіи нѣтъ жениха, который бы не искалъ богатой невѣсты. Всякій хочетъ поправиться

женинымъ приданымъ. Ну, пусть еще въ нѣкоторомъ отношеніи это извинительно: я понимаю, что бѣдный человѣкъ, которому не повезло по службѣ или въ чемъ другомъ, которому, можетъ быть, излишняя честность помѣшала составить состояніе, словомъ, что бы то ни было, но я понимаю, что онъ вправѣ искать богатой невѣсты и, можетъ быть, несправедливы бы были родители, если бъ не отдали должнаго его достоинствамъ и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедливъ ли человѣкъ богатый, который будетъ искать тоже богатыхъ невѣстъ,—что жъ будетъ тогда на свѣтѣ? Вѣдь это все равно, что сверхъ шубы да надѣть шинель, когда и безъ того жарко, когда эта шинель, можетъ быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нѣтъ, маменька, это несправедливо! Отецъ пожертвовалъ всѣмъ имуществомъ на воспитаніе дочери.

МАРЬЯ АЛ. Довольно, довольно! Больше я не въ силахъ слушать. Все знаю, все: влюбился въ потаскушку, дочь какого-нибудь фурьера, которая, можетъ быть, Богъ знаетъ чѣмъ занимается.

МИША. Матушка...

МАРЬЯ АЛ. Отецъ пьяница, мать стряпуха, родня карташки или служащіе по питейной части... и я должна все это слышать, все это терпѣть, терпѣть отъ родного сына, для котораго я не щадила жизни—нѣтъ, я не переживу этого!

МИША. Но, матушка, позвольте...

МАРЬЯ АЛ. Боже мой, какая нравственность у молодыхъ людей! Нѣтъ, я не переживу этого, клянусь, не переживу этого... Ахъ, что̀ это? у меня закружилась голова! *(Вскрикиваетъ.)* Ахъ, въ боку колика!.. Машка, Машка, стклянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокій сынъ!

МИША, *бросаясь.* Матушка, успокойтесь! Вы сами создаете для себя...

МАРЬЯ АЛ. И все это надѣлалъ этотъ скверный Собачкинъ. Я не знаю, какъ не выгонятъ до сихъ поръ эту чуму.

ЛАКЕЙ, *въ дверяхъ*. Собачкинъ пріѣхалъ.

МАРЬЯ АЛ. Какъ, Собачкинъ? Отказать, чтобъ его и духу здѣсь не было.

II.

ТѢ ЖЕ И СОБАЧКИНЪ.

соб. Марья Александровна! извините великодушно, что такъ давно не былъ. Ей Богу никакъ не могъ! повѣрить не можете, сколько дѣлъ; зналъ, что будете гнѣваться, право зналъ... *(Увидя Мишу)* Здравствуй, братъ, какъ ты?

марья ал., *въ сторону*. У меня, просто, словъ не достаетъ! Каковъ? Еще извиняется, что давно не былъ!

соб. Какъ я радъ, что вы, судя по лицу, такъ свѣжи и здоровы! А братца вашего какъ здоровье? Я полагалъ, признаюсь, и его также застать у васъ.

марья ал. Для этого вы могли отправиться къ нему, а не ко мнѣ.

соб., *усмѣхаясь*. Я пріѣхалъ разсказать вамъ одинъ преинтересный анекдотъ.

марья ал. Я не охотница до анекдотовъ.

соб. Объ Натальи Андреевнѣ Губомазовой.

марья ал. Какъ, объ Губомазовой!.. *(Стараясь скрыть любопытство)* Такъ это, вѣрно, недавно случилось?

соб. На дняхъ.

марья ал. Чтò жъ такое?

соб. Знаете ли, что она сама сѣчетъ своихъ дѣвокъ?

марья ал. Нѣтъ, чтò вы говорите? Ахъ, какой срамъ! можно ли это?

соб. Вотъ вамъ крестъ! Позвольте же разсказать. Одинъ разъ велитъ она виноватой дѣвушкѣ лечь, какъ слѣдуетъ, на кровать, а сама пошла въ другую комнату, не помню зачѣмъ-то, кажется за розгами. Въ это время дѣвушка зачѣмъ-то выходитъ изъ комнаты, а на мѣсто ея приходитъ Натальи Андреевны мужъ, ложится и засыпаетъ. Является Наталья Андреевна, какъ слѣдуетъ, съ розгами, велитъ одной дѣвушкѣ сѣсть ему на ноги, накрыла простыней и высѣкла мужа.

марья ал., *всплеснувъ руками*. Ахъ, Боже мой, какой срамъ! Какъ это до сихъ поръ я ничего объ этомъ не знала? Я вамъ

скажу, что я почти всегда была увѣрена, что она въ состояніи это сдѣлать.

соб. Натурально. Я это говорилъ всему свѣту. Толкуютъ: «Примѣрная жена, сидитъ дома, занимается воспитаніемъ дѣтей, сама учитъ ихъ по-Англійски!» Какое воспитанье: сѣчетъ всякій день мужа, какъ кошку!.. Какъ мнѣ жаль право, что я не могу пробыть у васъ подолѣе. *(раскланивается.)*

марья ал. Куда жъ это вы, Андрей Кондратьевичъ! Не совѣстно ли вамъ, столько времени у меня не бывши.... Я всегда привыкла васъ видѣть, какъ друга дома; останьтесь! Мнѣ хотѣлось еще съ вами переговорить кое-о-чемъ. Послушай, Миша, у меня въ комнатѣ дожидается каретникъ, пожалуста, переговори съ нимъ. Спроси, возьмется ли онъ передѣлать карету къ первому числу. Цвѣтъ чтобы былъ голубой съ свѣтлой уборкой, на манеръ кареты Губомазовой.

(Миша уходитъ.)

марья ал. Я нарочно услала сына, чтобы переговорить съ вами наединѣ. Скажите, вы, вѣрно, знаете, есть какой-то Александръ Александровичъ Одосимовъ?

соб. Одосимовъ?.. Одосимовъ... Одосимовъ... Знаю, есть гдѣ-то Одосимовъ; а впрочемъ я могу справиться.

марья ал. Пожалуста.

соб. Помню, помню, есть Одосимовъ столоначальникъ или начальникъ отдѣленія... точно есть.

марья ал. Вообразите, вышла одна смѣшная исторія... вы мнѣ можете сдѣлать большое одолженіе.

соб. Вамъ стоитъ только приказать. Для васъ я готовъ на все: вы сами это знаете.

марья ал. Вотъ въ чемъ дѣло: мой сынъ влюбился, или, лучше, не влюбился, а просто зашло въ голову сумасбродство... Ну, молодой человѣкъ! Словомъ, онъ бредитъ дочерью этого Одосимова.

соб. Бредитъ? А однакожъ онъ мнѣ ничего объ этомъ не сказалъ. Да впрочемъ, конечно, бредитъ, если вы говорите.

марья ал. Я хочу отъ васъ, Андрей Кондратьевичъ, большой услуги: вы, я знаю, нравитесь женщинамъ.

соб. Хе, хе, хе Да! вы почему это думаете? А вѣдь точно, вообразите: на масленой шесть купчихъ... можетъ быть, вы думаете, что я съ своей стороны какъ-нибудь волочился или что-нибудь другое... клянусь, даже не посмотрѣлъ. Да вотъ еще лучше: вы знаете того, какъ бишь, его, Ермолай, Ермолай... Ахъ Боже, Ермолай, вотъ что̀ жилъ на Литейной, недалеко отъ Кирочной?

марья ал. Не знаю тамъ никого.

соб. Ахъ Боже мой, Ермолай Ивановичъ, кажется, вотъ, хоть убей, позабылъ фамилію. Еще жена его, лѣтъ пять тому назадъ, попала въ исторію. Ну, да вы знаете ее, Сильфида Петровна.

марья ал. Совсѣмъ нѣтъ; не знаю я никакого, ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

соб. Боже мой! онъ еще жилъ недалеко отъ Куропаткина.

марья ал. Да и Куропаткина я не знаю.

соб. Да вы послѣ припомните, дочь богачка страшная, до двухъ сотъ тысячъ приданаго и не то, чтобы съ надуваньемъ, а еще до вѣнца ломбардный билетъ въ руки.

марья ал. Что̀ жъ вы не женились?

соб. Не женился. Отецъ три дня на колѣняхъ стоялъ, упрашивалъ, и дочь не перенесла, и теперъ въ монастырѣ сидитъ.

марья ал. Почему жъ вы не женились?

соб. Да такъ какъ-то. Думаю себя: отецъ откупщикъ, родня— что̀ ни попало. Повѣрите, самому, право, было потомъ жалко. Чортъ побери, право, какъ устроенъ свѣтъ: все условія да приличія. Сколько людей уже погубили!

марья ал. Ну, да что же вамъ смотрѣть на свѣтъ? *(Въ сторону.)* Прошу покорно! Теперь всякая чушь, вылѣзшая козявка, ужъ думаетъ, что онъ аристократъ. Вотъ всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, какъ говоритъ.

соб. Ну, да нельзя, Марья Александровна, право, нельзя, все какъ то.... ну понимаете.... Станутъ говорить: «Ну, вотъ женился, чортъ знаетъ на комъ....» Да со мной, впрочемъ, всегда такія исторіи. Иной разъ, право, совсѣмъ не виноватъ, съ своей стороны рѣшительно ничего... ну, что̀ ты прикажешь дѣлать? *Говоритъ тихо).* Вѣдь вотъ по вскрытіи Невы всегда находятъ двухъ-трехъ утонувшихъ женщинъ—я ужъ только молчу, потому что въ такую

еще впутаешься исторію.... Да, любятъ; а вѣдь за что̀ бы, кажется? лицомъ нельзя сказать, чтобы очень....

марья ал. Полно, будто вы сами не знаете, что вы хороши.

соб., *усмѣхаясь*. А вѣдь вообразите, что еще какъ былъ мальчишкой, ни одна бывало не пройдетъ безъ того, чтобы не ударить пальцемъ подъ подбородокъ и не сказать: «Плутишка, какъ хорошъ!»

марья ал. *въ сторону*. Прошу покорно! Вѣдь вотъ насчетъ красоты тоже вѣдь моська совершенная, а воображаетъ, что хорошъ. *(Вслухъ)*. Ну, такъ послушайте же, Антрей Кондратьевичъ! съ вашею наружностію можно это сдѣлать. Мой сынъ влюбленъ до дурачества и воображаетъ, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли какъ-нибудь, знаете, представить ее не въ томъ видѣ, какъ-нибудь этакъ, что̀ называется немножко размарать.... Если вы, положимъ, не произведете на нее дѣйствія и она не сойдетъ съ ума отъ васъ....

соб. Марья Александровна, сойдетъ! не спорьте, сойдетъ, я голову дамъ отрубить, если не сойдетъ. Я вамъ скажу, Марья Александровна, со мной не такія были исторіи.... Вотъ еще на дняхъ....

марья ал. Ну, какъ бы то̀ ни было, сойдетъ, или не сойдетъ, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы съ нею въ связи.... и чтобы это дошло до моего сына.

соб. До вашего сына?

марья ал. Да, до моего сына.

соб. Да.

марья ал. Что: да?

соб. Ничего, я такъ сказалъ *да*.

марья ал. Развѣ вы находите, что это для васъ трудно?

соб. О, нѣтъ, ничего! Но всѣ эти влюбленные, вы не повѣрите, какія у нихъ несообразности, неумѣстныя ребячества разныя: то пистолеты, то.... чортъ знаетъ что̀ такое.... Конечно, я не то, чтобы этимъ какъ-нибудь.... но знаете, не прилично въ хорошемъ обществѣ.

марья ал. О! насчетъ этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до этого.

соб. Впрочемъ я такъ только замѣтилъ. Повѣрьте, Марья Александровна, я для васъ, если бы пришлось точно порисковать гдѣ жизнью, то съ удовольствіемъ, ей Богу, съ удовольствіемъ.... Я такъ васъ люблю, что, признаться сказать, даже совѣстно; вы подумаете быть можетъ, Богъ знаетъ что̀, а это именно одно только глубочайшее уваженіе. Ахъ вотъ, хорошо, что вспомнилъ! Я попрошу васъ, Марья Александровна, одолжить мнѣ на самое короткое время тысячонки двѣ. Чортъ его знаетъ, какая дурацкая память: одѣваясь, все думалъ, какъ бы не позабыть книжку, нарочно положилъ на столъ передъ глазами. Что̀ прикажете, все взялъ, табакерку взялъ, платокъ даже лишній взялъ, а книжка осталась на столѣ.

марья ал., *въ сторону*. Что̀ съ нимъ дѣлать? Дашь—замотаетъ, а не дашь—распуститъ по городу такую чепуху, что мнѣ никуда нельзя будетъ носа показать. И мнѣ нравится, что еще говоритъ, позабылъ книжку! Книжонка то у тебя есть, я знаю, да пуста. А нечего дѣлать, надо дать. *(Вслухъ)*. Извольте, Андрей Кондратьевичъ! обождите только здѣсь, я вамъ ихъ сейчасъ принесу.

соб. Очень хорошо, я посижу здѣсь.

марья ал., *уходя, въ сторону*. Безъ денегъ ничего, мерзавецъ, не можетъ сдѣлать.

соб. *одинъ*. Да, эти двѣ тысячи теперь мнѣ и очень пригодятся. Долговъ то я отдавать не буду—и сапожникъ подождетъ, и портной подождетъ, и Анна Ивановна тоже подождетъ,—конечно раскричится, ну да что̀ жъ дѣлать: нельзя же деньги сорить на все, съ нея довольно и любви моей, а платье, она вретъ, у нея есть. А я сдѣлаю вотъ какъ: скоро будетъ гулянье; колящонка моя хоть и новая, ну да ее всякій видѣлъ и знаетъ, а есть, говорятъ, у Юкина только что отдѣланная послѣдней моды, еще онъ даже никому не показываетъ ея. Если прибавлю эти двѣ тысячи къ моей коляскѣ, такъ я и весьма ее могу вымѣнять. Такъ я, знаете, какой задамъ тогда эффектъ! Можетъ быть, на всемъ гуляньи всего и будетъ только одна или двѣ такія коляски. Такъ обо мнѣ вездѣ заговорятъ. А между-тѣмъ нужно подумать о порученьи Марьи Александровны. Мнѣ, кажется, благоразумнѣе всего начать съ любовныхъ писемъ. Написать письмо отъ имени этой

дѣвушки, да и выронить какъ-нибудь нечаянно при немъ или позабыть на столѣ въ его комнатѣ. Конечно, можетъ выйти какъ-нибудь плохо. Да впрочемъ, что жъ? надаетъ вѣдь только тузановъ. Тузаны, конечно, больно, да все же вѣдь не до такой же степени, чтобы.... Да вѣдь я могу и удрать, и если что̀, въ спальню Марьи Александровны и прямо подъ кровать, и пусть-ка онъ оттуда меня вытащитъ! Но главное, какъ написать письмо? Смерть не люблю писать, то есть, просто, хоть зарѣжь. Чортъ его знаетъ, такъ, кажется, на словахъ все бы славно изъяснилъ, а примешься за перо—просто, какъ-будто бы кто-нибудь оплеуху далъ: конфузія, конфузія, не подымается рука, да и полно. Развѣ вотъ что̀: У меня есть кое-какія письма, еще недавно ко мнѣ присланныя; выбрать, которое получше, подскоблить фамилію, а вмѣсто ея написать другую. Что жъ, чѣмъ же это не хорошо? право! Пошарить въ карманѣ, можетъ быть, тутъ же посчастливится найти именно такое, какъ нужно. *(Вынимаетъ изъ кармана пучекъ писемъ)*.Ну, хоть бы это, напримѣръ *(читаетъ)*: «Я очинь слава Богу здарова но за немогаю отъ болѣ. Али вы душенька совсемъ позабыли. Иванъ Даниловичъ виделъ васъ душиньку въ тіатѣрѣ и то пришли бы успокоили веселостями разговора.» Чортъ возьми, кажется, правописанья нѣтъ! Нѣтъ, этимъ, я думаю, не надуешь. *(Продолжаетъ)*. «Я для васъ душинька вышила подвязку.» Ну и разносилась съ нѣжностями, что-то буколическаго много, Шатобріаномъ пахнетъ. А вотъ, можетъ быть, не будетъ ли здѣсь чего-нибудь? *(Развертываетъ другое и прищуриваетъ глазъ, стараясь разобрать)* «Лю-без-ный другъ!» Нѣтъ, это однакожъ не любезный другъ; что̀ же однакожъ? «Нѣжнѣйшій, дражайшій?» Нѣтъ, и не дражайшій, нѣтъ, нѣтъ. *(Читаетъ)* «Ме, ме, е.... рзавецъ.» Хм.! *(сжимаетъ губы)* «Если ты коварный обольститель моей невинности не отдашь задолженныя мною въ мелочную лавочку деньги, которыя я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа, *(послѣднее слово читаетъ почти сквозь зубы)* то я тебя въ полицію.» Чортъ знаетъ что̀, вотъ ужъ, просто, чортъ знаетъ что̀! Вотъ, ужъ именно ничего нѣтъ въ этомъ письмѣ. Конечно, обо всемъ можно сказать, но можно сказать благопристойно, выраженьями такими, ко-

торыя бы не оскорбляли человѣка. Нѣтъ, нѣтъ, всѣ эти письма, я вижу, какъ-то не то̀.... совсѣмъ не годятся. Надо поискать чего-нибудь сильнаго, гдѣ видѣнъ кипятокъ, кипятокъ, что̀ называютъ. А вотъ, вотъ, посмотримъ это *(читаетъ)*: «Жестокій тиранъ души моей!» А, это что-то хорошее однакожъ. «Тронься сердечной моей участью!» И преблагородно! ей Богу преблагородно! Вѣдь вотъ видно воспитанье, ужъ по началу видно, кто какъ себя поведетъ. Вотъ какъ нужно писать! Чувствительно, а между тѣмъ и человѣкъ не оскорбленъ. Вотъ это письмо я ему и подсуну. Далѣе ужъ, и читать не надо; только не знаю, какъ бы выскоблить, такъ чтобъ не было замѣтно. *(Смотритъ на подпись)*. Э, э! вотъ хорошо, даже имени не выставлено, прекрасно! это и подписать. Каково обдѣлалось дѣльцо само-собою! А вѣдь, говорятъ, наружность вздоръ: ну, не будь смазливъ, не влюбились бы въ тебя, а не влюбившись, не написали бы писемъ, а не имѣя ихъ, не зналъ бы, какъ взяться за это дѣло. *(Подходя къ зеркалу)*. Еще сегодня какъ-то опустился, а то вѣдь иной разъ точно даже что-то значительное въ лицѣ.... Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсѣмъ былъ похожъ на Багратіона. Вотъ не знаю, какъ отпустить баккенбарды: такъ ли, чтобы рѣшительно вокругъ было бахрамой, какъ говорятъ—сукномъ облитъ, или выбрить все гольемъ, а подъ губой завести что-нибудь, а?

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪѢЗДЪ

ПОСЛѢ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ НОВОЙ КОМЕДІИ.

Сѣни театра. Съ одной стороны видны лѣстницы, ведущія въ ложи и галлереи, по срединѣ входъ въ кресла и амфитеатръ; съ другой стороны выходъ. Слышенъ отдаленный гулъ рукоплесканій.

АВТОРЪ ПІЕСЫ (*), *выходя.* Я вырвался, какъ изъ омута! Вотъ наконецъ и крики, и рукоплесканья! весь театръ гремитъ!.... вотъ и слава! Боже, какъ бы забилось мое сердце назадъ тому лѣтъ семь, восемь! какъ бы встрепенулось все во мнѣ. Но это было давно. Я былъ тогда молодъ, дерзкомысленъ, какъ юноша. Благъ Промыслъ, недавшій вкусить мнѣ раннихъ восторговъ и хвалъ! Теперь.... Но разумный холодъ лѣтъ умудритъ хоть кого. Узнаешь наконенъ, что рукоплесканья еще немного значатъ и готовы служить всему наградой: актеръ ли постигнетъ всю тайну души и сердца человѣка, танцоръ ли добьется умѣнья выводить вензеля ногами, фокусникъ ли — всѣмъ имъ гремитъ рукоплесканье! Голова ли думаетъ, сердце ли чувствуетъ, звучитъ ли глубина души, работаютъ ли ноги, или руки перевертываютъ стаканы—все покрывается равными плесками. Нѣтъ, ни рукоплес-

(*) Само собою разумѣется, что авторъ піесы лицо идеальное. Въ немъ изображено положеніе комика въ обществѣ, комика, избравшаго предметомъ своимъ осмѣяніе злоупотребленій въ кругу различныхъ сословій и должностей.

каній я бы теперь желалъ: я бы желалъ теперь вдругъ переселиться въ ложи, въ галлереи, въ кресла, въ раекъ, проникнуть всюду, услышать всѣхъ мнѣнія и впечатлѣнія, пока они еще дѣвственны и свѣжи, пока еще не покорились толкамъ и сужденьямъ знатоковъ и журналистовъ, пока каждый подъ вліяніемъ своего собственнаго суда. Мнѣ это нужно: я комикъ. Всѣ другія произведенія и роды подлежатъ суду немногихъ, одинъ комикъ подлежитъ суду всѣхъ; надъ нимъ всякій зритель имѣетъ право, всякаго званія человѣкъ уже становится судьей его. О, какъ бы хотѣлъ я, чтобы каждый указалъ мнѣ мои недостатки и пороки! Пусть даже посмѣется надо мною, пусть недоброжелательство правитъ устами его, пристрастье, негодованье, ненависть, все, что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не можетъ безъ причины произнестись слово, и вездѣ можетъ зарониться искра правды. Тотъ, кто рѣшился указать смѣшныя стороны другимъ, тотъ долженъ разумно принять указанья слабыхъ и смѣшныхъ собственныхъ сторонъ. Попробую, останусь здѣсь въ сѣняхъ во все время разъѣзда. Нельзя, чтобы не было толковъ о новой піесѣ. Человѣкъ подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія всегда живъ и спѣшитъ имъ подѣлиться съ другимъ. *(Отходитъ въ сторону; показывается нѣсколько прилично одѣтыхъ людей; одинъ говоритъ обращаясь къ другому).* Выйдемъ лучше теперь. Играться будетъ незначительный водевиль. *(Оба уходятъ.)*

Два COMME IL FAUT. *плотнаго свойства, сходятъ съ лѣстницы.*

ПЕРВЫЙ COMME IL FAUT. Хорошо, если бы полиція недалеко отогнала мою карету. Какъ зовутъ эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

ВТОРОЙ COMME IL FAUT. Нѣтъ, а очень недурна.

ПЕРВ. COMME IL FAUT. Да, недурна; но все чего-то еще нѣтъ. Да, рекомендую: новый ресторанъ вчера намъ подалъ свѣжій зеленый горохъ, *(цѣлуетъ концы пальцевъ)* прелесть! *(Уходятъ оба.)*

Бѣжитъ ОФИЦЕРЪ, *другой удерживаетъ его за руку.*

ПЕРВ. ОФИЦЕРЪ. Да останемся!

ДРУГ. ОФИЦЕРЪ. Нѣтъ, братъ, на водевиль и калачомъ не

заманишь. Знаемъ мы эти піесы, которыя даются на закуску: лакеи вмѣсто актеровъ, а женщины—уродъ на уродѣ. *(Уходятъ.)*

СВѢТСКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ, *щеголевато одѣтый, сходя съ лѣстницы.* Плутъ портной, претѣсно сдѣлалъ мнѣ панталоны, все время было страхъ неловко сидѣть! За то я намѣренъ еще проволочить его, и годика два не заплачу долговъ. *(Уходитъ.)*

ТОЖЕ СВ. ЧЕЛ., *поплотнѣе, говоритъ съ живостью другому.* Никогда, никогда, повѣрь мнѣ, онъ съ тобою не сядетъ играть. Меньше какъ по полутораста рублей роберъ онъ не играетъ. Я знаю это хорошо, потому что шуринъ мой, Пафнутьевъ, всякій день съ нимъ играетъ.

АВТОРЪ ПІЕСЫ, *про-себя.* И все еще ни слова о комедіи!

ЧИНОВНИКЪ СРЕДНИХЪ ЛѢТЪ, *выходя съ растопыренными руками.* Это, просто, чортъ знаетъ что̀ такое! Этакое... этакое!.. это ни на что не похоже! *(Ушелъ.)*

ГОСПОДИНЪ, НѢСКОЛЬКО БЕЗЗАБОТНЫЙ НАСЧЕТЪ ЛИТЕРАТУРЫ, *обращаясь къ другому.* Вѣдь это, однакожъ, кажется, переводъ?

ДРУГОЙ. Помилуйте, что̀ за переводъ! Дѣйствіе происходитъ въ Россіи, наши обычаи и чины даже.

ГОСП. БЕЗЗ. НАСЧЕТЪ ЛИТ. Я помню однакожъ, было что-то на французскомъ, но не совсѣмъ въ этомъ родѣ. *(Оба уходятъ.)*

ОДИНЪ ИЗЪ ДВУХЪ ЗРИТЕЛЕЙ, *тоже выходящихъ вонъ.*

Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что̀ скажутъ въ журналахъ, тогда и узнаешь.

ДВѢ БЕКЕШИ, *одна другой.*

Ну, какъ вы? Я бы желалъ знать ваше мнѣніе о комедіи.

ДРУГАЯ БЕКЕША, *дѣлая значительныя движенія губами.* Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того.... въ своемъ родѣ.... Ну, конечно, кто жъ противъ этого и стоитъ, чтобы опять не было и.... гдѣ жъ, такъ сказать... а впрочемъ... *(утвердительно сжимая губами.)* Да, да! *(Уходитъ.)*

автор, *про-себя.* Ну, эти пока еще не много сказали. Толки однакоже будутъ: я вижу, впереди горячо размахиваютъ руками.

ДВА ОФИЦЕРА.

первый. Я еще никогда такъ не смѣялся.

второй. Я полагаю, отличная комедія!

первый. Ну нѣтъ, посмотримъ еще, что̀ скажутъ въ журналахъ; надо подвергнуть суду критики.... Смотри, смотри! *(олкаетъ его подъ руку.)*

второй. Что?

первый, *указывая пальцемъ на одного изъ двухъ идущихъ съ лѣстницы.* Литераторъ!

второй, *торопливо.* Который?

первый. Вотъ этотъ! чт! послушаемъ, что̀ будутъ говорить.

второй. А другой кто съ нимъ?

первый. Не знаю; неизвѣстно какой человѣкъ. (*Оба офицера посторанииваются и даютъ имъ мѣсто.*)

неизвѣстно какой человѣкъ. Я не могу судить относительно литературнаго достоинства; но, мнѣ кажется, есть остроумныя замѣтки. Остро, остро!

литераторъ. Помилуйте, что жъ тутъ остроумнаго? что̀ за низкій народъ выведенъ, что̀ за тонъ? шутки самыя плоскія, просто, даже сально!

неизв. как. чел. А, это другое дѣло. Я и говорю: въ отношеніи литературнаго достоинства я не могу судить; я только замѣтилъ, что піеса смѣшна, доставила удовольствіе.

лит. Да и не смѣшна. Помилуйте? что̀ жъ тутъ смѣшного и въ чемъ удовольствіе? Сюжетъ невѣроятнѣйшій; все несообразности; ни завязки, ни дѣйствія, ни соображенія никакого.

неизв. как. чел. Ну да, противъ этого я не говорю ничего. Въ литературномъ отношеніи она не смѣшна; но въ отношеніи, такъ сказать, со стороны въ ней есть...

лит. Да что̀ же есть? помилуйте, и этого даже нѣтъ. Ну что̀ за разговорный языкъ, кто говоритъ этакъ въ высшемъ обществѣ? Ну, скажите сами, ну, говоримъ ли мы съ вами этакъ?

неизв. как. чел. Это правда; это вы очень тонко замѣтили. Именно, я вотъ самъ про это думалъ: въ разговорѣ благородства нѣтъ. Всѣ лица, кажется, какъ-будто не могутъ скрыть низкой природы своей—это правда.

лит. Ну, а вы еще хвалите!

неизв. как. чел. Кто жъ хвалитъ? я не хвалю. Я самъ теперь вижу, что піеса вздоръ. Но вѣдь вдругъ нельзя этого узнать; я не могу судить въ литературномъ отношеніи. *(Оба уходятъ.)*

еще литераторъ, *входитъ въ сопровожденіи слушателей, которымъ говоритъ, размахивая руками.* Повѣрьте мнѣ, я знаю это дѣло: отвратительная піеса! грязная, грязная піеса! Нѣтъ ни одного лица истиннаго, все каррикатуры! Въ натурѣ нѣтъ этого, повѣрьте мнѣ, нѣтъ, я лучше это знаю: я самъ литераторъ. Говорятъ: живость, наблюденіе... да вѣдь все вздоръ, это всё пріятели, пріятели хвалятъ, все пріятели! Я уже слышалъ, что его чуть не въ Фонвизины суютъ, а піеса, просто, недостойна даже быть названа комедіей. Фарсъ, фарсъ, да и фарсъ самый неудачный! Послѣдняя, пустѣйшая комедійка Коцебу въ сравненіи съ нею Монбланъ передъ Пулковскою горою! Я это имъ всѣмъ докажу, докажу математически, какъ дважды два. Просто, друзья и пріятели захвалили его не въ мѣру, такъ вотъ онъ ужъ теперь, чай, думаетъ о себѣ, что онъ чуть-чуть не Шекспиръ! У насъ всегда пріятели захвалятъ. Вотъ, напримѣръ, и Пушкинъ. Отчего вся Россія теперь говоритъ о немъ? Всё пріятели кричали, кричали, а потомъ вслѣдъ за ними и вся Россія стала кричать. *(Уходитъ вмѣстѣ съ слушателями.)*

оба офицера *подаются впередъ и занимаютъ ихъ мѣста.*

первый. Это справедливо, это совершенно справедливо: именно фарсъ; я это и прежде говорилъ, глупый фарсъ, поддержанный пріятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотрѣть.

второй. Да вѣдь ты же говорилъ, что еще никогда такъ не смѣялся?

первый. А это опять другое дѣло. Ты не понимаешь, тебѣ надо растолковать. Тутъ что̀ въ этой піесѣ? Во первыхъ завязки

никакой, дѣйствія тоже нѣтъ, соображенья рѣшительно никакого; все невѣроятности и притомъ все каррикатуры.

ДВОЕ ДРУГИХЪ ОФИЦЕРОВЪ *позади.*

ОДИНЪ, *другому.* Кто это разсуждаетъ? Кажется изъ ващихъ? *Другой, заглянувъ съ боку въ лицо разсуждавшаго, махнулъ рукой.*

ПЕРВЫЙ. Что̀, глупъ?

ВТОРОЙ. Нѣтъ, не то чтобы.... У него есть умъ, но сейчасъ по выходѣ журнала, а запоздала выходомъ книжка—и въ головѣ ничего. Но однакожъ пойдемъ. (*Уходятъ.*)

ДВА ЛЮБИТЕЛЯ ИСКУССТВЪ.

ПЕРВЫЙ. Я вовсе не изъ числа тѣхъ, которые прибѣгаютъ только къ словамъ: грязная, отвратительная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное дѣло, что такія слова бо̀льшею частью исходятъ изъ устъ тѣхъ, которые сами очень сомнительнаго тона, толкуютъ о гостинныхъ, а допускаются только въ переднія, но не объ нихъ рѣчь. Я говорю насчетъ того, что въ піесѣ точно нѣтъ завязки.

ВТОРОЙ. Да если принимать завязку въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно принимаютъ, то есть, въ смыслѣ любовной интриги, такъ ея точно нѣтъ. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сихъ поръ на эту вѣчную завязку. Сто̀итъ оглядѣться пристально вокругъ. Все измѣнилось давно въ свѣтѣ. Теперь сильнѣй завязываетъ драму стремленіе достать выгодное мѣсто, блеснуть и затмить, во что̀ бы ни стало, другого, отмстить за пренебреженье, за насмѣшку. Не болѣе ли теперь имѣютъ электричества чинъ, денежный капиталъ, выгодная женитьба, чѣмъ любовь?

ПЕРВЫЙ. Все это хорошо; но и въ этомъ отношеній все-таки я не вижу въ піесѣ завязки.

ВТОРОЙ. Я не буду теперь утверждать, есть ли въ піесѣ завязка, или нѣтъ. Я скажу только, что̀ вообще ищутъ частной завязки и не хотятъ видѣть общей. Люди простодушно привыкли

уже въ этимъ безпрестаннымъ любовникамъ, безъ женитьбы которыхъ никакъ не можетъ окончиться піеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? точно узелокъ на уголкѣ платка. Нѣтъ, комедія должна вязаться сама собю, всей своей массою, въ одинъ большой, общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два, коснуться того, что̀ волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйсвующихъ. Тутъ всякій герой; теченіе и ходъ піесы производитъ потрясеніе всей машины: ни одно колесо не должно оставаться, какъ ржавое и невходящее въ дѣло.

ПЕРВЫЙ. Но всѣ не могутъ же быть героями; одинъ или два должны управлять другими?

ВТОРОЙ. Совсѣмъ не управлять, а развѣ преобладать. И въ машинѣ одни колеса замѣтнѣй и сильнѣй движутся, ихъ можно только назвать главными; но правитъ піесою идея, мысль. Безъ нея нѣтъ въ ней единства. А завязать можетъ все: самый ужасъ, страхъ ожиданія, гроза идущаго вдали закона....

ПЕРВЫЙ. Но это выходитъ ужъ придавать комедіи какое-то значеніе, болѣе общее.

ВТОРОЙ. Да развѣ это не есть ея прямое и настоящее значеніе? Въ самомъ началѣ комедія была уже общественнымъ, народнымъ созданіемъ. По крайней мѣрѣ такою показалъ ее самъ отецъ ея, Аристофанъ. Послѣ уже она вошла въ узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ходъ, одну и ту же непремѣнную завязку. За то, какъ слаба эта завязка у самыхъ лучшихъ комиковъ, какъ ничтожны эти театральные любовники съ ихъ картонной любовью!

ТРЕТІЙ, *подходя и слегка ударивъ второго по плечу.* Ты не правъ: любовь такъ же, какъ и другія чувства, можетъ тоже войти въ комедію.

ВТОРОЙ. Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но и любовь и всѣ другія чувства, болѣе возвышенныя, тогда только произведутъ высокое впечатлѣніе, когда будутъ развиты во всей глубинѣ. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всѣмъ прочимъ. Все то̀, что̀ составляетъ именно сторону комедіи, тогда уже поблѣднѣетъ, и значеніе комедіи общественной непремѣнно исчезаетъ.

ТРЕТІЙ. Стало быть, предметомъ комедіи должно быть непремѣнно низкое? Комедія выйдетъ уже низкій родъ.

ВТОРОЙ. Для того, кто будетъ глядѣть на слова, а не вникать въ смыслъ, это такъ. Но развѣ положительное и отрицательное не можетъ служить той же цѣли? Развѣ комедія и трагедія не могутъ выразить ту же высокую мысль? Развѣ все, до малѣйшей излучины души подлаго и безчестнаго человѣка, не рисуетъ уже образъ честнаго человѣка? Развѣ все это накопленіе низостей, отступленіе отъ законовъ и справедливости, не даетъ уже знать, чего требуютъ отъ насъ законъ, долгъ и справедливость? Въ рукахъ искуснаго медика и холодная и горячая вода лечатъ съ равнымъ успѣхомъ однѣ и тѣ же болѣзни. Въ рукахъ таланта все можетъ служить орудіемъ къ прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Что̀ можетъ послужить прекрасному? и о чемъ у васъ толки?

ПЕРВЫЙ. Споръ завязался у насъ о комедіи. Мы всѣ говоримъ о комедіи вообще, а никто еще не сказалъ ничего о новой комедіи. Что вы скажете?

ЧЕТВЕРТЫЙ. А вотъ что̀ скажу: виденъ талантъ, наблюденіе жизни, много смѣшного, вѣрнаго, взятаго съ натуры; но вообще во всей піесѣ чего-то нѣтъ. Какъ-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никакъ не могутъ обойтись безъ того, чтобы не вмѣшивать начальствъ. Безъ нихъ у насъ не развяжется ни одна комедія.

ТРЕТІЙ. Это правда. А впрочемъ, съ другой стороны это очень естественно. Мы всѣ принадлежимъ правительству, всѣ почти служимъ; интересы всѣхъ насъ болѣе или менѣе соединены съ правительствомъ. Стало быть, не мудрено, что это отражается въ созданьяхъ нашихъ писателей.

ЧЕТВЕРТЫЙ. Такъ. Ну, и пусть эта связь будетъ слышна. Но смѣшно то̀, что піеса никакъ не можетъ кончиться безъ того, чтобъ не вмѣшивать начальства. Оно непремѣнно явится, точно неизбѣжный рокъ въ трагедіяхъ у древнихъ.

ВТОРОЙ. Ну, видите: стало быть, это уже что-то невольное у нашихъ комиковъ. Стало быть, это составляетъ какой-то отличи-

тельный характеръ нашей комедіи. Въ груди нашей заключается какая-то тайная вѣра въ правительство. Что жъ? тутъ нѣтъ ничего дурного: дай Богъ, чтобъ правительство всегда и вездѣ слышало призваніе свое—быть представителемъ Провидѣнья на землѣ, и чтобы мы вѣровали въ него, какъ древніе вѣровали въ рокъ настигавшій преступленія.

пятый. Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово «правительство.» Комедія возбудила крики и толки....

второй. Поговоримте лучше объ толкахъ и крикахъ у меня чѣмъ здѣсь, въ театральныхъ сѣняхъ. *(Уходитъ.)*

нѣсколько почтенныхъ и прилично одѣтыхъ людей *появляются одинъ за другимъ.*

№ 1.

Такъ, такъ, я вижу: это вѣрно, это есть у насъ и случается въ иныхъ мѣстахъ и похуже; но для какой цѣли, къ чему приведетъ это? вотъ вопросъ! Зачѣмъ эти представленія? какая польза отъ нихъ? вотъ что̀ разрѣшите мнѣ! Что̀ мнѣ нужды знать, что въ такомъ-то мѣстѣ есть плуты? Я просто.... я не понимаю надобности подобныхъ представленій. *(Уходитъ.)*

№ 2.

Нѣтъ, это не осмѣяніе пороковъ; это отвратительная насмѣшка надъ Россіею—вотъ что̀. Это значитъ выставитъ въ дурномъ видѣ самыя начальства. Просто, даже не слѣдуетъ дозволять такихъ представленій. *(Уходитъ.)*

Входятъ господинъ а. и господинъ б., *люди немаловажныхъ чиновъ.*

господинъ а. Я не насчетъ этого говорю; напротивъ, злоупотребленія намъ надо показывать; надо, чтобы мы видѣли свои проступки; и я ничуть не раздѣляю мнѣній многихъ, черезъ-чуръ разгорячившихся патріотовъ; но только мнѣ кажется, что не слишкомъ ли много здѣсь чего-то печальнаго....

господинъ б. Я бы очень хотѣлъ, чтобы вы услышали замѣчаніе одного, очень скромно одѣтаго человѣка, который сидѣлъ подлѣ меня въ креслахъ.... Ахъ, вотъ онъ самъ!

госп. а. Кто?

госп. б. Именно этотъ, очень скромно одѣтый человѣкъ. *(Обращаясь къ нему)*. Мы съ вами не кончили разговора, котораго начало было такъ для меня интересно.

очень скромно одѣтый человѣкъ. А я, признаюсь, очень радъ продолжать его. Сейчасъ только я слышалъ толки, именно: что это все неправда, что это насмѣшка надъ нашими обычаями, и что этого не слѣдуетъ вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю пiесу. И признаюсь, выраженiе комедiи показалась мнѣ теперь еще даже значительнѣй: въ ней, какъ мнѣ кажется, сильнѣй и глубже всего поражено смѣхомъ лицемѣрiе, благопристойная маска, подъ которою является низость и подлость, плутъ, корчащiй рожу благонамѣреннаго человѣка. Признаюсь, я чувствовалъ радость, видя, какъ смѣшны благонамѣренныя слова въ устахъ плута, и какъ уморительно смѣшна стала всѣмъ, отъ креселъ до райка, надѣтая имъ маска; и послѣ этого есть люди, которые говорятъ, что не надо выводить этого на сцену. Я слышалъ одно замѣчанiе, сдѣланное, какъ мнѣ показалось, впрочемъ, довольно порядочнымъ человѣкомъ: «А что̀ скажетъ народъ, когда увидитъ, что у насъ бываютъ вотъ какiя злоупотребленiя?»

госп. а. Признаюсь, вы извините меня, но мнѣ самому тоже невольно представился вопросъ; а что̀ скажетъ народъ нашъ, глядя на все это?

оч. скр. од. чел. Что скажетъ народъ? *(Посторанивается, проходятъ двое въ армякахъ)*.

синiй армякъ сѣрому. Не бось, прыткiе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа! *(Оба выходятъ вонъ.)*

оч. скр. од. чел. Вотъ что̀ скажетъ народъ, вы слышали?

госп. а. Что̀?

оч. скр. од. чел. Скажетъ: «не бось, прыткiе были воеводы, а всѣ поблѣднѣли, когда пришла царская расправа!» Слышите ли вы, какъ вѣренъ естественному чутью и чувству человѣкъ? Какъ вѣренъ самый простой глазъ, если онъ не отуманенъ теорiями и мыслями, надерганными изъ книгъ, а черпаетъ ихъ изъ самой

природы человѣка? Да развѣ это не очевидно ясно, что послѣ такого представленія народъ получитъ болѣе вѣры въ правительство? Да, для него нужны такія представленія. Пусть видитъ онъ, что злоупотребленія происходятъ не отъ правительства, а отъ непонимающихъ требованій правительства, отъ нехотящихъ отвѣтствовать правительству. Пусть онъ видитъ, что благородно правительство, что бдитъ равно надъ всѣми его недремлющее око, что рано или поздно настигнетъ оно измѣнившихъ закону, чести и святому долгу человѣка; что поблѣднѣютъ передъ нимъ имѣющіе нечистую совѣсть. Да, эти представленія ему должно видѣть; повѣрьте, что если и случится ему испытать на себѣ прижимки и несправедливости, онъ выйдетъ утѣшенный послѣ такого представленія съ твердой вѣрой въ недремлющій, высшій законъ. Мнѣ нравится тоже еще замѣчаніе: «Народъ получитъ дурное мнѣніе о своихъ начальникахъ.» То есть, они воображаютъ, что народъ только здѣсь, въ первый разъ, въ театрѣ, увидитъ своихъ начальниковъ; что если дома какой-нибудь плутъ-староста сожметъ его въ лапу, такъ этого онъ никакъ не увидитъ, а вотъ какъ пойдетъ въ театръ, такъ тогда и увидитъ. Они, право, народъ нашъ считаютъ глупѣе бревна, глупымъ до такой степени, что будто уже онъ не въ силахъ отличить, который пирогъ съ мясомъ, а который съ кашей. Нѣтъ, теперь, мнѣ кажется, даже хорошо то, что не выведенъ на сцену честный человѣкъ. Самолюбивъ человѣкъ. Выстави ему при множествѣ дурныхъ сторонъ одну хорошую, онъ уже гордо выйдетъ изъ театра. Нѣтъ, хорошо, что выставлены одни только исключенія и пороки, которые колютъ теперь до того глаза, что не хотятъ быть ихъ соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это можетъ быть.

ГОСП. А. Но неужели однакожъ существуютъ у насъ точь-въ-точь такіе люди?

ОЧ. СКР. ОД. ЧЕЛ. Позвольте мнѣ сказать вамъ на это вотъ что: я не знаю, почему мнѣ всякій разъ становится грустно, когда слышу подобный вопросъ. Я могу съ вами говорить откровенно: въ чертахъ лицъ вашихъ я вижу что-то такое, что̀ располагаетъ меня къ откровенности. Человѣкъ прежде всего дѣлаетъ вопросъ: «Неужели существуютъ такіе люди?» Но когда было видано, что-

бы человѣкъ сдѣлалъ такой вопросъ: «Неужели я самъ чистъ вовсе отъ такихъ пороковъ?» Никогда, никогда! Да вотъ что, я буду съ вами говорить прямодушно. У меня доброе сердце, любви много въ моей груди, но если бы вы знали, какихъ душевныхъ усилій и потрясеній мнѣ стоило, чтобы не впасть во многія порочныя наклонности, въ которыя впадешь невольно, живя съ людьми! И какъ я могу сказать теперь, что во мнѣ нѣтъ сію же минуту тѣхъ самыхъ наклонностей, которымъ только что посмѣялись назадъ тому десять минутъ всѣ, и надъ которыми я самъ посмѣялся!

госп. а., *послѣ нѣкотораго молчанія.* Признаюсь, надъ словами вашими призадумаешься. И когда я вспомню, представлю себѣ, какъ гордыми сдѣлало насъ европейское наше воспитаніе, вообще какъ скрыло насъ отъ самихъ себя, какъ свысока и съ какимъ презрѣніемъ глядимъ мы на тѣхъ, которые не получили подобной намъ наружной полировки, какъ всякій изъ насъ ставитъ себя чуть не святымъ, о дурномъ говоритъ вѣчно въ третьемъ лицѣ,—то, признаюсь, невольно становится грустно душѣ.... Но простите мою нескромность, вы, впрочемъ, виноваты въ ней сами: позвольте узнать, съ кѣмъ я имѣю удовольствіе говорить?

оч. скр. од. чел. А я, ни болѣе, ни менѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ чиновникъ, въ должности которыхъ выведены были лица комедіи, и третьяго дня только пріѣхалъ изъ своего городка.

госп. а. Я бы этого не могъ думать. И неужели вамъ не кажется послѣ этого обидно жить и служить съ такими людьми?

оч. скр. од. чел. Обидно? А вотъ что̀ я вамъ скажу на это: признаюсь, мнѣ приходилось часто терять терпѣнье. Въ городкѣ нашемъ не всѣ чиновники изъ честнаго десятка; часто приходится лѣзть на стѣну, чтобы сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло. Уже нѣсколько разъ хотѣлъ было я бросить службу; но теперь, именно послѣ этого представленія, я чувствую свѣжесть и вмѣстѣ новую силу продолжать свое поприще. Я утѣшенъ уже мыслью, что подлость у насъ не останется скрытою, или потворствуемой, что тамъ, въ виду всѣхъ благородныхъ людей, она поражена осмѣяніемъ, что есть перо, которое не укоснитъ обнаружить низкія наши движенія, хотя это и не льститъ національной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое дозволитъ по-

казать это всѣмъ, кому слѣдуетъ, въ очи, и ужъ это одно даетъ мнѣ рвеніе продолжать мою полезную службу.

госп. а. Позвольте сдѣлать вамъ одно предложеніе. Я занимаю государственную должность, довольно значительную. Мнѣ нужны истинно благородные и честные помощники. Я вамъ предлагаю мѣсто, гдѣ вамъ будетъ обширное поле дѣйствія, гдѣ вы получите несравненно болѣе выгодъ и будете на виду.

оч. скр. од. чел. Позвольте мнѣ отъ души и отъ всего сердца поблагодарить васъ за такое предложеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ позвольте отказаться отъ него. Если я уже чувствую, что полезенъ своему мѣсту, то благородно ли съ моей стороны его бросить? И какъ я могу оставить его, не будучи увѣренъ твердо, что послѣ меня не сядетъ какой-нибудь молодецъ, который начнетъ дѣлать прижимки. Если же это предложеніе сдѣлано вами въ видѣ награды, то позвольте сказать вамъ: я аплодировалъ автору піесы наравнѣ съ другими, но я не вызвалъ его. Какая ему награда? Піеса понравилась — хвали ее, а онъ — онъ только выполнилъ долгъ свой. У насъ, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь подвига, но просто, если только иной не нагадитъ никому въ жизни и на службѣ, то уже считаетъ себя Богъ вѣсть какимъ добродѣтельнымъ человѣкомъ; сердится серьезно, если не замѣчаютъ и не награждаютъ его. «Помилуйте», говоритъ: «я цѣлый вѣкъ честно жилъ, совсѣмъ почти не дѣлалъ подлостей,—какъ же мнѣ не даютъ ни чина, ни ордена?» Нѣтъ, по мнѣ, кто не въ силахъ быть благороднымъ безъ поощренія — не вѣрю я его благородству, не стоитъ гроша его мышиное благородство.

госп. а. По крайней мѣрѣ вы мнѣ не откажете въ вашемъ знакомствѣ. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть слѣдствіе моего искренняго уваженія. Дайте мнѣ вашъ адресъ.

оч. скр. од. чел. Вотъ вамъ мой адресъ; но будьте увѣрены что я не допущу васъ имъ воспользоваться и завтра же поутру явлюсь къ вамъ. Извините меня, я не воспитанъ въ большомъ свѣтѣ и не умѣю говорить.... Но встрѣтить такое великодушное вниманіе въ государственномъ человѣкѣ, такое стремленіе къ доб-

ру... дай Богъ, чтобы вездѣ было побольше такихъ людей! *(Поспѣшно уходитъ.)*

госп. а., *переворачивая въ рукахъ карточку.* Я смотрю на эту карточку и на эту неизвѣстную мнѣ фамилію, и какъ-то полно становится на душѣ моей. Это, въ началѣ грустное впечатлѣніе разсѣялось само-собою. Да хранитъ тебя Богъ, наша малознаемая нами Россія! Въ глуши, въ забытомъ углу твоемъ, скрывается подобный перлъ, и, вѣроятно, онъ не одинъ. Они какъ искры золотой руды разсыпаны среди грубыхъ и темныхъ ея гранитовъ. Есть глубоко утѣшительное чувство въ этомъ явленіи, и душа моя освѣтилась послѣ встрѣчи съ этимъ чиновникомъ, какъ освѣтилась его собственная послѣ представленія комедіи. Прощайте! Благодарю васъ, что вы доставили мнѣ эту встрѣчу. *(Уходитъ.)*

госп. в., *подходя къ господину* б. Кто это былъ съ вами? кажется, онъ министръ, а?

госп. п., *подходя съ другой стороны.* Помилуй, братецъ, ну, что это такое, какъ же это въ самомъ дѣлѣ!..

госп. б. Что?

госп. п. Ну, какъ же выводить это?

госп. б. Почему же нѣтъ?

госп. п. Ну, да самъ посуди ты: ну, какъ же, право. Все пороки, да пороки; ну, какой примѣръ подастъ это зрителямъ?

госп. б. Да развѣ пороки хвалятся? Вѣдь они же выведены на осмѣяніе.

госп. п. Ну, да все, братъ, какъ ни говори: уваженье... вѣдь чрезъ это теряется уваженье къ чиновникамъ и должностямъ.

госп. б. Уваженіе не теряется ни къ чиновникамъ, ни къ должностямъ, а къ тѣмъ, которые скверно исполняютъ свои должности.

госп. в. Но позвольте однакоже замѣтить, все это нѣкоторымъ образомъ есть уже оскорбленіе, которое болѣе или менѣе распространяется на всѣхъ.

госоп. п. Именно. Вотъ это я самъ хотѣлъ ему замѣтить. Это именно оскорбленіе, которое распространяется. Теперь, напримѣръ, выведутъ какого-нибудь титулярнаго совѣтника, а потомъ... э... пожалуй выведутъ... и дѣйствительнаго статскаго совѣтника!

госп. б. Такъ что̀ жъ? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумалъ собственное лицо и придалъ ему кое-какіе пороки, какіе случаются между нами, и далъ ему чинъ, какой мнѣ вздумалось, хоть бы даже и дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и сказалъ, что этотъ дѣйствительный статскій совѣтникъ не таковъ, какъ слѣдуетъ: что̀ жъ тутъ такого? Развѣ не попадается гусь и между дѣйствительными статскими совѣтниками?

госп. п. Ну, ужъ, братъ, это слишкомъ! Какъ же можетъ быть гусь дѣйствительный статскій совѣтникъ? Ну, пусть еще титулярный... Нѣтъ, ты ужъ слишкомъ.

госп. в. Чѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставлять хорошее, достойное подражанія?

госп. б. Зачѣмъ? странный вопросъ: зачѣмъ? Много можно сдѣлать этакихъ «зачѣмъ.» Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ лазаретъ, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни? за чѣмъ онъ это сдѣлалъ?

госп. в. Но позвольте вамъ замѣтить: это уже нѣкоторымъ образомъ наши общественныя раны, которыя надо скрывать, а не показывать.

госп. п. Это правда. Я съ этимъ совершенно согласенъ. У насъ дурное надо скрывать, а не показывать.

госп. б. Если бы слова эти были сказаны кѣмъ другимъ, а не вами, я бы сказалъ, что ими водило лицемѣріе, а не истинная любовь къ отечеству. По вашему, нужно бы только закрыть, залечить какъ-нибудь снаружи эти, какъ вы называете, общественныя раны, лишь бы только покамѣсть онѣ не были видны, а внутри пусть свирѣпствуетъ болѣзнь, до того нѣтъ нужды. Вы не хотите знать того, что безъ глубокой сердечной исповѣди, безъ христіанскаго сознанія грѣховъ своихъ, безъ преувеличенія ихъ въ собственныхъ глазахъ нашихъ, не въ силахъ мы возвыситься надъ ними, не въ силахъ возлетѣть душой превыше презрѣннаго въ жизни. Вы не хотите знать этого! Пусть глухъ остается человѣкъ, пусть сонно переходитъ жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачетъ въ глубинѣ сердца, пусть низведетъ до такого усы-

ленья свою душу, чтобы уже ничто не произвело въ ней потрясенія! Нѣтъ... простите меня! Холодный эгоизмъ движетъ устами произносящими такія рѣчи, а не святая, чистая любовь къ человѣчеству. *(Уходитъ.)*

госп. п., *послѣ нѣкотораго молчанія.* Что жъ ты молчишь? каковъ? чего не наговорилъ, а?

госп. в. *молчитъ.*

госп. п., *продолжая.* Онъ можетъ себѣ говорить, что̀ ему угодно, а вѣдь это все наши, такъ сказать, раны.

госп. в., *въ сторону.* Ну, попались ему на языкъ эти раны! Будетъ онъ толковать о нихъ и встрѣчному, и поперечному!

госп. п. Этакъ, пожалуй, и я могу насказать кучу всего, да вѣдь что̀ жъ изъ этого?.. А вотъ князь N. Послушай, князь, не уходи!

князь N. А что̀?

госп. п. Ну, потолкуемъ, остановись! ну, что̀, какъ піеса?

кн. N. Да, смѣшна.

госп. п. Ну, однакожъ скажи: какъ это представлять? на что̀ это похоже...

кн. N. Почему жъ не представлять?

госп. п. Ну, да посуди самъ, ну, да какъ же это: вдругъ на сценѣ плутъ,—вѣдь это все наши раны.

кн. N. Какія раны?

госп. п. Да, это раны, наши, такъ сказать, общественныя раны.

кн. N., *съ досадою.* Возьми ихъ себѣ. Пусть онѣ будутъ твои, а не мои раны! Что ты мнѣ ихъ тычешь, мнѣ пора домой! *(Уходитъ.)*

госп. п., *продолжая.* И потомъ опять, что̀ за чепуху онъ наговорилъ здѣсь? Говоритъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ можетъ быть гусь. Ну, еще пусть титулярный, это можно допустить...

госп. в. Однакожъ пойдемъ, полно толковать; я думаю, всѣ проходящіе узнали уже, что ты дѣйствительный статскій совѣтникъ. *(Въ сторону.)* Есть люди, которые имѣютъ искусство все исказить. Твою же мысль, повторивши, они умѣютъ сдѣлать столь

пошлою, что самъ краснѣешь. Скажешь глупость, она бы, можетъ быть, такъ и проскользнула незамѣченной,—нѣтъ, отыщется поклонникъ и пріятель, который непремѣнно пуститъ ее въ ходъ и сдѣлаетъ еще глупѣе, чѣмъ она есть. Даже досадно право, точно въ грязь посадилъ. *(Уходитъ).*

ВОЕННЫЙ И СТАТСКІЙ *выходятъ вмѣстѣ.*

СТАТСКІЙ. Вѣдь вотъ вы какіе, господа военные! Вы говорите, это надо выводить на сцену, вы готовы вдоволь посмѣяться надъ какимъ-нибудь статскимъ чиновникомъ, а затронь какъ-нибудь военныхъ, скажи только, что есть въ такомъ-то полку офицеры, не говоря уже о прочихъ наклонностяхъ, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, съ неприличными ухватками, — да вы изъ одного этого готовы съ жалобой полѣзть въ самый государственный совѣтъ.

ВОЕННЫЙ. Ну, послушайте: за кого вы меня считаете? Конечно, есть между нами такіе Донкихоты; но повѣрьте также, что есть много истинно-разсудительныхъ людей, которые будутъ рады всегда, если будетъ выведенъ на всеобщее осмѣяніе порочащій свое званіе. Да и въ чемъ здѣсь обида? Подавайте, подавайте намъ его, мы всякій день готовы смотрѣть.

СТАТСКІЙ *въ сторону.* Этакъ всегда кричитъ человѣкъ: подавайте! подавайте! а подашь—такъ и разсердятся. *(Уходятъ.)*

ДВѢ БЕКЕШИ.

ПЕРВАЯ БЕКЕША. У Французовъ тоже напримѣръ; но у нихъ все это очень мило. Ну, вотъ, помнишь, во вчерашнемъ водевилѣ: раздѣвается, ложится въ постель, и проч. Оно, конечно, не скромно, но мило. На все это можно смотрѣть, это не оскорбляетъ... У меня жена и дѣти всякій день въ театрѣ. А здѣсь, ну что̀ это, право: какой-нибудь мерзавецъ, мужикъ, котораго бы я въ переднюю не пустилъ, развалится съ сапогами, зѣваетъ или ковыряетъ въ зубахъ, ну что̀ это право, на что̀ это похоже?

ДРУГАЯ БЕКЕША. У Французовъ другое дѣло. Тамъ société, mon cher! У насъ это невозможно. У насъ вѣдь сочинители совер-

писать. Ишь ты, какія каракульки! Тутъ гдѣ-нибудь должно быть A B C, я ужъ знаю: меня было начиналъ учить одинъ церковникъ.

турнилъ вульфингу. Я думаю, нѣтъ мудрѣе науки, какъ письмо. Попы все таки прочтутъ.

брифринъ, *обращаясь къ Киссѣ*. Высокородный танъ, прочти ка; ты, вѣрно, знаешь.

кисса. Поди прочь, я тебѣ не попъ.

гунтингъ. Давай, я прочту.

турнилъ. Кто онъ?

вульфингъ. Не знаю.

голосъ. Это, видишь, тотъ, что былъ школьнымъ учителемъ. Да теперь Датчане разорили школу.

(гунтингъ) *читаетъ*. «Да будетъ вѣдомо: Schirgemot Агельмостангъ, въ графствѣ Герсфордъ, во время царствованія Этельредагд...»

(голосъ.) А, при покойномъ королѣ! храбрый былъ король всю жизнь бился съ этими морскими Датчанами.

(гунтингъ) *продолжаетъ*. «Гдѣ засѣдали: Дунстанъ епископъ, Кеорликъ альдерманъ, Варвикъ, его сынъ, и Эсквинъ, сынъ Центвина, и Турнилъ косоглазый, какъ коммиссары короля, засѣдали...»

вульфингъ. Слышишь, Турнилъ? это ты!

турнилъ. Развѣ я косоглазый?

(гунтингъ) *продолжаетъ*. «Въ присутствіи Брининга шерифа, Ательварда де Фрома, Леофгега де Фрома чернаго, Гадрига де Штока и всѣхъ тановъ графства Герсфорта, Кудредъ, сынъ Эгвиновъ представилъ суду противъ высокороднаго графа и тана королевскаго, въ томъ, что якобы онъ, Кудредъ, отъ него высокороднаго графа Этельбальда...»

въ народѣ *крикъ и давка*. Пусти, пусти! Куда теперь... Батюшки, батюшки, тресну! со всѣхъ сторонъ придавили.

высокій *болтаетъ вверху руками*. Что эти бабы лѣзутъ, желалъ (бы я знать)!

брифринъ. Чего народъ лѣзетъ! *(Продирается.)*

(кто-то въ толпѣ.) Да взбѣленился просто: никого нѣтъ. Какой-то дуракъ пронесъ опять, что корабль короля...

КУДРЕДЪ, *кричитъ*. Бумагу, бумагу, бумагу дай!.. Экой трусъ, изорвалъ!

КИССА. Да кто сказалъ, что корабль ѣдетъ?

(ГОЛОСА.) Я не говорилъ.—Я не говорилъ.—Опять, вѣрно, Шпингъ.

ШПИНГЪ. Нѣтъ, высокородный танъ, и языкомъ не поворотилъ.

БРИФРИНЪ. Ей Богу, глупый народъ! Ну, что, хоть бы и въ самомъ дѣлѣ былъ король?

ВУЛЬФИНГЪ. А самъ, не бось, первый полѣзъ.

БРИФРИНЪ. Что жъ? только посмотрѣть.

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА. Вотъ таны поѣхали на лошадяхъ. Это, вѣрно, встрѣчать короля.

РЫЦАРЬ *на лошади*. Дорогу, дорогу! Народъ, посторонись.

(ЭКБЕРТЪ.) Кому дорогу?

(РЫЦАРЬ.) Посторонись, говорятъ тебѣ. Дорогу (высокородному) королевскому тану Этельбальду!

ЭКБЕРТЪ. Отнеси ему эту пощечину. *Бьетъ его и убѣгаетъ.*

РЫЦАРЬ *кричитъ*. Мы увидимся, проклятый длиннорукій чортъ!

(Слѣдуетъ небольшой пробѣлъ, и потомъ—въ концѣ страницы:)

А я разскажу королю, что ты Жидъ, а не христіянинъ, язычникъ невѣрный,—что ты никогда не крестишься. Я знаю, кому ты молишься: у тебя на дому есть деревяный болванъ, ты ему цѣлуешь руки, язычникъ скверный! Тебѣ нужно монастырское покаяніе, если не могъ....

—

(ВУЛЬФИНГЪ.) Вонъ поѣхалъ графъ Эдвинъ. Видѣлъ?

(ТУРНИЛЪ.) Видѣлъ. Славное вооруженіе.

(ВУЛЬФИНГЪ.) Вонъ Этельбальдъ. Гляди, какой около него строй стоитъ: въ толпѣ рыцарей, какъ въ лѣсу. Эхъ, какъ одѣты! Славные какіе кирасы, щиты. Ей Богу, если бъ хотѣли, побили бы Датчанъ!

(ТУРНИЛЪ.) Отчего жъ не хотятъ?

(вульфингъ.) А такъ; вѣрно, держатъ руку непріятелей.

(турнилъ.) Ну, вотъ!

(вульфингъ.) Почему жъ не побить? Вѣдь нашихъ впятеро будетъ больше. Если собрать всѣхъ Саксоновъ и Англовъ, то однихъ всадниковъ будетъ на всю дорогу отъ Лондона до Іорка; а Датчанъ всѣхъ-на-всѣхъ трехъ тысячъ не будетъ.

(турнилъ.) Э, любезный пріятель мой! какъ твое имя? Вульфингъ?

(вульфингъ.) Вульфингъ.

(турнилъ.) Такъ будемъ пріятелями.

вульфингъ. Вотъ тебѣ рука моя.

(турнилъ.) Не говори этого, любезный Вульфингъ: имъ помогаетъ нечистая сила,—тотъ самый сатана, о которомъ читалъ намъ въ церкви священникъ, что искушаетъ людей. Они, братъ, и море заговариваютъ: вдругъ изъ бурнаго сдѣлается тихо, какъ ребенокъ; а захотятъ—начнетъ выть, какъ волкъ. Наши всадники давно бы совладѣли съ ними... Народъ опять стѣснился, да и самые таны махаютъ шапками. Посмотримъ: вѣрно, король наконецъ ѣдетъ.

голосъ въ народѣ. Ну, теперь корабль, такъ корабль!

турнилъ. Опять пошла тѣснота!

голосъ. Корабль съ тремя вѣтрилами! Зачѣмъ дерешься? Нельзя вамъ...

(вульфингъ.) Вонъ и люди, какъ мухи, стоятъ на палубѣ.

(турнилъ.) А что жъ не видно корабля?

(вульфингъ.) Гдѣ жъ его теперь увидишь? Людей многое множество. Вонъ что-то блеснуло передъ солнцемъ.

(турнилъ.) Скоро идетъ корабль; видно, что заморской работы. Вонъ, какъ окошечки блестятъ! У насъ такихъ кораблей нѣтъ.

(вульфингъ.) Это долженъ быть, что̀ блеститъ, танъ.

(турнилъ.) Нѣтъ, вонъ танъ больше блеститъ. Смотри, какой шлемъ, какое богатое убранство!

(вульфингъ.) Это все тѣ таны, что пріѣхали за нимъ въ Римъ съ посольствомъ.

(турнилъ.) Гдѣ жъ король? вѣдь король въ коронѣ.

ВУЛЬФИНГЪ. Да еще не короновался.

(ТУРНИЛЪ.) А вонъ, снялъ шляпу... Таны машутъ... Виватъ, король!

Весь берегъ кричитъ: Виватъ, король! Здравствуй, король!

(ТУРНИЛЪ.) Вонъ, вновь машутъ... Здравствуй, король!

НАРОДЪ. Здравствуй, король!

ВСАДНИКЪ НА ЛОШАДИ. Разступись, народъ! (*Машетъ алебардой*).

Народъ пятится. Прижатые кричатъ.

(ВУЛЬФИНГЪ.) Что его такъ кричитъ? Кто это?

(ТУРНИЛЪ.) Танъ Канумфъ, сынъ Эгальдовъ, танъ изъ Медлисекса, славный воинъ,

Корабль подходитъ къ самому берегу. За столпившимися народомъ, видны только головы.

АЛЬФРЕДЪ, *сходя съ корабля.* Здравствуйте, добрые мои подданные!

(НАРОДЪ.) Здравствуй, король! виватъ!

Король и свита подымаются на лошадяхъ въ народъ.

НАРОДЪ. Виватъ! виватъ! король!

АЛЬФРЕДЪ. Благодарю, благодарю васъ, мои добрые. Я самъ не менѣе радъ видѣть васъ и мою отцовскую землю Англосаксонію.

ЭГБЕРТЪ. Слышишь? Англосаксонію! Онъ, вѣрно, не знаетъ, что Мерси и Эстъ-Англъ ужъ не наши.

Король уѣзжаетъ. Таны и народъ съ восклицаніями тянутся за нимъ.

(ВУЛЬФИНГЪ.) Молодецъ король: видный, рослый, лучше всѣхъ. Какъ онъ славно выступалъ, словно..! Я думаю, латы его стоятъ больше, чѣмъ жизнь. Пойдемъ, посмотримъ.

(ТУРНИЛЪ.) Постой, зачѣмъ же идти? Намъ за ними не угнаться: онѣ на лошадяхъ и во всю рысь поѣдутъ въ Іоркъ.

(ВУЛЬФИНГЪ.) Отчего жъ не въ Лондонъ?

(ТУРНИЛЪ.) Видишь, въ Лондонѣ приготовятъ все какъ слѣдуетъ, а когда приготовятъ, тогда и онъ поѣдетъ.

ЭГБЕРТЪ, *возвращаясь.* Нѣтъ, я не хочу быть послѣднимъ. Я такой же танъ. У меня тоже было въ услуженьи 16 тановъ Ситкундмановъ (Sithcundman). Правда, я потерялъ много въ войну, у

меня теперь нѣтъ этого; но я защищалъ землю нашу. Отчего графы Эдвигъ, Канульфъ, не говоря уже о собакѣ Этельбальдѣ, молокососъ сынъ его, почему они имѣютъ право провожать короля въ первомъ ряду? Отчего я долженъ слѣдовать еще за двумя танами? Я хотѣлъ было сбить съ сѣдла копьемъ плута Киля, да не хотѣлъ только сдѣлать этого при королѣ.

КИССА. Дьяволъ ему на шею! Я радъ по крайней мѣрѣ, что король пріѣхалъ. (Прогонимъ) Датчанъ опять за море, освободимъ опять Эстъ-Англъ, Мерси и Нортумберландъ также: хоть и разоренная страна, однакоже есть добрыя земли для скота и для пашенъ.

(ЭГБЕРТЪ.) Мнѣ король понравился! добрый молодецъ! Пойду къ нему прямо и суну ему руку, по древнему саксонскому обычаю. Скажу: «Король, вотъ тебѣ рука! при первой надобности, всегда приведу 14 тебѣ всадниковъ, вооруженныхъ, съ добрыми конями, и самъ пятнадцатый; а надежный ли человѣкъ—вотъ, смотри, сколько рубцовъ у меня!» Пойдемъ, Кисса, выпьемъ за его здоровье. Эй, Кудредъ! тебя обидѣлъ Этельбальдъ. (Положись на) меня. Будь завтра въ Лондонѣ, спроси тана Эгберта, тана изъ графства Сомерсетскаго. Меня знаютъ.

—

КУДРЕДЪ. Ну, теперь, я думаю, король укротитъ немного тановъ.

(ВУЛЬФИНГЪ.) Да чтò жъ? король вѣдь король и можетъ сказать тану: «Отдай такую-то землю, я тебѣ приказываю.» Чтò скажетъ Вителагемотъ?

(КУДРЕДЪ.) Да, безпорядковъ, вѣрно, будетъ меньше. Чтò ни скажетъ, а всё будетъ лучше. По крайней мѣрѣ можно будетъ по дорогѣ пройдти безопасно. Чѣмъ живешь, Вульфингъ?

(ВУЛЬФИНГЪ.) Одинъ гидесъ земли держу отъ тана.

(КУДРЕДЪ.) Платишь хлѣбомъ?

(ВУЛЬФИНГЪ.) Нѣтъ, еще никогда не маралъ рукъ своихъ въ землѣ.

(кудредъ.) Кто жъ ты?

(вульфингъ.) Пастухъ. Шесть десятковъ овецъ и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгутскую пажить. Если же хочешь, пришлецъ, отдохни у меня. Ты будешь ѣсть сыръ и молоко, какихъ не сыщешь во всемъ Весексѣ; а завтра раннимъ утромъ мы отправимся въ Лондонъ смотрѣть королевскій праздникъ. Гляди: чего народъ смотритъ? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

голосъ въ народѣ. Корабль, опять корабль!

(вульфингъ.) Въ самомъ дѣлѣ корабль! Что жъ это, вѣрно, тоже королевская свита.

турнилъ. Вишь, это уже не такой! Мачты и паруса совсѣмъ не такъ сдѣланы. Постой, разсмотрѣть поближе: и народъ какъ-будто не такъ одѣтъ.

одинъ *изъ толпы всплескиваетъ руками.* Саксонцы, убѣжимъ, убѣжимъ!

кудредъ. Что такое?

(турнилъ.) Морской король!

(кудредъ.) Нѣтъ, что ты!

турнилъ. Какъ христіянинъ, не лгу! Развѣ вы не видите, что датскій корабль?

народъ. Ай, точно Датчане! — Вонъ машутъ, чтобы остались!—Да какъ бы не такъ! бѣжимъ, друзья!

Всѣ въ безпорядкѣ убѣгаютъ.

—

Корабль виденъ у берега. Руальдъ виситъ на мачтѣ.

голосъ губбо. Перекидай канатъ.

руальдъ *съ верховъ.* Кормщикъ, бери ниже: тамъ мѣль.

Нормандъ плыветъ, съ канатомъ въ зубахъ.

руальдъ. Еще ниже, еще ниже. А народъ проклятый весь разбѣжался. Теперь прямо, Норманъ, хватай крюкомъ. Стой!

губбо *сходитъ съ корабля.* Ну, вотъ мы и въ Англіи. Тащите старшую лодку на берегъ.

Вытаскиваютъ лодку.

губбо. Что, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли намъ Ингвара, или теперь налетѣть и окропить наши доспѣхи алою, какъ вечерняя заря, передъ бурнымъ вечеромъ заря, кровью Саксонцевъ, а?

(руальдъ.) Наши копья готовы: (но) не лучше ли, конунгъ мой Губбо, послать провѣдать и узнать о числѣ непріятелей?

(губбо.) Это ты, Руальдъ, говоришь! тебя, вѣрно, не море пеленало. За эти слова тебѣ стоитъ вышвырнуть въ море. «Какой храбрый когда спрашиваетъ о числѣ?» говорилъ отецъ мой Лодбродъ, побѣдившій на 33 сраженіяхъ.

(руальдъ.) Губбо, сынъ Лодбродовъ! ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы вмѣстѣ съ братомъ Гримуальдомъ срамили себя передъ дружиною? Развѣ я когда-нибудь въ жизни грѣлся у очага, или спалъ подъ крышей? развѣ платье мое не на мачтѣ сушилось, а на постели?

(губбо.) Прости, Руальдъ. Братъ твой Гримуальдъ былъ славный воинъ. Мы лишились друга (и) храбраго товарища. Великій Оденъ! какая была буря и битва! Вѣтеръ оборвалъ... наши платья, и морскія брызги, какъ острые ножи, пронзали разгорѣвшіяся лица наши! Клянусь моимъ мечомъ и копьемъ, ничего бы не пожалѣлъ за такую участь! Завидная участь! Теперь Гримуальдъ пируетъ съ легіономъ храбрыхъ; самъ Оденъ наливаетъ ему чашу изъ широкаго черепа и говоритъ ему: «А сколько ты, Гримуальдъ, получилъ ранъ на послѣдней битвѣ?»—«Ранъ 17 и 4,» отвѣчаетъ Гримуальдъ... сильный воинъ. «Вотъ тебѣ, Гримуальдъ, безсмертныя лани, съ лоснящеюся, какъ серебро, шерстью. Веселись, храбрый витязь, поражая ихъ далеко достающимъ копьемъ.»— Слушай, Стемидъ, теперь (не время; но когда будемъ пировать на попратыхъ (въ) (пыли) саксонскихъ трупахъ и зажжемъ альбіонскіе дубы, ты спой намъ пѣсню о подвигахъ Гримуальда. Знаешь, какую пѣсню? такую, чтобъ въ груди встрепенулось все... отвага... самое бѣшенное веселье, и рука схватилась за рукоятку меча. Но слѣдуетъ теперь сказать вамъ, мои товарищи, что мы будемъ дѣлать. Англія—земля хорошая: скота, пажитей и земель въ ней много. Въ Нортумберландіи и въ Мерси, гдѣ уже поселились соотечественники наши, жители бѣдны... но здѣсь жилища

обильны вс(ѣмъ), церкви очень богаты, и золота въ нихъ много— каждому достанется на золотую цѣпь. Мечи у Англосаксовъ славные; они достаютъ ихъ издалека. Мы можемъ себѣ выбрать любые мечи и копья и все вооруженіе. А еще я скажу теперь такое, что больше всего нравится, товарищи, и мнѣ и вамъ: это англосаксонскія дѣвы бѣлизною лица, какъ наши скандинавскіе снѣга, окропленные алою кровью молодыхъ ланей. Но стойте, товарищи; въ Англіи воиновъ, которые станутъ подъ мечомъ и копьемъ на коняхъ, несмѣтное множество. Только изъ нихъ Оденъ никого не приметъ въ Валгалу къ себѣ, потому что они презрѣнные Христіяне. Помните и то, что нынѣ будутъ наши соотечественники, и какъ только нападемъ съ одной стороны, они нападутъ съ другой. Видите ли, какъ тутъ хорошо и тепло? Въ нашей Скандинавіи нѣтъ этого. Тутъ зимы всего только два мѣсяца.

руальдъ. Я себѣ отвоюю лучшій за̀мокъ во всей Англіи. Девять десятковъ англосаксонскихъ рабовъ будетъ прислуживать мнѣ за чашею пиршества.

(Одинъ изъ воиновъ.) Что̀, конунгъ Губбо, правда ли, что есть гдѣ-то земля еще теплѣе?

(губбо.) Есть.

(Одинъ изъ воиновъ.) И что зимы совсѣмъ не бываетъ?

губбо. Ну, этого нѣтъ, чтобы зимы не было; зима есть. Нужно, однакожъ, попробовать. Мы съ тобою, Эдгадъ, пустимся по полямъ далѣе. Скучно долго жить на одномъ мѣстѣ. Чтобы и тамъ, по ту сторону океана, вспоминали насъ въ пѣсняхъ. Клянусь всей моей сбруей, пріѣдемъ оттуда на вызолоченномъ кораблѣ; красная какъ огонь мантія, и вся будетъ убрана дорогими каменьями. Шлемъ... крыло на немъ будетъ, какъ вечерняя звѣзда, сіять. Потомъ пріѣду къ первой царевнѣ въ мірѣ, скажу: «Прекрасная царевна, я конунгъ пріѣхалъ, горя любовью къ твоимъ голубымъ очамъ. Его рука поразила сто и сто десятковъ витязей; и пришелъ конунгъ Губбо взять тебя этою самою рукой вмѣстѣ съ приданымъ, которое приготовилъ тебѣ престарѣлый отецъ твой.»

(воины.) Виватъ, конунгъ Губбо!

(губбо.) Виватъ и вы товарищи! Теперь идемъ. Вы два,

Авлугъ и Ролло, оставайтесь беречь лодки, а мы никому не спустимъ и насытимъ кровью мечи наши, пока есть....

—

АЛЬФРЕДЪ, *окруженный танами и графами королевства.* Благодарю, благодарю васъ, благородные таны, за ваше поздравленіе. Я надѣюсь, что вы окажете мнѣ съ своей стороны всякую помощь, изгоняя варварство и невѣжество, въ которомъ тяготѣетъ англосаксонская нація.

ГРАФЪ ЭДВИНГЪ. Я всегда готовъ. 50 вооруженныхъ всадниковъ всякую минуту можешь требовать, государь.

ГРАФЪ ЭТЕЛЬБАЛЬДЪ. Рука моя и моихъ 80 вассаловъ принадлежитъ тебѣ, государь мой.

СИГФРЕДЪ. Всякое законное требованіе государя готовъ выполнить. 20 конныхъ и 140 пѣшихъ стрѣлковъ!

КЛЕОБАЛЬДЪ. Въ моей странѣ лошадей мало, но пѣшихъ, сколько могу собрать....

(АЛЬФРЕДЪ.) Вы ошибаетесь, друзья: не этой помощи требовалъ (я) отъ васъ, на которую конечно всегда имѣю право. Но я разумѣлъ о томъ благодѣтельномъ просвѣщеніи, котораго нѣтъ въ Англіи; я васъ просилъ споспѣшествовать мнѣ научить Англосаксовъ.... искоренить грубость нравовъ, которая, какъ старая кора, пристала къ нимъ.

Таны въ безмолвіи. Нѣкоторые разставляютъ руки, разсуждая, что это значитъ.

ЭДВИГЪ. Какъ же, государь, ты говоришь, что Англы и Саксы грубы? Да вѣдь они покорили Англію!

АЛЬФРЕДЪ *(въ сторону.)* Ну, противъ этого мнѣ ничего не остается говорить. Этотъ, кажется, кромѣ войны, и думать ни о чемъ не хочетъ. *(Вслухъ.)* Видѣлъ ли ты, Эдвигъ, своего сына?

(ЭДВИГЪ.) Видѣлъ, государь.

(АЛЬФРЕДЪ.) Что жъ, какъ нашелъ его?

(ЭДВИГЪ.) Хорошъ малый, да чуть ли къ чернокнижію не пристрастенъ и копьемъ плохо владѣетъ.

(альфредъ.) Нѣтъ, Эдвигъ, ты долженъ благодарить Бога за такого сына. Этотъ день побудь съ нимъ, а завтра пришли ко мнѣ. Мы съ нимъ были друзья во всю бытность въ Римѣ. Давно не видѣлъ я Англіи. Прежнее время какъ сквозь сонъ помню. Вѣдь тутъ должны уцѣлѣть еще остатки римскихъ памятниковъ. Существуетъ ли та стѣна, которую выстроилъ императоръ Константинъ въ Лондонѣ, и бани, вы(строенныя) близъ Іорка Римлянами?

(эдвигъ.) Не знаю, государь, о какихъ ты Римлянахъ говоришь.

(альфредъ.) Римляне—народъ, который завоевалъ Англію и которому были подвластны Бритты.

(эдвигъ.) Бритты были, это правда, а Римлянъ, государь, никакихъ не было.

(альфредъ.) Ты не знаешь, потому что не читалъ (книгъ). Римляне были народъ великій: они покорили весь міръ, и въ томъ числѣ Бриттовъ.

(эдвигъ.) Воля твоя, король, Римляне и живутъ въ Римѣ. Нѣтъ, король, это тебѣ солгали. У насъ есть старики, которые помнятъ, какъ покорила Саксы, народъ, котораго храбрѣе еще никогда не было,—и тѣ говорятъ, что были здѣсь только Бритты.

(альфредъ *въ сторону*.) Ну, объ этомъ тоже нечего долго толковать. Хороши наши таны! *(Вслухъ.)* Я, любезные мои подданные, хочу слышать отчетъ о нынѣшнемъ положеньи государства и о всѣхъ происшествіяхъ, бывшихъ безъ меня, по кончинѣ брата моего Этельреда. Объ отдыхѣ моемъ не безпокойтесь; отдохнуть я успѣю. Ты, Этельбальдъ, такъ какъ старшій въ государствѣ и первый совѣтникъ въ Вителагемотѣ, разскажи мнѣ подробно все.

(этельбальдъ). Все хорошо, государь; со стороны Датчанъ только худо. Впрочемъ, дорога отъ Іорка до Лондона поправлена и была мощена все время; звѣринецъ твой въ исправности; всѣ королевскіе твои латы, щиты, отцовскіе и добытые покойнымъ братомъ твоимъ Этельредомъ, я сохранилъ въ исправности.

(эдвигъ). Вретъ старой медвѣдь: лучшее копье стянулъ себѣ.

(альфредъ). Ты, Этельбальдъ, говоришь о моемъ хозяйствѣ. Это дѣло пустое. Я просилъ тебя разсказать, какъ государство, въ какомъ положеніи.

ГРАФЪ ЭДВИГЪ. Въ гадкомъ положеніи государство: яорлы и бретонскіе рабы не выплачиваютъ, поля очень опустошены Датчанами; не на что вооружить рыцаря, лошади—мерзость.

(АЛЬФРЕДЪ.) Зачѣмъ вы позволили Датчанамъ взять Мерси и Эстъ-Англію?

(ЭДВИГЪ.) Что жъ дѣлать, король? Покойный король, братъ твой, храбро сражался, да силы его перетянула сила. Они знаются съ дьяволомъ; съ ними изъ моря приходятъ морскія чудовища.

(АЛЬФРЕДЪ.) Братъ мой Этельредъ сражался, какъ должно славному, доблестному Саксонцу; но вы были виною, непокорность вассаловъ была причиною.

СИФРЕДЪ. Если бъ я имѣлъ землю въ Эстъ-Англіи и къ Мерси, я бы защищалъ ее моею рукою и руками моихъ вассаловъ; но у меня свои земли есть.

АЛЬФРЕДЪ. Да развѣ вы умѣли защитить свои земли? Отчего по всей дорогѣ, по которой мы ѣхали, пустыя пажити и двѣ развалившіяся церкви, и тѣ опустошены? Малолюдный (отрядъ) Датчанъ издѣвался надъ вами; а вы, хорошо вооруженные и христіяне, могли вынести это!

(ОКРУЖАЮЩІЕ.) Браво,—король! Вотъ король! прозорливъ какъ орелъ!—Такого намъ нужно короля!

(СИФРЕДЪ.) Я никогда не былъ безчестнымъ, и всегда готовъ, и если бы графъ Мидльсексъ не поссорился со мною, я бы не выпустилъ Датчанъ, и Вессексъ и его владѣнія спасъ (бы).

(АЛЬФРЕДЪ.) И виною вы же, вы черезъ свои мелкія ссоры! Мнѣ очень не нравится это ваше феодальное обыкновеніе. Богъ знаетъ что такое! Всякой управляетъ, какъ ему хочется; высшему не повинуются, между собою несогласны. (Въ) государствѣ (все) должно быть, какъ въ римской имперіи; государь долженъ повелѣвать всѣмъ по своему усмотрѣнію, какъ ему захочется.

ОДОНЪ *потупляетъ глаза*. Гмъ! я что-то не совсѣмъ понялъ это. Вѣдь (въ) Англосаксоніи всякій танъ вольный и свободный человѣкъ, развѣ возьметъ землю собственно отъ короля.

(АЛЬФРЕДЪ.) Отчего я не вижу здѣсь ни одного епископа? Одинъ только дряхлый старикъ и вышелъ меня встрѣтить.

(оденъ.) Епископъ весекскій убитъ во время войны съ Датчанами, а Адельстанъ изъ Кента умеръ.

(альфредъ.) И никто не позаботится о томъ, чтобы избрать на (его) мѣсто!

(сигфридъ.) Нѣтъ, король, въ томъ нѣтъ намъ укоризны. Всѣ таны нарочно собрались въ Арвальдъ, но некого было избрать: не нашли такого, который могъ бы читать Святое Письмо.

(альфредъ.) Будто уже въ Англіи нѣтъ ни одного священника, умѣющаго читать? Вѣдь еще отцомъ Этельвальдомъ заведена была коллегія.

(сигфридъ.) Коллегіи давно уже нѣтъ.

(альфредъ.) Гдѣ же она?

(сигфридъ.) Сожжена Датчанами.

(альфредъ.) Опять Датчане! Да что̀ это за бичъ такой Датчане? Или Англія состоитъ вся изъ трусовъ, или въ самомъ дѣлѣ Датчане... *(Входитъ вѣстникъ.)* Что̀ это за человѣкъ? что ты?

(вѣстникъ.) Король!

(альфредъ.) Что̀?

(вѣстникъ.) Датчане ворвались и грабятъ Лондонъ.

король *въ изумленіи.* Какъ легки на поминѣ! Ну, господа таны и графы, теперь намъ приходится сію минуту думать о вооруженіи. Нечего дѣлать, нужно все отложить въ сторону.

(эдвигъ.) Я готовъ, всѣ вассалы при мнѣ, государь.

этельбадъ. Для тебя, государь, все радъ перенесть.

арвальдъ. Въ одну минуту буду снаряженъ. *(Уходитъ.)*

(альфредъ.) Да, шумно начинается мое царствованіе! Дайте же всѣ вы, благородные таны, клятву—ни пяди земли не уступать Датчанамъ.

(таны.) Спасителемъ Іисусомъ и Дѣвой Маріей клянемся!

(альфредъ.) Итакъ сейчасъ на коней, но прежде я хочу осмотрѣть войска ваши. *(Въ сторону.)* Ну, король, яви теперь дѣятельность духа. Вотъ тебѣ то поле, которое ты рвался воздѣлать! Много работы предстоитъ. Страшная перспектива: внести туда пламенникъ наукъ и познаній, гдѣ ихъ въ поминѣ нѣтъ, гдѣ нѣтъ букваря во всемъ государствѣ; подвести подъ законы и укротить своевольное неустройство этихъ безпокойныхъ магнатовъ государ-

ства, глядящихъ лѣснымъ (звѣремъ); а въ добавокъ и на плечахъ непріятель. Дай, Боже, силы! *(Уходитъ.)*

ЦЕОЛИНЪ. Какъ мнѣ нравится король!

ЭДРИНЪ. Ты не знаешь его еще, Цеолинъ, хорошо: это Богъ, а не человѣкъ.

ЭДВИГЪ. Что̀, Кедовръ? у тебя всѣ вооружены?

(КЕДОВРЪ.) Всѣ.

(ЭДВИГЪ.) Что̀, король? вѣдь кажется молодецъ?

(КАДОВАЛЛА.) Да, кажется, храбръ, да что-то такъ...

(ЭДВИГЪ.) Что̀?

КАДОВАЛЛА. Мудреный что-то.

ДѢЙСТВІЕ II.

АЛЬФРЕДЪ, ГРАФЪ ЭТЕЛЬБАЛЬДЪ, ГРАФЪ ЭДВИГЪ, ЦЕОЛИНЪ, КЕДОВАЛЛА, *съ толпою воиновъ, входятъ на сцену.*

АЛЬФРЕДЪ. Мнѣ еще не вѣрится, чтобъ мы были побѣждены. Горсть, разбойничья шайка, не больше,—и передъ этой шайкой не могли устоять 2 тысячи всадниковъ, цвѣтъ саксонской націи, и 10 тысячь пѣшихъ! Что̀ скажете вы на это, благородные таны, столпы этой націи?

ГРАФЪ ЭДВИГЪ. Король, распусти насъ. Я соберу всѣхъ слугъ моего замка, самъ выгоню моихъ вассаловъ. Пусть каждый сдѣлаетъ то же.

(АЛЬФРЕДЪ.) Графъ, ты сѣдъ волосомъ и даешь такой совѣтъ! Нѣтъ, благородные таны, все теперь зависитъ отъ насъ самихъ и отъ нашей рѣшительности. Уступимъ — мы потеряемъ все, возростимъ гордость непріятельскую и увѣренность въ ихъ непобѣдимости. Вы видѣли, какъ они неслись въ битвѣ. Одинъ шагъ назадъ—и дерзость ихъ возростетъ, какъ Голіаѳъ. Бароны, одно намъ средство. Здѣсь нечего думать о жизни. Съ этими же самыми силами обратимъ отступленіе въ нападеніе, покамѣсть не узнала о нашемъ пораженіи нація.

(эдвигъ.) Король, ты видѣлъ самъ, что наша храбрость не заслуживала упрека. Я никогда не думалъ о своей жизни; но, клянусь Пресвятой Матерью, за нихъ стоитъ демонъ! Я видѣлъ самъ, какъ его темный образъ мчался рядомъ съ этимъ непобѣдимымъ Губбо. Мои вассалы въ первый разъ поблѣднѣли отъ страха.

(альфредъ.) Какое черное невѣжество вѣетъ отъ... Тебя, я знаю, не увѣришь, потому что твоя душа въ старой корѣ; но только какъ видно, что (вы) недавно приняли христіянскую вѣру и не смыслите ничего въ ней. Вы испугались злого духа: развѣ злой духъ можетъ устоять противъ Бога? развѣ есть что на свѣтѣ больше христіянскаго Бога? Вы видѣли, съ какимъ крикомъ и устр(емленнымъ) копьемъ стремились въ наши ряды эти морскіе люди, — а отчего? потому что призывали поминутно языческаго Бога Одена, который пыль и прахъ предъ Богомъ христіянскимъ. А вы не надѣетесь. Какіе вы Христіяне? За васъ Христосъ и Пресвятая Дѣва... *(Король идетъ.)* Ни двухъ шаговъ земли Датчанамъ!

часть народа и всадники. Король, Датчане! Стой, гонятся!

(альфредъ.) Всѣ таны, ни съ мѣста! Далеко Датчане?

(народъ и всадники.) По пятамъ нашимъ.

(альфредъ.) Во имя святой Маріи, не подвинемся, какъ каменныя скалы.

—

Врывается на сцену дружина Датчанъ. Саксонцы встрѣчаютъ ихъ копьями, и начинается сѣча.

губбо. Сыны Одена! не полонъ будетъ пиръ нашъ, если не сокрушимъ Англосаксовъ.

(альфредъ.) Англосаксы! не забывайте—съ нами Христосъ и Марія.

губбо. Ригальдъ Ринальдъ (слабо), гремитъ твой мечъ! Мало искръ вышибаетъ твое копье изъ непріятельскихъ латъ!

(ригальдъ ринальдъ.) Нѣтъ, король Губбо, кровь отъ вражескихъ труповъ отуманиваетъ твой взоръ.

опральдъ. Оденъ! готовъ мнѣ мѣсто въ Валгалѣ.

альфредъ. Христіяне! крѣпитесь; святой Георгій на бѣломъ (конѣ) за насъ.

губбо. Оденъ! рука моя дымится кровью, а Ингвара нѣтъ со мною. Ригальдъ Ринальдъ, зачѣмъ избитъ шлемъ твой... не дрожатъ ли твои перси?

(ригальдъ ринальдъ.) Еще станетъ, король мой Губбо... Вотъ тебѣ, собака! Сыны Одена доставятъ череповъ на пиршественныя чаши.

(альфредъ.) За Марію, за Христа, Англосаксы!

губбо. Уста мои запеклись, языкъ сохнетъ, а Ингваръ мой не летитъ на помощь.

(ринальдъ, *падая.*) Оденъ! готовъ мнѣ мѣсто въ Валгалѣ.
(эдвигъ.) Вотъ тебѣ, собака Датчанинъ! *(Протыкаетъ ему голову копьемъ.)*

альфредъ. Англосаксы! побѣда за нами.

губбо. О, нѣтъ, не будетъ (этого), Альфредъ, по коихъ поръ мечъ мерцаетъ въ рукахъ моихъ!

альфредъ. Остановитесь, Датчане! сдавайся, Губбо, и положи твое оружіе.

губбо. Никогда! ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьими бы то ни было рабами!

(альфредъ.) Мнѣ не нужно, Губбо, твоей свободы; я не отнимаю (ея) и на два слова.

губбо... *обѣ стороны опускаютъ копья.*

(альфредъ.) Я готовъ заключить съ тобой (миръ) и пощадить остатокъ твоихъ товарищей, съ тѣмъ, чтобы ты теперь же немедля отправился за море (и) принесъ клятву, по обычаю твоей религіи, никогда не являться у береговъ Англіи. Оружіе все при васъ остается; все, что̀ ни имѣете на себѣ, не будетъ тронуто.

(губбо.) Король Альфредъ, я соглашаюсь.

(альфредъ.) Итакъ, храбрый (конунгъ), произнеси клятву.

(губбо.) Клянусь самимъ.... Оденомъ, моею сбруею, моимъ вызубреннымъ мечомъ, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будемъ нападать на твои владѣнія! а когда не выполню моей

клятвы, да будетъ желѣзо какъ мѣдь на латахъ нашихъ! да обратятся наши копья на насъ же самихъ!

АЛЬФРЕДЪ. Слышите вы всѣ клятву? Губбо, ты свободенъ— ступай. Твои ладьи ждутъ у береговъ.

ГУББО. Пойдемъ, товарищи! намъ не стыдно глядѣть другъ на друга: мы бились храбро. Не сегодня, завтра, — не здѣсь, въ другомъ мѣстѣ, нанесутъ наши ладьи гибель непріятелямъ...

ЖУРНАЛЬНЫЯ СТАТЬИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ АРАБЕСКАМЪ (*).

I.

О ДВИЖЕНІИ ЖУРНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ВЪ 1834 И 1835 ГОДУ.

(*Изъ „Современника“ 1836 года.*)

Журнальная литература, эта живая, свѣжая, говорливая, чуткая литература, такъ же необходима въ области науки и художествъ, какъ пути сообщенія для государства, какъ ярмарки и биржи для купечества и торговли. Она ворочаетъ вкусомъ толпы, обращаетъ и пускаетъ въ ходъ все выходящее наружу въ книжномъ мірѣ и которое безъ того было бы въ обоихъ смыслахъ мертвымъ капиталомъ. Она—быстрый, своенравный размѣнъ всеобщихъ мнѣній, живой разговоръ всего тиснимаго типографскими станками; ея голосъ есть вѣрный представитель мнѣній цѣлой эпохи и вѣка, мнѣній, безъ нея бы исчезнувшихъ безгласно. Она волею и неволею захватываетъ и увлекаетъ въ свою область де-

(*) Помѣщаю эти статьи въ видѣ приложеній къ „Арабескамъ“ потому, что онѣ и по роду, и по времени сочиненія подходятъ всего ближе къ ученымъ статьямъ этого сборника. *П. К.*

вять десятыхъ всего, что дѣлается принадлежностію литературы. Сколько есть людей, которые судятъ, говорятъ и толкуютъ потому, что всѣ сужденія поднесены имъ почти готовыя, и которые сами отъ себя вовсе не толковали бы, не судили, не говорили! Итакъ журнальная литература во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать самаго пристальнаго вниманія.

Можетъ быть, давно у насъ не было такъ рѣзко замѣтно отсутствія журнальной дѣятельности и живого современнаго движенія, какъ въ послѣдніе два года. Безцвѣтность была выраженіемъ большей части повременныхъ изданій. Многіе старые журналы прекратились, другіе тянулись медленно и вяло; новыхъ, кромѣ «Библіотеки для Чтенія» и въ послѣдствіи «Московскаго Наблюдателя», не показалось, между тѣмъ, какъ именно въ это время была замѣтна всеобщая потребность умственной пищи и значительно возросло число читающихъ. Какъ ни бѣдна эта эпоха, но она такое же имѣетъ право на наше вниманіе, какъ и та, которая бы кипѣла движеніемъ, ибо такъ же принадлежитъ исторіи нашей словесности. Читатели имѣли полное право жаловаться на скудность и постной видъ нашихъ журналовъ: «Телеграфъ» давно потерялъ тотъ рѣзкій тонъ, который давало ему воинственное его положеніе въ отношеніи журналовъ петербургскихъ. «Телескопъ» наполнялся статьями, въ которыхъ не было ничего свѣжаго, животрепещущаго. Въ это время книгопродавецъ Смирдинъ, давно уже извѣстный своею дѣятельностію и добросовѣстностію, который одинъ только, къ стыду прочихъ недальнозоркихъ своихъ товарищей, показалъ предпріимчивостъ и своими оборотами далъ движеніе книжной торговлѣ, книгопродавецъ Смирдинъ рѣшился издавать журналъ обширный, энциклопедической, завоевать всѣхъ литераторовъ, сколько ни есть ихъ въ Россіи, и заставить ихъ участвовать въ своемъ предпріятіи. Въ программѣ были выставлены имена почти всѣхъ нашихъ писателей. Профессоръ арабской словесности, г. Сенковскій, взялся быть распорядителемъ журнала; къ нему былъ присоединенъ редакторомъ г. Гречь, извѣстный уже постояннымъ изданіемъ двухъ журналовъ: «Сѣверной Пчелы» и «Сына Отечества.» Не знаемъ, сами ли они взялись за сіе дѣло, или упрошены были г. Смирдинымъ, но въ томъ и другомъ случаѣ книгопродавецъ, по

общему мнѣнію, поступилъ нѣсколько неосмотрительно. Успѣвши соединить для своего изданія такое множество литераторовъ, онъ долженъ былъ предоставить ихъ суду избраніе редактора.

Никто тогда не позаботился о весьма важномъ вопросѣ: долженъ ли журналъ имѣть одинъ опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній и толковъ? Журналъ на сей счетъ отозвался глухо, обыкновеннымъ объявленіемъ, что критика будетъ самая благонамѣренная и безпристрастная, чуждая всякой личности и неприличности, обѣщаніе, которое даетъ всякой журналистъ. Съ выходомъ первой книжки публика ясно увидѣла, что въ журналѣ господствуетъ тонъ, мнѣнія и мысли *одного*, что имена писателей, которыхъ блестящая шеренга наполнила полстраницы заглавнаго листка, взята была только на прокатъ, для привлеченія большаго числа подписчиковъ.

Книгопродавецъ Смирдинъ исполнилъ съ своей стороны все, чего публика въ правѣ была *отъ него* требовать. Туже самую честность, которая всегда отличала его, показалъ онъ и въ изданіи журнала. Журналъ выходитъ съ необыкновенною исправностію: подписчики, вмѣстѣ съ первымъ числомъ каждаго мѣсяца, встрѣчали толстую книгу, какой у насъ въ прежнее время ни одна типографія не могла бы поставить въ два мѣсяца. Вмѣсто обѣщаннаго числа осьмнадцати листовъ въ мѣсяцъ, выходило иногда вдвое болѣе. Теперь разсмотримъ, исполнили ли долгъ тѣ, которымъ онъ ввѣрилъ внутреннее распоряженіе журнала. Главнымъ дѣятелемъ и движущею пружиною всего журнала былъ г. Сенковскій. Имя г. Греча выставлено было только для формы, по крайней мѣрѣ никакого дѣйствія не было замѣтно съ его стороны. Г. Гречь давно уже сдѣлался почетнымъ и необходимымъ редакторомъ всякаго предпринимаемаго періодическаго изданія: такъ обыкновенно почтеннаго пожилого человѣка приглашаютъ въ посаженные отцы на всѣ свадьбы. Но какая цѣль была редакціи этого журнала, какую задачу предположила она рѣшить? Здѣсь по неволѣ должны мы задуматься, что̀, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ и читатель. Въ программѣ ничего не сказалъ г. Сенковскій о томъ, какой начерталъ для себя путь, какую выбралъ себѣ цѣль; всѣ увидѣли только,

что онъ взошелъ незамѣтно въ первый номеръ и въ концѣ его развернулся какъ новый хозяинъ.

Впрочемъ нельзя жаловаться и на это: положимъ, для журналиста необходимъ рѣзкій тонъ и нѣкоторая даже дерзость (чего, однакожъ, мы не одобряемъ, хотя намъ извѣстно, что съ подобными качествами журналисты всегда выигрываютъ въ мнѣніи толпы); но на что̀ преимущественно было обращено вниманіе сего хозяина, какая мысль его пересиливала всѣ прочія, къ чему направлено было его пристрастіе, были ли гдѣ замѣтны тѣ неподвижныя правила, безъ коихъ человѣкъ дѣлается безхарактернымъ, которыя даютъ ему оригинальность и опредѣляютъ его физіономію?

Прочитавши все, помѣщенное имъ въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ, невольно остановимся въ изумленіи: что̀ это такое? что̀ заставляло писать этого человѣка? Мы видимъ человѣка, который беретъ деньги вовсе недаромъ, который трудится до поту лица, не только заботится о своихъ статьяхъ, но даже перепpавляетъ чужія, однимъ словомъ—является неутомимымъ. Для чего же вся эта дѣятельность? Послѣдуемъ за распорядителемъ во всѣхъ родахъ его сочиненій и скажемъ нѣсколько словъ о главныхъ качествахъ его. Это во всѣхъ отношеніяхъ необходимо.

Г. Сенковскій является въ журналѣ своемъ какъ критикъ, какъ повѣствователь, какъ ученый, какъ сатирикъ, какъ глашатай новостей и проч. и проч., является въ видѣ Брамбеуса, Морозова, Тютюнджу Оглу, А. Бѣлкина, наконецъ въ собственномъ видѣ. Какъ ученый, г. Сенковскій помѣстилъ довольно большую статью о сагахъ, статью исполненную ипотезъ не собственныхъ, но схваченныхъ на-удачу изъ разныхъ бѣгло прочитанныхъ книгъ, ипотезъ, вовсе непринадлежащихъ русской исторіи. Эти саги, которыя проницательный Шлецеръ, неимѣющій донынѣ равнаго по строгому и глубокому критическому взгляду, призналъ за басни, недостойныя никакого вниманія, эти саги онъ ставитъ краеугольнымъ камнемъ русской исторіи и не приводитъ ни одного доказательства, повѣреннаго критикою: онъ вовсе не опредѣлилъ ихъ истиннаго и единственнаго достоинства. Саги суть поэтическое созданіе народа, игравшаго великую въ исторіи роль. Эта статья,

испещренная реторическими фигурами, понравилась добрымъ, но ограниченнымъ людямъ, а г. Булгаринъ даже написалъ рецензію, въ которой поставилъ г. Сенковскаго выше Шлецера, Гумбольдта и всѣхъ когда-либо существовавшихъ ученыхъ. Другое весьма важное притязаніе г. Сенковскаго и настоящій конекъ его есть Востокъ. Здѣсь онъ возвышалъ голосъ, и какъ только выходило какое нибудь сочиненіе о Востокѣ, или упоминалось гдѣ-нибудь о Востокѣ, хотя бы даже это было въ стихотвореніи, онъ гнѣвался и утверждалъ, что авторъ не можетъ судить и не долженъ судить о Востокѣ, что онъ не знаетъ Востока. Слово, сказанное съ сердцемъ, очень извинительно въ человѣкѣ, влюбленномъ въ свой предметъ и который между тѣмъ видитъ, какъ мало понимаютъ его другіе; но этотъ человѣкъ уже долженъ по крайней мѣрѣ утвердить за собою авторитетъ. Г. Сенковскому точно слѣдовало бы издать что-нибудь о Востокѣ. Человѣку, ничего несдѣлавшему, трудно вѣрить на слово, особливо, когда его сужденія такъ легковѣсны и проникнуты духомъ нетерпимости; а изъ нѣкоторыхъ его отрывковъ о Востокѣ видны тѣ же самые недостатки, которые онъ безпрестанно порицаетъ у другихъ. Ничего новаго не сказалъ онъ въ нихъ о Востокѣ,—ни одной яркой черты, сильной мысли, геніальнаго предположенія! Нельзя отвергать, чтобы г. Сенковскій не имѣлъ свѣдѣній; напротивъ, очень видно, что онъ много читалъ; но у него нигдѣ не замѣтно этой движущей, господствующей силы, которая направляла бы его къ какой-нибудь цѣли. Всѣ эти свѣдѣнія находятся у него въ какомъ-то броженіи, другъ другу противорѣчатъ, между собой не уживаются. Разсмотримъ его мнѣнія, относящіяся собственно къ текущей изящной литературѣ. Въ критикѣ г. Сенковскій показалъ отсутствіе всякаго мнѣнія, такъ что ни одинъ изъ читателей не можетъ сказать навѣрное, что̀ болѣе нравилось рецензенту и заняло его душу, что̀ пришлось по его чувствамъ: въ его рецензіяхъ нѣтъ *ни положительнаго, ни отрицательнаго вкуса*,—*вовсе никакого*. То, что̀ ему нравится сегодня, завтра дѣлается предметомъ его насмѣшекъ. Онъ первый поставилъ г. Кукольника на ряду съ Гёте, и самъ же объявилъ, что это сдѣлано имъ потому только, что такъ ему вздумалось. Стало быть, у него ре-

цензія не есть дѣло убѣжденія и чувства, а просто — слѣдствіе расположенія духа и обстоятельствъ. Вальтеръ Скоттъ, этотъ великій геній, коего безсмертныя созданія объемлютъ жизнь съ такою полнотою, Вальтеръ Скоттъ названъ шарлатаномъ. И это читала Россія, это говорилось людямъ уже образованнымъ, уже читавшимъ Вальтера Скотта. Можно быть увѣрену, что г. Сенковскій сказалъ это безъ всякаго намѣренія, изъ одной опрометчивости, потому что онъ никогда не заботился о томъ, чтò говоритъ, и въ слѣдующей статьѣ уже не помнитъ вовсе написаннаго въ предыдущей.

Въ разборахъ и критикахъ г. Сенковскій тоже никогда не говорилъ о внутреннемъ характерѣ разбираемаго сочиненія, не опредѣлялъ вѣрными и точными чертами его достоинства: критика его была или безусловная похвала, въ которой рецензентъ отъ всей души тѣшился собственными фразами, или хула, въ которой отзывалось какое-то странное ожесточеніе. Она состояла въ мелочахъ, ограничивалась выпискою двухъ-трехъ фразъ и насмѣшкою. Ничего не было сказано о томъ, чтò предполагалъ себѣ цѣлью авторъ разбираемаго сочиненія, какъ оное выполнилъ, и если не выполнилъ, какъ долженъ былъ выполнить. Больше всего г. Сенковскій занимался разборомъ разнаго литературнаго сора, множествомъ всякаго рода пустыхъ книгъ; надъ ними шутилъ, труни лъ и показывалъ то остроуміе, которое такъ нравится нѣкоторымъ читателямъ. Наконецъ даже завязалъ цѣлое дѣло о двухъ мѣстоименіяхъ, *сей* и *оный*, которыя показались ему, неизвѣстно почему, неумѣстными въ русскомъ слогѣ. Объ этихъ мѣстоименіяхъ писаны имъ были цѣлые трактаты, и статьи его, разсуждавшія о какомъ бы то ни было предметѣ, всегда оканчивались тѣмъ, что мѣстоименія *сей* и *оный* совершенно неприличны. Это напомнило старый процессъ Тредьяковскаго за букву ижицу и десятеричное *і*, который въ послѣдствіи еще не такъ давно поддерживалъ одинъ профессоръ. Книга, въ которой г. Сенковскій встрѣчалъ эти двѣ частицы, была торжественно признаваема написанною дурнымъ слогомъ.

Его собственныя сочиненія, повѣсти и тому подобное, являлись подъ фирмою Брамбеуса. Эти повѣсти и статьи въ родѣ по-

вѣстей, своимъ близкимъ, неумѣреннымъ подражаніемъ нынѣшнимъ писателямъ французскимъ, произвели всеобщее изумленіе, потому что г. Сенковскій охуждалъ гласно всю текущую французскую литературу. Непостижимо, какъ въ этомъ случаѣ онъ имѣлъ такъ мало смѣтливости и до такой степени считалъ простоватыми своихъ читателей. Неизвѣстно тоже, почему называлъ онъ нѣкоторыя статьи свои фантастическими. Отсутствіе всякой истины, естественности и вѣроятности еще нельзя считать фантастическимъ. Фантастическія сочиненія Б. Брамбеуса напоминаютъ книги, какихъ нѣкогда было очень много, какъ-то: «Не любо не слушай, а лгать не мѣшай», и тому подобныя. Та же безотчетность и еще менѣе устремленія къ доказательству какой-нибудь мысли. Опытные читатели замѣтили въ нихъ чрезвычайно много похищеній, сдѣланныхъ наскоро, на всемъ бѣгу; авторъ мало заботился о ихъ связи. То, что въ оригиналахъ имѣло смыслъ, то въ копіи было безъ всякаго значенія.

Таковы были труды и дѣйствія распорядителя Б. для Ч. Мы почли нужнымъ упомянуть о нихъ нѣсколько обстоятельнѣе потому, что онъ одинъ законодательствовалъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», и что мнѣнія его разносились чрезвычайно быстро, вмѣстѣ съ четырьмя тысячами экземпляровъ журнала, по всему лицу Россіи.

Невозможно, чтобы журналъ, издаваемый при средствахъ, доставленныхъ книгопродавцемъ Смирдинымъ, былъ плохъ. Онъ уже выигрывалъ тѣмъ что издавался въ большомъ объемѣ, толстыми книгами. Это для подписчиковъ была пріятная новость, особливо для жителей нашихъ городовъ и сельскихъ помѣщиковъ. Въ «Библіотекѣ» находились переводы иногда любопытныхъ статей изъ иностранныхъ журналовъ, въ отдѣлѣ стихотворномъ попадались имена свѣтилъ русскаго Парнаса. Но постоянно лучшимъ отдѣленіемъ ея была *смѣсь*, вмѣщавшая въ себѣ очень много разнообразныхъ свѣжихъ новостей, отдѣленіе живое, чисто журнальное. Изящная проза, оригинальная и переводная, повѣсти и прочее оказывали очень мало вкуса и выбора. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» случалось еще одно дотолѣ неслыханное на Руси явленіе. Распорядитель ея сталъ переправлять и передѣлывать всѣ почти статьи, въ ней печатаемыя, и любопытно то, что онъ объявлялъ объ этомъ

самъ довольно смѣло и откровенно. «У насъ», говоритъ онъ, въ «Библіотекѣ для Чтенія», не такъ, какъ въ другихъ журналахъ: мы никакой повѣсти не оставляемъ въ прежнемъ видѣ, всякую передѣлываемъ: иногда составляемъ изъ двухъ одну, иногда изъ трехъ, и статья значительно улучшается нашими передѣлками. «Такой странной опеки до сихъ поръ на Руси еще не бывало.»

Многіе писатели начали опасаться, чтобы публика не приняла статей, часто помѣщаемыхъ безъ подписи, или подъ вымышленными именами, за ихъ собственныя, и потому начали отказываться отъ участія въ изданіи сего журнала. Число сотрудниковъ такъ умалилось, что на другой годъ издатели уже не выставили длиннаго списка именъ и упомянули глухо, что участвуютъ лучшіе литераторы, не означая, какіе. Журналъ хотя не измѣнился въ величинѣ и планѣ, но статьи замѣтно начали быть хуже; видно было менѣе старанія. «Библіотеку» уже менѣе читали въ столицахъ, но все такъ же много въ провинціяхъ, и мнѣнія ея такъ же обращались быстро. Обратимся къ другимъ журналамъ.

«Сѣверная Пчела» заключала въ себѣ оффиціальныя извѣстія и въ этомъ отношеніи выполнила свое дѣло. Она помѣщала извѣстія политическія, заграничныя и отечественныя новости. Редакторъ, г. Гречь, довелъ ее до строгой исправности: она всегда выходила въ положенное время; но въ литературномъ смыслѣ она не имѣла никакого опредѣленнаго тона и не выказывала никакой сильной руки, двигавшей ея мнѣнія. Она была какая-то корзина, въ которую сбрасывалъ всякой все, что̀ ему хотѣлось. Разборы книгъ, всегда почти благосклонные, писались пріятелями, а иногда самими авторами. Въ «Сѣверной Пчелѣ» пробовали остроту пера разные незнакомцы, скрывавшіеся подъ разными буквами,—безъ сомнѣнія, люди молодые, потому что въ статьяхъ выказывалось довольно удальства. Они нападали развѣ уже на самаго беззащитнаго и круглаго сироту. На-счетъ неопрятныхъ изданій являлись остроумныя колкости, нѣсколько похожія одна на другую. Сущность рецензій состояла въ томъ, чтобы расхвалить книгу и при концѣ сложить съ себя весь грѣхъ такою оговоркою: «Впрочемъ желательно, чтобы почтенный авторъ исправилъ небольшія погрѣшности относительно языка и слога», или: «Хорошая книга

шенно безъ всякаго образованья: все это бо̀льшею частію воспитывалось въ семинаріи. Онъ и къ вину наклоненъ, онъ и потаскунъ. Къ моему лакею также ходилъ въ гости одинъ какой-то сочинитель: гдѣ жъ ему имѣть понятіе о хорошемъ обществѣ? *(Уходятъ.)*

СВѢТСКАЯ ДАМА, *въ сопровожденіи двухъ мужчинъ: одного во фракѣ, другого въ мундирѣ.* Но что̀ за люди, что̀ за лица выведены, хотя бы одинъ привлекъ... Ну, отчего не пишутъ у насъ такъ, какъ Французы пишутъ, напримѣръ, какъ Дюма и другіе? Я не требую образцовъ добродѣтели; выведите мнѣ женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже измѣнила мужу, предалась, положимъ, самой порочной и непозволительный любви, но представьте это увлекательно: такъ чтобы я побуждена была къ ней участіемъ, чтобы я полюбила ее... А вѣдь здѣсь всѣ лица одно отвратительнѣй другого.

МУЖЧИНА ВЪ МУНДИРѢ. Да, тривіально, тривіально!

СВѢТСКАЯ ДАМА. Скажите, отчего у насъ, въ Россіи, все еще такъ тривіально?

МУЖЧИНА ВО ФРАКѢ. Душа моя, послѣ раскажешь, отчего тривіально! кричатъ нашу карету. *(Уходятъ.)*

Выходятъ ТРОЕ МУЖЧИНЪ *вмѣстѣ.*

ПЕРВЫЙ. Почему жъ не посмѣяться? смѣяться можно; но что̀ за предметъ для насмѣшки: злоупотребленія и пороки? какая здѣсь насмѣшка?

ВТОРОЙ. Такъ надъ чѣмъ же смѣяться? Развѣ надъ добродѣтелями, надъ достоинствами человѣка?

ПЕРВЫЙ. Нѣтъ; да это не предметъ для комедіи, мой милый. Это уже нѣкоторымъ образомъ касается правительства. Какъ-будто нѣтъ другихъ предметовъ, о чемъ можно писать?

ВТОРОЙ. Какіе же другіе предметы?

ПЕРВЫЙ. Ну, да мало ли есть всякихъ смѣшныхъ свѣтскихъ случаевъ. Ну, положимъ напримѣръ, я отправился на Аптекарскій островъ, а кучеръ меня вдругъ завезъ тамъ на Выборгскую, или къ Смольному монастырю. Мало ли есть всякихъ смѣшныхъ сцѣпленій?

ВТОРОЙ. То есть, вы хотите отнять у комедіи всякое серьёзное значеніе. Но зачѣмъ же издавать непремѣнный законъ? Комедій въ томъ именно вкусѣ, въ какомъ вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существованія двухъ-трехъ такихъ какова была игранная теперь? Если же вамъ нравятся тѣ, о которыхъ вы говорите, поѣзжайте только въ театръ: тамъ всякій день вы увидите піесу, гдѣ одинъ спрятался подъ стулъ, а другой вытащилъ его оттуда за ногу.

ТРЕТІЙ. Ну, нѣтъ, послушайте, это не тò. Всему есть свои границы. Есть вещи, надъ которыми, такъ сказать, не слѣдуетъ смѣяться, которыя въ нѣкоторомъ родѣ уже святыня.

ВТОРОЙ, *про-себя съ горькой усмѣшкой.* Такъ всегда на свѣтѣ: посмѣйся надъ истинно-благороднымъ, надъ тѣмъ, что̀ составляетъ высокую святыню души, никто не станетъ заступникомъ. Посмѣйся же надъ порочнымъ, подлымъ и низкимъ, всѣ закричатъ: онъ смѣется надъ святыней!

ПЕРВЫЙ. Ну, вотъ видите ли, вы я вижу теперь убѣждены, не говорите ни слова. Повѣрьте, нельзя не быть убѣждену, это истина. Я самъ человѣкъ безпристрастный и говорю не то, чтобы... но просто, это не авторское дѣло, это не предметъ для комедіи. *(уходитъ.)*

ВТОРОЙ, *про-себя.* Признаюсь, я бы ни за что не захотѣлъ быть на мѣстѣ автора. Прошу угодить! Избери маловажные свѣтскіе случаи, всѣ будутъ говорить: «Онъ пишетъ вздоръ, никакой нѣтъ глубокой нравственной цѣли!» избери предметъ, сколько-нибудь имѣющій серьезную нравственную цѣль, будутъ говорить: «Не его дѣло, пиши пустяки!» *(уходитъ.)*

МОЛОДАЯ ДАМА *большого свѣта, въ сопровожденіи* МУЖА.

МУЖЪ. Карета наша не должна быть далеко, мы можемъ скоро уѣхать.

ГОСП. N, *подходя къ дамѣ.* Что̀ вижу? вы пріѣхали смотрѣть русскую піесу!

МОЛ. ДАМА. Что̀ жъ тутъ такого? развѣ я уже ничуть не патріотка.

госп. н. Ну, если такъ, то вы не очень насытили патріотизмъ свой. Вы, вѣрно, браните піесу?

мол. дама. Совсѣмъ нѣтъ. Я нахожу, что многое очень вѣрно, я смѣялась отъ души.

госп. н. Отчего же вы смѣялись? оттого ли, что любите посмѣяться надо всѣмъ, что̀ русское?

мол. дама. Оттого, что просто было смѣшно. Оттого, что выведена была наружу та подлость, низость, которая въ какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не въ уѣздномъ городкѣ, а здѣсь, вокругъ насъ,—все была бы такая же подлость или низость: вотъ отчего смѣялась.

госп. н. Мнѣ говорила сейчасъ одна очень умная дама, что она тоже смѣялась, но при всѣмъ томъ піеса произвела на нее грустное впечатлѣніе.

мол. дама. Я не хочу знать, что̀ чувствовала ваша умная дама; но у меня не такъ чувствительны нервы. И я всегда рада смѣяться надъ тѣмъ, что внутренно смѣшно. Я знаю, что есть иныя изъ насъ, которыя отъ души готовы посмѣяться надъ кривымъ носомъ человѣка и не имѣютъ духу посмѣяться надъ кривою душою человѣка.

Вдали показывается тоже **молодая дама съ мужемъ.**

госп. н. А вотъ идетъ ваша пріятельница. Я бы желалъ знать ея мнѣніе о комедіи. *(Обѣ дамы подаютъ другъ другу руку.)*

первая дама. Я видѣла издали, какъ ты смѣялась.

вторая дама. Да кто же не смѣялся? всѣ смѣялись.

госп. н. А не чувствовали вы никакого грустнаго чувства?

вт. дама. Признаюсь, мнѣ было точно грустно. Я знаю, все это очень вѣрно, и сама даже видѣла много подобнаго, но при всемъ томъ мнѣ было тяжело.

госп. н. Стало быть, комедія вамъ не понравилась?

вт. дама. Ну, послушайте, кто жъ это говоритъ? Я вамъ говорю уже, что смѣялась отъ всей души, и даже больше нежели всѣ другіе, я думаю, меня приняли даже за безумную.... Но мнѣ было грустно оттого, что хотѣлось бы отдохнуть хоть на одномъ добромъ лицѣ. Это излишество, и множество низкаго....

госп. N. Говорите, говорите!

вт. дама. Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ хоть одного честнаго человѣка. Скажите ему, что объ этомъ его просятъ, что это будетъ, право, хорошо.

мужъ первой дамы. А вотъ же это именно и не совѣтуйте. Дамамъ хочется непремѣнно рыцаря, чтобы онъ тутъ же твердилъ имъ за всякимъ словомъ о благородствѣ, хотя бы самымъ пошлымъ слогомъ.

вт. дама. Совсѣмъ нѣтъ. Какъ вы мало знаете насъ! Вотъ вамъ-то принадлежитъ это. Вы любите именно только одни слова и толки о благородствѣ. Я слышала сужденіе одного изъ васъ: одинъ толстякъ кричалъ, такъ что, я думаю, всѣхъ заставилъ на себя обратиться: что это клевета, что подобныхъ низостей и подлостей у насъ никогда не дѣлается. А кто говорилъ? Самый низкій и подлый человѣкъ, который готовъ продать свою душу, совѣсть и все, что̀ хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

госп. N. Ну, скажите же, кто это былъ?

вт. дама. Зачѣмъ вамъ знать? Да не онъ одинъ; я слышала безпрестанно, какъ около насъ кричали: «Это отвратительная насмѣшка надъ Россіей, да какъ это позволить? да что̀ скажетъ народъ?» А отчего они кричали? Оттого ли, что въ самомъ дѣлѣ думали и чувствовали это? Извините. Затѣмъ, чтобы произвесть шумъ, чтобы запретили піесу, потому что въ ней, можетъ быть, отыскали они кое-что похожее на самихъ себя. Вотъ каковы ваши настоящіе, нетеатральные рыцари!

мужъ п. дамы. О, да у васъ начинаетъ рождаться маленькая злость!

вт. дама. Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. О, нельзя не быть злою, видя, какъ подлость является подъ всякими личинами!

мужъ п. дамы. Ну, да, вамъ бы хотѣлось, чтобы сейчасъ выскочилъ рыцарь, прыгнулъ чрезъ какую-нибудь пропасть, сломилъ бы себѣ шею....

вт. дама. Извините.

мужъ п. дамы. Натурально: женщинѣ что̀ нужно? ей непремѣнно нужно, чтобы въ жизни былъ романъ.

вт. дама. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Двѣсти разъ готова говорить — нѣтъ. Это пошлая, старая мысль, которую вы намъ навязываете безпрестанно. У женщины больше истиннаго великодушія, чѣмъ у мужчины. Женщина не можетъ, женщина не въ силахъ сдѣлать тѣхъ подлостей и гадостей, какія дѣлаете вы. Женщина не можетъ тамъ лицемѣрить, гдѣ лицемѣрите вы, не можетъ смотрѣть сквозь пальцы на тѣ низости, на которыя вы смотрите. Въ ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать все это, не осматриваясь по сторонамъ, понравится ли это кому-либо, или нѣтъ; потому что это нужно говорить. Что̀ подло, то̀ подло, какъ вы ни скрывайте и какой ни давайте видъ. Это подло, подло, подло!

мужъ п. дамы. Да вы, я вижу, разсердились во всѣхъ отношеніяхъ.

вт. дама. Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорятъ неправду.

мужъ п. дамы. Ну, не сердитесь же, дайте мнѣ вашу руку, я пошутилъ.

вт. дама. Вотъ вамъ рука моя, я не сержусь. *(Обращаясь къ г-ну N)*. Послушайте, посовѣтуйте автору, чтобы онъ вывелъ въ комедіи благороднаго и честнаго человѣка.

госп. n. Да какъ же это сдѣлать? Ну, если онъ выведетъ честнаго человѣка, и этотъ честный человѣкъ будетъ похожъ на театральнаго рыцаря?

вт. дама. Нѣтъ, если онъ сильно и глубоко чувствуетъ, то герой его не будетъ театральнымъ рыцаремъ.

госп. n. Да вѣдь я думаю, это не такъ легко сдѣлать.

вт. дама. Просто, скажите лучше, что у автора нашего нѣтъ глубокихъ и сильныхъ движеній сердечныхъ.

госп. n. Отъ чего жъ такъ?

вт. дама. Ну, да ужъ кто безпрестанно и вѣчно смѣется, тотъ не можетъ имѣть слишкомъ высокихъ чувствъ; ему не можетъ быть знакомо то̀, что̀ чувствуетъ одно только нѣжное сердце.

госп. n. Вотъ хорошо! Стало быть, по вашему, авторъ не долженъ быть благородный человѣкъ?

вт. дама. Ну, вотъ видите, вы сейчасъ перетолковываете это въ другую сторону. Я не говорю ни слова о томъ, чтобы у

комика не было благородства и строгаго понятія о чести во всемъ смыслѣ слова. Я говорю только, что онъ не могъ бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

МУЖЪ ВТ. ДАМЫ. Но какъ же ты можешь сказать это утвердительно?

ВТ. ДАМА. Могу, потому что знаю. Всѣ люди, которые смѣялись или были насмѣшками, всѣ они были самолюбивы, всѣ почти эгоисты; конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

ГОСП. N. Стало быть, вы рѣшительно предпочитаете только тотъ родъ сочиненій, гдѣ дѣйствуютъ одни высокія движенія человѣка.

ВТ. ДАМА. О, конечно! Я ихъ всегда поставлю выше, и признаюсь, я больше имѣю душевной вѣры къ такому автору.

МУЖЪ П. ДАМЫ, *обращаясь къ господину N*. Ну, развѣ ты не видишь: выходитъ опять то же. Это женскій вкусъ. Для нихъ самая пошлая трагедія выше самой лучшей комедіи, ужъ потому только, что она трагедія...

ВТ. ДАМА. Молчите, я опять буду зла. *(Обращаясь къ господину N.)* Ну, скажите, не правду ли я сказала: вѣдь у комика душа непремѣнно должна быть холодная?

МУЖЪ ВТ. ДАМЫ. Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждаетъ тоже къ насмѣшкамъ и сатирамъ.

ВТ. ДАМА. Ну, или раздражительная. Ну, что̀ же это значитъ? Это значитъ, что причиною такихъ произведеній всё же была желчь, ожесточеніе, негодованіе, можетъ быть, и справедливое во всѣхъ отношеніяхъ. Но нѣтъ того, что̀ бы показывало, что это порождено высокой любовью къ человѣчеству.... словомъ, любовью. Неправда ли?

ГОСП. N. Это правда.

ВТ. ДАМА. Ну, скажите: похожъ авторъ комедіи на этотъ портретъ?

ГОСП. N. Какъ вамъ сказать? Я не знаю его такъ коротко, чтобы могъ судить о душѣ его. Но, соображая все, что̀ о немъ слышалъ, онъ точно долженъ быть или эгоистъ, или очень раздражительный человѣкъ.

ВТ. ДАМА. Ну, видите ли, я это хорошо знала.

первая дама. Не знаю почему, но мнѣ бы не хотѣлось, чтобы онъ былъ эгоистомъ.

мужъ п. дамы. А вотъ идетъ нашъ лакей, стало быть карета готова. Прощайте. *(Пожимая руку второй дамы)*. Вы къ намъ, неправда ли? чай пьемъ у насъ?

п. дама, *уходя*. Пожалуста!

вт. дама. Непремѣнно.

мужъ вт. дамы. Кажется, наша карета тоже готова *(уходятъ за ними.)*

Выходятъ два зрителя.

первый. Вотъ что̀ растолкуйте мнѣ: отчего, разбирая порознь всякое дѣйствіе, лицо и характеръ, видишь—все это правда, живо, взято съ натуры, а вмѣстѣ, кажется уже чѣмъ-то громаднымъ, преувеличеннымъ, каррикатурнымъ, такъ что, выходя изъ театра, невольно спрашиваешь: неужели существуютъ такіе люди? А между-тѣмъ вѣдь они не то̀, чтобы злодѣи.

второй. Ничуть, они вовсе не злодѣи. Они именно то̀, какъ говоритъ пословица: «не душой худъ, а просто плутъ.»

первый. И потомъ еще одно: это громадное накопленіе, это излишество, не есть ли уже недостатокъ комедіи? Скажите мнѣ, гдѣ есть такое общество, которое бы состояло все изъ такихъ людей, чтобы не было, если не половины, то по крайней мѣрѣ нѣкоторой части порядочныхъ людей? Если комедія должна быть картиной и зеркаломъ общественной нашей жизни, то она должна отразить ее во всей вѣрности.

второй. Во первыхъ, по моему мнѣнію, эта комедія вовсе не картина, а скорѣе фронтисписъ. Вы видите — и сцена, и мѣсто дѣйствія идеальныя. Иначе авторъ не сдѣлалъ бы очевидныхъ погрѣшностей и анахронизмовъ, не вложилъ бы даже инымъ лицамъ тѣхъ рѣчей, которыя, по свойству своему и по мѣсту, занимаемому лицами, не принадлежатъ имъ. Только первая раздражительность приняла за личность то̀, въ чемъ нѣтъ и тѣни личности, и что̀ принадлежитъ болѣе или менѣе личности всѣхъ людей. Это сборное мѣсто. Отвсюду, изъ разныхъ угловъ Россіи, стеклись сюда исключенія изъ правды, заблужденія и злоупо-

требленія, чтобы послужить одной идеѣ: произвести въ зрителѣ яркое, благородное отвращеніе отъ многаго кое-чего низкаго. Впечатлѣніе еще сильнѣй оттого, что никто изъ приведенныхъ лицъ не утратилъ своего человѣческаго образа; человѣческое слышится вездѣ. Оттого еще глубже сердечное содраганіе. И смѣясь, зритель невольно оборачивается назадъ, какъ-бы чувствуя, что близко отъ него то̀, надъ чѣмъ онъ посмѣялся, и что ежеминутно долженъ онъ стоять на стражѣ, чтобы не ворвалось оно въ его собственную душу. Я думаю, забавнѣй всего слышать автору упреки: «зачѣмъ лица и герои его не привлекательны», тогда какъ онъ употребилъ все, чтобы оттолкнуть отъ нихъ. Да если бы хотя одно лицо честное было помѣщено въ комедію, и помѣщено со всей увлекательностью, то всѣ до одного перешли бы на сторону этого истиннаго лица и позабыли бы вовсе о тѣхъ, которые такъ испугали ихъ теперь. Эти образцы, можетъ быть, не мерещились бы безпрестанно, какъ живые; по окончаніи представленія, зритель не унесъ бы грустнаго чувства и не говорилъ бы: «Неужели существуютъ такіе люди?»

ПЕРВЫЙ. Да, но это однакоже не вдругъ поймутъ.

ВТОРОЙ. Весьма естественно. Смыслъ внутренній всегда постигается послѣ. И чѣмъ живѣе, чѣмъ ярче тѣ образы, въ которые онъ облекся и на которые раздробился, тѣмъ болѣе останавливается всеобщее вниманіе на образахъ. Только сложивши ихъ вмѣстѣ, получишь итогъ и смыслъ созданія. Но разбирать и складывать такія буквы быстро, читать по-верхамъ и вдругъ,—не всякій можетъ; а до тѣхъ поръ долго будетъ видѣть однѣ буквы. И вы увидите, вотъ я вамъ говорю это впередъ: прежде всего разсердится всякій уѣздный городишка въ Россіи и будетъ утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него. *(Уходятъ.)*

ОДИНЪ ЧИНОВНИКЪ. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Бѣгутъ ДВОЕ МОЛОДЫХЪ ЛЮДЕЙ.

ОДИНЪ. Ну, всѣ разсердились. Я ужъ столько наслышался толковъ, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думаетъ о піесѣ.

другой. Ну, что̀ думаетъ вотъ этотъ?

первый. Вотъ тотъ, который надѣваетъ шинель въ рукава?

другой. Да.

первый. Вотъ что̀ онъ думаетъ: «За такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ!..» Однакожъ тронулось, кажется, верхнее населеніе; водевиль, какъ видно, кончился, сейчасъ нахлынутъ разночинцы. Уйдемъ. *(Оба уходятъ.)*

(Шумъ увеличивается; по всѣмъ лѣстницамъ раздается бѣготня. Бѣгутъ армяки, полушубки, чепцы, нѣмецкіе долгополые кафтаны купцовъ, трехъугольныя шляпы и султаны; шинели всѣхъ родовъ: фризовыя, военныя, подержанныя и щегольскія съ бобрами. Толпа сталкиваетъ господина, надѣвающаго въ рукавъ шинель; господинъ посторонается и продолжаетъ надѣвать ее въ сторонѣ. Показываются въ толпѣ господа и чиновники всѣхъ родовъ и сортовъ. Лакеи въ ливреяхъ прочищаютъ для барынь дорогу. Слышенъ бабій крикъ: Батюшки, припихнули со всѣхъ сторонъ!)

молоденькій чиновникъ уклончиваго свойства, *подбѣгая къ господину, надѣвающему шинель.* Ваше превосходительство, позвольте, я вамъ подержу!

господинъ въ шинели. А, здравствуй! Ты здѣсь? Пришелъ смотрѣть?

мол. чин. Да-съ, ваше превосходительство, забавно подмѣчено!

госп. въ шин. Вздоръ! ничего нѣтъ забавнаго.

мол. чин. Это правда, ваше превосходительство, совсѣмъ ничего нѣтъ!

госп. въ шин. За этакія вещи надо сѣчь, а не хвалить.

мол. чин. Это правда, ваше превосходительство!

госп. въ шин. Вотъ, пускаютъ молодыхъ людей въ театръ. Много полезнаго вынесутъ! Вотъ и ты: теперь ужъ, чай, придешь въ канцелярію, прямо грубить станешь?

мол. чин. Какъ можно, ваше превосходительство?.. Позвольте, я вамъ прочищу дорогу впередъ. *(Народу, толкая того и другого)* Эй, вы, посторонитесь, генералъ идетъ! *(Подходя съ не-*

обыкновенною учтивостью къ двумъ щегольски одѣтымъ). Господа, сдѣлайте милость, позвольте пройти генералу!

ХОРОШО ОДѢТЫЕ, *давая дорогу:*

ПЕРВЫЙ. Не знаешь, какой генералъ? Долженъ быть какой-нибудь извѣстный?

ВТОРОЙ. Не знаю, я никогда не видывалъ его.

ЧИНОВНИКЪ РАЗГОВОРЧИВАГО СВОЙСТВА, *подхватывая сзади.* Просто, статскій совѣтникъ; по мѣсту только числится въ четвертомъ классѣ. Каково счастье? Въ пятнадцать лѣтъ службы Владиміра, Анну, Станислава, 3000 рублей жалованья, двѣ тысячи столовыхъ, да отъ совѣта, да отъ коммиссіи, да еще по департаменту.

ГОСПОДА ХОРОШО ОДѢТЫЕ *одинъ другому.* Уйдемъ! *(Уходятъ.)*

ЧИН. РАЗГ. СВОЙСТВА. Должны быть, матушкины сынки. Я не люблю комедій; на мой вкусъ больше нравятся трагедіи. *(Уходитъ.)*

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ. Экъ народу навалило!

ОФИЦЕРЪ, *пробираясь съ дамой подъ руку.* Эй вы, бороды, что напираете? Развѣ не видишь: дама!

КУПЕЦЪ, *съ дамой подъ руку.* У самыхъ, батюшка, дама.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ. Вотъ она поворотилась, видишь, видишь? еще теперь подурнѣла, но года три тому назадъ...

РАЗНЫЕ ГОЛОСА. Да три гривны, слышь ты, взялъ съ него сдачи.—Подлая, скверная піеса!—Забавная піеска!—Ты что лѣзешь въ самое горло!

ГОЛОСЪ ВЪ ОДНОМЪ КОНЦѢ ТОЛПЫ. Все это вздоръ! гдѣ могло случиться такое происшествіе? Этакое происшествіе могло только развѣ случиться на Чукотскомъ Носу.

ГОЛОСЪ ВЪ ДРУГОМЪ КОНЦѢ. Ну, вотъ точь-въ-точь этакое событіе было въ нашемъ городкѣ. Я подозрѣвалъ, что авторъ если не былъ тамъ, то вѣроятно слышалъ.

ГОЛОСЪ КУПЦА. Оно вотъ изволите видѣть. Оно здѣсь больше, такъ сказать, съ маральной стороны. Конечно, бываютъ, такъ ска-

зать, всякіе-съ. Да вѣдь и то извольте посудить, что и честный человѣкъ, случаемъ придется... А на счетъ маральности, такъ и за дворянами это водится.

голосъ господина поощрительнаго свойства. Долженъ быть, бестія, пройдоха сочинитель, все извѣдалъ, все знаетъ!

голосъ сердитаго чиновника, но, какъ видно, опытнаго. Что онъ знаетъ? чорта онъ знаетъ! И вретъ онъ, вретъ: все это, что ни написалъ онъ, все враки. И взятки не такъ берутъ, ужъ если пошло на то...

голосъ другого чиновника изъ толпы. Да что вы говорите: «смѣшно, смѣшно»! Знаете ли отчего смѣшно? Вѣдь это все личности. Вѣдь это все онъ вывелъ своихъ бабушекъ, да тетушекъ. Вотъ отчего это смѣшно!

неизвѣстный голосъ. Стой, украли платокъ!

два офицера, *узнавшіе другъ друга, переговариваются черезъ толпу.*

первый. Мишель, ты туда?

второй. Туда.

первый. Ну, и я тамъ.

чиновникъ важной наружности. Я бы все запретилъ. Ничего ненадо печатать. Просвѣщеніемъ пользуйся, читай, а не пиши. Книгъ ужъ довольно написано, больше ненадо.

голосъ въ народѣ. Что жъ, коли подлецъ, то и подлецъ. Не будь подлецомъ, то и не будутъ надъ тобой смѣяться.

красивый и плотный господинъ, *говоритъ съ жаромъ невзрачному и низенькому.* Нравственность, нравственность страждетъ, вотъ что главное!

господинъ низенькій и невзрачный, но ядовитаго свойства. Да вѣдь нравственность вещь относительная.

красивый и плотный господинъ. Что вы разумѣете подъ словомъ «относительная»?

невзрачный, но ядовитаго свойства господинъ. То, что нравственность всякій мѣряетъ относительно себя. Одинъ называетъ нравственностью сниманье ему шляпы на улицѣ; другой называетъ нравственностію смотрѣнье сквозь пальцы на то, какъ онъ воруетъ; третій называетъ нравственностью услуги, оказывае-

мыя его любовницѣ. Вѣдь обыкновенно, какъ говоритъ всякій изъ нашей братьи своимъ подчиненнымъ? Свысока говоритъ: «Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долгъ относительно Бога, государя, отечества», а ты, молъ, ужъ тамъ себѣ разумѣй, относительно чего. Впрочемъ, это такъ только въ провинціяхъ водится; въ столицахъ этого не бываетъ, неправда ли? Тутъ если и явится у кого-нибудь въ три года два дома, такъ вѣдь это отчего? Все отъ честности, не правда ли?

красивый и плотный господинъ *въ сторону* Скверенъ какъ чортъ, а языкъ какъ у змѣи.

невзр., но яд. свойства господинъ, *толкая подъ руку незнакомаго человѣка, говоритъ ему, кивая на красиваго господина.* Четыре дома въ одной улицѣ; всѣ рядомъ одинъ подлѣ другого, въ шесть лѣтъ выросли! Каково дѣйствуетъ честность на прозябательную силу, а?

незнакомецъ, *уходя поспѣшно.* Извините, я не дослышалъ.

невзр., но яд. свойства господинъ, *толкая подъ руку незнакомаго сосѣда.* Глухота то какъ нынче распространилась въ городѣ, а? вотъ что значитъ нездоровый и сырой климатъ!

незнакомый сосѣдъ. Да вотъ и грипъ тоже. У меня всѣ дѣти переболѣли.

невзр., но яд. свойства господинъ. Да, и грипъ и глухота; свинка тоже въ горлѣ. *(Проподаетъ въ толпѣ.)*

РАЗГОВОРЪ ВЪ ГРУППѢ НА СТОРОНѢ.

первый. А говорятъ, что подобное происшествіе случилось съ самымъ авторомъ: онъ въ какомъ-то городкѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ за долги.

господинъ съ другой стороны группы, *подхватывая рѣчь.* Нѣтъ, это не въ тюрьмѣ, это было на башнѣ, это видѣли тѣ, которые проѣзжали. Говорятъ, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэтъ на высочайшей башнѣ, вокругъ горы, мѣстоположеніе восхитительное, и онъ оттуда читаетъ стихи. Неправда ли, что здѣсь является какая-то особѐнная черта писателя?

господинъ положительнаго свойства. Авторъ, долженъ быть, умный человѣкъ.

господинъ отрицательнаго свойства. Ни чуть не умный.

Я знаю, онъ служилъ, его чуть не выгнали изъ службы, просьбы не умѣлъ написать.

ПРОСТО ВРАЛЬ. Бойкая, бойкая голова! Ему мѣста вовсе не давали, такъ что жъ вы думаете? Онъ прямо написалъ письмо къ министру. Да вѣдь какъ написалъ! квинтильяновскимъ манеромъ! Одно ужъ то, какъ началъ: «милостивый государь!» а потомъ и пошелъ, и пошелъ, и пошелъ... страницъ восемь отвалялъ кругомъ. Министръ какъ прочиталъ: «Ну, говоритъ, благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много враговъ. Будь начальникъ отдѣленія!» И прямо изъ писцовъ махнулъ въ начальники отдѣленія.

ГОСПОДИНЪ ДОБРОДУШНАГО СВОЙСТВА, *обращаясь къ другому человѣку хладнокровнаго свойства*. Чортъ его знаетъ, кому и вѣрить! И въ тюрьмѣ сидѣлъ, и на башню лазилъ, и выгнали изъ службы, и мѣсто дали!

ГОСПОДИНЪ ХЛАДНОКРОВНАГО СВОЙСТВА. Да вѣдь это все говорится экспромптомъ.

ГОСП. ДОБРОДУШ. СВОЙСТВА. Какъ экспромптомъ?

ГОСПОДИНЪ ХЛАДНОКРОВНЫЙ. Такъ. Вѣдь они еще за двѣ минуты не знаютъ сами, что услышатъ отъ себя. Языкъ у нихъ безъ вѣдома хозяина вдругъ брякнетъ новость, а хозяинъ и радъ, возвращается домой, какъ-будто бы наѣлся. А на другой день онъ ужъ и позабылъ о томъ, что самъ выдумалъ. Ему кажется, что онъ услышалъ отъ другихъ и пошелъ передавать по городу всѣмъ.

ГОСПОДИНЪ ДОБРОДУШНЫЙ. Это однакоже безсовѣстно: лгать и не чувствовать самому.

ГОСП. ХЛАДНОКР. Да есть и чувствительные. Есть такіе, которые чувствуютъ, что лгутъ, но считаютъ уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а рѣчь ложью.

ДАМА СРЕДНЯГО СВѢТА. Но только какой злой насмѣшникъ долженъ быть этотъ авторъ! Я, признаюсь, ни за что бы не хотѣла попасться ему на глаза. Этакъ онъ вдругъ замѣтитъ во мнѣ смѣшное.

ГОСПОДИНЪ СЪ ВѢСОМЪ. Я не знаю, что это за человѣкъ. Это, это, это.... Для этого человѣка нѣтъ ничего священнаго: сегодня онъ скажетъ, такой-то совѣтникъ не хорошъ, а завтра скажетъ, что и въ васъ правды нѣтъ ни на грошъ. Вѣдь тутъ всего только одинъ шагъ.

второй господинъ. Осмѣять! Да вѣдь со смѣхомъ шутить нельзя. Это значитъ разрушить всякое уваженіе, вотъ что это значитъ. Да вѣдь меня послѣ всего этого всякій прибьетъ на улицѣ, скажетъ: «Да вѣдь надъ вами смѣются; а на тебѣ такой же чинъ, такъ вотъ тебѣ затрещица!» Вѣдь это вотъ что̀ значитъ.

третій господинъ. Еще бы! Это серьезная вещь! говорятъ: «бездѣлушка, пустяки, театральное представленіе!» Нѣтъ, это не простыя бездѣлушки; на это обратить должно строгое вниманіе. За этакія вещи и въ Сибирь посылаютъ. Да, если бы я имѣлъ власть, у меня бы авторъ не пикнулъ. Я бы его въ такое мѣсто засадилъ, что онъ бы и свѣта Божьяго не взвидѣлъ.

Появляется группа людей, *Богъ вѣсть, какого свойства, впрочемъ благородной наружности и прилично одѣтыхъ.*

первый. Постоимте лучше здѣсь, покамѣсть выйдетъ толпа. Ну, что̀ это право? затѣвать шумъ, рукоплесканье, какъ-будто бы Богъ знаетъ что̀! Бездѣлка какая-нибудь, пустая театральная піеса и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора,—ну, что̀ это такое!

второй. Однакожъ піеса повеселила, развлекла.

первый. Ну, да, повеселила, какъ обыкновенно веселитъ и всякая бездѣлка. Но зачѣмъ же изъ этого такіе крики, толки? разсуждаютъ, какъ-будто бы о какой-нибудъ важной вещи, аплодируютъ.... Ну, что̀ это такое! Ну, я понимаю, если бы какая нибудь пѣвица, или танцовщица, ну тамъ я понимаю. Тамъ удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здѣсь что̀? кричатъ: «литераторъ! литераторъ! писатель!» Да что такое писатель? Что иной разъ попадется остроумное словцо да спишетъ кое-что съ натуры... Да что̀ же здѣсь за трудъ? Что жъ тутъ такого? Вѣдь это все побасенки и больше ничего.

второй. Да, конечно вещь не важная.

первый. Разсудите: ну, танцоръ, напримѣръ—тамъ все-таки искусство, ужъ того никакъ не сдѣлаешь, что онъ дѣлаетъ. Ну, захоти я напримѣръ: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сдѣлай я антраша—не сдѣлаю ни за что. А вѣдь писать можно, не учившись. Я не знаю, кто такой авторъ, но мнѣ сказывали, что онъ невѣжа совершенный, ничего не знаетъ, его откуда то кажется, выгнали.

второй. Ну, однакожъ все-таки что-нибудь онъ долженъ знать; безъ этого нельзя писать.

первый. Да помилуйте, что жъ онъ можетъ знать? Вы сами знаете, что такое литераторъ? Пустѣйшій человѣкъ: это всему свѣту извѣстно, ни на какое дѣло не годится. Ужъ ихъ пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну, что такое они пишутъ? вѣдь это все пустяки, побасенки! Захоти, я сей же часъ это напишу, и вы напишите, и онъ пишетъ, и всякій напишетъ.

второй. Да, конечно, почему жъ и не написать. Будь только капля ума въ головѣ, такъ ужъ и можно.

первый. Да и ума ненужно. Зачѣмъ тутъ умъ? Вѣдь это все побасенки. Ну, если бы еще была, положимъ, какая нибудь ученая наука, какой-нибудь предметъ, котораго еще не знаешь — а вѣдь это что такое? Вѣдь это всякій мужикъ знаетъ. Это всякій день увидишь на улицѣ. Садись только у окна, да записывай все, что ни дѣлается, вотъ и вся штука.

третій. Это правда. Какъ подумаешь, право, на какой вздоръ употребляютъ время!

первый. Именно, трата времени, больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы надо запретить давать имъ перо и чернила въ руки. Однакожъ народъ выходитъ, пойдемте! Подымать шумъ, кричать! поощрять! а дѣло просто, вздоръ! Побасенки, пустяки! побасенки! *(Уходитъ. Толпа рѣдѣетъ, бѣгутъ кое-какіе отставшіе.)*

добродушный человѣкъ. А всё бы, право, ну, что бы хоть одного честнаго человѣка выставить. Все плуты, да плуты.

одинъ изъ народа. Слышь ты, жди меня на перекресткѣ! Я забѣгу возьму рукавицы.

одинъ изъ господъ, *смотря на часы.* Однако скоро часъ. Никогда я такъ поздно не выходилъ изъ театра. *(Уходитъ.)*

отставшій чиновникъ. Только время даромъ пропало! Нѣтъ, никогда больше не пойду въ театръ! *(Уходитъ; сѣни пустѣютъ.)*

авторъ піесы, *выходя.* Я услышалъ болѣе, чѣмъ предполагалъ. Какая пестрая куча толковъ! Счастье комику, который родился среди націи, гдѣ общество еще не слилось въ одну недвижимую массу, гдѣ оно не облеклось одной корой стараго пред-

разсудка, заключающаго мысли всѣхъ въ одну и ту же форму и мѣрку, гдѣ что̀ человѣкъ, то мнѣнье, гдѣ всякій самъ создатель своего характера. Какое разнообразіе въ этихъ мнѣніяхъ, и какъ вездѣ блеснулъ этотъ твердый, ясный русскій умъ! и въ этомъ благородномъ стремленіи государственнаго мужа! и въ этомъ высокомъ самоотверженіи забившагося въ глушь чиновника! и въ нѣжной красотѣ великодушной женской души! и въ эстетическомъ чувствѣ цѣнителей! и въ простомъ вѣрномъ чувствѣ народа! Какъ даже вь этихъ недоброжательныхъ осужденіяхъ много того, что̀ нужно знать комику. Какой живой урокъ! Да, я удовлетворенъ. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мнѣ жаль, что никто не замѣтилъ честнаго лица, бывшаго въ моей піесѣ. Да, было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее въ ней во все время продолженія ея. Это честное, благородное лицо былъ—смѣхъ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить не смотря на низкое значеніе, которое дается ему въ свѣтѣ. Онъ былъ благороденъ потому, что рѣшился выступить, не смотря на то̀, что доставилъ обидное прозванье комику, прозванье холоднаго эгоиста, и заставилъ даже усумниться въ присутствіи нѣжныхъ движеній души его. Никто не вступился за этотъ смѣхъ. Я комикъ и служилъ ему честно, и потому долженъ стать его заступникомъ. Нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностью, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно-біющійся родникъ его: но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то̀, что̀ проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка. Презрѣнное и ничтожное, мимо котораго онъ равнодушно проходитъ всякій день, не возрасло бы передъ нимъ въ такой страшной, почти каррикатурной силѣ, и онъ не вскрикнулъ бы, содрогаясь: «неужели есть такіе люди?» тогда какъ, по собственному сознанью его, бываютъ хуже люди. Нѣтъ, несправедливы тѣ, которые говорятъ, будто смѣхъ возмущаетъ! Возмущаетъ только то̀, что̀ мрачно, а смѣхъ свѣтелъ. Многое бы возмутило человѣка, бывъ представлено въ наготѣ своей; но, оза-

ренное силою смѣха, несетъ оно уже примиренiе въ душу. И тотъ, кто понесъ бы мщенiе противу злобнаго человѣка, уже почти мирится съ нимъ, видя осмѣянными низкiя движенiя души его. Несправедливо говорятъ, что смѣхъ не дѣйствуетъ на тѣхъ, противу которыхъ устремленъ, и что плутъ первый посмѣется надъ плутомъ, выведеннымъ на сценѣ: плутъ-потомокъ посмѣется, но плутъ-современникъ не въ силахъ посмѣяться! Онъ слышитъ, что уже у всѣхъ остался неотразимый образъ, что одного низкаго движенiя съ его стороны достаточно, чтобы этотъ образъ пошелъ ему въ вѣчное прозвище; а насмѣшки боится даже тотъ, кто уже ничего не боится на свѣтѣ. Нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, можетъ только одна глубоко-добрая душа. Но не слышатъ могучей силы такого смѣха: «что̀ смѣшно, то̀ низко», говоритъ свѣтъ; только тому, что̀ произносится суровымъ, напряженнымъ голосомъ, тому только даютъ названiе высокаго. Но Боже! сколько проходитъ ежедневно людей, для которыхъ нѣтъ вовсе высокаго въ мiрѣ! Все, что̀ ни творилось вдохновенiемъ, для нихъ пустяки и побасенки; созданiя Шекспира для нихъ побасенки, высокiя движенiя души—для нихъ побасенки. Нѣтъ, не оскорбленное мелочное самолюбiе писателя заставляетъ меня сказать это, не потому, что мои незрѣлыя, слабыя созданья были сейчасъ названы побасенками; нѣтъ, я вижу свои недостатки и вижу, что достоинъ упрековъ: но не могла выносить равнодушно душа моя, какъ совершеннѣйшiя творенiя честились именами пустяковъ и побасенокъ! ныла душа моя, когда я видѣлъ, какъ много тутъ же, среди самой жизни, безотвѣтныхъ, мертвыхъ обитателей, страшныхъ недвижнымъ холодомъ души своей и безплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на безчувственныхъ ихъ лицахъ не вздрагивалъ даже ни призракъ выраженiя отъ того, что повергало въ небесныя слезы глубоко-любящую душу, и не коснѣлъ языкъ ихъ произнести свое вѣчное слово: «побасенки!» Побасенки!... а вонъ протекли вѣки, города и народы снеслись и исчезли съ лица земли, какъ дымъ унеслось все, что было; а побасенки живутъ и повторяются понынѣ, и внемлютъ имъ мудрые цари, глубокiе правители, прекрасный старецъ, и полный благороднаго стремленiя юноша. Побасенки! А вонъ: сто-

нутъ балконы и перила театровъ; все потряслось съ низу до верху, превратясь въ одно чувство, въ одинъ мигъ, въ одного человѣка, всѣ люди встрѣтились, какъ братья, въ одномъ душевномъ движеніи, и гремитъ дружнымъ рукоплесканьемъ благодарный гимнъ тому, котораго уже пятьсотъ лѣтъ, какъ нѣтъ на свѣтѣ. Слышутъ ли это въ могилѣ истлѣвшія его кости? отзывается ли душа его, терпѣвшая суровое горе жизни? Побасенки!... А вонъ, среди сихъ же рядовъ потрясенной толпы, пришелъ удрученный горемъ и невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку, и брызнули вдругъ свѣжительныя слезы изъ его очей, и вышелъ онъ примиренный съ жизнью и проситъ вновь у неба горя и страданій, чтобы только жить и залиться вновь слезами отъ такихъ побасенокъ. Побасенки! Но міръ задремалъ бы безъ такихъ побасенокъ, обомлѣла бы жизнь, плѣсенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!... О, да пребудутъ же вѣчно священны въ потомствѣ имена благосклонно внимавшихъ такимъ побасенкамъ: чудный перстъ Провидѣнья былъ неотлучно надъ главами творцовъ ихъ. Въ минуты даже бѣдъ и гоненій, все, что было благороднѣйшаго въ государствахъ, становилось прежде всего ихъ заступникомъ.

Бодрѣй же въ путь! И да не смутится душа отъ осужденій, но приметъ благодарно указанія недостатковъ, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей въ высокихъ движеніяхъ, и въ святой любви къ человѣчеству! Міръ, какъ водоворотъ: движутся въ немъ вѣчно мнѣнія и толки, но все перемалываетъ время. Какъ шелуха, слетаетъ ложь, и, какъ твердыя зерна, остаются недвижныя истины. Что признавалось пустымъ, можетъ явиться потомъ вооруженное строгимъ значеніемъ. Во глубинѣ холоднаго смѣха могутъ отыскаться горячія искры вѣчной могучей любви. И почему знать, можетъ быть, будетъ признано потомъ всѣми, что въ силу тѣхъ же законовъ, почему гордый и сильный человѣкъ является ничтожнымъ и слабымъ въ несчастіи, а слабый возрастаетъ, какъ исполинъ, среди бѣдъ, — въ силу тѣхъ же самыхъ законовъ, кто льетъ часто душевныя, глубокія слезы, тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ!...

АЛЬФРЕДЪ.

НАЧАЛО ТРАГЕДІИ ИЗЪ АНГЛІЙСКОЙ ИСТОРІИ (*).

ДѢЙСТВІЕ I.

НАРОДЪ *толпится по набережной.*

ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА. Ай, что ты такъ спѣшишь! Пустите хоть душу на покаянье.

ДРУГОЙ ИЗЪ НАРОДА. Да посторонитесь, ради Бога!

ГОЛОСЪ ТРЕТІЙ. Эхъ, какъ продирается! Чего тебѣ? ну, море, вода; больше ничего. Что̀, не видалъ никогда? Думаешь, такъ прямо и увидишь короля?

(ОДИНЪ.) Ну, теперь какъ Богъ дастъ, авось будетъ лучшее время, когда пріѣдетъ король. Вотъ не прогонитъ ли собакъ Датчанъ.

(ДРУГОЙ.) Ты откудова, братъ?

(ТРЕТІЙ.) Изъ графства Гертингаль, Томъ Турнилъ яорлъ.

(ДРУГОЙ.) Не знаю.

(ТРЕТІЙ.) Бѣжалъ изъ Кондингама.

(ПЕРВЫЙ.) Знаю. Гдѣ монахинь сожгли? Ахъ, страхъ тамъ какой! Такого не-христіанства и отъ Жидовъ, что распяли Христа, не было.

(*) Прочитано издателемъ въ одной изъ книгъ, въ которыхъ Гоголь писалъ начерно свои сочиненія до 1836 года. Было напечатано въ приложеніяхъ къ „Запискамъ о жизни Гоголя.“

женщина изъ толпы. А что же тамъ было?

(третій.) А вотъ что. Когда узнали монахини, что уже подступаетъ Игваръ съ Датчанами, которые, тетка, такой народъ, что не спустятъ ни одной женщинѣ, будь хоть немного смазлива... дѣло женское, ну понимаешь... такъ игуменья вотъ святая... такъ точно, святая... уговорила всѣхъ монахинь и сама первая изрѣзала себѣ все лицо; да, изуродовала совсѣмъ себя. И, какъ увидѣли эти звѣри, (что) нѣтъ хорошихъ лицъ, то такъ (монастыря) не оставили, а пережгли огнемъ всѣхъ монахинь.

голосъ. Боже ты мой!

голосъ въ толпѣ. Эхъ, Англосаксы!

другой. Сильный народъ проклятый. Конечно, нечистая сила.

(третій.) Что, какъ въ вашемъ графствѣ?

(первый.) Что въ нашемъ графствѣ! Вотъ я другой мѣсяцъ обѣдни не слушалъ.

(третій.) Какъ!

(первый.) Всѣ церкви пусты, епископа со свѣчой не сыщешь. Отъ Датчанъ дурно, а отъ нашихъ еще хуже. Всякій тамъ подличаетъ съ Датчаниномъ, чтобы больше земли притянуть къ себѣ. А если какой-нибудь яорлъ, чтобы убѣжать этой проклятой чужеземной собачьей власти, и поддастся въ покровительство тану, думая, что если платить повинности, то уже лучше своему, чѣмъ чужому,—еще хуже: такъ закабалятъ его, что и Бретонъ такого рабства не зналъ. Ну, наконецъ мы пріободримся немного. Теперь у насъ, говорятъ, будетъ такой король, какъ и не бывало,—мудрый, какъ въ писаніи Давидъ.

(третій.) Отчего жъ онъ не здѣсь, а за моремъ?

другой. А гдѣ это за моремъ?

(первый.) Въ городѣ Римѣ.

(третій.) Зачѣмъ же тамъ онъ?

(первый.) Тамъ онъ обучается, потому что умный городъ, и выучился, говорятъ, всему, всему, что ни есть на свѣтѣ.

другой голосъ. Какой городъ, ты сказалъ?

(первый.) Римъ.

(другой.) Не знаю.

(первый.) Рима не знаешь? Ну, уменъ ты!

(третій.) Ну, да. Пресвятая Дѣва! если бъ мнѣ довелось побывать когда-нибудь въ Римѣ! Говорятъ, городъ больше всей Англіи и дома изъ чистаго золота.

(первый.) Да что̀ это Римъ? тамъ, гдѣ святѣйшій живетъ?

другой. Мнѣ не такъ Римъ, какъ бы хотѣлось увидѣть папу. Вѣдь посуди: выше ужъ нѣтъ никого на свѣтѣ, какъ папа. И епископъ, и самъ король ниже папы. Такой святой, что какіе ни есть грѣхи, то можетъ отпустить.

(первый.) Вонъ слышишь ли? кто-то говоритъ, что видѣлъ папу.

голоса народа *на другой сторонѣ*. Ты видѣлъ папу?

брифринъ *изъ толпы*. Видѣлъ.

(голоса народа.) Гдѣ жъ ты его видѣлъ?

(брифринъ.) Въ самомъ Римѣ.

(голоса народа.) Ну, какъ же! Что̀ онъ? Какой?

Народъ сталкиваается въ ту сторону.

голоса. Да пустите! Ну, чего вы лѣзете? не слышали разсказовъ глупыхъ?

брифринъ. Я разскажу попорядку, какъ я его видѣлъ. Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мнѣ всего только половину гидесы земли. Тогда я сказалъ себѣ: «Зачѣмъ тебѣ, Брифринъ, сынъ Квикельма, обработывать землю, когда ты можешь оружіемъ добиться чести?» Сказавши это себѣ, я поѣхалъ кораблемъ къ французскому королю. А французскій король набиралъ себѣ дружину изъ людей самыхъ сильныхъ, чтобъ охраняли его въ случаѣ сраженія, или когда выѣдетъ куда, то и они бы выѣзжали, чтобы если посмотрѣть, такъ хорошій видъ былъ. Когда я попросился, меня приняли. Славный народъ! Латы лучше не во сто мѣръ нашихъ. Кольчуги такія жъ, какъ и у насъ, только не всё желѣзныя. Въ одномъ мѣстѣ — смотришь — рядъ колецъ мѣдныхъ, а въ другомъ и серебряныя. Мечъ при каждомъ; стрѣлъ нѣтъ, только копья. Топоръ больше чѣмъ въ полъ-пуда, — о, куды больше! а желѣзо такое, что у стараго Вульфинга на бердышѣ ни къ чорту не годится!

вульфингъ *изъ толпы*. Знай себя!

(БРИФРИНЪ.) Вотъ мы отправились съ французскимъ королемъ въ Римъ, чтобъ папѣ почтеніе отдать. Городъ такой, что никакъ нельзя разсказать; а домы и храмы Божьи не такъ какъ у насъ строятся, что крыши вострыя, какъ копье, а вотъ круглыя совсѣмъ, какъ-бы натянутый лукъ, и шпицовъ вовсе нѣтъ. А столбы вездѣ, и такъ много и рѣзьбы, и золота... великолѣпіе такое—такъ и ослѣпило глаза. Да, теперь насчетъ папы скажу. Въ одинъ вечеръ пришелъ товарищъ мой, Нѣмецъ Арнуль, славный воинъ... перстней у него и золотыхъ крестовъ, добытыхъ на войнѣ, куча, и на гитарѣ такъ словно играетъ... «Хочешь,» говоритъ, «видѣть папу?»—«Ну, хочу.»—«Такъ смотри же, завтра я приду къ тебѣ пораньше. Будетъ самъ папа служить.» Пошли мы съ Арнулемъ. Народу по улицамъ—Боже ты мой! больше чѣмъ здѣсь. Римлянки и Римляне въ такихъ нарядахъ — такъ и ослѣпило глаза. Мы протолкались на лучшее мѣсто, но и тамъ, если бы я немножко былъ ниже, то ничего бы не увидѣлъ за народомъ. Прежде всѣхъ пошли малчишки лѣтъ десяти, со свѣчами, въ вышитыхъ золотомъ платьяхъ, и какъ вышли они—такъ и ослѣпили глаза. А ходъ то весь для всѣхъ былъ выстланъ краснымъ сукномъ, краснымъ, краснымъ вотъ какъ кровь... ей Богу, такое красное сукно, какого я и не видалъ. Еслибъ изъ этого сукна да мнѣ верхнюю мантію, то вотъ, говорю вамъ передъ всѣми, что не только бы свой новый шлемъ, что съ каменьемъ и позолотою, который вы знаете, но, если бы прибавить къ этому ту сбрую, которую промѣнялъ Кенфусъ рыжій за гнѣдого коня, да бердышъ и рукавицы стараго Вульфинга, и еще коня въ придачу—ей Богу, отдалъ бы за эту мантію! Красная, красная, какъ огонь...

ГОЛОСЪ ВЪ НАРОДѢ. Чортъ знаетъ что! Ты разсказывай объ папѣ, а какая нужда намъ до твоихъ мантій?

ВУЛЬФИНГЪ, *изъ толпы*. Хвастунъ! расхвастался!

БРИФРИНЪ. Сейчасъ. Вотъ, вслѣдъ за ребятами пошли тѣ — какъ ихъ? Они съ одной стороны сдаютъ на епископовъ, только не епископы, а такъ какъ наши таны, или бароны въ рясахъ... Не помню, шепелявое какое-то имя. То эти всѣ таны, или епископы, какъ вышли—такъ и ослѣпили глаза. А какъ показался самъ папа, то такой блескъ пошолъ—такъ и ослѣпилъ глаза.

На епископахъ то все серебряное, а на папѣ золотое. Гдѣ епископы выступаютъ, тамъ серебряный полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой; гдѣ епископы стоятъ, тамъ серебряной полъ, а гдѣ папа, тамъ золотой.

голосъ изъ толпы. Бровингъ, корабль, ей Богу, корабль!

Всѣ бросаются, Брифринъ первый, и тѣснятся гуще около набережной.

голоса въ толпѣ. Да ну, стой!—Ради Бога! задавили!—Да дайте хоть назадъ выбраться!

голосъ женщины. Ай, ай! касолапый медвѣдь, руку выломилъ! Ой, пропустите, кто въ Христа вѣруетъ, пропустите!

брифринъ, *оборачиваясь.* Чего лѣзешь на плечи? развѣ я тебѣ лошадь верховая? Гдѣ жъ король? гдѣ жъ корабль? Экая тѣснота!

голосъ въ народѣ. Да нѣтъ корабля никакого!

(брифринъ.) Кто выдумалъ, что король ѣдетъ?

(голосъ въ народѣ.) Да кто же? ты говорилъ!

(брифринъ.) И не думалъ.

(голосъ въ народѣ.) Да кто жъ сказалъ, что король?—Это Шпингъ сказалъ, что король ѣдетъ.—Эй, Шпингъ! зачѣмъ ты сказалъ, что король ѣдетъ?

(шпингъ.) Ей Богу, любезный народъ, совсѣмъ было похоже на корабль!

(брифринъ.) Впередъ молчи, дуракъ, если не хочешь самъ поплыть.

старуха, *проползая впередъ.* Нашли, чего толпиться: вѣдь никого нѣтъ.

брифринъ. Ба, Кудредъ! откудова пріятель?

кудредъ. Изъ дому.

(брифринъ.) Короля видѣть пришелъ?

(кудредъ.) И побольше чѣмъ видѣть.

(брифринъ.) А что̀ еще?

(кудредъ.) Жалобу прямо самому королю.

(брифринъ.) На кого?

(кудредъ.) На королевскаго тана Этельбальда.

(брифринъ.) Ты шутишь, братецъ?

(кудредъ.) Нѣтъ, не шучу.

голоса въ народѣ. Вишь, на Этельбальда жалуется.—Онъ съ ума сошелъ. Да онъ вѣдь сильнѣе всѣхъ въ королевствѣ.—Воиновъ и богатства у него больше, чѣмъ у короля.

экбертъ. Кто несетъ жалобу на Этельбальда, тотъ подай мнѣ руку; хотя ты простой яорлъ, а я танъ, но я пожимаю, потому что ты честный человѣкъ. Я тебѣ буду помогать.

кисса. Эй, другъ, напрасно ты связываешься съ (Этельбальдомъ).

брифринъ. За что жъ жалуешься?

(кудредъ.) За что? Этельбальдъ, хоть и королевскихъ тановъ всѣхъ старше, но подлецъ и мошенникъ. Когда Датчане ворвались въ Весексъ и начали грабить, я прибѣгнулъ къ нему, свиньѣ. Думалъ: онъ богачъ и столько имѣетъ земли, что не за что̀ ему обижать меня. Я обѣщался ему, если надобность, первому явиться въ его войскѣ и лошадь привести свою и все вооруженіе мое... А онъ, мошенникъ, какъ только Датчане ушли, совсѣмъ зачислилъ меня въ свои рабы. За что̀ я долженъ ему мостить чертовскій мостъ къ его замку и на моихъ двухъ лошадяхъ, самыхъ непородныхъ, возить фашинникъ? И теперь, когда я отлучился по надобности въ графство Генсганъ, онъ взялъ мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше двухъ гидесъ, и отдалъ въ ленъ какому-то (вассалу); а мнѣ отдалъ двадцать шаговъ песчанику за кладбищемъ. «Вотъ тебѣ,» говоритъ, «земля!» Да развѣ я, старый плутъ, рабъ твой? Я вольный, я яорлъ. Я, если бъ только захотѣлъ, прикупилъ еще два гидеса земли да выстроилъ церковь и домъ, я бы самъ былъ таномъ! Никто, по законамъ англосакскимъ, не можетъ обидѣть и закабалить вольнаго человѣка. Развѣ я сдѣлалъ какое приступленіе?

(брифринъ.) Да ходилъ ли ты съ жалобою въ вашъ ширгемотъ?

(кудредъ.) Подлецы всѣ; держутъ его сторону.

(брифринъ.) Ну, да все-таки какъ же порѣшили?

(кудредъ.) Вотъ на тебѣ бумагу, если ты прочтешь.

(брифринъ.) Что̀ ты? такъ у васъ судьи пишутъ? Слышь ты, народъ? писанная бумага! У насъ во всемъ ширствѣ, да и выше, во всемъ Весексѣ, ни одинъ ширъ, ни альдерманъ не умѣетъ

требуетъ хорошаго изданія» и тому подобное, за что̀ авторъ разбираемой книги иногда обижался и жаловался на пристрастіе рецензента. Книги часто были разбираемы тѣми же самыми рецензентами, которые писали извѣстія о новыхъ табачныхъ фабрикахъ, открывавшихся въ столицѣ, о помадѣ и проч.; сіи извѣстія иногда довольно остроумны и въ шуткахъ своихъ показывали ловкихъ и хорошо воспитанныхъ людей, безъ сомнѣнія, имѣвшихъ основательныя причины быть довольными фабрикантами. Впрочемъ отъ «Сѣверной Пчелы» больше требовать было нечего: она была всегда исправная ежедневная афиша, ея дѣломъ было пригласить публику, а судить она предоставляла самой публикѣ.

Журналъ, носившій названіе «Сына Отечества и Сѣвернаго Архива,» былъ почти невидимкою во все время. О немъ никто не говорилъ, на него никто не ссылался, не смотря на то, что онъ выходилъ исправно еженедѣльно и что печаталъ такую огромную программу на своей оберткѣ, какую врядъ ли гдѣ можно было встрѣтить. Въ «Сынѣ Отечества» (говорила программа) будетъ археологія, медицина, правовѣдѣніе, статистика, русская исторія, всеобщая исторія, русская словесность, иностранная словесность, наконецъ просто словесность, географія, этнографія, историческая галлерея и прочее. Иной ахнетъ, прочитавши такую ужасную программу и подумаетъ, что это огромнѣйшее энциклопедическое изданіе, когда-либо существовавшее на свѣтѣ. Ни чуть не бывало: выходила худенькая, тоненькая книжечка въ три листа, начинавшаяся статьею о какихъ-нибудь болѣзняхъ, которой не читали даже медики. Критическая статья, а тѣмъ еще болѣе живая и современная, не была въ немъ постоянною. Новости политическія были тѣ же сухіе факты, взятые изъ «Сѣверной Пчелы,» слѣдственно уже всѣмъ извѣстные. Помѣщаемыя какія-то оригинальныя повѣсти были довольно странны, чрезвычайно коротенькія и совершенно безцвѣтны. Если попадалось что-нибудь достойное замѣчанія, то оно оставалось незамѣтнымъ. Имена редакторовъ, гг. Булгарина и Греча, стояли только на заглавномъ листкѣ; но съ ихъ стороны рѣшительно не было видно никакого участія. Однакожъ журналъ существовалъ; стало быть, читатели и подписчики были. Эти читатели и подписчики были почтенные и пожилые люди,

живущіе въ провинціяхъ, которымъ что-нибудь почитать такъ же необходимо, какъ заснуть часикъ послѣ обѣда, или выбриться два раза въ недѣлю.

Издавалась еще въ Петербургѣ, въ продолженіе всего этого времени, газета чисто литературная, освобожденная отъ всякихъ вторженій наукъ и важныхъ свѣдѣній,—не политическая, не статистическая, не энциклопедическая, любительница стараго, но при всемъ томъ имѣвшая особенный характеръ. Названіе этой газеты: «Литературныя Прибавленія къ Инвалиду.» Въ ней помѣщались легонькія повѣсти: бесѣды деревенскихъ помѣщиковъ о литературѣ, бесѣды часто довольно обыкновенныя, но иногда мѣстами проникнутыя колкостями, близкими къ истинѣ; читатель, къ изумленію своему, видѣлъ, что помѣщики къ концу статьи дѣлались совершенными литераторами, принимали къ сердцу текущую литературу и приправляли свои мнѣнія ѣдкою насмѣшкою. Этотъ журналъ всегда оказывалъ оппозицію противу всякаго счастливаго наѣздника, хотя его вся тактика часто состояла только въ томъ, что онъ выписывалъ одно какое-нибудь мѣсто, доказывающее журнальную опрометчивость, и присовокуплялъ отъ себя довольно злое замѣчаніе, не длиннѣе строчки, съ восклицательнымъ знакомъ. Г. Воейковъ былъ чрезвычайно дѣятельный ловецъ и, какъ рыбакъ, сидѣлъ съ удой на берегу, не теряя терпѣнія, хотя на его уду попадалась большею частію мелкая рыба, а большая обрывалась. Въ редакторѣ была замѣтна чисто литературная жизнь, и онъ съ неохлажденнымъ вниманіемъ не сводилъ глазъ съ журнальнаго поля. Я не знаю, много ли было читателей его газеты, но она очень стоила того, чтобы иногда въ нее заглянуть.

Въ Москвѣ издавался одинъ только «Телескопъ,» съ небольшими листками прибавленія, подъ именемъ «Молвы;» журналъ въ началѣ отозвавшійся живостью, но вскорѣ простывшій, наполнявшійся статьями безъ всякаго разбора, лишенный всякаго литературнаго движенія. Видно было, что издатели не прилагали о немъ никакого старанія и выдавали книжки какъ-нибудь.

Монополія, захваченная «Библіотекою для чтенія,» не могла не задѣть за живое другихъ журналовъ. Но «Сѣверная Пчела» была издаваема тѣмъ же самымъ г. Гречемъ, котораго имя, нѣкоторое

время, стояло на заглавномъ листѣ въ «Библіотекѣ,» какъ главнаго ея редактора, хотя это званіе, какъ мы уже видѣли, было только почетное, и потому очень естественно, что «Сѣверная Пчела» должна была хвалить все, помѣщаемое въ «Библіотекѣ,» и настоящаго ея движителя, являвшагося подъ множествомъ разныхъ именъ, называть русскимъ Гумбольдомъ. Но и безъ того она врядъ ли бы могла явиться сильною противницею, потому что не управлялась единою волею; разные литераторы заглядывали туда только по своей надобности. «Сынъ Отечества» долженъ былъ повторять слова «Пчелы.» Итакъ всего только два журнала могли возстать противъ его мнѣній. Г. Воейковъ показалъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» что-то похожее на оппозицію; но оппозиція его состояла въ легкихъ замѣткахъ журнальныхъ промаховъ, иногда удачной остротѣ, выраженныхъ отрывисто, въ немногихъ словахъ, съ насмѣшкою очень понятною для немногихъ литераторовъ, но незамѣтною для непосвященныхъ. Нигдѣ не помѣстилъ онъ обстоятельной и основательной критики, которая опредѣляла бы сколько-нибудь направленіе новаго журнала. «Телескопъ» въ соединеніи съ «Молвою» дѣйствовалъ противъ «Библіотеки для Чтенія,» но дѣйствовалъ слабо, безъ постоянства, терпѣнія и необходимаго хладнокровія. Въ статьяхъ критическихъ онъ былъ часто исполненъ негодованія противъ новаго счастливца, шутилъ надъ баронствомъ г. Сенковскаго, сдѣлалъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно его страннаго подражанія французскимъ писателямъ, но не видѣлъ дѣла во всей ясности. Въ «Молвѣ» повторялись тѣ же намеки на Брамбеуса, часто по поводу разбора совершенно посторонняго сочиненія. Кромѣ того «Телескопъ» много вредилъ себѣ опаздываніемъ книжекъ, неаккуратностію изданія и критическія статьи его чрезъ то еще менѣе были въ оборотѣ.

Очевидно, что силы и средства этихъ журналовъ были слишкомъ слабы въ отношеніи къ «Библіотекѣ для Чтенія,» которая была между ними, какъ слонъ между мелкими четвероногими. Ихъ бой былъ слишкомъ неравенъ и они, кажется, не приняли въ соображеніе, что «Библіотека для Чтенія» имѣла около пяти тысячъ подписчиковъ, что мнѣнія «Библіотеки для Чтенія» разносились въ такихъ слояхъ общества, гдѣ даже не слышали, существуютъ ли

«Телескопъ» и «Литературныя Прибавленія,» что мнѣнія и сочиненія, помѣщаемыя въ «Библіотекѣ для Чтенія,» были расхвалены издателями той же «Библіотеки для Чтенія,» скрывавшимися подъ разными именами, расхвалены съ энтузіазмомъ, всегда имѣющимъ вліяніе на большую часть публики; ибо то, что̀ смѣшно для читателей просвѣщенныхъ, тому вѣрятъ со всѣмъ простодушіемъ читатели ограниченные, какихъ, по количеству подписчиковъ, можно предполагать болѣе между читателями «Библіотеки,» и къ тому же большая часть подписчиковъ были люди новые, дотолѣ незнавшіе журналовъ, слѣдственно принимавшіе все за чистую истину; что, наконецъ, «Библіотека для Чтенія» имѣла сильное для себя подкрѣпленіе въ 4,000 экземплярахъ «Сѣверной Пчелы.»

Ропотъ на такую неслыханную монополію сдѣлался силенъ. Въ Москвѣ наконецъ нѣсколько литераторовъ рѣшились издавать какой-нибудь свой журналъ. Новый журналъ нуженъ былъ не для публики, то есть для большого числа читателей, но собственно для литераторовъ, различно притѣсняемыхъ «Библіотекою.» Онъ былъ нуженъ: 1) для тѣхъ, которые желали имѣть пріютъ для своихъ мнѣній, ибо Б. для Ч. не принимала никакихъ критическихъ статей, если не были онѣ по вкусу главнаго распорядителя; 2) для тѣхъ, которые видѣли съ изумленіемъ, какъ на ихъ собственныя сочиненія наложена была рука распорядителя; ибо г. Сенковскій началъ уже переправлять, безо всякаго разбора лицъ, всѣ статьи, отдаваемыя въ «Библіотеку.» Онъ переправлялъ статьи военныя, историческія, литературныя, относящіяся къ политической экономіи и проч., и все это дѣлалъ безъ всякаго дурного намѣренія, даже безъ всякаго отчета, не руководствуясь никакимъ чувствомъ надобности, или приличія. Онъ даже придѣлалъ свой конецъ къ комедіи Фонвизина, не разсмотрѣвши, что она и безъ того была съ концомъ.

Все это было очень досадно для писателей, рѣшительно неимѣвшихъ мѣста, куда бы могли подать жалобу свѣту и читателямъ.

Но уже одинъ слухъ о новомъ журналѣ возбудилъ негодованіе «Библіотеки для Чтенія» и подвинулъ ее къ неожиданному поступку: она увѣряла своихъ читателей и подписчиковъ съ необыкновен

нымъ жаромъ, что новый журналъ будетъ бранчивый и неблагонамѣренный. Статья, помѣщенная по этому же случаю въ «Сѣверной Пчелѣ», казалось, была писана человѣкомъ, въ отчаяніи предвидѣвшимъ свою конечную погибель. Въ ней увѣдомляли публику, что новый журналъ хотѣлъ уронить «Библіотеку для Чтенія», потому только, что издатели онаго объявили, что будутъ выпускать таковое же число листовъ, какъ и «Б. для Чтенія». Поступокъ чрезвычайно неосмотрительный! Въ подобномъ дѣлѣ необходимо скрыть свои мелкія чувства искусно и потомъ, выждавъ удобный случай, нанесть обдуманный ударъ. Если я издаю журналъ, зачѣмъ же не издавать его и другому? И какъ могу гнѣваться, если другой скажетъ, что онъ будетъ брать меня въ образецъ? Не долженъ ли я, напротивъ, его благодарить? Не показываетъ ли онъ тѣмъ степень уваженія, мною заслуженнаго въ публикѣ? Чѣмъ больше соревнованія, тѣмъ больше выиграша для читателей и для литераторовъ.

Но разсмотримъ, въ какой степени «Москов. Набл.» выполнилъ ожиданія публики, жадной до новизны, ожиданіе читателей образованныхъ, ожиданіе литераторовъ и опасеніе «Библіотеки для Чтенія.»

Новый журналъ, не смотря на ревностное стараніе привести себя во всеобщую извѣстность, не имѣлъ средствъ огласить во всѣ углы Россіи о своемъ появленіи, потому что: единственные глашатаи вѣстей были его противники, «Сѣверная Пчела» и «Библіотека для Чтенія», которые конечно не помѣстили бы благопріятныхъ о немъ объявленій; онъ начался довольно поздно, не съ новымъ годомъ, слѣдственно не въ то время, когда обыкновенно начинаются подписки; наконецъ, онъ пренебрегъ быстрымъ выходомъ книжекъ и срочною ихъ поставкою. Но важнѣйшія причины неуспѣха заключались въ характерѣ самого журнала. По первымъ вышедшимъ книжкамъ уже можно было видѣть, что предположеніе журнала было слѣдствіемъ одного горячаго мгновенія. Въ «Московскомъ Наблюдателѣ» тоже не было видно никакой сильной пружины, которая управляла бы ходомъ всего журнала. Редакторъ его виденъ былъ только на заглавномъ листкѣ. Имя его было почти неизвѣстно. Онъ написалъ доселѣ нѣсколько сочиненій статистическихъ, имѣющихъ много достоинства, но которыхъ пуб-

лика чисто литературная не знала вовсе. Литературныя мнѣнія его были неизвѣстны. Въ этомъ состояла большая ошибка издателей «Московскаго Наблюдателя». Они позабыли, что редакторъ всегда долженъ быть виднымъ лицомъ. На немъ, на оригинальности его мнѣній, на живости его слога, на общепонятности и общезанимательности языка его, на постоянной свѣжей дѣятельности его, основывается весь кредитъ журнала. Но г. Андросовъ явился въ «Московскомъ Наблюдателѣ» вовсе незамѣтнымъ лицомъ. Если желаніе издателей было постановить только почетнаго редактора, какъ вошло въ обычай у насъ на лѣнивой Руси, то въ такомъ случаѣ они должны были труды редакціи разложить на себя; но они оставили всю отвѣтственность на редакторѣ, и «Московскій Наблюдатель» сталъ похожъ на тѣ ученыя общества, гдѣ члены ничего не дѣлаютъ и даже не бываютъ въ присутствіи, между тѣмъ какъ президентъ является каждый день, садится въ свои кресла и велитъ записывать протоколъ своего уединеннаго засѣданія. Въ журналѣ было нѣсколько очень хорошихъ статей; его украсили стихи Языкова и Баратынскаго, эти перлы русской поэзіи; но при всемъ томъ въ журналѣ не было замѣтно никакой современной живости, никакого хлопотливаго движенія; не было въ немъ разнообразія, необходимаго для изданія періодическаго. Замѣчательныя статьи, поступавшія въ этотъ журналъ, были похожи на оазисы, зеленѣющіе посреди цѣлаго моря песчаныхъ степей. Притомъ издатели, какъ кажется, мало имѣли свѣдѣнія о томъ, что̀ нравится и что̀ не нравится публикѣ. Статьи часто хорошія дѣлались скучными, потому только, что онѣ тянулись изъ одного нумера въ другой съ несносною подписью: *Продолженіе впредь.* Вотъ каковъ былъ журналъ, долженствовавшій бороться съ «Библіотекой для Чтенія».

«Наблюдатель» начался оппозиціонною статьею г. Шевырева о торговлѣ, зародившейся въ нашей литературѣ. Въ ней авторъ нападаетъ на торговлю въ ученомъ мірѣ, на всеобщее стремленіе составить себѣ доходъ изъ литературныхъ занятій. Первая ошибка была здѣсь та, что авторъ статьи обратилъ вниманіе не на главный предметъ. Во-вторыхъ, онъ гремѣлъ противъ пишущихъ за деньги, но не разрушилъ никакого мнѣнія въ публикѣ касательно внутренней цѣнности товара. Статья сія была понятна однимъ ли-

тераторамъ, нанесла досаду «Библіотекѣ для Чтенія», но ничего не дала знать публикѣ, непонимающей даже, въ чемъ состояло дѣло. Притомъ сіи нападенія были несправедливы, потому что устремлялись на непреложный законъ всякаго дѣйствія. Литература должна была обратиться въ торговлю, потому что читатели и потребность чтенія увеличилась. Естественное дѣло, что при этомъ случаѣ всегда больше выигрываютъ люди предпріимчивые, безъ большого таланта, ибо во всякой торговлѣ, гдѣ покупщики еще простоваты, выигрываютъ больше купцы оборотливые и пронырливые. Должно показать, въ чемъ состоитъ обманъ, а не пересчитывать ихъ барыши. Что литераторъ купилъ себѣ доходный домъ, или пару лошадей, это еще не бѣда; дурно то, что часть бѣднаго народа купила худой товаръ, и еще хвалится своею покупкою. Должно было обратить вниманіе г. Шевыреву на бѣдныхъ покупщиковъ, а не на продавцовъ. Продавцы обыкновенно бываютъ люди наѣздные: сегодня здѣсь, а завтра Богъ знаетъ гдѣ. При этомъ случаѣ сдѣланъ былъ несправедливый упрекъ книгопродавцу Смирдину, который вовсе невиноватъ, который за предпріимчивость и честную дѣятельность заслуживаетъ одну только благодарность. Нѣтъ спора, что онъ далъ, можетъ быть, много воли людямъ, которымъ приличнѣе было заниматься просто торговлею, а не литературою. Талантъ не искателенъ, но корыстолюбіе искательно. На это также смѣшно жаловаться, какъ было бы странно жаловаться, на правительство, встрѣтивши недальновиднаго чиновника. Для таланта есть потомство, этотъ неподкупный ювелиръ, который оправляетъ одни чистые брилліанты. Г. Шевыревъ показалъ въ статьѣ своей благородный порывъ негодованія на прозаическое, униженное направленіе литературы, но на большинство публики эта статья рѣшительно не сдѣлала никакого впечатлѣнія. «Библіотека» отвѣчала коротко, въ духѣ обыкновенной своей тактики: обратившись къ зрителямъ, то есть къ подписчикамъ, она говорила: вотъ какое неблагородство духа показалъ г. Шевыревъ, неприличіе и неимѣніе высокихъ чувствъ, упрекая насъ въ томъ, что мы трудимся для денегъ, тогда какъ, и проч... Это обыкновенная политика петербургскихъ журналовъ и газетъ. Какъ только кто-нибудь сдѣлаетъ имъ упрекъ въ корыстолюбіи и въ

бездѣйствіи, они всегда жалуются публикѣ на неприличіе выраженій и неблагородство духа своихъ противниковъ, говорятъ, что статья эта писана съ цѣлію только поддѣть публику и забрать отъ читателей деньги, что они почитаютъ съ своей стороны священнымъ долгомъ предувѣдомить публику.

Итакъ выходка «Московскаго Наблюдателя» скользнула по «Библіотекѣ для Чтенія», какъ пуля по толстой кожѣ носорога, отъ которой даже не чихнуло тучное четвероногое. Выславши эту пулю, «Московскій Наблюдатель» замолчалъ: доказательство, что онъ не начерталъ для себя обдуманнаго плана дѣйствій и что рѣшительно не зналъ, какъ и съ чего начать. Должно было или не начинать вовсе, или если начать, то уже не отставать. Только постояннымъ дѣйствіемъ могъ «Наблюдатель» дать себѣ ходъ и сдѣлать имя свое извѣстнымъ публикѣ, какъ сдѣлалъ его извѣстнымъ «Телеграфъ», дѣйствуя такимъ же образомъ и почти при такихъ же обстоятельствахъ. «Наблюдатель» выпустилъ вслѣдъ за тѣмъ нѣсколько нумеровъ, но ни въ одномъ изъ нихъ не сказалъ ничего въ защиту и подкрѣпленіе своихъ мнѣній. Чрезъ нѣсколько нумеровъ показалась наконецъ статья, посвященная Брамбеусу, по поводу одной давно напечатанной въ «Библіотекѣ» статьи, подъ именемъ: «Брамбеусъ и юная словесность», въ которой Брамбеусъ назвалъ самъ себя законодателемъ какой-то новой школы и вводителемъ новой эпохи въ русской литературѣ.

Это въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно странно. Случалось, что литераторы иногда похваливали самихъ себя, или подъ именемъ друзей своихъ, или даже сами отъ себя, но все же съ нѣкоторою застѣнчивостію, и послѣ сами старались все это какъ-нибудь загресть собственными руками, чувствуя, что нѣсколько провинились. Но никогда еще авторъ не хвалилъ себя такъ свободно и непринужденно, какъ баронъ Брамбеусъ. Эта оригинальная статья слишкомъ была ярка, чтобы не быть замѣченною. Ею занялся и «Телескопъ», и потрунилъ надъ нею довольно забавно, только вскользь; съ необыкновенною смѣтливостію о ней намекнулъ и г. Воейковъ; она возродила статью и въ «Московскомъ Наблюдателѣ». Цѣль этой статьи была доказать, откуда баронъ Брамбеусъ почерпнулъ талантъ свой и знаменитость, какими твореніями чужихъ хозяевъ пользовался, какъ своимъ; другими словами: изъ

какихъ лоскутковъ баронъ Брамбеусъ сшилъ себѣ халатъ? Нѣсколько безгласныхъ книжекъ, выходившихъ вслѣдъ за тѣмъ, совершенно погрузили «М. Наблюдателя» въ забвеніе. Даже самая «Библіотека для Чтенія» перестала наконецъ упоминать о немъ, какъ о безсильномъ противникѣ; продолжала шутить надъ важнымъ и неважнымъ, и говорить все то, что̀ первое попадалось подъ перо ея.

Вотъ каковы были дѣйствія нашихъ журналовъ. Изложивъ ихъ, разсмотримъ теперь, что̀ сдѣлали они въ эти два года такого, которое должно вписаться въ исторію нашей литературы, оставить въ ней свою оригинальную черту,—какія мнѣнія, какіе толки они утвердили, что̀ опредѣлили и какой мысли дали право гражданства.

Длинная программа, сулящая статистику, медицину, литературу, ничего не значитъ. Извѣщеніе о томъ, что критика будетъ благонамѣренная, чуждая личностей и партій, тоже не показываетъ цѣли. Она должна быть необходимымъ условіемъ всякаго журнала. Даже множество помѣщенныхъ въ журналѣ статей ничего незначитъ, если журналъ не имѣетъ своего мнѣнія и не оказывается въ немъ направленіе, хотя даже одностороннее, къ какой-нибудь цѣли. «Телеграфъ» издавался, кажется, съ тѣмъ, чтобы ниспровергнуть обветшалыя, заматерѣлыя, почти машинальныя мысли тогдашнихъ нашихъ старожиловъ, классиковъ; «Московскій Вѣстникъ», одинъ изъ лучшихъ журналовъ, не смотря на то, что въ немъ не много было современнаго движенія, издавался съ тѣмъ, чтобы познакомить публику съ замѣчательнѣйшими созданіями Европы, раздвинуть кругъ нашей литературы, доставить намъ свѣжія идеи о писателяхъ всѣхъ временъ и народовъ. Здѣсь не мѣсто говорить, въ какой степени оба сіи журналы выполнили цѣль свою; по крайней мѣрѣ стремленіе къ ней было чувствуемо въ нихъ читателями. Но разсмотрите внимательно издававшіеся въ послѣдніе два года журналы; уловите главную нить каждаго изъ нихъ: сей-то нити и не сыщите. Развернувши ихъ, будете поражены мелкостью предметовъ, вызвавшихъ толки ихъ. Подумаете, что рѣшительно ни одного важнаго событія не произошло въ литературномъ мірѣ. А между тѣмъ:

1) Умеръ знаменитый Шотландецъ, великій дѣеписатель сердца, природы и жизни, полнѣйшій, обширнѣйшій геній XIX вѣка.

2) Въ литературѣ всей Европы распространился безпокойный волнующійся вкусъ. Являлись опрометчивыя, безсвязныя, младенческія творенія, но часто восторженныя, пламенныя: слѣдствіе политическихъ волненій той страны, гдѣ рождались. Странная, мятежная какъ комета, неорганизованная какъ она, эта литература волновала Европу, быстро облетѣла всѣ углы читающаго міра. Пусть эти явленія будутъ всеміpно-европейскія, хотя они отражались и въ Россіи; разсмотримъ литературныя событія чисто-русскія.

3) Распространилось въ большей степени чтеніе романовъ, холодныхъ, скучныхъ повѣстей, и оказалось очень явно всеобщее равнодушіе къ поэзіи.

4) Вышли новыми изданіями Державинъ, Карамзинъ, гласно требовавшіе своего опредѣленія и настоящей вѣрной оцѣнки, такъ какъ и всѣ прочіе старые писатели наши, ибо въ литературномъ мірѣ нѣтъ смерти, и мертвецы такъ же вмѣшиваются въ дѣла наши и дѣйствуютъ вмѣстѣ съ нами, какъ и живые. Они требовали возвращенія того, что̀ дѣйствительно имъ слѣдуетъ; они требовали уничтоженія неправаго обвиненія, неправаго опредѣленія, безсмысленно повтореннаго въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ и повторяемаго донынѣ.

Но сказали ли журналы наши, руководимые строгимъ размышленіемъ: что̀ такое былъ Вальтеръ Скоттъ, въ чемъ состояло вліяніе его, что̀ такое французская современная литература, отчего, отъ куда она произошла, что̀ было поводомъ неправильнаго уклоненія вкуса и въ чемъ состоялъ ея характеръ, отчего поэзія замѣнилась прозаическими сочиненіями, на какой степени образованія стоитъ русская публика и что̀ такое русская публика, въ чемъ состоитъ оригинальность и свойство нашихъ писателей?

Напрасно въ этомъ отношеніи читатель станетъ искать въ нихъ новыхъ мыслей, или какихъ-нибудь слѣдовъ глубокаго, добросовѣстнаго изученія. Вальтера Скотта у насъ только побранили. Французскую литературу одни приняли съ дѣтскимъ энтузіазмомъ, утверждали, что модные писатели проникнули тайны сердца человѣческаго, дотолѣ сокровенныя для Сервантеса, для Шекспира....другіе безотчетно поносили ее, а между тѣмъ сами

писали во вкусѣ той же школы еще съ бóльшими несообразностями. Вопросомъ: отчего у насъ въ большомъ ходу водяные романы и повѣсти? вовсе не занялись, а вмѣсто того въ добавокъ напустили и своихъ еще собственныхъ. О нашей публикѣ сказали только, что она почтенная публика и что должна подписываться на всѣ журналы и разныя изданія, ибо ихъ можетъ читать и отецъ семейства, и купецъ, и воинъ, и литераторъ; о Державинѣ, Карамзинѣ и Крыловѣ ни чего не сказали, или сказали то, чтò говоритъ уѣздный учитель своему ученику, и отдѣлались пошлыми фразами.

О чемъ же говорили наши журналы? Они говорили о ближайшихъ и любимѣйшихъ предметахъ: они говорили о себѣ, они хвалили въ своихъ журналахъ собственныя свои сочиненія, они рѣшительно были заняты только собою: на все другое они обращали какое-то холодное, безстрастное вниманіе. Великое и замѣчательное было какъ-будто невидимо. Ихъ равнодушная критика обращена была на тѣ предметы, которые почти не заслуживали вниманія.

Въ чемъ же состоялъ главный характеръ этой критики? Въ ней очень явственно было замѣтно:

1) Пренебреженіе къ собственному мнѣнію. Почти никогда не было замѣтно, что критикъ считалъ свое дѣло важнымъ и принимался за него съ благоговѣніемъ и предварительнымъ размышленіемъ, чтобы, водя перомъ своимъ, думалъ о небольшомъ числѣ возвышенно-образованныхъ современниковъ, предъ которыми онъ долженъ дать отвѣтъ въ каждомъ своемъ словѣ. Журнальная критика по большей части была какимъ-то гаерствомъ. Какъ хвалили книгу покровительствуемаго автора? Не говорили просто, что такая-то книга хороша, или достойна вниманія въ такомъ-то и такомъ-то отношеніи, совсѣмъ нѣтъ. «Это книга», говорили рецензенты, «удивительная, необыкновенная, неслыханная геніяльная, первая на Руси; продается по пятнадцати рублей: авторъ выше Вальтера Скотта, Гумбольдта, Гёте, Байрона. Возьмите, переплетите и поставьте въ библіотеку вашу; также и второе изданіе купитè и поставьте въ библіотеку: хорошаго не мѣшаетъ имѣть и по два экземпляра.»

Большая часть книгъ была расхвалена безъ всякаго разбора и

совершенно безотчетно. Если счесть всѣ тѣ, которыя попали въ первокласныя, то иной подумаетъ, что нѣтъ въ мірѣ богаче русской литературы, и только чрезъ нѣсколько времени противоположные толки тѣхъ же самыхъ рэцензентовъ о тѣхъ же самыхъ книгахъ заставятъ его задуматься и приведутъ въ недоумѣніе. Та же самая неумѣренность являлась въ упрекахъ сочиненіямъ писателей, противъ которыхъ рецензентъ питалъ ненависть, или неблагорасположеніе. Такъ же безотчетно изливалъ онъ гнѣвъ свой, удовлетворяя минутному чувству.

2) Литературное безвѣріе и литературное невѣжество. Эти два свойства особенно распространились въ послѣднее время у насъ въ литературѣ. Нигдѣ не встрѣтишь, чтобъ упоминались имена уже кончившихъ поприще писателей нашихъ, которые глядятъ на насъ, въ лучахъ славы, съ вышины своей. Ни одинъ изъ критиковъ не поднялъ благоговѣйно глазъ своихъ, чтобы ихъ примѣтить. Никогда почти не стоятъ на журнальныхъ страницахъ имена Державина, Ломоносова, Фонвизина, Богдановича, Батюшкова. Ничего о вліяніи ихъ, еще остающемся, еще замѣтномъ. Никогда они даже не брались въ сравненіе съ нынѣшнею эпохой. Что наша эпоха кажется какъ-будто отрублена отъ своего корня, какъ-будто у насъ вовсе нѣтъ начала; какъ-будто исторія прошедшаго для насъ не существуютъ. Это литературное невѣжество распространяется особенно между молодыми рецензентами, такъ что вообще современная критическая литература совершенно похожа на наносную. Не успѣетъ пройти годъ-другой, какъ толки, въ началѣ довольно громкіе, уже безгласные, неслышные какъ звукъ безъ отголоска, какъ фразы, сказанныя на вчерашнемъ балѣ, Имена писателей, уже упрочившихъ свою славу, и писателей, еще требующихъ ея, сдѣлались совершенною игрушкою. Одинъ рецензентъ роняетъ тѣхъ, которыхъ поднялъ его противникъ, и все это дѣлается безъ всякаго разбора, безъ всякой идеи; иное имя бываетъ обязано славою своею ссорѣ двухъ рецензентовъ. Не говоря о писателяхъ отечественныхъ, рецензентъ, о какой бы пустѣйшей книгѣ ни говорилъ, непремѣнно начнетъ Шекспиромъ, котораго онъ вовсе не читалъ Но о Шекспирѣ пошло въ моду говорить—и такъ подавай намъ Шекспира. Говоритъ онъ: «Съ

сей точки начнемъ мы теперь разбирать открытую предъ нами книгу. Посмотримъ, какъ авторъ нашъ соотвѣтствовалъ Шекспиру», а между тѣмъ разбираемая книга чепуха, писанная вовсе безъ всякихъ притязанiй на соперничество съ Шекспиромъ, и сходствуетъ развѣ только съ духомъ и образомъ выраженiй самого рецензента.

3) Отсутствiе чистаго эстетическаго наслажденiя и вкуса. Еще въ московскихъ журналахъ видишь иногда какой-нибудь вкусъ, что-нибудь похожее на любовь къ искусству; напротивъ того критики журналовъ петербургскихъ, особенно такъ называемые благопристойные, чрезвычайно ничтожны. Разбираемыя сочиненiя превозносятся выше Байрона, Гёте и проч. Но нигдѣ не видитъ читатель, чтобы это было признакомъ чувства, признакомъ пониманiя, истекло изъ глубины признательной, растроганной души. Слогъ ихъ, не смотря на наружное, часто вычурное и блестящее убранство, дышетъ мертвящею холодностiю. Въ немъ видна живость, или горячая замашка только тогда, когда рецензентъ задѣтъ за живое и когда дѣло относится къ его собственному достоинству. Справедливость требуетъ упомянуть окритикахъ Шевырева, какъ объ утѣшительномъ исключенiи. Онъ передаетъ намъ впечатлѣнiя въ томъ видѣ, какъ приняла ихъ душа его. Въ статьяхъ его вездѣ замѣтенъ мыслящiй человѣкъ, иногда увлекающiйся первымъ впечатлѣнiемъ.

4) Мелочное въ мысляхъ и мелочное щегольство. Мы уже видѣли, что критика не занималась вопросомъ важнымъ. Вниманiе рецензiй было устремлено на цѣлую шеренгу пустыхъ книгъ и вовсе не съ тѣмъ, чтобы разбирать ихъ, но чтобы блеснуть любезностiю, заставить читателя разсмѣяться. До какой степени критика занялась пустяками и ничтожными спорами, читатели уже видѣли изъ знаменитаго процесса о двухъ бѣдныхъ мѣстоименiяхъ, *сей* и *оный.* Вотъ до чего дошла наконецъ русская критика!

Кто же были тѣ, которые у насъ говорили о литературѣ? Въ это время не сказалъ своихъ мнѣнiй ни Жуковскiй, ни Крыловъ, ни князь Вяземскiй, ни даже тѣ, которые еще не такъ давно издавали журналы, имѣвшiе свой голосъ и показавшiе въ статьяхъ

своихъ вкусъ и знаніе: нужно ли послѣ этого удивляться такому состоянію нашей литературы?

Отчего же не говорили сіи писатели, показавшіе въ твореніяхъ своихъ глубокое эстетическое чувство? Считали ли они для себя низкимъ спуститься на журнальную сферу, гдѣ обыкновенно бойцы всякаго рода заводятъ свой шумный бой? Мы не имѣемъ права рѣшить этого. Мы должны только замѣтить, что критика, основанная на глубокомъ вкусѣ и умѣ, критика высокаго таланта имѣетъ равное достоинство со всякимъ оригинальнымъ твореніемъ: въ ней виденъ разбираемый писатель, въ ней виденъ еще болѣе самъ разбирающій. Критика, начертанная талантомъ, переживаетъ эфемерность журнальнаго существованія. Для исторіи литературы она неоцѣнима. Наша словесность молода. Корифеевъ ея было немного; но для критика мыслящаго она представляетъ цѣлое поле, работу на цѣлые годы. Писатели наши отлились совершенно въ особенную форму и, не смотря на общую черту нашей литературы, черту подражанія, они заключаютъ въ себѣ чисто русскіе элементы: и подражаніе наше носитъ совершенно сѣверообразный характеръ, представляетъ явленіе, замѣчательное даже для европейской литературы.

Но довольно. Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы съ текущимъ годомъ болѣе показалось дѣятельности, и при большемъ количествѣ журналовъ явилось бы болѣе независимости отъ монополіи, а черезъ то болѣе соревнованія у всѣхъ соотвѣтствовать своей цѣли. По крайней мѣрѣ замѣтно какое-то утѣшительное стремленіе уже и въ томъ, что нѣкоторые журналы съ будущимъ годомъ обѣщаютъ издаваться съ бо̀льшимъ противу прежняго раченіемъ. Издатели «Сына Отечества», издатель «Телескопа» заговорили объ улучшеніяхъ. Нельзя и сомнѣваться, чтобы при большемъ стараніи не возможно было сдѣлать большаго. По крайней мѣрѣ со всѣмъ чистосердечіемъ и теплою молитвою излагаемъ желаніе наше: да наградятся старанія всѣхъ и каждаго сторицею, и чѣмъ безкорыстнѣе и добросовѣстнѣе будутъ труды его, тѣмъ болѣе да будетъ онъ почтенъ заслуженнымъ вниманіемъ и благодарностію.

II.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ЗАПИСКИ

1836 года.

(Изъ Современника 1837 года.)

1.

...Въ самомъ дѣлѣ, куда забросило русскую столицу — на край свѣта! Странный народъ русскій: была столица въ Кіевѣ— здѣсь слишкомъ тепло, мало холоду; переѣхала русская столица въ Москву — нѣтъ, и тутъ мало холода; подавай Богъ Петербургъ! Зато какая дичь между матушкою и сынкомъ! Что̀ это за виды, что̀ за природа! Воздухъ продернутъ туманомъ; на блѣдной, сѣрозеленой землѣ обгорѣлые пни, сосны, ельникъ, кочки... Хорошо еще, что стрѣлою летящее шоссе да русскія поющія и звенящія тройки духомъ пронесутъ мимо. А какая разница, какая разница между ими двумя! Она еще до сихъ поръ русская борода, а онъ уже ловкій Европеецъ. Какъ раскинулась, какъ расширилась старая Москва! Какъ сдвинулся, какъ вытянулся въ струнку щеголь-Петербургъ! Передъ нимъ со всѣхъ сторонъ зеркала: тамъ Нева, тамъ Финскій Заливъ. Ему есть куда поглядѣться. Какъ только замѣтитъ онъ на себѣ перышко, или пушокъ, ту-жъ минуту его прочь. Москва—старая домосѣдка, печетъ блины, глядитъ издали и слушаетъ разсказъ, не подымаясь съ креселъ, о томъ, что̀ дѣлается въ свѣтѣ. Петербургъ — разбитной малой, никогда не сидитъ дома, всегда одѣтъ и, охорашиваясь передъ Европою, раскланивается съ заморскимъ людомъ.

Петербургъ весь шевелится, отъ погребовъ до чердака; съ полночи начинаетъ печь французскіе хлѣбы, которые назавтра всѣ съѣстъ разноплеменный народъ, и во всю ночь, то одинъ глазъ его свѣтится, то другой; Москва ночью вся спитъ, а на другой день, перекрестившись и поклонившись на всѣ четыре стороны, выѣзжаетъ съ калачами на рынокъ. Москва женскаго рода, Петербургъ мужескаго. Въ Москвѣ всё невѣсты, въ Петербургѣ всё женихи. Петербургъ наблюдаетъ большое приличіе въ своей одеждѣ, не любитъ пестрыхъ цвѣтовъ и никакихъ рѣзкихъ и дерзкихъ отступленій отъ моды, зато Москва требуетъ, если ужъ пошло на моду, то чтобы во всей формѣ была мода: если талія длинна, то она пускаетъ ее еще длиннѣе; если отвороты фрака велики, то у ней—какъ сарайныя двери. Петербургъ—аккуратный человѣкъ, совершенный Нѣмецъ, на все глядитъ съ разсчетомъ и, прежде нежели задумаетъ дать вечеринку, посмотритъ въ карманъ; Москва — русскій дворянинъ, и если ужъ веселится, то веселится до упаду и не заботится о томъ, что уже хватаетъ больше того, сколько находится въ карманѣ: она не любитъ средины. Въ Петербургѣ всѣ журналы, какъ бы учены ни были, но всегда къ концу книжки оканчиваются картинкою модъ; московскіе рѣдко прилагаютъ картинки; если же приложатъ, то съ непривычки взглянувшій можетъ перепугаться. Московскіе журналы говорятъ о Кантѣ, Шеллингѣ и проч., и проч.; въ петербургскихъ журналахъ говорятъ только о публикѣ и благонамѣренности... Въ Москвѣ журналы идутъ на ряду съ вѣкомъ, но опаздываютъ книжками; въ Петербургѣ журналы нейдутъ наравнѣ съ вѣкомъ, но выходятъ аккуратно, въ положенное время. Въ Москвѣ литераторы проживаются, въ Петербургѣ наживаются. Москва всегда ѣдетъ завернувшись въ медвѣжью шубу и большею частію на обѣдъ; Петербургъ въ байковомъ сюртукѣ, заложивъ обѣ руки въ карманъ, летитъ во всю прыть на биржу, или «въ должность». Москва гуляетъ до четырехъ часовъ ночи и на другой день не подымется съ постели раньше второго часу; Петербургъ тоже гуляетъ до четырехъ часовъ, но на другой день, какъ ни въ чемъ не бывалъ, въ девять часовъ спѣшитъ, въ своемъ байковомъ сюртукѣ, въ присутствіе. Въ Москву тащится Русь съ деньгами въ карманѣ и возвра-

щается налегкѣ; въ Петербургъ ѣдутъ люди безденежные и разъѣзжаются во всѣ стороны свѣта съ изряднымъ капиталомъ. Въ Москву тащится Русь въ зимнихъ кибиткахъ по зимнимъ ухабамъ сбывать и закупать; въ Петербургъ идетъ русскій народъ пѣшкомъ лѣтнею порою строить и работать. Москва—кладовая, она наваливаетъ тюки да вьюки, на маленькаго продавца и смотрѣть не хочетъ; Петербургъ весь расточился по кусочкамъ, раздѣлился, разложился на лавочки и магазины, и ловитъ мелкихъ покупщиковъ. Москва говоритъ: «Коли нужно покупщику, сыщетъ»; Петербургъ суетъ вывѣску подъ самый носъ, подкапывается подъ вашъ полъ съ *Ренскимъ погребомъ* и ставитъ извощичью биржу въ самыя двери вашего дома. Москва не глядитъ на своихъ жителей, а шлетъ товары во всю Русь; Петербургъ продаетъ галстухи и перчатки своимъ чиновникамъ. Москва — большой гостинный дворъ; Петербургъ—свѣтлый магазинъ. Москва нужна для Россіи; для Петербурга нужна Россія. Въ Москвѣ рѣдко встрѣтишь гербовую пуговицу на фракѣ; въ Петербургѣ нѣтъ фрака безъ гербовыхъ пуговицъ. Петербургъ любитъ подтрунить надъ Москвою, надъ ея неловкостью и безвкусіемъ; Москва кольнетъ Петербургъ тѣмъ, что онъ не умѣетъ говорить по-русски. Въ Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, гуляютъ въ два часа люди, какъ-будто сошедшіе съ журнальныхъ модныхъ картинокъ, выставляемыхъ въ окна, даже старухи съ такими узенькими таліями, что дѣлается смѣшно; на гуляньяхъ въ Москвѣ всегда попадется, въ самой серединѣ модной толпы, какая-нибудь матушка съ платкомъ на головѣ и уже совершенно безъ всякой таліи. Сказалъ бы еще кое-что, но—

„Дистанція огромнаго размѣра!..„

II.

Трудно схватить общее выраженіе Петербурга. Есть что-то похожее на европейско-американскую колонію: такъ же мало коренной національности и такъ же много иностраннаго смѣшенія, еще неслившагося въ плотную массу. Сколько въ немъ разныхъ націй, столько и разныхъ слоевъ обществъ. Эти общества совершенно

отдѣльны: аристократы, служащіе чиновники, ремесленники, Англичане, Нѣмцы, купцы — всѣ составляютъ совершенно отдѣльные круги, рѣдко сливающіеся между собою, больше живущіе, веселящіеся невидимо для другихъ.

И каждый изъ этихъ классовъ, если присмотрѣться ближе, составленъ изъ множества другихъ маленькихъ кружковъ, тоже неслитыхъ между собой. Напримѣръ, возьмите чиновниковъ. Молоденькіе помощники столоначальниковъ составляютъ свой кругъ, въ который ни за что̀ не опустится начальникъ отдѣленія. Столоначальникъ, съ своей стороны, подымаетъ свою прическу нѣсколько повыше въ присутствіи канцелярскаго чиновника. Нѣмцы-мастеровые и Нѣмцы-служащіе тоже составляютъ два отдѣльные круга. Учителя́ составляютъ свой кругъ, актеры свой кругъ; даже литераторъ, являющійся до сихъ поръ двусмысленнымъ и сомнительнымъ лицомъ, стоитъ совершенно отдѣльно. Словомъ, какъ-будто бы пріѣхалъ въ трактиръ огромный дилижансъ, въ которомъ каждый пассажиръ сидѣлъ во всю дорогу закрывшись и вошелъ въ общую залу потому только, что не было другого мѣста. Попытка на заведеніе публичныхъ обществъ доселѣ не имѣетъ успѣха. Въ клубъ петербургскій житель идетъ для того только, чтобы пообѣдать, а не провесть время. Что Петербургъ не сдѣлался до сихъ поръ гостинницею, этому виною какая-то внутренняя стихія русскаго человѣка, до сихъ поръ глядящая оригинальностію даже въ вѣчной шлифовкѣ съ иностранцами. Чтобы говорить о каждомъ изъ этихъ круговъ и замѣтить жизнь, текущую между нихъ съ ея веселостями, наслажденіями, надеждами, печалями, нужно быть однимъ изъ тѣхъ, которые вовсе ничего не пишутъ, потому что у этихъ господъ, въ награду за ихъ дѣятельность, рѣшительно нѣтъ времени. Итакъ мимо балы и вечеринки! Обращусь къ тѣмъ увеселеніямъ, послѣ которыхъ долѣе остается воспоминаніе и которыя пріемлются всѣми классами. Театръ, концертъ—вотъ тѣ пункты, гдѣ сталкиваются классы петербургскихъ обществъ и имѣютъ время вдоволь насмотрѣться другъ на друга. Балетъ и опера—царь и царица петербургскаго театра. Они явились блестящѣе, шумнѣе, восторженнѣе прежнихъ годовъ, и упоенные зрители позабыли, что существуетъ величавая трагедія,

вдыхающая невольно высокія ощущенія въ согласныя сердца сей безмолвно слушающей толпы, что есть комедія, вѣрный списокъ общества, движущагося предъ нами, комедія, строго обдуманная, производящая глубокостью своей ироніи смѣхъ, не тотъ смѣхъ, который порождается легкими впечатлѣніями, бѣглою остротою каламбуромъ, не тотъ также смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для котораго нужны конвульсіи и каррикатурныя гримасы природы; но тотъ электрическій, живительный смѣхъ, который исторгается невольно, свободно и неожиданно, прямо отъ души, пораженной ослѣпительнымъ блескомъ ума, рождается изъ спокойнаго наслажденія и производится только высокимъ умомъ. Зрители правы, что были упоены балетомъ и оперой... На драматической сценѣ являлись мелодрама и водевиль, заѣзжіе гости, которые были хозяевами во французскомъ театрѣ, а на русскомъ играли чрезвычайно странную роль. Уже давно признано, что русскіе актеры нѣсколько странны, когда представляютъ маркизовъ, виконтовъ и бароновъ, какъ, вѣроятно, были бы смѣшны Французы, вздумавъ поддѣлаться подъ русскихъ мужиковъ; а сцены баловъ, вечеровъ и модныхъ раутовъ, являющихся въ русскихъ пьесахъ, каковы онѣ? А водевили?.. Давно уже пролѣзли водевили на русскую сцену, тѣшатъ народъ средней руки, благо смѣшливъ. Кто бы могъ думать, что водевиль будетъ не только переводный на русской сценѣ, но даже и ориганальный? Русскій водевиль! право, немножко странно, странно, потому что эта легкая, безцвѣтная игрушка могла родиться только у Французовъ, націи, неимѣющей въ характерѣ своемъ глубокой, неподвижной физіономіи; но когда Русскій, еще нѣсколько суровый, тяжелый характеръ заставляютъ вертѣться петиметромъ... мнѣ такъ и представляется, что нашъ тучный и смѣтливый купецъ съ широкою бородою, не знавши на ногѣ своей ничего другого, кромѣ тяжелаго сапога, надѣлъ вмѣсто него узенькой башмачокъ и чулки à jour, а другую ногу свою оставилъ просто въ сапогѣ и сталъ такимъ образомъ въ первую пару во французскомъ кадрилѣ.

Уже лѣтъ пять, какъ мелодрамы и водевили завладѣли театрами всего свѣта. Какое обезьянство! Даже Нѣмцы... ну, кто бы могъ подумать, что Нѣмцы, этотъ основательный, этотъ склонный къ

глубокому эстетическому наслажденію народъ, Нѣмцы теперь играютъ и пишутъ водевили, передѣлываютъ и клеятъ надутыя и холодныя мелодрамы! И пусть бы еще повѣтріе это занесено было могуществомъ мановенія генія! Когда весь міръ ладилъ подъ лиру Байрона, это не было смѣшно; въ этомъ стремленіи было даже что-то утѣшительное. Но Дюма, Дюканжъ и другіе стали всемірными законодателями!... Клянуся, XIX вѣкъ будетъ стыдиться за эти пять лѣтъ! О Мольеръ, великій Мольеръ! ты который такъ обширно и въ такой полнотѣ развивалъ свои характеры, такъ глубоко слѣдилъ всѣ тѣни ихъ, ты, строгій, осмотрительный Лессингъ, и ты, благородный, пламенный Шиллеръ, въ такомъ поэтическомъ свѣтѣ выказавшій достоинство человѣка! взгляните, что̀ дѣлается послѣ васъ на нашей сценѣ; посмотрите, какое странное чудовище, подъ видомъ мелодрамы, забралось между насъ! Гдѣ же жизнь наша? гдѣ мы со всѣми современными страстями и странностями? Хотя бы какое-нибудь отраженіе ея видѣли мы въ нашей мелодрамѣ! Но лжетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ наша мелодрама...

Непостижимое явленіе: то, что̀ вседневно окружаетъ насъ, что̀ неразлучно съ нами, что̀ обыкновенно, то можетъ замѣчать одинъ только глубокій, великій, необыкновенный талантъ. Но то, что̀ случается рѣдко, что̀ составляетъ исключенія, что̀ останавливаетъ насъ своимъ безобразіемъ, нестройностію среди стройности, за то схватывается обѣими руками посредственность. И вотъ жизнь глубокаго таланта течетъ во всемъ своемъ разливѣ, со всею стройностью, чистая какъ зеркало, отражая съ одинаковою ясностію и темныя, и свѣтлыя облака: у посредственности она влечется мутною и грязною волною, не отражая ни яснаго, ни темнаго.

Странное сдѣлалось сюжетомъ нынѣшней драмы. Все дѣло въ томъ, чтобы разсказать какое-нибудь происшествіе, непремѣнно новое, непремѣнно странное, дотолѣ неслыханное и невиданное: убійство, пожары, самыя дикія страсти, которыхъ нѣтъ и въ поминѣ въ теперешнихъ обществахъ! Какъ-будто въ наши европейскіе фраки переодѣлися сыны палящей Африки; палачи, яды эффектъ, вѣчный эффектъ, и ни одно лицо не возбуждаетъ никакого участія! Никогда еще не выходилъ изъ театра зритель раз-

троганный, въ слезахъ; напротивъ того, въ какомъ-то тревожномъ состоянiи торопливо садился онъ въ карету и долго не могъ собрать и сообразить своихъ мыслей. И среди нашего утонченнаго, образованнаго общества такой родъ зрѣлища! Невольно передвигаются передъ глазами тѣ кровавыя ристалища, на которыя собирался смотрѣть весь Римъ въ эпоху величайшаго владычества своего и притупленнаго пресыщенiя. Но, слава Богу, мы еще не Римляне и не на закатѣ существованiя, но только на зарѣ его! Если собрать всѣ мелодрамы, какiя были даны въ наше время, то можно подумать, что это кунсткамера, въ которую нарочно собраны уродливости и ошибки природы, или лучше—календарь, въ которомъ записаны съ календарною холодностiю всѣ странныя происшествiя, гдѣ противъ каждаго числа выставлено: сегодня было въ такомъ-то мѣстѣ такое-то мошенничество; сегодня отрубили головы такимъ-то разбойникамъ и зажигателямъ; такой-то ремесленникъ зарѣзалъ тогда-то жену свою... и тому подобное. Я воображаю, въ какомъ странномъ недоумѣнiи будетъ потомокъ нашъ, вздумающiй искать нашего общества въ нашихъ мелодрамахъ.

Не удивительно, что балетъ и опера утѣшительнѣе и служатъ отдохновенiемъ: въ нихъ наслажденiе спокойно. Опера принимается у насъ очень жадно. До сихъ поръ не прошелъ тотъ энтузiазмъ, съ какимъ бросился весь Петербургъ на живую, яркую музыку «Фенеллы», на дикую, проникнутую адскимъ наслажденiемъ музыку «Роберта.» — «Семирамида», на которую за пять лѣтъ предъ симъ равнодушно глядѣла публика, «Семирамида» въ нынѣшнее время, когда музыка Россини почти анахронизмъ, приводитъ въ совершенный восторгъ ту же самую публику. Объ энтузiазмѣ, произведенномъ оперою «Жизнь за Царя», и говорить нечего: онъ понятенъ и извѣстенъ уже цѣлой Россiи. Объ этой оперѣ надобно говорить много, или ничего не говорить.

А я не люблю говорить ни о музыкѣ, ни о пѣнiи. Мнѣ кажется, что всѣ музыкальные трактаты и рецензiи должны быть скучны для самихъ музыкантовъ: въ музыкѣ огромнѣйшая часть ея невыразима и безотчетна. Музыкальныя страсти—не житейскiя страсти; музыка иногда только выражаетъ, или лучше сказать—поддѣлывается подъ голосъ нашихъ страстей, для того, чтобы

опершись на нихъ, устремиться брыжжущимъ и поющимъ фонтаномъ другихъ страстей въ другую сферу. Замѣчу только, что меломанія болѣе и болѣе распространяется. Люди такіе, которыхъ никто не подозрѣвалъ въ музыкальномъ образѣ мыслей, сидятъ неотлучно въ «Жизни за Царя», «Робертѣ», «Нормѣ», «Фенеллѣ» и «Семирамидѣ». Оперы даются почти два раза каждую недѣлю, выдерживаютъ несчетное множество представлнпій, и всё таки иногда трудно достать билетъ. Ужъ не наша ли славянская пѣвучая природа такъ дѣйствуетъ? И не есть ли это возвратъ къ нашей старинѣ послѣ путешествія по чужой землѣ европейскаго просвѣщенія, гдѣ около насъ говорили всё непонятнымъ языкомъ и мелькали всё незнакомые люди, возвратъ на русской тройкѣ, съ заливающимся колокольчикомъ, съ которымъ мы, приставъ на бѣгу и помахивая шляпой, говоримъ: «Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше!»

Какую оперу можно составить изъ нашихъ національнихъ мотивовъ! Покажите мнѣ народъ, у котораго бы больше было пѣсенъ. Наша Украина звенитъ пѣснями. По Волгѣ, отъ верховья до моря, на всей вереницѣ влекущихся барокъ, заливаются бурлацкія пѣсни. Подъ пѣсни рубятся изъ сосновыхъ бревенъ избы по всей Руси. Подъ пѣсни мечутся изъ рукъ въ руки кирпичи, и какъ грибы выростаютъ города. Подъ пѣсни бабъ пеленается, женится и хоронится русскій человѣкъ. Все дорожное, дворянство и недворянство, летитъ подъ пѣсни ямщиковъ. У Чернаго моря безбородый, смуглый, съ смолистыми усами, заряжая пищалъ свою, поетъ старинную пѣсню; а тамъ, на другомъ концѣ, верьхомъ на плывущей льдинѣ, русскій промышленникъ бьетъ острогой кита, затягивая пѣсню. У насъ ли не изъ чего составить своей оперы? Опера Глинки есть только прекрасное начало. Онъ счастливо умѣлъ слить въ своемъ твореніи двѣ славянскія музыки; слышишь, гдѣ говоритъ русскій и гдѣ полякъ: у одного дышетъ раздольный мотивъ русской пѣсни, у другого опрометчивый мотивъ польской мазурки.

Петербургскіе балеты блестятъ. Кстати о балетахъ вообще. Постановка балетовъ въ Парижѣ, Петербургѣ и Берлинѣ ушла очень далеко; но надо замѣтить, что совершенствуется въ нихъ только богатство костюмовъ и богатство декорацій; самая же

сущность балета, изобрѣтеніе его, нейдетъ въ рядъ съ его постановкой; балетные композиторы очень мало новаго показываютъ въ танцахъ. До сихъ поръ мало характерности. Посмотрите, народные танцы являются въ разныхъ углахъ міра: Испанецъ пляшетъ не такъ, какъ Швейцарецъ, Шотландецъ, какъ теньеровскій Нѣмецъ, Русскій не такъ, какъ Французъ, какъ Азіятецъ. Даже въ провинціяхъ одного и того же государства измѣняется танецъ. Сѣверный Руссъ не такъ пляшетъ, какъ Малороссіянинъ, какъ Славянинъ южный, какъ Полякъ, какъ Финнъ: у одного танецъ говорящій, у другого безчувственный; у одного бѣшенный, разгульный, у другого спокойный; у одного напряженный, тяжелый, у другого легкій, воздушный. Откуда родилось такое разнообразіе танцевъ? Оно родилось изъ характера народа, его жизни и образа занятій. Народъ, проведшій горделивую и бранную жизнь, выражаетъ ту же гордость въ своемъ танцѣ; у народа безпечнаго и вольнаго та же безграничная воля и поэтическое самозабвеніе отражаются въ танцахъ; народъ климата пламеннаго оставилъ въ своемъ національномъ танцѣ ту же нѣгу, страсть и ревность. Руководствуясь тонкою разборчивостію, творецъ балета можетъ брать изъ нихъ, сколько хочетъ, для опредѣленія характеровъ пляшущихъ своихъ героевъ. Само собою разумѣется, что, схвативши въ нихъ первую стихію, онъ можетъ развить ее и улетѣть несравненно выше своего оригинала, какъ музыкальный геній изъ простой, услышанной на улицѣ пѣсни создаетъ цѣлую поэму. По крайней мѣрѣ танцы будутъ имѣть тогда болѣе смысла, и такимъ образомъ можетъ болѣе разнообразиться этотъ легкій, воздушный и пламенный языкъ, доселѣ еще нѣсколько стѣсненный и сжатый.

Петербургъ — большой охотникъ до театра. Если вы будете гулять по Невскому проспекту въ свѣжее морозное утро, во время котораго небо золотисто-розоваго цвѣта перемежается сквозными облаками подымающагося изъ трубъ дыма, зайдите въ это время въ сѣни Александринскаго театра: вы будете поражены упорнымъ терпѣніемъ, съ которымъ собравшійся народъ осаждяетъ грудью раздавателя билетовъ, высовывающаго одну руку свою изъ окошка. Сколько толпится тамъ лакеевъ всякаго рода, начиная отъ того, который пришелъ въ сѣрой шинели и въ шелковомъ цвѣтномъ

галстукѣ, но безъ шапки, до того, у котораго трехъэтажный воротникъ ливрейной шинели похожъ на пеструю суконную бабочку для вытиранія перьевъ. Тутъ протираются и тѣ чиновники, которымъ чистятъ сапоги кухарки и которымъ некого послать за билетомъ. Тутъ увидите, какъ прямо русскій герой, потерявъ наконецъ терпѣніе, доходитъ, къ необыкновенному изумленію, по плечамъ всей толпы къ окошку и получаетъ билетъ. Тогда только вы узна́ете, въ какой степени видна у насъ любовь къ театру. И что̀ же дается на нашихъ театрахъ? какіе-нибудь мелодрамы и водевили!... Сердитъ я на мелодрамы и водевили.

Положеніе русскихъ актеровъ жалко. Передъ ними трепещетъ и кипитъ свѣжее народонаселеніе, а имъ даютъ лица, которыхъ они и въ глаза не видали. Что̀ имъ дѣлать съ этими странными героями, которые ни Французы, ни Нѣмцы, но какіе-то взбалмошные люди, неимѣющіе рѣшительно никакой опредѣленной страсти и рѣзкой физіономіи? гдѣ выказаться? на чемъ развиться таланту? Ради Бога, дайте намъ русскихъ характеровъ, насъ самихъ дайте намъ, нашихъ плутовъ, нашихъ чудаковъ! на сцену ихъ, на смѣхъ всѣмъ! Смѣхъ—великое дѣло: онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія, но передъ нимъ виновный — какъ связанный заяцъ... Мы такъ приглядѣлись къ французскимъ безцвѣтнымъ піесамъ, что намъ уже боязливо видѣть свое. Если намъ представятъ какой-нибудь живой характеръ, то мы уже думаемъ: *не личность ли это?* потому что представляемое лицо совсѣмъ непохоже на какого-нибудь пейзана, тетральнаго тирана, ринмоплета, судью и тому подобныя обношенныя лица, которыхъ таскаютъ беззубые авторы въ свои піесы, какъ таскаютъ на сцену вѣчныхъ фигурантовъ, отплясывающихъ предъ зрителями, съ тою же улыбкою, свое лихо вытверженное, въ продолженіе сорока лѣтъ, па. Если, напримѣръ, сказать, что въ одномъ городѣ одинъ надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія, то всѣ надворные совѣтники обидятся, а иной, совершенно другой совѣтникъ даже скажетъ: «Какъ же это? у меня есть родственникъ надворный совѣтникъ, прекрасный человѣкъ! какъ же можно сказать, что есть надворный совѣтникъ нетрезваго поведенія!» Какъ-будто одинъ можетъ порочить все сословіе! И такая раздражительность у насъ

рѣшительно распространена на всѣ классы. Нужны ли примѣры? Вспомните «Ревизора»...

Досадно. Право пора знать уже, что одно только вѣрное изображеніе характеровъ не въ общихъ вытверженныхъ чертахъ, но въ ихъ національно вылившейся формѣ, поражающей насъ живостью, такъ что мы говоримъ: «Да это, кажется, знакомый человѣкъ», только такое изображеніе приноситъ существенную пользу. Изъ театра мы сдѣлали игрушку въ родѣ тѣхъ побрякушекъ, которыми заманиваютъ дѣтей, позабывши, что это такая каѳедра, съ которой читается разомъ цѣлой толпѣ живой урокъ, гдѣ, при торжественномъ блескѣ освѣщенія, при громѣ музыки, при единодушномъ смѣхѣ, показывается знакомый, прячущійся порокъ и, при тайномъ голосѣ всеобщаго участія, выставляется знакомое, робко скрывающееся возвышенное чувство.....

Но довольно о театрѣ. Я заговорился о немъ. Его зимній карнавалъ замыкаетъ шумная недѣля Петербурга, когда онъ одною половиною своего народонаселенія летаетъ на качеляхъ, мчится какъ вихорь съ ледяныхъ горъ, а другою превращается въ длинную цѣпь каретъ и едва движется, равняемый жандармами, когда спектакли даются и днемъ, и вечеромъ, и вся Адмиралтейская площадь засѣяна скорлупами орѣховъ...

Спокоенъ и грозенъ Великій постъ. Кажется, слышенъ голосъ: «Стой, Христіянинъ; оглянись на жизнь свою.» На улицахъ пусто. Каретъ нѣтъ. Въ лицѣ прохожаго видно размышленіе. Я люблю тебя, время думы и молитвы! Свободнѣе, обдуманнѣе потекутъ мои мысли. Весь пустой и ничтожный народъ, вѣрно, пролежитъ заспанный и утомленный, и позабудетъ зайти потревожить меня пошлымъ разговоромъ о вистѣ, о литературѣ, о наградахъ, о театрѣ.

Постъ въ Петербургѣ есть праздникъ музыкантовъ. Въ это время они съѣзжаются изъ разныхъ сторонъ Европы. Огромный концертъ въ пользу инвалидовъ всегда бываетъ величественъ: четыреста музыкантовъ! это что-то могущественное. Когда согласный ропотъ четырехъ-сотъ звуковъ раздается подъ дрожащими сводами, тогда, мнѣ кажется, самая мелкая душа слушателя должна вздрогнуть необыкновеннымъ содроганіемъ.

Въ продолженіе поста въ петербургскую атмосферу заглядываетъ солнце. Западная сторона съ моря дѣлается яснѣе. Сѣверъ глядитъ съ меньшею суровостью изъ своей Выборгской стороны. Экипажи чаще останавливаются на улицѣ и высаживаютъ на тротуаръ гуляющихъ. Съ 1836 года Невскій проспектъ, этотъ шумный, вѣчно шевелящійся, хлопотливый и толкающій Невскій проспектъ упалъ совершенно: гулянье перенесено на Англійскую набережную. Покойный Императоръ любилъ англійскую набережную. Она точно прекрасна. Но тогда только, когда начались гулянья, замѣтилъ я, она немного коротка. Но гуляющіе все въ выигрышѣ, потому что половину Невскаго проспекта всегда почти занималъ народъ мастеровой и должностной, и оттого на немъ можно было получить толчковъ цѣлою третью больше, нежели гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ....

Къ чему такъ быстро летитъ ничѣмъ незамѣнимое наше время? кто его кличетъ къ себѣ? Великій постъ... какой спокойный, какой уединенный его отрывокъ? Чего нельзя сдѣлать въ эти семь недѣль? Теперь наконецъ займусь я основательно трудомъ своимъ. Теперь совершу я наконецъ то, чего не дали совершить мнѣ шумъ и всеобщее волненіе. Но вотъ уже на исходѣ первая недѣля! не успѣлъ начать я, уже летитъ за нею вторая, уже средина третьей, уже четвертая, уже ярмарка въ гостинномъ дворѣ, и цѣлая галлерея вербъ съ восковыми фруктами и цвѣтами зацвѣла подъ темными его арками. Когда я проходилъ мимо этой пестрой аллеи, подъ тѣнью которой были навалены топорныя дѣтскія игрушки, мнѣ сдѣлалось досадно. Я сердился и на краснощекихъ нянекъ, шатавшихся толпами, и на дѣтей, радостно останавливавшихся передъ кучами пріятнаго для нихъ сора, и на черномазаго, приземистаго и усатаго Грека, титуловавшаго себя молдаванскимъ кондитеромъ, съ его сомнительными и неопредѣленными вареньями. Лежавшія на столикахъ сапожныя щетки, оловянныя обезьянки, ножи и вилки, пряники, маленькія зеркальца мнѣ казались противны. Народъ все такъ же пестрится, тѣснится; тѣ же чувства выражаются на лицѣ его; съ тѣмъ же любопытствомъ глядитъ онъ, съ какимъ глядѣлъ и годъ тому назадъ, два и три, и нѣсколько лѣтъ; а

я и каждый человѣкъ изъ этого народа уже не тотъ, уже другія въ немъ чувства, нежели были за годъ предъ симъ, уже суровѣе мысли его, менѣе улыбается на устахъ душа его, и что-нибудь да отпадаетъ съ каждымъ днемъ отъ прежней его живости!

Нева вскрылась рано. Льды, не тревоженные вѣтрами, успѣли истаять почти до вскрытія, неслись уже рыхлые и разваливались сами собою. Ладожское озеро выслало и свои почти въ одно время. Столица вдругъ измѣнилась. И шпицъ Петропавловской колокольни, и крѣпость, и Васильевскій островъ, и Выборгская сторона, и Англійская набережная—все получило картинный видъ. Дымясь влетѣлъ первый пароходъ. Первыя лодки съ чиновниками, солдатами, старухами няньками, англійскими конторщиками понеслись съ Васильевскаго и на Васильевскій. Давно не помню я такой тихой и свѣтлой погоды. Когда взошелъ я на Адмиралтейскій бульваръ — это было наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія вечеромъ—когда Адмиралтейскимъ бульваромъ достигъ я пристани, передъ которою блестятъ двѣ яшмовыя вазы, когда открылась передо мною Нева, когда розовый цвѣтъ неба дымился съ Выборгской стороны голубымъ туманомъ, строенія стороны Петербургской одѣлись почти лиловымъ цвѣтомъ, скрывшимъ ихъ неказистую наружность, когда церкви, у которыхъ туманъ одноцвѣтнымъ покровомъ своимъ скрылъ всѣ выпуклости, казались нарисованными или наклеенными на розовой матеріи, и въ этой лилово-голубой мглѣ блестѣлъ одинъ только шпицъ Петропавловской колокольни, отражаясь въ безконечномъ зеркалѣ Невы, — мнѣ казалось, будто я былъ не въ Петербургѣ: мнѣ казалось, будто я переѣхалъ въ какой-нибудь другой городъ, гдѣ уже я бывалъ, гдѣ все знаю, и гдѣ то, чего нѣтъ въ Петербургѣ.... Вонъ и знакомый гребецъ, съ которымъ я не видался болѣе полугода, болтается съ своимъ яликомъ у берега, и знакомыя раздаются рѣчи, и вода, и лѣто, которыхъ не было въ Петербургѣ.

Сильно люблю весну. Даже здѣсь, на этомъ дикомъ сѣверѣ, она моя. Мнѣ кажется, никто въ мірѣ не любитъ ее такъ, какъ я. Съ нею приходитъ ко мнѣ моя юность; съ ней мое прошедшее — болѣе чѣмъ воспоминаніе: оно передъ моими глазами и готово брызнуть слезою изъ моихъ глазъ. Я такъ былъ упоенъ ясными, свѣт-

лыми днями Христова Воскресенья, что не замѣчалъ вовсе огромной ярмарки на Адмиралтейской площади. Видѣлъ только издали, какъ качели уносили на воздухъ какого-то молодца, сидѣвшаго объ руку съ какой-то дамой въ щегольской шляпкѣ; мелькнула въ глаза вывѣска на угольномъ балаганѣ, на которомъ нарисованъ былъ пребольшой рыжій чортъ съ топоромъ въ рукѣ. Больше я ничего не видѣлъ.

Свѣтлымъ Воскресеньемъ, кажется, какъ-будто оканчивается столица. Кажется, что все, что ни видимъ на улицѣ, укладывается въ дорогу. Спектакли, балы, послѣ Свѣтлаго Воскресенья, больше ничего, какъ оставшіеся хвосты отъ тѣхъ, которые были передъ Великимъ постомъ, или лучше сказать — гости, которые расходятся позже другихъ и проговариваютъ у камина еще нѣсколько словъ, прикрывая одною рукою зѣвающій ротъ свой. Городъ весь высушился, тротуары сухи. Петербургскіе джентльменты, въ однихъ сюртучкахъ, съ разными палками; вмѣсто громоздкой кареты, несутся по паркетной мостовой полуколяски и фаэтоны. Книги читаются лѣнивѣе. Уже въ окна магазиновъ, вмѣсто шерстяныхъ чулковъ, глядятъ кое-гдѣ лѣтніе фуражки и хлыстики. Словомъ, Петербургъ во весь апрѣль мѣсяцъ кажется на подлетѣ. Весело презрѣть сидячую жизнь и постоянство, и помышлять о дальней дорогѣ подъ другія небеса, въ южныя зеленыя рощи, въ страны новаго и свѣжаго воздуха. Весело тому, у кого въ концѣ петербургской улицы рисуются поднебесныя горы Кавказа, или озера Швейцаріи, или увѣнчанная анемономъ и лавромъ Италія, или прекрасная и въ пустынности своей Греція.... Но стой, мысль моя: еще съ обѣихъ сторонъ около меня громоздятся петербургскіе домы....

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

АРАБЕСКИ, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

	Стр.
Скульптура, живопись и музыка	5
О среднихъ вѣкахъ	10
Глава изъ историческаго романа	23
О преподаваніи всеобщей исторіи	34
Портретъ, повѣсть (въ первоначальномъ видѣ)	49
Взглядъ на составленіе Малороссіи	92
Нѣсколько словъ о Пушкинѣ	103
Объ архитектурѣ нынѣшняго времени	110
Ал-Манунъ, историческая характеристика	131

АРАБЕСКИ, ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Жизнь	141
Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ	144
Невскій проспектъ, повѣсть	150
О Малороссійскихъ пѣсняхъ	187
Мысли о Географіи	195
Послѣдній день Помпеи	204
Плѣнникъ, отрывокъ изъ историческаго романа	212
О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка	218
Записки сумасшедшаго	246

Журнальныя статьи, приложенія къ Арабескамъ:
I. О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году 569
II. Петербургскія записки 1836 года 591

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

КОМЕДІИ.

Ревизоръ . 269
Приложеніе къ комедіи Ревизоръ:
I. Отрывокъ изъ письма, написаннаго авторомъ вскорѣ послѣ перваго представленія «Ревизора» къ одному литератору 359
II. Двѣ сцены, выключенныя, какъ замедлявшія теченіе піесы 365
III. Развязка Ревизора 369
Женитьба, совершенно невѣроятное событіе 382

ОТРЫВКИ И ОТДѢЛЬНЫЯ СЦЕНЫ.

Игроки . 439
Утро дѣлового человѣка 478
Тяжба . 485
Лакейская . 492
Отрывокъ . 499
Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи . 512
Альфредъ, начало трагедіи изъ англійской исторіи 547

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Gogol, Nikolaj Vasilevič

Polnoe sobranie sočinenij N. V. Gogolja [Vollständig.]

Bd.: 2

Moskva 1862

P.o.russ. 29 b-2
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610026-5